

ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

3

2023

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 года

2023

Том 29

№ 3

Июль – Сентябрь

VESTNIK
OF KOSTROMA
STATE
UNIVERSITY

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL

Appears since 1995

2023

Volume 29

№ 3

July – September

**ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ
РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ (ПЕРЕЧЕНЬ ВАК),
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
ДИССЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК,
ПО СЛЕДУЮЩИМ ГРУППАМ НАУЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ:
5.1. ПРАВО; 5.6. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ; 5.9. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.**

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ) С 2003 ГОДА

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

ГОРЛОВА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА
Костромской государственный университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственный университет

БЕРЕЗОВИЧ ЕЛЕНА ЛЬВОВНА

доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Институт русского языка им. В.В.Виноградова (г. Москва)
Уральский государственный университет (г. Екатеринбург)

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва), Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова

ВИШНЕВСКАЯ ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА

доктор филологических наук, профессор, действительный
член Российской Академии Естествознания (академик),
Ивановский государственный университет

ГАНЦОВСКАЯ НИНА СЕМЕНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ГЛАДКОВ АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт Всеобщей истории РАН

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор, Московский педа-
гогический государственный университет (г. Москва)

ЕРМАКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет (г. Тобольск)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Kostroma State University

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Doctor of Philology, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

EXECUTIVE SECRETARY

TATYANA VLADIMIROVNA GORLOVA
Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kostroma State University

ELENA L'VOVNA BEREZOVICH

Doctor of Philological Sciences, Professor,
leading scientific associate
Vinogradov Russian Language Institute (Moscow)
State University of the Urals (Yekaterinburg)

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Russian Natural Sciences Academy corresponding member,
chairman of scientific council of Russian Academy of Sciences
on the issues of Russian and world economics (Moscow),
Lomonosov Moscow State University

GALINA MIKHAILOVNA VISHNEVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Full Member of Russian
Academy of Natural History (academician),
Ivanovo State University

NINA SEMYONOVNA GANTSOVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ALEKSANDR KONSTANTINOVICH GLADKOV

Candidate of Historical Sciences, senior staff scientist,
Universal History Institute of the Russian Academy of Sciences

OLEG VIKTOROVICH DEFYE

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

ELENA NIKOLAEVNA ERMAKOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Tobolsk State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA

Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

КАТЕРМИНА ВЕРОНИКА ВИКТОРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, Ярославский государственный педагогиче-
ский университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КРЮКОВА ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет (г. Волгоград)

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, кандидат философских наук,
профессор, ведущий научный сотрудник
Российский государственный гуманитарный университет,
Московский государственный университет

МЫЗНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор,
директор Гуманитарного института,
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

ПОЛУБОЯРИНОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой истории зарубежных литератур,
Санкт-Петербургский государственный университет

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

VERONIKA VIKTOROVNA KATERMINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kuban State University (Krasnodar)

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPTELOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

IRINA VASIL'EVNA KRYUKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Volgograd State
Socio-Pedagogical University (Volgograd)

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

ALEKSANDR VIKTOROVICH MARKOV
Doctor of Philology, Candidate of Philosophic Sciences,
Professor, leading researcher,
Russian State University for the Humanities,
Lomonosov Moscow State University

SERGEY ALEKSEEVICH MYZNIKOV
Doctor of Philological Sciences, principal scientific associat,
head of Dictionary division,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
A.G. and N.G. Stoletovs
Vladimir State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

LARISA NIKOLAYEVNA POLUBOYARINOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of History of Foreign Literature,
Saint Petersburg State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

ПОПОВА ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ.,
Почетный работник сферы образования РФ,
действительный член Российской Академии
Естествознания (академик), Военный университет
Министерства обороны Российской Федерации (г. Москва)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет

ФОКИНА МАДИНА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
ведущий научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник отдела классических литератур
Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

ЩЕРБАК АНТОНИНА СЕМЁНОВНА
доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой
русского языка, Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина (г. Тамбов)

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права, Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

TATIANA GEORGIYEVNA POPOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation,
honorary educationalist of education of the Russian Federation,
Russian Natural Sciences Academy full member (academician)
Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Lobachevsky Nizhny Novgorod
State University

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Leo Tolstoy Tula
State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

IRINA YURIEVNA TRET'YAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

MADINA ALEKSANDROVNA FOKINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA), leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
Chief Researcher of the Department of Western Classic
Literature and Comparative Litera Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

SHCHERBAK ANTONINA SEMYONOVNA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of Russian Language,
Derzhavin Tambov State University (Tambov)

EDITORIAL BOARD FOREIGN STAFF

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law, University of Economy for the Bulgarian Nation
and World, Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 7 **Осмаченко М.В.**
Царь Иван Алексеевич и его окружение
- 16 **Вербовой А.О.**
Речные военные флотилии
в Отечественной войне 1812 года
- 21 **Ковров Т.А., Околотин В.С.**
Из истории экономического обоснования и открытия
отделения Государственного банка в г. Кинешме
в начале XX века
- 29 **Моисеев А.Н.**
Опыт подготовки боевых резервов полевых частей
Красной армии в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.)
- 35 **Ильин Ю.А., Комолов Д.Е.**
Текстильная промышленность Верхнего Поволжья
в августе 1921 – апреле 1923 г.: организационное становление
и развитие форм управления предприятиями
(на материалах Иваново-Вознесенской, Владимирской
и Ярославской губерний)
- 43 **Зверев К.А.**
Утверждение новой государственной символики
в Прибалтийских республиках: флаг и герб
- 50 **Полугодин А.Д.**
Калужская городская управа в период немецко-фашистской
оккупации (октябрь – декабрь 1941 года): тенденции
взаимоотношений с германской оккупационной
властью (по материалам ГАКО¹)
- 62 **Ваганов М.С.**
Деятельность отделов Всероссийской лиги для борьбы
с туберкулезом в Костромской губернии 1911–1918 гг.
- 68 **Замалиева З.И., Нестеренко Е.И.**
Правовое положение женщин в тангутском обществе
(по материалам тангутского кодекса)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 74 Усадьба и дача в литературе XIX–XXI вв.:
горизонты изучения
- 76 **Богданова О.А.**
Эволюция семантики «дачного текста»
в русской литературе XIX–XXI вв.
(Достоевский, Чулков, Трифонов,
Мамлеев, Водолазкин и др.)
- 85 **Каскина Ю.У.**
Образ дачи
в рассказе И.С. Шмелева «На пеньках»
- 91 **Борисова Д.М.**
Образ Пушкинского Заповедника
в прозе К.Г. Паустовского
- 101 **Дмитриева Е.Е.**
Локус замка в романах Вальтера Скотта («Уэверли»)
- 113 **Велигорский Г.А.**
Топонимический элемент “-end” в англоязычном
«усадебном» тезаурусе: семантика и функция
(англо-русский контекст)
- 122 **Шаврыгин С.М.**
«Чувствительный» и «холодный» в интерпретации
Н.М. Карамзина и М.Е. Салтыкова (Щедрина)
- 127 **Королева В.В., Притомская А.Р.**
Алхимический символизм новеллы Э.Т.А. Гофмана
«Золотой горшок: сказка из новых времен»
- 135 **Симонова Л.А.**
Где искать драматического автора?
(Трагедии Пьера Корнея)
- 147 **Кедрова М.А.**
Laudes civitatum: Милан XIII века как земной рай
(на материале произведений Бонвезина да ла Рива)
- 152 **Кашулина Е.В.**
Тема тотального надзора в эпоху цифровых технологий
в романе Д. Эггерса «Сфера»

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 7 **M.V. Osmachenko**
Tsar Ivan Alekseyevich and his entourage
- 16 **A.O. Verbovoy**
Russian river military flotillas
in the repulsion of the French invasion of 1812
- 21 **T.A. Kovrov, V.S. Okolotin**
From the history of the economic justification and opening
of the branch of the State Bank in the town of Kineshma
in the early 20th century
- 29 **A.N. Moiseev**
Experience in training combat reserves of field units
of the Red Army during the Civil War (1918-1920)
- 35 **Yu.A. Ilyin, D.E. Komolov**
Textile industry of the Upper Volga region
in August 1921 – April 1923: organisational formation
and development of forms of enterprise management
(based on materials of Ivanovo-Voznesensk, Vladimir
and Yaroslavl provinces)
- 43 **K.A. Zverev**
Approval of the new state symbols in the Baltic republics:
flag and coat of arms
- 50 **A.D. Polugodin**
Kaluga city government during the occupation by Nazi
Germany (October-December 1941): trends in relations with
the German occupation authorities (based on the materials of
the State Archive of Kaluga Region)
- 62 **M.S. Vaganov**
Activities of the departments of the “All-Russia League for
Fighting Tuberculosis” in Kostroma Province in 1911-1918
- 68 **Z.I. Zamalieva, E.I. Nesterenko**
Legal status of women in Tangut society
(based on materials of the Tangut Code)

SCIENCE OF LITERATURE

- 74 Estate and dacha in the 19th to 21st centuries literature:
horizons of research
- 76 **O.A. Bogdanova**
The evolution of the semantics of the “dacha text”
in Russian literature of the 19th–21st centuries
(Fyodor Dostoevsky, Georgy Chulkov, Yuri Trifonov,
Yuri Mamleev, Eugene Vodolazkin, etc.)
- 85 **Yu.U. Kaskina**
The image of the dacha
in the short story “On the Stumps” by Ivan Shmelyov
- 91 **D.M. Borisova**
The image of Pushkin Reserve
in the prose of Konstantin Paustovsky
- 101 **E.E. Dmitrieva**
The locus of the castle in the novels of Walter Scott (“Waverly”)
- 113 **G.A. Veligorsky**
The toponymic element “-end” in the English-language
“estate” thesaurus: semantics and function
(English-Russian context)
- 122 **S.M. Shavrygin**
“Sensitive” and “cold” in the interpretation
of Nikolay Karamzin and Mikhail Saltykov (Shchedrin)
- 127 **V.V. Koroleva, A.R. Pritomskaya**
Alchemical symbolism of the novella “The Golden Pot:
A Modern Fairy Tale” by E. T. A. Hoffmann
- 135 **L.A. Simonova**
Where to look for the dramatic author?
(Tragedies of Pierre Corneille)
- 147 **M.A. Kedrova**
Laudes civitatum: 13th century Milan as heaven on earth
(based on Bonvesin da la Riva’s works)
- 152 **E.V. Kashulina**
The theme of total surveillance in the field of digital
technologies in the novel “The Circle” by Dave Eggers

159 Беляева Н.П.

Литературные способы циклизации в современной рок-поэзии (на материале альбома «Творчество в пустоте» группы «ДДТ»)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ**166 Бекмурзаева Ф.Ш.**

Внутренний мир человека как средство символизации в фольклорных текстах русской культуры (на примере анималистического концептообраза *лиса*)

172 Галкина Н.П.

Ядерные и периферийные варианты построения сложно-подчиненных предложений со значением обусловленности в научном и публицистическом стилях современного русского языка

181 Кулигин А.С.

О соотношении частот слов в словообразовательных парах

187 Мельникова И.М.

Граница как формо- и смыслообразующий принцип организации лирического мира Й. Бобровского («Die junge Marfa»)

194 Богданова Т.Ф.

Лексическая тональность в деловой интернет-переписке на русском и английском языках

200 Антоненко Н.С., Ильин Д.Ю.

Годонимы Царицына, Сталинграда, Волгограда как отражение исторических процессов XX века

207 Катермина В.В., Володина Д.Е.

Анализ языковых средств создания образа города (на примере модернистского романа В. Вулф «Миссис Дэллоуэй»)

212 Хабибуллина Ф.Я., Иванова И.Г.

Лексико-семантическое поле термина *делопроизводство* во французском языке

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**221 Романовская В.Б., Крымов А.В.**

О «монистичных» политико-правовых идеях, К.Н. Леонтьеве и евразийской теории государства

227 Горбунов М.Д.

Теория полезности И. Бентама и ее влияние на аналитический правовой позитивизм

234 Бриль Г.Г., Зайцев Л.Н.

Правовые взгляды Ю.П. Новицкого на суды для малолетних

240 Кобзарев Ф.М.

Организационно-правовые основы определения критериев достаточности доказательств в досудебных стадиях уголовного судопроизводства

245 Метельков А.Н.

Ядерный терроризм: теоретическая модель правового понятия

251 Гончаренко Е.В., Баников Д.В., Миквабия З.Я., Тайсаева С.Б., Аргун С.Н., Мурзова О.А., Джокуа А.А.

Криминологические, психологические и этнологические аспекты доминирующих-подчиняющихся отношений в диаде «агрессор – жертва»

257 Максименко А.А., Крылова Д.В., Дейнека О.С., Зябликов А.В., Вахрушева А.В.

Исследование коррупциофобии в контексте диалога власти и общества:

теоретико-методологические основы

267 Ахунзянова Ф.Т., Зайцев А.В.

Политико-правовая категория «политическая ненависть» в цифровом публичном дискурсе власти и общества и в судебно-следственной практике современной России

273 Шишулина Т.П.

Правовой механизм самозащиты работниками трудовых прав: проблемы правоприменения

281 ТРЕБОВАНИЯ**К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ****159 N.P. Belyaeva**

Literary ways of cyclisation in modern rock poetry (based on the album “Creativity in the Void” by the “DDT”)

SCIENCE OF LANGUAGE**166 F.Sh. Bekmurzaeva**

Human inner world as a means of symbolization in the folklore (based on the animal concept *лиса (fox)*)

172 N.P. Galkina

Core and peripheral constructions of complex sentences with the meaning of conditionality in the scientific and journalistic styles of the modern Russian language

181 A.S. Kuligin

On the frequency of words in derivational pairs

187 I.M. Melnikova

The border as a form- and meaning-forming principle of the lyrical world of J. Bobrovsky («Die junge Marfa»)

194 T.F. Bogdanova

Lexical Tonality in the Modern Business Internet Correspondence in Russian and English Languages

200 N.S. Antonenko, D.Yu. Ilyin

Tsaritsyn, Stalingrad, Volgograd godonyms as the reflection of the twentieth century historical processes

207 V.V. Katermina, D.E. Volodina

Analysis of linguistic means creating the image of the city (on the example of V. Woolf’s modernist novel “Mrs. Dalloway”)

212 F.Ya. Khabibullina, I.G. Ivanova

Lexico-semantic field of the term “office work” in French

JURAL SCIENCE**221 V.B. Romanovskaya, A.V. Krymov**

On “monistic” politic and legal ideas, Konstantin Leontiev and Eurasianism theory of the state

227 M.D. Gorbunov

Jeremy Bentham’s utility theory and its influence on analytical legal positivism

234 G.G. Bril’, L.N. Zaitsev

Legal views of Yuriy Novitskiy on juvenile courts

240 F.M. Kobzarev

Organisational and legal basis for determining the criteria for the sufficiency of evidence in the pre-trial stages of criminal proceedings

245 A.N. Metelkov

Nuclear terrorism: a theoretical model of the legal concept

251 E.V. Goncharenko, D.V. Bannikov, Z.Ya. Mikvabiya, S.B. Taisaeva, S.N. Argun, O.A. Murzova, A.A. Jokua

Criminological, psychological and ethological aspects of dominant-subordinate relations in the “aggressor-victim” dyad

257 A.A. Maksimenko, D.V. Krylova, O.S. Deyneka, A.V. Zyablikov, A.V. Vakhrusheva

The study of corruption phobia in the context of the dialogue between government and society: theoretical and methodological foundations

267 F.T. Akhunzianova, A.V. Zaytsev

Political and legal category “political hatred” in the digital public discourse of government and society and in the judicial and investigative practice of modern Russia

273 T.P. Shishulina

Legal mechanism for self-protection of labor rights: problems of law enforcement

281 REQUIREMENTS**TO REGISTRATION OF ARTICLES**

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 7–15. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 3, pp. 7–15. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94(470)“17”

EDN LUWHHN

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-7-15>

ЦАРЬ ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ

Осмаченко Максим Владимирович, аспирант, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, maksim.osmachenko@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-3297-0822>

Аннотация. Период 1682–1696 гг. в истории России называют периодом «двоецарствия», поскольку московский престол в то время занимали сразу два царя, единокровные братья Иван и Пётр Алексеевичи. Личность и окружение младшего царя, будущего первого российского императора Петра Великого, подробно изучены в историографии. Между тем историки обходят стороной старшего брата, болезненного и далёкого от государственных дел. Однако это вовсе не означает, что люди, окружающие Ивана Алексеевича, не играли никакой роли в управлении страной в указанный период. В статье представлено первое в историографии специальное исследование, посвящённое изучению окружения царя Ивана Алексеевича и определения роли конкретных лиц, приближённых к государю, в политической борьбе в России периода 1682–1689 гг. В статье рассматриваются родственные и служебные связи окружения «старшего царя», особое внимание уделяется неформальным отношениям, которые нередко имели решающее значение при выборе политической ориентации в условиях борьбы за власть.

Ключевые слова: Иван V, Пётр Великий, история России, XVII век, царевна Софья, политическая история, борьба за власть, русские цари.

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФ, проект № 22-18-00151

Для цитирования: Осмаченко М.В. Царь Иван Алексеевич и его окружение // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 7–15. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-7-15>

Research article

TSAR IVAN ALEKSEYEVICH AND HIS ENTOURAGE

Maksim V. Osmachenko, post graduate student of Institute of History at St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, maksim.osmachenko@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-3297-0822>

Abstract. Period of 1682-1696 in the history of Russia is known as a period of “two tsars”, since Moscow throne at that time was occupied by two tsars at once, half-brothers Ivan and Peter, sons of Tsar Alexis. The personality and entourage of the younger tsar, the future first Russian emperor known as Peter the Great, have been studied in detail in historiography. Meanwhile, historians bypass the elder brother, sickly and far from state affairs. However, it does not mean at all that the people surrounding Ivan Alekseyevich did not play any role in governing the country during that period. The article has been presented for the first time a special study in historiography, devoted to research of the environment of Tsar Ivan Alekseyevich and determining the role of specific persons close to the sovereign in the political struggle in Russia in the period 1682–1689. The article examines the family and service ties of the entourage of the “elder tsar”, special attention is paid to informal relations, which often played a decisive role in choosing a political orientation in the context of the struggle for power.

Keywords: Ivan V, Peter I, history of Russia, 17th century, tsarevna Sophia, political history, struggle for power, Russian tsars.

Acknowledgements. This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project № 22-18-00151

For citation: Osmachenko M.V. Tsar Ivan Alekseyevich and his entourage. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 3, pp. 7–15. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-7-15>

В 1682 году в России сложилась уникальная ситуация, когда на престоле одновременно оказались два царя, единокровные братья Иван и Пётр Алексеевичи. До совершеннолетия обоих государей фактическим правителем государства объявлялась их сестра – царевна Софья Алексеевна. Сама по себе ситуация двоецарствия была нетипичной для России. Ни до, ни после во главе страны не стояли одновременно два царя. Подобная конфигурация власти стала результатом кровопролитных событий весны – лета 1682 года, когда борьба за власть в государстве между противостоящими придворными группировками Нарышкиных и Милославских приняла наиболее жёсткие формы [Лавров: 15–16; Наумов: 46]. Разразившийся политический кризис удалось преодолеть только к осени 1682 года, после чего в России на семь лет сформировалась относительно устойчивая политическая ситуация.

Каждый из царей имел свой собственный «двор», то есть ту часть политической элиты, которая группировалась вокруг одного из юных государей¹. Официальные документы, такие как боярские списки, зафиксировали подобное разделение. Так, каждый из царей имел своего кравчего, постельничего и целый штат комнатных стольников. Разумеется, что присутствие тех или иных лиц в окружении «старшего» или «младшего» царя не было случайным и отражало расстановку сил при дворе.

Окружение царя Петра Алексеевича, будущего первого российского императора, хорошо изучено в историографии, поскольку многие из близких ему лиц впоследствии проявили себя на ведущих государственных должностях, составив элиту уже новой, имперской, России [Павленко 1989: 144–146; Анисимов 1989: 242; Захаров: 89–92].

Личности и окружению царя Ивана Алексеевича, формально считавшегося «старшим царём», в отечественной и зарубежной историографии уделялось незначительное внимание. Из-за болезненности последнего мужского представителя ветви Романовых–Милославских и невмешательства его в политическую жизнь страны в центре внимания историков всегда находился его младший брат. Так, в работах классиков отечественной историографии Н.Г. Устрялова, С.М. Соловьёва, М.П. Погодина всё внимание уделено окружению царя Петра, а об окружении Ивана практически нет упоминаний [Устрялов: 16; Соловьёв: 320–387; Погодин: 147]. Краткое описание окружения царя Ивана Алексеевича можно встретить лишь в работе М.И. Семевского, посвящённой царице Прасковье Фёдоровне, супруге Ивана Алексеевича [Семевский: 10–17]. Советская историография традиционно обходила стороной историю политических элит, сосредоточив своё внимание на общественно-политических процессах. Работы С.К. Богоявлен-

ского [Богоявленский: 180–221], М.М. Богословского [Богословский: 230–234], В.И. Буганова [Буганов: 120–123] затрагивают тему царского окружения лишь в контексте изучения основных политических процессов и кризисов последней четверти XVII века. В современной российской и зарубежной историографии окружение царя Ивана рассматривается в первую очередь в контексте придворного противостояния между Милославскими и Нарышкиными. В работах А.С. Лаврова, В.П. Наумова, П. Бушковича, М. Поделено достаточно внимания изучению «партии» Милославских, важную роль в которой играли придворные из окружения старшего царя, однако это преимущественно касается верхушки политической элиты, наиболее деятельных и значимых фигур политической борьбы [Лавров: 81–87; Наумов: 260–263; Бушкович: 140–148; Рое: 196]. Таким образом, до сих пор не существует специального исследования, подробно рассматривающего персональный состав окружения царя Ивана Алексеевича.

Между тем многие из лиц, составлявших его окружение, впоследствии играли значительную роль в управлении государством. К тому же само по себе изучение той части двора, которая группировалась вокруг Ивана, позволяет существенно дополнить устоявшуюся в историографии картину придворной борьбы периода регентства Софьи (1682–1689 гг.), уточнив расстановку сил при дворе и позицию некоторых влиятельных родов.

Иван Алексеевич был пятым сыном царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны Милославской. Как и все дети мужского пола от этого брака, Иван с детства имел серьёзные проблемы со здоровьем, в частности с опорно-двигательным аппаратом и зрением. Под руководством видного учёного и поэта Симеона Полоцкого Иван, как и его старшие братья и сестра Софья, получил отличное для своего времени образование, однако большого рвения к учёнию не проявлял, был человеком набожным и тихим. Старшие братья Ивана умирали один за другим. Когда в 1676 году царём стал Фёдор Алексеевич, Иван начал рассматриваться как вероятный наследник своего брата в случае, если у того не будет сыновей. Когда в 1682 году Фёдор умер, часть придворной элиты короновала царём Петра, сына Алексея Михайловича и его второй жены Натальи Нарышкиной, обойдя при этом Ивана в линии наследования престола, ссылаясь на его очевидные проблемы со здоровьем и последнюю волю умирающего царя Фёдора, якобы вложившего в руки Петра свой скипетр [Осмаченко 2023: 88]. Иван, которому на тот момент было пятнадцать лет, не выразил никакого протеста данному решению.

Состояние здоровья Ивана Алексеевича в источниках и историографии оценивается по-разному. Американский историк Брюс Линкольн, опираясь на нар-

ративные источники иностранного происхождения, считал, что Иван страдал синдромом Дауна [Lincoln: 58]. Советский историк Н.И. Павленко в целом соглашался с подобной оценкой, отмечая косноязычие Ивана и «отставание от сверстников в развитии» [Павленко 1994: 5]. Между тем многочисленные свидетельства современников, лично видевших Ивана, заставляют усомниться в том, что он был слабоумен [Осмаченко 2017: 172–174]. Однако все они отмечают его физическую слабость и кроткий нрав. Российский придворный и дипломат И.А. Желябужский в своих записках отмечает, что «царь Иван Алексеевич очми скорбен был» [Желябужский: 205]. Свидетельства иностранных дипломатов Х. Кохена и Г. фон Горна подтверждают эти слова, отмечая также проблемы Ивана с опорно-двигательной системой [Бушкович: 140–142]. Как известно, все сыновья царя Алексея Михайловича от первого брака страдали подобным недугом в той или иной степени. Уже будучи царём, Иван нередко пропускал богослужения и значимые церемонии, что также свидетельствует о том, что у него имелись серьёзные проблемы со здоровьем [Дворцовые разряды 4: 200–203]. По всей видимости, именно состояние здоровья и было основной причиной, почему Иван Алексеевич находился в стороне от государственных дел и не участвовал в придворной борьбе. Однако это вовсе не означает, что люди из его окружения были столь же пассивны и не играли существенной роли в политической жизни государства.

В событиях, последовавших за провозглашением царём Петра, права Ивана на престол отстаивали его амбициозные родственники: царица Софья Алексеевна и боярин И.М. Милославский. Сам же Иван не проявлял никакого интереса к политической борьбе и не являлся активным её участником. В ходе стрельцового бунта в мае 1682 года пришедшая ненадолго к власти коалиция Нарышкиных–Языкова была уничтожена [Осмаченко 2023: 90], и Ивана провозгласили «старшим царём», сохранив за Петром статус «младшего царя» [Медведев: 91]. 25 июня 1682 года цари Иван и Пётр Алексеевичи были венчаны на царство в Успенском соборе Московского кремля. Царские регалии на Ивана Алексеевича надевал его «дядька», боярин князь П.И. Прозоровский [Барсов: 91–97].

Состав окружения царя Ивана в период регентства царицы Софьи Алексеевны позволяет установить «дворцовые разряды», содержащие информацию о многочисленных поездках «старшего царя» на богомолья и поимённый список лиц, сопровождавших его в этих поездках.

Так, среди бояр Ивана Алексеевича чаще других сопровождали князь В.В. Голицын, П.И. Прозоровский, И.М. Милославский, Г.Н. Собакин, П.В. Шереметев, И.Т. Кондырев, оружничий князь В.Ф. Одолевский [Дворцовые разряды 4: 241, 267, 311, 321].

Фигура каждого из них заслуживает подробного рассмотрения.

Боярин И.М. Милославский был дальним родственником царя по женской линии, являлся главой своего рода и ревностно отстаивал его интересы. Очевидно, что он делал ставку на своего болезненного царственного родича, намереваясь благодаря кровному родству сохранить высокое положение в придворной иерархии.

Князь П.И. Прозоровский был не только «дядькой» Ивана, занимаясь воспитанием царевича с юных лет, но и приходился родственником И.М. Милославскому, женатому на княжне Е.П. Прозоровской. Родственник Петра Ивановича, Алексей Петрович, был кравчим Ивана Алексеевича. Брат князя Алексея, боярин В.П. Прозоровский, также неоднократно сопровождал царя Ивана в его поездках по монастырям [Дворцовые разряды 4: 241–242, 268, 285]. Таким образом, весь многочисленный клан Прозоровских можно отнести к первостепенному окружению старшего царя.

Князь В.В. Голицын в ту пору являлся одним из наиболее влиятельных людей в государстве, пользуясь особым расположением царицы Софьи. Голицын и И.М. Милославский соперничали за власть в государстве, но они оба были непримиримыми противниками Нарышкиных, а потому их частое совместное появление при дворе Ивана не кажется странным.

Интересна фигура боярина Г.Н. Собакина, родного брата княгини А.Н. Лобановой-Ростовской, старшей боярыни и одной из наиболее приближённых к царице Софье Алексеевне лиц [Лобанов-Ростовский 2: 230]. Близость Собакиных к Софье предопределила и их поддержку царя Ивана Алексеевича. Поскольку сама царица не имела собственного двора, близкие к ней лица нередко составляли окружение её полнокровного брата.

П.В. Шереметев являлся одним из наиболее уважаемых царедворцев, которому неоднократно поручали «ведать» столицу в отсутствие государей. Двое его сыновей, Борис и Фёдор, также были боярами. Шереметевы не были связаны родством с Милославскими, а потому частое их присутствие при дворе Ивана можно объяснить более высоким статусом старшего царя и, возможно, личными близкими отношениями П.В. Шереметева и И.М. Милославского. Так, в 1681 году И.М. Милославский выступал одним из свидетелей при сговоре П.В. Шереметева о женитьбе своего сына Василия на А.С. Звенигородской [Барсуков 1904: 479–481].

Что касается князя В.Ф. Одолевского, представителя одного из самых влиятельных семейств российской аристократии XVII века, то его политическая ориентация является дискуссионной. Считается, что до со-

бытий 1682 года Одоевские скорее поддерживали Милославских, однако впоследствии они не стремились открыто демонстрировать свои предпочтения, используя стратегию «лавирования» между двумя противоборствующими группировками [Лавров: 83–84]. Тот факт, что В.Ф. Одоевский сопровождал старшего царя во время его загородных поездок, можно объяснить желанием «быть на виду» у старшего царя и его окружения, поскольку более влиятельные Н.И. и Я.Н. Одоевские в силу возраста и состояния здоровья не могли участвовать в частых царских походах. К тому же наличие представителя уважаемого рода Одоевских в своём лагере придавало веса Милославским.

И.Т. Кондырев, возвысившийся во времена правления царя Фёдора Алексеевича, не был близок ни к Милославским, ни к Нарышкиным. Возможно, что его частое появление в рядах царедворцев, сопровождавших царя Ивана на богомолья, объясняется обычным желанием быть «на виду» у старшего царя и близких к нему людей, что могло положительно сказаться на положении И.Т. Кондырева и его родичей.

Важную часть окружения царя составляли его «комнатные люди». Именно комнатные стольники (спальники) наиболее часто контактировали с царём, прислуживая ему в повседневных мероприятиях и выполняя наиболее ответственные поручения. П.В. Седов указал на особую роль комнатных стольников в политической жизни России второй половины XVII века [Седов 2006b: 412–417]. В «комнате» царя не было случайных людей: сюда попадали юные отпрыски знатнейших семейств государства или дети влиятельных царедворцев менее знатного происхождения. Многие выдающиеся политические деятели XVII–XVIII вв. начинали свою карьеру со службы «в комнате», к примеру, многолетний глава Расправной палаты князь Я.Н. Одоевский, петровский адмирал Ф.М. Апраксин, канцлер Г.И. Головкин. Достигнув зрелого возраста, комнатные стольники нередко сразу получали боярский чин, минуя околичничество. Из-за своей близости к царю они имели высокий статус в придворной иерархии и хороший оклад. К примеру, оклад служившего в комнате Ивана Алексеевича И.С. Салтыкова составлял несколько сотен рублей, что соответствовало окладам околичничих².

После провозглашения в России двоецарствия комнатные стольники были разделены между двумя царями. В дальнейшем пожалования осуществлялись в «комнату» определённого царя. Те из стольников, кто служил Ивану, не несли службу в «комнате» Петра, и наоборот.

Изучение состава комнатных стольников Ивана Алексеевича позволяет существенно дополнить информацию об окружении царя и уточнить позицию некоторых родов в придворном противостоянии периода правления царевны Софьи (1682–1689 гг.).

У царя Ивана комнатных стольников всегда было больше, чем у царя Петра. И если в 1682–1683 гг. эта разница была не слишком заметной (44 человека у Ивана и 40 у Петра)³, то в 1687–1688 гг. она уже выглядит значительно (82 и 60 соответственно)⁴. Данное свидетельство говорит о том, что в «комнате» старшего царя было служить очевидно почётнее. Среди комнатных стольников Ивана можно увидеть выходцев из первейших родов государства: Шереметевых, Прозоровских, Черкасских, Шаховских, Головиных. Интересно, что далеко не все эти роды открыто поддерживали Ивана, а некоторые, как, например, Черкасские, и вовсе считались наиболее преданными сторонниками Нарышкиных и Петра. Однако в 1683–1687 гг. в «комнате» Ивана и в «комнате» Петра служило по два князя Черкасских. На мой взгляд, данный факт объясняется политикой лавирования, которую проводили практически все знатные роды в государстве. Не будучи уверенными в исходе придворного противостояния, они, как правило, воздерживались от явной демонстрации лояльности той или иной придворной «партии». Доказательством подобной стратегии является поведение и более старших представителей московской аристократии. Так, даже столь активный сторонник Петра, как князь М.А. Черкасский, неоднократно упоминается в свите царя Ивана, сопровождавшей его на богомолья [Дворцовые разряды 4: 257–258, 266, 268]. Похожую тактику «лавирования» также использовали, например, Головины и Измайловы, имевшие своих представителей в «комнатах» обоих царей. А вот Шереметевы, в историографии считающиеся близкими Петру, служили только в «комнате» Ивана (3 комнатных стольника из этого рода, начиная с 1684 года)⁵. Подобный факт может существенно дополнить традиционный взгляд на позицию большей части правящей элиты, особенно её верхушки, которая, как считалось вслед за мемуарами князя Б.И. Куракина, всецело поддерживала Петра и Нарышкиных и находилась в оппозиции к Софье и Милославским [Куракин: 291].

Большая часть комнатных людей Ивана Алексеевича была связана между собой кровными или неформальными связями. Так, важную роль в царской «комнате» играли три представителя рода Милославских, родственников царя по материнской линии. Среди них особенно выделялся А.И. Милославский, сыгравший немаловажную роль в возмущении стрельцов в мае 1682 года [Матвеев: 375]. В «комнате» Ивана служили также трое князей Прозоровских, что, как было показано выше, вполне закономерно, учитывая родственные связи Прозоровских с Милославскими и статус князя П.И. Прозоровского как «дядьки» царя Ивана. По этим же причинам мы видим в комнатных стольниках четверых представителей Собакиных, твёрдо державших сторону

старшего царя. Отдельного упоминания заслуживают Татищевы и Лодыженские, имевшие по два представителя в «комнате» Ивана. Оба рода были связаны родственными узами через Анисью Юрьевну Лодыженскую, урождённую Татищеву, «маму» царевны Екатерины Алексеевны и боярыню царевны Софьи, влиятельную представительницу женской части двора [Забелин: 498]. Комнатным стольником Ивана служил её сын П.Е. Лодыженский, а также дальние родственники Иван и Даниил Михайловичи Татищевы, сыновья боярина М.Ю. Татищева, породнившегося с царской семьёй после брака царя Ивана с П.Ф. Салтыковой, чей отец был зятем М.Ю. Татищева⁶.

Среди всех комнатных стольников важное место занимал тот из них, кто служил «у крюка». Именно он являлся старшим среди всех комнатных стольников. Крайне любопытно, что «у крюка» царя Ивана служил А.Л. Пятово, выходец из незнатного рода, при Фёдоре Алексеевиче бывший царским «карлой» (то есть шутком) и выполнявший некоторые ответственные поручения неформального характера [Седов 2006а: 529]. Антип Пятово не был связан родственными или служебными узами с Милославскими, поэтому его высокое положение в придворной иерархии невозможно объяснить никак иначе, кроме как личной симпатией царя Ивана, который, вполне возможно, привязался к А.Л. Пятово во время его службы «карлой» при царском дворе. Без сомнения, возвысившийся благодаря покровительству самого царя, А.Л. Пятово играл важную роль при дворе Ивана и пользовался уважением своего венценосного покровителя.

Существенные изменения в окружении Ивана Алексеевича произошли в 1684 году, когда он женился на Прасковье Салтыковой, представительнице одной из ветвей знатного и многочисленного рода. Интересно, что среди как современников, так и историков нет однозначного мнения относительно того, кто стал главным инициатором царского брака. М.П. Погодин вслед за большинством нарративных источников считал, что этот брак был устроен Софьей, стремившейся увеличить своё влияние через возможных наследников слабого здоровьем брата [Погодин: 107, 117]. М.И. Семевский считал, что идею о женитьбе царя Ивана Софье подсказал князь В.В. Голицын, якобы уговоривший царевну отказаться от плана по убийству Петра и предложивший в качестве альтернативы женить Ивана и получить от него наследников, что позволило бы отодвинуть линию Нарышкиных от престолонаследования [Семевский: 6]. Интересны замечания датского посланника в Москве Г. фон Горна, который считал, что идея брака с П.Ф. Салтыковой принадлежала И.М. Милославскому, который якобы состоял в дружеских отношениях с отцом невесты [Возгрин: 155]. Это свидетельство вызывает наибольшее доверие у современных историков

П. Бушковича и В.П. Наумова [Бушкович: 147; Наумов: 265]. Важно учитывать, что кандидатура невесты была подобрана в соответствии с принятыми традициями: московские государи старались выбирать будущую жену среди представителей не самой титулованной знати [Martin: 168]. Ветвь Салтыковых, к которым принадлежала Прасковья, имела более чем скромное влияние на политику: достаточно сказать, что её отец до известия о царской свадьбе и вообще служил воеводой в Енисейске [Барсуков 1902: 73–74]. Конечно, женитьба Ивана повлияла и на состав его окружения. Царский тесть Фёдор (Александр) Петрович Салтыков сразу же был возведён в бояре⁷, а его сыновья и племянники стали служить в «комнате» Ивана (численность представителей Салтыковых растёт с четырёх в 1684 году до восьми в 1688)⁸. Начиная с 1684 года представители Салтыковых регулярно сопровождают Ивана и Прасковью в их совместных поездках по подмосковным сёлам и монастырям [Дворцовые разряды 4: 305–306, 330, 347].

За свадьбой царя произошло очередное обострение отношений между И.М. Милославским и князем В.В. Голицыным, приведшее к фактическому расколу Милославских на два лагеря, группировавшихся вокруг Софьи и Ивана соответственно. При этом важно уточнить, что антагонизма между братом и сестрой не было, чего нельзя сказать об их приближённых. Тем не менее сторонники Софьи, формально не имевшей своего двора, по-прежнему нередко появлялись при дворе Ивана, стараясь всячески игнорировать двор Петра. Более того, в «комнате» Ивана служили дети видных деятелей из окружения царевны, например В.С. Толочанов, сын верного соратника В.В. Голицына и Софьи окольного С.О. Толочанова и И.А. Ржевский, сын окольного А.И. Ржевского, которого также принято считать человеком из окружения Софьи⁹.

Поворотным моментом, приведшем к окончательному расколу «партии» Милославских, стала смерть боярина И.М. Милославского в 1685 году. После кончины главного «кровного врага» Нарышкиных, которые считали Ивана Михайловича главным поджигателем майской смуты 1682 года, появились возможности для постепенного сближения дворов Ивана и Петра. Уже в 1685 году во время споров о возможном заключении «Вечного мира» с Речью Посполитой бояре Ф.П. Салтыков и князь П.И. Прозоровский, люди из окружения царя Ивана, поддержали воинственную позицию Нарышкиных, выступавших против заключения мира [Куракин: 288–290]. Идея о заключении «Вечного мира» принадлежала князю В.В. Голицыну и пользовалась поддержкой царевны Софьи, поэтому своим решением люди из окружения Ивана фактически противопоставили себя правящей «партии».

После 1685 года сближение дворов Ивана и Петра становится всё более заметным. Взрослеющий Пётр производил впечатление перспективного государя. Его столкновение с Софьей становилось вопросом времени, и дальновидные придворные понимали, что в этом противостоянии поддержка элит будет иметь не последнее значение. Нарышкины, сохранившие единство своей немногочисленной «партии», видели раскол в рядах Милославских и намеренно пошли на сближение с людьми из окружения царя Ивана. Возможно, что на сближение двух «партий» оказало влияние не только сходство их во взглядах относительно внешнеполитического курса России, но и недовольство усилением князя В.В. Голицына и его многочисленных ставленников, выходцев из незнатных родов. Контролирующий приказной аппарат Голицын всё более раздражал, в частности, и родовитое окружение царя Ивана, которое могло довольствоваться только придворной службой. Мысль о том, что представители «партии Ивана» увидели в юном царе Петре будущего великого реформатора, интересна, но неправдоподобна: представить масштаб грядущих общественно-политических изменений в стране на момент 1680-х годов никто не мог.

В дальнейших событиях вплоть до 1689 года представители окружения царя Ивана, равно как и он сам, активного участия не принимали. В Крымских походах ключевую роль в руководстве русской армии играли в первую очередь люди из окружения князя В.В. Голицына (например, окольный Л.Р. Неплюев, думный дворянин Г.И. Косагов). Придворные из окружения старшего царя продолжали сопровождать его на богомолья и в поездки по подмосковным сёлам. Параллельно с этим окружение Петра усиливало свои позиции. Оставаясь в столице, они расширили своё представительство в приказах и в целом чувствовали себя всё увереннее с каждым днём взросления младшего царя [Лавров: 95].

2 июля 1688 года царь Иван и царица Софья совершают совместный поход в Новодевичий монастырь. Группа царедворцев, сопровождающая царственных особ, довольно неоднородна, однако её большую часть составляют люди из ближайшего окружения Ивана Алексеевича. Так, среди прочих можно увидеть бояр князей П.И. и Б.И. Прозоровских, Ф.П. и П.П. Салтыковых, князей В.В. и А.В. Голицыных, окольных В.С. Нарбекова и В.А. Змеева. Присутствуют в этом походе и представители ближайшего окружения Петра, бояре князя А.А. Голицын и М.Я. Черкасский, думный дворянин С.И. Языков [Дворцовые разряды 4: 389–390]. Как видно из этого списка, состав сопровождающих лиц не столь внушительный, как прежде, хотя в нём по традиции присутствуют представители всех трёх придворных «партий». Наличие царедворцев из окружения Петра в свите Ивана и Софьи не долж-

но вводить в заблуждение: на момент 1688 года придворное противостояние находилось на своём пике, однако оно происходило в первую очередь между Софьей и Петром, но никак не между Иваном и Петром. Как было сказано выше, позиция окружения старшего царя была важна для Нарышкиных и их союзников, поскольку их лояльность делала возможным свержение Софьи без большого сопротивления элит. Почётное сопровождение Ивана Алексеевича со стороны видных представителей петровского двора могло быть намеренной акцией, призванной показать своё почтительное отношение к фигуре старшего царя.

Известие о беременности царицы Прасковьи Фёдоровны вынудило Нарышкиных ускорить свои планы относительно женитьбы Петра. Уже в конце января 1689 года Пётр обвенчался с Е.Ф. Лопухиной, чья многочисленная родня сразу же пополнила ряды его сторонников. После свадьбы Пётр формально становился совершеннолетним, что лишало Софью повода оставаться у власти. Летом 1689 года, после неудачи второго Крымского похода, Пётр пошёл на открытый разрыв с Софьей, неожиданно покинув столицу и отправившись в Троице-Сергиев монастырь. Борьба за власть в государстве обострилась до предела, и окружению царя Ивана, как и ему самому, предстояло сыграть в этой борьбе далеко не последнюю роль.

Софья, надеявшаяся на примирение с братом, отправилась в Троицу для переговоров князя П.И. Прозоровского. Интересно, что князь Б.И. Куракин в своих мемуарах называет его «человеком, весьма противным царевне Софье» [Куракин: 302]. Подобный комментарий может означать, что к лету 1689 года отношения между окружением Ивана и Софьи были более чем прохладными. Князь Прозоровский вернулся из Троицы ни с чем и, по воспоминаниям Б.И. Куракина, даже стал уговаривать Ивана согласиться с требованиями брата, главными из которых были отказ Софьи от власти и выдача её фаворита Ф.Л. Шакловитого для суда. Мемуарист отмечает, что царь Иван на тот момент был «в руках и воле Прозоровского» [Куракин: 303]. Подобная оценка лишней раз доказывает ту роль, которую играл князь П.И. Прозоровский при дворе старшего царя.

Большая часть двора колебалась и до последнего была не уверена в исходе придворного противостояния. Лишь в начале сентября Боярская дума приняла решение выдать Шакловитого, с чем была вынуждена согласиться и Софья. Большую роль в данном решении сыграла позиция царя Ивана Алексеевича, отказавшегося от прямого конфликта с братом. Лишённый политической воли Иван, вероятнее всего, поддавался уговорам своего «дядьки» и других влиятельных царедворцев из своего окружения.

После казни Шакловитого опале подвергся и В.В. Голицын, а Софья была отправлена в мона-

стырь и лишена власти [Матвеев: 406]. Принято считать, что с осени 1689 года реальная власть перешла в руки Нарышкиных и их сторонников. Однако это не совсем верно. Люди из окружения царя Ивана не только не утратили своих позиций, но и укрепили их, активно влившись в победившую «партию». Доказательством этого служат многочисленные браки, заключённые между придворными из окружения двух царей. Так, Анастасия Салтыкова, родная сестра царицы Прасковьи и дочь боярина Ф.П. Салтыкова, стала женой князя И.Ф. Ромодановского, сына «князя-кесаря» Ф.Ю. Ромодановского, одного из ближайших сподвижников Петра [Долгоруков 2: 51]. Ф.В. Шереметев, сын В.П. Шереметева и Т.В. Собакиной, женился на М.С. Лопухиной, родственнице царицы Евдокии. Женой князя В.Б. Голицына, сына Б.А. Голицына, кравчего царя Петра, стала А.А. Ржевская, дочь окольничего А.И. Ржевского, не раз появлявшегося при дворе царя Ивана [Долгоруков 1: 287]. Второй женой царского дяди Л.К. Нарышкина стала А.П. Салтыкова, дочь П.П. Салтыкова и М.И. Прозоровской [Долгоруков 2: 73]. Таким образом, в конце XVII – начале XVIII вв. представители некогда враждующих «партий» активно роднились друг с другом, в итоге вместе составив элиту новой петровской эпохи.

Из окружения царя Ивана Алексеевича вышло немало людей, прославившихся уже в петровское время. Князь П.И. Прозоровский, известный своей честностью и профессионализмом, долгие годы успешно руководил приказом Большой казны, снискав большое уважение Петра Великого [Анисимов 2006: 480]. Б.П. Шереметев, возведённый Петром в графское достоинство, стал одним из наиболее приближённых к царю лиц и прославился как полководец во время Северной войны. Будущий российский император оценил и административные таланты П.П. Салтыкова, более пятнадцати лет управлявшего важнейшим со стратегической точки зрения Смоленском в качестве воеводы и губернатора. Ближайший родственник Милославских П.А. Толстой, племянник покойного И.М. Милославского и комнатный стольник царя Ивана, в конце правления Петра Великого возглавлял Канцелярию тайных розыскных дел, а в правление Екатерины I заседал в Верховном тайном совете [Павленко 1989: 245].

Подводя итог, можно сказать, что изучение окружения царя Ивана Алексеевича позволяет существенно дополнить устоявшуюся в историографии точку зрения о придворном противостоянии двух «партий», Нарышкиных и Милославских. Как было показано выше, это противостояние было куда более сложным и многослойным. Начиная с 1683–1684 гг. можно говорить скорее о противостоянии «партий» Софьи и Петра, в то время как двор Ивана Алексе-

евича, внешне лояльный режиму Софьи – Голицына, по мере взросления Петра стал постепенно сближаться со своими бывшими соперниками. Будучи недовольными тем фактом, что фактическую власть в стране имеет лишь князь В.В. Голицын и его соратники, царедворцы из окружения старшего царя имели основания для постепенного сближения с находящейся в оппозиции «партией» Петра. Этому сближению способствовало и отсутствие какой-либо неприязни и соперничества между Иваном и Петром, поскольку старший царь был серьёзно болен и не заинтересован в управлении государством. Когда после смерти боярина И.М. Милославского ведущую роль при дворе Ивана стал играть князь П.И. Прозоровский, сближение с Нарышкиными стало ещё более явным. Позиция, занятая Иваном и его окружением во время событий августа – сентября 1689 года, во многом предопределила успех переворота, положившего конец режиму Софьи. После свержения Софьи члены «партии» Ивана не только не были отодвинуты от власти, но, наоборот, существенно улучшили свои позиции, получив значимые военные и административные должности, а также породнившись со многими придворными из окружения Петра. Смерть Ивана в 1696 году не изменила положения большей части его ближайшего окружения, поскольку эти люди уже сумели встроиться в новые политические реалии и стали членами обновлённой правящей элиты.

Примечания

- ¹ Впервые разделение комнатных стольников на две части отразилось в Боярском списке за 1682/1683 гг. См.: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 2. Ед. хр. 21. Л. 320–324 об.
- ² РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 77.
- ³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Ед. хр. 21. Л. 320–324 об.
- ⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Ед. хр. 27. Л. 15–22 об.
- ⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Ед. хр. 24. Л. 472 об., 473 об., 474 об.
- ⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 878. Оп. 2. Д. 5.
- ⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Ед. хр. 23. Л. 4.
- ⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Ед. хр. 23. Л. 27–30; РГАДА. Ед. хр. 26. Л. 13–16.
- ⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Ед. хр. 24. Л. 19 об.

Список литературы

- Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. Ленинград: 1989. 496 с.
- Анисимов Е.В.* Верхи русского общества начала петровской эпохи // Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2006. С. 470–497.
- Барсов Е.В.* Древнерусские памятники священно-го венчания царей на царство в связи с греческими их

оригиналами // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1883. Кн. 1, отд. 1. С. 91–97.

Барсуков А. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. Санкт-Петербург, 1902. 611 с.

Барсуков А. Род Шереметевых. Санкт-Петербург, 1904. Т. 8. 512 с.

Богословский М.М. Пётр I. Материалы для биографии. Москва, 1940. Т. 1. 426 с.

Богоявленский С.К. Хованщина // Исторические записки. Т. 10 / отв. ред. Б.Д. Греков. Москва, 1941. С. 180–221.

Буганов В.И. Московские восстания конца XVII века. Москва: Наука, 1969. 439 с.

Бушкович П. Пётр Великий. Борьба за власть (1671–1725). Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2008. 544 с.

Возгрин В.Е. Источники по русско-скандинавским отношениям XVI–XVIII вв. // Рукописные источники по истории Западной Европы в архиве ЛОИИ СССР: археографический сборник. Ленинград, 1982. С. 124–157.

Дворцовые разряды. Т. 4. Санкт-Петербург, 1855. 1158 стб.

Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Т. 1–2. Санкт-Петербург, 1855.

Желябужский И.А. Записки // Россия при царевне Софье и Петре I. Москва: Современник, 1990. С. 201–327.

Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI–XVII вв. Москва, 1869. 670 с.

Куракин Б.И. История о царевне Софье и Петре // Богданов А.П. Царевна Софья и Пётр. Драма Софии. Москва: Вече, 2008. С. 266–332.

Лавров А.С. Регентство царевны Софьи. Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. Москва: Археографический центр, 1999. 304 с.

Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. 2-е изд. Т. 2. Санкт-Петербург, 1895. 481 с.

Матвеев А.А. Описание возмущения московских стрельцов // Рождение империи / сост. А. Либерман, С. Шокарев. Москва: Фонд Сергея Дубова, 2009. С. 354–419.

Медведев С.А. Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве // Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей. Москва: Современник, 1990. С. 45–200.

Наумов В.П. Царевна Софья. Москва: Молодая гвардия, 2015. 367 с.

Павленко Н.И. Пётр Великий. Москва: 1994. 591 с.

Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. Москва: Мысль, 1989. 397 с.

Погодин М.П. Семнадцать первых лет жизни императора Петра Великого. Москва, 1875. 455 с.

Седов П.В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2006. 602 с.

Седов П.В. Правящая элита Русского государства 1660–1680-х // Правящая элита русского государства IX – начала XVIII в. / отв. ред. А.П. Павлов. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2006. С. 403–429.

Семевский М.И. Царица Прасковья. Москва: Книга, 1989. 254 с.

Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Кн. 7. Москва, 1962. 726 с.

Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 1. Господство царевны Софьи. Санкт-Петербург, 1858. 496 с.

Lincoln W.B. The Romanovs. London, 1981.

Martin R. A Bride for the Tsar: Bride-Shows and Marriage Politics in Early Modern Russia. Northern Illinois University, 2012.

Poe M. The Russian Elite in the Seventeenth Century. Vol. 2. A Quantitative Analysis of the “Duma Ranks” 1613–1713. Helsinki, 2004.

References

Anisimov E.V. *Vremia petrovskikh reform* [The time of Peter's reforms]. Leningrad, 1989, 496 p. (In Russ.)

Anisimov E.V. *Verkhi russkogo obshchestva nachala petrovskoi epokhi* [Russian elite at the beginning of Peter's era]. *Praviashchaia elita Russkogo gosudarstva IX – nachala XVIII v.* [Ruling elite of Russian state in IX–XVIII centuries]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2006, pp. 470–497. (In Russ.)

Barsov E.V. *Drevnerusskie pamiatniki sviashchenogo venchaniia tsarei na tsarstvo v sviazi s grecheskimi ikh originalami* [Ancient Russian sources of coronation in the revelations of their Greek originals]. *Chteniia v Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete* [Readings of Society of History and Ancient Russian things in Moscow university], 1883, vol. 1, pp. 91–97. (In Russ.)

Barsukov A. *Rod Sheremetevykh* [Sheremetevs], vol. 8. St. Petersburg, 1904, 611 p. (In Russ.)

Barsukov A. *Spisok gorodovykh voyevod i drugikh lits voevodskogo upravleniya Moskovskogo gosudarstva v XVII stoletii* [The list of city vоеvod and other persons of vоеvod administration]. St. Petersburg, 1902, 36 p. (In Russ.)

Bogoslovskii M.M. *Petr I: Materialy dlia biografii* [Peter the Great: Materials for biography], vol. 1. Moscow, 1940, 426 p. (In Russ.)

Bogoiavlenskii S.K. *Khovanshchina. Istoricheskie zapiski* [Historical notes], vol. 10, ed. by B.D. Grekov. Moscow, 1941, pp. 180–221. (In Russ.)

Buganov V.I. *Moskovskie vosstaniia kontsa XVII veka* [Moscow rebellions at the end of the XVII century]. Moscow, Nauka Publ., 1969, 439 p. (In Russ.)

- Bushkovich P. *Petr Velikii. Bor'ba za vlast'* (1671–1725) [Peter the Great: Struggle for power (1671–1725)]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2008, 544 p. (In Russ.)
- Dvortsovye razriady* [Palace lists], vol. 4. St. Petersburg, 1855, 1158 c. (In Russ.)
- Dolgorukov P.V. *Rossiiskaia rodoslovnaia kniga* [Russian genealogical book], vol. 1–2. St. Petersburg, 1855. (In Russ.)
- Kurakin B.I. *Gistoriia o tsarevne Sof'e i Petre* [The story about princess Sophia and Peter]. Bogdanov A.P. *Tsarevna Sof'ia i Petr. Drama Sofii* [Princess Sophia and Peter. Sophia's drama]. Moscow, Veche Publ., 2008, pp. 266–332. (In Russ.)
- Lavrov A.S. *Regentstvo tsarevny Sof'i. Sluzhiloe obshchestvo i bor'ba za vlast' v verkhakh Russkogo gosudarstva v 1682–1689 gg.* [Regency of princess Sophia. Servant society and struggle for power of Russian elite in 1682–1689]. Moscow, Arkheograficheskii tsentr Publ., 1999, 304 p. (In Russ.)
- Lobanov-Rostovskii A.B. *Ruskaia rodoslovnaia kniga* [Russian genealogical book], vol. 2. St. Petersburg, 1895, 481 p. (In Russ.)
- Matveev A.A. *Opisanie vozmushcheniia moskovskikh strel'tsov* [Description of Moscow streltsy's rebellion]. *Rozhdenie imperii* [The born of Empire], ed. A. Liberman, S. Shokarev. Moscow, Fond Sergeia Dubova Publ., 2009, pp. 354–419. (In Russ.)
- Medvedev S.A. *Sozertsanie kratkoe let 7190, 91 i 92, v nikh zhe chto sodeiasia vo grazhdanstve* [Brief contemplation of the years 7190, 91 and 92, in them what happened in citizenship]. *Rossia pri tsarevne Sof'e i Petre I* [Russia under princess Sophia and Peter the First]. Moscow, Sovremennik Publ., 1990, pp. 45–200.
- Naumov V.P. *Tsarevna Sof'ia* [Princess Sophia]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2015, 367 p. (In Russ.)
- Pavlenko N.I. *Petr Velikii* [Peter the Great]. Moscow, 1994, 591 p. (In Russ.)
- Pavlenko N.I. *Ptentsy gnezda Petrova*. [Chicks of Peter's nest]. Moscow, Mysl' Publ., 1989, 397 p. (In Russ.)
- Pogodin M.P. *Semnadsat' pervykh let zhizni imperatora Petra Velikogo* [Seventeen first years of the Peter's the Great life]. Moscow, 1875, 455 p. (In Russ.)
- Sedov P.V. *Zakat Moskovskogo tsarstva: Tsarskii dvor kontsa XVII veka* [Sunset of the Muscovite Tsardom: The Tsar's Court at the end of the 17th century]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2006, 602 p. (In Russ.)
- Sedov P.V. *Praviashchaia elita Russkogo gosudarstva 1660–1680-kh* [Ruling elite of the Russian State in 1660–1680s]. *Praviashchaia elita russkogo gosudarstva IX – nachala XVIII v.* [Ruling elite of Russian state in IX–XVIII centuries]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2006, pp. 403–429. (In Russ.)
- Semevskii M.I. *Tsaritsa Praskov'ia* [Queen Praskov'ia]. Moscow, Kniga Publ., 1989, 254 p. (In Russ.)
- Solov'ev S.M. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen* [History of Russia from the ancient times], vol. 7. Moscow, 1962, 726 p. (In Russ.)
- Ustrialov N.G. *Istoriia tsarstvovaniia Petra Velikogo* [The history of the reign of Peter the Great]. T. 1: *Gospodstvo tsarevny Sof'i* [Vol. 1: Princess Sophia's domination]. St. Petersburg, 1858, 496 p. (In Russ.)
- Vozgrin V.E. *Istochniki po russko-skandinavskim otnosheniam XVI–XVIII vv.* [Sources about Russian-Scandinavian relationships in XVI–XVIII centuries]. *Rukopisnye istochniki po istorii Zapadnoi Evropy v arkhive LOII SSSR: Arkheograficheskii sbornik* [Handwritten sources in history of Western Europe at Archives of Leningrad Institute of History USSR]. Leningrad, 1982., pp. 124–157 (In Russ.)
- Zabelin I.E. *Domashnii byt russkikh tsarits v XVI–XVII vv.* [Home life of Russian tsarinas in XVI–XVII centuries]. Moscow, 1869, 670 p. (In Russ.)
- Zheliabuzhskii I.A. *Zapiski* [Notes]. *Rossia pri tsarevne Sof'e i Petre I* [Russia under princess Sophia and Peter the First]. Moscow, Sovremennik Publ., 1990, pp. 201–327. (In Russ.)
- Lincoln W.B. *The Romanovs*. London, 1981.
- Martin R. *A Bride for the Tsar: Bride-Shows and Marriage Politics in Early Modern Russia*. Northern Illinois University, 2012.
- Poe M. *The Russian Elite in the Seventeenth Century. Vol. 2: A Quantitative Analysis of the “Duma Ranks” 1613–1713*. Helsinki, 2004.

Статья поступила в редакцию 24.04.2023; одобрена после рецензирования 24.07.2023; принята к публикации 28.08.2023.

The article was submitted 24.04.2023; approved after reviewing 24.07.2023; accepted for publication 28.08.2023.

РЕЧНЫЕ ВОЕННЫЕ ФЛОТИЛИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

Вербовой Алексей Олегович, кандидат исторических наук, Военно-морской институт, ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия имени Адмирала флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова», преподаватель кафедры военно-политической работы в войсках (силах), г. Санкт-Петербург, Россия, a.verbovoy@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается боевое применение речных флотилий в ходе Отечественной войны 1812 года. Их использование на реках Западная Двина (лат. Даугава) и Западная Аа (сейчас Лиелупе, Латвия) в период обороны Риги сыграли колоссальную роль в остановке наполеоновских войск на столицу Российской империи – Санкт-Петербург. Особо значимым фактором было то, что это не удалось осуществить ни в ходе сражения под Вильно (Виленское сражение), ни под Салтановкой, ни под Полоцком. Собственно, оборона Риги также не была бы столь эффективной без участия сил Балтийского флота. Рассматриваемые флотилии, применяемые в акватории указанных выше рек, не позволили войскам противника прорваться к Петербургу, миновав Ригу. Эту проблему и рассматривает данная статья. Для изучения озвученной проблемы были привлечены материалы Российского государственного архива Военно-морского флота. В итоге благодаря архивным материалам и работам историков Ф. Веселаго и Н.Д. Каллистова удалось установить, что именно экипажами кораблей флотилий была успешно защищена крепость Динамюнд (сейчас Даугавгривская крепость), расположенная на Западной Двине, и, выбив противника из Шлока (сейчас Слок, район Юрмалы), расположенного на реке Западная Аа, они защитили и его. Мужество и мастерство экипажей кораблей флотилий помогли не допустить наступление противника с западного направления. Это спасло столицу и во многом решило исход войны в пользу России.

Ключевые слова: речные военные флотилии, Рига, Западная Двина (лат. Даугава), Западная Аа (Лиелупе), Отечественная война 1812 года, армия Наполеона, контр-адмирал Моллер, канонерские лодки, гребные суда.

Для цитирования: Вербовой А.О. Речные военные флотилии в Отечественной войне 1812 года // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 16–20. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-16-20>

Research Article

RUSSIAN RIVER MILITARY FLOTILLAS IN THE REPULSION OF THE FRENCH INVASION OF 1812

Alexey O. Verbovoy, Candidate of Historical Sciences, Naval institute, Naval Academy named after Admiral of the Fleet of Soviet Union N.G. Kuznetsov, teacher of the cathedra of Military-political activity in troops (forces), City of Saint-Petersburg, Russia, a.verbovoy@mail.ru

Abstract. The Russian use of river flotillas during the 1812 military campaign against Napoleonic France is discussed in this article. Their use on the Western Dvina River (the Daugava in Latvian) and the Western Aa River (now the Lielupe, Latvia) during the defence of Riga played a colossal role in stopping the advance of Napoleon's troops towards St. Petersburg – the capital of the Russian Empire. What was a particularly significant factor was the fact that the said offensive appeared to be impossible for the French either during the clashes of Vilna (the Battle of Vilna), Saltanovka or Polotsk. As a matter of fact, the defence of Riga would not have been that effective without the participation of the Baltic Fleet. The considered flotillas, which were used in the water area of the above mentioned rivers, did not allow the enemy troops to break through to St. Petersburg bypassing Riga. It is this problem that is considered in this article. For the study of the voiced problem, the materials of the Russian State Archive of the Navy were attracted. As a result, thanks to archival materials and the works of historians Feodosiy Veselago and Nikolay Kallistov, it was possible to establish that it was the crews of the ships of the flotillas that successfully defended Dünamünder fortress (now Daugavgrīvas fortress) located on the Western Dvina River, and that by knocking the enemy out of Schlock (now Sloka district of Jūrmala) located on the Western Aa River, Russian naval sailors defended the latter town as well. The courage and skill of the crews of the ships of the flotillas helped to prevent the enemy from advancing from the western direction. This saved the capital and largely decided the outcome of the war in Russia's favour.

Keywords: military river flotillas, Riga, Western Dvina (Daugava), Western Aa (Lielupe), 1812 French invasion of Russia, Napoleon's army, Counter Admiral Berend Otto von Möller, gunboats, rowing vessels.

For citation: Verbovoy A.O. Russian river military flotillas in the repulsion of the French invasion of 1812. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 3, pp. 16–20. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-16-20>

12 (по новому стилю 24) июня 1812 года армия Наполеона форсировала реку Неман и, захватив Ковно (Каунас), планировала в дальнейшем прорваться к Риге и Вильно (Вильнюс). На левом фланге наполеоновской армии корпус маршала Макдональда был готов развить наступление на Петербург. При этом основные силы противника сконцентрировались на московском направлении с целью нанесения удара по главным силам российских войск. Распыление сил русской армии, связанное с необходимостью оборонять приобретенные земли на Дунае (Бессарабия), в Закавказье, что было обусловлено русско-иранской войной, и в приобретенной Финляндии, привело к тому, что против полумиллионной армии Наполеона остались лишь две армии, возглавляемые генералами от инфантерии М.Б. Барклаем де Толли и П.И. Баграгионом. Это, в свою очередь, привело к поражениям в Смоленском и Бородинском сражениях и целом ряде других меньших сражений, им предшествовавших.

Однако на рижском и балтийском театрах военных действий удалось не допустить столь серьезных поражений благодаря содействию Балтийского флота нашим сухопутным войскам. Поэтому, несмотря на неудачный для российских войск исход Виленского сражения, дальнейшее наступление противника на западном направлении удалось остановить. Следует отметить, что остановить наступление на Петербург, вопреки расхожему мнению, удалось не корпусу генерал-лейтенанта П.Х. Витгенштейна в сражении под Клястицами, в ходе которого он был разгромлен, а Балтийскому флоту и речной флотилии на реке Западная Аа в ходе обороны Риги и акватории Западной Двины, длившейся на протяжении практически всей Отечественной войны 1812 года (с июля по декабрь). Именно Рига и Западная Двина были ключом к овладению столицей Российской Империи, а не Полоцк и Клястицы. Недаром под Ригой были сосредоточены мощные силы наполеоновской армии, в то время как под Клястицы были отправлены лишь два корпуса, что крайне недостаточно для овладения столицей страны, и Наполеон как грамотный полководец не мог не понимать расклада сил.

Для содействия Балтийского флота сухопутным войскам и противостояния наполеоновской армии вооружались все его суда, годные к плаванию. В частности, как указано в работе историка флота Ф.Ф. Веселаго «Краткая история русского флота», для защиты от неприятеля приречных районов широко использовались гребные суда, а для войны на морских комму-

никациях применялся корабельный флот [Веселаго: 216]. Отряды гребных судов, действовавших в районе Риги, были преобразованы в речную военную флотилию, ведущую боевые действия на реках Западная Двина (далее Двина, как ее называли в документах изучаемого периода) и Западная Аа.

Согласно рапорту вице-адмирала Шешукова на имя морского министра, адмирала маркиза Траверсе от 7 июля 1812 года стоящие в Рижском порту шесть канонерских лодок под командованием лейтенанта Яновского для защиты берега от неприятельского нападения и удержания переправы через Двину с четырьмя английскими канонерскими лодками должны были постоянно организовывать рейды вверх по Двине от Риги¹. Через десять дней после этого, 16 июля 1812 года, отряд канонерских лодок и английских ботов лейтенанта Яновского залпами своих орудий обратил в бегство неприятельскую конницу, наступавшую вдоль западного берега Двины¹.

Ригу оборонял отдельный армейский корпус коменданта крепости генерал-лейтенанта Н.И. Эссена, укрепления города были подготовлены к долговременной обороне, и в июне – июле 1812 года продолжалось наращивание сил гребного флота в данном районе еще двумя отрядами канонерских лодок [Три века: 165]. В ходе обороны Риги, в июле 1812 года, на помощь русским войскам, ведущим боевые действия в районе города Эккау, пришли моряки Балтийского флота, причем на этот раз в качестве подкрепления личного состава сухопутных сил [Три века: 166]. Другая часть моряков обеспечивала защиту переправы через Западную Двину, используя для этого канонерские лодки, с целью не допустить отсечения наших армейских частей от баз снабжения. Отправка канонерских лодок из Риги на Западную Двину стала возможной вследствие подхода корабельных соединений Балтийского флота к Риге.

Согласно записке вице-адмирала Шешукова, направленной адмиралу Траверсе, генерал-лейтенант Эссен 12 июля 1812 года сообщил, что к Риге из Митавы приближаются неприятельские силы, и предписал принять меры по обороне Риги, в частности предписал командирам военных судов на Двине отразить вражеское нападение и вести надзор за приближением противника⁵.

Далее, согласно рапорту вице-адмирала Шешукова от 31 июля 1812 года, отряд из тридцати канонерских лодок, одного гемама, яхты, галеты и транспорта, возглавляемый контр-адмиралом А.В. Моллером, прибыл благополучно в район крепости Динамюнд,

и его суда были расставлены на всем протяжении реки между Ригой и Динамюндом, на некоторых лодках было привезено два батальона солдат². За неделю до этого, 24 июля 1812 года, по распоряжению генерал-лейтенанта Эссена на реку Лиелупе было отправлено шесть английских богов и четыре канонерские лодки². На следующий день генерал-лейтенант Эссен обратился к адмиралу Траверсе, чтобы этот отряд отправили дальше вниз по Двине для остановки французского наступления. Вскоре, 12 августа 1812 года, генерал-лейтенант Эссен требовал от вице-адмирала Шешукова доклада о действиях флотилии под Шлоком⁴.

Согласно рапорту вице-адмирала Шешукова на имя адмирала Траверсе от 17 августа 1812 года, командующим флотилией канонерских лодок на Двине назван контр-адмирал Моллер⁹. Согласно рапорту от 17 сентября 1812 года, касающегося ремонта судов флотилии на Двине, контр-адмирал Моллер назван также командующим флотилии гребных судов¹⁰.

С середины июля 1812 года канонерские лодки огнем своих орудий смогли отеснить вражеские войска от города. Наиболее активные действия развернулись в районе рижской крепости Динамюнде на реке Лиелупе, где также действовала российская речная военная флотилия. Главная цель действий балтийских моряков – помешать противнику осуществить прорыв к городу с противоположного берега реки.

24 июля 1812 года российские канонерские лодки были направлены из Динамюндской крепости к укрепленному пункту Шлок для атаки находящихся там неприятельских войск. Через два дня, 26 июля, после отражения вражеских атак, канонерки отошли. В этих боях особо отличился экипаж канонерской лодки № 32, сделавший все возможное, чтобы дать основным силам эскадры возможность вернуться обратно в крепость без особых потерь [Каллистов: 119].

Таким образом, можно сделать вывод. С приходом канонерских лодок, составивших речную военную флотилию на Западной Двине, и гребной эскадры контр-адмирала Моллера, положение французских войск в Прибалтике стало катастрофическим.

Последний отряд канонерских лодок прибыл в Прибалтику 19 августа 1812 года, после чего общее число кораблей и военных судов, действовавших под Ригой против французов, достигло ста двадцати пяти вымпелов [Три века: 165]. Регулярные высадки морских десантов нарушали прибрежные коммуникации противника, что способствовало овладению российскими войсками Митавы (Елгавы) при участии речной флотилии, действовавшей на Лиелупе [Веселаго: 246]. Десанты уничтожали находящиеся там военные склады противника, захватывали важные трофеи, ликвидировали продовольственные припасы.

В ходе этих боевых действий умелым управлением отрядом канонерских лодок отличились капитан 1-го ранга Развозов и капитан-лейтенант Бирштет. Их и еще пятерых офицеров генерал-лейтенант Эссен – военный губернатор Риги – особо отметил в своем донесении российскому императору Александру I. Другой участник тех событий, командующий союзной английской эскадрой контр-адмирал Мартен, тоже был восхищен действиями русских моряков под командованием капитана 1-го ранга Развозова в ходе боев за Шлок, особенно отметив смелые и решительные действия капитан-лейтенанта Рейтеля и лейтенанта Станюковича.

Таким образом, экипажи балтийских канонерских лодок, входящих в состав речных военных флотилий на реках Западная Двина и Западная Аа под командованием храбрых и опытных командиров, совершили невозможное – заставили превосходящие силы противника не просто оставить попытки овладения Ригой, но лишили его стратегических запасов и резервов, уничтожив армейские склады и нарушив вражеские морские коммуникации. Так они лишили врага возможности воплотить в жизнь планы по наступлению на Петербург. Далее последовало второе наступление флотилии русских канонерских лодок на Митаву с целью окончательного избавления Прибалтики от французских войск.

В середине сентября 1812 года отряд канонерских лодок и вооруженных гребных судов отправился по реке Лиелупе к Бильдринсгофу и далее через Дублинг в Шлок. Этот населенный пункт был практически без боя оставлен противником. Командование Балтийского флота на случай возвращения вражеских войск оставило в порту Шлока шесть канонерских лодок, а остальные вместе с армейской артиллерией были отправлены к порту Калинец. Теперь путь отряда канонерок лежал в Митаву. В это время на реке Болдер-Аа оставались сорок две канонерские лодки для защиты района от возможных дальнейших действий французских войск⁶.

16 сентября 1812 года майор Любецкий со своим отрядом атаковал шлокский пост и затем Кильнецем с целью соединения с войсками генерала Неттинга, для чего его войска было необходимо переправить от Шлока на правый берег Лиелупе⁶. На следующий день следовало идти вверх по Западной Аа, чтобы там разорвать соединения противника, который еще не знал о начале атаки его войск. Далее когда отряд приблизится за семь-восемь верст к Митаве, где была переправа, он должен был подготовить место для соединения с корпусом⁶.

Однако вследствие раннего наступления зимы, сказавшегося, в частности, и на положении наполеоновской армии в Москве, уже в середине сентября 1812 года был поднят вопрос об отправке флотилии

на зимовку⁶. Сразу возникли вопросы, где для судов флотилии было лучше провести зиму. Генерал-лейтенант Эссен решил, что суда флотилии будут портиться, находясь неподвижно в течение всего сезона холодов, поэтому их лучше отправить на Западную Двину, где они будут храниться в заводях и время от времени маневрировать⁷. Но уже через несколько дней повелением контр-адмирала Моллера было решено отправить их на зимовку в финский Свеаборг⁷, так как оставлять их в акватории Двины или под Ригой было опасно.

Согласно рапорту капитана 1-го ранга Развозова на имя адмирала Траверсе, известно, что, исполняя приказ главнокомандующего войсками под Ригой генерал-лейтенанта Эссена, 4 октября 1812 года он отправился вверх по реке Лиелупе с восемнадцатью канонерскими лодками и английскими гребными судами¹¹. На следующий день он, подойдя на полверсты к Валгундте, увидел стоящие поперек реки Михологеки французские суда, преградившие путь, после чего открыл по ним огонь¹⁰. Ввиду превосходства сил противника российская флотилия и часть войск генерала Эссена, следовавшая за ней, была вынуждена ретироваться¹⁰.

Тем временем, как уже говорилось ранее, 14 октября 1812 года контр-адмирал Моллер с отрядом канонерских лодок и гребных судов отправился вверх по реке Болдер-Аа к Бильдрингсгофу³. Там российские войска были переправлены на другой берег реки, 15 октября – дошли до Дублинга, а 16 – прибыли в Шлок, который, как уже упоминалось, был оставлен неприятелем без всякого сопротивления³. Заняв Шлок шестью канонерками под командованием капитана 2-го ранга Кипелясова, он посадил сухопутные войска на лодки, а конницу и артиллерию – на специальные барки, после чего прибыл в Кальнецесм и высадил войско, оставив там четыре канонерки³.

На следующий день, 17 октября 1812 года, следуя к Митаве, отряд контр-адмирала Моллера уничтожил три неприятельских бота, при этом неприятель продолжал ретироваться со всех занятых им укреплений, а 18 октября по указанию генерал-лейтенанта Нотингема отправил с флотилией из Митавы, перед этим взяв на борт и отправив обратно высаженный ранее в Шлоке 1-й гребной экипаж и захваченные припасы неприятеля, подготовленные для осады Риги; в свою очередь, в Ригу было доставлено войско майора Лобцкого³.

Видя превосходство русских речных сил, французы покидали свои укрепления, бросая в них артиллерийские орудия и боеприпасы [Каллистов: 121]. Это было обусловлено тем, что французские войска не имели достаточно сил и средств, чтобы сдерживать наступление российского отряда канонерских

лодок, так как все свои силы они бросили на борьбу с российскими сухопутными войсками. Речных боевых кораблей у них не было, за исключением переправочных средств, которые не имели артиллерийского вооружения. В итоге противник, желая сохранить свои суда и личный состав, был вынужден без боя оставлять свои позиции. Митава была оставлена неприятелем, как и остальные его форпосты – Шлок, Дублинг, Бильдрингсгоф.

В Митаве было обнаружено много продовольственных припасов, оружия, обмундирования и другого важного армейского имущества. Все это предназначалось противником для штурма и овладения Ригой. Также было оставлено много флотского имущества, корабельных снастей, средств для наведения мостов и переправ [Каллистов: 122]. Все эти трофеи оказались у экипажей балтийских канонерских лодок и были доставлены в освобожденную нашими войсками Ригу.

Согласно рапорту генерал-лейтенанта маркиза Пидулочи от 26 октября 1812 года, двадцать две канонерские лодки, находящиеся у Риги, следовало отправить на зиму не в Свеаборг, а ближе, в Армсбург, чтобы использовать их для обороны Рижской и Динамюндской крепостей⁸. В ноябре 1812 года, согласно рапорту вице-адмирала Шешукова на имя адмирала Траверсе по представлению коменданта Динамюндской крепости, к ней для подкрепления гарнизона было отправлено шесть канонерских лодок, которые были расставлены по реке Мухе на расстоянии пушечного выстрела от стен крепости³.

Надо отметить, что к началу осени 1812 года часть канонерских лодок была оставлена в Риге для возможной повторной обороны города. Причем это объяснялось не только вполне обоснованными опасениями повторения противником попыток овладения городом. Была реальная опасность того, что Швеция может нарушить Фридрихсгамский договор 1809 года и Петербургский договор 1812 года, и потому ее армия тоже представляла определенную опасность для российских войск в Прибалтике.

Некоторое количество канонерок было оставлено на зимовку в районе острова Эзель и для защиты Динамюндской крепости. Именно там, у Эзеля, за сто лет до нашествия Наполеона, во время Северной войны принял свое боевое крещение российский парусный флот. И вот теперь снова волею исторических судеб в этом месте российская речная флотилия защищала западные рубежи России.

Таким образом, в 1812 году флотилия канонерских лодок на Западной Двине и Западной Аа полностью выполнили свое предназначение, не только обеспечив прочность обороны Рижской крепости, но и создав преграду для дальнейших наступательных действий со стороны неприятеля.

Примечания

¹ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. 203. Оп. 1. Д. 461. Л. 6–7.

² РГА ВМФ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 461. Л. 10–12.

³ РГА ВМФ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 461. Л. 15–20.

⁴ РГА ВМФ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 461. Л. 65.

⁵ РГА ВМФ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 467. Л. 1.

⁶ РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 457. Л. 80–86.

⁷ РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 457. Л. 90–96.

⁸ РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 457. Л. 107.

⁹ РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 620. Л. 67.

¹⁰ РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 620. Л. 72–74.

Список литературы

Веселаго Ф. Краткая история русского флота. Москва; Ленинград: Военмориздат, 1939. 304 с.

Каллистов Н.Д. Русский флот и двенадцатый год. Санкт-Петербург: Тип. Морского м-ва, 1912. 184 с.

Три века Российского флота 1696–1996 / под ред. Ф.Н. Громова. Санкт-Петербург: Логос, 1996. 403 с.

References

Kallistov N.D. *Russkii flot i dvenadcatii god* [Russian fleet and twelfth year]. Saint Petersburg, Typ. of the Naval Ministry Publ., 1912, 184 p. (In Russ.)

Tri veka Rossiiskogo flota 1696–1996 [Three centuries of Russian fleet], ed. by F.N. Gromov. Saint Petersburg, Logos Publ., 1996, 403 p. (In Russ.).

Veselago F. *Kratkaya istoria russkogo flota* [The short history of Russian fleet]. Moscow, Leningrad, Voenmorizdat Publ., 1939, 304 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 07.08.2023; одобрена после рецензирования 10.10.2023; принята к публикации 11.10.2023.

The article was submitted 07.08.2023; approved after reviewing 10.10.2023; accepted for publication 11.10.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3 С. 21–28. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 3, pp. 21–28. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 336.7:94

EDN NPGART

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-21-28>

ИЗ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ И ОТКРЫТИЯ ОТДЕЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА В Г. КИНЕШМЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Ковров Тимур Артушевич, аспирант, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, covrov.t@yandex.ru

Околотин Владимир Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Аннотация. Данная статья посвящена изучению экономического обоснования и действий по открытию отделения Государственного банка в г. Кинешме в начале XX века. Этот процесс являлся довольно специфичным, поскольку был растянут не только по времени, что позволяет говорить о его периодизации, но и отличался по профессиональной принадлежности инициаторов открытия. Если на первом этапе ими были представители предпринимательского сообщества, то на втором – им стал управляющий Иваново-Вознесенского отделения Государственного банка. Между этими событиями прошло около 10 лет, Россия миновала стадию революционных потрясений, и её экономика вновь стала активно развиваться. Изменилась и региональная политика Государственного банка. Всё больше внимания стало уделяться его присутствию в развивающихся экономических районах через открытие в них банковских отделений. Более того, в результате развития системы коммерческих банков усилилась конкуренция на рынке кредитования, что тоже аргументировало необходимость расширения сферы влияния со стороны Государственного банка. По сути, этими действиями осуществлялось кредитно-банковское оформление Иваново-Кинешемского промышленного района, возникшего в 1910 г. Данная статья подготовлена на основании документов из Российского государственного исторического архива, впервые вводимых в научный оборот. Она позволяет усилить представление о роли отделений Государственного банка в развитии региональной промышленности и предназначена для исследователей его истории в имперский период.

Ключевые слова: Государственный банк, экономическая активность, фабриканты, промышленники, торговцы, городские и земские органы местного самоуправления, кредитование, обоснование, г. Кинешма, Костромская губерния, коммерческие банки, конкуренция, Иваново-Кинешемский промышленный район, открытие, отделение.

Для цитирования: Околотин В.С., Ковров Т.А. Из истории экономического обоснования и открытия отделения Государственного банка в г. Кинешме в начале XX века // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 21–28. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-21-28>

Research Article

FROM THE HISTORY OF THE ECONOMIC JUSTIFICATION AND OPENING OF THE BRANCH OF THE STATE BANK IN THE TOWN OF KINESHMA IN THE EARLY 20TH CENTURY

Timur A. Kovrov, postgraduate student, Institute of Humanitarian Sciences, Ivanovo State University, Russia, covrov.t@yandex.ru

Vladimir S. Okolotin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Humanitarian Sciences, Ivanovo State University, Russia, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Abstract. This article is devoted to the study of the economic justification and actions to opening a branch of the State Bank in the town of Kineshma in the early 20th century. This process was quite specific, since it was not just extended in time, which allows us to speak of its periodisation, but it also differed in the professional affiliation of the initiators of the opening. If at the first stage, these were representatives of the business community – at the second stage, these included the manager of Ivanovo-Voznesensk branch of the State Bank. About 10 years had passed between these events, Russia passed the stage of revolutionary upheavals, and its economy began to develop actively again. The regional policy of the State Bank had also changed. Increasing attention has been paid to its presence in developing economic regions through the opening of the branches of the Bank in them. Moreover, as a result of the development of the commercial banking system, competition

in the lending market has intensified, which also justified the need to expand the sphere of influence on the part of the State Bank. In fact, these actions carried out the credit and banking registration of Ivanovo-Kineshma industrial region, which arose in the 1910s. This article has been prepared on the basis of documents from the Russian State Historical Archive, which have been introduced into scientific circulation for the first time. It makes it possible to strengthen the understanding of the role of the branches of the State Bank in the development of regional industry intended for researchers of its history during the imperial period.

Keywords: State bank, economic activity, manufacturers, industrialists, merchants, city and zemstvo local governments, lending, justification, Kineshma, Kostroma Province, commercial banks, competition, Ivanovo-Kineshma industrial region, opening, branch.

For citation: Okolotin V.S., Kovrov T.A. From the history of the economic justification and opening of the branch of the State Bank in the town of Kineshma in the early 20th century. *Vestnik of Kostroma State University*, 2023, vol. 29, No. 3, pp. 21–28. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-21-28>

Постановка проблемы и историография. Деятельность Государственного банка в дореволюционный период основательно освещена в томе I коллективной монографии «История Банка России. 1860–2010» [История]. Тем не менее эта тема продолжает привлекать внимание исследователей и прежде всего тех, кто работает над воссозданием истории его региональных отделений. Здесь же, согласно существующей историографии, количество исследований по Центральной России незначительно. К их числу следует отнести научные труды А.В. Бугрова [Бугров 2004; Бугров 2012], монографию и статьи В.С. Околотина [Околотин 2006; Околотин 2018], исторические очерки, воспоминания и другие материалы о деятельности банковских учреждений на Рязанской земле [Банковское дело 2004], а также отдельные публикации Т.А. Коврова о деятельности отделений Государственного банка во Владимирской губернии [Ковров 2021; Ковров 2022].

Дальнейшая работа в архивах, в частности в Российском государственном историческом архиве, позволила выявить ряд новых документов, усиливающих представление о специфике создания отделений Госбанка в регионах. Более того, они свидетельствуют, что инициатором открытия таких отделений зачастую становилось предпринимательское сообщество, испытывавшее острую нужду в кредитных ресурсах. Однако такие обращения фабрикантов и заводчиков, даже поддержанные органами местного самоуправления, порой отклонялись Государственным банком по причине предполагаемой неэффективности их возможного дальнейшего существования. И всё же с течением времени и под давлением обстоятельств такая позиция менялась. Исследованию данного процесса на примере открытия отделения Государственного банка в Кинешме и посвящена данная статья.

Первый этап (1901–1902 гг.) В начале XX века система Государственного банка России получила дальнейшее развитие. Это было связано с бурным развитием промышленности и её острой потребности в кредитных ресурсах. Однако, расширяя своё присутствие в губерниях, правление Государствен-

ного банка очень внимательно оценивало перспективы экономического развития того или иного района и нередко первоначально отклоняло прошения с мест об открытии там банковских отделений. Тем не менее, под давлением обстоятельств и признавая экономическую целесообразность таких действий, Государственный банк всё-таки принимал положительные решения. В ряде случаев для их вызревания требовалось время, измерявшееся годами. Примером тому является открытие отделения Государственного банка в г. Кинешме Костромской губернии. Оно состоялось 26 августа 1913 г., хотя первые и настойчивые попытки его открытия осуществлялись местным предпринимательским сообществом ещё в 1901–1902 годах. Об этом свидетельствуют документы из фонда № 587 Российского государственного исторического архива, впервые вводимые в научный оборот. В совокупности с ранее опубликованными архивными материалами из истории Кинешемского отделения Госбанка [Околотин 2006: 57–83] они позволяют сформировать целостное представление не только об его открытии, но и о динамике развития местной промышленности в период, рассматриваемый в данной статье.

Итак, к началу XX в. в Костромской губернии действовало лишь одно отделение Государственного банка, которое функционировало в Костроме. Для сравнения следует сказать, что у её соседей – Владимирской и Ярославской губерний – ситуация была несколько иная. Так, во Владимирской губернии действовали Муромское, Владимирское и Иваново-Вознесенское отделения Госбанка, а в Ярославской губернии – два постоянных и одно временное ярмарочное отделения в Ярославле, Рыбинске и Ростове Великом соответственно.

Согласно архивным документам, первые организационные действия по открытию отделения Госбанка в Кинешме были предприняты в декабре 1901 года. С инициативой выступили местные фабриканты, торговцы и промышленники, которые предложили обсудить данный вопрос на заседании городской думы¹. Вескость их аргументов заключалась в том, что в Ки-

нешме активно развивалась торговля и текстильная промышленность, а действовавший в городе общественный банк был не в состоянии удовлетворить растущие потребности в кредитных ресурсах. Имея под рукой дешёвый и доступный кредит, предприниматели смогли бы наращивать свои обороты и удешевлять стоимость производства продукции. Это, по их мнению, также оказало бы положительное воздействие на развитие кустарных промыслов в уезде, прежде всего по изготовлению валяной обуви². Решение данного вопроса они видели в открытии в г. Кинешме отделения Государственного банка³. Гласные думы единодушно одобрили предложение промышленников и приняли решение просить городского голову И.Е. Куфтина принять меры по продвижению данного решения⁴.

Благодаря усилиям И.Е. Куфтина в январе 1902 г. решение городской думы поддержала Кинешемская уездная земская управа, а затем, 26 февраля 1902 г., и чрезвычайное уездное земское собрание⁵. В итоге было решено пригласить местных фабрикантов и заводчиков к проработке содержания ходатайства и его подписанию⁶. Ходатайство подписали 33 предпринимателя, в том числе И.К. Коновалов, А.Н. Кузнецов, С.Т. Морозов, Г.Г. Набатов, Ф.С. Пелёвин, М.М. Подшивалов, И.Г. Тихомиров и другие⁷.

Оформленные таким образом документы были отправлены костромскому губернатору, а тот, в свою очередь, направил их министру финансов. 3 апреля 1902 г. министр финансов дал распоряжение правлению Госбанка изучить данный вопрос. В результате управляющему Костромским отделением Госбанка Н.А. Ростовскому, управляющим Иваново-Вознесенским и Ярославским отделениями, а также Московской конторы Госбанка были направлены запросы с просьбой сообщить в Госбанк сведения о торгово-промышленной обстановке в г. Кинешме и тяготеющем к нему районе, высказать мнение о возможности удовлетворения поступившего ходатайства⁸.

Содержание ответных писем весьма любопытно и представляет интерес для данного исследования. Так, управляющий Н.А. Ростовский дал развёрнутую оценку торгово-промышленному состоянию г. Кинешмы и прилегающего к ней района. По его утверждению, они представляют собой «очень бойкую местность в промышленном отношении», где имеются также чугунолитейный, лесопильный и много химических заводов. По «числу и разнообразию фабрично-заводских предприятий она занимает одно из первых мест в промышленном районе Империи». Однако промышленное положение данной местности «не соответствует её торговым оборотам» и «по своей торговле она ничем не отличается от большинства уездных городов смежных губерний». Это связано с тем, что «местные промышленники произво-

дят свои торговые сделки как по покупке сырья, так и по продаже продукции главным образом в Москве, где они имеют свои конторы или представителей».

Для удовлетворения же существующих торгово-промышленных потребностей, по его словам, в Кинешме имелись общественный банк и общество взаимного кредита уездного земства. Кроме того, Костромской коммерческий банк намеревался в 1901 г. открыть в Кинешме своё отделение, но потом отказался от своего решения, поскольку «фабриканты свободных капиталов в Кинешме не оставляют, а нужду рабочего населения в этом отношении вполне удовлетворяют государственные сберегательные кассы». На основании изложенного Н.А. Ростовский пришел к выводу, что «г. Кинешма в торгово-промышленном отношении находится в совершенно неблагоприятных условиях для открытия в ней отделения Госбанка, которое кроме убытков ничего банку не принесёт, да и нет надежды на развитие активных операций»⁹.

Управляющий Иваново-Вознесенским отделением сделал упор на выгодном расположении Кинешмы и её торговом потенциале. Город расположен на берегу реки Волги, где устроены пристани речного пассажирско-товарного пароходства, жителей в городе около 7000, торговля ведётся преимущественно хлебом. Он связан железнодорожными коммуникациями с центром страны и другими экономическими районами. В Кинешемском уезде имеются бумагопрядильно-ткацкие фабрики; осуществляется закупка хлопка для выделки пряжи. Сбыт продукции миткалево-ткацких и ситцепечатных фабрик производится в Москве, где и сосредоточены все расчёты, за исключением расчётов по выдаче жалованья служащим и заработной платы рабочим. Однако для этой цели денежные средства из Москвы переводятся в Кинешемское казначейство.

Окрестные жители – крестьяне, работают на фабриках, земледелием же занимается меньшинство из них и притом исключительно для обеспечения продовольствием своего населения. Хлеботорговцы района закупают хлеб в Самарской, Саратовской и Казанской губерниях и отправляют его преимущественно водным путём по Волге до Кинешмы, а далее по железной дороге в Иваново-Вознесенск и Шую.

Однако, по его утверждению, незначительное количество жителей г. Кинешмы и низкий имущественный ценз торговцев едва ли может защитить новое банковское учреждение от убытков, тем более что в Кинешме учреждён общественный банк, который и производит банковские операции. Более того, открытие отделения Госбанка в Кинешме может привести к снижению объёмов кредитования, осуществляемых Иваново-Вознесенским отделением Госбанка. Соглашаясь с мнением предпринимательского сообщества г. Кинешмы

о желательности открытия отделения Госбанка, он всё же полагал, что нельзя быть уверенным в успешности его деятельности. Поэтому «ходатайство граждан гор. Кинешмы могло бы быть уважено в том случае, если бы в г. Иваново-Вознесенске не было отделения Госбанка»¹⁰.

Согласно ответу управляющего Ярославским отделением Госбанка, г. Кинешма не имеет сколько-нибудь значительных сношений с г. Ярославлем, а «посему, не оказывается возможным осветить предложенный вопрос специально с точки зрения интересов г. Ярославля»¹¹.

Управляющий Московской конторой был более благосклонен к инициативе кинешемцев. По его словам, хотя Кинешма «в торговом отношении является также малозначительным пунктом, как и г. Вязьма и Белый Смоленской губернии, но в Кинешемском уезде сосредоточено весьма обширное фабричное производство, вследствие чего, в интересах сего последнего, открытие в ней отделения банка может быть весьма желательным»¹².

После получения сведений Государственный банк приступил к рассмотрению ходатайства. В итоге 1 августа 1902 г. правление Госбанка «постановило отклонить это ходатайство»¹³. О принятом решении Госбанк 17 августа 1902 г. сообщил министру финансов. Основанием к отказу послужило то, что «выдающееся положение города в промышленном отношении далеко не соответствует его торговым оборотам и по своей торговле Кинешма почти не отличается от большинства уездных городов смежных губерний». Все торговые расчеты фабрикантами производятся в Москве, поэтому клиентами «вновь проектируемого отделения могли бы явиться только торговцы средней руки, продающие товары очень мелким промышленникам, не обладающим никаким имущественным цензом». О слабом развитии торговой жизни Кинешемского района свидетельствует деятельность как уездного казначейства, так и местных частных банков. Общество взаимного кредита Кинешемского уездного земства за отсутствием клиентов вынуждено было в 1901 г. приступить к ликвидации, а обороты общественного банка и казначейства за три года держались на одном и том же незначительном уровне.

На основании изложенного и «принимая во внимание, что в Империи имеются пункты, по своему торговому значению ощущающие более настоятельную необходимость в открытии учреждений Госбанка (Гомель, Симферополь), Совет Банка признал открытие отделения Госбанка в Кинешме в настоящее время преждевременным»¹⁴.

Министр финансов, согласившись с выводами Госбанка, в письме от 10 сентября 1902 г. костромскому губернатору сообщил следующее: «Госбанк

не признал возможным удовлетворить означенное ходатайство, так как учреждения банка открываются только в сравнительно крупных пунктах, обеспечивающих по своим торговым и промышленным оборотам условия деятельности этих учреждений. Между тем, по имеющимся данным, торговые обороты г. Кинешмы и его района не настолько обширны, чтобы доставить достаточный материал для операций проектируемого отделения, и хотя у названного города и нельзя отнять значения как промышленного центра, тем не менее денежные расчёты по главной отрасли этой промышленности – хлопчатобумажному производству – совершаются не на месте, а в г. Москве, где все значительные фабриканты имеют собственные конторы или своих представителей»¹⁵.

Таким образом, в 1901–1902 гг. Госбанк, изучив торгово-промышленный потенциал Кинешмы и прилегающего к нему района, отклонил ходатайство кинешемцев, признав открытие отделения банка в Кинешме преждевременным. Главная причина – это недостаточная развитость торговых оборотов города и уезда и, как следствие, отсутствие спроса на операции планируемого к открытию отделения Госбанка в Кинешме.

Второй этап (1910–1914 гг.). После революционных потрясений 1905–1907 гг. промышленность России вновь стала активно развиваться. В результате в 1910 гг. сначала экономическое, а затем и финансово-банковское оформление получил Иваново-Кинешемский промышленный район, поскольку здесь вслед за бурным развитием фабрично-заводской промышленности стала развиваться система коммерческих банков и учреждений мелкого кредита. Так, в Иваново-Вознесенске кроме отделения Госбанка действовали отделения Московского и Соединённого банков, в Кинешме работали Городской общественный банк, а также отделения Волжско-Камского (Санкт-Петербург) и Соединённого банков (Москва), в Шуе функционировал Городской общественный банк и агентство Волжско-Камского коммерческого банка.

Одновременно усилилось внимание Государственного банка к экономическому развитию регионов. В результате в феврале 1910 г. на места был отправлен циркуляр «О необходимости всестороннего ознакомления Управляющих учреждениями Банка с экономическим положением районов». В нем были определены основные направления по изучению экономики обслуживаемых конторами и отделениями районов. В частности, устанавливалось «ближайшее знакомство лиц, стоящих во главе этих учреждений, с экономическим положением обслуживаемых последними районов и вытекающее отсюда ясное представление о нуждах отдельных отраслей местной промышленности». Считалось, что только «при наличности этих

условий возможно вполне сознательное отношение руководителей учреждений Банка к возложенным на них задачам и наиболее целесообразное размещение затрачиваемых Банком по отдельным видам кредита средств»¹⁶.

В этой ситуации прежняя идея об открытии отделения Госбанка в Кинешме вновь стала актуальной. Однако на этот раз, в отличие от предыдущих попыток, где инициатором его открытия было предпринимательское сообщество, значительные усилия к его созданию приложил управляющий Иваново-Вознесенским отделением Госбанка М.В. Иванов. Именно он в сентябрьской записке 1912 г. в Государственный банк затронул «вопрос о желательности и своевременности открытия в Кинешме отделения Банка», обосновав свое мнение краткими сведениями о торгово-промышленном развитии этого города и уезда¹⁷.

В декабре 1912 г., согласно предложению управляющего Государственным банком, М.В. Иванов вновь представил расширенные сведения об экономике Кинешмы и Кинешемского уезда. Они были подготовлены на основе материалов, полученных из Кинешемской городской управы, и назывались «О развитии Кинешмы с современным ее положением». Согласно этим данным, на конец 1912 г. в Кинешме имелась сухоходная дистанция 5 агентств пароходных обществ. В городе и уезде значились 1 539 торгово-промышленных и промысловых предприятий, из них 71 фабрика с годовой производительностью более 48 млн руб. Бюджет Кинешмы в 1911 г. составил 112 тыс. руб., а бюджет уездного ведомства на 1912 г. был сведён в сумме 1 040 тыс. руб. За 1911 г. в пределах Кинешемской сухоходной дистанции по Волге пришло и разгружено 43 595, 9 тыс. пудов и отправлено 14 274,8 тыс. пудов товаров. На ст. Кинешма по Северной железной дороге прибыло 16 338, 8 тыс. пудов и отправлено 28 088 тыс. пудов товаров¹⁸.

Основной капитал Кинешемского городского общественного банка на 1 сентября 1912 г. составил 718 004,22 руб., а запасный 16 838,45 руб. Для сравнения необходимо сказать, что основной капитал Шуйского городского общественного банка на 1 января 1914 г. составлял лишь 211 639,36 руб., а запасный 49 487,13 руб.¹⁹ Действовавшие в Кинешме отделения уже названных столичных банков, в отличие от городского общественного банка, кроме традиционно-

го кредитования под учтённые векселя, осуществляли также выдачу ссуд под товары и товарные документы (см., например, статистику по отделению Волжско-Камского коммерческого банка в табл. 1)²⁰.

На основании сведений, полученных от М.В. Иванова, 26 августа 1913 г. Государственный банк принял решение об открытии банковского отделения в Кинешме²¹. В январе 1914 г. при вновь учрежденном отделении была открыта центральная сберегательная касса, которой был присвоен № 1044²². Согласно спискам старших чинов контор и отделений Государственного банка за 1915 г., управляющим Кинешемским отделением III разряда значился Сергей Васильевич Наранович, а контролёром – Евгений Иванович Аладинский. На других должностях служили: кассир – Сергей Владимирович Михайлов, бухгалтер – Герман Германович Фризен, помощники контролера – Николай Васильевич Ильинский и Константин Михайлович Тихомиров, инспектор мелкого кредита – Михаил Николаевич Куломзин²³.

В итоге к 1914 г. в городах Иваново-Вознесенск и Кинешма сложилась довольно развитая сеть кредитных организаций, а их центрами стали Иваново-Вознесенское и Кинешемское отделения Государственного банка. За короткое время Кинешемское отделение Госбанка смогло занять прочные позиции на рынке банковских услуг в Кинешме и прилегавшем к ней фабрично-заводском районе²⁴. Более того, на основании совокупных сведений о балансах коммерческих банков, обществ взаимного кредита и городских общественных банков Кинешемское отделение выгодно отличалось от совокупности аналогичных данных, представленных Иваново-Вознесенским отделением Госбанка. В частности, по количеству сберегательных касс, учётно-ссудным операциям и другим видам услуг, о чём свидетельствует сравнительный анализ представленных ими сведений (табл. 2).

К концу 1914 г. расстановка данных показателей несколько изменилась, но по большинству позиций продолжали лидировать кредитные организации, расположенные на территории обслуживания Кинешемского отделения Госбанка (табл. 3)²⁵.

Более того, среди 14 банковых учреждений Центрального промышленного района, в числе которых 7 были расположены в губернских городах, Кинешемское отделение Госбанка по показателям почти

Таблица 1

Размер ссуд под товары и товарные документы, выданных отделением Волжско-Камского коммерческого банка (в тыс. руб.)

Годы	Выдано под товары	Под товарные документы
1910	149 261	5 700
1911	142 260	40 590
1 сентября 1912 года	3 046	13 050

Таблица 2

Сводные показатели банковских услуг в зоне деятельности Кинешемского и Иваново-Вознесенского отделений Госбанка по состоянию на 8 января 1914 г. (в тыс. руб.)

Названия учреждений, из которых получены балансы	Касса	Текущие счёты	Учётно-судные операции	Прочие активы	Итого	Вклады в текущие счёты	Переучёт и перезалог	Прочие пассивы
Иваново-Вознесенское	32	3	816	2 808	3 659	2 747	193	719
Кинешемское	71	245	3 463	940	4 719	3 063	–	1 656

Таблица 3

Сводные показатели банковских услуг в зоне деятельности Кинешемского и Иваново-Вознесенского отделений Госбанка по состоянию на 8 декабря 1914 г. (в тыс. руб.)

Названия учреждений, из которых получены балансы	Касса	Текущие счёты	Учётно-судные операции	Прочие активы	Итого	Вклады в текущие счёты	Переучёт и перезалог	Прочие пассивы
Иваново-Вознесенское	35	18	583	3 504	4 140	3 060	164	916
Кинешемское	93	271	3 383	1 500	5 247	3 688	116	1 443

Таблица 4

Показатели деятельности контор и отделений Государственного банка Центрального промышленного района по состоянию на 1 января 1914 года (в тыс. руб.)

№	Названия учреждений	Касса	Суды				
			Под % бумаги	Под товары	Под документы на товары	Мелкого кредита	Промышл. и прочие
1	Нижегородская контора	123 635	228	728	–	762	1 640
2	Бежецкое отделение	827	10	24	–	4	–
3	Владимирское отделение	2 544	98	369	–	105	5
4	Вяземское отделение	584	18	40	–	25	7
5	Иваново-Вознесенское отделение	1 520	32	83	–	64	–
6	Калужское отделение	4 826	203	160	–	131	59
7	Кинешемское отделение	438	5	–	–	–	–
8	Костромское отделение	1 139	61	12	–	452	16
9	Муромское отделение	765	22	658	–	132	–
10	Ржевское отделение	585	63	179	–	38	34
11	Рыбинское отделение	514	126	794	–	138	–
12	Смоленское отделение	891	169	36	–	100	97
13	Тверское отделение	820	201	227	–	39	203
14	Ярославское отделение	2 704	138	92	–	216	9

не уступало банковским учреждениям других уездов (табл. 4)²⁶.

Таким образом, под воздействием развития промышленности и торговли в Кинешме и прилегающем к нему фабрично-заводском районе Государственный банк изменил свою позицию и признал необходимость открытия здесь своего отделения. В ходе реализации этого решения в г. Кинешме сформировался новый центр кредитно-банковских услуг, в который кроме него вошли филиалы коммерческих банков. Всё это способствовало дальнейшему развитию промышленности и торговли в данном фабрично-заводском районе, а также его кустарных промыслов.

В итоге можно утверждать, что для открытия отделения Государственного банка в Кинешме потре-

бовалось 12 лет. Оно стало возможным благодаря бурному развитию промышленности и изменению позиции Государственного банка в отношении регионов. В результате в Кинешме и прилегающем к нему фабрично-заводском районе сформировался новый центр финансово-банковских услуг, который в совокупности с деятельностью Иваново-Вознесенского отделения Государственного банка заложили основу для банковского оформления Иваново-Кинешемского промышленного района накануне Первой мировой войны. Его дальнейшее превращение в административно-территориальную единицу – Иваново-Вознесенскую губернию – во многом было подготовлено связующей деятельностью Иваново-Вознесенского и Кинешемского отделений Государственного банка.

Примечания

- ¹ Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 587. Оп. 33. Д. 957. Л. 1.
- ² РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 957. Л. 56.
- ³ РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 957. Л. 1 – 1 об.
- ⁴ РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 957. Л. 1 об.
- ⁵ РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 957. Л. 56 об.
- ⁶ РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 957. Л. 52 – 52 об.
- ⁷ РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 957. Л. 57 – 57 об.
- ⁸ РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 957. Л. 2.
- ⁹ РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 957. Л. 8–9.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 957. Л. 5 – 6 об.
- ¹¹ РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 957. Л. 3.
- ¹² РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 957. Л. 49.
- ¹³ РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 957. Л. 66.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 957. Л. 69 – 69 об.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 957. Л. 70 – 70 об.
- ¹⁶ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 15. Оп. 1. Д. 360. Л. 18.
- ¹⁷ ГАИО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 23. Л. 133.
- ¹⁸ ГАИО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 23. Л. 12 об.
- ¹⁹ ГАИО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 67. Л. 3.
- ²⁰ ГАИО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 23. Л. 121.
- ²¹ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 361. Л. 225.
- ²² ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 359. Л. 5.
- ²³ ГАИО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 96. Л. 7 об. – 8.
- ²⁴ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 436. Л. 1 об.
- ²⁵ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 436. Л. 23 об.
- ²⁶ ГАИО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 70. Л. 1 об.

Список литературы

Банковское дело на Рязанской земле. История и современность: исторические очерки, воспоминания и другие материалы о деятельности банковских учреждений. Рязань: Банк. дом, 2004. 268 с.

Бугров А.В. Государственный банк и российская провинция (1860–1917 гг.) // Экономическая история: ежегодник. Москва: РОССПЭН, 2004. С. 433–458.

Бугров А.В. Государственный банк. 1860–1917 гг. Москва: Интеркримпресс, 2012. 264 с.

История Банка России: 1860–2010: в 2 т. Т. 1: Государственный банк Российской империи. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 623 с.

Ковров Т.А., Околотин В.С. Наградное стимулирование членов учётно-ссудных комитетов при отделениях Государственного банка Владимирской губернии // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 54–59.

Ковров Т.А., Околотин В.С. Правовое обеспечение деятельности учётно-ссудных комитетов при отделениях Государственного банка в пореформенный период (на материалах Устава Государственного банка 1860 г.) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 21–25.

Ковров Т.А., Околотин В.С. Роль фабрикантов в деятельности учётно-ссудного комитета при Иваново-Вознесенском отделении Государственного банка // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 40–47.

Околотин В.С. История Государственного банка на Ивановской земле. 1886–2006: Годы. События. Люди. Иваново, 2006. 480 с.

Околотин В.С. Роль Иваново-Вознесенского отделения Государственного банка в формировании Иваново-Кинешемского промышленного района (1886–1914 гг.) // Бурылинский альманах. 2018. № 1 (9). С. 32–40.

Околотин В.С. Роль Иваново-Вознесенского и Кинешемского отделений Государственного банка в формировании Иваново-Кинешемского промышленного района (1886–1914 гг.) // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Экономика. 2018. Вып. 2/3 (36/37). С. 77–87.

Referenses

Bankovskoe delo na Rjazanskoj zemle. Istorija i sovremennost': istoricheskie ocherki, vospominanija i drugie materialy o dejatel'nosti bankovskih uchrezhdenij [Banking on the Ryazan land. The history and modernity: historical essays, memoirs and other materials on the activities of banking institutions]. Rjazan', Bank. Dom Publ., 2004, 268 p. (In Russ.)

Bugrov A.V. *Gosudarstvennyj bank i rossijskaja provincija (1860–1917 gg.)* [The State bank and Russian provinces (1860–1917)]. *Jekonomicheskaja istorija: ezhegodnik* [Economic history: yearbook]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, pp. 433–458. (In Russ.)

Bugrov A.V. *Gosudarstvennyj bank. 1860–1917 gg.* [The State Bank 1860–1917]. Moscow, Interkrimpess Publ., 2012, 264 p. (In Russ.)

Istorija Banka Rossii 1860–2010: v 2 t. Vol. 1: Gosudarstvennyj bank Rossijskoi imperii. [The History of Bank of Russia 1860–2010: in 2 vols. Vol. 1: The State Bank of the Russian Empire]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaja entsiklopedija (ROSSPEN) Publ., 2010, 623 p. (In Russ.)

Kovrov T.A., Okolotin V.S. *Nagradnoe stimulirovanie chlenov ucheto-ssudnyh komitetov pri otdelenijah Gosudarstvennogo banka Vladimirskoj gubernii* [The award promotion for the members of the accounting and loan committees at the branches of the State Bank of the Vladimir province]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 2021, vol. 27, No. 2, pp. 54–59. (In Russ.)

Kovrov T.A., Okolotin V.S. *Pravovoe obespechenie dejatel'nosti ucheto-ssudnyh komitetov pri otdelenijah Gosudarstvennogo banka Rossijskoi imperii v poreformennyj period (na materialah ustava Gosudarstvennogo banka 1860 g.)* [The law ensuring of the activities of

the accounting and loan committees at the branches of the State Bank of the Russian Empire in the post-reform period (on the materials of the charter of the State Bank of 1860)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 2021, vol. 27, No. 1, pp. 21-25. (In Russ.)

Kovrov T.A., Okolotin V.S. *Rol' fabrikantov v dejatel'nosti uchjotno-ssudnogo komiteta pri Ivanovo-Voznesenskom otdelenii Gosudarstvennogo banka*. [The role of the manufacturers in the activities of the accounting and loan committee at the Ivanovo-Voznesensky branch of the State Bank]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 2022, vol. 28, No. 1, pp. 40-47. (In Russ.)

Okolotin V.S. *Istoriia Gosudarstvennogo banka na Ivanovskoi zemle 1886–2006. Gody Sobytiia Liudi* [The history of the State Bank on Ivanovo land 1886 - 2006: Years Events People]. Ivanovo, 2006, 480 p. (In Russ.)

Okolotin V.S. *Rol' Ivanovo-Voznesenskogo otdelenija Gosudarstvennogo banka v formirovanii Ivanovo-Kineshemskogo promyshlennogo rajona (1886–*

1914 gg.) [The role of the Ivanovo-Voznesensky branch of the State Bank in the formation of the Ivanovo-Kineshma industrial region (1886–1914)]. *Burylinskij al'manah* [Burylinsky almanac], 2018, No. 1 (9), pp. 32-40. (In Russ.)

Okolotin V.S. *Rol' Ivanovo-Voznesenskogo i Kineshemskogo otdelenij Gosudarstvennogo banka v formirovanii Ivanovo-Kineshemskogo promyshlennogo rajona (1886–1914 gg.)* [The role of the Ivanovo-Voznesensky and Kineshemsky branches of the State Bank of Russia in formation of the Ivanovo-Kineshemsky industrial area (1886–1914)]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Jekonomika* [Bulletin of Ivanovo State University. Economics series], 2018, vol. 2/3 (36/37), pp. 77-87. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.04.2023; одобрена после рецензирования 27.06.2023; принята к публикации 28.06.2023.

The article was submitted 18.04.2023; approved after reviewing 27.06.2023; accepted for publication 28.06.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 29–34. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 3, pp. 29–34. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94(470)“1918/1920”

EDN DAAEIF

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-29-34>

ОПЫТ ПОДГОТОВКИ БОЕВЫХ РЕЗЕРВОВ ПОЛЕВЫХ ЧАСТЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1920 ГГ.)

Моисеев Андрей Николаевич, кандидат военных наук, доцент, филиал военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», Сызрань, Россия, vertolet_k27tb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0871-916X>

Аннотация. Статья посвящена изучению исторического опыта подготовки боевых армейских резервов в системе запасных воинских частей Красной армии в годы Гражданской войны из числа необученных мобилизованных по призыву граждан. Проводится сравнительный анализ деятельности комиссариатов по военным делам (военкоматов) и органов фронтового и армейского командования по обучению и слаживанию формируемых из них красноармейских подразделений и частей. На основе анализа научных изданий и периодической печати автор детально восстанавливает причины неэффективной работы этих органов военного управления по созданию системы подготовки мобрезервов в период активного вооруженного противостояния революционных и контрреволюционных сил с начала 1918 по середину 1919 г. Вместе с тем, обращаясь к архивным материалам, впервые вводимым в оборот, удается раскрыть методику формирования запасных частей уроженцами одной губернии.

Ключевые слова: «Упраформ», запасные полки, боеспособность, полевые части, дезертирство, боевая слаженность, маршевые роты, арматурные списки, мобрезерв.

Для цитирования: Моисеев А.Н. Опыт подготовки боевых резервов полевых частей Красной Армии в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 29–34. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-29-34>

Research Article

EXPERIENCE IN TRAINING COMBAT RESERVES OF FIELD UNITS OF THE RED ARMY DURING THE CIVIL WAR (1918-1920)

Andrey N. Moiseev, Candidate of Military Sciences, Associate Professor, branch of the Military Training and Research Centre of the Air Force “Air Force Academy named after Professor N.Ye. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin”, Syzran, Russia, vertolet_k27tb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0871-916X>

Abstract. The article is devoted to the study of the historical experience of training combat army reserves in the system of reserve military units of the Red Army during the Russian Civil War from among the untrained conscripted citizens. A comparative analysis of the activities of Commissariats for Military Affairs (Military enlistment offices) and bodies of the front and army command for training and coordination of the Red Army units and units formed from them is carried out. Based on the analysis of scientific publications and periodicals, the author reconstructs in detail the reasons for the ineffective work of these military administration bodies to create a system of training mobile reserves during the period of active armed confrontation of revolutionary and counter-revolutionary forces from the early 1918 to mid-1919. At the same time, turning to archival materials, which have been put into circulation for the first time, it is possible to reveal the methodology for the formation of reserve units by natives of one province.

Keywords: Upriform (Directorate of front’s reserve formations), reserve regiments, combat capability, field units, desertion, combat coherence, marching companies, reinforcement lists, mobile reserve.

For citation: Moiseev A.N. Experience in training combat reserves of field units of the Red Army during the Civil War (1918-1920). Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 3, pp. 29–34 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-29-34>

Сегодня против России вновь развязана настоящая война, страны Запада в очередной раз добиваются ее изоляции и крылатая фраза о том, что «у России только два союзника – ее армия и флот» становится снова актуальной.

Для защиты интересов такой огромной страны, как наша, нужна боеспособная, хорошо вооруженная, оснащенная всеми возможными техническими и технологическими разработками в области вооружения армия. Подготовленный, высококвалифицированный кадровый состав является ее основой. Исторический опыт показывает, что ведение активных боевых действий напрямую зависит не только от количества, но и качества личного состава Вооруженных сил. В настоящее время перед Российской Федерацией встает одна из важнейших проблем накопления и подготовки людских ресурсов для эффективного ведения специальной военной операции. Обращение к опыту предыдущих критических для страны периодов дает возможность проанализировать и осмыслить как положительные, так и отрицательные стороны процесса создания и становления мобилизационной системы подготовки призываемых из запаса граждан.

Наиболее драматичной эпохой российской истории, сопоставимой по некоторым аспектам с современными событиями, можно считать Гражданскую войну и интервенцию 1918–1922 гг. Так же, как и тогда, необходимо подготовить из числа простых граждан, в основном не имеющих ни воинского, ни боевого опыта слаженные части и подразделения. Многие из призываемых, как и в те годы, не понимают сути происходящих процессов, а местные органы военного управления оказались не готовы в полном объеме выполнять возложенные на них многообразные функции. Исследованием процесса создания Красной армии (Рабоче-крестьянской Красной армии, РККА) и становления системы подготовки и обучения мобилизационного резерва занимались в разные периоды отечественной истории. Наиболее известной и цитируемой работой является монография «Комплектование Красной армии» [Мовчин], а также статьи специалистов, служивших в центральном аппарате наркомата по военным и морским делам [Алкенис, Венцов]. Изучение и переосмысление тех событий проводили и наши современники [Гринкевич, Дмитриев, Макаревич, Федоров, Наумов, Ситников и др.]. Однако материалы совсем недавно рассекреченных фондов Российского государственного военного архива (РГВА) дают возможность детально дополнить картину создания в целом продуктивного механизма обучения и комплектования людскими ресурсами войск Красной армии.

После «Октябрьского переворота»¹ произошел слом общественного строя, сопровождавшийся фактической ликвидацией военной организации страны,

существовавшей в императорской России и при Временном правительстве. Вооруженные силы Советской республики создавались заново методом проб и ошибок, в условиях ожесточенного противостояния внешней интервенции и контрреволюционным силам. Принятая в конце 1917 г. концепция построения армии на основе добровольного принципа не предполагала элемента принуждения (мобилизации) и оказалась нежизнеспособной для применения в крупномасштабных боевых действиях. Уставшее от Первой мировой войны население с неохотой вступало в ряды РККА (порядка 154 тыс. чел. к 1 апреля 1918 г.) [Макаревич: 614]. Обострившаяся весной 1918 г. внешне- и внутривнутриполитическая обстановка подтолкнула советское правительство коренным образом изменить способ комплектования армии людскими ресурсами и перейти на принудительный призыв граждан. В целях выполнения этой задачи 8 апреля 1918 г. Совет народных комиссаров (Совнарком, СНК) принял декрет «Об учреждении волостных, уездных, губернских и окружных комиссариатов по военным делам». На военные комиссариаты данным нормативным документом возлагались функции «по учёту годного к военной службе населения, его призыву, формированию вооружённой силы Российской Советской Республики, обучению поголовно всех рабочих и не эксплуатирующих чужого труда крестьян военному делу, управлению войсками, предназначенными для обслуживания местных нужд, и удовлетворению материальных потребностей военного снабжения»².

Вплоть до середины 1919 г. окружные, губернские и частично уездные военные комиссариаты, не имея системных и штатно-должностных возможностей выполнения работ по воинскому обучению мобилизованных контингентов и их боевому слаживанию, отправляли на фронт наскоро сформированные подразделения, приносившие больше вреда, чем пользы³. Сказывалось и отсутствие программ по обучению граждан, призванных из запаса и не служивших в армии. К тому же отсутствовало хоть какое-то взаимодействие между военкоматами и воинскими фронтовыми частями. [Ситников: 122–124]. В результате снижалась боеспособность действующих полевых частей, которые несли повышенные боевые потери на полях сражений и по причине дезертирства влитых запасных пополнений, из-за их низкого морально-политического состояния⁴.

Опыт формирования и отправки частей военкоматами, полученный в начале Гражданской войны, показал, что они не справлялись с делом правильного обучения и подготовки пополнений в запасных частях [Кузьмин: 84–93]. На этом фоне, не ожидая решения центра, руководство Восточного фронта в начале 1919 г. проявило инициативу самостоятельного

создания запасных полков и специального аппарата в армиях фронта, ведающего всеми запасными частями, то есть Управление запасных формирований фронта (Упраформ). Примеру Восточного фронта последовал и Западный фронт (Запфронт), сформировав своим приказом № 370 от 15 июля 1919 г. при всех армиях фронта запасные полки¹⁸.

Предполагалось, что создание запасных полков армий и фронтов и соответствующих формирований значительно повысило бы боеспособность действующих частей. Они должны были стать «приёмниками-лабораториями» для разбитых в тяжёлых боях полевых полков, выводимых в тыл, в резерв, на отдых и переукомплектование⁵. Одновременно требовалось, чтобы каждый запасный полк являлся для мобилизованного рабочего и крестьянина своим домом, где он после занятий мог бы отдохнуть как физически, так и духовно. Для этого при каждой запасной части создавались клубы, читальни, библиотеки, кино, свой театр и т. д. Планировалось привить красноармейцам понятие, что казарма является для них школой, действительной военной лабораторией РККА, но не всегда и везде было возможным добиться правильного понимания и порядка. В большинстве случаев тыловые запасные части функционировали как сборные пункты, где собирались мобилизованные, дезертиры, красноармейцы, вышедшие из госпиталей, и тому подобное.

Состояние запасных частей Красной армии того начального периода иллюстрирует выдержка из приказа по Восточному фронту: «Подготовка переменного состава не налажена, политическое воспитание отсутствует; нет прочной и ясной системы в проведении призванных по мобилизации через существующую градацию запасных частей, инструкторский состав случайный... обучение ведётся схоластически, без понимания требований не только Гражданской войны, но и современной техники боя»¹¹. Зачастую вся деятельность в запасных батальонах концентрировалась на теоретическом изучении предметов в условиях казарм и отработке сомкнутого и уставных форм рассыпного строя на гладком плацу. В программе обучения резервного контингента отсутствовали такие дисциплины, как физическая и стрелковая подготовка, основы владения штыковым боем. Форма обучения личного состава вне местности (поля) и тактической обстановки учебного боя уничтожала суть и смысл обучения бойцов ратному делу¹⁶.

Подобным образом «обученных» людей наскоро «оптом» разбивали на маршевые роты и, как только получали наряд, отправляли на фронт. Командир и комиссар запасного полка с участием представителей инспекции должны были организовать углубленную проверку боевой подготовленности и слаженности отправляемого красноармейского состава.

Однако зачастую маршевые подразделения фактически не проверялись ни по уровню боевой подготовки, ни по снабжению всеми видами довольствия, ни по предоставлению аттестатов, именных и арматурных списков и т. д.¹⁵

Представленная в перечисленных сопровождающих документах информация являлась жизненно необходимой. Так как именно там указывалось, как одеты бойцы, насколько и чем вооружены, а также заносились сведения о том, какие события произошли по дороге. Эти данные, в свою очередь, характеризовали степень подготовленности маршевых рот. По именованным спискам легко можно было проверить, кто дезертировал, по арматурному списку – чем бойцы обеспечены (экипированы), что они потеряли или распродали в дороге. Отсутствие важных сведений способствовало увеличению количества дезертиров и снижению боеспособности вливаемых во фронтовые части подразделений из запасных частей⁷.

Приходилось констатировать тот факт, что не все войсковые начальники, начдивы и командармы достаточно полно оценивали значение запасных полков, находящихся в их ведении. У многих из них закрепилось мнение о том, что готовые пополнения должен поставлять только центр, а армий и фронта данная работа не касается⁶. Первоначально в большинстве случаев командиры и комиссары запасных частей далеко не соответствовали своему назначению. Во-первых, они были подобраны неумело, не вполне понимали свое предназначение по занимаемой должности. Во-вторых, отсутствовал чёткий контроль и единая вертикаль подчинения запасных частей. Часто случалось так, что назначенный командир являлся прекрасным боевым начальником, но обучать и воспитывать прибывший личный состав он был не способен. К тому же главным недостатком таких военачальников являлось недобросовестное отношение к делу, поверхностное исполнение своих должностных обязанностей.

Комиссары запасных частей, так же как и командиры, нередко самоустранились от проведения занятий с обучающимся личным составом подразделений. Упускали контроль за методикой и посещаемостью занятий красноармейцами. Программы и расписания занятий на период обучения курсантов-красноармейцев не разрабатывались. В учебных подразделениях не хватало учебных пособий, а имеющиеся не использовались. Порой из-за халатного отношения со стороны фронтовых и армейских политработников к своим обязанностям политическая работа с бойцами велась неудовлетворительно. Повсеместно созданные в подразделениях запчастей библиотеки и красноармейские клубы не задействовались в проведении занятий с личным составом или использовались неэффективно и не по назначению¹⁷.

Надзор за подготовкой мобилизационного резерва осуществляли инспекции фронтов и армий [Моисеев: 68–79]. Но порой на инспекционные комиссии командующими возлагались несвойственные их обязанностям задачи по формированию, снабжению частей всеми или отдельными видами довольствия и вооружения¹⁹. Причиной этого стали следующие обстоятельства:

– отсутствие в течение продолжительного времени положения об инспекциях. В результате каждый фронт и армия рассматривали роль инспекции на своё усмотрение и так же организовывали их работу;

– в работе инспекций отсутствовала плановость;

– комплектование штатов инспекций осуществлялось людьми, неспособными к творческой работе, не имеющими навыков командной и административной деятельности¹⁴.

Неналаженность запасных частей на первоначальном этапе Гражданской войны сильно сказывалась на боевых успехах РККА на фронтах. И если в тылу военными руководителями комиссариатов всех уровней накопившиеся проблемы решались с существенными задержками, то фронтовое командование на сложившуюся ситуацию в запасных частях хоть как-то реагировало изначально¹².

Постепенно в ходе создания и развития системы фронтовых запасных частей вырабатывался порядок их формирования, налаживания повседневной, учебной и учебно-боевой деятельности [Наумов: 159–160]. Сначала отдельные командиры интуитивно при действующих на позициях боевых полках при обозе второго разряда формировали запасные роты для обучения прибывших на пополнение красноармейцев. Позже стало очевидным, что качество фронтовых и окружных запасных частей разительно отличалось не в пользу последних. Например: «В начале октября 1919 г. для [№-й] части бригады штаб фронта приказал отправить 8 рот пополнения. 4 роты приказано было дать из 1-го Запасного полка военного округа, а 4 из 1-го Запасного полка фронта. Из Запасного полка округа были взяты лучшие роты. В результате из отправленных рот округа в составе 496 красноармейцев – прибыло только 119, дезертировало – 377 бойцов, 4-мя ротами 1-го Запасного полка фронта было отправлено 524 красноармейца, прибыло 498, дезертировало 26 бойцов»⁸. Одной из причин такого положения дел являлось пополнение действующих частей из местных уроженцев и отправка их на фронт своего региона. С учетом проявившихся особенностей этого способа формирования запчастей уроженцами одной губернии наиболее опытные командиры и начальники все же не отказались от него, но стали придерживаться следующих условий:

1. Все прибывшие мобилизованные в запасный полк разбивались по группам. Все уроженцы одной гу-

бернии выделялись в одну группу, независимо от степени подготовки и военной специальности.

2. Из каждой этой группы выделялись артиллеристы, кавалеристы и прочие специалисты по родам оружия.

3. Каждая группа пехотинцев и других групп по родам оружия разбивалась на три части: а) старые и обученные солдаты; б) солдаты, прошедшие подготовку двухнедельного курса обучения; в) необученные солдаты. Только после такой разбивки, каждая группа делилась на роты и батальоны⁸.

4. Ротам, выделенным из первой группы обученных и старых солдат, в качестве названия присваивали литер «А» с прибавлением первых букв той губернии, из уроженцев которой подразделение составлялось. Например, первая или пятая рота из обученных уроженцев Уфимской губернии получила название: литер 1А/Уф., 5А/Уф. Роты из малообученных той же губернии получали название литер 1Б/Уф., а роты необученных – литер 1Н/Уф. Дезертиров выделяли в особые роты в таком же порядке, по степени подготовки, и они носили название литер 1А/Д или литер 1Б/Д (согласно приказу по фронту за № 876)⁹.

В запасных полках велись занятия по программам подготовки подразделений каждого литеры. После прохождения определённого курса обучения и проведения контрольной проверки рота переводилась из разряда литеры «Н» в разряд литеры «Б» и так далее, с пометкой, когда именно переведена в другой по степени подготовки разряд¹⁰.

Если же при обучении встречались неуспевающие красноармейцы, их немедленно выделяли в особые роты и взводы, и с ними ежедневно дополнительно занимались строевыми занятиями по два часа сверх установленного срока, применяя строжайшие меры, чтобы в ряды действительно отстающих не попадали различные бездельники и рвачи. Прошедших дополнительный курс подготовки отстающих красноармейцев по мере их готовности зачисляли в соответствующие литерные роты.

С особой тщательностью высшее военное командование стало осуществлять подбор командных кадров и комиссарского состава для формирования запасных полков [Наумов: 165–166] и контролировать их посредством применения следующих мер:

1. Всем строевым начальникам, свободным от несения службы в нарядах, в строгом порядке предписывалось одновременно с личным составом подчинённых подразделений выходить на занятия, находится при частях до окончания занятий и лично ими руководить.

2. Все начальники, начиная от старшего и кончая отделенными командирами, обязаны были иметь при себе строевую записку с указанием, сколько лю-

дей состоит по списку, сколько присутствует на занятиях, сколько в наряде, больных, в командировке и в отпусках. Указанные строевые записки предписывалось предъявлять по первому требованию старшему начальнику, инспектирующим и другим лицам, прибывающим для проверки учебного процесса.

3. В полках и ротах ежедневно вменялось вести списки командиров до отделенных включительно, отсутствующих на занятиях, с указанием причин. Если же при проверке законности их отсутствия причина оказывалась неуважительной или ложной, то все вышестоящие начальники и командиры привлекались к ответственности по всей строгости закона военного времени.

4. На начальников и комиссаров Управлений запасных частей возлагалась личная ответственность за интенсивность и качество организации планирования, проведения и контроля занятий в запасных и резервных частях.

5. На инспекции возлагались обязанности по строгому контролю указанных мер.

6. Упраформу вменялось в обязанность представлять Инспекции и Реввоенсовету фронта точное расписание занятий с указанием места и времени их проведения на каждую неделю вперед.

7. Инспекторы и командиры обязаны были иметь при себе на занятиях точные расписания на каждый день, проверять учебно-методические материалы и учебные пособия, литературу и подготовленность учебных мест.

8. Всякие уклонения, упущения и несвоевременный выход личного состава на занятия, как и оставление в подразделениях излишне преувеличенного внутреннего наряда без особой на то надобности, карались беспощадно.

9. Особое внимание обращалось на обучение мобилизованных красноармейцев политической грамоте¹³.

Эффект от принятых мер давал положительные результаты уже через 2–3 недели.

Закрепили наработанные методики по подготовке боевых резервов в тыловых, фронтовых и армейских запасных частях созданием Запасной армии Республики (ЗАР)²⁰ сначала Восточного [Дмитриев: 92–97], а затем и других фронтов [Гриневич: 32]. При формировании данных объединений максимально учитывался как положительный, так и отрицательный наработанный военными комиссариатами и фронтовыми подразделениями опыт.

Система подготовки боевых резервов войск, сформированная в форме Запасных фронтовых армий, положительно оправдала себя в годы Гражданской войны, систематизировала подготовку необученных мобрезервов, освободив от данных обязанностей военные комиссариаты.

В несколько видоизменённом виде система подготовки необученных мобрезервов продолжила своё существование и во время Великой Отечественной войны, дав фронту около 34 млн человек – защитников Родины, и в период функционирования Советской армии.

Изучение данного опыта весьма актуально и в современных условиях проведения Вооружёнными силами Российской Федерации специальной военной операции на Донбассе.

Примечания

¹ Правда. № 241. 1918. 6 ноября.

² Декреты Советской власти. Т. II: 17 марта – 10 июля 1918 г. Москва: Политиздат, 1959. С. 63.

³ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 11. Оп. 5. Д. 496. Л. 446 об.

⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 496. Л. 447.

⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 496. Л. 447 об.

⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 496. Л. 448.

⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 496. Л. 448 об.

⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 496. Л. 449.

⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 496. Л. 449 об.

¹⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 496. Л. 450.

¹¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 496. Л. 450 об.

¹² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 496. Л. 451.

¹³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 496. Л. 451

¹³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 496. Л. 451 об.

¹⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 496. Л. 453.

¹⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 541. Л. 14.

¹⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 541. Л. 15.

¹⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 541. Л. 10.

¹⁸ РГВА. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7. Л. 21.

¹⁹ РГВА. Ф. 28889. Оп. 4. Д. 15. Л. 43.

²⁰ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА): путеводитель. Т. 2. Раздел 11. Фонды управлений, соединений и частей резервных и запасных войск. Приказ № 1272/247 от 07.08.1919 г. 2006. URL: <http://guides.rusarchives.ru/node/15635>. (дата обращения: 24.11.2022).

Список литературы

Алексис Я.Я. Вопросы мобилизации РККА и буржуазных армий // Войсковая мобилизация (практич. пособие). Июль – декабрь 1927 г. Москва: Изд. ГУ РККА, 1927. С. 10–28.

Венцов С.И. Итоги и перспективы мобилизационной работы // Мобилизационный сборник. 1926 (январь – март). № 2. Москва: Изд. Штаба РККА, 1926. С. 3–24.

Гриневич Д.А. Из истории создания и подготовки резервных формирований // Военная мысль. 1989. № 11. С. 21–31.

Дмитриев П. Из истории подготовки боевых резервов в годы Гражданской войны // Военно-исторический журнал. 1967. № 5. С. 92–97.

Кузьмин А.Б. Губернские и уездные военные комиссариаты в 1918–1920 годах: дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2006. 223 с.

Макаревич О.Л. Постановка мобилизационной работы и комплектование Красной армии людскими ресурсами в годы Гражданской войны в России (1918–1922) // Вестник удмуртского университета. Сер.: История и филология. Т. 30, вып. 4. 2020. С. 616–627.

Мовчин Н. Комплектование Красной армии: исторический очерк. Москва: Штаб РККА: Управление по исслед. и исп. опыта войн: Изд-е Воен. тип. Управления делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1926. 292 с.

Моисеев А.Н. Анализ взаимодействия высшей военной инспекции с органами местного военного управления и войсковыми частями в деле строительства Красной армии (на материалах Приволжского военного округа 1918–1920 гг.) // Власть истории – История власти. 2022. Т. 8, ч. 1. № 35. С. 68–79.

Наумов Е.О. Создание объединений Красной армии в годы Гражданской войны в Среднем Поволжье: на примере 1-й армии Восточного фронта: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2017. 297 с.

Ситников В.В. Военно-организаторская и мобилизационная деятельность органов военного управления Симбирской губернии в 1918–1919 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2008. 299 с.

Федоров В.Ф. Проблемы подготовки и накопления мобилизационных людских ресурсов // Военная мысль 2007. № 7. С. 6–15.

References

Alksnis Ya.Ya. *Voprosy mobilizacii RKKA i burzhuznykh armii* [Questions of mobilization of the Red Army and bourgeois armies]. *Vojskovaja mobilizacija (prakt. posobie). Ijul' – dekabr' 1927 g.* [Military mobilization (practical guide). July – December 1927]. Moscow, Publishing House of the Red Army Publ., 1927, pp. 10–28.

Fedorov V.F. *Problemy podgotovki i nakoplenija mobilizacionnykh ljudskih resursov* [Problems of preparation and accumulation of mobilization human resources]. *Voennaja mysl'* [Military thought], 2007, No. 7, pp. 6–15.

Grinevich D.A. *Iz istorii sozdanija i podgotovki rezervnykh formirovani* [From the history of the creation and preparation of reserve formations]. *Voennaja mysl'* [Military thought], 1989, No. 11, pp. 21–31.

Dmitriev P. *Iz istorii podgotovki boevykh rezervov v gody Grazhdanskoj vojny* [From the history of the training of combat reserves during the Civil War]. *Voennostoricheskij zhurnal* [Military Historical Journal], 1967, no. 5, pp. 92–97.

Kuzmin A.B. *Gubernskie i uezdnye voennye komisariaty v 1918–1920 godah: dis. ... kand. ist. nauk* [Pro-

vincial and county military commissariats in 1918–1920: PhD thesis]. *Ivanovo*, 2006, 223 p.

Makarevich O.L. *Postanovka mobilizacionnoj raboty i komplektovanie Krasnoj armii ljudskimi resursami v gody Grazhdanskoj vojny v rossii (1918–1922)* [Staging of mobilization work and staffing of the Red Army with human resources during the Civil War in Russia (1918–1922)]. *Vestnik udmurtskogo universiteta. Ser.: Istorija i filologija* [Bulletin of the Udmurt University. Ser. History and Philology], 2020, vol. 30, iss. 4, pp. 616–627.

Movchin N. *Komplektovanie Krasnoj armii. (Istoricheskij ocherk)* [Recruitment of the Red Army. (Historical essay)]. Moscow, Headquarters of the Red Army. Office for the Study and Use of the Experience of Wars. Publication of the Military Printing House of the Department of Affairs of the People's Commissariat for Military Affairs and the RVS of the USSR Publ., 1926, 292 p.

Moiseev A.N. *Analiz vzaimodejstvija Vysshej Voenoj Inspekcii s organami mestnogo voennogo upravlenija i vojskovymi chastjami v dele stroitel'stva Krasnoj Armii (na materialah Privolzhskogo Voennogo Okruga 1918–1920 gg.)* [Analysis of the interaction of the Supreme Military Inspectorate with local military administration bodies and military units in the construction of the Red Army (based on the materials of the Volga Military District 1918–1920)]. *Vlast' istorii – Istorija vlasti* [The Power of History – The History of Power], 2022, vol. 8, part 1, No. 35, pp. 68–79.

Naumov E.O. *Sozdanie obedinenij Krasnoj armii v gody Grazhdanskoj vojny v Srednem Povolzh'e: na primere 1-j armii Vostochnogo fronta: dis. ... kand. ist. nauk* [Creation of associations of the Red Army during the Civil War in the Middle Volga region: on the example of the 1st Army of the Eastern Front: PhD thesis]. Saransk, 2017, 297 p.

Sitnikov V.V. *Voенно-organizatorskaja i mobilizacionnaja dejatel'nost' organov voennogo upravlenija Simbirskoj gubernii v 1918–1919 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Military-organizational and mobilization activities of the military administration bodies of the Simbirsk province in 1918–1919: PhD thesis]. Cheboksary, 2008, 299 p.

Ventsov S.I. *Itogi i perspektivy mobilizacionnoj raboty* [Results and prospects of mobilization work]. *Mobilizacionnyj sbornik* [Mobilization collection]. Moscow, Ed. Headquarters of the Red Army, 1926 (January – March), No. 2, pp. 3–24.

Статья поступила в редакцию 05.05.2023; одобрена после рецензирования 27.06.2023; принята к публикации 28.06.2023.

The article was submitted 05.05.2023; approved after reviewing 27.06.2023; accepted for publication 28.06.2023.

**ТЕКСТИЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
В АВГУСТЕ 1921 – АПРЕЛЕ 1923 Г.: ОРГАНИЗАЦИОННОЕ СТАНОВЛЕНИЕ
И РАЗВИТИЕ ФОРМ УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЯМИ
(на материалах Иваново-Вознесенской, Владимирской и Ярославской губерний)**

Ильин Юрий Александрович, доктор исторических наук, профессор, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, ilyin37@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9055-0266>

Комолов Денис Евгеньевич, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, komolov.denis2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7739-0303>

Аннотация. Данная статья посвящена организационному становлению и развитию форм управления текстильной промышленности Верхневолжского региона в первые годы советской власти. Акцент сделан на изучении вопросов поиска центральными и местными властями наиболее приемлемой формы управления предприятиями отрасли. Рассматриваются основные структурные объединения и органы управления текстильной промышленностью региона в указанные годы: от районных и губернских управлений системы «главизма» до первых текстильных «объединений» (трестов) периода начала НЭПа в промышленности. В хронологическом порядке прослеживается переход от экономики периода «военного коммунизма» до системы «коммерческого расчёта» в текстильной отрасли исследуемых губерний. Также в статье приводится сравнительный анализ процессов становления и развития различных форм управления текстильными предприятиями в Иваново-Вознесенской, Владимирской и Ярославской губерниях и обозначаются их ключевые особенности. Для раскрытия темы статьи были использованы как материалы научных изданий, так и архивные документы, значительная часть из которых вводится в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Верхневолжский регион, ВСНХ, текстильная промышленность, система «главизма», районтекстиль, НЭП, хозяйственный расчёт, предприятие.

Для цитирования: Ильин Ю.А., Комолов Д.Е. Текстильная промышленность Верхнего Поволжья в августе 1921 – апреле 1923 г.: организационное становление и развитие форм управления предприятиями (на материалах Иваново-Вознесенской, Владимирской и Ярославской губерний) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 35–42. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-35-42>

Research Article

**TEXTILE INDUSTRY OF THE UPPER VOLGA REGION
IN AUGUST 1921 – APRIL 1923: ORGANISATIONAL FORMATION
AND DEVELOPMENT OF FORMS OF ENTERPRISE MANAGEMENT
(based on materials of Ivanovo-Voznesensk, Vladimir and Yaroslavl provinces)**

Yuri A. Ilyin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute for the Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, ilyin37@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9055-0266>

Denis E. Komolov, Institute for the Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, komolov.denis2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7739-0303>

Abstract. This article is devoted to the organisational development of the textile industry of the Upper Volga economic region in the early years of Soviet power. The emphasis is placed on studying the issues of the search by central and local authorities for the most acceptable form of management of enterprises in the industry. The main structural associations and management bodies of the textile industry of the region in these years are considered – from the district and provincial administrations of the “glavk”-ism system to the first textile “associations” (trusts) of the period of the early NEP (the so-called new economic policy) in industry. In chronological order, the transition from the economy of the period of “war communism” to the system of “commercial settlement” in the textile industry of the studied provinces is traced. The article also provides a comparative analysis of the processes of formation and development of various forms of management of textile enterprises in Ivanovo-Voznesensk, Vladimir and Yaroslavl provinces and it identifies their key features. To reveal the topic of the article, both

materials of scientific publications and archival documents were used, a significant part of which has been introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Upper Volga region, Supreme Council of National Economy, textile industry, “glavk”-ism system, district textile, NEP (so-called new economic policy), khozraschet (economic accounting), enterprise.

For citation: Ilyin Yu.A., Komolov D.E. Textile industry of the Upper Volga region in August 1921 – April 1923: organisational formation and development of forms of enterprise management (based on materials of Ivanovo-Voznesensk, Vladimir and Yaroslavl provinces). Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 3, pp. 35–42. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-35-42>

Статья рассматривает проблему организационного становления и развития форм управления текстильной промышленности Верхневолжского региона в первые годы советской власти. Именно тогда этот экономический район Европейской России становится центром текстильной промышленности РСФСР (с 1922 года – СССР). В данной работе упор будет сделан на изучении данного явления применительно к предприятиям хлопчатобумажной отрасли, являвшейся основной отраслью всей текстильной промышленности страны. В связи с этим объектом изучения станут предприятия Иваново-Вознесенской, Владимирской и Ярославской губерний, где были сконцентрированы основные производственные мощности региона по переработке хлопка в готовую продукцию. Не привлекались материалы по Костромской губернии в силу того, что в указанный период, как и в последующие годы, данная территория являлась столицей льняного производства страны.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 12 августа 1921 г., когда было издано постановление СТО РСФСР¹, регламентирующее процесс создания первых текстильных объединений (протрестов), до 10 апреля 1923 г., когда был издан первый декрет СНК СССР о промышленных трестах².

В указанный период в системе промышленного управления складывается и развивается система «главкизма» – форма организации промышленности в рамках политики «военного коммунизма». Она представляла собой «ряд могущественных вертикальных объединений, хозяйственно изолированных друг от друга и только на верхушке связанных Высшим советом народного хозяйства» [Бобков: 130].

В те годы центральными органами власти в текстильной отрасли были Центротекстиль и Главтекстиль, подчинённые Президиуму ВСНХ РСФСР. Непосредственным регулированием текстильной промышленности на местах ведали районтекстили, а с марта 1919 г. также и губтекстили, в основные задачи которых входила торгово-заготовительная деятельность, организация и регулирование производства. Данные структуры создавались как секции ГСНХ и были подотчётны Центротекстилю³ и ГСНХ⁴.

Организационная основа отрасли была следствием милитаризации народного хозяйства, обнищания производственных, кадровых и оборотных ресур-

сов, заточенности на текущий результат удовлетворения минималистских нужд государства и населения, не останавливаясь перед саморазрушением базовых принципов функционирования текстильных предприятий. Итог был печален: к началу 1921 г. количество предприятий составляло лишь 24 % от показателя 1913 г., выработка пряжи и тканей сократилась в 20–25 раз, в стоимостном выражении (довоенные цены) – в 20 раз по сравнению с 1913 г. Производительность труда на одного работника действовавших предприятий лишь за период 1913–1918 гг. составила: по выработке пряжи – 36,1 % от показателя 1913 г., ткани – 25,9 %, в стоимостном выражении (довоенные цены) – 29,7 % по сравнению с 1913 г.⁵

Однако наряду с процессами увядания текстильного производства в конце Гражданской войны на местах наблюдались и явления так называемого «переходного порядка»: организационная перестройка для включения производственного инстинкта выживания промышленного и кадрового потенциала отрасли. Одним из таких «переходных объединений» был Ударный комитет по пуску текстильных фабрик Иваново-Вознесенской губернии, который был организован в августе 1920 г.⁶ Под «переходным объединением» мы имеем в виду не объединение, работающее на принципах «главкизма» эпохи «военного коммунизма», а уже несколько иную форму организации предприятий текстильной отрасли. Ударком фактически положил начало перестройке управления предприятиями Иваново-Вознесенского региона, так как он работал в условиях начала ухода от «главкизма» и вступления в эпоху НЭПа. Им были запущены в строй в октябре 1920 г. наиболее подготовленные в техническом и кадровом отношении, логистике снабжения и сбыта фабрики губернии.

Успех был поразителен: для сравнения, по данным на 1 января 1921 г. в РСФСР насчитывалось 209 предприятий хлопчатобумажного профиля, на них было произведено 140,84 млн аршин тканей; на предприятиях Ударкома, составлявших 10 % всех предприятий страны (до 30 000 человек), – приблизительно 60 млн аршин (42,6 % тканей). По производительности труда на 1 работающего: на предприятиях Ударкома за октябрь – декабрь 1920 г. было произведено 1 400 метров ткани (для сравнения, по всей стране за весь 1913 г. и 1918 г. соответственно 6 010 мет-

ров и 1 558 метров⁷. То есть руководству Ударкома и предприятий удалось на пике военного коммунизма вплотную приблизиться к уровню производительности труда благополучного 1913 г.

Вышеотмеченные процессы и их результативность обосновали курс властей на поиск наиболее приемлемой режиму формы трансформации организационных основ функционирования текстильных предприятий в условиях перехода к мирным условиям жизни. Хлопчатобумажный кластер региона Верхнего Поволжья был флагманом данных перемен. Опираясь на опыт деятельности Ударкома, он форсированно на практике реализовывал инициативу центра, по ходу дополняя и уточняя его новый экономический курс. Так, 1 мая 1921 г. Ударный комитет объединился с иваново-вознесенским Губтекстилем и стал подчиняться ГСНХ, превратившись в его отдел под названием Губернское правление текстильных предприятий [Восстановление: 77]. Здесь необходимо отметить, что это объединение с Губтекстилем шло уже в соответствии с духом перестройки промышленности на хозрасчетные рельсы. Практические наработки и их анализ со стороны Ударкома и губернского правления текстильных предприятий позволили центральному аппарату управления отраслью выйти на уровень разработки и принятия первого ключевого документа, регламентирующего деятельность создаваемых новых промышленных «объединений». Им стало постановление СТО РСФСР от 12 августа 1921 г. «Основные положения о мерах к восстановлению крупной промышленности и поднятию и развитию производства». По нему предполагалось «наиболее крупные, технически оборудованные, целесообразно организованные и соответственно расположенные предприятия в данной отрасли промышленности...» соединить в объединения, организованные на началах хозяйственного расчёта.

Фактически на основании данного документа началась первая фаза трестирования текстильной промышленности региона Верхней Волги. Но пути создания новых промышленных «объединений»⁸ в Иваново-Вознесенской, Владимирской и Ярославской губерниях несколько отличались друг от друга.

На заседании правления иваново-вознесенского Губотдела Союза текстильщиков и коллегии Губтекстиля, состоявшемся 16 августа 1921 г., по предложению председателя Губсоюза текстильщиков П.Н. Пирожкова была сформирована специальная комиссия (тройка), которая занялась вопросом создания треста. В конце августа 1921 г. «тройка» представила проект организации единого в губернии текстильного треста, который включал бы в себя работающие и намеченные к работе хлопчатобумажные и льняные фабрики⁹. Разработанный проект треста сначала обсуждался на заседании

правления губернского Союза текстильщиков и коллегии Губтекстиля, а затем 26 сентября 1921 г. данный вопрос рассмотрел президиум иваново-вознесенского ГСНХ, выпустив по итогу постановление об организации управления текстильной промышленности [Восстановление: 84]. В нём был прописан состав фабрик будущего треста и порядок утверждения его правления. После этого проект в отредактированном виде отправился в Москву.

На заседании бюро иваново-вознесенского губкома РКП(б) 8 октября 1921 г. председатель Губсоюза текстильщиков Н.П. Пирожков сообщил, что «...вопрос о создании текстильного треста в Иваново-Вознесенской губернии решён Центром» [Восстановление: 85]. Фактически Иваново-Вознесенский государственный текстильный трест начал работу с 1 ноября 1921 г., но юридическое оформление он получил только 2 января 1922 г. на основании постановления Президиума ВСНХ [Восстановление: 95].

Ивгострест объединял 26 наиболее крупных и лучших по своему оборудованию текстильных предприятий Иваново-Вознесенской губернии: 19 хлопчатобумажных и 7 льняных, располагавшихся в Иваново-Вознесенске, Кинешме, Шуе, Вичуге, Серде, Родниках, Тейкове, Кохме и Пучеже. Они охватывали все три ступени изготовления тканей – прядение, ткачество и отделку. Ремизо-бердочный, ременно-гоночный и химический заводы обеспечивали мануфактуры вспомогательными материалами и оборудованием. Таким образом, предприятия треста формировали законченный цикл производства тканей разных сортов. Иваново-Вознесенский текстильный трест считался одним из самых мощных текстильных объединений того времени. Среди хлопчатобумажных фабрик объединения можно отметить мануфактуры: Большую Иваново-Вознесенскую, Шуйскую объединенную, Средскую объединенную, Родниковскую, Тейковскую, Томненскую и Большую Кохомскую⁹. Численность работающих на предприятиях Ивгостреста, по данным на 1 ноября 1921 года, составляла 21 693 человека. Ассортимент продукции был весьма разнообразным и насчитывал около 250 сортов тканей (от бельевых до набивных тканей), что, однако, вызвало постоянную путаницу при планировании производства. Поэтому одной из первоочередных задач для правления Ивгостреста стало проведение стандартизации выпускаемых сортов тканей и последующей специализации своих предприятий.

Несколько иначе шёл процесс трестирования текстильной промышленности в соседней с Иваново-Вознесенской Владимирской губернии. Здесь первые текстильные «объединения» были организованы в период с 1 по 17 января 1922 г.¹⁰ Базой для их создания стали предприятия, входившие в Групповые правления кустовых объединений, упразднённые в октябре

1921 г.: Владимирское, Александровское и Ковровское¹⁸. Ключевой особенностью организации первых текстильных объединений Владимирской губернии стало то, что все они, в отличие от Ивгостреста, были исключительно хлопчатобумажными. Также практически все предприятия созданных объединений занимались производством и выпуском в основном сурового товара (ситце-набивные, бельевые ткани и ткани гладкого крашения). Своего мощного выпускного аппарата, то есть отделочных и ситцепечатных фабрик, хлопчатобумажные объединения Владимирской губернии практически не имели. В этом вопросе они тяготели к иваново-вознесенским и московским отделочным фабрикам, которым либо сдавали своё суровьё на отделку, либо просто продавали по цене, фактически равной себестоимости произведённой ткани. Свои красильно-отделочные фабрики, которые занимались в основном только окрашиванием суровых тканей, но не их полноценной отделкой, имело лишь Александровское хлопчатобумажное объединение¹¹.

Владимирское, Александровское и Ковровское хлопчатобумажные объединения создавались, как было указано в положениях об их организации, утверждённых уже в январе 1922 г., в целях «предоставления большей свободы маневрирования в условиях товарного обращения»¹². Данные объединения по своему положению являлись составной частью владимирского ГСНХ и были подотчётны ему. Аналогичным образом выстраивались взаимосвязи Ивгостреста с иваново-вознесенским ГСНХ.

В целом необходимо отметить, что при некоторых различиях в организации хлопчатобумажных объединений в регионе они в ключевых моментах руководствовались постановлением СТО РСФСР от 12 августа 1921 г. Помимо положений об организации хлопчатобумажных объединений, в своей организационно-административной работе первые тресты региона Верхней Волги опирались на типовые инструкции ВСНХ об утверждении состава правления данных объединений и их прав и полномочий. Данные инструкции высылались аппаратам правлений трестов практически сразу же после их организации. Согласно данным инструкциям, полномочия правления объединения устанавливались на 2 года, причём в течение этого срока отдельные члены правления или всё правление в целом могло быть отстранено от исполнения своих обязанностей президиумом ВСНХ или по представлению Главтекстиля и ГСНХ в случае обнаружения последними злоупотреблений или неработоспособности¹³.

Правление несло полную ответственность за общее ведение дела, а его отдельные члены несли ответственность не только в административном порядке, но и перед судом. В своей деятельности правление

объединения руководствовалось директивами Главтекстиля, сохраняя, однако, за собой право опротестовывать его указания непосредственно перед Президиумом ВСНХ. Правление также предоставляло отчёты о своей работе и работе подведомственных предприятий Президиуму ВСНХ, ЦК Союза Текстильщиков и ГСНХ¹⁴.

Первые текстильные объединения (тресты) конца 1921 – начала 1922 г. в Иваново-Вознесенской и Владимирской губерниях создавались как объединения, находящиеся на полном государственном обеспечении Центра¹⁵. Перед началом каждого операционного года трест должен был предоставить в ГСНХ годовую смету, в которой должны были быть указаны:

- а) предполагаемая выработка изделий, калькуляция их себестоимости и валовая сумма производства;
- б) остатки материальных и денежных ресурсов к началу сметного года;
- в) потребность в рабочей силе, топливе, сырье, материалах, продфураже и других материальных ресурсах, технически необходимых для выполнения производственной программы;
- г) расходы на амортизацию, проценты на капитал, государственные налоги, страхование;
- д) расходы на дополнительное оборудование и расширение предприятий объединения;
- е) денежные и материальные поступления от эксплуатации фабричных посёлков, культурно-просветительных и лечебных учреждений, а равно и расходы по их содержанию;
- ж) ожидаемый баланс предприятий объединения.

При утверждении смет ГСНХ назначал объединению размер гарантированных материальных и денежных ресурсов из государственных источников¹⁶. Однако истощение государственных продовольственных, материальных и финансовых ресурсов заставило Президиум ВСНХ 6 февраля 1922 г. издать приказ за № 29 «О снятии предприятий с госснабжения» и предоставить таким предприятиям право полностью реализовывать свою продукцию на рынке. Также по данному приказу предполагалось переводить на хозяйственный расчёт всех крупных и финансово устойчивых предприятий и объединений¹⁷. Единственным текстильным объединением региона Верхней Волги, который был способен перейти с государственного снабжения на самообеспечение, был только Ивгострест. Хлопчатобумажные объединения Владимирской и Ярославской губерний в силу своей маломощности были оставлены на государственном обеспечении.

Таким образом, к началу февраля 1922 г. в текстильной промышленности исследуемых нами губерний Верхней Волги, а равно, как мы можем предположить, и в текстильной промышленности РСФСР в целом, сложилась следующая система управления

национализированными текстильными предприятиями: ВСНХ – Главтекстиль (общее руководство и координирование операций по реализации продукции) – ГСНХ – объединение (трест) – предприятие. Здесь необходимо отметить, что уже к началу 1922 г. большинство предприятий текстильной отрасли в изучаемых нами губерниях были национализированы, а все крупные предприятия вошли в указанные выше текстильные объединения (тресты). Осенью 1921 г. были окончательно ликвидированы Районтекстиль, а в ведение такой структуры, как Губтекстиль, с ноября 1921 г. сначала в Иваново-Вознесенской, а затем во Владимирской и в Ярославской губерниях попадают ликвидированные и законсервированные предприятия местной промышленности, не вошедшие в тресты. Соответственно, сам Губтекстиль как бы выпадает из трестовской схемы управления текстильной промышленностью, становясь фактически её лишним звеном.

Структура управления текстильной промышленностью как изучаемых нами губерний Верхней Волги, так и всего РСФСР в целом ещё более усложнилась в связи с организацией в структуре ВСНХ РСФСР 10 февраля 1922 г. Всероссийского текстильного синдиката (ВТС), в который должны были войти все текстильные объединения (тресты) и автономные, то есть находящиеся вне структур трестов, текстильные предприятия¹⁸. Также допускалось вступление в ВТС акционерных обществ и государственных предприятий, связанных по роду своей деятельности с текстильной промышленностью. К таковым относились, например, химические заводы. ВТС был создан с целью согласования и объединения торговой, заготовительной и финансовой деятельности всех его структурных единиц.

Таким образом, уже к концу февраля 1922 г. ВТС становится важнейшим звеном в системе управления текстильной промышленностью республики. От Главтекстиля ему были переданы функции контроля торговой политики объединений, а из ведения ГСНХ были изъяты функции по централизованной заготовке сырья и топлива для предприятий. Фактически после создания синдиката Главтекстиль начинает осуществлять лишь общее руководство текстильной отраслью.

В период весны – осени 1922 г. в текстильной отрасли изучаемых нами губерний происходит ряд важнейших событий. Прежде всего, в марте 1922 г. начинается процесс ликвидации такой структуры, как Губтекстиль. И если во Владимирской и Ярославской губерниях данный вопрос был решён уже к маю¹⁹, то иваново-вознесенский Губтекстиль фактически продолжал свою работу до 1 июля 1922 г.²⁰ После ликвидации Губтекстилей верхневолжских губерний, которые фактически ведали всей местной текстильной промышленностью, судьба их предприя-

тий сложилась по-разному. Так, на базе части предприятий ярославского Губтекстиля было основано Ярославское хлопчатобумажное объединение (трест) в составе двух крупнейших предприятий губернии: ярославской прядильно-ткацкой фабрики «Красный Перекоп» и норской фабрики «Красный Перевал».²¹ Остальные предприятия местной текстильной промышленности Ярославской губернии, как и большинство предприятий бывшего владимирского Губтекстиля, были переподчинены уездным комитетам ярославского и владимирского ГСНХ соответственно, то есть они остались, по сути, в прежнем статусе – в подчинении ГСНХ, но уже прямом, а не через отдел Губтекстиля.

Несколько иной была судьба предприятий иваново-вознесенского Губтекстиля. Практически сразу после его окончательной ликвидации в июле 1922 г. президиумом иваново-вознесенского ГСНХ было принято решение об организации на территории губернии Правления группой работающих и неработающих фабрик текстильной промышленности Иваново-Вознесенской губернии. В его ведение были переданы все не вошедшие в Ивгострест работающие и неработающие фабрики губернии со всем принадлежащим им имуществом. Правление было основано на принципах хозяйственного расчёта и самоснабжения. Во главе Правления ставились директор и его заместитель. Правление объединило под своим руководством 32 средних и мелких предприятия хлопчатобумажной промышленности губернии, ранее входивших в ведение иваново-вознесенского Губтекстиля. На предприятиях Правления, по данным на 8 июля 1922 года, трудились 37 253 человека (рабочие, служащие и младший обслуживающий персонал). Предприятия занимались выпуском ситцевых, плательных и одёжных видов тканей. Указанное Правление являлось структурной частью ГСНХ и подчинялось ему напрямую²².

Однако данная структура просуществовала сравнительно недолго, и уже в сентябре 1922 г. на базе Правления было образовано Промышленно-торговое правление Иваново-Вознесенского губернского совета народного хозяйства (Промторгправление), которое фактически взяло на себя ответственность как за нетрестированные консервированные предприятия, так и за всю местную текстильную промышленность [Якобсон: 32].

Каковы же были практические результаты таких организационных перестановок в текстильной отрасли Республики? За 1921–1922 гг. число предприятий уменьшилось на 30,5 %, а численность их персонала, наоборот, увеличилась на 34,1 %. Производство пряжи увеличилось в 3,28 раза, тканей – в 2,3 раза. Доля производства текстильной продукции в стране выросла с 5 % до 17 % от уровня 1913 г. Имеются дан-

ные по производительности труда в целом по промышленности: в конце 1922 г. она составила 70 % от 1913 г.²³ По исследуемому региону приведем статистику по Иваново-Вознесенской губернии, ибо она располагала основными производственными мощностями по хлопчатобумажной промышленности региона: на июнь 1921 г. на предприятиях губернии насчитывалось 18 % прядильных веретен и 24 % ткацких станков Республики. Флагманом данного кластера экономики являлся Иваново-Вознесенский государственный текстильный трест: на его предприятиях размещались 20 % прядильных и 25 % ткацких станков губернии. Именно на данную губернию в июле 1921 г. было дано до 40 % заказа Республики на хлопчатобумажную продукцию [Восстановление: 203].

Итак, по приблизительным подсчетам, число действующих текстильных предприятий в губернии выросло с 24 до 67, а численность персонала соответственно с 26,5 до 74 тысяч человек. Как это сказалось на конкретных предприятиях? На предприятиях Иваново-Вознесенского государственного треста за период с октября 1921 г. по март 1922 г. число работающих веретен выросло в 13,25 раз, а ткацких станков – в 5,69 раз. Это привело к значительному росту валовой продукции: по губернии за период 1921–1922 гг. прирост производства хлопчатобумажной пряжи увеличился в 2,1 раза и составил 33 % от уровня 1913 г.; по суровью – 2,81 раза и 50 %; по готовому товару – в 1,54 раза и 35 % [Некоторые: 27].

К началу 1923 г. текстильной отраслью страны были достигнуты несомненные успехи, но в то же время они вскрыли и серьезные проблемы на пути дальнейшего продвижения ее по пути восстановления. Что мешало выйти на показатели 1913 г. и превзойти их? Целый ряд негативных факторов внешнего и внутреннего характера. Внешние факторы – неблагоприятная для производителя конъюнктура цен на сырье, топливо, комплектующие. Она была следствием сырьевого, топливного, кадрового и продовольственного кризисов, форсированного проведения денежной реформы и нехватки новой валюты во взаиморасчетах. Другой фактор – нехватка оборотных средств не только в силу всеобщей дороговизны и низкой покупательной способности населения, но и стремления Центра уже весной 1922 г. перевести государственные тресты на самообеспечение. А ведь администрация предприятий имела и социальные обязательства перед рабочими и их семьями (зарплата, пособия, продовольствие, содержание социальной инфраструктуры), постоянно находилась под прессингом профсоюзных структур. Это вынуждало тресты в поисках денежных средств скидывать потребителям оптовые и розничные цены ниже уровня себестоимости. Как правило, таким положением трестов нередко пользовались частники, что позволяло им через скид-

ки в свою пользу создавать первоначальный капитал и расширять свою сферу деятельности. Третий фактор – чехарда с налогами, таможенными пошлинами. Так, к концу 1922 г. только налоги с предприятий выросли до 100 % к фонду заработной платы, не считая страховочных и культурно-просветительных взносов.

Среди внутренних факторов можно назвать значительные расходы на ремонт и амортизацию зданий и оборудования, проблемы с выдачей зарплаты, кадровый голод на квалифицированный персонал, слабую мотивированность работников на труд, массовые хищения готовой продукции, рост финансовой задолженности перед государственными учреждениями и поставщиками и т. д.

Одним словом, успехи роста высветили недостатки «ударкомовской» формы вхождения текстильной промышленности в нэповский рыночный маневр, требовались меры, которые бы упорядочивали взаимоотношения производителя и власти на более широкой рыночной платформе. На местах уже шла речь о переходе от группового принципа организации производства к созданию законченных производств через комбинирование предприятий. Ответом центральных ведомств стало принятие декрета СНК СССР «О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах)» (10 апреля 1923 г.). Согласно данному декрету, предписывалось организовывать государственные тресты, которым предоставлялось право действовать на началах коммерческого расчета с целью извлечения прибыли². В этом мы видим коренное отличие данного декрета СНК СССР от постановления СТО РСФСР от 12 августа 1921 г.

Примечания

¹ Основные положения о мерах к восстановлению крупной промышленности и поднятию и развитию производства: постановление Совета труда и обороны РСФСР от 12 августа 1921 г. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1052.htm (дата обращения: 20.04.2023).

² О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах): декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 10 апреля 1923 года. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1600.htm (дата обращения: 21.04.2023).

³ До августа 1918 г.

⁴ С августа 1918 г.

⁵ РГАЭ. Ф. 7770. Оп. 2. Д. 31. Л. 5.

⁶ Далее Ударком.

⁷ РГАЭ. Ф. 7770. Оп. 2. Д. 31. Л. 46.

⁸ Слово «трест» в промышленности было введено в обиход только в апреле 1923 г.

⁹ ГАИО. Ф. Р-1686. Историческая справка.

¹⁰ ГАВО. Ф. Р-1816. Оп. 1. Д. 1а. Л. 9.

- ¹¹ Там же. Д. 19. Л. 14.
¹² ГАВО. Ф.Р-1816. Оп. 1. Д. 1а. Л. 9.
¹³ ГАИО. Ф.Р-1686. Оп. 2. Д. 1. Л. 24.
¹⁴ Там же.
¹⁵ ГАВО. Ф.Р. 1816. Оп. 1. Д. 1а. Л. 9.
¹⁶ Там же. Л. 10–11.
¹⁷ Там же Л. 12.
¹⁸ ГАИО. Ф.Р-1686. Оп. 2. Д. 1. Л. 166.
¹⁹ ГАЯО. Ф.Р-380. Историческая справка.
²⁰ ГАИО. Ф.Р-35. Оп. 1. Д. 994. Л. 25.
²¹ ГАЯО. Ф.Р-1001. Историческая справка.
²² ГАИО. Ф.Р-35. Оп. 1. Д. 994. Л. 26.
²³ РГАЭ. Ф. 7770. Оп. 1. Д. 28. Л. 6–7.

Список литературы

Бобков К.И. Из истории организации управления промышленностью в первые годы советской власти (1917–1920 гг.) (на материалах текстильной промышленности) // Вопросы истории. 1957. № 4. С. 119–132.

Восстановление текстильной промышленности Иваново-Вознесенской губернии (1920–1925 гг.): сб. документов и материалов / под ред. В.А. Бабичева, Г.Я. Горбунова, К.А. Гузиной, Л.В. Левковича. Иваново, 1966. 270 с.

Иоффе И.Г., Пекшева Е.Н., Боброва З.В. Экономика текстильной промышленности: учебник для вузов текстильной промышленности. Москва: Изд-во легкой и пищевой пром-сти, 1981. 388 с.

История отечественной текстильной промышленности / М.В. Конотопов, А.А. Котова, С.И. Сметанин и др.; под ред. М.В. Конотопова. Москва: Легпромбытиздат, 1992. 413 с.

Ляценок П.И. История народного хозяйства СССР: в 3 т. Москва: Гос. изд-во полит. лит., 1956. Т. 3. 643 с.

Некоторые итоги работы Иваново-Вознесенского текстильного треста за период с 1 ноября 1921 г. по 1 января 1923 г. Иваново-Вознесенск: Иваново-Вознесенский текстильный трест, 1924–1926. 125 с.

Тимошина Т.М. Экономическая история России. Москва: Юстицинформ, 2015. 600 с.

Уразова С.А. Развитие текстильной промышленности в начальный период НЭПа, 1921–1922 гг. // Наука. Общество. Государство: электрон. науч. журнал. URL: <https://esj.pnzgu.ru/Urazova%2013/1-02.html> (дата обращения: 24.03.2023).

Шрётер В.Н. Советское хозяйственное право: (Право торгово-промышленное). Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1928. С. 103–126.

Якобсон Ю.А. Хозяйственные трудности 1923 года и пути их преодоления на текстильных фабриках Иваново-Вознесенской губернии // Из истории рабочего класса СССР. Иваново: Облгиз, 1974. Т. 129. С. 32–50.

References

Bobkov K.I. *Iz istorii organizatsii upravleniia promyshlennost'iu v pervye gody sovetskoii vlasti (1917-1920 gg.) (na materialakh tekstil'noi promyshlennosti)* [From the history of the organization of industrial management in the first years of Soviet government (1917-1920) (based on the materials of the textile industry)]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 1957, No. 4, pp. 119-132. (In Russ.)

Iakobson Ju.A. *Khoziaistvennye trudnosti 1923 goda i puti ikh preodoleniia na tekstil'nykh fabrikakh Ivanovo-Voznesenskoi gubernii* [Economic difficulties of 1923 and ways to overcome them in the textile factories of Ivanovo-Voznesenskaya province]. *Iz istorii rabochego klassa SSSR* [From the history of the working class of the USSR]. Ivanovo, Oblgiz Publ., 1974, vol. 129, pp. 32-50. (In Russ.)

Ioffe I.G., Peksheva E.N., Bobrova Z.V. *Ekonomika tekstil'noi promyshlennosti: uchebnik dlia vuzov tekstil'noi promyshlennosti* [Economics of the textile industry: textbook for textile industry universities]. Moscow, Izd-vo legkoi i pishchevoi prom-sti Publ., 1981, 388 p. (In Russ.)

Istoriia otechestvennoi tekstil'noi promyshlennosti [History of the domestic textile industry], M.V. Konotopov, A.A. Kotova, S.I. Smetanin and etc., ed. by M.V. Konotopov. Moscow, Legprombytizdat Publ., 1992, 413 p. (In Russ.)

Liashchenko P.I. *Istoriia narodnogo khoziaistva SSSR: v 3 t.* [The history of the national economy of the USSR: in 3 vols.]. Moscow, Gos. izd-vo polit. lit. Publ., 1956, vol. 3, 643 p. (In Russ.)

Nekotorye itogi raboty Ivanovo-Voznesenskogo tekstil'nogo tresta za period s 1 noiabria 1921 g. po 1 ianvaria 1923 g. [Some results of the work of the Ivanovo-Voznesensky Textile Trust for the period from November 1, 1921 to January 1, 1923]. Ivanovo-Voznesensk, Ivanovo-Voznesenskii tekstil'nyi trest Publ., 1924–1926. 125 p. (In Russ.)

Shreter V.N. *Sovetskoe khoziaistvennoe pravo: (Pravo torгово-promyshlennoe)* [Soviet economic law: (Commercial and industrial law)]. Moscow, Leningrad, Gos. izd-vo Publ., 1928, pp. 103-126. (In Russ.)

Timoshina T.M. *Ekonomicheskaia istoriia Rossii* [Economic History of Russia]. Moscow, Iustitsinform Publ., 2015, 600 p. (In Russ.)

Urazova S.A. *Razvitie tekstil'noi promyshlennosti v nachal'nyi period NEПа, 1921-1922 gg.* [The development of the textile industry in the initial period of the NEP, 1921-1922]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo: elektron. nauch. zhurnal* [Science. Society. The State: electronic scientific journal]. URL: <https://esj.pnzgu.ru/Urazova%2013/1-02.html> (access date: 24.03.2023). (In Russ.)

Vosstanovlenie tekstil'noi promyshlennosti Ivanovo-Voznesenskoi gubernii (1920-1925 gg.): sb. dokumen-

tov i materialov [Restoration of the textile industry of Ivanovo-Voznesenskaya province (1920-1925). Collection of documents and materials], ed. by V.A. Babicheva, G.Ia. Gorbunova, K.A. Gushchinoi, L.V. Levkovicha. Ivanovo, 1966, 270 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 08.06.2023; одобрена после рецензирования 28.09.2023; принята к публикации 30.09.2023.

The article was submitted 08.06.2023; approved after reviewing 28.09.2023; accepted for publication 30.09.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 43–49. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 3, pp. 43–49. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.2. Всеобщая история

УДК 94(474)''19/20''

EDN HUOXEC

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-43-49>

УТВЕРЖДЕНИЕ НОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИМВОЛИКИ В ПРИБАЛТИЙСКИХ РЕСПУБЛИКАХ: ФЛАГ И ГЕРБ

Зверев Кирилл Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, zverew.kir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4747-4970>

Аннотация. В статье рассматривается процесс возникновения и смысловая нагрузка государственной символики стран Балтии. Символика Прибалтийских республик начала зарождаться ещё на рубеже XIX–XX вв., в период «национального пробуждения». Государственная атрибутика в виде флага и герба в Эстонии, Латвии, Литве была законодательно закреплена в начале 1920-х. В результате инкорпорации в состав СССР в 1940 г. символика была заменена на советский вариант. Однако в период перестройки и нарастания дезинтеграционных процессов в Союзе официальные Таллин, Рига, Вильнюс ещё в 1989–1990 гг. вернулись к исходным образцам атрибутики буржуазных республик межвоенного периода, санкционировав тем самым закрепление принципа континуитета – исторической преемственности к государствам 1920–30-х гг. Государственная символика, несомненно, оказывает влияние и на общественную память, так как выстраивает исторические параллели между нынешними республиками и ключевыми этапами прошлого, воспоминанием о котором и являются атрибуты национальной государственности.

Ключевые слова: государственная символика, политика памяти, Прибалтийские республики, страны Балтии.

Для цитирования: Зверев К.А. Утверждение новой государственной символики в Прибалтийских республиках: флаг и герб // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 43–49. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-43-49>

Research Article

APPROVAL OF THE NEW STATE SYMBOLS IN THE BALTIC REPUBLICS: FLAG AND COAT OF ARMS

Kirill A. Zverev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History of Kostroma State University, Kostroma, Russia, zverew.kir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4747-4970>

Abstract. The article discusses the process of emergence and semantic load of the state symbols of the Baltic states. The Baltic republican symbols began to emerge at the turn of the 19th–20th centuries, during the period of “national awakening”. State paraphernalia in the form of a flag and coat of arms in Estonia, Latvia, Lithuania was legally fixed in the early 1920s. As a result of incorporation into the USSR in 1940, the state symbols were replaced by the Soviet version. However, during the period of perestroika and the growth of disintegration processes in the Soviet Union, Tallinn, Riga, Vilnius in 1989–1990 officially returned to the original paraphernalia of the bourgeois republics of the interwar period, thus sanctioning the consolidation of the principle of continuity – historical succession to the states of the 1920s – 1930s. State symbols undoubtedly have an impact on public memory, as that builds historical parallels between the current republics and key stages of the past, the memory of which is the attributes of national statehood.

Keywords: state symbols, politics of memory, Baltic republics, Baltic states.

For citation: Zverev K.A. Approval of the new state symbols in the Baltic republics: flag and coat of arms. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 3, pp. 43–49. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-43-49>

Государственная символика существует столько же, сколько и само государство, и имеет важнейшее значение, являясь своеобразным стержнем памяти о прошлом, об истоках данного государства и народа, его населяющего, определяет суверенитет и самобытность страны и выделяет ее в мировом сообществе. Без сомнения, оформление таких атрибутов государства, как герб, флаг, гимн, валюта, коррелируется с местной исторической политикой, особенно если мы имеем в виду государства относительно молодые – возникшие в XX веке, которые нуждались, помимо прочего, в обосновании легитимности собственной государственности и её удревнению. К обозначенной категории государств мы относим, в частности, Прибалтийские республики – Эстонию, Латвию, Литву, которые возникли на политической карте мира в 1918 г., в 1940–1991 гг. были инкорпорированы в состав СССР, а после его распада приняли решение о восстановлении собственной государственности, в том числе и прежней символики образца 1920–30-х гг. В представленной статье мы задаёмся целью проанализировать государственную символику стран Балтии с точки зрения истории её возникновения, смысловой нагрузки и взаимосвязи с местной политикой памяти. Под государственной символикой мы подразумеваем отличительные знаки страны, установленные конституцией, законами и традициями. К вышеобозначенной категории относим прежде всего гербы и флаги.

Перед непосредственным рассмотрением государственной символики необходимо прояснить основы исторического дискурса стран Балтии. Так, к характерным чертам прибалтийской государственной исторической линии можно отнести апеллирование к тезису о «советской оккупации», правовому континуитету (историческая правопреемственность современных Эстонии, Латвии, Литвы по отношению к республикам межвоенного периода), идеализация национальных государств 1920–30-х гг. и интерпретация всего предшествовавшего периода развития как борьбы за свободу и независимость от иностранных угнетателей (последний тезис характерен в большей степени для Эстонии и Латвии, в меньшей степени для Литвы, имевшей опыт собственного развития в лице Великого княжества Литовского).

С провозглашением независимости в августе 1991 г. концепция оккупации стран Балтии и континуитет стали преобладающими трендами в Прибалтийских республиках и выразились в интерпретации периода вхождения в СССР как «советской оккупации», в восстановлении правовой базы довоенных республик и популяризации данного тезиса, в том числе и посредством выпуска тенденциозной научной литературы [Зверев: 79–81]. Если концепция оккупации нашла своё развитие во всех странах Балтии,

то принцип исторического континуитета наиболее последовательно реализовывался в Эстонии и Латвии, где он сказался на правовом положении местного русскоязычного населения (официальные Таллин и Рига отказались от автоматического предоставления гражданства тем, кто прибыл в республики в период «советской оккупации» с 1940–1991 гг., – в подавляющем большинстве – русскоязычным) [Зверев: 202–215; Зверев 2020б: 70–77]. Литва же, в силу более моноэтнического характера, а также значительного изменения границ в советский период (приращение Клайпеды, Вильно), отказалась от исключительного апеллирования к республике межвоенного периода и возвела собственную государственность к Великому княжеству Литовскому [Зверев 2020а: 3–13].

Данные аспекты исторических воззрений прибалтийского истеблишмента оказали прямое влияние на местную государственную символику, которая в 1989–1991 гг. была восстановлена на основе образцов 1930-х гг. Соответствующие законы были приняты в Эстонии¹, Латвии² Литве³ ещё до официального провозглашения независимости (в последующем неоднократно дополнялись). Восстановление символики межвоенного периода демонстрировало правовую, политическую историческую и идеологическую преемственность официальных Таллина, Риги, Вильнюса республикам межвоенного периода.

Однако обратимся к государственной символике Прибалтийских республик, в частности к **флагам**.

Эстонский сине-чёрно-белый триколор (эст. *Sinimustvalge*) впервые был отмечен в 1881 г. как символ эстонского студенческого общества в Дерптском университете в эпоху «национального пробуждения», использовался на певческих праздниках, а также во время революций 1905 и 1917 г. 21 ноября 1918 г. триколор стал временным флагом провозгласившей независимость Эстонской Республики, а с июня 1922 – официальным государственным символом. 24 февраля 1989 г., после длительного перерыва, триколор вновь был поднят над официальными учреждениями Эстонской ССР, а законом от августа 1990 г. сине-чёрно-белый флаг стал использоваться в качестве государственного. Трактовка выбора цветовой гаммы следующая: синий – цвет неба, озёр и моря Эстонии – символизирует верность национальным идеям; чёрный – цвет родной земли, отражение всех тягот эстонского народа; белый – цвет снежных равнин Эстонии, олицетворяет человеческое счастье, стремление к свободе и надежду на лучшее будущее [Символы].

Латвийский флаг имеет наиболее древние корни. Предание связывает его появления с событиями Крестовых походов в Прибалтику, когда под 1279 г. в Рифмованной хронике упоминается красно-бело-красное знамя латгальских ополченцев. Кроме того, существует народное предание, согласно которому

в XIII в. в сражении с крестоносцами вождь племени латгалов был ранен, и его положили на белую ткань. Умирая, он наказал своим воинам бороться до последнего. Когда вождь умер, воины подняли намочшую от крови ткань, под таким символическим флагом вступили в решающий бой и победили [История]. Так же как и в случае с эстонским триколором, знамя было возрождено в период «национального пробуждения» как символ латвийского студенческого общества в Дерптском университете в 1870-е гг., использовалось на певческих праздниках (с 1873 г.), а также во время революций 1905 и 1917 г. В качестве государственного флага стал применяться сразу после провозглашения независимости Латвии 18 ноября 1918 г., снискав большую популярность в годы Освободительной (гражданской) войны как символ сторонников независимой Латвии. Однако возникла дискуссия о соотношении размеров полос флага и оттенке красного цвета. Активное участие в развернувшейся полемике приняли искусствовед Олгертс Гросвалдас, художники Аншас Цирулис и Волдемарас Тонес, писатель Линардс Лайценс и лингвист, фольклорист Петерис Шмитс. 15 июня 1921 г. был принят Закон о флаге и гербе Латвийской Республики, окончательно утвердивший красно-белое полотнище в качестве официального символа Латвии. Однако закон определял пропорции цветов, но не уточнял цветовые оттенки, а также размеры флага. Это не было прописано и в Конституции 1922 года. Лишь «Положение о флагах государственных, торговых, должностных лиц и некоторых учреждений и о флагах военных кораблей», принятое 25 августа 1922 г., впервые фиксировало цвет флага как «темно-красный (кармин)» [Purpurīgiš]. Возможно, на выбор данной цветовой гаммы повлияло нежелание властей буржуазной Латвии каким-либо образом ассоциироваться с «красными» латышами, чьим символом было алое знамя. После инкорпорации Латвии в состав СССР символика буржуазной республики была запрещена, и лишь в 1988–1990 гг. карминовый флаг вновь стал официальным⁴.

История выбора *литовского знамени* значительно отличается от северных соседей. В современной Литве с самого момента независимости прослеживается дуализм в символике: с одной стороны, используется атрибутика Великого княжества Литовского (ВКЛ), с другой – Республики межвоенного периода. В частности, закреплён данный дуализм был в 2004 г. принятием дополнения к закону о государственном флаге Литвы⁵ согласно которому наряду с триколором может использоваться и красное полотнище с изображением Погони, то есть серебряного всадника в доспехах на белом коне, с поднятым над головой мечом (одновременно является гербом Литовской Республики). Именно красное зна-

мя с изображением всадника – Погоня (в литовском варианте – Витис) – и представляет собой исторический символ ВКЛ, от которого, как было изложено выше, современная Литовская Республика ведёт свою историю. Впервые появление упомянутого знамени было зафиксировано в XIV в., оно использовалось и в Грюнвальдской битве 1410 г., однако с объединением польских и литовских земель в совместное государство, Речь Посполитую, Погоня постепенно уступила место двухцветному красно-белому полотнищу (польскому символу), а затем и вовсе осталась представлена лишь в геральдике. Вопрос о национальном флаге стал вновь актуален только в 1905 г., когда на фоне революции был собран первый литовский сейм. Один из инициаторов данного сейма – учёный, фольклорист, публицист и общественный деятель Иван Юрьевич Басанович (Jonas Basanavičius) – предложил участникам сейма признать литовским национальным флагом красное полотнище с изображением белого всадника – Витиса (Погони) из исторического герба Великого княжества Литовского. Но большинство участников сейма не приняли это предложение, считая Витиса (Погоню) символом монархического и аристократического Великого княжества Литовского, а не литовским этническим символом. У части делегатов предложенное красное полотнище также вызывало негативные ассоциации с красными знаменами РСДРП [Rimša]. Вопрос о литовском флаге оставался открытым до 1917–1918 гг., когда появилась реальная возможность создания национального государства. На заседании Литовского научного общества (создано в 1907 г.) упомянутый выше И. Басанович вновь предложил признать красное полотнище с изображением Погони (Витиса) национальным литовским флагом, но в очередной раз большинство участников заседания отвергло это предложение, считая, что Витис является монархическим символом ВКЛ и, кроме того, такой флаг был бы слишком сложным для массового изготовления. Было решено создать литовский национальный флаг в цветах, преобладающих в тканях национальной одежды литовцев – жёлтый, зелёный, красный.

Как и у северных соседей, после инкорпорации Литвы в состав СССР в 1940 г. трёхцветное знамя оказалось под запретом и вновь начало использоваться лишь в период «поющей революции» 1987–1991 гг. 10 июля 1988 г. он был официально установлен на башне замка Гедиминаса в Вильнюсе. Под давлением общественности Верховный Совет Литовской ССР 18 ноября 1988 г. придал жёлто-зелено-красному флагу статус государственного.

Государственные гербы Прибалтийских республик имеют более давнюю историю, нежели флаги. Так, *эстонский герб* ведёт свою историю с XIII века, когда датский король Вальдемар II, за-

Рис. 1. Герб Эстонской Республики

хвативший северную Эстонию во время крестовых походов, пожаловал городу Таллину герб с тремя львами (в геральдике – леопардами), похожий на герб собственного (датского) королевства. Этот же мотив был позднее перенесён на герб Эстляндской губернии, утверждённый императрицей Екатериной II 4 октября 1788 г. Современный вид эстонский герб (см. рис. 1) приобрёл 19 июня 1925 г. с принятием соответствующего закона, а восстановлен был после длительного перерыва (период существования Эстонской ССР) 7 августа 1990 г. [Символы]. При этом эстонский геральдический знак, как и любой другой, имеет свою символическую структуру, связанную с конкретными историческими событиями в стране, и трактуется следующим образом: один лев обозначает храбрость и мужество эстонцев в борьбе за независимость в древние времена; другой – их отвагу и мужество в крестьянской войне 1343–1345 гг. против германо-датского ига; третий – борьбу за свободу в 1918–1920 гг.

Латвийская Республика встала перед необходимостью выработки собственного национального герба также после обретения независимости в 1918 г. Геральдический символ был создан латышским художником, профессором Рихардом Зариньшем и графиком Вильгельмом Круминьшем и был принят в качестве государственного 16 июля 1921 г. Учредительным собранием Латвийской Республики. Он объединил в себе как символы национальной государственности Латвии, так и старинные гербы исторических областей страны (рис. 2).

Восходящее солнце в верхней половине геральдического щита символизирует национальную государственность Латвии. Стилизованные изображения солнца как знака национальной принадлежности использовались латышскими стрелками во время Первой мировой войны, в которой они принимали участие в составе русской армии. В эмблеме, которая как государственный символ использовалась

Рис. 2. Герб Латвийской Республики

до 15 июня 1921 года, знак солнца изображался с семнадцатью (позже девятнадцатью) лучами, число которых, как считалось, соответствовало 17 уездам Латвии.

Три золотые звезды над щитом герба символизируют историко-культурные части Латвии: Курземе и Земгалию (западная Латвия), Видземе (центр страны) и Латгалию (восток). Исторические области Латвии в государственном гербе Латвийской Республики отражают более древние геральдические символы, которые появились уже в XVI столетии. Курляндию и Земгалию (Западная Латвия) символизирует красный лев из герба герцогства Курляндии и Семигалии. В свою очередь Видземе и Латгалию (Восточная Латвия) символизирует серебряный грифон – сказочный крылатый зверь с телом льва и головой орла, изображение которого было позаимствовано из герба Задвинского герцогства [Latvijas valsts ģerbonis; Ducmane].

Восстановлен в качестве государственного в феврале 1990 года ещё как герб Латвийской ССР.

Ситуация с **Литовским гербом** развивалась несколько иным образом, нежели у северных соседей. Как было отмечено выше, Литовское государство претендует на правопреемство по отношению к Великому княжеству Литовскому (ВКЛ). В связи с этим именно его символ – Витис (Погоня) – и стал государственным гербом современной Литвы. Первое упоминание о подобном изображении относится к 1366 г., когда один из княжеских документов был скреплён печатью с изображением Погони. С конца XIV века всадник с мечом изображался на фоне геральдического щита – на печатях Ягайло (1386, 1387) и Витовта (1401). С начала XV в. Погоня стал гербом Великого княжества Литовского. В то же время окончательно сформировался внешний вид геральдического символа: на нём был изображён сам правитель в виде всадника, держащего в одной руке меч (символизирующий власть князя) и щит в другой (символизирующий

Рис. 3. Герб Литовской Республики

управляемое Литовское государство). Для герба использовались два важнейших цвета в средневековой символике: красный (означал материальные, или земные, ценности – жизнь, мужество, кровь) и синий (духовные, или небесные ценности) [Lietuvos valstybės herbas]. После объединения ВКЛ и Польши в Речь Посполитую Витис (Погоня) был соединён с польским гербом, позже стал символом Вильно и Виленской губернии в составе Российской империи. Впервые наименование «Витис» стало использоваться в XIX в., в период литовского национального возрождения. Более древнее название изображения всадника с мечом – «Погоня», – по мнению историков, олицетворяла собой ответные военные действия великих князей и воевод ВКЛ на военные набеги тевтонцев и крымских татар на приграничные территории государства. Как правило, такие вражеские нападения были связаны с захватом пленников, материальных ценностей и последующим отходом на свою территорию. Обратная военная операция – погоня – символизировала возвращение награбленного, освобождение из неволи своих людей.

Вопрос о государственном гербе вновь стал актуален для литовцев в период Первой мировой войны, когда во время немецкой оккупации Виленской и Ковенской губерний на их территории был создан Литовский совет, провозгласивший «воссоздание» национального государства в границах 1793 г. в союзе с Германской империей. Тогда же и началась работа над новым гербом, который продолжился и в 1920-х. Эскизы герба были созданы Тадасом Даугирдасом и Антанасом Жмуидзинавичюсом, также использовались гербы, нарисованные Адамсом Варнасом, Адамсом Галдиксом, Юозом Зикарсом и другими художниками. Наиболее популярна романтизированная версия герба Антанаса Жмуидзинавичюса. Единого стандарта Витиса (Погони) в Литве межвоенного периода не сложилось [Lietuvos valstybės herbas]. 11 марта 1990 года «О названии государства

и гербе» восстановлен довоенный герб. В качестве эталона был утверждён образец, созданный художником Юозасом Зикарасом в 1925 г. с изменениями 1991 г. (рис. 3)⁶

Таким образом, государственная символика Прибалтийских республик начала зарождаться ещё на рубеже XIX–XX вв., в период «национального пробуждения». Государственная атрибутика в виде флага и герба в Эстонии, Латвии, Литве была законодательно закреплена в начале 1920-х. В результате инкорпорации в состав СССР в 1940 г. символика была заменена на советский вариант. Однако в период перестройки и нарастания дезинтеграционных процессов в Союзе официальные Таллин, Рига, Вильнюс ещё в 1989–1990 гг. вернулись к исходным образцам атрибутики буржуазных республик межвоенного периода, санкционировав тем самым закрепление принципа континуитета – исторической правопреемственности к государствам 1920–30-х гг. Государственная символика, несомненно, оказывает влияние и на общественную память, так как выстраивает исторические параллели между нынешними республиками и ключевыми этапами прошлого, воспоминанием о котором и являются атрибуты национальной государственности (флаги, гербы и др.).

Наиболее древними символами стран Балтии являются гербы, которые представляют собой переосмысленную символику Средневековья, вобрав в себя мотивы борьбы с иностранными завоевателями либо символику самих завоевателей в видоизменённом виде. Так, Эстония с минимальными изменениями заимствовала датский герб как символ столичного города Ревеля/Таллина. Эстонское название Tallinn переводится как «датский город» (именно датчане выстроили первую каменную крепость на территории города в 1219 г.). Для Латвийского герба характерно переосмысление геральдических знаков исторических областей в единый символ с добавлением новой атрибутики. Литовский герб и вовсе заимствован у Великого княжества Литовского (ВКЛ), позиционируя официальный Вильнюс как единственного правопреемника ВКЛ. По нашему мнению, выбор средневековой геральдической атрибутики странами Балтии обусловлен стремлением удревлить свою государственность, продемонстрировать историческую связь с западной цивилизацией, а также стремлением к континуитету по отношению к довоенным республикам. Отметим, что все идеи создания принципиально новых гербов, без привязки к историческому контексту, были отвергнуты как в 1920-е, так и в 1990-е гг.

Что касается государственных флагов Прибалтийских республик, то их история началась на рубеже XIX–XX вв., когда в период «национального пробуждения» местная интеллигенция задалась целью соз-

дать собственное знамя (лишь латвийский флаг имеет связь со средневековым стягом). Расцветка была обращена к цветовой гамме национальных узоров и костюмов.

Примечания

¹ Seadus Eesti sümboolikast (Закон об эстонских символах) // Riigi Teataja, от 08.05.1990. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/24029> (дата обращения: 19.04.2023).

² Par grozījumiem dažos likumdošanas aktos simbolikas jautājumos (О внесении изменений в некоторые законодательные акты по символическим вопросам) // Latvijas Republikas Augstākās Padomes un Valdības Ziņotājs (Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской Республики), 1992 г., № 13/14; Par Latvijas Republikas valsts ģerboni (О государственном гербе Латвийской Республики) // Latvijas Republikas Augstākās Padomes un Valdības Ziņotājs (Вестник Верховного Совета и Правительства Латвийской Республики), 1993 г., № 3/4.

³ Lietuvos Respublikos valstybės vėliavos įstatymas (Закон о государственном флаге Литовской Республики) // Сейм Литвы Lietuvos. URL: <https://www.e-tar.lt/portal/lt/legalAct/TAR.07CAE5E6C2B3> (дата обращения: 11.05.2023).

⁴ Izdarīt Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija 1988. gada 29. septembra dekrētā “Par latviešu tautas kultūrvēsturisko simboliku” (Указ Президиума Верховного Совета Латвийской ССР от 29 сентября 1988 года «О культурно-исторической символике латышского народа») // Latvijas PSR Augstākās Padomes un Valdības Ziņotājs (Вестник Верховного Совета Латвийской ССР), 1988 г., № 40.

⁵ Lietuvos Respublikos įstatymo “Dėl Lietuvos valstybės vėliavos” pakeitimo įstatymas (Закон о внесении изменений в Закон Литовской Республики «О Государственном флаге Литвы») // Valstybės žinios, 24.07.2004, № 115-4274. URL: <https://www.e-tar.lt/portal/lt/legalAct/TAR.127328D5F616> (дата обращения: 14.05.2023).

⁶ Lietuvos Respublikos įstatymo “Dėl Lietuvos valstybės herbo” (Закон Литовской Республики «О гербе Литовского государства») // Valstybės žinios, 20.09.1991, № 26-681. URL: <https://www.e-tar.lt/portal/lt/legalAct/TAR.D62CC8FB6EF1> (дата обращения: 25.05.2023).

Список литературы

Зверев К.А. Историческая политика Эстонской Республики в контексте национально-государственного строительства // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 1 (64). С. 202–215.

Зверев К.А. История как инструмент пропаганды в политической борьбе Прибалтийских республик

в 1990–2000-е гг. // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2019. Т. 25, № 1. С. 79–81.

Зверев К.А. Русскоязычное население Латвии в новейший период: взаимосвязь статуса с местной политикой памяти // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 70–77.

Зверев К.А. Формирование официальной исторической парадигмы независимой Литвы // Всеобщая история. 2020. № 3. С. 3–13.

История латвийского флага // МИД Латвии. URL: <http://www.mfa.gov.lv/lv/Jaunumi/Publicka-Diplomatija/karogs/izstade/raksts-geneze> (дата обращения: 12.05.2023).

Символы Эстонской Республики // Сайт президента Эстонии. URL: <https://president.ee/ru/estonskaya-respublika/simvolu> (дата обращения: 12.05.2023).

Ducmane K. Simboli Latvijas ģērbonis, karogs. Kultūras žurnāls - Māksla Plus, 2008, № 5. URL: http://www.makslaplus.lv/view.php?open_texts=1539&v_sadala=25&ban=&year=2008 (дата обращения: 23.05.2023).

Latvijas valsts ģerbonis (Герб Латвии). URL: http://www.president.lv/pk/content/?cat_id=7029 (дата обращения: 23.05.2023).

Lietuvos valstybės herbas. URL: https://www.lrs.lt/sip/portal.show?p_r=38110&p_k=1 (дата обращения: 24.05.2023).

Pumpuriņš T. Sarkanbaltsarkanās – Latvijas karoga krāsas. LVPORTALS.LV. URL: <https://lvportals.lv/norises/200636-sarkanbaltsarkanās-latvijas-karoga-krāsas-ii-2009> (дата обращения: 14.05.2023).

Rimša E. Lietuvos valstybės vėliava. Visuotinė lietuvių enciklopedija. URL: <https://www.vle.lt/straipsnis/lietuvos-valstybes-veliava/> (дата обращения: 18.05.2023).

References

Ducmane K. *Simboli Latvijas ģērbonis, karogs* [Symbols of Latvia: coat of arms, flag]. *Kultūras žurnāls - Māksla Plus* [Culture magazine - Māksla Plus.], 2008, No. 5. URL: http://www.makslaplus.lv/view.php?open_texts=1539&v_sadala=25&ban=&year=2008 (accessed date: 23.05.2023). (In Latvian)

Istoriya latvijского flaga [History of the Latvian flag]. *MID Latvii* [Ministry of Foreign Affairs of Latvia]. URL: <http://www.mfa.gov.lv/lv/Jaunumi/Publicka-Diplomatija/karogs/izstade/raksts-geneze> (access date: 12.05.2023). (In Russ.)

Latvijas valsts ģerbonis [Coat of arms of Latvia]. *Sajt prezidenta Latvii* [Website of the President of Latvia]. URL: http://www.president.lv/pk/content/?cat_id=7029 (access date: 23.05.2023). (In Latvian)

Lietuvos valstybės herbas [Coat of arms of Lithuania]. *Sajt Sejma Litvy* [Website of the Seimas of Lithuania].

URL: https://www.lrs.lt/sip/portal.show?p_r=38110&p_k=1 (accessed date: 24.05.2023). (In Lithuanian)

Pumpuriņš T. *Sarkanbaltsarkanās – Latvijas karoga krāsas* (Krasno-belo-krasnyj – cveta latvijskogo flaga) [Red-white-red – the colors of the Latvian flag]. *LVPORTALS.LV*. URL: <https://lvportals.lv/norises/200636-sarkanbaltsarkanās-latvijas-karoga-krāsas-ii-2009> (access date: 14.05.2023). (In Latvian)

Rimša E. *Lietuvos valstybės vėliava* [State Flag of Lithuania]. *Visuotinė lietuvių enciklopedija* [Universal Lithuanian encyclopedia]. URL: <https://www.vle.lt/straipsnis/lietuvos-valstybes-veliava/> (access date: 18.05.2023). (In Lithuanian)

Simvolij Estonskoj Respubliki [Symbols of the Republic of Estonia]. *Sajt prezidenta Estonii* [Website of the President of Estonia]. URL: <https://president.ee/ru/estonskaya-respublika/simvolij> (access date: 12.05.2023). (In Russ.)

Zverev K.A. *Formirovanie oficial'noj istoricheskoj paradigmy nezavisimoj Litvy* [Formation of the official historical paradigm of independent Lithuania]. *Vseobshchaya istoriya* [General History], 2020, No. 3, pp. 3-13. (In Russ.)

Zverev K.A. *Istoricheskaya politika Estonskoj Respubliki v kontekste nacional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva* [Historical Policy of the Republic of Estonia

in the Context of National-State Building]. *Problemy nacional'noj strategii* [Problems of National Strategy], 2021, No. 1 (64), pp. 202-215. (In Russ.)

Zverev K.A. *Istoriya kak instrument propagandy v politicheskoj bor'be Pribaltijskikh respublik v 1990–2000-e gg.* [History as a Propaganda Tool in the Political Struggle of the Baltic Republics in the 1990-2000s]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova* [Vestnik of the Kostroma State University in the name of N.A. Nekrasova], 2019, vol. 25, No. 1, pp. 79-81.

Zverev K.A. *Russkoyazychnoe naselenie Latvii v novejsnij period: vzaimosvyaz' statusa s mestnoj politikoj pamyati* [The Russian-speaking population of Latvia in the newest period: the relationship of status with the local policy of memory]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Kostroma State University], 2020, vol. 26, No. 4, pp. 70-77. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.06.2023; одобрена после рецензирования 27.07.2023; принята к публикации 28.09.2023.

The article was submitted 06.06.2023; approved after reviewing 27.07.2023; accepted for publication 28.09.2023.

**КАЛУЖСКАЯ ГОРОДСКАЯ УПРАВА В ПЕРИОД
НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ (ОКТЯБРЬ – ДЕКАБРЬ 1941 ГОДА):
ТЕНДЕНЦИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С ГЕРМАНСКОЙ
ОККУПАЦИОННОЙ ВЛАСТЬЮ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАКО¹)**

Полугодин Андрей Дмитриевич, кандидат исторических наук, МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 50 города Калуги», Калуга, Россия, andrei.polugodin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4338-9346>

Аннотация. В статье автор, анализируя значительный пласт документов из фондов Государственного архива Калужской области, стремится уделить внимание рассмотрению недостаточно изученной в наше время проблеме развития регионального коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны на территории города Калуги. В исторической науке понятие «коллаборационизм» определяется как сотрудничество с врагом определенной части населения в интересах вражеского государства и в ущерб своей Родине. На сегодняшний день актуальной для изучения является его административная форма, выраженная в создании оккупантами различных властных образований, находящихся под управлением лиц из числа местного населения. Временно оккупируя значительные пространства западной России, для удобства управления захваченной прифронтовой территорией и реализации своих преступных целей немецкое командование было вынуждено искать опору в лояльной к оккупантам части населения, предоставляя последним некоторые властные полномочия. Так обретали жизнь новые органы местного самоуправления – особые административные институты, олицетворением которых явились городские, районные управы, институты старост и волостных старшин. Для исторической науки является актуальным исследование характера их взаимоотношений с гитлеровскими оккупантами, изучение роли этих структур в оккупационной политике немцев на примере непосредственного функционирования в городе Калуге.

Ключевые слова: коллаборационизм, административный коллаборационизм, городская управа, оккупация, земская управа, бургомистры, органы местного самоуправления, комендатура.

Для цитирования: Полугодин А.Д. Калужская городская управа в период немецко-фашистской оккупации (октябрь – декабрь 1941 года): тенденции взаимоотношений с германской оккупационной властью (по материалам ГАКО) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 50–61. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-50-61>

Research article

**KALUGA CITY GOVERNMENT DURING THE OCCUPATION
BY NAZI GERMANY (OCTOBER-DECEMBER 1941):
TRENDS IN RELATIONS WITH THE GERMAN OCCUPATION AUTHORITIES
(based on the materials of the State Archive of Kaluga Region)**

Andrey D. Polugodin, Candidate of Historical Sciences, “Secondary School No. 50”, Kaluga, Russia, andrei.polugodin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4338-9346>

Abstract. In the article, the author, analysing a significant layer of recently introduced sources of the regional archive, seeks to pay attention to the consideration of the insufficiently studied problem of the development of regional collaboration during the occupation of the territory of Kaluga City by the Axis in the WW2. In historical science, the concept of “collaboration” is defined as cooperation with the enemy of a certain part of the population in the interests of the enemy state and with the detriment to their homeland. The most priority to study is its administrative form, expressed in the creation by the occupiers of administrative entities under the control of persons from among the local population. Temporarily occupying large areas of western Russia, for the convenience of managing the captured front-line territory and realising its own goals, the German command was forced to seek support in the part of the population loyal to the occupiers, giving the latter certain authority. This is how the so-called local self-government bodies came to life – special administrative institutions, personified by city and district councils, institutes of headmen and “volost aldermen”. To date, it is topical for historical science to

investigate the nature of the relationship with the German occupiers, to study the role of those structures in the occupation policy of the Germans by the example of their direct functioning in the City of Kaluga.

Keywords: collaborationism, administrative collaborationism, city council, occupation, zemstvo council, burgomasters, local self-government bodies, commandant's office.

For citation: Polugodin A.D. Kaluga city government during the occupation by Nazi Germany (October-December 1941): trends in relations with the German occupation authorities (based on the materials of the State Archive of Kaluga Region). Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 3, pp. 50–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-50-61>

Проблеме оккупации Калуги в региональной историографии посвящено не так много научно-исследовательских работ. Значительное внимание со стороны специалистов уделено проблеме образования института Калужской управы, осуществлению ею административных функций [Михеенков; Молодова; Писаренко]; куда активнее, чем ранее, рассматривается вопрос специфики калужского коллаборационизма [Занько: 209–214]; изучаются послеоккупационные мероприятия советского руководства по преодолению последствий оккупации и коллаборации, действия по восстановлению жизни в освобожденном городе и районах [Кометчиков и др.: 192–248; Горбачев и др.: 7–65]. Однако некоторые аспекты изучения не теряют своей актуальности и по сей день. Ограниченный и отрывочный характер источников в купе с медленной динамикой процесса рассекречивания важнейших архивных документов Федеральной службой безопасности России порождает для исследователя определенные трудности, ввиду чего многие моменты истории так и остаются не до конца изученными. В частности, недостаточно внимания уделено анализу личностных портретов некоторых служащих управ (например, городского бургомистра Н. Щербачева и других не менее важных представителей управы – С.Д. Кудрявцева, В.Ф. Агафонова), их судеб после освобождения территории города силами Красной армии; мотивации, приведшей этих людей на службу к оккупантам; недостаточно полно рассмотрена деятельность института городской полиции в условиях гитлеровского «хозяйничанья» в Калуге и ряд иных немаловажных для региональной истории проблем.

Одним из таких не в полной мере рассмотренных вопросов может являться и проблема взаимоотношений служащих городской управы с представителями германской оккупационной власти. В данной статье автор, опираясь на сведения, извлеченные из документов фонда функционирования аппарата Калужской городской управы в период немецко-фашистской оккупации Государственного архива Калужской области, региональные научные исследования [Добычина, Молодова Писаренко и др.], местную публицистику [Продунов, Михеенков и др.], источники личного происхождения [Алексеева; Без срока давности; Война глазами детей, Устрялов и др.], пытается затронуть и эту весьма немаловажную и очень актуальную для науки тему.

Стоит сказать, что ранее аспекту функционирования Калужской управы оккупационного 1941 года косвенно уделил внимание историк И.С. Писаренко, посчитав деятельность калужских административных коллаборационистов по организации жизни в городе неэффективной ввиду отсутствия у служащих аппарата городской власти необходимых ресурсов, которые германские власти своим прислужникам до конца так и не предоставили [Писаренко: 104]. Несамостоятельную роль коллаборационистов в оккупационной системе нацистов отметил и специалист Е.А. Занько [Занько: 213]. Бессилие подотдела здравоохранения при Калужской городской управе при решении социальных задач определила в исследовании И.Ю. Молодова [Молодова: 195–197]. Публицист С. Михеенков отнёсся к действиям аппарата управы и лицам, в ней работавшим, весьма и весьма неоднозначно: с одной стороны, автор осуждает коллаборацию, признает несамостоятельный характер органов городской власти, с другой – отмечает и иную сторону проблемы: управа в сложное время играла очень важную роль в жизни обычного человека – обеспечивала хоть какую-то жизнь в разоренном войной городе [Михеенков].

12 октября 1941 года Калуга была оккупирована немецко-фашистскими войсками. Для управления территорией в городе размещалась временная военная оккупационная организация – германская комендатура под руководством майора вермахта Ф. Портациуса. По воспоминаниям жителей в первые дни оккупации никакой гражданской власти еще создано не было; немцы самодовольно расквартировывались на территории, а люди боялись выходить на улицы, которые повсеместно заполнили германские солдаты и немецкая техника, ввиду чего, находясь под воздействием шокового состояния, многие горожане заняли сугубо выжидательную позицию.

Лишь спустя некоторое время, оценив обстановку в регионе, оккупанты «при содействии» лояльного населения приступили к процедуре организации административных структур органов местного самоуправления. Данное событие один очевидец оккупации вспоминал таким образом: «Через несколько дней после занятия города фашистами было объявлено, что на площади будут проведены выборы в органы местного представительства. Женщин на собрание не пустили, приказав им идти домой – «готовить

обед». В дальнейшем оказалось, что уже заранее были подготовлены «крикуны», которые громко выкрикнули фамилии будущих начальников – Н. Щербачева² и С. Кудрявцева³ – как лиц, наиболее принявших новую германскую власть⁴. Германский офицер, стоящий на трибуне, объявил кандидатуру бургомистра и его заместителя, «выбранных» обществом, утвержденной, от себя добавив, что эти люди помогали Великой Германии и ранее» [Калуга: 123].

Стоит отметить, что оба представленных кандидата имели непролетарское происхождение, были хорошо образованы и немолоды, обладали навыками организаторской деятельности и необходимым житейским опытом, однако в советском обществе каких-либо значимых статусных позиций не занимали, вели жизнь среднестатистических людей [Калуга: 131–132]. Ввиду ограниченного количества источников, на данный момент мы не можем в точности определить мотивацию рассматриваемых персонажей, повлиявшую на их выбор, поэтому способны ориентироваться только на отрывочные данные. Так, например, заместитель бургомистра города С. Кудрявцев позднее пытался объяснить свой выбор случайным стечением обстоятельств [Калуга: 125]. Однако в воспоминаниях ряда горожан данная версия не поддерживается, ввиду чего мотивация чиновника в некоторых доступных источниках определялась как осознанная⁵ [Калуга: 123]. Подобные противоречия отмечаются и в отношении выбора будущего начальника земской управы В.Ф. Агафонова [Калуга: 147–148, 154].

Вероятнее всего, у двух представленных нами выше фигур (прим. Н. Щербачева и С. Кудрявцева) имелось определенное недовольство советским режимом, в котором они как классово чуждые элементы не имели возможности реализовать себя полностью, а посему при советской власти не могли чувствовать себя в достаточной степени уютно.

«Выбрав» первичную власть в городе в период октября 1941 года, германская комендатура представила новым назначенцам относительный «карт-бланш» в формировании административных инстанций и практически не препятствовала образованию последующих подструктур громоздкой системы местного самоуправления. Назначенным ставленникам было разрешено самим приступить к их формированию, благо для оккупантов и их помощников подходящие кандидаты для занятия должностей в Калуге присутствовали.

В данном контексте необходимо отметить организационные навыки сотрудников штаба новоявленного калужского бургомистра Н. Щербачева: предпринятые ими эффективные меры позволили в кратчайший срок сформировать городскую управу и ее отделы. Публицист С. Михеенков объясняет такую успеш-

ную скоротечность образования желанием части населения быть прикрепленным к столовой, которая давала потенциальному служащему в то непростое время возможность подкормиться, а также наличия для пособников ряда иных льгот [Михеенков: 145]. К тому же, как показала практика, многие будущие начальники подбирались на должности и по линии личных знакомств, ввиду чего в первое время городская управа не испытывала дефицита кадров, что напрямую устраивало и самих оккупантов [Калуга: 147]. По воспоминаниям бывшего начальника Калужской земской управы В.Ф. Агафонова, примерно через 4–5 дней после занятия гитлеровцами города управа уже была готова к работе [Калуга: 147; Михеенков: 145].

При детальном анализе проблемы кадровой ротации в процессе организации управы вызывает трудности вопрос рассмотрения практики привлечения на работу в органы местной власти бывших представителей советской системы. Несмотря на то, что немецкое командование напрямую приказывало управе снимать коммунистов и комсомольцев с главенствующих должностей и переводить их на второстепенные рядовые позиции⁶, ввиду объективной нехватки профессиональных кадров и последующего скоротечного характера организации дела мы позволим себе утверждать, что данное указание в первые дни оккупации управой исполнялось не всегда. Осознавая ценность необходимых профессиональных качеств бывших советских управленцев, управа пошла на некоторое отклонение от предписаний и принимала на работу бывших работников советских учреждений [Калуга: 150]. Немцы, находившиеся в эйфории из-за успешного продвижения собственных армий к Москве, не обращали на этот факт должного внимания, ввиду чего в управе работали как бывшие, скрывшие и не скрывшие свое прошлое, коммунисты, так и служащие различных советских ведомств⁷. Об этом явлении очевидец оккупации В. Морозов вспоминал таким образом: «Рано утром 13 октября к нам в окошко постучали, мама выглянула – сосед “коммунист”, а рядом с ним немец. Приказано всем выйти для встречи немецкого командования. Вышли. Около дома встали. Один наш сосед даже шляпу надел, я его никогда при советской власти и в шляпке не видел. Говорит, немцы культурный народ, надо и нам культуру показать. В грузовую машину взобрался немецкий офицер и начал говорить, а переводчик переводил, что теперь здесь будет новый порядок, все должны подчиняться приказам немецкого командования» [Алексеева]. Наличие коммунистов в структуре управы отметил в своих записках и В. Агафонов [Калуга: 150]. Однако, как покажут дальнейшие события, впоследствии их число на постах управы будет значительно сокращаться.

Имелись в аппарате и лица, пострадавшие от действий советской власти. К таким можно отнести будущего начальника вспомогательной полиции оккупированной Калуги С. Купфера; будущего начальника секретно-политического отдела городской вспомогательной полиции С. Леульта⁸ и будущего главу земской управы В.Ф. Агафонова. Причем последний происходил из крестьян, получил среднее образование и долгое время после революции занимал различные конторские должности. Однако в 1930 году оказался судим, отбывал срок на Беломорстрое. До периода оккупации жил на выселении в г. Малоярославце, Егорьевске, в Можайском районе и Калуге, где курировал строительство школ, руководил плановым отделом при коммунальном учреждении города Калуги, занимался иной мелкоуправленческой деятельностью.

Затрагивая вопрос мотивации, интересно обратиться и к документам советских органов безопасности. В материалах донесений УНКВД⁹ по итогам оперативной работы «по очищению» Калуги после ее освобождения давалась такая характеристика городу: «...Калуга являлась “мещанским” городом, со значительной долей ссыльного и оппозиционного к советской власти населения... В городе имеется много переехавших сюда людей из Ленинграда...» [Калуга: 34]. Вопреки расхожему мнению о засилье в аппарате управы исключительно отпетых уголовников и ярых антисоветчиков, предполагается, что процент представителей, обладающих организаторскими способностями из числа дореволюционной элиты в Калуге был весьма высок, ввиду чего следует, что состав управы мог являться смешанным, где главные посты занимали по большей мере именно лица с хорошими организаторскими способностями, зачастую имевшие определенные претензии к советской власти или же пострадавшие от нее, но допустим и тот момент, что небольшой процент бывших советских служащих, спецов, изъявивших желание работать на оккупантов, также присутствовал.

После совершения советским подпольем неоднократных актов саботажа и диверсий в городе контроль над служащим персоналом стал неуклонно усиливаться. В ноябре 1941-го гитлеровцы за подписью коменданта издали приказ о поощрении в размере 5 000 руб. лицам, содействующим оккупационной власти в выдаче каждого коммуниста и комсомольца. В это время процесс раскола общества стал выражаться более ярко. Из воспоминаний Е. Бухановой следовало: «Последствия были ужасными – городское полицейское управление захлестнул шквал доносов». Другой очевидец оккупации Галина Сергеевна Продунова вспоминала: «Пока с братом и мамой ходили в деревню менять вещи на продукты, жильцы соседнего дома взломали замок и отнесли в полицию фотографии моего отца, где тот был сфотографиро-

ван в советской форме. Эта семья очень хотела занять (с ещё довоенных пор) две смежные комнатёнки, в которых жила наша семья: мама и трое детей (старшему – 12 лет, младшему – 5). Спас семью полицейский. Он знал нашу семью, поэтому вечером принёс все фотографии, отдал маме и сказал: «На и спрячь. Это твои “друзья соседи” нам принесли». Мама с перепугу сунула все снимки в печку» [Продунов: 16].

В сложившейся обстановке городскому бургомистру по указанию комендатуры пришлось затребовать срочные отчеты с предприятий о немедленной проверке и последующем снятии с должностей представителей коммунистической партии и членов ВЛКСМ, на что многие конторы обязаны были подать служебную записку о немедленном исполнении указаний. Лишиться работы в немедленном порядке должно было и лицо, при обнаружении скрывшее факт своего отношения к ВКП(б) или ВЛКСМ¹⁰. Постепенно управленческий аппарат управы ставился комендатурой на особый учет. Каждый ее сотрудник был обязан заполнять особую анкету, выданную германскими властями, по которой гитлеровцы определяли степень благонадежности служащего.

21 октября 1941 года вышел приказ № 1 бургомистра Н. Щербачева, по которому определялся порядок существования управы, с разъяснением населению ее предназначения. Данный приказ гласил, что управа приступает к работе непосредственно с 22 октября 1941 года и функционирует в тесном контакте с германской комендатурой. 28 октября 1941 года в приказе германской комендатуры публично подчеркивался «властный» статус созданного института местного самоуправления. В нем указывалось, что городская управа и все ее сотрудники находятся на службе местной германской комендатуры, которая окажет ей всякое содействие в организации дела, а какое-либо препятствие со стороны граждан осуществлению полномочий управы строго запрещается и карается по законам военного времени¹¹. Еще ранее, 17 октября 1941 года, по этому поводу куда более корректно высказался сам бургомистр города Н. Щербачев в обращении горожанам: «...Волей населения на меня возложена задача восстановить жизнь города, а поэтому прошу горожан оказать мне активное содействие»¹². В скором порядке (не позднее ноября 1941-го), как бы подчеркивая относительно автономный административный статус новых органов местной власти и одновременно несколько обособляя их от себя, гитлеровцы разрешили управе создать силовой полицейский отдел и принять в использование собственные регистрационные символы – печати и штампы¹³.

Важно отметить, что большинство предписаний управы проходило необходимую проверку в учреждении комендатуры, а список служащих аппарата гражд-

данской власти при рекомендации на утверждение все так же рассматривался именно немцами. Иным остается вопрос, насколько хорошо оккупанты знали утверждаемых управой людей.

Сама система местного самоуправления города включала в себя 9 отделов: полиции, торговли и снабжения, народного образования, отделы канцелярии, финансовый, лесной, промышленный, транспортный, отдел благоустройства, а также дополнительные подотделы: строительный, пожарный, водопроводный, озеленения, жилищный, типографии, здравоохранения, электроосвещения¹⁴. Основной штат служащих источниками определяется в 107 человек. По инструкции, изданной управой, каждый начальник отдела считался самостоятельным руководителем своей отрасли, мог проявлять инициативу и распорядительность; нес ответственность за вверенный ему отдел и его работу, обязан был каждый день отчитываться на совещании перед бургомистром¹⁵.

Учитывая собственные военные интересы, разграничивая власть между военной и гражданской администрацией, немцы поначалу давали разрешение на некоторое автономное функционирование управы в решении ряда вопросов, предоставляли ей право осуществления самоконтроля за собственной организацией. Так, по указанию бургомистра Н. Щербачева уже в конце октября к работе приступил так называемый административно-инспекторский отдел при горуправе – внутренний надзорный орган городского управления, выполняющий инспекторские функции в отношении всех ведомств и отделов управы¹⁶. Административно-инспекторский отдел, работая в тесном контакте с бургомистром, имел полномочия издавать распоряжения, приказы, обращения; занимался планированием, мог накладывать санкции к чиновникам управы вплоть до смещения их с должности. Штат административно-инспекторского отдела включал в себя начальника отдела, двух его заместителей, инспекторов, секретаря, курьера¹⁷.

Похожая «автономность» касалась и вопросов финансового обеспечения органов местного самоуправления. В конце ноября 1941 года управа вводит по Калуге подходящий налог для лиц обоих полов на содержание аппарата городской власти – 15 рублей с человека. Каждое домохозяйство обходил сборщик, выдававший квитанции об уплате налога¹⁸. Такой же приказ в дальнейшем выйдет в декабре 1941 года по инициативе земского управления, по которому для функционирования уже пригородной управы вводился налог в 50 рублей с человека обоего пола¹⁹. Освобождение получали лишь инвалиды и сельские учителя. Деньги необходимо было сдавать старосте по месту проживания, а уже тот передавал их в кассу земского участка. Финансовую подпитку земств и горуправы также осуществляли

и различные денежные поступления от предприятий города (или округа). Для поддержания функционирования управы они должны были уплатить ежемесячно 5-процентный налог с реализованной продукции и дополнительно вносить амортизационные отчисления по остатку²⁰.

Однако, как показывает практика, разоренные войной, постоянным вмешательством оккупантов компании не могли надеяться на значительную прибыль, и денег все равно не хватало. В то время население неохотно вступало в рыночные отношения, утаивало сельскохозяйственную продукцию, боясь непредсказуемого будущего, занимало пассивную, настороженно-выжидательную позицию. В таком случае управе приходилось искать иные источники пополнения бюджета. Калужский государственный архив сохранил важный документ времен оккупации: фрагмент договора между бургомистром Н. Щербачевым и германским комендантом Ф. Портациусом, по которому комендатура для покрытия финансовых убытков управы «благодушно» позволила заняться ей продажей германским солдатам, но исключительно по бросовым ценам, части «ненужного» имущества, еще не конфискованного²¹ германской армией, но все еще находящегося «в собственности» краеведческого музея города²². Практически за бесценок отдавались ценнейшие экспонаты музея (прежде всего, западноевропейская живопись и графика) общей стоимостью в несколько тысяч рублей. Так, этюд выдающегося художника Э. Делакруа, оцененный в музее в 500 рублей²³, на этой распродаже был продан за жалкие 50 немецких марок. Среди утраченных произведений искусства были и картины, переданные музею из Эрмитажа [Калуга: 60–61].

Для поощрения работы рядовых сотрудников полиции немцы не препятствовали заниматься её представителям грабежом имущества еврейского населения, ввиду чего случаи грабежей и изъятий были неоднократно зафиксированы в памяти пережившими оккупацию людьми [Добычина: 18, 28].

Одновременно с формированием городского аппарата власти в конце октября 1941 года ответственный работник управы В. Агафонов получил от бургомистра Н. Щербачева задачу – в кратчайший срок составить проект организации власти в пригородном районе г. Калуги, так называемый план устройства земской районной управы, в юрисдикции которой находилось управление административной, финансовой, хозяйственной деятельностью калужского сельского (пригородного) района²⁴. Вышедший 15 ноября 1941 года приказ определял земскую управу как инстанцию, в своих полномочиях самостоятельную, но подчиненную городскому голове. В земскую управу входил штат руководителей во главе с начальником В. Агафоновым, его помощник, старший агро-

ном, секретарь. При земствах создавались отделы: сельскохозяйственный, лесной, земледелия, финансовый, статистики, дорожный, а также дополнительные: инспекторский по образованию и полиции. Общее количество служащих составляло 67 человек²⁵.

По новой административно-территориальной юрисдикции Калужский (пригородный) район делился на 11 земских участков, которыми управлял назначенный при участии земского бургомистра старшина, подчинявший себе непосредственных помощников: агронома и секретаря. Старшины обязаны были сформировать местную власть в участке – заняться подбором старост. Согласно выпущенной земской управой инструкции, население обязано было подчиняться старосте, а тому для поддержания административного авторитета обещалось содействие со стороны германской армии²⁶.

Для придания юридической силы нормативно-правовым актам, издаваемым земской управой, ей также позволили иметь собственную печать и штамп. Проект земской управы сначала был рассмотрен на заседании городского ведомства – управы, но окончательное утверждение он получил в германской комендатуре.

Несмотря на то, что на первых порах отмечается некоторое «терпимое» отношение немцев к инициативе служащих управ в организации административных структур, а коллаборационистская пропаганда и вовсе прямо восхваляла «чуткость» новой немецкой власти по отношению к гражданским институтам²⁷, реальность оказалась гораздо сложнее. Открыто стала проследиваться та самая крайне неравноправная тенденция взаимоотношений германской власти с коллаборационистами.

Часть современников событий оккупации справедливо ставят в вину служащим управы их прямое пособничество гитлеровцам при проведении ими преступной бесчеловечной политики на оккупированной территории. Так, в период с 1 по 5 ноября 1941 года за подписью коменданта и бургомистра вышли печальные своей преступностью антиеврейские указания. Евреи обозначались в документе грубо – «жиды», им запрещалось перемещаться за пределы города, общаться с людьми и представителями германской власти, торговать. Все обращения и жалобы следовало подавать через старосту и только в управу, а никак не в комендатуру. Да и контакт с местными коллаборационистами проходил не всегда. Очевидцы гетто, как правило, не очень помнят конкретные действия бургомистра, коменданта, чаще в воспоминаниях фигурировали неизвестные представители силовых ведомств – условные немецкие жандармы и «наши» полицейские, активно занимавшиеся грабежом и унижением [Добычина: 18, 28, 101, 110].

По воспоминаниям очевидцев, строгость оккупантов затрагивала и проведение первых каратель-

ных мероприятий в городе в отношении и нееврейского населения. Уже через несколько дней после начала оккупации на площади Ленина на электрических столбах были повешены 4 мужчины с надписью на столбе «Участь всех партизан». Трупы их висели несколько дней для устрашения населения. Затем была зверски сожжена и повешена у Дома Красной армии молодая женщина, работница «Швейпрома» Клочкова, которую обвинили «в поджогах зданий» [Без срока: 65]. В отчете городской комиссии по расследованию злодеяний гитлеровцев также приводится более 30 фактов расстрелов и истязаний калужан фашистами. Полиция в этих процессах занимала пособническую роль.

Позорным и аморальным явлением примера несостоятельности функционирования городской управы стало ее содействие комендатуре в организации публичных домов для немецких солдат. Специалист И.С. Писаренко видит в этом действии ее антисоветскую, исключительно профашистскую направленность [Писаренко: 104].

На данный момент из-за ограниченности архивных источников сложно определить конкретную роль каждого представителя местной власти в осуществлении этих преступно-пособнических акций, но, думается, вряд ли лишены основательно властных полномочий по отношению к германской армии чиновники могли на что-то существенно повлиять. Однако несомненным остается тот факт, что в аппарате управления были и такие люди, кто использовал свое положение сугубо в личных интересах. В описаниях преступлений оккупантов и их пособников со стороны свидетелей отмечается, что полиция проводила обыски, избивала людей, задерживала подозреваемых, конвоировала задержанных, а некоторые чиновники, в том числе из управы, были замечены в активном содействии оккупантам²⁸.

Наиболее отчетливо и ярко зависимость органов местного самоуправления от немцев выражалась в решении вопросов экономической стороны. Примеров данного взаимодействия в источниках содержится большое количество. Приведем некоторые из них.

Когда земский бургомистр, систематизировав собранные данные за счет донесений деревенских старост, попытался пожаловаться бургомистру и германскому коменданту на грабежи немецких солдат в сельской местности, то оккупационные представители на это ему ответили, что в ближайшее время в район придет офицер экономического штаба, который якобы поможет стабилизировать ситуацию, однако, как покажет практика, дисциплинарные меры к немецким солдатам так и не будут приняты [Калуга: 148].

Ввиду нехватки ресурсов, вызванной постоянными грабежами германскими солдатами и мародерами из местного населения, отделы управы не могли по-

казать свою полную эффективность. Видя эту неспособность городской власти наладить производство и обеспечить решение экономических задач, с ноября 1941 года над экономическими отделами горуправы формируется контролирующий институт германской власти – хозяйственный отдел комендатуры под руководством д-ра фон Шреттера, в задачи которого входило проведение мероприятий по системному обеспечению германской армии всеми необходимыми продовольственными и материальными ресурсами, а по сути – методичному разграблению территории. Над каждым крупным городским (или несколькими) предприятием назначался германский инспектор, решение которого являлось обязательным для руководства завода: комиссионным управляющим калужского паротурбинного завода им. Э. Тельмана стал офицер Виттинг, КЭМЗ, спичечной фабрики «Гигант» и фабрики «Мехштамп» – Каппелер, пищевой артели инвалидов, фабрики лесхимпром – Хирш и др. [Писаренко: 101]. Согласно указаниям германской комендатуры, любые масштабные экономические действия районной или городской управы должны были быть согласованы именно с этими учреждениями. Обособление имущества директорми предприятий без решения экономических комендатур строго запрещалось. Данное обстоятельство, порой учитывая несовпадение видения обстановки управой и комендатурой, приводило к дальнейшим скрытым конфликтам и недопониманию. С одной стороны, в первые недели оккупации имущество города постоянно подвергалось расхищению, как тихо – со стороны мародеров-граждан, так и открыто – со стороны германских солдат. Вследствие этого комендатура и экономический отдел приказывали применять к правонарушителям строжайшие меры. С другой стороны, указания комендатур зачастую входили в противоречие с изданными ей самой указаниями – беречь имущество и не позволять его терять. В докладной записке городскому голове от начальника отдела промышленности управы Калуги указывалось: «Несмотря на то, что у отдела нет средств для нормального функционирования, при отсутствии телефонной связи, транспорта, он все же работает, серьезная работа проведена. Предотвращается расхищение имущества, назначены уполномоченные, составлено планирование, организовано производство: свечное, мыловарение, мукомольное. Но все же имеются существенные трудности: немецкими солдатами уже в течение трех недель изымается гужевой транспорт, повреждается имущество, рабочие не допускаются к работам по восстановлению ограждений, установке и ремонту дверей. Когда приехала хозяйственная часть германского командования (не ранее первой декады ноября), дело поначалу улучшилось. Однако, давайте признаемся, и даже сейчас существует неко-

торая несогласованность. Хозяйственная часть порой напрямую игнорирует распоряжения горуправы. Так, например, директор Лесозавода Безгубов был отстранен от должности руководителя предприятия германским офицером только за то, что немецкие солдаты самовольно изъяли с территории завода дрова для своей полевой кухни; этот же офицер не разрешил реализовывать продукцию завода – табуретки, лопаты, столы, фанеру, так как имущество было срочно необходимо германской армии»²⁹. Хозяйственный комендант вмешивался и в дела производственно-пищевого комбината, по его указанию были закрыты ремонтно-сапожная и швейные мастерские, а само ведомство переориентировано на производство хлеба исключительно для нужд германской армии. В итоге прибыль комбинат не получил, а бюджет города не досчитался значительных поступлений³⁰. Бессилие руководителей предприятий также видно и на примере хаотичного расхищения солдатами вермахта имущества завода «Спичка». Беспомощный в полномочиях директор в обращении жаловался в административно-инспекторский отдел управы, что «если уж немцы берут, что хотят, то пусть хотя бы действуют формально через управу»³¹. В другом обращении горуправы немецкому коменданту хозотдела Кандлеру от 13 декабря 1941 года с просьбой посодействовать городской больнице провизией и дровами, получила от немцев циничный ответ: «Вы должны иметь в виду, что германские интересы, германское снабжение – задача первостепенная»³².

Неудивительным является тот факт, что в докладе коменданту от 10 декабря 1941 года горуправа прямо докладывала, что вопрос питания в городе до сих пор остался нерешенным. «С 10 октября и по сей день население 51-тысячного города получило только 10 кг горелой пшеницы на взрослого человека и по 3 кг на ребенка, 1 кг соленых огурцов и помидоров на семью. Большинство общественных столовых нормально не функционируют. Попытки организовать магазины, общественные столовые полностью провалились. Вследствие чего большая часть города волочит полуголодное существование»³³. При таких условиях столовые при предприятиях также не могли обеспечить питанием рабочий класс в полной мере, ограничиваясь лишь предоставлением завтрака³⁴. В некоторых эпизодах такую функцию для обеспечения пищей несовершеннолетних работников иногда брала на себя столовая управы³⁵. Однако с декабря 1941 года уже и для самой управы вводится строгий порядок выдачи обедов по платному абонементу. Заказ варьировался от статуса работника: начальство платило 67 рублей, обычные служащие – 45 рублей в месяц³⁶.

Когда при неоднократных переговорах горуправы с хозяйственными отделами комендатуры во-

прос пропитания в городе так и остался нерешенным, городские власти попытались взять инициативу в собственные руки и предложили ряд срочных мер по стабилизации экономической жизни в городе. Чиновниками предлагалось следующее: разрешить торговлю с деревней, повысить налоги на крестьян: денежный и натуральный, разрешить жителям покидать город для обмена с деревней. Н. Щербачев срочно просил комендатуру санкционировать эти действия³⁷. Однако, как покажут дальнейшие события, многое из предложенного останется лишь на бумаге и не будет в должной степени выполнено, а грабеж оккупантов при приближении Красной армии только усилился. Не поддержали управу оккупанты и в вопросе снабжения продуктами столовой для ее служащих, ввиду чего бургомистр города в декабре издал распоряжение об образовании при столовой огородно-парникового хозяйства³⁸.

Таким образом, можно согласиться с мнением калужского историка И.С. Писаренко в том, что промышленный вариант калужского коллаборационизма в итоге не оправдал ожиданий гитлеровцев. Видя неспособность управы организовать экономическую жизнь города и округа в интересах Германии, оккупанты к декабрю 1941 года приступили к отстранению своих помощников от властных полномочий, а с приближением сил Красной армии к городу гитлеровцы и вовсе приступили к минированию городских предприятий, не думая о населении города и своих помощниках. В третьей декаде декабря 1941 года, во время ожесточенных боев 50-й советской армии за город, специальная саперная команда под руководством начальника, инженера Зигфрида, офицера Нозре 28 декабря 1941 года взорвала ТЭЦ, парокотельный, деревообделочный, заготовительный и др. цехи машиностроительного завода; произвела минирование железнодорожного депо и ряда других крупных предприятий Калуги [Писаренко: 101]. Некоторые из них впоследствии все же будут взорваны.

Учитывая отрицательные настроения общества и аппарата местной власти, германские власти насадили в городе многочисленную сеть тайных агентов и доносчиков. По данным недавно рассекреченных архивных источников, в Калуге отмечалась интенсивная дислокация широкой сети различных спецслужб и ведомств. Функционировал как особый полицейский сыскной отдел из местных коллаборационистов, так и германские ведомства – полевая жандармерия, выявлявшая факты саботажа, особый разведывательный отдел (ОАК-4), отдел пропаганды и агитации офицера Мёллера, насаждавший свою агентуру среди гражданских лиц и служащих управ, филиал гестапо. Согласно материалам архивных документов, местная германская комендатура имела своих людей из числа русского населения во многих инстанциях

управы: в полицейском отделе, гражданских отделах и подотделах, иных учреждениях³⁹. Вот так об этом вспоминает переживший оккупацию врач Н. Устрялов: «Доктор Васильева рассказала, что вчера ее водили в немецкую комендатуру. Пришли два немецких полицейских на Бушмановку (прим. поселок). Но она уже уехала. Явились на дом часов в 5 и приказали немедленно идти с ними; один шел впереди, другой сзади. Привели в бывший Кологривовский дом за Каменным мостом к одному из “начальников”. Добивались у нее признания, что она коммунистка. Оказывается, поступило заявление от 6 или 7 бывших бушмановских⁴⁰ сотрудников с доносом, будто она коммунистка (что на самом деле нет) и с жалобами на грубое отношение ее со служащими. Естественно, она отрицала свою принадлежность к партии и рассказала о тяжелых буднях больницы, когда ее грабили при активном участии самих служащих. Потом благополучно отпустили через 1 час». Персоналии некоторых конкретных прислужников при отделах управы, работавших на полицию, указаны в документах ГАКО⁴¹.

К концу ноября 1941 года контролирующие органы были организованы и над земской управой в лице присутствия представителя сельскохозяйственного коменданта. Им стал 57-летний офицер с фамилией Штальдшмидт [Калуга: 149]. 20–21 ноября состоялось совещание, на котором представители экономического штаба германской армии объяснили сотрудникам земского ведомства – агрономам и старшинам – предназначение их деятельности. Однако, как заметили собравшиеся на совещании, ответы на задаваемые со стороны агрономов вопросы были крайне уклончивыми, и совещание напоминало не организационный сбор, а агитационное мероприятие [Калуга: 153].

С конца ноября процесс оттягивания полномочий гражданских органов со стороны комендатур усилился. За подписью коменданта было выпущено обращение к обществу, по которому конкретно определялся порядок привлечения к ответственности лиц, уклоняющихся от трудовой мобилизации. В ноябрьском объявлении к населению, только уже без самого участия управы, было заявлено: «Граждане Калуги ленивы и плохо работают...» Для уклонистов комендатура вводила следующие наказания: для начала штрафные – по 30 рублей, которые пойдут в казну управы; в дальнейшем – телесные наказания и лишение пайка; суровые – выдворение из города без права возвращения⁴². Но людей эти меры не останавливали. Несмотря на первоначально искренние попытки управы наладить экономику города, провести социальные действия, на заключительном этапе оккупационного периода многочисленные свидетельства рисуют нам уже другую картину: среди обычных рабочих никакого энтузиазма практически не было, люди приходили,

кое-как отрабатывали смену, получали паек и уходили⁴³. Впоследствии такие настроения постигли и начальствующий состав ведомств и отделов.

К концу оккупации верхушка общества, осознав истинный характер гитлеровской политики, а некоторые также ошибочность своего выбора, начала обдумывать варианты дальнейшего поведения. Многих постигло настоящее разочарование, и именно по этим причинам накануне освобождения города Красной армией произошла очень интересная метаморфоза. Значительное количество служащих управ просто не вышло на работу, вследствие чего 22 декабря 1941 года отделы управы не могли нормально функционировать, за что всем отсутствующим в тот день лицам со стороны бургомистра было объявлено дисциплинарное взыскание в виде строгого выговора. При внимательном изучении персоналий правонарушителей, привлеченных к дисциплинарной ответственности, можно заметить, что «прогульщиками» оказались не только рядовые работники отделов управы, но даже начальники этих самых отделов. Не явились на работу руководители отделов здравоохранения, промышленности, дорожного хозяйства, а также русские служащие при самой комендатуре. Всего по приказу бургомистра Н. Щербачева в тот день были вынесены взыскания более пятидесяти сотрудникам, что с учетом небольшого штата управы довольно значительная цифра⁴⁴. К 26–27 декабря таких прогулявших работу русских при комендатуре уже насчитывалось 9 человек: переводчики, секретари, машинисты⁴⁵.

По воспоминаниям бургомистра земства В. Агафонова, примерно с 20 декабря начала затухать работа и земской управы ввиду приближения линии фронта к Калуге и отсутствия у ее работников мотивации вследствие постоянной нехватки экономических ресурсов и беспредела, творимого германскими солдатами [Калуга: 154]. Позднее часть из тех лиц, кто до конца остался верен оккупантам, а также те, кто боялся последующего преследования, накануне освобождения территории города частями Красной армией решили уйти с немцами, считая для себя оккупантов куда меньшим злом, нежели приближающаяся советская власть.

Последствия оккупации для относительно небольшого города Калуги были ощутимые. В общей сложности оказалось уничтожено 496 домов. Остались без жилья 351 семья общей численностью в 2 435 человек. При отступлении фашисты полностью выжгли и взорвали улицы Михайловского, Свердлова, Салтыкова-Щедрина, Подвойского, Кооперативный поселок (где находилось еврейское гетто). В городе не осталось ни одного неповрежденного дома; театр на Сенной площади был сожжен, разоренными оказались многие общеобразовательные школы и городской музей [Алексеева].

По данным акта чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов, из 51 тысячи оставшихся в городе гражданских лиц⁴⁶ нацистами и их пособниками было казнено около 1 000 человек [Бучарский]. В составленном комиссией списке погибших значатся не только лица, напрямую заподозренные оккупантами в осуществлении подпольной деятельности или же евреи, преследуемые нацистами в ходе проведения политики холокоста, но и обычные жители: дети, женщины, старики.

Что же касается судеб оставшихся пособников оккупантов, то чекисты искали потенциальных изменников. У спецотряда имелся предварительный список из 200 человек, которые работали в полиции, органах новой власти или как-то иначе содействовали немцам. За первую половину 1942 года горотделом НКВД в Калуге было проведено следствие по 469 уголовным делам, в ходе которого лишь 64 человека были отпущены [Алексеева].

Таким образом, наше исследование показало, что характер взаимоотношений гражданской власти и аппарата военно-оккупационного командования германской армии по причине политических, идеологических и экономических основ ее захватнической политики не мог носить настоящую партнерскую специфику. Создавая органы местного самоуправления, гитлеровцы с самого начала видели в них придаток своей оккупационной системы, указав на приоритет метода принуждения над автономностью. Строжайшим образом разграничили власть, лишь в пропагандистских целях предоставляя некоторую свободу коллаборационистам, наделяя представителей управ условным суверенитетом, необходимым только для удобства в организации образования органов и осуществления ими скорейшего содействия в решении оккупационных задач. В таком случае никакое иное положение никоим образом не могло бы изменить установленный порядок, что впоследствии, при ухудшении положения для самих оккупантов, лишь подтвердило их истинные намерения.

Примечания

¹ ГАКО – Государственный архив Калужской области.

² Н. Щербачев – потомственный дворянин, чиновник финансового отдела губернской земской управы. В советские времена – бухгалтер некоторых советских организаций. До июля 1938 года был преподавателем основ бухгалтерского учёта при рабфаке завода НКПС. После расформирования рабфака – пенсионер.

³ С. Кудрявцев-Дворянин. До 1918 года был начальником городской пожарной команды. В 1917-м отказался возглавить городскую милицию при Временном правительстве. С 1919 года – член губер-

ского комитета по государственному страхованию. В 1930-е стал известным садоводом-мичуринцем.

⁴ ГАКО. Ф. Р-3466. Оп. 1. Д. 7. Л. 58.

⁵ ГАКО. Ф. Р-3466. Оп. 1. Д. 8. Л. 19.

⁶ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 3. Д. 3. Л. 1.

⁷ ГАКО. Ф. Р-972. Оп. 1. Д. 6. Л. 77, 85, 161.

⁸ С. Купфер – сын директора акционерного общества шелковой промышленности. С 1918 по 1922 год служил в РККА. В период советской власти являлся служащим соцучреждения. Подвергался уголовному преследованию в 1927 году и в конце 1930-х гг. Перед оккупацией проживал на выселении в г. Малоярославец и г. Калуга.

С. Леульт – до Великой Отечественной войны отбывал наказание за контрреволюционную деятельность, затем работал артистом Калужского городского драматического театра, во время немецко-фашистской оккупации г. Калуги – начальник секретно-политического отдела городской вспомогательной полиции.

⁹ Управление Народного комиссариата внутренних дел (УНКВД)

¹⁰ ВКП (б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков); ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодёжи.

¹¹ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 3. Д. 3. Л. 13.

¹² ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 3. Д. 1. Л. 29.

¹³ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 49. Л. 9.

¹⁴ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

¹⁵ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 об.

¹⁶ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

¹⁷ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

¹⁸ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.

¹⁹ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 3. Д. 1. Л. 5.

²⁰ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 15. Л. 31 об.

²¹ Около 70 % экспонатов калужского краеведческого музея было разграблено оккупантами в городе (взято у И.С. Писаренко. С. 101).

²² ГАКО. Ф. Р-976. Оп. 1. Д. 10. Л. 9.

²³ Даже на антикварных рынка стоимость картин была гораздо выше.

²⁴ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 об.

²⁵ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

²⁶ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 1. Л. 11–12.

²⁷ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 10. Л. 6.

²⁸ ГАКО. Ф. Р-3466. Оп. 1. Д. 8. Л. 4, 19.

²⁹ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 15. Л. 8–11.

³⁰ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 15. Л. 10–11.

³¹ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 49. Л. 54.

³² ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.

³³ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

³⁴ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 49. Л. 19.

³⁵ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 49. Л. 16.

³⁶ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 49. Л. 29.

³⁷ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 4. Л. 1 об.

³⁸ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

³⁹ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 15. Л. 3–4.

⁴⁰ Бушмановка – ранее пригородный поселок, в настоящее время микрорайон г. Калуги.

⁴¹ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 15. Л. 3–4.

⁴² ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 3. Д. 3. Л. 9.

⁴³ ГАКО. Ф. Р-3466. Оп. 1. Д. 8. Л. 15.

⁴⁴ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 1. Л. 21–21 об.

⁴⁵ ГАКО. Ф. Р-976. Оп. 1. Д. 10. Л. 24.

⁴⁶ Согласно переписи населения за 1939 год, в городе проживало 89 400 человек. До прихода в город немцев значительная часть жителей (47 632 чел.) покинула город.

Список литературы

Алексеева Я. «Я плакал от голода...» Откровения об оккупации Калуги в 1941 году и фото. URL: <https://www.kaluga-poisk.ru/news/sobytiya/okkupatsiya-kalugi-v-1941-godu> (дата обращения: 05.07.2023).

Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Калужская область: сб. архивных документов / отв. ред. серии Е.П. Малышева. Москва, 2020. 552 с.

Бучарский В. «Турынинская свирель печали». URL: <http://bucharisky.ru/books/11/108> (дата обращения: 28.07.2023).

Война глазами детей: сб. документов / Управление по делам архивов Калужской области, Государственный архив Калужской области; сост. Н.В. Зиновкина [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. Калуга: СерНа, 2020. 207 с.

Горбачев О.В., Кометчиков И.В., Филимонов В.Я. История крестьянства Западного региона России: 1941 – середина 1980-х годов. Калуга: Калужский государственный институт развития образования, 2017. 632 с.

Добычина М.А. Еврейское гетто в Калуге. Ноябрь – декабрь 1941. Калуга: Гриф, 2012. 165 с.

Занько Е.А. Калужский коллаборационизм: причины, проявления, масштаб. Трагические страницы европейской истории: движение Сопротивления и коллаборационизм с нацистской Германией в годы Второй мировой войны: доклады 3-й Международ. науч.-практ. конф., посвящ. 80-й годовщине начала Великой Отечественной войны (Россия, Москва, 21–22 сентября 2021 г.). Москва, 2021. С. 209–214.

Калуга. Сорок первый год... / авт.-сост. Н.В. Гущина. Калуга: Некоммерческое партнерство «Калужский областной исследовательский и культурно-просветительский центр “Гараль”», 2012. 656 с.

Кометчиков И.В., Молодова И.Ю., Писаренко И.С., Романова Т.В., Филимонов В.Я., Чеченков К.В. и др. Суровые сороковые... Калужский край в годы Вели-

кой Отечественной войны 1941–1945 гг. Калуга: Калужский государственный институт развития образования, 2015. 272 с.

Михеенков С.Е. Остановить Гудериана. 50-я армия в сражениях за Тулу и Калугу. 1941–1942. Москва: Центрполиграф, 2013. 349 с.

Молодова И.Ю. Организация здравоохранения в условиях нацистской оккупации (по материалам региональных архивов Калужской, Брянской и Смоленской областей) // Теория и практика общественного развития. 2014. № 21. С. 195–197.

Писаренко И.С. Музеи Калуги в период немецко-фашистской оккупации // Сборник научных трудов КГПУ им. К.Э. Циолковского. Калуга, 1996. С. 39–40.

Писаренко И.С. Неизвестная оборона и незабываемое освобождение: Калуга в Московской битве // Жизнь, общество, человек: проблемы взаимодействия (памяти О.В. Бессонова). Калуга: Эйдос, 2009. С. 28–45.

Писаренко И.С. Фашистская оккупация г. Калуги и оккупационный режим (октябрь – декабрь 1941 г.) // Песоченский историко-археологический сборник. 2004. Вып. 5. С. 92–106.

Продунов В.Е. Семьдесят восемь дней «нового порядка» // Калужская неделя. 2011. № 44. С. 29.

Продунов В.Е. Семьдесят восемь дней «нового порядка» // Калужская неделя. 2011. № 45. С. 16.

Устрялов М.В. Повседневная жизнь калужан в годы войны. Дневник врача 1941–1944 гг. Калуга: Золотая аллея, 2010. 152 с.

References

Alekseeva Ya. «Ya plakal ot goloda...» Otkroveniya ob okkupatsii Kalugi v 1941 godu i foto [“I cried from hunger...” Revelations about the occupation of Kaluga in 1941 and photos]. URL: <https://www.kaluga-poisk.ru/news/sobytiya/okkupatsiya-kalugi-v-1941-godu> (access date: 05.03.2023). (In Russ.)

Bez sroka давности: prestupleniya nacistov i ix posobnikov protiv mirnogo naseleniya na okkupirovannoy territorii RSFSR v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` [No statute of limitations: crimes of the Nazis and their accomplices against civilians in the occupied territory of the RSFSR during the Great Patriotic War]. Kaluzhskaya oblast` : sbornik arxivnyh dokumentov [Kaluga region: collection of archival documents]. Moscow, 2020, 552 p. (In Russ.)

Bucharsky V. Tury`ninskaya svirel` pechali [Turynin pipe of sorrow]. URL: <http://bucharsky.ru/books/11/108> (access date: 28.03.2023). (In Russ.)

Vojna glazami detej: sbornik dokumentov [War through the eyes of children: a collection of documents], compiled by N.V. Zinovkina et al. 2nd edition, corrected and supplemented. Kaluga, SerNa Publ., 2020, 207 p. (In Russ.)

Gorbachev O.V., Kometchikov I.V., Filimonov V.Ya. Istoriya krest`yanstva Zapadnogo regiona Rossii: 1941 – seredina 1980-x godov [History of the Peasantry of the Western region of Russia: 1941 – middle 1980s]. Kaluga, Kaluga State Institute of Education Development Publ., 2017, 632 p. (In Russ.)

Doby`china M.A. Evrejskoe getto v Kaluge. Noyabr` – dekabr` 1941 [The Jewish ghetto in Kaluga. November` – December` 1941]. Kaluga, Grif Publ., 2012, 165 p. (In Russ.)

Zanko E.A. Kaluzhskij kollaboracionizm: prichiny, proyavleniya, masshtab [Kaluga collaboration: causes, manifestations, scale]. Tragicheskie stranicy evropejskoj istorii: dvizhenie Soprotivleniya i kollaboracionizm s nacistskoj Germaniej v gody` Vtoroj mirovoj vojny`: doklady` 3-j Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyash. 80-j godovshhine nachala Velikoj Otechestvennoj vojny` [Tragic pages of European history: the Resistance movement and collaboration with Nazi Germany during the Second World War: reports of the 3rd International Scientific and Practical Conference dedicated to the 80th anniversary of the start of the Great Patriotic War]. Moscow, 2021, pp. 209-214. (In Russ.)

Kaluga. Sorok pervy`j god... [Kaluga. Forty-first year...]. Kaluga, Nekommercheskoe partnerstvo “Kaluzhskij oblastnoj issledovatel`skij i kul`turno-prosvetitel`skij centr «Garal`»” Publ., 2012, 656 p. (In Russ.)

Kometchikov I.V., Molodova I.Yu., Pisarenko I.S., Romanova T.V., Filimonov V.Ya., Chechenkov K.V. & al. Surovye sorokovye... Kaluzhskij kraj v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. [Severe the fortieth... Kaluzhsky Krai during the Great Patriotic War 1941–1945]. Kaluga, Kaluzhskij gosudarstvennyj institut razvitiya obrazovaniya Publ., 2015, 272 p. (In Russ.)

Mixeenkov S.E. Ostanovit` Guderiana. 50-ya armiya v srazheniyax za Tulu i Kalugu. 1941–1942 [Stop Guderian. The 50th Army in the battles for Tula and Kaluga. 1941–1942]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2013, 349 p. (In Russ.)

Molodova I.Yu. Organizaciya zdravooxraneniya v usloviyax nacistskoj okkupatsii (po materialam regional`nyx arxivov Kaluzhskoj, Bryanskoj i Smolenskoj oblastej) [Healthcare organization under Nazi occupation (based on materials from the regional archives of Kaluga, Bryansk and Smolensk regions)]. Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development], 2014, No. 21, pp. 195-197. (In Russ.)

Pisarenko I.S. Muzei Kalugi v period nemecko-fashistskoj okkupatsii [Museums of Kaluga during the Nazi occupation]. Sbornik nauchnyh trudov KGPU im. K.E. Ciolkovskogo [Collection of scientific works of K.E. Tsiolkovsky KSPU]. Kaluga, 1996, pp. 39-40. (In Russ.)

Pisarenko I.S. Neizvestnaya oborona i nezaby`vaemoe osvobozhdenie: Kaluga v Moskovskoj bitve [Unknown de-

fense and unforgettable liberation: Kaluga in the Moscow Battle]. *Zhizn', obshchestvo, chelovek: problemy vzaimodejstviya (pamjati O.V. Bessonova)* [Life, society, man: problems of interaction (in memory of O.V. Bessonov)]. Kaluga, Eidos Publ., 2009, pp. 28-45. (In Russ.)

Pisarenko I.S. *Fashistskaya okkupaciya g. Kalugi i okkupacionnyj rezhim (oktyabr - dekabr` 1941 g.)* [The Fascist occupation of Kaluga and the occupation regime (October-December 1941)]. *Pesochenskij istoriko-arheologicheskij sbornik* [Pesochinsky historical and archaeological collection], 2004, iss. 5, pp. 92-106. (In Russ.)

Produvnov V.E. *Sem`desyat vosem`dnej «novogo poryadka»* [Seventy-eight days of the “new order”]. *Kaluzhskaya nedelya* [Kaluga week], 2011, No. 44, p. 29. (In Russ.)

Produvnov V.E. *Sem`desyat vosem`dnej «novogo poryadka»* [Seventy-eight days of the “new order”]. *Kaluzhskaya nedelya* [Kaluga week], 2011, No. 45, p. 16. (In Russ.)

Ustryalov M.V. *Povsednevnyaya zhizn` kaluzhan v gody` vojny`. Dnevnik vracha 1941–1944 gg.* [Daily life of Kaluzhans during the war. Doctor's diary 1941–1944]. Kaluga, Zolotaya alleya Publ., 2010, 152 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.07.2023; одобрена после рецензирования 31.07.2023; принята к публикации 28.08.2023.

The article was submitted 06.07.2023; approved after reviewing 31.07.2023; accepted for publication 28.08.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 62–67. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 3, pp. 62–67. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 614

EDN UWYFEN

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-62-67>

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОТДЕЛОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИГИ ДЛЯ БОРЬБЫ С ТУБЕРКУЛЕЗОМ В КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ 1911–1918 ГГ.

Ваганов Михаил Сергеевич, аспирант, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, ya.mix-vaganow@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-1173-1258>

Аннотация. Статья посвящена малоизученной проблеме деятельности отделов Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом в Костромской губернии. Источниками выступают документы Государственного архива Костромской области (ГАКО). Предпринимается попытка установить, в какой мере отделы Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом препятствовали распространению туберкулеза на территории Костромской губернии. На обширном фактическом материале рассматриваются мероприятия, проводимые отделами Лиги. Автор приходит к выводу о том, что деятельность отделов Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом смогла в определенной мере сдержать распространение туберкулеза на территории Костромской губернии. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования регионального опыта отделов Лиги в борьбе с социальными заболеваниями, такими как туберкулез, в современном обществе.

Ключевые слова: Всероссийская лига для борьбы с туберкулезом, борьба с эпидемиями, земство, провинция, Костромская губерния.

Для цитирования: Ваганов М.С. Деятельность отделов Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом в Костромской губернии 1911–1918 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 62–67. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-62-67>

Research article

ACTIVITIES OF THE DEPARTMENTS OF THE “ALL-RUSSIA LEAGUE FOR FIGHTING TUBERCULOSIS” IN KOSTROMA PROVINCE IN 1911-1918

Mikhail S. Vaganov, postgraduate, Kostroma State University, Kostroma, Russia, ya.mix-vaganow@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-1173-1258>

Annotation. The article is devoted to the little-studied problem of the activity of departments of the “all-Russia League for Fighting Tuberculosis” in Kostroma Province. The sources are the documents of the State Archive of Kostroma Region. An attempt is made to establish the extent of the department of “all-Russia League for Fighting Tuberculosis” in the territory of Kostroma Province. The activities carried out by the League’s departments are considered on extensive factual material. The author comes to the conclusion that the activities of the departments of the “all-Russia League for Fighting Tuberculosis” were able to contain the spread of tuberculosis in Kostroma Province to a certain extent. The practical significance of the study lies in the possibility of using the regional experience of the League’s departments in fighting the social diseases, such as tuberculosis, in modern society.

Keywords: “All-Russia League for Fighting Tuberculosis”, fighting epidemics, zemstvo, province, Kostroma Province.

For citation: Vaganov M.S. Activities of the departments of the “All-Russia League for Fighting Tuberculosis” in Kostroma Province in 1911-1918. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 3, pp. 62–67. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-62-67>

Постоянным спутником развития человечества являются эпидемии – холера, оспа, тиф и др. Опыт борьбы с болезнями в начале XX в. у историков вызывает неподдельный интерес ввиду появления в последние десятилетия разного рода эпидемий, таких как свиной грипп, вирус Эбола, вирус COVID-19.

В начале XX в. эпидемии были частыми гостями в Костромской губернии. Так, в 1902 г. в Кологривском уезде случились эпидемии оспы и скарлатины¹. В 1903 г. вспыхнули эпидемии брюшного тифа в Варнавинском, Кологривском и Ветлужском уездах². В 1910 г. в губернии прошла эпидемия азиатской холеры³.

Не менее опасным для населения Костромской губернии было заболевание бугорчаткой (туберкулезом). С начала XX в. число заболевших туберкулезом неуклонно росло (табл. 1).

Подавляющая масса среди заболевших туберкулезом была из числа рабочих. Это было обусловлено рядом факторов: замкнутость и теснота производственных помещений, загрязненность пылью и токсинами. Туберкулез был характерен среди шахтеров, рабочих текстильных фабрик и металлургических заводов [Киценко: 216].

В свою очередь, численность рабочих, как и количество предприятий, в Костромской губернии с каждым годом росло (табл. 2).

Земские врачи и общественные организации вели постоянную борьбу с туберкулезом. В помощь земским врачам в Костромской губернии открылся отдел Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом. Идея открытия отдела появилась после проведения благотворительного мероприятия «День белой ромашки», или «День белого цветка». Мероприятие являлось благотворительным сбором, устраиваемым Лигой. Организацию проведения акции взяла на себя редакция газеты «Наша костромская жизнь» [Каганович: 43].

С 1911 г. эмблемой благотворительной акции стала белая ромашка [Горлова: 13].

На деньги, собранные в ходе акции, было принято решение открыть Костромской отдел Лиги, так как по требованию жертвователей деньги, полученные в ходе благотворительной акции, должны были быть израсходованы на местные нужды⁴. Разрешение на открытие отдела было получено 26 августа 1911 г., а работу отдел начал 14 марта 1912 г.⁵ В состав правления Костромского отдела были избраны: председа-

Таблица 1

Количество заболевших туберкулезом в Костромской губернии

Год	Численность заболевших
1900	5 062
1901	5 844
1902	8 640
1903	6 397
1905	7 601
1907	9 156
1908	8 408
1909	8 577
1910	9 272
1911	9 436

Таблица 2

Количество фабрик и заводов, численность рабочих на них

Год	Количество фабрик и заводов	Численность рабочих
1900	2 059	61 737
1901	2 152	65 942
1902	2 114	66 192
1903	1 970	65 620
1905	2 240	73 381
1907	1 906	78 705
1908	1 773	80 835
1909	2 221	81 892
1910	2 442	84 433
1911	2 660	93 637

тель А.А. Цветаев, казначей А.И. Зимин, секретарь Д.А. Огородников и члены правления А.М. Когон, Л.С. Соколов, А.П. Винокурова, И.Ф. Сперанский, М.М. Крюков, Н.А. Чемоданова, М.И. Левинович, А.Г. Смылова. Отделение открылось в амбулатории на ул. Еленинской, дом № 16, кв. 8.

Отделы Лиги открывались и в уездных городах. Так, например, в 1912 г. произошло открытие отдела Лиги в Кологриве. В отношении от 10 декабря 1911 г. на имя костромского губернатора П.П. Шиловского было указано, что инициатива открытия отделения исходила от председателя Кологривской уездной земской управы Н.И. Лебидинского; ее членов И.А. Ладыженского и Н.А. Назарова; земских врачей Р.Б. Спектор, М.С. Гоник, И.Е. Файна, Л.М. Пурвера, Д.И. Богоявлинского, А.Г. Михельсона; санитарного врача Ф.Т. Виноградова; уездного врача Н.А. Шпиндлера; ветеринарного врача В.И. Неволлина; провизора Н.Е. Громова⁶. Перед открытием отделения Лиги губернатор П.П. Шиловский поручил кологривскому уездному исправнику Чистякову собрать сведения об учредителях Кологривской лиги для определения их благонадежности⁷. К 3 марта 1912 г. исправником были представлены исчерпывающие сведения о лицах, подписавших заявление об открытии отделения. 9 марта 1912 г. было дано разрешение на открытие отдела, а в правление Лиги был дан ответ, что губернатор никаких препятствий чинить не будет⁸.

Деятельность Лиги велась по трем направлениям: быстрое распознавание болезни, эффективное лечение и предохранение здоровых людей.

Для успешного и быстрого распознавания болезни и эффективного лечения туберкулеза Лига занималась строительством амбулаторий-попечительств, санаториев, детских колоний, а также разрабатывала проект дешевых жилищ⁹.

Амбулатории-попечительства становились ядром в борьбе с туберкулезом. Главными задачами амбулаторий было распознавание болезни, лечение больных, а также составление указаний для предотвращения заражения семьи больного. Прием в амбулатории был бесплатным. Медицинский персонал состоял преимущественно из врача, фельдшера или фельдшерицы и попечительной сестры. С 1912 г. амбулатории стали открываться в Костроме и уездах. Туда обращались преимущественно женщины (67 %), в меньшей степени мужчины (33 %). Большое количество пациентов было среди фабричных рабочих (32,35 %)¹⁰.

Первая мировая война отразилась на деятельности противотуберкулезных амбулаторий. С августа 1914 г. работа амбулаторий сократилась, а именно сокращались наполовину дни амбулаторного приема, что вело к уменьшению числа принятых пациентов.

Для обеспечения больных лекарствами и установления за ними постоянного контроля Лига вела ак-

тивное строительство санаториев. Они находились за городами в сухих, обращенных на солнечную сторону и защищенных от ветра местах. Больной, находясь в санатории, получал здоровую пищу и дышал чистым воздухом. Среди недостатков санаториев следует назвать их дороговизну и распространение только среди рабочих, имеющих страхование от болезней¹¹.

Так, одним из санаториев, построенных Лигой, стал Есиплевский санаторий в Кинешемском уезде. С.А. Казимов, врач, приглашенный для заведования санаторием, признал возможным с июля 1914 г. начать прием больных. Санаторий состоял из четырех домиков для больных, павильона, служившего столовой и читальней для больных, колодца, кухни с помещениями для прислуги и главного здания санатория. Главное здание санатория строилось с учетом опыта Лиги по строительству санаториев. Для успешного строительства правление Кинешемского отдела Лиги командировало в Москву секретаря правления П.А. Соловьева¹².

В амбулаториях отделов не было ни детских отделений или кабинетов, ни специальных приемов по детскому туберкулезу. Поэтому Лига для защиты детей от туберкулеза стала строить детские летние колонии. 16 октября 1911 г. на общем собрании было принято во внимание решение перенять опыт томских колоний Общества содействия физическому развитию и открыть в Костромской губернии детские колонии с целью обезопасить детей от туберкулеза и улучшить их физическое развитие. В колонию могли попасть дети, проживающие в плохих квартирных условиях и имеющих родственников, страдающих туберкулезом¹³.

Детские колонии данного типа сложно назвать специальными противотуберкулезными учреждениями, в основном это были учреждения общеоздоровительного характера. Но если рассматривать их с точки зрения профилактики туберкулеза и укрепления сопротивляемости детского организма к туберкулезным инфекциям, такие учреждения имели большое значение.

Дети в колониях жили по распорядку. Им было предоставлено усиленное питание для покрытия расхода энергии и для наращивания массы тела. Питание было сбалансированное: в его состав входили молоко, яйца, мясо, мука ржаная и пшеничная, различные крупы, сахар¹⁴. Все это позволяло детям окрепнуть, и они становились трудоспособными. Однако содержание таких колоний было очень затратным¹⁵.

Одной из таких колоний была детская колония Солигаличского отдела Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом. Она была открыта 2 июня 1912 г. Колония находилась в усадьбе Прокино и включала в себя двухэтажный деревянный дом, баню, хозяй-

ственные постройки, сад, огород и двор. Перед открытием колонии усадьба была отремонтирована, закуплен кухонный инвентарь и складные кровати. Посуда и бельевой инвентарь был предоставлен Солигалической земской управой из имущества неоткрытых яслей-приютов. Прием детей в колонию шел исходя из осмотра детей в амбулатории земской больницы. Отбирали детей слабых и с плохой наследственностью, но из семей забирали только по одному ребенку. Отбор был среди городских и деревенских детей. Из города в колонию попало 19 детей, а из деревни 3 человека, однако дети из деревни вскоре вернулись обратно в семьи, так как семьям были нужны помощники по хозяйству. Возраст детей – с 7 до 14 лет. Больше всего было девятилетних и десятилетних детей – по 6 человек.

Колония оказала положительное влияние на детей. Они физически окрепли, а также приобрели социальные навыки. Однако окрестное население относилось к колонии двояко: одни говорили о «барской затее» и жалели отданные деньги, другие поняли смысл работы колонии и ее влияние на детей¹⁶.

В 1914 г. местным отделом Лиги была открыта дача-колония для детей в с. Троица. В качестве помещения под колонию выбрали школьное здание, представленное костромской уездной земской управой. Возраст детей, входящих в колонию, разнился от 7 до 13 лет, по полу – мальчики и девочки, до 35 человек. При принятии ребенка в колонию отдел принимал во внимание состояние здоровья детей, тяжелую наследственность, степень материальной нужды. Содержание колонии обошлось в 1003 р. Из этой суммы 627 р. 28 к. стоило пищевое довольствие; жалование двум заведующим и двум человекам прислуги – 223 р. 72 к.; обустройство дачи – 147 р.¹⁷

В Костромском отделе поднимался также жилищный вопрос. При анализе помещений, в которых проживали рабочие г. Костромы, выяснилось, что помещения холодные, сырые, грязные, имеют туалеты на улицах. Все это приводит к распространению туберкулеза. В.В. Аристов предлагал построить 20 деревянных домов с 8 здоровыми квартирами в каждом. На постройку домов необходимо было 110 тысяч рублей, и такие деньги могло предоставить только государство, дав кредит Лиге, тем самым она искала поддержку в городском и земском самоуправлении [Аристов: 10].

Помимо строительства, активно шла просветительская деятельность Лиги как в Костроме, так и в уездных городах.

Немаловажным видом деятельности Лиги было просвещение. Просветительская комиссия образовалась в декабре 1913 г., председателем комиссии был избран И.О. Сперанский. Он устроил собеседование с дамами-попечительницами, приступили к организа-

ции библиотеки и изданию «Известий Костромского отдела Всероссийской лиги борьбы с туберкулезом»¹⁸.

Выпуск периодического издания стал основополагающим моментом в деятельности Костромского отдела Лиги. Цель журнала – познакомить всех интересующихся с борьбой с туберкулезом и ходом ее развития в России и за границей. Также издание служило объединению деятелей и организаций Русского противотуберкулезного общества. В журнале широко освещалась местная борьба с туберкулезом, а именно деятельность правления Костромского отдела Лиги, попечительной комиссии и просветительской комиссии, а также борьба с туберкулезом в России и за границей¹⁹.

Особое место отводилось проведению Дня белого цветка, так как на этом мероприятии собирались деньги на реализацию планов отделов Лиги и велась активная просветительская работа среди населения. На Дне белого цветка раздавались листовки с призывом покупать белую ромашку. На листовке можно было прочитать, какие мероприятия были проведены и какие имеются планы²¹.

Так, во время Дня белого цветка в мае предлагалось устроить кинематографические сеансы на тему борьбы с туберкулезом²⁰. Акционерное общество «А. Ханжонков и Ко» предлагало в аренду документальный фильм «Туберкулез» по цене 2 коп. за метр «при условии пользования ее не более трех дней, не считая времени доставки»²².

В Плесе местное отделение организовало музей, посвященный туберкулезу, где велись научно-популярные лекции и была устроена выставка, на которой могли присутствовать все²³.

Однако в связи с Первой мировой войной День белой ромашки объявлен на субботу 9 мая 1915 г., а в уездных городах и селах постановили отказаться от устройства мероприятия²⁴.

Для активной деятельности организации было жизненно необходимо материальное обеспечение. Лига по борьбе с туберкулезом получала денежные средства от продажи «ромашки» в день праздника «белой ромашки», а также пособия от земских управ или частных лиц.

Одним из способов поддержки стала передача части имущества Лиге. Так, купец И.М. Красильщиков в 1914 году для устройства санатория подарили Костромскому отделу участок земли в Плесе²⁵.

В завещании П.Г. Колодезников передал значительную сумму на реализацию дешевых гигиенических жилищ, спроектированных инженером-технологом В.В. Аристовым²⁶.

Однако, несмотря на благие намерения, исходящие от Лиги, с 1914 г. ей труднее удавалось получить столь нужную ей поддержку. Лига искала поддержки у населения. Так, в «Поволжском вестнике»

перед Днем белой ромашки было составлено обращение Лиги к костромичам²⁷.

Несмотря на призывы со стороны Лиги, сравнение сборов показывает, что сбор в День белой ромашки в 1915 году был меньше, чем сбор в 1914 г., на 932 р. 3 к. и меньше, чем в 1913 г., на 320 р. 83 к.²⁸

Многие уезды отказывали в финансовой поддержке отделу по разным причинам. Так, Кинешемская уездная управа, согласно решению заседания 1 ноября 1914 г., постановило ходатайство о назначении пособия Костромскому отделу Лиги по борьбе с туберкулезом отклонить²⁹. Варнавинская уездная земская управа в приказе от 18 января 1915 г. на вопрос об ассигновании отделу пособия от земства дала отрицательный ответ, сославшись на неимение средств³⁰. Макарьевское уездное земское собрание на заседании 7 ноября 1914 г., заслушав доклад управы за № 86 по ходатайству правления Костромского отдела Всероссийской лиги по борьбе с туберкулезом о пособии, ответила на ходатайство отказом. Причиной отказа послужила крайняя стеснительность земских средств и наличие местного отдела названной Лиги³¹. Нерехтская уездная земская управа на ходатайство Лиги, заслушанное 1 октября 1914 г., ответила отказом, сославшись на неотложные траты, вызванные военным временем³².

В то же время уездные земские управы с сочувствием относились к деятельности Лиги и отмечали крайнюю полезность их работы.

Официальное решение о закрытии Лиги было принято на заседании Совета врачебных коллегий 11 апреля 1918 г. [Каганович: 54]

Таким образом, деятельность Костромского отделения Всероссийской лиги по борьбе с туберкулезом затрагивала практически все сферы жизни общества. Благодаря Лиге активно строились амбулатории, санатории, детские колонии, велась просветительская деятельность. Но главной проблемой для Костромского отдела стало малое финансирование, ввиду чего приходилось отказываться от части планов, составленных членами правления.

Примечание

¹ Обзор Костромской губернии за 1902 год: приложение ко всеподданнейшему отчету губернатора. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/14677-za-1902-god-1903#mode/inspect/page/59/zoom/6> (дата обращения: 28.05.2023).

² Обзор Костромской губернии за 1903 год: приложение ко всеподданнейшему отчету губернатора. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/14678-za-1903-god-1904#mode/inspect/page/62/zoom/6> (дата обращения: 28.05.2023).

³ Обзор Костромской губернии за 1910 год: приложение ко всеподданнейшему отчету губернатора.

URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/14684-za-1910-god-1911#mode/inspect/page/37/zoom/6> (дата обращения: 28.05.2023).

⁴ Костромской Отдел Всероссийской Лиги для борьбы с туберкулезом. Кострома: Тип. А.Н. Чемоданова, 1912. С. 1.

⁵ Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 530. Оп. 1. Д. 10. Л. 8.

⁶ ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Т. 10. Д. 13906. Л. 1.

⁷ ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Т. 10. Д. 13906. Л. 2.

⁸ ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Т. 10. Д. 13906. Л. 6.

⁹ ГАКО. Ф. 530. Оп. 1. Д. 10. Л. 8.

¹⁰ Поволжский вестник. 1915. № 2594. 13 мая.

¹¹ Костромской Отдел Всероссийской Лиги для борьбы с туберкулезом. Кострома: Тип. А.Н. Чемоданова, 1912. С. 2.

¹² Вестник Кинешемского земства. 1914. № 7–8. 1 июля.

¹³ Костромской Отдел Всероссийской Лиги для борьбы с туберкулезом. Кострома: Тип. А.Н. Чемоданова, 1912. С. 4.

¹⁴ Отчет по летней детской колонии Солигаличского Отдела Всероссийской Лиги для борьбы с туберкулезом за 1912 г. Солигалич: Тип. Косаткина, 1912. С. 14.

¹⁵ Костромской Отдел Всероссийской Лиги для борьбы с туберкулезом. Кострома: Тип. А.Н. Чемоданова, 1912. С. 5.

¹⁶ Отчет по летней детской колонии Солигаличского Отдела Всероссийской Лиги для борьбы с туберкулезом за 1912 г. Солигалич: Тип. Косаткина, 1912. С. 19.

¹⁷ Поволжский вестник. 1915. № 2591. 7 мая.

¹⁸ Поволжский вестник. 1915. № 2592. 8 мая.

¹⁹ Известия Костромского Отдела Всероссийской Лиги для борьбы с туберкулезом. 1914. № 1. 15 марта.

²⁰ Поволжский вестник. 1915. № 2537. 25 февраля.

²¹ ГАКО. Ф. 530. Оп. 1. Д. 3. Л. 116.

²² ГАКО. Ф. 530. Оп. 1. Д. 9. Л. 7.

²³ ГАКО. Ф. 530. Оп. 1. Д. 10. Л. 9.

²⁴ Поволжский вестник. 1915. № 2585. 29 апреля.

²⁵ ГАКО. Ф. 530. Оп. 1. Д. 10. Л. 9.

²⁶ ГАКО. Ф. 530. Оп. 1. Д. 10. Л. 8.

²⁷ Поволжский вестник. 1915. № 2589. 5 мая.

²⁸ Поволжский вестник. 1915. № 2598. 17 мая.

²⁹ ГАКО. Ф. 530. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

³⁰ ГАКО. Ф. 530. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.

³¹ ГАКО. Ф. 530. Оп. 1. Д. 10. Л. 6.

³² ГАКО. Ф. 530. Оп. 1. Д. 10. Л. 10.

Список литературы

Аристов В.В. Доклад об устройстве недорогих жилищ в г. Костроме инженера-технолога В.В. Аристова Костромскому отделу Всероссийской Лиги для борьбы с туберкулезом. Кострома: Тип. А.С. Азерского, 1913. 11 с.

Горлова Н.И. Исторический обзор участия волонтеров в организации и проведении благотворительных акций в России в начале XX в. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2019. Т. 82, № 1. С. 12–16.

Каганович Р.Б. Из истории борьбы с туберкулезом в дореволюционной России. Москва: Изд-во Акад. Мед. наук СССР, 1952. 320 с.

Киценко О.С., Киценко Р.Н. Индустриальная революция конца XVIII–XIX веков и новые риски для здоровья // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. 2019. Т. 18, № 1. С. 214–222.

References

Aristov V.V. *Doklad ob ustroistve nedorogikh zhilishch v g. Kostrome inzhenera-tekhnologa V.V. Aristova Kostromskomu otdelu Vserossiiskoi Ligi dlia bor'by s tuberkulezom* [Report on the construction of inexpensive dwellings in Kostroma by the engineer-technologist V.V. Aristov to the Kostroma Department of the All-Russian Line for the Fight against Tuberculosis]. Kostroma, Tip. A.S. Azerskogo Publ., 1913, 11 p. (In Russ.)

Gorlova N.I. *Istoricheskii obzor uchastiia volonтеров v organizatsii i provedenii blagotvoritel'nykh ak-*

tsii v Rossii v nachale XX v [Historical overview of the participation of volunteers in the organization and conduct of charity events in Russia in the early XX century]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of the Orel State University], 2019, vol. 82, No. 1, pp. 12-16. (In Russ.)

Kaganovich R.B. *Iz istorii bor'by s tuberkulezom v dorevoliutsionnoi Rossii* [From the history of the fight against tuberculosis in pre-revolutionary Russia]. Moscow, Izd-vo Akad. Med. nauk SSSR Publ., 1952, 320 p. (In Russ.)

Kitsenko O.S., Kitsenko R.N. *Industrial'naia revoliutsiia kontsa XVIII–XIX vekov i novye riski dlia zdorov'ia* [The Industrial Revolution of the late XVIII–XIX centuries and new health risks]. *Vestnik Smolenskoi gosudarstvennoi meditsinskoi akademii* [Bulletin of the Smolensk State Medical Academy], 2019, vol. 18, No. 1, pp. 214-222. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.06.2023; одобрена после рецензирования 27.08.2023; принята к публикации 30.08.2023.

The article was submitted 05.06.2023; approved after reviewing 27.08.2023; accepted for publication 30.08.2023.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В ТАНГУТСКОМ ОБЩЕСТВЕ (по материалам тангутского кодекса)

Замалиева Зарина Ильнуровна, Казанский федеральный университет, Казань, Россия, Z_zamalieva@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6097-7396>

Нестеренко Елена Игоревна, Казанский федеральный университет, Казань, Россия, nesterenko.helen10@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-9679-9176>

Аннотация. В данной статье рассмотрено правовое положение женщины в тангутском обществе государства Си Ся в XII веке на материалах историко-правового памятника права «Измененный и заново утвержденный кодекс девицы царствования: Небесное процветание», а также основных законов, устанавливающих права и обязанности женщин в тангутском государстве Си Ся. Затронуты статьи кодекса, определяющие женщин по социальному статусу. Также были рассмотрены законы, определяющие ограничения на вступление в брак и на разводы и устанавливающие различия между законной женой и наложницей, изучены и определены место и роль женщины в семье. Среди проанализированных статей выделены те, которые рассматривали категории лично-зависимых (рабынь) и монахинь. Анализ кодекса демонстрирует: несмотря на то, что женщина являлась полноценным субъектом права, она по-прежнему была зависима от старших членов семьи или супруга. Актуальность выбранной темы обусловлена высоким интересом к культуре народов, населявших территории Китая в прошлом, так как развитие их культуры оказывало значимое влияние на развитие самого Китая, в наши дни являющегося многонациональным государством.

Ключевые слова: средние века, история права, правовое положение женщин, семья и брак, тангуты, кодекс, Си Ся.

Для цитирования: Замалиева З.И., Нестеренко Е.И. Правовое положение женщин в тангутском обществе (по материалам тангутского кодекса) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 68–73. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-68-73>

Research Article

LEGAL STATUS OF WOMEN IN TANGUT SOCIETY (based on materials of the Tangut Code)

Zarina I. Zamalieva, Kazan Federal University, Kazan, Russia, Z_zamalieva@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6097-7396>

Elena I. Nesterenko, Kazan Federal University, Kazan, Russia, nesterenko.helen10@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-9679-9176>

Abstract. This article examines the legal status of women in the Tangut society based on the materials of the “Amended and Approved New Code of Regnal Era of Heavenly Prosperity”, as well as the basic laws that establish the rights and obligations of women in the state of Xi Xia. The articles of the code that define women by social status, are raised. The women’s status is analysed in the whole variety of their social roles in the Tangut state – mother, wife, daughter, widow, concubine, nun, slave. Laws, indicating restrictions on marriage and divorce, and establishing a distinction between a lawful wife and a concubine were also considered. Serious attention is paid to female victims of family crimes. Topicality of the theme is due to the high interest in the culture of the peoples inhabiting the territory of China in the past, since the development of their culture had a lot of influence on the development of China itself, which today is a multinational state.

Keywords: Middle Ages, law history, women’s legal status, family status, Tanguts, Code, Xi Xia.

For citation: Zamalieva Z.I., Nesterenko E.I. Legal status of women in Tangut society (based on materials of the Tangut Code). Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 3, pp. 68–73 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-68-73>

Исторически в средневековом обществе Востока существовало различие в социальном и правовом положении мужчины и женщины. В тангутском государстве, получившем расцвет в XI–XIII веках и известном как Великое Ся, или Си Ся, отслеживается подобная тенденция. Закон тангутского государства четко регулировал статусы женщин и мужчин в семье и в государстве, основываясь на буддийских и конфуцианских канонах и ценностях. Тангутское право многое вобрало из китайского средневекового права, которое было уже хорошо развито еще при династии Тан, после окончания существования которой и возникло Великое Ся. Как и в китайском обществе, у тангутов мужчина был значительно выше статусом, чем женщина. Как гласит тангутская поговорка: «Женщина управляется чистотой внутри шатра, а мужчина чистотой в государстве», что означает, что женщина в первую очередь жена и мать и должна заниматься домашними делами, а государственными делами должен заведовать мужчина. В отличие от кодекса династии Тан, который выделяет еще и женщин-чиновников, способных получить должность и ранг, тангутское общество было более традиционно-патриархальным. Женщина могла принадлежать лишь родителям, мужу, свекрам или уйти в монахи, и то по разрешению старших членов семьи.

Изучение правового положения женщины действительно важно для полного понимания многих проблем и процессов средневекового общества и культуры. «Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования: Небесное процветание», или Тангутский кодекс, является выдающимся памятником права тангутского общества, регулирующий правовые взаимоотношения внутри государства Великое Ся. Более того, Тангутский кодекс, полностью переведенный Е.И. Кычановым на русский язык, возможно, пока практически единственный источник получения и расширения знаний о многих аспектах жизни тангутского общества и государства.

Как и в средневековом китайском обществе, у мужчины могла быть только одна законная жена, но при этом количество наложниц законом не ограничивалось. Несмотря на то, что в кодексе практически нет статей о наложницах, статья 41 гласит, что муж несет траур по жене 1 год, такой же срок он несет траур и по наложнице. Данная статья доказывает, что в отличие от китайского общества тангуты практически приравнивали статус наложницы к статусу жены. Однако согласно статье 13 в случае совершения преступления мужчиной детей от наложницы не наказывают, а детей жены ссылают и переводят в пастухи и землевладельцы, то есть фактически, несмотря на некоторое приравнивание статуса наложницы к статусу законной жены, закон отделял наследников, рожденных наложницей, от наследни-

ков, рожденных в законном браке. К тому же в тангутском обществе помимо свободных людей были *лично-зависимые* (рабы), лично-зависимые женщины назывались *нини*. *Нини* не могли стать наложницей, а уж тем более женой свободного человека.

Тангутский кодекс четко указывал возраст, в котором девушка может выйти замуж. С тринадцати лет девушка считалась достигшей брачного возраста. Так как многие брачные соглашения подписывались, когда жених и невеста были совсем малы, Тангутский кодекс запрещал девочку раньше тринадцати лет передавать в семью жениха: «...Нельзя допустить, чтобы то, что еще не созрело, подлежало жатве» [Кычанов 1989а: 30], таким образом защищая девочек от слишком раннего сочетания с мужчиной. Более того, Тангутский кодекс защищает и честь девушки от покушения со стороны мужчины, не являющегося ее мужем. Чужому мужчине, которому еще не дали согласие на брак с девушкой ее родители, запрещено «...трогать [ее] скрытые колени и хватать [ее] рукой спереди» [Кычанов 1989а: 34]. Если мужчина касался против воли девушки, то наказывался только мужчина, если с согласия девушки, то она получает наказание в виде 30 тонких палок. При этом чужому человеку доносить о совершенном посягательстве на честь девушки запрещено. Это могли сделать только ее отец или дядя по матери. Таким образом старшие члены семьи могли сохранить честь девушки или погубить ее.

Тангуты чтити конфуцианский принцип *сяо* - почитания родителей и старших, поэтому брачный договор мог заключаться только между родителями жениха и невесты. В этом случае родители жениха вносили плату за девушку, но со стороны девушки также должно быть приданое. Внося плату, родители «покупали» невесту своему сыну, поэтому фактически она принадлежала и им, а не только будущему мужу, и в дальнейшем и они могли предъявлять на нее свои права. Закон запрещал невесте и жениху самостоятельно жениться, без согласия на то родителей. Если такая ситуация возникла, то к наказанию подлежали и жених с невестой, и сваты, и чиновник, оформивший союз, а брак считался недействительным. Однако если о браке узнали только через полгода, то брак сохранялся. Нужно еще отметить, что плату за невесту могли вносить только родители жениха, так как именно они «покупали» жену сыну и невестку себе. В случае отсутствия у жениха родителей это могли сделать дед, бабушка, дядя по отцу или тетка по матери. На примере этого мы видим, что, несмотря на сильное влияние буддизма на тангутское общество, конфуцианские ценности также имели немалое влияние на образ жизни и порядки тангутов.

Передача всей платы за невесту происходила не одномоментно, а должна была завершиться в те-

чение трех лет, однако если после оплаты в назначенный срок невесту не отдавали, то родители невесты наказывались одним годом каторжных работ. Если, наоборот, жених был не в состоянии отдать плату полностью, то, согласно статье 507, в течение трех лет он должен был жить у ее родителей в качестве зятя и отрабатывать плату. По истечению срока невеста отдавалась ему в жены. Однако если был заключен брачный договор, но жених не отдавал полностью плату за невесту, а его родители отказывались от нее, то уплаченная ранее часть шла в качестве штрафа, а «...родители девушку могут “продать” другому» [Кычанов 1989a: 29].

Кодекс также контролировал деятельность семьи невесты, дабы исключить мошенничества с получением платы от нескольких женихов. Если родители девушки выдали ее замуж повторно до того, как она вошла в дом первого мужа, то им грозило наказание от одного до трех лет каторги. Кроме этого, кодекс допускал расторжение брачного соглашения до того, как невеста зашла в дом мужа. Если родители жениха и невесты обоюдно были согласны расторгнуть помолвку, то лишь возмещались расходы сторон друг другу. Однако Кодекс запрещал именно семье невесты начинать расторжение помолвки. Кроме того, на семье женщины лежала ответственность в том случае, если женщину похитили во время нахождения в доме ее родителей: в этом случае ее родители должны были вернуть мужу ее стоимость, которую он выплатил во время заключения брачного договора.

Важно отметить то, что Тангутский кодекс запрещал вступление в брак с однофамильцами. Вероятно, такой закон возник под влиянием китайского права, которое запрещало заключение брака между однофамильцами, так как однофамильцы считались выходцами из одного рода, то есть фактически были членами одной семьи, а заключение брака между ними считался инцестом. За вступление в брак с однофамильцами наказание шло в виде трех лет каторжных работ. Свааты, сосватавшие представителей одного рода, то есть однофамильцев, получали один год каторги, а брак должен был быть расторгнут в течение одного года. Запрещены были также фиктивные свидетельства о браке: «Если [кого-либо] спросят о том, состоит и [он] в браке, и несостоявшийся скажет: “Я состою в браке”, то за ложные показания выносятся наказание <...> 4 года каторжных работ» [Кычанов 1989b: 35].

Разводы в тангутском обществе не были исключением. Одной из серьезных причин, по которой мужчина мог отказаться от женщины, – это прелюбодеяние. При этом в кодексе нет статей о наказании мужей за прелюбодеяние, так как нами уже выше было сказано, что помимо законной жены у мужчины также могли быть наложницы. Необычно то, что при назна-

чении наказания играло роль, с кем именно произошла измена. Согласно статье 484, если женщина изменила с чужим мужчиной, то наказание обоим – два года каторги. Если изменила с человеком, который рангом ниже ранга мужа, то мужчине наказание – три года каторжных работ, а если с подчиненным своего мужа, то ему наказание – четыре года каторжных работ. Если одинокая женщина или девушка, еще не выданная замуж, будут пойманы в постели с мужчиной, то наказание им – десять палок, а мужчина в первом случае наказывается одним годом каторжных работ, во втором случае тремя месяцами каторги. При этом наказание может быть назначено, если их застали в постели, если же нет или нет доказательств, то запрещено принимать официальное заявление на расследование. Хуже всего наказывалось прелюбодеяние с рабом. Если женщина добровольно вступила в половую связь с лично-зависимым *пхинга*, то *пхинга* подлежит смертной казни через удушение, а женщина наказывается каторгой сроком на тринадцать лет, с последующим поселением по месту отбывания каторги или пожизненными каторжными работами без права возвращения в свой дом.

Тангутский кодекс содержит понятие «Семь недостатков», из-за которых муж вправе отказаться от своей жены и развестись с ней: первый недостаток – отсутствие детей, второй – неумение служить свекру и свекрови, третий – болтливость, четвертый – воровство, пятый – ревность, шестой – тяжелое хроническое заболевание, а седьмой – прелюбодеяние. Интересно то, что при этом закон не указывает, как в точности определить, в каком объеме ревность или болтливость могут стать причинами для развода. К тому же если китайское право точно указывало, через сколько лет бездетного брака женщина могла быть возвращена в семью отца, то тангутский закон это не указывает. В первых шести случаях «недостатков» муж не имел права давать жене развод без согласия на то своих родителей, но если родители мужа дали ей развод, то за это они не несли никакого наказания, так как они «купили» невесту. Однако если жена, имея один из шести «недостатков», в первую очередь уважительно относилась к родителям супруга, либо если до свадьбы его семья до брака возвысилась, либо если ее приняли уже с недостатком, например с хроническим заболеванием, то разводиться не разрешалось. В случае если жена не имеет недостатков, а муж хочет дать ей развод, то все, что он получил от ее родителей, идет в качестве штрафа. После развода муж мог только отпустить жену, но никак не передавать ее другому мужчине. Этим правом владели только ее родители или старшие родственники.

Женщина также могла освободиться, если муж женщины попал в плен. В таком случае она по истечению пяти лет при отсутствии общих детей и по ис-

течению десяти лет при наличии общих детей могла выйти замуж повторно. Однако если жена во время брака не была передана в дом мужа и жила со своими родителями, то она уже через три года могла заново выйти замуж.

В случае смерти супруга женщина была обязана соблюдать траур по мужу в течение трех лет, как и в китайском средневековом праве. Помимо мужа, женщины обязаны были нести траур по родителям три года, если они еще живут в доме родителей и не выданы замуж. Если они замужем, то траур шел один год. Вдова после смерти мужа не могла получить покровительство его старших и младших братьев. Если у нее были свекр и свекровь, то по истечению срока траура ей было запрещено уходить самовольно из их семьи. Они могли ее добровольно отпустить, но она независимо от наличия или отсутствия детей от покойного мужа уходила, не взяв ничего из имущества мужа. В кодексе также есть статья 1169 «Положение вдов», но, к сожалению, ее содержание не сохранилось.

Девушки, еще не выданные замуж, или вдовы, если никто не предъявлял на них прав, могли стать монахинями. Женщине было запрещено становиться монахиней без дозволения семьи мужа, родителей или хозяина. Монахини были двух категорий: «остающиеся дома» и «покинувшие дом». «Покинувшие дом» проживали в монастырях. К тому же жены и матери чиновников, имевших высокие ранги, среди монахинь имели более высокое положение, нежели жены и матери чиновников с более низким рангом. Это отражалось даже на цвете их одеяний: первые носили красные одеяния, а вторые – желтые. Помимо монахинь, была еще одна категория женщин, которых кодекс выделил в статье 521. Это девушки, принадлежащие государю: следящие за порядком в покоях правителя, вышивающие шелком, ткущие сукна и холсты. Этой категории девушек запрещалось иметь мужей. Если они самовольно заводят семьи, то их дочери остаются со своими матерями и могут быть выданы замуж, а сыновья должны быть записаны во вспомогательные войска. Примечательно то, что Кодекс, помимо вышеописанного, еще в некоторых случаях оставлял детей с матерью. Согласно статье 397, если мужчина сбежал на территорию врага с чужой женой, а затем вернулся, то женщина возвращалась прошлому мужу. Если у беглецов появились дети, то они оставались с матерью. Если первый муж уже был женат, то женщину возвращали ее родителям. В том случае, если и родители отказывались от нее, то она принадлежала тому, кто ее привел. Вторая статья, в которой говорится об оставлении ребенка женщине, это статья 497. Она гласит, что если женщина без мужа (еще не выдана замуж или оставлена мужем), вступила в связь с каким-то

человеком и родила мальчика, то этого ребенка было запрещено отдавать в *пхинга*, он с согласия матери мог быть отдан в служащие вспомогательных войск.

Кодекс неоднократно подчеркивает неравноправные статусы мужчины и женщины. Если ребенок, жена, невестка, *пхинга* или *нини* не явились на зов родителей, мужа или хозяина, и те их случайно покалечили, то наказание назначалось в виде штрафа – одна лошадь, если мужчина убил женщину, то наказание – 8 лет каторги. Но если жена убила мужа, то подлежала наказанию путем обезглавливания. Помимо этого, по тангутским законам любой человек, кроме *пхинга*, мог отдать свою женщину в залог другому за свой долг, правда, на это у него должно было быть ее согласие. Если муж продал жену против ее воли, то получал наказание в виде шести лет каторги, а если с ее согласия, то пять лет каторжных работ. Лично-зависимые *нини*, то есть рабыни, и вовсе приравнивались к скоту. Согласно статье 157, если кто-то купил самку или женщину, а купленная самка или женщина понесли потомство, то они вместе с потомством возвращались предыдущему владельцу.

Важно, что Тангутский кодекс защищал женщин, находящихся под арестом. Если женщину человека с рангом, взятую под арест, изнасиловал простой человек или человек рангом ниже, то виновный нес наказание в виде двенадцати лет каторжных работ. Если же пострадавшая – *нини* или проститутка, то наказание – шесть лет каторги. К тому же, согласно статье 590, «запрещается рассматривать дела больных, раненых или беременных [женщин]» [Кычанов 1989:71], которые ожидают наказание в виде смертной казни, без их присутствия. Беременных женщин, у которых подходил срок родов, было запрещено бить палками на допросе. Наказание назначалось уже после родов.

«Измененный и заново утвержденный кодекс де-виза царствования: Небесное процветание» достаточно точно показывает статус женщины, который она занимает в тангутском обществе. Права женщины явно уступают правам мужчины и старших родственников семьи, и некоторые статьи четко это подчеркивают. Женщины, которые считались свободными, а не только лично-зависимые *нини*, по сути, для общества того времени были словно товар: они либо принадлежат родителям, либо их «выкупают» в семью мужа, после чего они становились полной собственностью мужа и его старших родственников. Она не может жить и действовать без разрешения старших родственников или супруга. В обществе женщина – в первую очередь жена и мать. В женщине порицались также такие качества, как болтливость, вороватость, ревнивость, вплоть до того, что из-за них ее могли вернуть в семью мужа с позором. Также женщина должна быть здоровой и плодоносящей, иначе

тот же итог – развод. Но одно из важных «хороших» качеств жены – это почитательность по отношению к мужу и его старшим родственникам, что является следствием влияния китайской культуры и конфуцианства на развитие культуры тангутов. При назначении наказания мужчине и женщине также существовали различия: в случае совершения преступления по отношению к мужчине женщина получает наказание серьезнее, чем мужчина за аналогичное преступление, совершенное по отношению к женщине.

Тангутское средневековое общество, основанное на удивительном смешении буддийских и конфуцианских ценностей, многое вобрало из китайской культуры и танского права, внося при этом свои коррективы. Женщина по-прежнему оставалась лишь на втором месте после мужчины. Ее жизнь во многом зависела либо от супруга, либо от старших членов семьи. Даже свободную женщину «продавали», словно товар, родителям будущего мужа, после чего они были вправе решать ее судьбу, а лично-зависимых (рабынь) и вовсе приравнивали к скоту. Хотелось бы отметить, что, несмотря на то, что такая категория, как наложницы, являлась достаточно важной частью тангутского общества, в отличие от Танского кодекса статус наложниц в Тангутском кодексе освещен в очень малом объеме.

Женщина в тангутском обществе – прежде всего мать и жена, которая должна следить за домом, рожать сыновей, уважать супруга и старших членов семьи. Нельзя сказать, что закон полностью лишил женщину прав. Кодекс оберегает женщин от посягательств на их честь, насилия со стороны мужчины, а также в некоторых случаях оставляет матери ребенка, рожденного вне брака, женщина была вправе получить наследство от родителей или выйти замуж повторно.

Тангутский кодекс является ценным источником, в котором разносторонне затронуты жизнь и культура тангутского общества, в том числе и правовое положение женщин в Си Ся. Кодекс позволяет нам иметь большее представление об особенностях жизни тангутов, распределении обязанностей и прав среди женщин и мужчин. Создание подобного свода законов, несмотря на то, что изначально он был основан на Тангутском кодексе, показывает, насколько хорошо было развито тангутское общество в целом.

Список литературы

Кычанов Е.И. Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования: Небесное процветание (1149–1169): в 4 кн. / изд. текста, пер. с тангутского, исслед. и прим. Е.И. Кычанова. Кн. 1: Исследование. Москва: ГРВЛ, 1988. 464 с.

Кычанов Е.И. Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования: Небесное процветание (1149–1169): в 4 кн. / изд. текста, пер. с тангутско-

го, исслед. и прим. Е.И. Кычанова. Кн. 2: Факсимиле, перевод и примечания (главы 1–7). Москва: ГРВЛ, 1987. 704 с.

Кычанов Е.И. Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования: Небесное процветание (1149–1169): в 4 кн. / изд. текста, пер. с тангутского, исслед. и прим. Е.И. Кычанова. Кн. 3: Факсимиле, перевод и примечания (главы 8–12). Москва: ГРВЛ, 1989а. 624 с.

Кычанов Е.И. Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования: Небесное процветание (1149–1169): в 4 кн. / изд. текста, пер. с тангутского, исслед. и прим. Е.И. Кычанова. Кн. 4: Факсимиле, перевод и примечания (главы 13–20). Москва: ГРВЛ, 1989б. 464 с.

Кычанов Е.И. История тангутского государства. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. 767 с.

Кычанов Е.И. Тангутские законы XII в. О семье и браке в Си Ся // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1982. Vol. 36, № 1/3. С. 321–333.

Мильникова Ю.С. Правовое положение женщин в истории средневекового Китая (VII–XIII века). Санкт-Петербург: Изд-во НП-ПРИНТ, 2014. 336 с.

Чжан Мэнцзя. Си ся ньюйсин шэуэйшэнхо яньцзю [Исследование общественной жизни женщин в Си Ся] // Синьсылу [Новый шелковый путь]. 2020 (张梦佳. 西夏女性社会生活研究. 新丝路). URL: <https://www.fx361.com/page/2020/0407/6533525.shtml> (дата обращения: 20.03.2023). (На кит. яз.)

References

Kychanov E.I. *Izmenennyi i zanovo utverzhdennyi kodeks deviza tsarstvovaniya: Nebesnoye protsvetaniye (1149–1169): v 4 kn.* [Changed and Approved Anew Code of Regnal Era of Heavenly Prosperity (1149–1169): in 4 vols.], ed. by E.I. Kychanov. *Kn. 1: Issledovanie* [Vol. 1. Study]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 464 p. (In Russ.)

Kychanov E.I. *Izmenennyi i zanovo utverzhdennyi kodeks deviza tsarstvovaniya: Nebesnoye protsvetaniye. (1149–1169): v 4 kn.* [Changed and Approved A new Code of Regnal Era of Heavenly Prosperity: in 4 vols.], ed. by E.I. Kychanov. *Kniga 2: Faksimile, perevod i primechaniya (glavy 1–7)* [Vol. 2: Facsimile, translation and notes (chapters 1–7)]. Moscow, Nauka Publ., 1987, 704 p. (In Russ.)

Kychanov E.I. *Izmenennyi i zanovo utverzhdennyi kodeks deviza tsarstvovaniya: Nebesnoye protsvetaniye (1149–1169): v 4 kn.* [Changed and Approved Anew Code of Regnal Era of Heavenly Prosperity: in 3 vols.], ed. by E.I. Kychanov. *Kniga 3: Faksimile, perevod i primechaniya (glavy 8–12)* [Vol. 3. Facsimile, translation and notes (chapters 8–12)]. Moscow, Nauka Publ., 1989a, 624 p. (In Russ.)

Kychanov E.I. *Izmenennyi i zanovo utverzhdennyi kodeks deviza tsarstvovaniya: Nebesnoye protsvetaniye. (1149-1169): v 4 kn., ed. by E.I. Kychanov.* [Changed and Approved Anew Code of Regnal Era of Heavenly Prosperity: in 4 vols.]. *Kn. 4. Faksimile, perevod i primechanija (glavy 13–20)* [Vol. 4. Facsimile, translation and notes (chapters 13–20)]. Moscow, Nauka Publ., 1989b, 464 p. (In Russ.)

Kychanov E.I. *Istoriya tangutskogo gosudarstva* [History of the Tangut State]. St. Petersburg, St. Petersburg State University, Faculty of Philology and Arts Publ., 2008, 767 p. (In Russ.)

Kychanov E.I. *Tangutskiye zakony XII v. O seme i brake v Si Sya.* [Tangut laws of the XII century. About family and marriage in Xi Xia]. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1982, vol. 36, No. 1/3, pp. 321-333. (In Russ.)

Mylnikova Y.S. *Pravovoye polozheniye zhenshchin v istorii srednevekovogo Kitaya (VII-XIII veka).* [Legal status of women in the history of medieval China (VII-XIII Century)]. St. Petersburg, NP-PRINT Publ., 2014, 336 p. (In Russ.)

Zhang Mengjia. *Xixia nuxing shehui shenghuo yanjiu.* 张梦佳. 西夏女性社会生活研究. [Research on the Social Life of Western Xia Women]. URL: <https://www.fx361.com/page/2020/0407/6533525.shtml> (access date: 20.03.2023). (In Chinese)

Статья поступила в редакцию 20.06.2023; одобрена после рецензирования 24.07.2023; принята к публикации 26.07.2023.

The article was submitted 20.06.2023; approved after reviewing 24.07.2023; accepted for publication 26.07.2023.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УСАДЬБА И ДАЧА В ЛИТЕРАТУРЕ XIX–XXI ВВ.: ГОРИЗОНТЫ ИЗУЧЕНИЯ¹

Предлагаемая читателю тематическая подборка из пяти статей посвящена разным аспектам изучения литературной усадьбы и дачи XIX–XXI вв. как словесных художественных образов, созданных русскими и европейскими писателями. В ней отражены главные научные направления работы проекта Российского научного фонда № 22-18-00051 «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала», реализуемого в ИМЛИ РАН. В первую очередь это теоретико-методологический аспект, представленный статьей О.А. Богдановой «Эволюция семантики “дачного текста” в русской литературе XIX–XXI вв.», в которой прослеживается динамика изображения дачи в русской классике (у Ф.М. Достоевского и др.), в Серебряном веке (у Г.И. Чулкова и др.), в советской (у Ю.В. Трифонова и др.) и постсоветской (у А.Н. Варламова, Ю.В. Мамлеева, Е.Г. Водолазкина) литературе. Сравнительный обзор дачной топики в течение столь длительного временного периода дается здесь впервые в науке. На основе проведенного анализа уточняется семантика «дачного топоса» и делается вывод о его меняющейся и противоречивой взаимосвязи с «усадебным топосом». Статья Ю.У. Каскиной, посвященная «дачной» главе рассказа И.С. Шмелева «На пеньках» (1924), примыкает к этому же направлению. В ней исследуется сложное взаимодействие усадебного и дачного топосов в литературе русской эмиграции первой волны: с одной стороны, дореволюционная усадьба-дача (топос, по наблюдению В.Г. Щукина, введенный в литературу Серебряного века А.П. Чеховым) – классическое воплощение «рая на земле», с другой – «ада» невыносимых воспоминаний, связанных с насильственной утратой родины. В рассказе Шмелева создается новый антиномичный вариант «дачного топоса», обусловленный опытом эмиграции. Поскольку исследование литературной дачи как особого типа художественного пространства в русской словесности XIX–XXI вв. только начинается, обе статьи ставят вопросы, требующие дальнейшего поиска.

Второе важнейшее направление работы проекта – междисциплинарное – представлено в настоящей подборке статьей Д.М. Борисовой «Образ Пушкинского заповедника в прозе К.Г. Паустовского». Здесь прослеживается эволюция «усадебного топоса» в литературе советской эпохи на примере ряда про-

изведений писателя об усадьбе-музее А.С. Пушкина в Псковской области. Из всего спектра других, помимо литературоведения, изучающих усадьбу наук: истории, искусствоведения, гуманитарной географии, философии, социологии – автор выбрала музеологию и показала тесное содружество литературных и музееведческих подходов в текстах Паустовского 1930–50-х гг. Становится понятным, как из «места памяти о навсегда ушедшем прошлом» усадьба-музей превращается в актуальный для народов России духовно-культурный центр.

Две статьи нашей подборки – Е.Е. Дмитриевой и Г.А. Велигорского – посвящены раскрытию третьего ключевого направления работы проекта – компаративного, которое предполагает отношение к усадебной модели жизнеустройства как к универсалии, общей для многих культур мира, однако в каждом случае обладающей национальной спецификой. В первой из них – «Локус замка в романах В. Скотта» – Е.Е. Дмитриева уделяет внимание анализу и развитию конститутивных черт «усадебного топоса» в западноевропейской литературе, оказавших значительное влияние на «усадебный текст» русской литературы XIX–XX вв. Это в первую очередь рецепция жанров готического и рыцарского романов, отозвавшаяся как в литературе Серебряного века, так и – имплицитно – в советской детской приключенческой повести (у А.П. Гайдара, А.Н. Рыбакова и др.). Особенно продуктивно сделанное Е.Е. Дмитриевой наблюдение о том, что у популярного в России В. Скотта замок впервые становится «пространством мнемоническим, в котором история и легенда, подогреваемая воображением, одновременно и воспеваются, и дезавуируются». В статье Г.А. Велигорского «Топонимический элемент “-end” в англоязычном “усадебном” тезаурусе: семантика и функция (англо-русский контекст)» рассматриваются особенности названий английских усадеб, причем как реальных, так и литературных, в частности широко известных в России благодаря произведениям К. Грэма и Дж.Р. Толкина Моул-Энда и Бэг-Энда. В поисках метафизических коннотаций «усадебного топоса», актуальных также для русского модернизма и постмодернизма, автор совершает увлекательное путешествие в глубь английской истории, во времена Вильгельма Завоевателя.

¹ Исследование выполнено в ИМЛИ РАН на средства гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Конечно, несколько собранных в журнальном номере статей не могут исчерпать всего спектра усадебно-дачных тем, мотивов и сюжетов, разрабатываемых в рамках нашего проекта. Поэтому для более полного знакомства с ними приглашаю уважаемого читателя на сайт <http://litusadba.imli.ru>. Желая интересного и познавательного прочтения нашей подборки, обращаю внимание на ее принципиально новаторский, эвристи-

ческий строй. Ведь все наши статьи – вести с передового края науки, где чувствуется дыхание непознанного и неизведанного, это шаги по целине, прокладывание первых троп, взгляды в пока нечеткие очертания...

*О.А. Богданова, доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН,
руководитель проекта РНФ № 22-18-00051.*

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09"19/21"

EDN QWZKAZ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-76-84>

**ЭВОЛЮЦИЯ СЕМАНТИКИ «ДАЧНОГО ТЕКСТА»
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX–XXI ВВ.
(Достоевский, Чулков, Трифонов, Мамлеев, Водолазкин и др.)**

Богданова Ольга Алимовна, доктор филологических наук, Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, Москва, Россия, olgabogda@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

Аннотация. Ф.М. Достоевский обратился к даче в 1840-е гг. как к оздоравливающей разновидности «городского топоса», однако в 1860-е гг. переосмыслил ее топик в аспекте общественных запросов России эпохи либеральных реформ. Резкий всплеск интереса к даче в конце 1860-х гг., в условиях утраты усадебным дворянством лидирующего положения в стране, вызван у Достоевского поиском площадки для диалога между сословиями России, в рамках которого вырабатывалось общее мировоззрение и выявлялись новые «лучшие люди». Однако наряду с отказом от социально-сословной иерархии, открытостью и свободой писателем отмечены и отрицательные черты дачи: ограничение суверенности человеческой личности (диктат общественного мнения, невозможность скрыться от чужих глаз) и понижение ее уровня (сплетни, пьянство, ссоры, пошлый флирт и т. п.). В 1870-е гг. интерес Достоевского к даче как перспективной социокультурной модели угасает, и писатель полностью разделяет преобладающее в последней трети XIX – начале XX в. отношение к ней как к средоточию житейской пошлости и посредственности, переключившись на дальнейшую разработку «усадебного топоса». Далее в статье прослежены указанные антиномии в изображении дачи у Достоевского в литературе Серебряного века (Г.И. Чулков), в советской (Ю.В. Трифонов) и постсоветской (А.Н. Варламов, Ю.В. Мамлеев и Е.Г. Водолазкин) прозе. Сделан вывод о жизнеспособности «дачного текста» в русской литературе XX в. благодаря его частичной конвергенции с одухотворяющей топикой усадьбы.

Ключевые слова: литературная дача, литературная усадьба, эволюция, конвергенция, Ф.М. Достоевский, писатели Серебряного века, советские и постсоветские писатели, «дачный миф».

Благодарности. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН на средства гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Для цитирования: Богданова О.А. Ф.М. Достоевский и эволюция семантики «дачного текста» в русской литературе XIX–XXI вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 76–84. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-76-84>

Research Article

**THE EVOLUTION OF THE SEMANTICS OF THE “DACHA TEXT”
IN RUSSIAN LITERATURE OF THE 19TH–21ST CENTURIES
(Fyodor Dostoevsky, Georgy Chulkov, Yury Trifonov, Yuri Mamleev, Eugene Vodolazkin, etc.)**

Olga A. Bogdanova, Doctor of Philological Sciences, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, olgabogda@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

Abstract. Fyodor Dostoevsky turned to his dacha in the 1840s as a health-improving kind of “urban topos”, but in the 1860s he rethought its topic in the aspect of public demands of Russia during the era of liberal reforms. A sharp surge of interest in the dacha in the late 1860s, under conditions of estate nobility’s loss of the leading position in Russia, was caused by Fyodor Dostoevsky’s search for a platform for dialogue between the social groups of Russia within which, a common worldview was developed and the new “best people” were identified. However, along with the rejection of the social class hierarchy inherent in dacha, openness and freedom, the writer also noted negative features - human personality sovereignty restriction (dictate of public opinion, inability to hide from prying eyes) and deterioration (gossip, drunkenness, quarrels, vulgar flirting, etc.). In the 1870s, Fyodor Dostoevsky’s interest in dacha as a promising socio-cultural model had been fading, and he would fully share the prevailing attitude towards it as a focus of everyday vulgarity and mediocrity, in the last third of the 19th – the early 20th century, switching to the further development of the “estate topos”. Further, the article traces these antinomies in the image of Fyodor Dostoevsky’s dacha in the literature of the Russian Fin de siècle (Georgy Chulkov), in Soviet (Yury

Trifonov) and post-Soviet (Aleksey Varlamov, Yuri Mamleev and Eugene Vodolazkin) prose. The conclusion is made about the viability of the “dacha text” in the Russian literature of the 20th century due to its partial convergence with the inspiring topic of the estate.

Keywords: literary dacha, literary estate, evolution, convergence, Fyodor Dostoevsky, Fin de siècle Russian writers, Soviet and post-Soviet writers, “dacha myth”.

Acknowledgements. The research was carried out in IWL RAS at the expense of a grant from the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00051 <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

For citation: The evolution of the semantics of the “dacha text” in Russian literature of the 19th–21st centuries (Fyodor Dostoevsky, Georgy Chulkov, Yuri Trifonov, Yuri Mamleev, Eugene Vodolazkin, etc.). *Vestnik of Kostroma State University*, 2023, vol. 29, № 3, pp. 76–84 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-76-84>

Наряду с усадебной темой, в русской литературе XIX–XXI вв. большое место занимает дачная. Ей уделили внимание известные исследователи литературной усадьбы В.Г. Щукин и Е.Е. Дмитриева. Так, Щукин обрисовал историю литературной дачи в России с конца XVIII в. по 60-е гг. XX в. По наблюдению ученого, «дачмания» в стране началась с 1840-х гг., времени появления первых железных дорог. С 1880-х гг. происходит резкая демократизация дачи, сопровождавшаяся понижением ее социокультурного статуса по сравнению с усадьбой. С 1890-х гг. в творчестве А.П. Чехова возникает особый локус опозитивированной «усадьбы-дачи» [Щукин: 393], вливший новую кровь в обветшавший к этому времени тургеневско-фетовский «усадебный текст». Далее ученый анализирует дачные произведения И.А. Бунина, Б.К. Зайцева, Б.Л. Пастернака, Ю.В. Трифонова и А.Г. Битова 1910–1960 гг., акцентируя их принадлежность к «идиллическо-элегической традиции», восходящей к Н.М. Карамзину. С точки зрения Щукина, произведения о даче не организуются в самостоятельный «дачный текст», а являются «продуктивной и плодотворной модификацией “усадебного текста”, связанной с именем Чехова и его последователей вплоть до наших дней» [Щукин: 434].

По наблюдению Е.Е. Дмитриевой, в конце XIX в. «веяния нового, неидиллического, нерайского времени видятся <...> в мироощущении дачном, с его временностью жилища, его ничейностью, противостоящей мироощущению усадебному, в основе которого чувство преемственности поколений, укорененности человека в исторической почве. Идеал усадебного рая, образ сада как модели земного Эдема в дачном пространстве принципиально отсутствуют, будучи заменены в поэтическом выражении фофановскими “укропом и крапивой”, а в бытийном – пошлостью и прагматизмом» [Дмитриева, Купцова: 161]. Указывая на кардинальную отличность литературной дачи от усадьбы, Дмитриева, тем не менее, не ставит вопроса о существовании особого «дачного текста».

Специальное исследование культурологического характера предпринял английский ученый Стивен Ловелл, проследив социокультурную историю русской,

а затем советской дачи с 1710 по 2000 гг. [Ловелл]. Особый интерес представляет его классификация дач советского периода. Так, в 1920-е гг. дача, с одной стороны, становится символом буржуазности (мещанства и пошлости), с другой – подспорьем в преодолении дефицита жилья после Гражданской войны (т. е. превращается из летнего в постоянное жилье). Наряду с этим шли разнонаправленные процессы муниципализации бывших владельческих дач и создания дачных строительных кооперативов для привилегированных слоев населения. В целом же дача отодвигалась в тень на фоне преимущественной организации новых коллективных форм досуга: пансионатов, домов отдыха, санаториев, летних лагерей и проч. В 1930-е гг. дача частично отвоевала в советском обществе дореволюционные позиции: во-первых, благодаря созданию ведомственных дачных поселков, где сотрудники государственных учреждений арендовали дачи; во-вторых, – организации дачных кооперативов, на землях которых высокопоставленные служащие могли построить собственные дачные дома на личные средства; в-третьих, – посредством массового съема комнат у сельских жителей в летний период. По Ловеллу, динамика дачного образа жизни в СССР такова: если в 1930-е гг. дача была привилегией меньшинства, то в 1980-е гг. она становится обычным явлением для населения. В 1960-е гг. возникает новый вид дачного досуга – садоводческие товарищества. Постепенно ограничения на размер и комфортабельность садового домика на обрабатываемом участке снимаются, и к 1990-м гг. он превращается в полноценную дачу. Это совпадает с окончательной приватизацией загородного жилого фонда. Одновременно нарастает масштаб покупки деревенских домов горожанами для отдыха и ведения хозяйства. Дача в России становится важной частью жизни миллионов людей. Интенсивное строительство коттеджных поселков для постоянного проживания с 1990-х гг., по сути, превращает дачу в подобие помещицкой усадьбы рубежа XIX–XX вв. – со службами и штатом прислуги. Интересно, что свои выводы о динамике русской дачи в XX в. Ловелл во многом делает на основе литературного материала, обращаясь к произведениям К.Г. Паустовского, Ю.В. Трифонова,

А.Г. Битова и менее известных писателей: В.П. Зикунова, Т.К. Николаевой, Р.И. Ибрагимбекова и др.

Также о литературной даче, преимущественно рубежа XIX–XX вв., пишут авторы коллективной монографии «The Dacha Kingdom» [The Dacha Kingdom]. Серьезное внимание дачной теме уделяют и авторы книжной серии «Русская усадьба в мировом контексте» [Богданова 2019b: 231–250; Мари 2020: 128–142; Осминина; Шром, Ведель; Луцевич; Молодяков; Строганова; Мари 2021: 333–351]. Тем не менее можно сказать, что исследование литературной дачи как особого типа художественного пространства в русской словесности XVIII–XXI вв. только начинается. Настоящая статья – практически первая попытка показать эволюцию литературной дачи на протяжении XIX–XXI вв.

Если Щукин считает «дачный текст» разновидностью усадебного, то Ловелл – городского, то есть оба исследователя отказывают литературной даче в самостоятельной топике. Правда, Ловелл при этом утверждает, что дача, как, впрочем, и усадьба, не просто место обитания, но «образ жизни», особая субкультура со своим набором общественных ритуалов, моделей поведения, системой ценностей [Ловелл: 102–103], что, на наш взгляд, является достаточным основанием для выделения особого «дачного текста». С 1860-х гг. усадьба постепенно становится символом высокой культуры русского Золотого века, а дача превращается «в почти нарицательное обозначение пошлости, прозаизма действительности, ее непривлекательных гримас» [Ловелл: 108]. В дальнейшем это соотношение изменялось.

Рассмотрим эволюцию литературной дачи, начиная с творчества Ф.М. Достоевского, чья позиция в этом аспекте в целом типична для второй половины XIX в. Интересно, что в произведениях Достоевского достаточно широко представлен топос сельской помещичьей усадьбы, а разработку топоса дачи мы находим всего в двух – романе «Идиот» (1868) и рассказе «Вечный муж» (1870). Дачная топика в них исследована пока только в двух работах [Богданова 2019a: 72–90; Богданова 2023b].

Дачная тема была затронута писателем еще в 1840-е гг., прежде всего в фельетонах «Петербургской летописи» (1847) и романе «Белые ночи» (1848). Здесь дача воспринимается как неотъемлемая и лучшая часть «городского топоса». Художник Петербурга, Достоевский искал ресурсы для его оздоровления и совершенствования как бы внутри самого городского организма. В последующие два десятилетия отношение Достоевского к даче аналогично, при этом в ряде произведений она вообще не упомянута, а в некоторых – романах «Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание» – от одного до трех раз в указанном значении. Что касается даль-

нейшего творчества, то в романах 1870-х гг. «Бесы» и «Подросток» – по одному разу, в «Братьях Карамазовых» – ни одного. Симптоматично, что, в отличие от публицистики 1840-х гг., в «Дневнике писателя» и «Гражданине» дача упоминается в нейтрально-осведомительном (как место пребывания) и, чаще, негативно-сатирическом модусе: там происходят драки, истязания детей, обманы, адюльтеры, бытовые конфликты и т. п. Таким образом, в изображении Достоевского 1870-х гг. дача целиком вписывается в общий сниженно-иронический, мещански-бытовой дискурс о ней, характерный для русской словесности второй половины XIX в. (подробнее см.: [Богданова 2019a: 80]).

Исключение составляют только два произведения конца 1860-х гг.: резкий скачок интенсивности указанного словоупотребления наблюдаем в романе «Идиот» (около 100 раз) и рассказе «Вечный муж» (около 30 раз). В обоих большая или существенная часть действия происходит на дачах. «Возникает вопрос: почему писатель после кратковременного пристального внимания к даче оставляет ее и вновь обращается к другим топосам: столичному и провинциальному городу, усадьбе, – а при редких упоминаниях дачи в 1870-е гг. резко меняет тональность с панегирической, характерной для 1840-х гг., на сатирическую?» [Богданова 2019a: 80]

Обратимся к анализу дачи в романе «Идиот», где основным местом действия стал Павловск. В фокусе изображения – пять дачных домов (Епанчиных; Лебедева; Птицына; Дарьи Алексеевны; капитанши Терентьевой) и общее публичное пространство (Павловский парк с аллеями и скамьями, улица, железнодорожный вокзал, музыкальный зал, ресторан, церковь, кладбище). Дачи у Достоевского, снабженные открытыми террасами с лестничными сходами в парк или распахнутыми окнами и крыльцом на улицу, как бы перетекают в общественное пространство, становясь сообщающимися сосудами.

Епанчинская дача – единственное в романе давнее семейное павловское жилище, отражающее личность и вкус своих владельцев: так, например, ее швейцарский колорит соответствует утопическому увлечению Аглаи сельской простотой и идиллическим трудом в духе Ж.-Ж. Руссо, да и всей изначально задуманной атмосфере Павловска как великокняжеской резиденции конца XVIII – первой трети XIX в. Столичный чиновник-делец Лебедев буквально накануне переезда в Павловск приобрел свою дачу у перекупщика Птицына – как для временного отдыха семьи, так и для коммерческой выгоды. В отличие от дачи Епанчиных, она не имеет индивидуального отпечатка владельца и тем более постояльца – Мышкина.

Образы этих дач собирательны, художественно обобщены и не претендуют на фактическую точность.

Достоевский создавал новое художественное пространство, наделенное моделирующей социокультурной интенцией и порождающее особые практики и систему ценностей. Именно «на террасах павловских дач встречается и ведет судьбоносные разговоры о будущем России, смысле человеческой жизни, историческом противостоянии христианских конфессий, смене культурно-антропологических типов и многом другом пестрое общество генералов, князей, адвокатов, купцов, гимназистов, ростовщиков, журналистов, офицеров, чиновников и просто деклассированных индивидов. Отказ от социально-сословной иерархии порождает особый тип дачного поведения – фактическое равенство, открытость и свободу, в том числе в отношениях между полами <...>. Именно дачи явились в «Идиоте» площадкой для взаимодействия сословий, диалога между их представителями и выработки общерусского мировоззрения в пореформенную эпоху 1860-х гг.» [Богданова 2019а: 84].

Однако «дачная культура» Павловска в «Идиоте» носит переходный характер: с одной стороны, здесь очевидны черты аристократической резиденции первой трети XIX в. (усадебно-дворцы членов царской семьи и вельмож и знаменитый романтический парк – шедевр ландшафтного дизайна Пьетро Гонзаго), с другой – все они составляют в романе как бы фоновое знание и заслонены «какими-то Матросскими улицами» [Достоевский 8: 255] с пылью и неказистыми домами, двусмысленными шутками над Настасьей Филипповной «какого-то канцеляриста» [Достоевский 8: 492], невероятными сплетнями грязно любопытной и нетрезвой дачной толпы, врывающейся на лебедевскую террасу после скандальной отмены свадьбы Мышкина, – т. е. атмосферой «беспорядка» [Достоевский 8: 440], захватившей Павловск после пуска железной дороги и наплыва новой демократической публики во второй трети XIX в. Слово «беспорядок» часто встречается в «павловских» частях произведения (подробнее см.: [Богданова 2019а: 86–87]).

И не случайно Епанчины от павловского дачного «беспорядка» спасаются в надежное Колмино, традиционную дворянскую усадьбу. Позже автор «Подрустка» назовет «усадебную культуру» единственным в послепетровской России «порядком, <...> уже не предписанным, а самими наконец-то выжитым» [Достоевский 13: 453]. Итак, уходящий усадебный «порядок» противопоставлен в «Идиоте» новому дачному «беспорядку», причем отнюдь не в пользу последнего. Ведь наряду с положительным эффектом социальной солидарности «дачный топос» порождает неприемлемое для Достоевского ограничение суверенности человеческой личности (шпионство за князем со стороны Лебедева, попытку объявить его сумасшедшим после расстройств свадьбы с Наста-

сьей Филипповной и проч.), а также понижение ее уровня (досужие разговоры, сплетни, пьянство, ссоры – все то, что вскоре назовут в русской литературе мешанством и пошлостью).

Немного скажем о специфике «дачного текста» в рассказе «Вечный муж». Во-первых, отметим его социокультурную нейтральность, срединность, способствующую равноправному духовно-душевному диалогу «людей разных миров» [Достоевский 9: 88]: великосветского льва Вельчанинова и провинциального чиновника Трусоцкого. В композиции рассказа – кольцевое обыгрывание усадебно-дачной топика и векторное ее изменение. Напомним, что усадьба и дача – не просто локусы, но средоточие определенных и во многом разнонаправленных ценностей, образа жизни, моделей поведения, типов личности. И вот на фоне «тяжбы по имению» в 1-й главе рассказа в Вельчанинове актуализируются черты «усадебной личности» – «высшие» стремления, нравственные побуждения, любовь к идеалу. Все это находит практическую реализацию на даче Погорельцевых в Лесном. Эта не съемная, а собственная дача является, по сути, традиционным усадебным локусом патриархальной семьи, где герой «был прост, наивен, добр, нянчил детей, не ломался никогда, сознавался во всем и исповедовался во всем» [Достоевский 9: 39]. Со временем он мечтал совсем туда переселиться.

Тем не менее именно дача Погорельцевых становится локусом смерти ребенка – новообращенной дочери Вельчанинова Лизы, именно там рушатся мечты и надежды героя на новую жизнь, на «исцеление» души и духа. Возможно, поэтому она все же не усадьба, а разновидность дачи, пусть и идеализированной. Уход Лизы из жизни предопределяет крушение личности Вельчанинова, всего лучшего в нем. На общественно-историческом уровне это можно понять как смену социокультурных парадигм в России 1860-х гг.: усадебной культуры – дачной, типа помещика – типом дачника.

Второй дачный локус в «Вечном муже» – дача Захлебниных – принципиально отличен от первого. Это уже настоящая дача – съемное летнее жилье, с бесформенным безликим домом, с общественным пространством – садом для нескольких дач. В ней пребывают уже не только семья и задушевные друзья дома, но случайные соседи и приезжие. Образ жизни здесь праздный, царит дух непритязательного веселья и одновременно – расчета, например все стремятся выдать замуж старшую дочь Катю и ловят Вельчанинова как выгодного жениха. Симптоматично, что своими ухватками опытного соблазнителя этот герой нравится всем обитателям дачи, в том числе «передовой» молодежи (Наде, Предпосылову, Лобову), то есть органично вписывается в дачную ментальность.

Показательно, однако, что во все время пребывания на даче Захлебниных «тоска почти не оставяла» Вельчанинова [Достоевский 9: 83]. В герое еще жива и предьявляет свои права высшая, «усадебная» сторона его личности. Он признается Трусоцкому: «<...> никогда и ничем я не унижал себя так, как сегодня, – <...> тем, что было там... Это было так мелко, так жалко... я опоганил и оподлил себя, связавшись... и забыв...» [Достоевский 9: 85]. В последней фразе имеется в виду смерть Лизы, ее высокий трагизм. Очевидно, что окончательного перехода из усадебной социокультурной модели в дачную у Вельчанинова еще не произошло.

В эпилоге же этот герой, как иронически замечает автор, «исправился», а свои «высшие» устремления и горькие воспоминания стал воспринимать как «болезнь» и «малодушие» [Достоевский 9: 106]. «Усадебная» сторона его личности практически исчезла. Торжество пошлости в герое маркируется неожиданной встречей с Трусоцким и его новой женой Липочкой на железнодорожной станции. И не случайно Вельчанинову «в одно мгновение представился <...> сад Захлебниных» [Достоевский 9: 109]. Яркое воспоминание о даче совмещено с поездкой по железной дороге, что создает картину полноценного «дачного топоса» в конце произведения. После исполненного надежд изображения дачи в «Идиоте», в «Вечном муже» Достоевский демонстрирует разочарование в даче как социокультурной модели будущего возрождения нации, принижает дачу по сравнению с усадьбой.

В русской литературе Серебряного века сформировалась целая традиция негативного отношения к даче как антиномии усадьбе. В пьесах А.П. Чехова «Вишневый сад» (1903) и А.М. Горького «Дачники» (1904), «Дети солнца» (1905) и «Враги» (1906) само слово «дачник» наделяется иронически-отрицательными коннотациями: «Мы – дачники в нашей стране <...>, какие-то приезжие люди» [Горький: 276]. Дачное пространство в горьковских пьесах 1900-х гг. – больное, несчастное, разрозненное, пронизанное страхом перед жизнью. В рассказе Чехова «Новая дача» (1899) оно не просто окружено враждебным миром, но живет под постоянной угрозой нападения и разрушения.

Для символистов дача также была негативным локусом. Например, в стихотворении А.А. Блока «Незнакомка» (1906) дана картина дачного местечка Озерки под Петербургом как апофеоза пошлости. Непристойная физиология половых «томлений» гимназистов – в центре рассказа Г.И. Чулкова «На даче» (1909). В его же романе «Сережа Нестроев» (1916), посвященном становлению личности 14-летнего московского гимназиста, действие первых восьми глав происходит на даче. Здесь, с одной стороны, царит атмосфера ре-

лигиозно-этического нигилизма и беспочвенности (ее источник – Серезин друг Фома), с другой – грубой чувственности (вожделение к горничной Груше, «декадентская» вседозволенность в общении с дачницей Валентиной Матвеевной, плотские забавы с деревенскими девушками) [Чулков: 10, 24, 46]. В композиции произведения дача как средоточие «темной дионисийской стихии» [Чулков: 240] противопоставлена настоящей России как «светлой земле» [Чулков: 241]. Если от дачницы Валентины «веет смертью» [Чулков: 24], то русская земля как софийная «плоть мира» – «живая» [Чулков: 242]. Таким образом, в религиозном символизме Чулкова семиотика дачи отягощается новыми негативными смыслами: это уже не просто средоточие мещанства и пошлости в социокультурном плане, но локус inferнального присутствия, где «чорт ходил и скуку сеял...» [Чулков: 46].

В советскую и постсоветскую эпоху модели дачно-усадебной жизни России рубежа XIX–XX вв. ушли в прошлое, однако в 1920–40-е гг. на месте практически упраздненных в революционное лихолетье владельческих и съемных дач в поселках вдоль железных дорог образовались их субституты: с одной стороны, элитные дачно-строительные кооперативы и профессионально-ведомственные дачные поселки с государственным жилым фондом, куда не допускались посторонние лица, с другой – съемные комнаты в крестьянских домиках в живописной сельской местности, доступные любому желающему. По наблюдению Щукина, уже с 1930-х гг. в литературе начинается поэтизация дачи, до революции имевшей лишь негативно-сниженные коннотации. В стихотворении Б.Л. Пастернака «Вторая баллада» (1930) «элитарный мир усадьбы превращается в не менее элитарный, но скромный, неустойчивый и далеко не полностью безопасный мир дачи» [Текстовый отчет: 17].

Вплоть до начала массового дачно-садоводческого строительства в СССР сохранялась съемность летнего дачного жилья как его определяющий признак. Однако инициированная государством в 1960–1980-е гг. покупка дачных домов на 6 сотках земли обозначила «размывание» традиционного представления о даче. «Отныне дачей стали называть постоянную собственность, хотя и чрезвычайно небольшого размера, где, как правило, необходимо вести хоть какое-то хозяйство» [Рыжакова: 414].

Это обусловило противоречие в семантике образа дачи в последней трети XX – начале XXI в.: с одной стороны, «<...> пространство дачи маркировано как временное, случайное пристанище в противоположность сначала усадьбе, а позднее – городской квартире. <...> В то же время пространство дачи следует отдельные грани семантики усадебного пространства, наделяется его функциями, в частности связанными с устойчивым мотивом сохранения ро-

довой памяти <...>» [Тропкина: 128]. Сравним топику дачи в романах Ю.В. Трифонова «Старик» (1972), А.Н. Варламова «Лох» (1995) и Е.Г. Водолазкина «Авиатор» (2016). В первом из них, написанном в эпоху брежневского «застоя» с его возвращением к «внутреннему человеку» и стремлением к возрождению национально-исторических традиций, дача осмысливается как территория кричащих ценностных противоречий. С одной стороны, для старшего поколения, уже оставившего активную социальную борьбу, она становится местом пробуждения глубинной личности, совестливой памяти и самостоятельной, незаемной мысли (таковы переживания «старика» Павла Летунова); с другой – зоной столкновения материально-бытовых, захватнических интересов для его взрослых детей-наследников и съемщика дачи Кандаурова, мечтающего стать собственником (что возвращает к дореволюционной оценке дачи как средоточия мещанства и пошлости); наконец, в дачном поселке вступают в противоборство две модели досуга в СССР – частно-семейная и поощряемая властью коллективно-государственная (приезжий «из управления» с красной папкой в руках сообщает, что вместо старых дач будет построен пансионат для «младшего персонала») [Трифонов: 324]. Однозначного мнения о «дачном топосе» роман Трифонова не предлагает, погружая читателя в сложное сплетение бытийных, экзистенциальных и эмпирических мотивов; тем не менее очевидно, что дача как островок частной жизни в советском социуме (прежде всего в личностном плане) представляет для него несомненную ценность.

В написанном уже в постсоветскую эпоху романе Варламова «Лох» центральное место занимает locus подмосковной дачи в Купавне на берегу Бисерова озера, из которого уже целиком исчезают негативные коннотации. В судьбе Сани Тезкина этот тесный типовой домик с терраской становится настоящим родовым гнездом. Туман над озером и голые сады осенью оказываются свидетелями судьбоносных встреч героя с местным священником, последнего разговора с отцом о смысле жизни, формирования позиции «мирской святости».

В «Авиаторе» Водолазкина видим преображение обыденного дачного пространства начала XX в. в поселке Сиверская под Петербургом – в символическое, мифопоэтическое: «<...> свет в доме не погас – должно быть, там кто-то оставался. Возможно, моя семья. Стоило мне войти, и я увидел бы всех моих близких <...>, и понял бы, что все, кроме их вневременного сидения за столом, сон и наваждение, и расплакался бы от нахлынувшего счастья <...>» [Водолазкин: 104]. Получается, что восприятие «дачного топоса» героем романа Иннокентием Платоновым характерно не столько

для начала, сколько для конца XX в., когда произошла конвергенция дачи и усадьбы, переоценка первой. Здесь топос дачи с характерными для дореволюционной эпохи негативно-сниженными коннотациями переводится в аксиологический регистр усадьбы как «рая на земле».

Так как в начале XXI в. число дачных участков с домами достигло в России, по разным оценкам, от 20 до 50 миллионов, дача нового типа превратилась в заметное социокультурное явление [Копотева: 448] и быстрыми темпами становилась подобием дореволюционной усадьбы – семейным «гнездом» для постоянного проживания на лоне природы, нередко местом творческого труда. При этом, однако, сохранялись такие определяющие признаки «дачности», как месторасположение в поселке и шаговая близость соседей, зависимость от инфраструктуры (охраны, магазинов, средств связи, транспорта), сравнительно небольшие размеры участка и дома и т. д.

Эволюцию российской дачи второй половины XX – начала XXI в. уловил в своих романах Ю.В. Мамлеев. Если в «Шатунах» (1968) мы наблюдаем развитие инфернально-дачной тенденции символистской прозы (например, в извращенно-чувственном «дионисийстве» как простонародных, так и столичных обитателей загородного «гнезда» Лебединое), то в произведениях рубежа XX–XXI вв. – «Блуждающее время» (2000), «Мир и хохот» (2002), «Империя духа» (2011) – изображены подобию традиционных усадеб, переформатированных из прежних советских дач, с отчетливыми положительными коннотациями. Казалось, были созданы условия для возрождения пленительного «усадебного мифа» Серебряного века. Однако в романах Мамлеева 1990–2000-х гг. рождается особый «дачный миф», с которым мы ранее не встречались: «в уникальном, свойственном только России дачном пространстве открывается, по мысли писателя, “Россия вечная”, одновременно хранящая в себе Абсолют (Бога), распахнутая в непостижимую Бездну и сберегающая свою природно-культурную самобытность» [Богданова 2023а: 200]. Возможно, до самого конца XX в. его оформлению препятствовала отмеченная Ловеллом несамостоятельность дачи как разновидности «городского топоса», однако с распространением владельческих дач для постоянного проживания ситуация изменилась. Симптоматично, что в культуре начала XXI в. именно дача воспринимается как «истинный центр России» и «колыбель гражданского общества» [Caldwell: 198]. При этом подчеркивается самобытность дачи, уникальность этой социопропространственной формы: «дача – специфически русское явление», «один из символов национально-менталитета» [Цивьян: 12, 14].

Список литературы

- Богданова О.А.* «Дачный топос» в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Богданова О.А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология. Москва: ИМЛИ РАН, 2019а. С. 72–90. (Сер.: Русская усадьба в мировом контексте. Вып. 1).
- Богданова О.А.* «Дачный топос» в литературных источниках XX в. и в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор» // Богданова О.А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология. Москва: ИМЛИ РАН, 2019б. С. 231–250. (Сер.: Русская усадьба в мировом контексте. Вып. 1).
- Богданова О.А.* «Дачный миф» в русской литературе рубежа XX–XXI вв.: случай Юрия Мамлеева // *Studia Litterarum*. 2023а. Т. 8, № 2. С. 200–219.
- Богданова О.А.* Семиотика дачи в рассказе Ф.М. Достоевского «Вечный муж» // *Достоевский и мировая культура*. Филологический журнал. 2023б. № 3. С. 66–80.
- Водолазкин Е.Г.* Авиатор: роман. Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. 410 с.
- Горький А.М.* Полн. собр. соч.: худож. произведения: в 25 т. Т. 7. Москва: Наука, 1970. С. 183–294.
- Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н.* Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. Москва: ОГИ, 2008. 528 с.
- Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Ленинград: Наука, 1972–1990.
- Копотева И.* Шесть узаконенных соток // *The Dacha Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area*. Helsinki: Aleksanteri Institute, 2009. Pp. 447–461.
- Ловелл Ст.* Дачники: история летнего житья в России, 1710–2000: пер. с англ. Санкт-Петербург: Академический проект: ДНК, 2008. 347 с.
- Луцевич Л.Ф.* Дачно-усадебный топос «Русская Финляндия»: «Белая ночь» Леонида Андреева // Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+: коллективная монография. Москва: ИМЛИ РАН, 2020. С. 138–150 (Сер.: Русская усадьба в мировом контексте. Вып. 3).
- Мари Э.* У истоков «дачного топоса» // *Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм: коллективная монография*. Москва: ИМЛИ РАН, 2020. С. 128–142. (Сер.: Русская усадьба в мировом контексте. Вып. 2).
- Мари Э.* О понятии петербургского «дачного фольклора» конца XIX – начала XX в. // *Усадьба реальная – усадьба литературная: векторы творческого преобразования: коллективная монография*. Москва: ИМЛИ РАН, 2021. С. 333–351 (Сер.: Русская усадьба в мировом контексте. Вып. 6).
- Молодяков В.Э.* Декадент на пленэре: сцены дачной жизни Валерия Брюсова // Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+: коллективная монография. Москва: ИМЛИ РАН, 2020. С. 239–250 (Сер.: Русская усадьба в мировом контексте. Вып. 3).
- Осьминина Е.А.* Образ дачи в произведениях И.С. Шмелева и В.А. Никифорова-Волгина // *Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм: коллективная монография*. Москва: ИМЛИ РАН, 2020. С. 246–254 (Сер.: Русская усадьба в мировом контексте. Вып. 2).
- Рыжакова С.* «Крестьянский домик, нанимаемый горожанином»: о некоторых метаморфозах петербургской/ленинградской дачи в XIX–XX вв. // *The Dacha Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area*. Helsinki: Aleksanteri Institute, 2009. Pp. 409–416.
- Строганова Е.Н.* Дачные сюжеты в женской прозе рубежа XIX–XX вв. // *Усадьба реальная – усадьба литературная: векторы творческого преобразования: коллективная монография*. Москва: ИМЛИ РАН, 2021. С. 322–332 (Сер.: Русская усадьба в мировом контексте. Вып. 6).
- Текстовый отчет о Междунар. науч. конф. «Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения» (22–24 июня 2023 г., ИМЛИ РАН – Дом-музей Б.Л. Пастернака в Переделкине). 65 с. URL: <http://litasadba.imli.ru/event/otchet-o-mezhdunarodnoy-nauchnoy-konferencii-usadba-i-dacha-v-literature-sovetskoj-epohi> (дата обращения: 24.07.2023).
- Трифонов Ю.В.* Отблеск костра: документальная повесть. Старик: роман. Москва: Известия, 1989. 336 с.
- Тропкина Н.Е.* Художественная семантика дачного топоса в русской поэзии второй половины XX в. // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2012. № 4 (68). С. 128–132.
- Цивьян Т.* О мифологических коннотациях дачи // *The Dacha Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area*. Helsinki: Aleksanteri Institute, 2009. Pp. 11–24.
- Чулков Г.И.* Сережа Нестроев: роман. Москва: Северные дни, 1916. 244 с.
- Шром Н.И., Ведель А.В.* «Взморцы на штранде»: дачный сюжет между идиллией и иронией // *Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм: коллективная монография*. Москва: ИМЛИ РАН, 2020. С. 255–270 (Сер. Русская усадьба в мировом контексте. Вып. 2).
- Щукин В.Г.* Российский гений Просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. Москва: РОССПЭН, 2007. 607 с.
- Caldwell M.L.* *Dacha Idylls: Living Organically in Russia's Countryside*. Berkeley, L. A., University of California Press, 2011, XXII, 201 p.
- The Dacha Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area*, ed. by N. Bashmakoff, M. Ristolainen. Aleksanteri Series, 2009, vol. 3, 508 p.

References

Bogdanova O.A. "Dachnyi topos" v romane F.M. Dostoevskogo "Idiot" ["Dacha topos" in the F.M. Dostoevsky's novel "The Idiot"]. *Bogdanova O.A. Usad'ba i dacha v russkoi literature XIX–XXI vv.: topika, dinamika, mifologiya* [Estate and dacha in Russian literature of the XIX–XXI centuries: topic, dynamics, mythology]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019, pp. 72-90 (Ser.: Russian estate in a global context, vol. 1). (In Russ.)

Bogdanova O.A. "Dachnyi topos" v literaturnykh istochnikakh XX v. i v romane E.G. Vodolazkina "Aviator" ["Dacha topos" in literary sources of the XX century and in the novel by E.G. Vodolazkin "Aviator"]. *Bogdanova O.A. Usad'ba i dacha v russkoi literature XIX–XXI vv.: topika, dinamika, mifologiya* [Estate and dacha in Russian literature of the XIX–XXI centuries: topic, dynamics, mythology]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019, pp. 231-250 (Ser.: Russian estate in a global context, vol. 1). (In Russ.)

Bogdanova O.A. "Dachnyi mif" v russkoi literature rubezha XX–XXI vv.: sluchai Iurii Mamleeva ["Dacha myth" in Russian literature at the turn of the XX–XXI centuries: the case of Yuri Mamleev]. *Studia Litterarum*, 2023, vol. 8, No. 2, pp. 200-219. (In Russ.)

Bogdanova O.A. Semiotika dachi v rasskaze F.M. Dostoevskogo "Vechnyi muzh" [Semiotics of the dacha in the story by F.M. Dostoevsky "The Eternal Husband"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal* [Dostoevsky and world culture: philological journal], 2023, No. 3, pp. 66-80. (In Russ.)

Chulkov G.I. *Serezha Nestroev: roman* [Seryozha Nestroev: a novel]. Moscow, Severnye dni Publ., 1916, 244 p. (In Russ.)

Gorkii A.M. *Poln. sobr. soch.: khudozh. proizvedeniia: v 25 t.* [Complete works: works of fiction: in 25 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1970, vol. 7, pp. 183-294. (In Russ.)

Dmitrieva E.E., Kuptsova O.N. *Zhizn' usadebnogo mifa: utrachennyi i obretennyi rai* [The Life of the Estate Myth: Paradise Lost and Found]. Moscow, OGI Publ., 2008, 528 p. (In Russ.)

Dostoevskii F.M. *Poln. sobr. soch.: v 30 t.* [Complete works: in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972-1990. (In Russ.)

Kopoteva I. *Shest' uzakonennykh sotok* [Six legalized acres]. *The Dacha Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area*. Helsinki, Aleksanteri Institute Publ., 2009, pp. 447-461. (In Russ.)

Lovell St. *Dachniki: istoriia letnego zhit'ia v Rossii, 1710–2000* [Summer residents: the history of summer life in Russia, 1710-2000], transl. from English. Saint-Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., DNK Publ., 2008, 347 p. (In Russ.)

Lutsevich L.F. *Dachno-usadebnyi topos "Russkaia Finliandiia": "Belaia noch" Leonida Andreeva* [Dacha-

estate topos "Russian Finland": "White Night" by Leonid Andreev]. *Fenomen russkoi literaturnoi usad'by: ot Chekhova do Sorokina+: kollektivnaia monografiia* [The phenomenon of the Russian literary estate: from Chekhov to Sorokin+: collective monograph]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 138-150 (Ser.: Russian estate in a global context, vol. 3). (In Russ.)

Mari E. *U istokov "dachnogo toposa"* [At the origins of the "dacha topos"]. *Russkaia usad'ba i Evropa: diakhroniia, nostalg'ia, universalizm: kollektivnaia monografiia* [Russian Estate and Europe: Diachrony, Nostalgia, Universalism: A collective monograph]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020a, pp. 128-142 (Ser.: Russian estate in a global context, vol. 2). (In Russ.)

Mari E. *O poniatii peterburgskogo "dachnogo folklora" kontsa XIX – nachala XX v.* [About the concept of Saint-Petersburg "dacha folklore" of the late XIX – early XX century]. *Usad'ba real'naia – usad'ba literaturnaia: vektory tvorcheskogo preobrazheniia: kollektivnaia monografiia* [Estate Real – Estate Literary: vectors of creative transformation: collective monograph]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020b, pp. 333-351 (Ser.: Russian estate in a global context, vol. 6). (In Russ.)

Molodiakov V.E. *Dekadent na plenere: stseny dachnoi zhizni Valerii Briusova* [Decadent in the open air: scenes of Valery Bryusov's country life]. *Fenomen russkoi literaturnoi usad'by: ot Chekhova do Sorokina+: kollektivnaia monografiia* [The phenomenon of the Russian literary estate: from Chekhov to Sorokin+: collective monograph]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 239-250 (Ser.: Russian estate in a global context, vol. 3). (In Russ.)

Os'minina E.A. *Obraz dachi v proizvedeniakh I.S. Shmeleva i V.A. Nikiforova-Volgina* [The image of dacha in the works of I.S. Shmelev and V.A. Nikiforov-Volgin]. *Russkaia usad'ba i Evropa: diakhroniia, nostalg'ia, universalizm: kollektivnaia monografiia* [Russian Estate and Europe: Diachrony, Nostalgia, Universalism: a collective monograph]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 246–254 (Ser.: Russian estate in a global context, vol. 2). (In Russ.)

Ryzhakova S. "Krest'ianskii domik, nanimaemyi gorozhaninom": o nekotorykh metamorfozakh peterburgskoi/leningradskoi dachi v XIX–XX vv. ["A peasant's house hired by a citizen": about some metamorphoses of a Saint-Petersburg / Leningrad dacha in the XIX–XX centuries]. *The Dacha Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area*. Helsinki, Aleksanteri Institute Publ., 2009, pp. 409-416. (In Russ.)

Stroganova E.N. *Dachnye siuzhety v zhenskoi proze rubezha XIX–XX vv.* [Dacha plots in women's prose of the turn of the XIX–XX centuries]. *Usad'ba real'naia – usad'ba literaturnaia: vektory tvorcheskogo preobrazheniia: kollektivnaia monografiia* [Estate Real – Estate Literary: vectors of creative transformation: collective

monograph]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 322-332 (Ser.: Russian estate in a global context, vol. 6). (In Russ.)

Tekstovyi otchet o mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Usad'ba i dacha v literature sovetskoi epokhi: poteri i obreteniia" [Text report on the International Scientific Conference "Estate and dacha in the literature of the Soviet era: losses and gains"] (June 22–24, 2023, IWL RAS – House-Museum of B.L. Pasternak in Peredelkino), 65 p. URL: <http://litusadba.imli.ru/event/otchet-o-mezhdunarodnoy-nauchnoy-konferentsii-usadba-i-dacha-v-literature-sovetskoy-epokhi> (access date: 24.07.2023). (In Russ.)

Trifonov Iu.V. *Otblek kostra: dokumental'naiia povest'; Starik: roman* [Firelight: documentary novel; The Old Man: a Novel]. Moscow, Izvestiia Publ., 1989, 336 p. (In Russ.)

Tropkina N.E. *Khudozhestvennaia semantika dachnogo toposa v russkoi poezii vtoroi poloviny XX v.* [Artistic semantics of the dacha topos in Russian poetry of the second half of the XX century]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [News of the Volgograd State Pedagogical University], 2012, No. 4 (68), pp. 128-132. (In Russ.)

Tsiv'ian T. *O mifologicheskikh konnotatsiiakh dachi* [About the mythological connotations of dacha]. *The Dachia Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area*. Helsinki: Aleksanteri Institute Publ., 2009, pp. 11-24. (In Russ.)

Shrom N.I., Vedel' A.V. "Vzmortsy na shtrande": *dachnyi siuzhet mezhd idilliei i ironiei* ["The seaside on the strand": a dacha plot between idyll and irony]. *Russkaia usad'ba i Evropa: diakhroniia, nostal'giia, universalizm: kollektivnaia monografiia* [Russian Estate and Europe: Diachrony, Nostalgia, Universalism: A collective monograph]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 255-270 (Ser.: Russian estate in a global context, vol. 2). (In Russ.)

Shchukin V.G. *Rossiiskii genii Prosveshcheniia. Issledovaniia v oblasti mifopoetiki i istorii idei* [The Russian genius of Enlightenment. Research in the field of mythopoetics and the history of ideas]. Moscow, Rosspen Publ., 2007, 607 p. (In Russ.)

Vodolazkin E.G. *Aviator: roman* [Aviator: A novel]. Moscow, AST Publ., Redaktsiia Eleny Shubinoi Publ., 2016, 410 p. (In Russ.)

Caldwell M.L. *Dacha Idylls: Living Organically in Russia's Countryside*. Berkeley, L. A., University of California Press, 2011, XXII, 201 p.

The Dachia Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area, ed. by N. Bashmakoff, M. Ris-tolainen. Aleksanteri Series, 2009, vol. 3, 508 p.

Статья поступила в редакцию 25.07.2023; одобрена после рецензирования 28.08.2023; принята к публикации 30.08.2023.

The article was submitted 25.07.2023; approved after reviewing 28.08.2023; accepted for publication 30.08.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 85–90. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 3, pp. 85–90. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09"20"

EDN SYSYVO

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-85-90>

ОБРАЗ ДАЧИ В РАССКАЗЕ И.С. ШМЕЛЕВА «НА ПЕНЬКАХ»

Каскина Юлия Узакбаевна, кандидат филологических наук, Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, Москва, Россия, kaskina@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6893-596X>

Аннотация. «На пеньках (рассказ бывшего человека)» написан И.С. Шмелевым в 1924 г. во французских Ландах. В статье впервые с помощью дачного топоса в указанном рассказе прослежена трансформация образа профессорской дачи, которая из райского уголка превратилась в ад воспоминаний. Эти изменения подтверждают правомерность толкования дачного/усадебного топоса как утраченного рая и чрезвычайную продуктивность его использования при анализе художественного произведения. Автор статьи подробно анализирует «дачную» главу рассказа, показывает важную хронологию ее построения. Особенное внимание в работе уделяется Божественному началу и его воплощению в рассказе, противопоставлению и сопоставлению Родины и чужбины. Отмечаются взгляды исследователей на сюжетные решения и фигуры рассказа Шмелева, новаторство толкования произведения с использованием усадебной и дачной тематики.

Ключевые слова: И.С. Шмелев, образ дачи, дачный топос, усадебный топос, соловьи, Родина, чужбина.

Для цитирования: Каскина Ю.У. Образ дачи в рассказе И.С. Шмелева «На пеньках» // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 85–90. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-85-90>

Research Article

THE IMAGE OF THE DACHA IN THE SHORT STORY “ON THE STUMPS” BY IVAN SHMELYOV

Yulia U. Kaskina, Candidate of Philological Sciences, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, kaskina@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6893-596X>

Abstract. “On the Stumps (The Story of a Former Man)” was written by Ivan Shmelyov in 1924 in Landes of France. In the article, for the first time, with the help of the dacha topos in this story, the transformation of professor’s dacha has been traced, which turned from a corner of paradise into a hell of memories. These changes confirm the legitimacy of the interpretation of the dacha/estate topos as a lost paradise and the extraordinary productivity of its use in the analysis of a work of art. The author of the article analyses in detail the “dacha” chapter of the story, shows the important chronology of its construction. Particular attention in the work is paid to the divine principle and its embodiment in the short story, opposition and comparison of the Motherland and foreign land. The views of researchers on the plot decisions and figures of this short story are noted, the innovation of the interpretation of the work using the estate and country themes is noted.

Keywords: Ivan Shmelyov, dacha image, dacha topos, manor topos, nightingales, Motherland, foreign land.

For citation: Kaskina Y.U. The image of the dacha in the short story “On the Stumps” by Ivan Shmelyov. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 3, pp. 85–90 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-85-90>

Восходящий к усадебному дачный топос, столь значимый в русской литературе, в настоящее время активно разрабатывается научным коллективом под руководством О.А. Богдановой [Богданова; Русская усадьба и Европа; Усадьба реальная – усадьба литературная]. Указывая «Историческую поэтику» А.Н. Веселовского как «предтечу учения о топосах» [Веселовский], исследователи изучают вышеназванные категории, с помощью которых, как справедливо ими утверждается, художественное произведение «вовлекается в общее многовековое культурное поле народа или человечества» [Богданова: 15].

Дача как форма загородного владения, летнего проживания впервые появилась в русской жизни значительно позже усадьбы. Теоретически этот феномен описан англичанином Стивеном Ловеллом в начале XXI в. Дачный и усадебный топосы имеют, конечно, значительные различия. Но генетически, как показывает анализ отдельных художественных произведений, они тесно связаны и закономерно дачный топос наследует главные особенности усадебного.

С. Ловелл отмечает «культурную значимость» дачи и пишет: «Дача была не просто местом, а образом жизни» [Ловелл: 102]. Добавим, что она была еще и местом отдыха, единения с природой, общения с родными, друзьями, коллегами. Важная в рассказе Шмелева «разомкнутость» дачи к окружающей территории, включающей лес, овраги, болотца, расширяет и литературное пространство, что также соответствует теоретическому осмыслению дачного топоса [Богданова: 73–75].

«На пеньках (рассказ бывшего человека)» написан И.С. Шмелевым в 1924 г. во французских Ландах. Пожилой профессор, сидя на берегу океана, вспоминает обо всем произошедшем на его родине в России за последние семь лет. Он рассказывает, как по дороге на дачу, где он жил «один как перст» «с мая и до морозов», присел отдохнуть и вдруг именно там, на пеньках, осознал свое пограничное человеческое достоинство и решился уехать за границу. Уехать, чтобы выжить не только физически, но и духовно.

К этому рассказу не раз обращались шмелеведы. О.Н. Сорокина отмечала, что с этим рассказом «входит в творчество Шмелева тема эмигрантской России» [Сорокина: 189]. Л.А. Спиридонова видела в нем отражение углубившегося в эмиграции «духовного кризиса» писателя [Спиридонова: 87]. Н.М. Солнцева писала о «критичности» автора к своей «ранней романтичности» [Солнцева: 188], имея в виду, по всей вероятности, революционные увлечения юности. Но в заявленном ракурсе рассказ анализируется впервые. Интересно, что дачный топос в рассказе предельно локализован. Фактически он занимает одну главу, четвертую из одиннадцати, которая построена хронологически.

Когда-то жена героя настояла на приобретении дачи, и в прошлом все было светло и радостно – приезжала молодежь, племянники с товарищами, студенты, ученики. В описываемое революционное время, разграбленная и опустевшая, дача превратилась в место печальных воспоминаний, где «солнце в крови, и гарь сгоревших надежд, и всеобщее пепелище» [Шмелев: 226]. Конец главки обращает читателя к вечности описанием природы, оврагов, соловьев.

Излюбленный, можно сказать, традиционный герой Шмелева – пожилой профессор-гуманитарий, здесь профессор истории античного искусства Феогност Александрович Мельшаев – сам дает себе характеристику: «Я... профессор?... член-корреспондент двух европейских Академий... автор ученых трудов, кавалер “почетных легионов”, знаток античных искусств, имел дипломы... производил раскопки погибших царств, умерших цивилизаций?..» [Шмелев: 221]. Вопросительные знаки в начале и в конце предложения, риторические вопросы выражают собственные сомнения в том, что это действительно так.

Один из значимых мотивов в рассказе – мотив подведения итогов – тоже очень частый в творчестве писателя¹. Из повествования – «целых шесть лет в таком гнусном чаду!» [Шмелев: 227] – вскоре становится понятно, что действие происходит в 1923 г., то есть в период становления советской власти, в самый разгар ломки старого капиталистического мира и зарождения нового, пока еще неведомого в его практическом виде мироустройства.

«С мая и до морозов я жил у себя на даче, – повествует рассказчик, – один как перст. Туда-то и тащил мешок. Раньше дачей я мало пользовался: все, бывало, – в Италию или в Грецию, конгрессы, съезды... А это жена покойная завела, для родственников и на старость. Она очень любила мягкое наше лето, грибы, цветы, соловьев» [Шмелев: 224].

Как видим, уже здесь коротким перечислительным рядом задана модель, развернувшаяся далее, во второй части этой небольшой, но очень важной в архитектонике рассказа главке, в красивое и очень значимое осмысление окружающей природы как метафизического конструкта, соединяющего человека с окружающим, его внутренний мир с миром внешним и духовным.

«Молодежь все время там хороводилась. Где теперь они все? Как-то вспоминать стал: приятели, приятельницы, крестники, племянники, Васи, Миши... Славная молодежь была! Насчитал семерых студентов-прапоров... два инженера, музыкант, летчик, приват-доцент, двое стихи писали... Теперь – один в Канаде, один в Брюсселе, шофером, в Боснии где-то, в шахтах... Прочие?... Не знаю. Погибли. Впрочем, “спецом” один заделался, роль играет, а один, который стихи писал, – в “песнопевцы” определился. А па-

триотические стихи писал! “Державиным без пяти минут” величали. Одним словом, не на дачу я шел, а – в прошлое» (выделено автором. – Ю. К.) [Шмелев: 225].

В этом описании знакомой молодежи фактически дан срез поколения, на долю которого выпали трагические испытания. Обозначено несколько путей жизни – гибель в боях Первой мировой и Гражданской войн, эмиграция, приспособленчество. Все это сказано без каких-либо оценок, просто констатируется как факт. Однако сама лексика, употребленная в кавычках, – «спецы», ироническое «песнопевец», вспомнившееся сравнение с Державиным – отражает боль и некоторую горечь разочарования.

В то же время хорошего было много. Герой вспоминает, как за ним высылали пролетку со студентом в вышитой рубахе за кучера. И пока он возился с запряжкой, профессор с наслаждением закуривал в тишине, отходил чуть в сторону: «И такая теплынь и тишь, такая лесная ласка, такой покой, будто все трудное отошло и впереди ни забот, ни цели, и не на этой земле живешь, а ангелы Божьи неслышно ходят в березках» (курсив мой. – Ю. К.) [Шмелев: 225].

Как видим, райский сад – усадебного/дачного топоса – расширяется здесь до леса, края, всего окружающего мира. С сердечной теплотой говорит герой о прежней жизни, о пытливой и честной молодежи, о своей гостеприимной даче, где летом кипела молодая жизнь, продолжались ученые разговоры.

Но это все было в прошлом. Теперь же – «дачу мою мужички порастрясли, но в двух комнатах жить было еще сносно» [Шмелев: 226]. Приходили с обысками, грабили имущество, ужасали наглостью. Вся жизнь стала каким-то нереальным ужасом, все окружающее представляется «в манере Эдгара По и самого оголтелого футуриста: и жуть, и дыр-бул-щыл!» [Шмелев: 226]. Даже солнце видится зловещим и ненужным, как «продолжение “дыр-бул-щыл”». Теперь «солнце в крови» [Шмелев: 226], и этот образ сравним с «солнцем мертвых» из знаменитого одноименного романа Шмелева (1923).

Описаны произошедшие изменения окружающего мира и человека. Леса – «другие»; дороги – «не настоящие» [Шмелев: 226]. Люди – другие – воинственные, наглые и глупые. «А какая страстная жажда амикошонства! какая наглость, с певучими голосками сводни! Блудники слова и шулера мысли, вдруг откуда-то налетевшие саранчой... Я таких не встречал на лекциях» (выделено автором. – Ю. К.) [Шмелев: 227].

Остались неизменными ландшафт и живая природа, скрытые от человека в лесной глубине – овраги, соловьи, ландыши.

Все они живописно изображены в рассказе. Отдельная песня хвалы пропета оврагам: «Один ов-

раг исстари прозывался “Соловьиный”, другой – “Гулкий”. Из-за соловьев жена и место для дачи выбрала, на тычке, на гривке... Редкостное там было эхо: из Соловьиного врага крикнешь – Гулкий отзовется полней и громче» [Шмелев: 228]. Любовно рассказано обо всех экспериментах и открытиях, связанных со здешней необычной акустикой – о «неземном» теноре, покрывавшем эхом из Гулкового оврага и о молодежном хоре, звучавшем капеллой, о выведенной физиком особой звуковой формуле этих мест.

«Но вот, что самое-то ужасное, – соловьи!..» [Шмелев: 228] – двусмысленное начало настоящей поэмы о соловьином пении. Поэма состоит из двух частей. Сначала красочно, звучно, с звукоподражательными неологизмами описываются соловьи из светлого прошлого. «Вообразите, что же творилось майскими зорями, когда соловьи начнут сыпать и поливать! Гулкий их растревлял. – тию... тию... ффти-у... – играют сердцем, трепетно и так страстно-нежно!..» [Шмелев: 228]

Трагические события истории в одночасье переменяли все. Разметало по миру молодежь, жена умерла, дачу наполовину экспроприировали. Профессор в «зеленых штанах-диагональ и футбольных буцах» со «склада просвещения» сам себя не узнает. Он вынужден читать лекции новой публике в новом пролетарском институте. Все это превратило и пеню соловьев в «безумье»! Теперь во Франции на берегу океана ему вспоминается дорога от станции и «там, между двух оврагов, на гривке, разбитая моя дача, с черными дырками, с безумьями соловьев в ночи, с бьющими в ней криками той жизни» [Шмелев: 221].

Когда-то столь прекрасные сладкие звуки стали истинной мукой, душевным испытанием. «И вот когда все изранено, испоганено, и уже ничего живого не осталось, и ты с твоей жизнью уже плевком растертый... – соловьи гремят неумирающим торжеством неумирающей своей жизни и неуголимой болью плещутся в твоём сердце... А оно уже на истеке, и все ушло! Пытка. Они выворачивали, перетряхивали во мне все, жалели, отпевали, жалили цвоканьем, в кровь раздирали трелями... хлестали сердце, по голове, в глаза. Я слышал милые голоса, узнавал лица, запахи... И не красота уже, не эстетика... – ад!»² [Шмелев: 228]

Очевидно, что здесь дача как образ утраченного рая, эдемского сада прямо трансформируется в совсем противоположное – в место мучительных воспоминаний, в душевный ад. Как ни пытается профессор спрятаться, уйти от тоски воспоминаний, у него ничего не получается: «Бром уже был бессилён, я затыкал уши спиртовой ватой, – кровь прилиwała, гудела, я начинал пьянеть. Но и без звуков я слышал. Нет, непередаваемо, – как психоз» [Шмелев: 229].

Лишь растительное царство по-прежнему цело, цветущее, полнокровно. «Благоговеино душистые

“восковки”» [Шмелев: 225] росли на той поляне в прежней жизни, где ангелы в березках, они растут и поныне в изменившемся мире, они напоминают о прошлом, вызывают те же чувства – «а горьковатая свежесть ландышей, взрывающая в вас все – до детства!.. А дурманный запах июньских наших восковок-любок, впервые манящий страстью?! В зеленой затине, в тишине в росе... нежные, восковые, тайные, они все те же и вызывают прежнее...» [Шмелев: 229]

Заканчивается «дачная» IV глава страстным желанием вновь увидеть, ощутить, вернуться в такое поэтичное, теплое, любимое, родное прошлое, вся прелесть которого, чудесность, очарование удвоены близостью к природе, дачным топосом. «Я бы и теперь хотел... – пусть терзанье! Там – каждая травка пела. А здесь... мелодия незнакомая, глухая» (выделено автором. – Ю. К.) [Шмелев: 229]. Как видим, более того, они – простые цветы родины – простым метафорическим приемом олицетворяются, они поют.

Неслучайно А.П. Черников выделял в произведении «мотив неприятия героем и автором европейского уклада жизни и морали, царящих здесь самодовольства и бездушия», а также тему «Родины и чужбины, характерную для многих его произведений 20–40-х годов» [Черников: 231]. Интересно, что противопоставлением «здесь» и «там» – Родины и чужбины, вплетенных в «соловьиный» мотив, – заканчивается весь рассказ: «Соловьев недавно слушал. Без тревоги. И трель слаба и коротка, и страсти нет той, и замиранье не выходит. Нет и посвиста раздольного, и поцелуйного разлива. Наши здесь не живут... остались там. Пустым оврагам поют по зорям» [Шмелев: 256].

Об особом внимании критиков к рассказу «На пеньках» писала Л.Ю. Суrowова. Ностальгическое настроение в конце «дачной» главы объясняется ею так: «Бежав из России в Европу, профессор не обнаружил и здесь людей с душой, и здесь та же пустыня, только не “большевистская”, а “культурная”» [Суrowова: 436]. На предостережения шмелевского героя о рано или поздно предстоящей гибели безжалостной западной цивилизации и культуры Ю. Айхенвальд возразил: «Культура неодолима. ...Культура – как природа: гони ее в дверь, она влетает в окно» (цит. по: [Суrowова: 437]). Это сравнение ценно для нас тем, что, как мы видели, и природа – овраги, соловьи, ландыши, восковки – неодолима, она все та же.

По словам исследовательницы, «остроту и своевременность “На пеньках” уловили немцы. Артур Лютер, переведивший этот рассказ, попытался предостеречь своих соотечественников от надвигавшейся на них катастрофы... Потеря шмелевским профессором своего человеческого достоинства тонко прочувствована Лютером как забвение Бога, как утрата божественного начала» [Суrowова: 437]. «Божественное

начало» мы, в свою очередь, выявили, обратившись к дачному топосу, в свете которого проследили внутренние и внешние изменения в жизни профессора и его мировосприятии. Именно дачный топос – категория, включающая в себя образ дачи, воспоминания, навеянные ею, – с одной стороны, послужили катализатором для принятия профессором важного решения. Он смог воспрять духом, вновь осознать себя одухотворенным, ответственным, деятельным человеком и принять вынужденное, но спасительное решение уехать за рубеж. С другой стороны, даже в эмиграции дача, весь природный комплекс вокруг нее остались навсегда желанным и притягательным уголком родины, спасительным воспоминанием.

Прослеженная нами трансформация дачи в сознании главного героя от райского уголка («ангелы Божьи неслышно ходят в березках») до ада («и не красота уже, не эстетика... – ад!») еще раз подтверждает правомерность толкования дачного/усадебного топоса как утраченного рая [Богданова; Дмитриева, Купцова] и чрезвычайную продуктивность его использования при анализе художественного произведения.

Очевидно, что даче в рассказе присущи устойчивые типологические черты восходящего к усадебному дачному топосу конца XIX – начала XX века – живописное местоположение, овраги, речка, лес. А также функциональное сходство: и дача, и усадьба – это место летнего отдыха, приятного общения с разнообразными людьми, наслаждения природой.

В то же время весь драматизм исторического периода 1920-х гг., отразившийся и на этом отдельно взятом «кусочке рая»³, приводит к означенной выше трансформации – как вполне материалистической, так и метафизической. Это неизменно открывает новые грани дачного топоса, расширяет само понятие, а также углубляет содержательный анализ текста.

Примечания

¹ Мотив подведения итогов прослежен в статье «Идеи Ф.М. Достоевского в рассказе И.С. Шмелева “Записки не писателя”» [Каскина 2015] и в разделе «Почему так случилось» (1945) третьей главы нашей монографии [Каскина 2019].

² Этот отрывок Я.О. Дзыга цитирует для подтверждения своих исследовательских рассуждений. Основываясь на шмелевском подзаголовке, она усматривает «перекличку концептуальных мотивов» с горьковским рассказом «Бывшие люди» (1897). Она «спорит» с ницшеанскими идеями Горького и обитателей ночлежки; полагает, что ход мысли профессора, обличающего бездуховность Европы, связан с отрицанием философии Ницше и был инициирован «трелями соловьев». Она пишет: «Здесь и боль о торжестве права сильного, и трезвое понимание свободы, и резкое неприятие эстетического, внемомо»

рального оправдания мира. Последнее открылось герою майскими зорями вместе с гулками трелями соловьев: “И вот когда все изранено <...> ад!”» [Дзыга: 229], что представляется нам неоправданным усложнением.

³ Отсылка к поэме А. Блока «Возмездие» (1921):

В то время земли пустовали
Дворянские – и маклаки
Их за бесценюк продавали,
Но начисто свели лески.
И старики, не прозревая
Грядущих бедствий
За грош купили уголь рая
Неподалеку от Москвы» [Блок: 64].

Список литературы

- Блок А.А. Возмездие // Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 5. Москва: Наука, 1999. С. 21–73.
- Богданова О.А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв. Толика. Динамика. Мифология. Москва: ИМЛИ РАН, 2019. 288 с.
- Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Москва: Высшая школа, 1989. 405 с.
- Дзыга Я.О. Творчество И.С. Шмелева в контексте традиций русской литературы. Москва: БУКИ ВЕДИ, 2013. 348 с.
- Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мира: утраченный и обретенный рай. Москва: ОГИ, 2008. 524 с.
- Каскина Ю.У. Идеи Ф.М. Достоевского в рассказе И.С. Шмелева «Записки не писателя» // И.С. Шмелев и проблемы национального самосознания (традиции и новаторство). Москва: ИМЛИ РАН, 2015. С. 373–381.
- Каскина Ю.У. И.С. Шмелёв и русская классика XIX века: И.С. Тургенев, А.П. Чехов, Ф.М. Достоевский. Москва: ИМЛИ РАН, 2019. 160 с.
- Ловелл С. Дачники: история летнего житья в России, 1710–2000 / пер. с англ. Л.Г. Семенович. Санкт-Петербург: Академический проект: Изд-во ДНК, 2008. 347 с.
- Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм: коллективная монография / сост., отв. ред. и автор предисл. О.А. Богданова. Москва: ИМЛИ РАН, 2020. 352 с.
- Солнцева Н.М. Иван Шмелев. Жизнь и творчество. Жизнеописание. Москва: Эллис Лак, 2007. 512 с.
- Сорокина О.Н. Московянина: Жизнь и творчество Ивана Шмелева. Москва: Московский рабочий, 2000. 408 с.
- Спиридонова Л.А. Художественный мир И.С. Шмелева. Москва: ИМЛИ РАН, 2014. 240 с.
- Суровова Л.Ю. Иван Шмелев // Русская литература 1920–1930-х годов. Портреты прозаиков. Т. 1, кн. 1. Москва: ИМЛИ РАН, 2016. С. 394–482.

Усадьба реальная – усадьба литературная: векторы творческого преобразования: коллективная монография / сост., отв. ред. О.А. Богданова. Москва: ИМЛИ РАН, 2021. 384 с.

Черников А.П. Проза И.С. Шмелева. Концепция мира и человека. Калуга: Калужский областной университет усовершенствования учителей, 1995. 342 с.

Шмелев И.С. На пеньках (Рассказ бывшего человека) // Шмелев И.С. Собр. соч.: в 5 т. Т. 2. Москва: Русская книга. 2001. С. 217–256.

References

- Blok A.A. *Vozmezdje* [Retribution]. *Blok A.A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t.* [Complete collection of works and letters: in 20 volumes], vol. 5. Moscow, Nauka Publ., 1999, pp. 21–73. (In Russ.)
- Bogdanova O.A. *Usad'ba i dacha v russkoj literature XIX–XXI vv. Topika. Dinamika. Mifologija* [Manor and cottage in Russian literature XIX–XXI centuries. Topic. Dynamics. Mythology]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2019, 288 p. (In Russ.)
- Chernikov A.P. *Proza I.S. Shmeleva. Konceptcija mira i cheloveka* [Shmelev's prose. Conception of world and human]. Kaluga, Kaluzhskij oblastnoj universitet usovershenstvovaniya uchitelej Publ., 1995, 342 p. (In Russ.)
- Dzyga Ja.O. *Tvorchestvo I.S. Shmeleva v kontekste tradicij russkoj literatury* [Shmelev's creativity in the context of the traditions of Russian literature]. Moscow, BUKI VEDI Publ., 2013, 348 p. (In Russ.)
- Dmitrieva E.E., Kupcova O.N. *Zhizn' usadebnogo mira: utrachennyj i obretennyj raj* [The Life of the Manor world: Paradise lost and Found]. Moscow, OGI Publ., 2008, 528 p. (In Russ.)
- Kaskina Yu.U. *Idei F.M. Dostoevskogo v rasskaze I.S. Shmeleva "Zapiski ne pisatelja"* [Dostoevsky ideas in Shmelev's story "Not-writer's notes"]. *I.S. Shmelev i problemy nacional'nogo samosoznaniya (tradicii i novatorstvo)* [I.S. Shmelev and problems of national self-awareness]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2015, pp. 373–381. (In Russ.)
- Kaskina Yu.U. *I.S. Shmelev i russkaya klassika XIX veka: I.S. Turgenev, A.P. Chekhov, F.M. Dostoevskij* [I.S. Shmelev and Russian Classics of the 19th Century: I.S. Turgenev, A.P. Chekhov, F.M. Dostoevsky]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2019, 160 p. (In Russ.)
- Lovell S. *Dachniki: istorija letnego zhit'ja v Rossii, 1710–2000* [Summer residents: the History of summer life in Russia, 1700–2000]. Saint-Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., DNK Publ., 2008, 347 p. (In Russ.)
- Russkaja usad'ba i Evropa: diahronija, nostalgija, universalizm* [Russian Manor and Europe: diachrony, nostalgia, universalism]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2020, 352 p. (In Russ.)
- Solnceva N.M. *Ivan Shmel'jov. Zhizn' i tvorcestvo* [Ivan Shmelev. Life and creativity]. Moscow, Ellis Luck Publ., 2007, 512 p. (In Russ.)

Sorokina O.N. *Moskoviana. Zhizn' i tvorcestvo Ivana Shmeljova* [Moscovian. Life and work of Ivan Shmelev]. Moscow, Moskovskij rabochij Publ., 2000, 408 p. (In Russ.)

Spiridonova L.A. *Hudozhestvennyj mir I.S. Shmeljova* [Art world of I.S. Shmelev]. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2014, 240 p. (In Russ.)

Surovova L.Ju. *Ivan Shmeljov* [Ivan Shmelev]. *Russkaja literatura 1920–1930-h godov. Portrety prozaikov. T. 1, kn. 1* [Russian literature of the 1920–1930s. Portraits of prose writers, vol. 1, book 1]. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2016, vol. 1, iss. 1, pp. 394–482. (In Russ.)

Usad'ba real'naja – usad'ba literaturnaja: vektory tvorcheskogo preobrazhenija [Manor real – manor lite-

rary: vectors of creative transformation]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2021, 384 p. (In Russ.)

Shmelev I.S. *Na pen'kah (Rasskaz byvshego cheloveka)* [On the stumps (The story of a former man)]. *Shmel'ev I.S. Sobranie sochinenii: v 5 t. Vol. 2* [Collected works, in 5 volumes, vol. 2]. Moscow, Russkaja kniga Publ., 2001, pp. 217–256. (In Russ.)

Veselovskij A.N. *Istoricheskaja pojetika* [Historical poetics]. Moscow, Vysshaja shkola Publ., 1989, 405 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.07.2023; одобрена после рецензирования 30.08.2023; принята к публикации 04.09.2023.

The article was submitted 25.07.2023; approved after reviewing 30.08.2023; accepted for publication 04.09.2023.

ОБРАЗ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА В ПРОЗЕ К.Г. ПАУСТОВСКОГО

Борисова Дарья Максимовна, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия, borisovadarya2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию образа Пушкинского Заповедника в прозе К.Г. Паустовского. Писатель дважды – в 1937 и 1954 гг. – посетил музей-заповедник; в наследии автора можно выделить целый корпус текстов, в которых фигурируют пушкинские места. Нами были исследованы ключевые произведения К.Г. Паустовского о Пушкинском Заповеднике: «Михайловские рощи» (1938), «Дым Отечества» (1944) и «Ветер скорости» (1954). Данные произведения впервые рассматриваются в контексте «усадебного топоса», одной из модификаций которого является музей-усадебный дом. Образ Пушкинского Заповедника в прозе Паустовского не был статичным; он развивался на протяжении лет, вбирая в себя и изменения в жизни страны, и историю самого музея-заповедника, и, наконец, перемены в восприятии пушкинских мест писателем. Из места памяти о навсегда ушедшем прошлом («Михайловские рощи») Пушкинский Заповедник превратился в пространство, где вечно присутствует дух гения («Дым Отечества», «Ветер скорости»). Переломным моментом в этом превращении стала Великая Отечественная война, поставившая под угрозу национальную культуру и обострившая осознание ценности памятных мест.

Ключевые слова: Пушкинский Заповедник, Михайловское, К.Г. Паустовский, советская литература, усадебная культура, усадебный топос.

Благодарности. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН на средства гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00051 <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Для цитирования: Борисова Д.М. Образ Пушкинского Заповедника в прозе К.Г. Паустовского // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 91–100. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-91-100>

Research Article

THE IMAGE OF PUSHKIN RESERVE IN THE PROSE OF KONSTANTIN PAUSTOVSKY

Daria M. Borisova, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, borisovadarya2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

Abstract. This article is devoted to the study of the image of Pushkin Reserve in the prose of Konstantin Paustovsky. Writer twice – in 1937 and 1954 – visited Alexander Pushkin’s museum-reserve; in the author’s legacy, one can single out a whole corpus of texts in which Pushkin’s passages appear. We have studied the key works of Konstantin Paustovsky about Pushkin Reserve – “Michael’s Groves” (1938), “Smoke of the Fatherland” (1944) and “Wind of Speed” (1954). These works have for the first time been considered in the context of the “estate topos” one of the modifications of which, is the museum-estate. The image of Pushkin Reserve in Konstantin Paustovsky’s prose was not static; it had evolved over the years, absorbing changes in the life of the country, and the history of the museum-reserve itself, and, finally, changes in the writer’s perception of Pushkin’s places. From a place of memory of the past forever gone (“Michael’s Groves”), Pushkin Reserve turned into a place of eternal presence of the spirit of the genius (“Smoke of the Fatherland”, “Wind of Speed”). The turning point in this transformation was the Axis aggression against the USSR, which threatened the culture of the latter and sharpened awareness of the value of memorial sites.

Keywords: Alexander Pushkin Reserve, Michael’s estate of Pushkin, Konstantin Paustovsky, Soviet literature, estate culture, estate topos.

Acknowledgements. The research was carried out in World Literature Institute at the expense of a grant from the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

For citation: Borisova D.M. The image of Pushkin Reserve in the prose of Konstantin Paustovsky. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 3, pp. 91–100 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-91-100>

В настоящее время в поле научных интересов исследователей усадебной культуры все чаще оказываются музеи-усадьбы и их отражение в художественной и документальной прозе. Музей-усадьба рассматривается как модификация усадебного топоса, в чем-то противопоставленная «живой» усадьбе, в чем-то, напротив, сохраняющая некоторые ее функции (культурного центра, места отдыха на лоне природы, поиска вдохновения и т.д.). При этом образ музея-усадьбы в литературе существенно варьировался в зависимости от эпохи и мировоззрения автора. Превращенное в музей помещичье имение воспринималось писателями то как «часть преодоленного эксплуататорского <...> прошлого» [Богданова: 201], то как последний осколок навсегда ушедшей дореволюционной России, то как место, позволяющее сохранить «непреходящую ценность накопленных в лоне “усадебной культуры” сокровищ искусства и науки, моделей поведения, форм бытия и быта» [Богданова: 202], то, наконец, как пространство, где подлинная культура и история подменяются мифами о них [Акимова].

Одним из традиционных мест «паломничества» писателей советской эпохи был Пушкинский Заповедник (ныне музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское»). В разные годы его посещали Ю.Н. Тынянов, К.Г. Паустовский, И.Л. Андроников, П.Г. Антокольский, Ю.М. Нагибин, Я.В. Смеляков, Б.А. Ахмадулина и многие другие поэты и прозаики; два летних сезона (1976–1977) проработал экскурсоводом в Заповеднике С.Д. Довлатов. Вокруг пушкинских мест сложился целый корпус текстов, в которых Заповедник предстает в разных образах – от возвышенного, сакрального до сниженного, сатирически-пародийного («Заповедник» Довлатова).

Пушкинский Заповедник занимал особое место в жизни и творчестве К.Г. Паустовского, у которого «еще в юности началась страсть посещать места, связанные с жизнью любимых писателей и поэтов» [Паустовский 9: 392] (из письма Л.Н. Делекторской, 11 февраля 1961 г., Ялта)¹. Из переписки Паустовского с редактором «Детской литературы» Г.Л. Эйхлером известно, что еще в 1936 г. Паустовский задумал поехать в Михайловское и написать очерк. Эйхлер посоветовал не торопиться с поездкой в канун юбилея: «Стоит ли Вам писать в этот “компанийский” период любви к Пушкину? Может быть, лучше подождать, дать материалу “отлежаться”, чтобы потом написать... Я думаю, так будет лучше» (письмо от 26 октября 1936 года)². Паустовский согласился с этим советом и запланировал поездку на май, чтобы написать очерк летом (письмо от 24 января 1937 г.) [Паустовский 9: 136]. В итоге творческая командировка состоялась в июле 1937 г., о чем свидетельствуют письма Паустовского родным и друзьям (Р.И. Фра-

ерману [Паустовский 9: 139], С.М. Навашину [Паустовский 9: 140], В.К. Паустовскому [Паустовский 9: 141]), а также запись в Книге посетителей Михайловского. Вместе со своей второй женой, В.В. Валишевской-Навашиной, Паустовский побывал в Ленинграде, Новгороде, Старой Руссе и Пскове, некоторое время прожил на туристической базе в деревне Воронич и в селе Михайловском. Второй раз Паустовский посетил музей-заповедник в октябре 1954 г., во время автомобильной поездки по северо-западу страны. Писатель пробыл в пушкинских местах совсем недолго: поездка «прошла стремительно» и была «больше похожа на полет» [Паустовский 7: 148].

Об отношении Паустовского к пушкинским местам можно судить по дошедшей до нас переписке. «Здесь, в Михайловском, все полно громадного «неизъяснимого» очарования, и теперь понятно, почему Пушкин так любил эти места», – сообщает писатель Р.И. Фраерману (4 июля 1937 г., Пушкинские горы) [Паустовский 9: 139]. В письме к своему воспитаннику С.М. Навашину Паустовский рассказывает, что в заповеднике «все полно Пушкиным», «места... чудесные» [Паустовский 9: 140] (8 июля 1937 г., Пушкинский государственный заповедник, погост Воронич). Как правило, похвалы писателя обращены в адрес заповедной природы, мемориальных зданий и деревьев. Почти четверть века спустя Паустовский признается Лидии Делекторской, что считает «лучшим местом на земле... холм под стеной Святогорского монастыря в Псковской области, где похоронен Пушкин» (11 февраля 1961 г., Ялта) [Паустовский 9: 392]. Неизменное благоговение перед местами, связанными с жизнью и творчеством гения, писатель передал многим своим героям.

В наследии Паустовского можно выделить корпус текстов, связанных с Пушкинским Заповедником. Еще до поездки автора в Михайловское этот путь проделывает героиня повести «Черное море» (1936) – художница Сметанина. После первого посещения Паустовским музея-заповедника появился очерк «Михайловские рощи» (1938). В 1940-е гг. писатель изображает Пушкинский Заповедник предвоенных и военных лет в романе «Дым Отечества» (1944; опубликован в 1964); в пьесе «Наш современник (Пушкин)» (1949) часть действия разворачивается в Михайловском 1824–1825-х гг. В статье «Пушкин на театральных подмостках» (1949; опубликована в 1969) описана работа над пьесой, подчеркнута значение посещения автором музея-заповедника. В 1954 г. выходят посвященный Заповеднику рассказ «По ту сторону радуги» и очерк «Ветер скорости», появившийся после второго посещения Михайловского. В 1950–60-х гг. упоминание пушкинских мест встречается в статьях «Свидетель времени» (1957) и «Память о Чайковском» (Предисловие к альбому

фотографий «Чайковский в Клину», 1958). В окончательный вариант «Золотой розы», опубликованный в 1967 г. в восьмитомном собрании сочинений, вошла – с незначительными изменениями – фраза о «лучшем месте на земле» [Паустовский 3: 327] в Пушкинских Горах (глава «Иван Бунин»).

В данной статье мы рассмотрим ключевые, по нашему мнению, произведения К.Г. Паустовского о Пушкинском Заповеднике: «Михайловские рощи», «Дым Отечества» и «Ветер скорости».

Очерк «Михайловские рощи» («Красная новь», 1938, № 7) появился в печати в то время, когда «“компанейский” период любви к Пушкину» уже завершился, но празднование юбилея было еще свежо в памяти читателей. Хронологически произведение Паустовского примыкает к «юбилейным» произведениям, однако и по стилистике, и по идейному наполнению скорее противостоит им. Прежде всего стоит отметить, что в очерке нет ни слова о недавних всесоюзных торжествах. При этом упомянуты «народные» Пушкинские праздники: «Летний праздник бывает в Михайловском каждый год в день рождения Пушкина. Сотни колхозных телег, украшенных лентами и валдайскими бубенцами, съезжаются на луг за Соротью, против пушкинского парка. На лугах жгут костры, водят хороводы. Поют старые песни и новые частушки» [Паустовский 6: 163]. В «Михайловских рощах» нет и «юбилейной» идеологизации образа Пушкина, попытки представить его «поэтом-революционером», «нашим, советским»³ поэтом. Паустовский пишет только о том, что Пушкин стал «первым <...> народным поэтом» [Паустовский 6: 168], понимая эту «народность» отнюдь не в официальном социалистическом ключе: произведения классика близки и понятны и людям старой дворянской культуры, и советским колхозникам. На протяжении практически всего текста автор намеренно избегает выпренности, патетики, принятых в «юбилейных» произведениях общих мест («наше все», «величайший поэт»). Говоря о Пушкине, рассказчик трижды употребляет слово «простой»: «простые пушкинские строфы» [Паустовский 6: 161], «простые дороги», по которым «шагал пушкинский верховой конь и легко нес своего молчаливого всадника» [Паустовский 6: 165], «простая могила» [Паустовский 6: 168] в Святогорском монастыре. Позднее в статье «Пушкин на театральных подмостках»⁴ Паустовский так скажет о поэте: «Он был очень прост в разговорах, как был прост в своей поэзии и прозе. Но это была простота, к которой идут годами взыскательной работы. Что может быть проще слов: “Сребрит мороз увянувшее поле”, но в этой простоте заключены золотые россыпи поэзии и вся певучая прелесть русского языка. <...> Малейший оттенок пафоса, приподнято-сти мог убить образ Пушкина на сцене [Паустовский

8: 356]». Только в конце очерка, у могилы поэта, где пафос становится уместным, появляются «высокий слог» и патетика. Однако и здесь возвышенные слова «уравновешены» изображением лирического пейзажа: «Здесь конец блистательной, взволнованной и гениальной жизни. Здесь могила, известная всему человечеству, здесь тот «милый предел», о котором Пушкин говорил еще при жизни. Пахнет бурьяном, корой, устоявшимся летом. И здесь, на этой простой могиле, куда долетают хриплые крики петухов, становится особенно ясно, что Пушкин был первым у нас народным поэтом. Он похоронен в грубой песчаной земле, где растут лен и крапива, в глухой народной стороне» [Паустовский 6: 168].

В «Михайловских рощах» создается не «коллективный», а «личный» образ пушкинских мест, основанный не на «каноническом» представлении о музее-заповеднике «народного поэта», а на личных впечатлениях и переживаниях. Не случайно рассказчик исследует Пушкинский Заповедник самостоятельно, не обращаясь к услугам гидов-экскурсоводов, не пользуясь какой-либо справочной литературой⁵.

В начале очерка рассказчик, подъезжая к Михайловскому, замечает у дороги табличку с цитатой из стихотворения «...Вновь я посетил...»: «В разны годы под вашу сень, Михайловские рощи, являлся я» [Паустовский 6: 161]. Путешествуя по Пушкинскому Заповеднику, рассказчик повсюду замечает «знаки» [Паустовский 6: 161] со строками из произведений и писем поэта. Пушкинский текст будет сопровождать читателя на протяжении всего очерка: учитель географии, также одиноко бродящий по лесам и паркам заповедника, в разговоре с путешественником цитирует «Погасло дневное светило...» («Я вижу берег отдаленный, земли полуденной волшебные края» [Паустовский 6: 167]), а сам рассказчик, стоя у могилы поэта, вспоминает строки из «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» («Здесь тот “милый предел”, о котором Пушкин говорил еще при жизни) [Паустовский 6: 168]. Сквозь призму текстов Пушкина рассказчик и рассматривает музей-заповедник. В Михайловском, Тригорском и Петровском путешественник ищет не только конкретный усадебный топос, но и художественный образ этих мест, созданный поэтом. Церковь в Вороничах и Святогорский Свято-Успенский монастырь привлекают путешественника не архитектурой или своей древностью, а тем, что в небольшой деревянной церкви Пушкин заказал панихиду по Байрону, а в монастыре искал материал для «Бориса Годунова» и был впоследствии похоронен.

К моменту приезда Паустовского в Пушкинском Заповеднике почти не сохранилось зданий, помнящих поэта. Первый этап музеефикации, начавшийся на рубеже XIX–XX вв.⁶, был насильственно пре-

рван историческими катаклизмами. Господские дома, в том числе реконструированный дом поэта, и хозяйственные постройки в Михайловском, Тригорском и Петровском были сожжены и разграблены местными крестьянами в 1918 г. Позднее местные власти взяли пушкинские места под охрану, однако реставрационные работы по понятным причинам были начаты не сразу. В 1920 г. был отреставрирован «Домик няни» в Михайловском; в 1922 г. сёла Михайловское, Тригорское и могила А.С. Пушкина в Святогорском монастыре объявлены заповедными, однако до 1933 г. в бывшем имении поэта находились и хозяйственные учреждения. При всей сложности судьбы заповедника стоит отметить, что картина, открывшаяся Паустовскому, была для 1930-х гг. едва ли не парадной. В канун торжеств 1937 г. была расширена заповедная территория (1936), открыт дом-музей (1937), подновлен «Домик няни», созданы экскурсионно-туристические базы, частично восстановлена садово-парковая планировка, расчищены парки и пруды. К Пушкинским торжествам установили те самые таблички со стихами, которые замечает рассказчик в начале очерка.

Писатель знал об уроне, нанесенном пушкинским местам Гражданской войной, и сообщал об этом в письме сыну Вадиму: «Очень славный домик няни, единственная постройка, уцелевшая от пушкинской усадьбы, – все остальные сгорели в 1918 году» (8 июля 1937 г., с. Михайловское) [Паустовский 9: 141]. В очерке о разрушениях 1918 г. впрямую не говорится, однако рассказчик как бы мимоходом упоминает, что от дома Осиповых-Вульф в Тригорском остались «развалины» [Паустовский 1981–1986, 6: 166], а в Петровском, где некогда «был дом пушкинского деда – строптивного и мрачного Ганнибала», теперь остался только парк, где «в лопухах пасутся стреноженные лошади» [Паустовский 6: 165]. О недавно открытом доме-музее в Михайловском рассказчиком не сказано ничего, и здесь, вероятно, имеет место фигура умолчания. В 1930-х гг. реконструкция дома поэта была выполнена без ответственности здания историческому облику. Причина – вмешательство некомпетентного руководства из Всесоюзного юбилейного комитета. И.Т. Будылин писал, что дом-музей А.С. Пушкина «воссоздавался прежде всего как идеологическое учреждение <...>. К дому-музею вела старинная ганнибаловская аллея, в те годы украшенная портретами стахановцев. Экспозицию открывали бюсты Сталина, Горького – основателя метода соцреализма. И только последующая экспозиция рассказывала о биографии и творчестве поэта»⁷. Безусловно, такая музеефикация не могла передать не только внешний вид «опального домика», но и подлинный дух «золотого века». Для рассказчика «Михайловских роц» важна подлинность,

поэтому он обходит молчанием новодельный, идеологизированный дом-музей. Внимание путешественника направлено на мемориальные объекты: «Домик няни» в усадьбе Михайловское, церковь в Вороничах, Святогорский монастырь, где находится могила поэта. Все памятники носят следы разрушительного воздействия времени: на «ветхое крыльцо» домика няни «страшно подняться» [Паустовский 6: 164]; деревянная «церквушка» в Вороничах, «ветхая», «нахохленная, заросшая по крышу желтыми лишаями», оказывается «едва заметной сквозь гущу бузины» [Паустовский 6: 165]; могила поэта находится у «обветшалых стен собора» [Паустовский 6: 168]. Однако, несмотря на свой ветхий вид, это подлинные места, освященные памятью Пушкина; именно поэтому «Домик няни» описывается рассказчиком с особой теплотой: «Главная прелесть Михайловского парка – в обрыве над Соротью и в домике няни Арины Родионовны, единственном домике, оставшемся от времен Пушкина. Домик <...> мал и трогателен» [Паустовский 6: 164].

Исследуя Пушкинский Заповедник, рассказчик убеждается, что «почти единственное, что уцелело здесь от пушкинских времен» – «леса, озера, парки и небо» [Паустовский 6: 165]. Дошедшие до 1930-х гг. советской эпохи элементы усадебного ландшафта (парки, аллеи) и нетронутая заповедная природа больше сохраняют дух пушкинских мест, чем музеефицированные здания, из которых ушла прежняя жизнь. Такие мысли возникли у писателя еще во время жизни в заповеднике, о чем свидетельствует запись в Книге посетителей Михайловского от 11 июля 1937 года: «Сейчас от Пушкина здесь осталось самое дорогое – не дома и ограды, мосты и беседки – а природа, только природа, и величайшая заслуга работников заповедника заключается в том, что они поняли это и прежде всего охраняют и воссоздают природу, любимую Пушкиным...» [Будылин: 26]. Схожие мысли возникли в 1960-х гг. у Юрия Нагибина, чье отношение к послевоенному заповеднику было сложным и весьма критическим: «...лучшая память Пушкину – сохранившийся неизменным пейзаж вокруг Михайловского: речка Сороть, озеро Маленец, курган Воронич, пойменные луга, лес, заветная сосна на бугре» [Нагибин: 372–373]. Из всей большой работы, проделанной в заповеднике к юбилею, в очерке Паустовского упомянуты только усилия по охране и восстановлению памятного Пушкину ландшафта. Рассказчику отраднее видеть, что окрестные колхозники «гордятся земляком Пушкиным и берегут заповедник не хуже, чем свои огороды и поля» [Паустовский 6: 163], что работники заповедника высадили на месте некогда погибших трех памятных сосен молодые деревья, предварительно выяснив точное место. Особо отмечено путешественником решение сотрудников

провести электричество под землей, чтобы не ставить в заповедных местах столбы. Линия электропередачи – символ новой, советской эпохи – не соответствовала бы духу первой трети XIX столетия, могла бы разрушить «пушкинское очарование этих пустынных мест» [Паустовский 6: 165]. Даже анекдотическая сценка в доме сторожа – хозяйка за глаза ругала мужа за «чрезмерную» заботу о парке, но сама послала сторожа выгонять «шпаненка» [Паустовский 6: 164], оказавшегося живописцем Натаном Альтманом – проникнута только мягким, сочувственным юмором. Комична сама ситуация, но искренность «неумеренной» привязанности обоих супругов к парку Тригорского рассказчику очевидна.

В природе Заповедника рассказчик видит и причину особой любви поэта к этим местам, и секрет особенной творческой активности Пушкина во время пребывания в Михайловском. В Книге посетителей Михайловского Паустовский выскажет это прямо: «Михайловские рощи, холмы и парки, весь комплекс здешней мягкой и по-северному немного печальной природы – полны громадной лирической силы и в этом, в значительной мере, лежит разгадка прелести пушкинских стихов, написанных здесь» [Будылин 2006: 26]. Сохраняя «пушкинский» ландшафт, потомки сохраняют и место, где новые поколения писателей могут обрести вдохновение.

Природные образы пронизывают весь очерк. В начале произведения путешественник находит таблички с цитатами «в траве, на обочине дороги»; исследуя заповедник, бывает «в некошенных лугах над Соротью, на песчаных косогорах по дороге из Михайловского в Тригорское, на берегах озер Маленца и Петровского» [Паустовский 6: 161], в усадебных парках бывших имений; в финале, поднимаясь на Пушкинские Горы, осматривает с самой высокой точки панораму заповедника. Особой семантикой наделены образы леса, парка и аллеи. «Вековой сосновый лес» [Паустовский 6: 161] – первое, что видит рассказчик, подъезжая к Михайловскому; именно там путешественник обнаруживает первую табличку с цитатой из стихотворения «...Вновь я посетил...». И пушкинские строки, и сам древний бор обозначают границу, где начинается пространство памяти. Лес – место верховых прогулок Пушкина, место уединенных размышлений и любования красотой природы. С лесной поляны рассказчик наблюдает живописную грозу над Михайловским, на лесистом холме разговаривает с учителем географии, с детства любящим Пушкина. Однако усадебные леса как наименее затронутая человеком часть ландшафта не носят «отпечатка» конкретной исторической эпохи, и рассказчику все же «трудно было представить себе, что по этим простым дорогам со следами лаптей, по муравейникам и узловатым корням шагал пушкинский верховой конь

и легко нес своего молчаливого всадника» [Паустовский 6: 165]. В усадебных парках, каждый из которых обладает собственным «лицом», путешественник находит и дух прошлого и отражение судьбы и личности их владельцев. В бывшей усадьбе Осиповых-Вульф Тригорском, где гостил у друзей Пушкин, парк даже в пасмурные дни «пропитан солнцем» [Паустовский 6: 164]; в нем как бы навсегда сохранилась атмосфера праздника. Там рассказчик обнаруживает табличку с цитатой из стихотворения «Простите, верные дубравы!»: «Прости, Тригорское, где радость / Меня встречала столько раз!» [Паустовский 6: 161] Михайловское – место ссылки поэта – располагает не к веселью, а к одиночеству и размышлениям; там «пустынно и тихо» [Паустовский 6: 164], а старый парк переходит в вековые леса. Однако именно это имение, а не «солнечное» Тригорское больше всего трогает путешественника: «Я изъездил почти всю страну, видел много мест, удивительных и сжигающих сердце, но ни одно из них не обладало такой внезапной лирической силой, как Михайловское» [Паустовский 6: 161–162]. Парк Петровского соответствует и облику, и характеру хозяина, «строптивого и мрачного Ганнибала» [Паустовский 6: 164]; этот парк «черен, сыр, зарос лопухами, в него входишь, как в погреб», там «на вершинах темных деревьев гнездятся хриплые галки» [Паустовский 6: 165]. В аллее, названной в честь Анны Керн, рассказчик как бы случайно встречает ее внучку Аглаю Пыжевскую⁸, заставшую свою знаменитую бабуку. Аллея, таким образом, становится местом «немузейной», живой памяти, весьма отличающейся от сложившихся канонов: Анна Керн запомнилась ее родственнице не красивой женщиной, которой был когда-то увлечен поэт, а глубокой старухой.

В очерке мало написано об усадебном укладе жизни, об ушедшем в прошлое дворянском быте; особенно заметно это при сравнении с «усадебными» произведениями И.А. Бунина и А.Н. Толстого, густо насыщенными повседневными бытовыми подробностями. Однако и по этим кратким упоминаниям можно судить об отношении рассказчика к усадебной культуре. В «Михайловских рощах» упомянуты верховые прогулки Пушкина, «семейные праздники» в Тригорском, «дружеские беседы... танцы при свечах под черными шатрами листьев, девичий смех и шуточные признания» [Паустовский 6: 164] – наиболее «литературная» часть жизни русской усадьбы. Рассказчика не интересуют социальные и экономические аспекты: усадьба для него – место отдохновения, философских размышлений, творчества, праздников, дружеских встреч, легких ухаживаний, наконец, соприкосновения с природой. Жизнь в имении воспринимается им сквозь призму литературы и искусства. Путешественник видит в усадьбах не сколько «поте-

рянный рай» и «родовое гнездо», сколько высочайшую культурную и эстетическую ценность.

Во время путешествия по заповеднику рассказчик встречается с людьми, чьи судьбы тесно связаны с ним. Путешественник отмечает, сколь разным оказывается образ Пушкина у представителей разных социальных слоев и поколений. Так, учитель географии видит в Пушкине любимого поэта, чьи стихи скрашивали тяжелое детство героя, колхозники – известного земляка, прославившего Псковщину, «хозяина» этих мест, чуть ли не «своего барина». Внучке Анны Керн, собирающей воспоминания стариков о Пушкине, не всегда понятны «путаные» рассказы, в которых образ поэта обрастает легендами. Для героини и ее бабушка, и сам поэт – реальные исторические личности, к образу которых не должен примешиваться какой-либо фольклорный элемент. Для рассказчика, человека, несомненно, высокой культуры, дороги и глубокое понимание творчества поэта образованными людьми, и простодушная, но искренняя привязанность народа к Пушкину. Единого, «канонического», «всесоюзного» Пушкина на самом деле не существует, у каждого человека – свой образ поэта, свое отношение к нему.

Через весь очерк проходит не только сознание сакральности заповедных мест, но и ощущение невозвратимости прошлого, сохранившегося в заповеднике в виде «осколков» и «теней». Ветшают последние здания, помнящие поэта, от многих других сохранились в лучшем случае развалины; усадебные парки берегаются, но прежняя жизнь из них давно ушла. Уходят в прошлое и люди, помнящие современников Пушкина, исчезают человеческие типы и отношения между людьми, еще на рубеже веков сохранявшие «пушкинские» черты. В «Аллее Керн» встречаются уже поклонник творчества поэта и внучка Анны Керн, помнящая отнюдь не поэтические подробности из жизни бабушки, «выжившей из ума» [Паустовский 6: 162] от старости. Сама Аглая Пыжевская – еще бодрая, но пожилая и одинокая женщина, живущая воспоминаниями и мечтающая умереть на пушкинской земле. «Золотой век» дорог героине как образ прекрасного, идеализированного прошлого, которое ближе ей, чем советская действительность. В старой церкви, где Пушкин заказывал панихиду по Байрону, служит только нищий старик-священник, не вызывающий никакого почтения у «народа» – плотников, строящих рядом с памятным местом школу. Учитель географии, рассказывая о своем отце, рисует образ типичного представителя «вырождающегося дворянства»: озлобленного нуждой человека, старающегося сохранить последние остатки дворянской гордости («Мой отец служил бухгалтером в больнице в Вологде <...>. В общем, был жалкий старик – пьяница и хвостун. Даже во время самой отчаянной нужды он носил застиранную крахмальную маниш-

ку, гордился своим происхождением. Он был обрусевший литвин из рода каких-то Ягеллонов. Под пьяную руку он порол меня беспощадно. <...> Когда отец напивался, он начинал читать стихи Пушкина и рыдать» [Паустовский 6: 166–167]). Самому географу его предки, князья и короли, правящие в Польше, Литве, Чехии и Венгрии, совершенно неинтересны; это «новый человек», отрекшийся от своего рода. В Пушкинских Горах сохраняются черты забытой старины, но они скорее отталкивают или пугают: «от лабазов и лавок несет рогожами, копченой рыбой и дешевым ситцем», который «пахнет, как столярный клей», в трактире встречаются зловещие «черные старики времен Ивана Грозного», «пергаментные, с пронзительными глазами, с глухим, каркающим голосом, похожие на юродивых» [Паустовский 6: 168]. В конце очерка, исследовав изменившиеся пушкинские места, рассказчик приходит к могиле поэта: «Здесь конец блистательной, взволнованной и гениальной жизни» [Паустовский 6: 168]. Рассказчик констатирует: культура «золотого века», во многом созданная образованным русским дворянством, не сохранилась неприкосновенной даже в памятных местах и вытесняется новой советской – «народной», «рабоче-крестьянской». Однако определить отношение путешественника к переменам и в пушкинских местах, и во всей стране не так просто: во-первых, в 1930-е гг. многое можно было говорить только намеками, во-вторых, рассказчик занимает позицию не судьи, а наблюдателя, избегающего прямых оценок.

Современному исследователю легко прочесть в очерке скрытую полемику с новой культурой и даже сатиру на Заповедник, как это сделал Д.В. Мызников: «Жизнь здесь, усадебная табличками и бездарными на фоне пушкинских стихов и его отношения к народному слову частушками, превращена даже не в музей, а в некое место, где подлинной жизни нет, а всё подчинено куцей идеологии, которой не служит только природа, да те, кто жил здесь до всех перипетий последних лет» [Мызников: 44]. Мы все же придерживаемся иного мнения и считаем образ Пушкинского Заповедника сложным, амбивалентным. То, что прежних пушкинских мест в их «настоящем» виде уже не существует, воспринимается рассказчиком как безусловная утрата. Музей-заповедник воспринимается как «тьма» «золотого века» русской культуры, безусловно, близкого рассказчику⁹. При этом путешественник с радостью отмечает, что любовь к Пушкину и забота о природе могут объединить «старых» и «новых» людей, что не все наследие классической культуры отринуту новым временем. В посадке трех сосен на месте погибших памятных участвовали и работники заповедника, и старые крестьяне, а на Пушкинском празднике будут присутствовать и Аглая Пыжевская,

и колхозники, распеваящие незатейливые частушки о Михайловских рощах.

Музеефикация не может сохранить усадьбы и другие памятные места такими, какими их запечатлели в своих произведениях русские классики. Причина этого – не только в послереволюционных разрушениях, но и в течении «реки времен», в неотвратимой смене эпох и культур (хотя и принявшей в XX столетии характер взрыва). Однако превращенные в литературный заповедник имения остаются пространством памяти, местом, где человек может сосуществовать в гармонии с природой. И этим Пушкинский Заповедник дорог путешественнику.

Роман «Дым отечества» был написан К.Г. Паустовским за год до окончания Великой Отечественной войны¹⁰ и во многом порожден тревогами и надеждами военных лет. И переживания за судьбу Пушкинского Заповедника, в 1941–1944 гг. оказавшегося в оккупации, и время, прошедшее с первого посещения «Михайловских рощ», не могли не повлиять на образ заповедных мест.

В начале романа главные герои – известный пушкинист Семен Львович Швейцер, ленинградский художник-реставратор Николай Генрихович Вермель, ученик Вермеля Пахомов и дочь квартирной хозяйки, артистка одесского театра Татьяна Андреевна Боброва – приезжают в Михайловское. Там же оказываются подруги-студентки Нина и Варя, решившие провести на Псковщине зимние каникулы.

В «Дыме отечества», как и в «Михайловских рощах», природа сохраняет атмосферу пушкинской эпохи. Глядя на «величественные леса, где меж сосен лежал свет холодного солнца», Швейцер радуется, что «все это видел Пушкин, – видел вот таким же, каким видит сейчас и он, Швейцер» [Паустовский 2: 296]. Метель напоминает и о повести Пушкина, и о строчках из стихотворения «Зимнее утро»: «Изредка в небе светилось голубоватое пятно – за тучами пробивалась луна, но тотчас гасла – с заунывным свистом на нее неслась темнота» [Паустовский 2: 294]. Непогода, отрезавшая героя от мира, поражает непривычного к суровому северному климату горожанина, но вместе с тем благоприятствует работе над книгой о Пушкине.

Герои романа с особым трепетом и благоговением относятся к «Дому няни» и могиле Пушкина в Святогорском монастыре, однако в романе появляется и дом-музей в Михайловском. Теперь в «новодельном» доме поэта можно окунуться в атмосферу прошлого и даже сделать открытие: Татьяна Андреевна оказывается потомком Каролины Сабанской и помогает найти портрет Пушкина, когда-то подаренный роковой красавице поэтом.

Из места, где сохранились последние осколки пушкинской эпохи и память о ней, Пушкинский

Заповедник становится пространством, где можно окунуться в «золотой век», ощутить живое присутствие поэта. Музеефицированный усадебный топос, как и «живая» русская усадьба, обладает в романе жизнестроительным потенциалом. Заповедные места становятся для героев местом не только отдыха, но и напряженной внутренней работы, духовного преобразования.

До приезда в Михайловское Швейцер был типичным кабинетным ученым, познававшим жизнь и творчество поэта по книгам; все труды литературоведа были, как потом понимает герой, «бесконечным повторением своими словами пушкинских мыслей». Посетить места, где Пушкин жил и творил, Швейцеру не давали то напряженная научная работа, то строящая супруга, беспокоящаяся о слабом здоровье мужа. Однако Вермель, старый школьный товарищ Семена Львовича, настоял на поездке: «Как можно писать о Пушкине – и не увидеть тех мест, которые поэт любил с таким напряжением!» [Паустовский 2: 296]. Условия жизни в Михайловском оказываются действительно суровыми для городского человека. Ученому отводят комнату в пустом флигеле, где живет только прислуживающая Швейцеру женщина; во время сильной метели не привозят ни газет, ни воды, и герой чувствует себя «не то на зимовке, не то в осаде» [Паустовский 2: 297]. Однако «Швейцеру нравилось в Михайловском все», даже «собственное одиночество» [Паустовский 2: 296]. Пребывание в бывшем имении поэта внезапно открывает возможность для жизнестроительства, в данном случае – сознательного выстраивания своей судьбы по литературной модели. Эта идея приходит к герою внезапно, как озарение свыше: «Однажды ночью Швейцер проснулся, и ему пришла в голову мысль, что лучше всего можно написать о поэте или писателе, если пережить самому все, что испытывал он, увидеть все, что он видел, перестрадать всем, чем он страдал. Это была еретическая для ученого мысль, но Швейцер обрадовался ей» [Паустовский 2: 296]. Вынужденная оторванность от друзей и привычного быта, одиночество, деревенская жизнь, во многом не изменившаяся со времен Пушкина, приближают пребывание в Михайловском к условиям ссылки поэта. Усадьба, превращенная в музей, вновь становится местом творческого труда, работы духа. Живя в Михайловском, Швейцер обретает вдохновение для новой книги о Пушкине – не сухого литературоведческого труда, а «книги о живом, обаятельном человеке» [Паустовский 2: 296]. Герой не только перестает быть «кабинетным ученым», но и пересматривает свою жизнь, обретает решимость и самостоятельность.

По литературной модели выстраивается и история Татьяны Андреевны Бобровой. Еще в Одессе в артистку влюбился испанец Рамон Перейро. Та-

тьяна Андреевна не сразу разгадала глубину чувства молодого человека испытывала к нему скорее симпатию и жалость (в дороге Рамон тяжело заболел). Страстное признание влюбленного юноши показало героине напыщенно-театральным и рассмешило ее; оскорбленный, испанец разорвал всякое общение с Татьяной Андреевной, оставив ее в совершенном смятении. Подобно героям и героиням классической литературы, уезжающим в усадьбу для разрешения духовного кризиса, Татьяна Андреевна обретает в Михайловском временное успокоение. В пушкинских местах Татьяне Андреевне наконец удается осмыслить свои чувства к Рамону, понять, что она не влюблена, но обязана загладить свою вину перед обиженным ею человеком. Впоследствии героиня разыскивает уже умирающего юношу и говорит, что любила его, чтобы скрасить последние часы Рамона.

Судьбы героев, оказавшихся вместе в Михайловском, навсегда переплетаются; в пушкинских местах завязывается одна из сюжетных линий, связанная с поисками Швейцером портрета Пушкина.

Во второй, «военной» части романа, герои оказываются в разных местах фронта и тыла. Швейцер остается в Пушкинском Заповеднике, чтобы сделать все возможное для спасения музейной коллекции и могилы поэта. Испытание оказывается почти непосильным для самоотверженного, но немолодого, слабого здоровьем ученого; больного, надломленного пережитыми в оккупации испытаниями, его находят партизаны. Спасение приходит как награда за подвиг, взятый на себя во имя спасения культуры.

Главы, посвященные жизни Пушкинского Заповедника в оккупации, нельзя назвать документально точными, так как Паустовский не присутствовал при этих событиях. О некоторых подробностях, например о попытке захватчиков использовать музей в своих пропагандистских целях, стало возможным открыто говорить только десятки лет спустя. При этом именно в «военных» главах романа сакрализация Пушкинского Заповедника достигает пика; места, где пережил опалу, творил и был похоронен поэт, – высочайшая ценность, которую необходимо сберечь в любых испытаниях.

В «Дыме отечества» все противоречия между старой и новой культурными эпохами снимаются. Советская культура – наследница классической, ее естественное продолжение, что неоднократно подчеркивает автор (артистка с пушкинским именем Татьяна похожа на свою прабабку Каролину Сабанскую, во время войны пушкинские строки помогают героям сражаться и т. д.). И «старомодный» художник Вермель, и советские студентки Нина и Вера – «потомки Пушкина»; разрушение заповеднику и всему наследию классической русской культуры несет

не новая культура, а новое варварство, принесенное фашистами.

В очерке «Ветер скорости» (1954) Михайловское показано глазами рассказчика, приехавшего в пушкинские места не в первый раз. На это указывают и слова о том, что «Домик няни» «так же трогателен, как всегда» из стихотворения Пушкина «...Вновь я посетил...» [Паустовский 7: 129]. Паустовский, несомненно, осознавал тесную связь между «Михайловскими рощами» и «Ветром скорости»; при подготовке собрания сочинений в шести томах автор включил оба очерка в цикл «Странствия», объединивший произведения 1924–1957 гг.

Снова посещая музей-заповедник, рассказчик начинает думать о Пушкине задолго до въезда в Михайловское, с прежним волнением переживает встречу с памятными местами: «Чем ближе мы подъезжали к Пушкинским Горам, тем больше волновались, будто нам предстояло встретиться с живым поэтом» [Паустовский 7: 128].

Повторное посещение того или иного места подразумевает невольное сравнение увиденного с его образом, оставшимся в памяти. Поэтому возвращение в знакомые края связано с опасением увидеть их изменившимися и потерявшими часть своего обаяния или не суметь «войти в диалог» с любимым местом. Эта мысль высказана рассказчиком в другой части очерка, посвященной Петербургу: «Сколько раз ни приезжаешь в Ленинград, всегда волнуешься, как перед свиданием с любимым человеком, которого не видел много лет. Узнает ли он тебя? <...> Примет ли он тебя с прежней простотой? Или будет молчать, сдерживая зевоту, как всегда бывает, когда умирают старые связи?» [Паустовский 7: 130]. За прошедшие годы в Пушкинском Заповеднике действительно изменилось многое. Во время войны практически все здания были разрушены или в ходе боев, или немцами при отступлении. Погибли не только дом-музей в Михайловском, но и «Домик няни» и церковь в Вороничах; серьезно пострадал Святогорский монастырь; могила поэта была заминирована фашистами и спасена ценой жизни нескольких саперов. Пострадали от порубок усадебные парки. В 1947–1949 гг. «Михайловское» и Свято-Успенский Святогорский монастырь были восстановлены. Заново отстроен «Домик няни», реконструирован – на этот раз грамотно, с соответствием историческому облику – дом поэта. Стараясь максимально восстановить «изначальный» вид пушкинских мест, работники заповедника, конечно, не могли вернуть прежних мемориальных зданий.

Посещая памятные места, рассказчик отмечает ущерб, нанесенный музею-заповеднику войной: большую часть старых елей главного въезда «срубали немцы» [Паустовский 7: 128], «Домик няни» уже не «единственный сохранившийся», а «восста-

новленный нашими войсками после изгнания из Михайловского фашистов» [Паустовский 7: 128]. Неприятно поражает рассказчика и открывшаяся ему оборотная сторона музеефикации. Путешественникам хотелось по традиции поклониться могиле Пушкина, однако «сонная служащая в гостинице Пушкинского заповедника сказала... что “могила закрыта на ремонт”». Вторжение в поэтические, священные места канцелярита, равнодушного отношения к памяти поэта так возмутило рассказчика и его спутников, что им захотелось «наговорить сонной девице много горьких слов», но герои «поняли, что это бесполезно» [Паустовский 7: 128]. Мертвящему, казенному подходу к памятным местам рассказчик противопоставляет лирическую природу Михайловского парка и пляску цыганок перед домиком няни, воспринятую рассказчиком как своеобразную дань памяти Пушкину.

За прошедшие годы изменился и сам рассказчик. Умудренный годами, переживший тяжелейшую войну человек, он примиряется со скоротечностью времени и невозможностью сохранить памятные места неизменными. Поэтому мотив невозвратимости прошлого во втором очерке о Пушкинском Заповеднике звучит приглушенно, уходя на второй план и как бы смягчаясь: «На колоннах были укреплены деревянные лиры. Отсюда <...> начинался Пушкинский заповедник. Давно уже отзвенели лиры, их нет даже в музеях, но они милы нам потому, что о них упоминал Пушкин. “Душа в заветной лире мой прах переживет и тленья убежит”» [Паустовский 7: 128]. Рассказчику вспоминаются строки из «Памятника», где слава поэта основана на «памятнике нерукотворном» – непреходящей ценности его творчества. Путешественник радуется тому, что удалось сберечь, сохранить, восстановить после военных лет. Неслучайно, смотря на восстановленный заново «Домик няни», рассказчик убеждается, что «его низенькие потолки и деревянные колонки на крыльце» [Паустовский 7: 128] все так же трогают сердце. Пушкинский Заповедник уже воспринимается как пространство вечного присутствия поэта вне зависимости от того, насколько «подлинно историческими» являются здания и сколько елей сохранилось в парке.

Конфликта культур, спора двух столетий в «Ветре скорости» больше не возникает, хотя место мемориальных зданий заняли реконструкции, а канцелярский стиль нового века диссонирует с языком пушкинской эпохи. Великая Отечественная становится переломным моментом, который примирил культуру «золотого века» и культуру советскую: «Солдаты, погибшие за эти поля и леса, за бревенчатые деревни и говорливые реки, лежат здесь, в зернистом песке, рядом с Пушкиным – нашей гордостью, нашим счастьем и любовью [Паустовский 7: 125]».

Подведем итоги. Образ Пушкинского Заповедника в творчестве К.Г. Паустовского не был статичным, хотя в изображении писателем пушкинских мест можно выделить определенные константы (например, мало менялись восприятие и отражение в произведениях «Домика няни», места упокоения поэта, природы заповедных мест, в том числе усадебных парков). В очерке «Михайловские рощи» музей-заповедник – место, где сохранились только последние «осколки» и «тени» прошлого, воспетая Пушкиным прекрасная природа и память о поэте, объединяющая представителей «старой и новой» культур. В произведениях, написанных во время войны и в послевоенные годы, образ Заповедника переосмысливается автором. Из пространства памяти о невозвратимом прошлом Пушкинский Музей стал местом вечного присутствия духа поэта и памяти о нем.

Примечания

¹ Позднее эти слова в несколько измененном виде войдут в последнее прижизненное издание «Золотой розы» (глава «Иван Бунин»).

² Фонды ГБУК г. Москвы «Музей К.Г. Паустовского». Письмо: Эйхлер Г. – Паустовскому К.Г. 24 октября 1936 г. (МЛМЦ КГП – 3187/86).

³ Слава русского народа // Правда. 1937. 10 февр. № 40. С. 1.

⁴ Статья впервые напечатана в журнале «Вопросы литературы» (1969, № 5).

⁵ Во время работы над статьей нами был сделан запрос директору музея К.Г. Паустовского А.И. Дормидонтовой о наличии каких-либо книг о музее-заповеднике в библиотеке Паустовского. Единственным печатным изданием был альбом с видами Михайловского, подаренный ленинградским кинооператором Ф.И. Овсянниковым.

⁶ В юбилейном 1899 г. Михайловское было в выкуплено государственную собственность на народные пожертвования, в 1911 г. открылся дом-музей. Первоначальное название музея-заповедника – «Пушкинский уголок».

⁷ Будылин И.Т. Особо ценный объект // Литературная газета. № 10 (6361). 2012. 14 марта.

⁸ Фамилия реальной внучки А.П. Керн – Кулжинская. Драматический псевдоним – Дарган.

⁹ Сам Паустовский в статье «Чувство истории» признавался, что XIX век ближе ему, чем любая историческая эпоха.

¹⁰ По другим сведениям, роман был написан в 1951 г. См. комментарии: [Паустовский 2: 608].

Библиографический список

Акимова М.С. Усадебный мир и музейный миф в повести С.Д. Довлатова «Заповедник» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, № 6. С. 22–29.

Богданова О.А. Образ усадьбы-музея в русской литературе 1920-х гг. // *Studia Litterarum*. 2019. Т. 4, № 2. С. 190–205.

Будылин И.Т. Деревенский Пушкин. Пушкинские места Псковского края. Москва: Профиздат, 2006. 464 с.

Будылин И.Т. Писатели России в пушкинском заповеднике (музей у старой дороги) // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2010. № 33. С. 184–190.

Гордин А.М. Пушкин в Михайловском. Ленинград: Лениздат, 1989. 445 с.

Мызников Д.В. Повесть «Кара-Бугаз» как лаборатория художественного метода К. Паустовского периода 1930-х годов: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2010. 175 с.

Нагибин Ю.М. Дневник. Москва: Книжный сад, 1996. 704 с.

Паустовский К.Г. Собрание сочинений: в 9 т. Москва: Худож. лит., 1981–1986.

References

Akimova M.S. *Usad'by-muzei v russkoi literature 1920-kh gg.* [The image of the estate-museum in Russian literature of the 1920s]. *Studia Litterarum* [Studio Litterarum], 2019, vol. 4, No. 2, pp. 190-205. (In Russ.)

Bogdanova O.A. *Obraz usad'by-muzeia v russkoi literature 1920-kh gg.* [The image of the estate-museum in Russian literature of the 1920s]. *Studia Litterarum* [Studio Litterarum], 2019, vol. 4, No. 2, pp. 190-205. (In Russ.)

Budylin I.T. *Derevenskii Pushkin. Pushkinskie mesta Pskovskogo kraia* [Village Pushkin. Pushkin places of the Pskov region]. Moscow, Profizdat Publ., 2006, 464 p. (In Russ.)

Budylin I.T. *Pisateli Rossii v pushkinskom zapovednike (muzei u staroi dorogi)* [Writers of Russia in the Pushkin Reserve (museum near the old road)]. *Pskov: nauch.-prakt., istoriko-kraevedcheskii zhurnal* [Pskov: scientific and practical, historical and local history journal], 2010, No. 33, pp. 184-190. (In Russ.)

Gordin A.M. *Pushkin v Mikhailovskom* [Pushkin in Mikhailovsky]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1989, 445 p. (In Russ.)

Myznikov D.V. *Povest' "Kara-Bugaz" kak laboratoriiia khudozhestvennogo metoda K. Paustovskogo perioda 1930-kh godov: dis. ... kand. filol. nauk* [The story "Kara-Bugaz" as a laboratory of the artistic method of K. Paustovsky period of the 1930s: PhD diss]. Barnaul, 2010, 175 p. (In Russ.)

Nagibin Iu.M. *Dnevnik* [Diary]. Moscow, Knizhnyi sad Publ., 1996, 704 p. (In Russ.)

Paustovskii K.G. *Sobranie sochinenii: v 9 t.* [Collected works: in 9 vols.] Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1981-1986. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.07.2023; одобрена после рецензирования 28.08.2023; принята к публикации 30.08.2023.

The article was submitted 25.07.2023; approved after reviewing 28.08.2023; accepted for publication 30.08.2023.

ЛОКУС ЗАМКА В РОМАНАХ ВАЛЬТЕРА СКОТТА («УЭВЕРЛИ»)

Дмитриева Екатерина Евгеньевна, доктор филологических наук, чл.-корр. РАН, Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, Москва, Россия, katiadmitrieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9692-8329>

Аннотация. Статья посвящена роли, которую различные замки сыграли в историческом повествовании Вальтера Скотта. Объектом исследования стал преимущественно его первый роман «Уэверли». Вопрос, поставленный в статье, формулируется следующим образом: почему Вальтер Скотт, дистанцировавший свое письмо как от жанра готического романа, так и реконструкции романа рыцарского (и тот и другой широко использовали тоpos замка), наполнял свои романы описанием замков, делая их основным местом действия и условием завязываемой в романах сюжетной интриги. Анализ его романов и в частности «Уэверли» показывает, что В. Скотт вводил в свои романы замки разной генеалогии: исторические и вымышленные, шотландские и английские, закрепляя за каждым из них свою особую функцию. Но объединяло их то, что в романном мире В. Скотта они выступали как эмблема слияния истории и современности, «поэзии и правды». Замок, уже утративший во времена В. Скотта свою основную романтически-рыцарскую функцию, оставался пространством мнемоническим, в котором история и легенда, подогреваемая воображением, одновременно и воспевается, и дезавуируется. Тема замков, превращающихся в руины и переходящих к другим владельцам, есть другая ключевая тема исторических романов В. Скотта. И единственным противодействием всепоглощающему времени служит игра воображения, механизм которого писатель запускает, апеллируя к пространству замка.

Ключевые слова: локус замка, Вальтер Скотт, «Уэверли», исторический роман, рыцарский роман, готический роман, экфрасис.

Благодарности. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН на средства гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00051 <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Для цитирования: Дмитриева Е.Е. Локус замка в романах Вальтера Скотта («Уэверли») // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 101–112. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-101-112>

Research Article

THE LOCUS OF THE CASTLE IN THE NOVELS OF WALTER SCOTT (“WAVERLY”)

Ekaterina E. Dmitrieva, Doctor of Philological Sciences, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, katiadmitrieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9692-8329>

Abstract. The article is devoted to the role that various castles played in the historical narrative of Walter Scott. The object of the study was mainly his first novel «Waverly». The question posed in the article is formulated as follows: why did Walter Scott, who distanced his writing from the genre of the Gothic novel and at the same time did not focus his attention on the reconstruction of the knight’s novel (both of them widely used the topos of the castle) fill his novels with the description of castles, making them the main place of action and the condition of the plot intrigues. An analysis of his novels and in particular «Waverley» shows that W. Scott introduced castles of different genealogies into his novels: historical and fictional, Scottish and English, assigning each of them its own special function. But they were united by the fact that in the romantic world of W. Scott they acted as an emblem of the fusion of history and modernity, «fiction and truth». The castle, which had already lost its main romantic and chivalrous function in the time of W. Scott, remained a mnemonic space in which history and legend, fueled by imagination, are both glorified and disavowed at the same time. The theme of castles turning into ruins and passing to other owners is another key theme of W. Scott’s historical novels. And the only counteraction to the all-consuming time is the imagination, the mechanism of which the writer starts by appealing to the castle.

Keywords: locus of the castle, Walter Scott, “Waverley”, historical novel, chivalric novel, gothic novel, ekphrasis.

Acknowledgements. The research was carried out in IWL RAS at the expense <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

For citation: Dmitrieva E.E. The locus of the castle in the novels of Walter Scott (‘Waverly’). Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 3, pp. 101–112 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-101-112>

Когда в 1820 г. друг и издатель В. Скотта Дж. Бантайн задумал переиздание ставшего к тому времени уже культовым романа Горация Уолпола «Замок Отранто», почитаемого ныне как первый готический роман в английской литературе, Вальтер Скотт решил предварить его своим предисловием.

«“Замок Отранто” – писал он, – повесть, примечательная не только своим необыкновенно увлекательным сюжетом, но также и тем, что она представляет собою первую в изящной словесности нового времени попытку сочинить занимательную историю наподобие старинных рыцарских романов. Эти досточтимые легенды утратили в глазах читателей всякую ценность и стали вызывать к себе пренебрежительное отношение еще в царствование королевы Елизаветы...» [Вальтер Скотт о «Замке Отранто»].

То, что, по мнению В. Скотта, сделало роман Уолпола привлекательным для современного читателя (а его шотландский романист поставил в один ряд с прозой Лесажа, Ричардсона, Филдинга, Смоллетта, противопоставив одновременно «напыщенным» галантным псевдорыцарским романам Кальпренета и Мадлен де Скюдери, было, как следовало из предисловия, стремление соединить в «Замке Отранто» «рассказ о невероятных событиях и величавую манеру повествования, свойственную старинным рыцарским романам, с тем тщательным изображением персонажей и борьбы чувств и страстей, которое отличает или должно отличать роман нового времени» [Вальтер Скотт о «Замке Отранто»].

Уолпол, как уже было сказано выше, был в английской литературе основоположником готического романа, В. Скотт – исторического. Но то, что их объединяло (и что, очевидно, и вызвало желание В. Скотта сказать свое слово о «Замке Отранто») – это поиск продуктивного синтеза. У Уолпола это был синтез, как его и определил Скотт, рыцарского романа с изображением чувств и страстей, отличающем роман нового времени, что, собственно, и позволило ему применить готический стиль в современной литературе» (термин «готический стиль», уточнял В. Скотт, в «немалой мере благодаря его (Уолпола. – Е. Д.) усилиям был освобожден от дурной репутации, сопровождавшей его ранее, когда им обозначалось все диаметрально противоположное правилам хорошего вкуса и с ними несовместимое» [Вальтер Скотт о «Замке Отранто»]). У В. Скотта, увидевшего в готической прозе Уолпола те открытия, которые сам он сделал в своей исторической прозе, это был синтез антикварного романа, в его время уже тоже устаревшего и пользовавшегося не слишком лестной репутацией [Реизов 1965], и все того же «тщательного изображения персонажей и борьбы чувств и страстей, которое отличает или должно отличать роман нового времени» [Вальтер Скотт о «Замке Отранто»]. Рискнем предположить,

что эта формула, с помощью которой В. Скотт попытался определить своеобразие Уолпола, была им самым глубоко выстрадана, о чем свидетельствуют в его «исторических» романах постоянные отсылки к современности и настоящему времени¹.

Было и еще одно обстоятельство, в котором В. Скотт «нечаянно» совпал с Уолполом. Таковым было в их собственной творческой истории слияние воедино замысла литературного и архитектурного. Правда, последовательность была различной. Член парламента, лорд Гораций Уолпол, купив себе в 1748 г. небольшую ферму под Лондоном в Твикенгеме на берегу Темзы и решив перестроить ее в средневековом духе, «совсем не имел в виду сделать <...> дом столь готическим, чтобы этим исключить удобство и современную утонченную роскошь» [Lewis: 57]. Как сам он объяснил позже в своем «Описании виллы мистера Горация Уолпола»: «Он был построен так, чтобы удовлетворить мой собственный вкус и до некоторой степени воплотить мои собственные фантазии» [Walpole]. Так и приятельница Уолпола, маркиза дю Деффан (1697–1780), хозяйка знаменитого парижского салона, писала ему 27 февраля 1771 г.: «Мне кажется, что ваша душа и ваш замок подходят друг на друга, как две капли воды, своей особостью, богатством, и, – я едва осмеливаюсь это произнести, – своими странностями» [Le Brun: 147].

И действительно, готическим формам фасада замка с его башнями и зубчатыми стенами соответствовал интерьер, который должен был создавать мрачную готическую атмосферу. В нем была оборудована специальная комната, где различными техническими ухищрениями архитекторы добились появления в ночи призраков и таинственных шумов. При всем том к своему замку Уолпол относился почти иронически, называя его «бумажным», был все время им словно недоволен, находя его то слишком маленьким, то недостаточно таинственным. И продолжалось это до тех пор, пока в июне 1764 г. Уолполу во сне не привиделась рука великана в доспехах, вычертившая на пандусе лестницы иной замок – мрачный, гигантский, непостижимый, получивший название Отранто. Именно это видение и определило в дальнейшем судьбу и самого Уолпола, и судьбу его знаменитого романа: из недр архитектурного замка, фантазийного детища Уолпола, возник литературный замок Отранто, которой не только инициировал в литературе новый жанр готического романа [Delon], но и намного опередил свою эпоху, поставив с небывалой смелостью вопрос о пропасти, что отделяет скудную реальность от «безмерности мысли» [Le Brun: 150–151]. Литературный «Замок Отранто» стал для Уолпола тем, чем не мог стать им же созданный архитектурный Строберри Хилл [Дмитриева 2020: 456–458; Дмитриева 2021: 358–360].

У В. Скотта последовательность была иная: построенный им замок Абботсфорд (Эбботсфорд) сам был реализацией и в определенной степени компенсацией литературных замков, которые уже стали до того непререкаемым локусом и топосом его романов. Получив в 1818 г. титул баронета и расширив свою резиденцию за счет купленных вокруг его поместья земель, он превратил ее в род средневекового замка, наполнив его древностями: коллекциями старинного оружия, предметов обихода, редких книг и т. д. [Malley: 233–251].

Обратим внимание на возникающее в этом соположении В. Скотта и Уолпола очевидное на первый взгляд противоречие. Казалось бы, естественно говорить о локусе замка, ставшем неотъемлемой принадлежностью готического романа, вобравшего в себя аллегорику замкнутого, почти карцерального пространства, которое аккумулирует в себе тайны и страхи [Вацура]. Но при всем уважении к Уолполу от готического романа сам В. Скотт достаточно жестко дистанцировался. И в первой главе «Уэверли», «обнажая и высмеивая <...> поддающиеся клишированию признаки» подобного романа [Долинин: 19], писал: «Если бы, например, я объявил на фронтисписе: “Уэверли, повесть былых времен”, всякий читатель романов, конечно, ожидал бы замка, по размерам не уступающего Удольфскому»² [Скотт В. Уэверли].

Однако сам при этом действие своих многочисленных романов В. Скотт, как правило, локализовал в замке (замках), отведя ему (им) как локусу центральную роль. Исследователями давно уже замечено, какую композиционную роль в романах В. Скотта вообще играет место, где происходят события романа. «Оно, – писал Б. Реизов, – концентрирует все действие вокруг одного или нескольких центров. Замок Кенилворт приковывает к себе внимание читателя, так как с ним связана судьба несчастной Эми Робсарт. Поместье Элленгауэн в “Гае Мэннеринге” является центром, к которому ведут все нити повествования: в окрестных лесах когда-то разыгралась драма, и узел интриги распутывается в тех же местах, где он был завязан. В “Роб Рое” центром действия является подробно описанный Осбалдистон-холл, раскрывающий свои тайны только в конце романа. В “Пуританах” эту роль играет замок Тиллитудлем, выдерживающий осаду и концентрирующий почти все действие. <...> В “Айвенго” действие имеет своим центром замок Торквилстон, в котором разрешаются все тайны и развязывается весь узел событий. <...> Вокруг каждого такого места действия организуется особый цикл событий» [Реизов 1961].

Но здесь нам поневоле придется сделать оговорку. Помимо той роли, которую локус замка сыграл в жанре готического романа, получившего распространение сначала в Англии, а затем и в других европейских

странах в последней трети XVIII в., тема замков и их воскрешения маркировала также и вкусы романтической эпохи, став своего рода материальным признаком воскресшего Средневековья. Интерес к средневековым замкам, их как архитектурная, так и художественная реконструкция-стилизация становятся приметой времени. Достаточно вспомнить в этой связи деятельность французского архитектора Виолле-ле-Дюка, которому мы обязаны существованием в современной Франции подавляющего количества средневековых замков и соборов (в том числе и собора Парижской Богоматери) [Poisson, Poisson]. «Счастливым идилическим Средневековьем, когда «единый великий общий интерес объединял отдаленнейшие провинции этого пространного духовного царства» [Новалис: 134] (речь шла о Европе), описывал в своей статье, известной под названием «Христианство, или Европа» (1799) Новалис. Но и действие своего главного романа «Генрих фон Офтердинген» он перенес в XIII век, положив в его основу легенду о поэтическом состязании миннезингеров, имевшем место в замке Вартбург [Карельский: 193–213].

Между тем исторические романы Вальтера Скотта далеко не все сфокусированы на Средневековье. К середине XVIII в. («шестьдесят лет назад») отнесено действие первого его романа «Уэверли». Есть среди его романов и такие, действие которых происходит в современную эпоху, как, например, роман «Сен-Ронанские воды». Собственно, и первые три романа В. Скотта шотландского цикла не так уж далеко отстояли от современности, о чем автор недвусмысленно заявлял в предисловии к «Антикварию»: «Настоящей книгой завершается серия повествований, задуманных с целью описать шотландские нравы трех различных периодов: “Уэверли” охватывает эпоху наших отцов, “Гай Мэннеринг” – время нашей юности, “Антикварий” же относится к последнему десятилетию восемнадцатого века» [Скотт. Антикварий: 7].

И все же с завидным постоянством практически во всех романах В. Скотта, и тех, действие которых отнесено к Средневековью (например, «Айвенго»), и тех, что рисуют картины и нравы гораздо более позднего времени, события так или иначе концентрируются вокруг замка. И мы вправе задать вопрос, почему это происходит и какую роль замок играет в историческом повествовании, далеко не всегда относящемся к рыцарской эпохе, которая без этого эмблематического жилища кажется нам абсолютно немыслимой.

Отметим предварительно, что замки, фигурирующие в романах В. Скотта, имеют характер предельно разнообразный. Среди них мы находим реально существующие (или существовавшие), хорошо известные В. Скотту замки, описание которых он интегри-

рует в свой художественный текст. Таков, например, замок Конисбро в Южном Йоркшире, построенный после нормандского завоевания Англии в XI в. и пришедший в упадок в XV веке (его руины были куплены герцогом Лидсом в 1737 г.). В. Скотт, проезжавший мимо него и восхищенный живописностью вида, сделал его местом действия своего романа «Айвенго» (1819), события которого отнес к концу XII века.

Но В. Скотт мог локализовать действие своих романов также и в замках, известных ему из описаний «второй руки». Так, известно, что для описания замка Дуглас в последнем своем романе «Опасный замок» (1831) он использовал повествовательную поэму «Брюс» Дж. Барбура и «Историю домов Дуглас и Ангус» (1644) Д. Юма. Написав около трети тома, В. Скотт сам отправился в Дуглас, чтобы увидеть то, что уже создало его воображение.

Но, пожалуй, наиболее частый случай, коль скоро мы говорим о локусе замка, – это замки вымышленные, которым В. Скотт, живописуя их, придает видимость реально существующих. Таков, например, замок Элленгауэн в романе «Гай Мэннеринг».

Вопрос о локусе замка в историческом повествовании В. Скотта слишком обширный, чтобы пытаться решить его в рамках одной статьи. Именно поэтому мы позволим себе попытаться в этой второй части нашего сообщения рассмотреть его на примере всего лишь одного романа, в каком-то смысле наиболее показательного в интересующем нас аспекте. Речь пойдет о романе «Уэверли», в котором автор с первых же страниц дистанцировался, как мы уже видели, и от традиции готического романа, и от традиции романа рыцарского³.

Никоим образом не подвергая сомнению его статус романа исторического, заметим, что с некоторой долей приближенности роман этот можно было бы отнести также и к одной из модификаций воспитательного романа, непревзойденным образцом которого почитался во времена В. Скотта роман Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера». Именно он задал определенный фабульный канон, воспроизводившийся последующими авторами неоднократно: молодой человек покидает родительский дом и отправляется в путь, этапы которого, собственно, и становятся этапами его взросления и духовного становления. Но только если у Гете этапами странствия героя по широкому топографически-разомкнутому пространству Германии в качестве члена бродячей актерской труппы были дороги, леса, горы, то В. Скотт композиционно выстраивает путь своего героя (Эдуарда Уэверли) как его перемещение от одного замка к другому (пожалуй, ни в одном из его последующих романов мы не найдем подобного «реестра» замков, как в «Уэверли»). Каждый из этих замков «непосредственно связан с историей», будучи «местом значимых событий раз-

ных исторических эпох» [Алпатов]. Так что в конечном счете фактором становления героя оказывается сама История, причем не только те исторические события, в которые вольно или невольно оказывается вовлечен герой (действие романа происходит в период восстания якобитов 1745 г.), но и история гораздо более давняя, воплощением которой и являются описанные в романе и играющие в нем определенную сюжетную роль замки.

Первый замок, на пространстве которого начинается действие романа, – это замок Уэверли-Онор, принадлежащий сэру Эверарду Уэверли, дядюшке главного героя, воспринявшему «от своих предков все бремя консервативных пристрастий и преубеждений, политических и церковных, которыми род Уэверли отличался со времен великой гражданской войны» [Скотт В. Уэверли]. Существует мнение, что при выборе имени замка и имени героя В. Скотт вдохновлялся руинами английского аббатства Уэверли, первого в Англии цистерцианского аббатства, возведенного в 1128 г., которое посещали короли Иоанн и Генрих III (обитель была разрушена в эпоху Реформации, потому В. Скотт мог видеть только руины). Сам же В. Скотт во вводной главе к роману лукаво настаивал на этимологическом генезисе имени (английское *Waverly* как производное от глагола *wave*, что означает «качаться», «колебаться» – свойство, которое, как суждено понять читателю впоследствии, в высшей степени характеризует героя, мятущегося между двумя враждующими лагерями, не имея при этом «определенных убеждений» [Долинин: 192] – ситуация, которую А.С. Пушкин воспроизвел в своей «Капитанской дочке» в истории Петруши Гринёва [Альтшуллер: 224–225]). «...Я как рыцарь с белым щитом, впервые выступающий в поход, – утверждал В. Скотт, – выбрал для своего героя имя Уэверли, еще не тронутое и не вызывающее своим звучанием никаких мыслей о добре или зле, кроме тех, которые читателю угодно будет связать с ним впоследствии» [Скотт В. Уэверли]. В самом же романе замку Уэверли отведена функция того самого родного дома, который герой должен покинуть, когда сестра хозяйна тетушка Рэчел решает, что наследнику имени Уэвели «не мешало бы узнать свет лучше, чем это было совместимо с постоянным пребыванием в Уэверли-Оноре» [Скотт В. Уэверли]. И сюда же в конце своего пути и в конце романа он возвращается, выражаясь словами русского поэта, «пространством и временем полный» [Мандельштам: 128].

Две основных функции в романе отведено этому замку. Он – свидетель и само воплощение родовой жизни, что, на самом деле, приходит в столкновение с глубоко личностным и индивидуальным сознанием героя (Эдуарда Уэверли), зевающего «над сухим перечнем своих предков и их различных бра-

ков между собой», отображенных на «генеалогическом древе», висящем «на гладко отполированной панели зала в Уэверли-Оноре». Юного Эдуарда оно заставляет «восставать против безжалостно обстоятельного педантизма, с которым сэр Эверард напоминал ему о степенях свойства, связывавшего дом Уэверли со всякими отважными баронами, рыцарями и сквайрами» [Скотт В. Уэверли].

Но вместе с тем и генеалогическое древо, и сам замок, но в особенности те рассказы, которые он слушает здесь о тех, кто когда-то этот замок населял, становятся источником той опасной игры воображения, которая кардинально определит характер главного героя:

«Подвиги Уилиберта Уэверли во Святой земле; его долгое отсутствие и опасные приключения; его мнимая смерть и возвращение в тот самый вечер, когда избранница его сердца обвенчалась с героем, защищавшим ее от оскорблений и притеснений во время его странствий; великодушие, с которым крестоносец отказался от своих притязаний и пошел искать в соседнем монастыре мир, еже не преиде, – все это и подобные рассказы он готов был слушать, пока сердце его не загоралось огнем и глаза не начали лихорадочно блестеть. Не менее потрясенный, слушал он, как его тетка миссис Рэчел повествовала о страданиях и мужестве леди Алисы Уэверли во время великой гражданской войны. Добродушное лицо почтенной старой девы принимало величавое выражение, когда она рассказывала, как после битвы при Вустере⁴ король Карл целый день скрывался в Уэверли-Оноре и как в тот момент, когда отряд кавалерии приближался к замку, чтобы произвести обыск, леди Алиса послала своего младшего сына с горсткой слуг задержать неприятеля хотя бы ценою жизни, пока король не успеет спастись бегством».

«Под впечатлением таких легенд, – продолжает свое повествование В. Скотт, – наш герой старался уйти куда-нибудь подальше, чтобы погрузиться в мир фантазий, который они вызывали. В углу обширной сумрачной библиотеки, освещенной лишь догорающими головнями в огромном массивном камине, он часами предавался тому внутреннему чародейству, благодаря которому прошлые или воображаемые события представляются в действии, происходящем перед глазами мечтателя. Тогда-то возникало перед ним в длинном и пышном шествии все величание брачного пира в замке Уэверли; высокая изможденная фигура его настоящего хозяина, в то время как он стоял в одежде пилигрима, никому не приметный зритель торжества своего предполагаемого наследника и своей нареченной невесты; громовой удар внезапной развязки; вассалы, бросающиеся к оружию; изумление жениха; ужас и смятение невесты; терзания Уилиберта, понявшего, что сердце

и рука невесты отданы добровольно; выражение достоинства и глубокого чувства, с которым он бросает наземь уже наполовину выхваченный из ножен меч и навеки удаляется из дома своих отцов. Затем Эдуард менял место действия, и фантазия по его велению представляла ему трагедию, рассказанную тетушкой Рэчел» [Скотт В. Уэверли].

Давно подмечено, что одним из ключевых моментов так называемых «романов Уэверли» и, в частности, первого его одноименного романа, является увлечение В. Скотта (помимо естественного для него исторического интереса) проблематичными отношениями, существующими между воображением и реальностью. Роман за романом герои, обладающие пылким, а иногда и непомерным воображением, попадают в ситуации, которые словно призваны проверить правильность субъективного человеческого видения. И это верно как в отношении романтического идеализма Эдуарда Уэверли, который, собственно, и позволяет ему оставаться в истории «над схватками» противоборствующих лагерей [Долинин: 191], так и по отношению к якобитской мечте Флоры Мак-Айвор, его несчастливой любви, или же рыцарского энтузиазма Квентина Дорварда в одноименном романе. Снова и снова Скотт поднимает один и тот же вопрос: является ли воображение обманщиком, строителем воздушных замков, которые рушатся при соприкосновении с реальностью? Или же ему отведена иная функция: быть источником истины и мудрости, той мощной силой, которая определяет действия человека и его восприятие мира? [Davis: 437-438].

Так и Эдуард Уэверли, прогуливаясь по длинным аллеям сада к башне, откуда «во время распрей Йоркского и Ланкастерского домов последние приверженцы Алой розы, державшие поддерживать ее, совершали изнурительные для противника набег» [Скотт В. Уэверли], «пережевывает», как не без иронии, но вместе с тем с отсылкой к Шекспиру пишет В. Скотт, жвачку сладостно-горьких грез⁵ и, «как дитя среди игрушек», выбирает и строит «из блестящих, но бесполезных образов и эмблем, которыми было населено его воображение, видения такие же блестящие и недолговечные, как краски вечернего неба» [Скотт В. Уэверли]. Словами: «Как сказалось такое занятие на его характере и нравственном облике, будет явствовать из следующей главы», завершается знаменитая четвертая глава, симптоматично носящая название «Воздушные замки».

Следующий этап жизненного пути Уэверли и одновременно новый эпизод романа, начинающийся с главы «Выбор карьеры» (глава V), переносит читателя в еще один замок, на этот раз шотландский. Любящий дядя сэр Эверард, отправляя племянника в драгунский полк, куда тот был назначен, просит прежде заехать передать письмо своему старо-

му другу «Козмо Комину Брэдуордину, эсквайру, из Брэдуордина, в его замок Тулли-Веолан в Пертшире, Северная Британия». Ситуация, которая русскому читателю отнюдь не случайно напомнит еще один эпизод из «Капитанской дочки».

Пертшир – графство в центральной части Шотландии, которое славится красотой равнинных и горных пейзажей и памятниками старины. Среди достопримечательностей Пертшира – замки аристократических родов. В частности, замок Драммонд, построенный в конце XV в. и особенно славившийся своими садами, и по сей день имеющими репутацию одних из лучших в Европе. Не здесь ли истоки описания части «литературного замка» Тулли-Веолан, которую в романе занимает дочь эсквайра Роза: «Перед окнами ее гостиной тянулась выступающая наружу галерея, или бартизан: он также свидетельствовал о другой склонности Розы, ибо весь был уставлен различными цветами, которые она взяла под свое особое покровительство. На этот готический балкон выходили через выступавшую из стены башенку, с высоты которой открывался великолепный вид. Внизу простирался окруженный высокими стенами геометрически правильный парадный сад, казавшийся с этой высоты простой куртиной; дальше, в узкой лесной долине, то появлялась, то исчезала за кустами небольшая речка» [Скотт В. Уэверли].

Но сам В. Скотт в авторском примечании, одном из тех, которыми изобилует роман, предостерегает от поиска аналогий или прототипов: «Описание Тулли-Веолана не соответствует какому-либо определенному замку, но отдельные черты его встречаются в различных старинных шотландских усадьбах. Так, замок Уоррендера на брантсфилдских дюнах, равно как и старый Рэвелстонский замок, принадлежащие: первый – сэру Джорджу Уоррендеру, а второй – сэру Александру Кийту, дали кое-какие свои черты описанию в романе. Замок Дина под Эдинбургом имеет также кое-что общее с Тулли-Веоланом. Впрочем, автору сообщили, что больше всего на него похож замок Грэндулли» [Скотт В. Уэверли].

При этом глава, в которой появляется описание замка Тулли-Веолан, начинается отнюдь не с описания его красот, но... странностей. Сначала Уэверли видит жалкие и причудливые лачуги шотландского поместья, составляющие такой контраст «веселой опрятности английских крестьянских жилищ». Затем появляется и описание самого замка, своей гротесковой архитектурой не уступающего лачугам: «Дом, – читаем мы далее, – состоявший на вид из двух или трех высоких и узких строений с крутыми крышами, примыкавших друг к другу под прямыми углами, образовывал одну сторону двора. Он был построен в ту эпоху, когда замки уже изжили себя, а шотландские зодчие еще не овладели искусством создавать покой-

ные дома для семейного жилья. Окон было бесчисленное множество, но они были очень малы; на крыше виднелись какие-то невразумительные зубчатые выступы, известные под названием бартизанов, а на каждом из многочисленных углов красовалась башенка, скорее похожая на перчницу, чем на готическую сторожевую башню. Фасад жилища также говорил о том, что его обитатели не были абсолютно гарантированы от нападений. В нем виднелись амбразуры для мушкетов и железные прутья на нижних окнах, вероятно для того, чтобы отводить бродячих цыган или дать отпор грабительским налетам скотокрадов с соседних гор» [Скотт В. Уэверли].

Пространно-гротесковое описание замка, на архитраве которого Уэверли видит начертанной дату «1594», словно сталкивает героическое прошлое с прозаическим настоящим: те ухищрения древних замков, которые делали из них прежде крепости, служившие защитой от врагов – тоже рыцарей, становятся теперь защитой от цыган и скотокрадов. Так позже и Уэверли, отправившись к диким горцам, будет остро переживать несоответствие своего романтического деяния с поводом, его недостойным, – дойными коровами барона-эсквайра из Брэдуордина⁶.

Идет ли здесь речь об исчерпанности жизни в замке, которая ощущалась уже за полвека до того, как был написан роман? Думается, что проблема здесь в другом: в несоответствии представления о героическом прошлом рыцарских замков их современному бытию, которое словно опрокидывает те представления, которые с замком связываются. Так, хозяин Тулли-Веолана, старый барон, шагая «в безмолвном негодовании» по одной из комнат своего замка, устремляет свой взгляд на «старинный портрет воина, закованного в латы, мрачное лицо которого свирепо глядело из целой копны волос, часть которых спускалась с головы на плечи, а часть – с подбородка и верхней губы на нагрудник» и произносит: «Этот джентльмен, капитан Уэверли, – мой дед. С двумя сотнями всадников, которых он набрал на собственных землях, он разбил и обратил в бегство более пятисот этих горцев, разбойников, которые всегда были *lapis offensionis et petra scandali* – камнем преткновения и скалой обиды для жителей равнины; он разбил их, говорю я, когда они дерзнули спуститься с гор и тревожить окрестности в годы гражданской войны, в лето господне тысяча шестьсот сорок второе. А теперь, сэра, я, его внук, должен терпеть такие унижения от этих мерзавцев!» (речь идет о скотокрадах) [Скотт В. Уэверли].

Мечтательная натура героя (Эдуарда Уэверли) превращает и это пространство, на первый взгляд смешное и нелепое, в образ монашеского уединения, а возможно, и легенды: «...Наш герой начал думать, что он попал в замок Оргольо, в который вступил победоносный принц Артур»⁷ [Скотт В. Уэверли].

Впрочем, ироничный В. Скотт тут же снимает эмфазу литературных ассоциаций описанием того, что подобные литературные и мифологические персонажи являют собой в современной действительности, следуя в подобном выворачивании легенды наизнанку вослед Сервантесу, имя которого неслучайно не единожды всплывает на страницах романа. Так, в дальнейшем описании «прислужницами Армиды» предстают «босоногие девицы», ногами перетирающие в лохани белье. «Эта картина, – читаем мы, – хоть и приятная на вид, все же не сравнилась бы с садами Альчины; однако и здесь были *due donzelle gaggule* этого волшебного рая: на вышеупомянутой лужайке две босоногие девицы, стоя каждая в поместительной лохани, выполняли своими стопами работу патентованной стиральной машины. Впрочем, они не остались, подобно прислужницам Армиды⁸, приветствовать своим пением приближавшегося гостя, но в страхе перед прекрасным незнакомцем, появившимся на противоположном берегу, совлекли свои одежды (для точности следовало бы сказать: одежду) на ноги, которые их занятие выставляло уж слишком напоказ, и, взвизгнув: «Ах, мужчины!» – не то из скромности, не то из кокетства разбежались в разные стороны, как серны» [Скотт В. Уэверли].

Так обрастает новыми подробностями и деталями заявленная в романе тема: соотношения правды и поэзии, воображения и действительности. Замок (поместье) оказывается пространством, где переплетаются в противоречивом единстве легенды, родовые страсти и современность. Ужас (но вместе с тем и любопытство) охватывает Уэверли, когда одно из собственных его видений о рыцарских набегах и сражениях оборачивается прозаической реальностью: из уст Розы, дочери хозяина замка, он узнает о набегах «гайлэндских разбойников», носящих в этих краях «систематический характер»: «Уэверли невольно вздрогнул, услышав историю, так живо напоминавшую ему собственные видения наяву. Перед ним была девушка, едва достигшая семнадцати лет, и по характеру и по виду – кротчайшее в мире существо, а между тем этой девушке пришлось собственными глазами видеть одну из тех сцен, которые он вызывал в своем воображении, когда представлял себе события давно минувших лет, и говорила она об этой сцене совершенно хладнокровно, так, как если бы она могла в любой момент повториться. Его охватило одновременно и сильнейшее любопытство, и сознание опасности, способное лишь обострить интерес. <...> ...И, главное, что все это происходило не где-нибудь за тридевять земель, а в пределах благоустроенного в иных отношениях острова Великобритания» [Скотт В. Уэверли].

Следующим замком, в котором суждено оказаться Уэверли и который становится новым этапом на его жизненном пути и новой перипетией в романе, оказы-

вается замок горцев в Гленнакуойхе, куда Эдуард отправляется скорее из желания познакомиться с предводителем одного из шотландских кланов по имени Фёргюс (он же Вих Иан Вор). «Вокруг замка все было холодно, голо, и неприютно, и даже в запустении своем прозаично; а узкая лощина, расположенная в непосредственной близости от этих скучных мест, как будто открывала дверь в царство романтики». Главными актерами этого царства романтики оказываются сам Фёргюс и его сестра, прекрасная Флора, «выдающаяся переводчица» гэльских стихов. Песни, пляски и веселье, продолжающееся допоздна в замке, участником которых становится Уэверли, оттеняют рассказ о любимом времяпрепровождении горцев зимой, когда они сидят у очага и слушают поэмы, «в которых воспеваются подвиги героев, жалобы любовников и битвы враждующих племен». «Говорят, – продолжает свой рассказ Флора (и в словах ее читатель той поры ясно мог угадать аллюзию на славу, которой пользовались переводы с гэльского соотечественника В. Скотта Макферсона, выдавшего их за песни Оссиана [Поэмы Оссиана Джеймса Макферсона]), – что некоторые из них очень древние и, если когда-нибудь будут переведены на какой-нибудь язык цивилизованной Европы, не преминут вызвать большую сенсацию и произведут на читателей глубокое впечатление» [Скотт В. Уэверли].

Герой (Уэверли) погружается в замке Гленнакуойхе в атмосферу мифов и рыцарских легенд, кульминацией чего становится явление Флоры вместе с ее служанкой на зыбком, нависшем над бездной мосту, когда они являются его взору «словно повисшие в воздухе, подобно каким-то неземным существам» [Скотт В. Уэверли]. И конечно же, атмосфера эта поддерживается бесстрашным характером Фёргюса, который сам словно вышел из легенды. Поэзия и правда, в предшествующих замках конкурировавшие между собой, казалось бы, здесь беспрепятственно соединились. О том, какой горькой иронией и трагическими последствиями оказывается чреват этот искомый синтез, свидетельствуют последующие главы романа: поэтичнейшая Флора, в которую, разумеется, влюбляется Уэверли, оборачивается самой что ни есть рассудительной женщиной, жертвующей фанатично своими чувствами политическим амбициям. А легендарный героизм ее брата, веселого и неустрашимого Фёргюса, бесстрашного вождя якобитов и одного из главных руководителей восстания 1745 года, скрывает на деле планы честолюбца, чьи действия оказываются порой на грани цинизма. Впрочем, его героическая смерть на плахе возвращает в романе ему былое легендарное величие, а его портрет, который в финале романа появляется в одной из комнат замка Тулли-Веолан, окончательно погружает его образ в легенду⁹.

В дальнейшем Эдуарду Уэверли суждено побывать и в других замках, каждый из которых, кажется, задуман в романе как определенная эмблема нравственного и физического состояния героя. Он попадает в замок Дун в округе Ментейт, «массивный замок, полуразрушенные башни которого уже светились в первых лучах восходящего солнца», а широкое белое знамя, полоскавшееся на одной из башен, «оповещало, что гарнизон замка стоит за династию Стюартов» [Скотт В. Уэверли]. «Мрачное, но живописное строение», которым Уэверли «любовался издали» и в котором впервые ощутил себя пленником, есть первое в романе описание реально существующего английского замка Doune (построен в конце XIV в.): в 1745 г. Дун действительно был захвачен якобитами, которые устроили в замке тюрьму, что в целом соответствует его функции в романе (впрочем, во времена В. Скотта замок этот с обвалившейся крышей напоминал скорее руину).

Еще один замок, мимо которого далее проезжает Уэверли, – замок Стерлинг, «над зубчатыми стенами которого в лучах заходящего солнца развевался флаг Соединенного королевства». Сочетание романтики и красоты в этом вражеском для Уэверли замке (герой к этому времени переходит на сторону восставших якобитов) если на этот раз и не увлекает его романтическое воображение (в нескольких ярдах от него в это время разрывается ядро), тем не менее, в соответствии с хитроумным замыслом автора, сообщает это настроение читателю (в риторике этот прием называется апофазис): «Если бы Уэверли был настроен более безмятежно, он, несомненно, восхитился бы придающим такую прелесть местам, через которые он теперь проезжал; полем, служившим некогда аренной турниров; скалой, с которой знатные дамы смотрели на состязания и втайне творили молитвы и обеты за успех какого-нибудь избранного рыцаря; башнями готической церкви, где, возможно, эти обеты исполнялись; и, наконец, возвышавшейся надо всем крепостью, одновременно замком и дворцом, где доблесть получала награду из рук королей, а рыцари и дамы в заключение вечера танцевали, пели и пировали. Все это были предметы способные возбудить и увлечь романтическое воображение. / Но Уэверли было о чем подумать и кроме этого» [Скотт В. Уэверли].

Замок Стерлинг (Stirling Castle) – второй исторический шотландский замок, который В. Скотт вводит в свое повествование. Построенный в XV–XVI вв., он стал местом коронации нескольких шотландских королей и королев, включая Марию Стюарт в 1543 г. Известно, что замок подвергался осаде несколько раз во время войн за независимость Шотландии и последний раз осаждался именно в 1746 г., когда принц Карл Эдуард Стюарт (1720–1788), выведенный в фи-

нале романа как одно из основных действующих лиц, пытался безуспешно его взять.

В последних главах романа Уэверли оказывается в Эдинбурге, что становится поводом описать Эдинбургский замок, занятый северными повстанцами, стрелявшими по отрядам горцев. Но главным объектом описания становится не он, а еще один исторический замок Холируд, бывший некогда резиденцией шотландских королей.

В архитектонике романа описание Холируда в определенной степени представляет собой кульминацию. Уэверли, переданный караулу гайлэндцев, входит во внутренность здания, которое «занял теперь в замке предков предприимчивый Карл Эдуард» [Скотт В. Уэверли]. Бывшая резиденция шотландских королей оживает на этот раз не в воображении героя, а действительно наполняется знатными, образованными и богатыми дворянами, принявшими «сторону доблестного и прекрасного молодого принца, который отдал свою судьбу в руки соотечественников не как расчетливый политик, а скорее как романтический рыцарь» [Скотт В. Уэверли]. «Не следует поэтому удивляться, – комментирует автор, – что Эдуарда, прошедшего большую часть своей жизни в торжественном уединении Уэверли-Онора, ослепила оживленная и изящная картина, которую представляли теперь столь долго пустовавшие залы шотландского дворца» [Скотт В. Уэверли].

Прощальные слова принца о скором и победоносном возвращении в эти покои его предков и о «долгом ряде веселых и радостных встреч в замке Холируд» вскоре будут опровергнуты в романе не только развитием исторических событий, но и той изнанкой, которая всегда существовала в жизни рыцарских замков и королевских дворцов. И повзрослевший Уэверли по мере того, как «проницательнее» вглядывается он в придворную жизнь, начинает понимать, что «у него оставалось все меньше оснований восхищаться ею»: «Говорят, что в желуде заключен целый дуб со всеми его будущими ветвями. Так и в этом дворе, как в желуде, он уже видел столько источников *tracasserie*¹⁰ и интриг, что они сделали бы честь двору обширной империи. Каждое значительное лицо имело собственные цели, которые и преследовало, с упорством, совершенно несоразмерным, по мнению Уэверли, со степенью их важности» [Скотт В. Уэверли].

Возвращаясь к поставленному в начале этой статьи вопросу «Почему замки? и какую роль играют они в романах В. Скотта, дистанцировавшего себя от модной в его времена готической литературы, избравшей замки своим основным местом действия, и в еще меньшей степени ставившего перед собой задачу воскрешения романического средневековья», мы можем отметить следующее.

Очевидно, что В. Скотт умело инструментализует в своих романах – и тому пример его первый роман «Уэверли» – замки разного происхождения, исторические и вымышленные, шотландские и английские, закрепляя за каждым из них свою особую функцию. Но есть нечто, что в поэтическому миру вальтер-скоттовского романа их объединяет. Это – слияние в них истории и современности или то, что с некоторой долей условности, воспользовавшись знаменитой формулой Гете, мы уже называли «поэзией и правдой». Во времена В. Скотта замок утратил уже свою основную романтически-рыцарскую функцию. Но его пространство – пространство мнемоническое, служащее напоминанием о доблестных и героических временах. Здесь подключается история, но подключается и легенда, подогреваемая воображением, которое у В. Скотта одновременно и воспевается, и деваурируется.

При этом описываемые В. Скоттом замки, будучи эмблемами истории и носителями родовой памяти, именно в этом своем качестве выступают у него одновременно и как подверженные смерти и уничтожению.

Тема замков, превращающихся в руины, переходящих к другим владельцам и тем самым купирующих историю рода, есть вообще одна из ключевых тем исторических романов В. Скотта. Лишается своего родового замка в «Ламмермурской невесте» потомок древнего рода Рэвенсвудов, в то время как поместье переходит в руки «некоего сэра Уильяма Эштона», «умеющего ловить рыбу в мутных водах государства» [Скотт. Ламмермурская невеста: 24] (мотив, который Пушкин использует в незавершенном романе «Дубровский»). Изгоняется из своего имения шотландский лэрд Годфри Бертрам Элленгауэн в романе «Гай Мэннеринг». На грани уничтожения находится род Моубрей в романе «Сент-Ронанские виды». Несправедливо лишен трона Альфонс Кастильский, скрывающийся за маской «неизвестного рыцаря» в романе «Айвенго» (не случайно его девиз *El Desdichado* был использован Ж. де Нервалем в качестве названия первого сонета его поэтического цикла «Химеры»). В романе «Уэверли» также описывается гибель поместья, а именно замка Тулли-Веолан, разоренный вид которого глубоко поражает вернувшегося туда Эдуарда Уэверли¹¹. Правда, в этом первом романе В. Скотта пока еще намечен счастливый исход – замок Тулли-Веолан будет восстановлен и усилиями Уэверли и помогающего ему полковника Толбота возвращен своему законному владельцу. Дальнейшее развитие этой темы у В. Скотта гораздо драматичнее, что, заметим в скобках, способно поставить под сомнение бытующее представление о том, что смерть (гибель) усадьбы есть тема преимущественно литературы русской.

В этом смысле можно сказать, что история, публикуемая в замке (родовом поместье), предстает у В. Скотта в том числе и как всепоглощающее время, единственным противодействием которому может служить игра воображения. Наделяя этим свойством в романе «Уэверли», во благо или во зло, своего героя, способного провидеть в замках картины того, что было и чего не было, В. Скотт словно передоверяет ему собственную авторскую функцию – создавать книгу, да простится мне анахронизм, *поиска утраченного времени*. И мы как читатели никогда до конца не понимаем, то ли это книга (роман), в которой конденсируется история, или же сама история есть размотанный свиток нарисованной автором картины, как то сам В. Скотт нам подсказал и в «Уэверли», и в «Ламмермурской невесте»¹².

Примечания

¹ См., например, апелляцию к читателю в первой, вводной главе романа «Уэверли»: «Читатель должен понять, что, учитывая невыгоды, присущие этой части моей темы, я, как это вполне понятно, стремился их избежать, сосредоточивая интерес на характерах и страстях действующих лиц – тех страстях, которые свойственны людям на всех ступенях общества и одинаково волнуют человеческое сердце, бьется ли оно под стальными латами пятнадцатого века, под парчовым кафтаном восемнадцатого или под голубым фракком и белым канифасовым жилетом наших дней. <...> Гнев наших предков был, например, червленым, он проявлялся в открытом кровавом насилии над предметом своей ярости. Наши злобные чувства, ищущие своего удовлетворения более окольными путями и подводящие подкопы под препятствия, которых они не могут открыто опрокинуть, скорее окрашены в черный цвет. Однако скрытая в глубине пружина остается неизменной как в том, так и в другом случае, и гордый пэр, имеющий возможность погубить своего соседа, не нарушая законности, лишь путем долгих тяжб, – прямой потомок барона, который сначала поджигал со всех углов замок своего соперника, а затем оглушал его ударом по голове...» [Скотт В. Уэверли].

² Намек на готический роман Анны Радклиф «Удольфские тайны», 1794.

³ Ср.: «...Относя начало моего повествования на шестьдесят лет назад, если считать от настоящего первого ноября 1805 года, я этим самым как бы объявляю моим читателям, что в последующих страницах они не найдут ни рыцарского романа, ни хроники современных нравов...» [Скотт В. Уэверли: 00].

⁴ Битва при Вустере (1651) – сражение в ходе военной кампании Оливера Кромвеля по завоеванию Шотландии.

⁵ Цитата из комедии Шекспира «Как вам это понравится» (акт IV, сц. 3).

⁶ Ср.: «Он сидел на берегу неизвестного озера в обществе дикого горца, язык которого был ему совершенно непонятен, и собирался посетить вертеп известного разбойника, возможно – второго Робина Гуда или Адама О'Гордона <...> Что за разнообразие приключений для упражнения романтической фантазии, еще разжигаемой торжественным ощущением неизвестности, а может быть, и опасности! Единственное, что не вязалось со всем остальным, была причина его путешествия: бароновы дойные коровы! Об этом унижительном обстоятельстве он старался не вспоминать» [Скотт В. Уэверли].

⁷ Аллюзия на эпизод из поэмы «Королева фей» (1596) Эдмунда Спенсера.

⁸ Альчина – героиня поэмы «Неистовый Роланд» Л. Ариосто (1474–1533), увлекавшая рыцарей в свои сады, а когда любовник ей надоедал, она превращала его в дерево или в скалу. Армида – героиня поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим» (1580–1581), владелица волшебных садов, в которые попадает рыцарь Ринальдо; *due donzelle garrule* – две болтливые девицы (итал.).

⁹ Ср.: «...Мастерски выполненная картина, представлявшая Фэргюса Мак-Ивора и Уэверли в гайлэндских костюмах; фон изображал дикое скалистое ущелье между высоких гор, по которому на заднем плане спускался клан. <...> Гордый, пламенный и неистовый характер несчастного вождя из Гленнакуойха был прекрасно противопоставлен мечтательному и восторженному выражению его счастливого друга» [Скотт В. Уэверли].

¹⁰ Неприятностей (франц.).

¹¹ Ср.: «С первого взгляда он уже мог оценить размеры происшедших перемен. Одна створка ворот была совершенно уничтожена, расколота на дрова и сложена в вязанки, другая бесполезно раскачивалась на ослабевших петлях. Зубцы над воротами были выломаны и сброшены вниз, а высеченные из камня медведи, простоявшие здесь на страже в течение многих веков, низвергнуты в мусор со своих постов. Аллея жестоко пострадала. Несколько крупных деревьев было повалено поперек дороги, а крестьянский скот и грубые копыта драгунских лошадей втоптали в черную грязь зеленые газоны, которыми в свое время так любовался Уэверли. Войдя во двор, Эдуард убедился, что все опасения, которые вызвали в нем эти первые впечатления, вполне оправданы. Все строения были разгромлены королевскими войсками <...>. Все предметы, связанные с древней славой рода Брэдуординов, которым барон в своей фамильной гордости придавал такое значение, подверглись особым надругательствам» [Скотт В. Уэверли].

¹² Оба романа можно рассматривать как своего рода экфрасис. «Уэверли» – как экфрасис картины с изображением Фергюса и самого Уэверли,

что появляется в комнате барона в финале романа (см. выше). Что касается романа «Ламмермурская невеста», то он, собственно, и начинается с описания рисунка некоего Дика Тинто, на котором изображен «старинный зал» и «молодая девушка необычайной красоты; она словно застыла в безмолвном отчаянии, ожидая исхода спора между двумя другими лицами – молодым человеком в ван-дейковском костюме времен Карла I и женщиной, которая, судя по возрасту и сходству черт, была ее матерью» [Скотт В. Ламмермурская невеста: 20]. Все дальнейшее развитие романа оказывается экфрасическим развертыванием данной картины.

Список литературы

Алпатов С.В. От «Уэверли» до Уварлея. URL: <https://www.philol.msu.ru/~folk/old1/files/lib/wvrly203.pdf> (дата обращения: 25.06.2023).

Альмиуллер М.Г. Эпоха Вальтера Скотта в России: исторический роман 1830-х годов. Санкт-Петербург: Академический проект, 1996. 340 с.

Вальтер Скотт о «Замке Отранто» Уолпола // Уолпол. Казот. Бекфорд. Фантастические повести / изд. подг. В.М. Жирмунский, Н.А. Сигал. Ленинград: Наука, 1967. URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-eng/valter-skott-o-zamke-otranto.htm> (дата обращения: 25.06.2023).

Вацуро В.Э. Готический роман в России / сост. и подгот. текста Т.Ф. Селезневой. Москва: Новое лит. обозрение, 2002. 542 с.

Дмитриева Е.Е. Великие архитектурные стилизации, ставшие текстом: Строберри Хилл («Замок Отранто») и вилла «Керилос» Т. Рейнаха // Связующее звено: сб. памяти Елены Петровны Шумиловой. Москва: РГГУ, 2021. С. 358–379.

Дмитриева Е.Е. Литературные замки Европы и русский «усадебный текст» на изломе веков: (1880–1930-е годы). Москва: ИМЛИ РАН, 2020. 768 с.

Долинин А.А. История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели. Москва: Книга, 1988. 315 с.

Карельский А.В. Метаморфозы Орфея: Беседы по истории западных литератур. Вып. 3: Немецкий Орфей. Москва: РГГУ, 2007. 619 с.

Мандельштам О.Э. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1: 1906–1921. Москва: Арт-бизнес-центр, 1999. 370 с.

Новалис. Христианство, или Европа // Новалис. Генрих фон Офтердинген / изд. подгот. В.Б. Микушевич. Москва: Ладомир: Наука, 2003. С. 134–146.

Поэмы Оссиана Джеймса Макферсона / исслед., перевод и примеч. Е.В. Балобановой. Санкт-Петербург: Изд. журн. «Пантеон литературы», 1890.

Реизов Б.Г. Вальтер Скотт // Скотт В. Собр. соч.: в 20 т. / под ред. Б.Г. Реизова, Р.М. Самарина, Б.Б. Томашевского. Москва; Ленинград: ГИХЛ, 1961.

Реизов Б.Г. Творчество Вальтера Скотта. Москва: Художественная литература, 1965. 500 с.

Скотт В. Уэверли // Скотт В. Собр. соч.: в 20 т. / под ред. Б.Г. Реизова, Р.М. Самарина, Б.Б. Томашевского. Т. 1. Москва; Ленинград: ГИХЛ, 1961. URL: https://royallib.com/read/skott_valter/tom_1_ueverli.html#0 (дата обращения: 25.06.2023).

Скотт В. Антикварий / Скотт В. Собр. соч.: в 20 т. / под ред. Б.Г. Реизова, Р.М. Самарина, Б.Б. Томашевского. Т. 3. Москва; Ленинград: ГИХЛ, 1961. URL: https://royallib.com/book/skott_valter/valter_skott_sobranie_sochineniy_v_dvadtsati_tomah_tom_3.html (дата обращения: 25.06.2023).

Скотт В. Ламмермурская невеста / Скотт В. Собр. соч.: в 20 т. / под ред. Б.Г. Реизова, Р.М. Самарина, Б.Б. Томашевского. Москва; Ленинград: ГИХЛ, 1961. Т. 7. С. 7–365. URL: https://royallib.com/book/skott_valter/valter_skott_sobranie_sochineniy_v_dvadtsati_tomah_tom_7.html (дата обращения: 25.06.2023).

Davis J. Sir Walter Scott and Enlightenment Theories of the Imagination: Waverley and Quentin Durward. *Nineteenth-Century Literature*, 1989, vol. 43, No. 4, pp. 437-464.

Delon M. (dir.) *Le roman gothique*. Europe, 1984, No. 69.

Le Brun A. *Les Châteaux de la subversion*. Paris, Galimard, 1986, 291 p.

Lewis W.S. The Genesis of Strawberry Hill. *Metropolitan Museum Studies*, 1934, No. 5 (1), pp. 57-92.

Malley Sh. Walter Scott's Romantic Archaeology: New/Old Abbotsford and "The Antiquary". *Studies in Romanticism*, 2001, vol. 40, No. 2, pp. 233-251.

Poisson G., Poisson O. Eugène Viollet-le-Duc. Paris, Picard, 2014.

Walpole H. A Description of the Villa of Horace Walpole, Youngest Son of Sir Robert Walpole Earl of Orford, at Strawberry-hill, near Twickenham, With an Inventory of the Furniture, Pictures, Curiosities etc. Strawberry Hill, Thomas Kirgate, retrieved 12, 2019 (February); via the Internet Archive. URL: <https://archive.org/details/descriptionofvil00walp/page/32/mode/2up> (access date: 25.06.2023).

References

Alpatov S.V. *Ot "Ueverli" do Uvarleia* [From Waverley to Uvarley]. URL: <https://www.philol.msu.ru/~folk/old1/files/lib/wvrly203.pdf> (access date: 25.06.2023). (In Russ.)

Al'tshuller M. G. *Epokha Val'tera Skotta v Rossii: istoricheskii roman 1830-kh godov* [The Era of Walter Scott in Russia: a Historical Novel of the 1830s.]. Saint-Petersburg, Gumanitarnoe agentstvo "Akademicheskii proekt" Publ., 1996, 340 p. (In Russ.)

Dmitrieva E.E. *Velikie arkhitekturnye stilizatsii, stavshie tekstom: Stroberri Khill ("Zamok Otranto")*

i villa "Kerilos" T. Reinakha [Great architectural stylizations that have become text: Strawberry Hill ("Castle of Otranto") and Villa "Kerilos" by T. Reinach]. *Svia-zuiushchee zveno: sb. pamiati Eleny Petrovny Shumilovoi* [Connecting link: collection in memory of Elena Petrovna Shumilova]. Moscow, RGGU Publ., 2021, pp. 358-379. (In Russ.)

Dmitrieva E.E. *Literaturnye zamki Evropy i russkii «usadebnyi tekst» na izlome vekov: (1880–1930-e gody)* [Literary Castles of Europe and the Russian "Country House Genre" across the Centuries (1880s-1930s)]. Moscow, IMLI RAN Publ, 2020, 768 p. (In Russ.)

Dolinin A.A. *Istoriia, odetaia v roman: Val'ter Skott i ego chitateli* [A story dressed in a novel: Walter Scott and his readers]. Moscow, Kniga Publ., 1988, 315 p. (In Russ.)

Karel'skii A.V. *Nemetskii Orfei (Metamorfozy Orfeia. Besedy po istorii zapadnoi literatury. Vyp. 3)*. [German Orpheus. Conversations on the History of Western Literature. Vol. 3]. Moscow, 2007, 619 p. (In Russ.)

Mandel'shtam O.E. *Sobranie sochineniy* [Collected works: in 4 vols.]. Vol. 1: 1906–1921. Moscow, Art-biznes-tsentr Publ., 1999, 370 p. (In Russ.)

Novalis. *Khristianstvo, ili Evropa* [Christianity, or Europe]. Novalis. *Genrikh fon Ofterdingen* [Heinrich von Ofterdingen], izd. podgot. V.B. Mikushevich. Moscow, Ladomir, Nauka Publ, 2003, pp. 134-146. (In Russ.)

Poemy Ossiana Dzheimsa Makfersona [The Poems of Ossian by James Macpherson], transl., comment. by E.V. Balobanovoi. Saint-Petersburg, Panteon literary Publ., 1890. (In Russ.)

Reizov B. *Val'ter Skott* [Walter Scott]. Scott W. *Sobr. soch.* [Collected works]: in 20 vols., ed. by B.G. Reizov, R.M. Samarin, B.B. Tomashevskii. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaia literature Publ., 1961. (In Russ.)

Reizov B.G. *Tvorchestvo Val'tera Skotta* [The work of Walter Scott]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1965, 500 p. (In Russ.)

Scott W. *Ueverli* [Waverly]. Skott V. *Sobr. soch.* [Collected works]: in 20 vols., vol. 1, ed. by B.G. Reizov, R.M. Samarin, B.B. Tomashevskii. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaia literature Publ., 1961. URL: https://royallib.com/read/skott_valter/tom_1_ueverli.html#0 (access date: 25.06.2023). (In Russ.)

Scott W. *Antikvarii* [The Antiquary]. Skott V. *Sobr. soch.* [Collected works]: in 20 vols., vol. 3, ed. by B.G. Reizov, R.M. Samarin, B.B. Tomashevskii. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaia literature Publ., 1961. URL: https://royallib.com/book/skott_valter/valter_skott_sobranie_sochineniy_v_dvadtsati_tomah_tom_3.html (access date: 25.06.2023). (In Russ.)

Scott W. *Lammermurskaia nevesta* [The Bride of Lammermoor]. Skott V. *Sobr. soch.* [Collected works]: in 20 vols, vol. 7, ed. by B.G. Reizov, R.M. Samarin, B.B. Tomashevskii. Moscow, Leningrad, Khudozhest-

vennaia literature Publ., 1961, pp. 7-365. URL: https://royallib.com/book/skott_valter/valter_skott_sobranie_sochineniy_v_dvadtsati_tomah_tom_7.html (access date: 25.06.2023). (In Russ.)

Val'ter Skott o «Zamke Otranto» Uolpola [Walter Scott on Walpole's "Castle of Otranto"]. *Uolpol. Kazot. Bekford: Fantasticheskie povesti* [Walpole. Kazot. Beckford: Fantastic stories], izd. podg. V.M. Zhirmunskii, N.A. Sigal. Leningrad, Nauka Publ., 1967. URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-eng/valter-skott-ozamke-otranto.htm> (access date: 25.06.2023). (In Russ.)

Vatsuro V.E. *Goticheskii roman v Rossii* [Gothic Romance in Russia], comp. by T.F. Seleznevoi. Moscow, Novoe lit. obozrenie Publ., 2002, 542 p. (In Russ.)

Davis J. Sir Walter Scott and Enlightenment Theories of the Imagination: Waverley and Quentin Durward. *Nineteenth-Century Literature*, 1989, vol. 43, No. 4, pp. 437-464.

Delon M. (dir.) *Le roman gothique. Europe*, 1984, No. 69.

Le Brun A. *Les Châteaux de la subversion*. Paris, Galimard, 1986, 291 p.

Lewis W.S. The Genesis of Strawberry Hill. *Metropolitan Museum Studies*, 1934, No. 5 (1), pp. 57-92.

Malley Sh. Walter Scott's Romantic Archaeology: New/Old Abbotsford and "The Antiquary". *Studies in Romanticism*, 2001, vol. 40, No. 2, pp. 233-251.

Poisson G., Poisson O. Eugène Viollet-le-Duc. Paris, Picard, 2014.

Walpole H. A Description of the Villa of Horace Walpole, Youngest Son of Sir Robert Walpole Earl of Orford, at Strawberry-hill, near Twickenham, With an Inventory of the Furniture, Pictures, Curiosities etc. Strawberry Hill, Thomas Kirgate, retrieved 12, 2019 (February); via the Internet Archive. URL: <https://archive.org/details/descriptionofvil00walp/page/32/mode/2up> (дата обращения: 25.06.2023).

Статья поступила в редакцию 25.06.2023; одобрена после рецензирования 24.08.2023; принята к публикации 30.08.2023.

The article was submitted 25.06.2023; approved after reviewing 24.08.2023; accepted for publication 30.08.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 113–121. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 3, pp. 113–121. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 811.111'37

EDN LMZJZV

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-113-121>

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ “-END” В АНГЛОЯЗЫЧНОМ «УСАДЕБНОМ» ТЕЗАУРУСЕ: СЕМАНТИКА И ФУНКЦИЯ (англо-русский контекст)

Велигорский Георгий Александрович, кандидат филологических наук, Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, Москва, Россия, screamer90@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4316-4630>

Аннотация. Статья посвящена анализу истории топонимического элемента «-end», фигурирующего в названиях многих усадеб, как реальных (например, ферма Дич Энд (Dichende) в Нортумберленде, деревня Берн-Энд (Burne End) в Буккингемшире и др.), так и литературных (например, особняк Фримэнз-Энд (Тупик Вольного Человека) из романа Дж. Элиот «Мидлмарч» (1871–1872), Говардз-Энд из одноименного романа Э.М. Форстера (1910), Моул-Энд (Кротовый Тупик) из повести К. Грэма «Ветер в ивах» (1908), Бэг-Энд (Торба-на-Круче) из сказки Дж.Р.Р. Толкина «Хоббит, или Туда и обратно» (1937) и проч.). Внимание в исследовании уделено неочевидным, «подспудным», в том числе метафизическим, коннотациям этого понятия (дом «на околице», «на отшибе», «тупик», «цель», «назначение» и проч.). Особо в статье рассмотрен генезис элемента «-end», уходящий глубоко в историю английской усадьбы (в частности, он упоминается еще в «Книге Судного дня», первой поземельной переписи Англии, предпринятой в XI в. Вильгельмом Завоевателем).

Ключевые слова: усадьба, усадебный тезаурус, Дж. Элиот, К. Грэм, Э.М. Форстер, Дж.Р.Р. Толкин.

Благодарности. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН на средства гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00051 <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Для цитирования: Велигорский Г.А. Топонимический элемент “-end” в англоязычном «усадебном» тезаурусе: семантика и функция (англо-русский контекст) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 113–121. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-113-121>

Research Article

THE TOPONYMIC ELEMENT “-END” IN THE ENGLISH-LANGUAGE “ESTATE” THESAURUS: SEMANTICS AND FUNCTION (English-Russian context)

Georgy A. Veligorsky, Candidate of Philological Sciences, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, screamer90@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4316-4630>

Abstract. The article is devoted to the analysis of the history of the toponymic element “-end”, appearing in the names of many estates, both real (for example, the place Dichende in Northumberland, the village of Bourne End in Buckinghamshire, etc.), and literary ones (for example, Freeman’s End from the novel “Middlemarch, A Study of Provincial Life” by George Eliot (1871–1872), Howards End from the novel of the same name by Edward Morgan Forster (1910), Mole End from “The Wind in the Willows” (1908) by Kenneth Grahame, Bag End from John Ronald Reuel Tolkien’s fantasy novel “The Hobbit, or There and Back Again” (1937), etc.). Attention in the study is paid to non-obvious, “latent”, including metaphysical, connotations of this concept (house “on the outskirts”, “dead end”, “goal”, “appointment”, etc.). The article specifically considers the genesis of the “-end” element, which goes deep into the history of the English estate (in particular, it is mentioned in the “Domesday Book”, the first land census of England, undertaken in the 11th century by William the Conqueror).

Keywords: estate, estate thesaurus, George Eliot, Kenneth Grahame, Edward Morgan Forster, John Ronald Reuel Tolkien.

Acknowledgements. The research was carried out in IWL RAS at the expense <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

For citation: Veligorsky G.A. The toponymic element “-end” in the English-language “estate” thesaurus: semantics and function (English-Russian context). Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 3, pp. 113–121 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-113-121>

История британского усадебного тезауруса насчитывает без малого полторы тысячи лет. Источники сведений об английских топонимах, на которых она зиждется, разнообразны и нередко причудливы: таковыми становились сочинения британских монахов, англосаксонские хроники, старинные хартии, переписи населения, штрафы и взыскания, перечни каторжан и даже счета, не оплаченные постояльцем в трактире. При всем этом наука, изучающая английскую топонимику, на данный момент весьма молода. Единичные исследования в данной сфере проводились еще в XIX в. (ср., в частности, деятельность Ж. Лота, о котором речь еще впереди). Однако лишь около 100 лет назад историки и лингвисты стали впервые выстраивать топонимы в подобие некой системы: так названия замков и имений, аббатств и поместий, селений и деревень, усеявших Англию, начали складываться в живописный и сложный узор. Но порой в старых сводах и хартиях, в «хронологической пыли», встречались необычные именованья. Среди привычных для английского глаза терминов – “estate”, “manor”, “farm”, “grange”, “abbey” – там и тут попадалось короткое слово “end”, как будто выбывавшееся из общего ряда. Именно этому небольшому словечку будет суждено сыграть изрядную роль в развитии усадебной культуры Британии.

Одна из сложностей трактовки этого топонимического элемента заключается в том, что он объединяет, на первый взгляд, имена собственные самого разного толка. Ведь что, казалось бы, общего у помпезного особняка Одли-Энд (Audley End) в графстве Эссекс, одного из величайших яковинских поместий, – и тюдоровской усадьбы Кум-Энд в Глостершире (Combe End), секуляризованного монастыря, а ныне – небольшой семейной гостиницы? Или, скажем, у живописного домика Тёрн-Энд (Turn End) в графстве Бакин-гемшир, подобия «итальянской виллы» с белеными стенами, – и жилого комплекса Уорлдс-Энд (World's End – букв.: «Край мира»), угрюмых цитаделей на северо-западе Лондона, на месте викторианских трущоб? На протяжении веков элемент “end” оказывался инкорпорирован в названия роскошных усадеб и неказистых особняков, пастушьих деревень и рыбацких поселков, адвокатских контор и «диковинок» столичной архитектуры. Так как же увязать все их между собой? И какое отношение имеют они к усадебным текстам, к зарождению образа «волшебной усадьбы», «усадьбы-грезы» – и сакрального Дома, к которому «взыскующе» и томительно стремится герой?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся, как и всегда, к дихотомии и к генезису понятия.

Начать разговор следует с того, что английские усадебные топонимы можно разделить на несколько групп:

1) по дефинитивному принципу, когда в название входит термин, обозначающий тип усадьбы; в эту группу могут быть включены такие топонимические элементы, как estate («имение»), manor («усадьба», «поместье»), farm («ферма»), grange («мыза»), abbey («аббатство»)¹, castle («замок») и проч.;

2) метонимический принцип («целое по части»), когда усадьба именуется по строению или локусу, расположенному на ее территории: house («дом»), hall («зала»), field («поле»), bower («беседка», «стрехи»), lodge («небольшой домик», «сторожка»), park («парк») и т. д.

3) индивидуальные имена; здесь все ограничено лишь фантазией именуемого; при выборе названия может сыграть роль и внешний вид дома (напр., усадьба Бугорок (Mount) в Беркшире, где прошло детство К. Грэм), и местоположение усадьбы (Abbotsford, по имени близлежащего брода, к которому ходили монахи Мелроузского аббатства), и даже семейная история².

Но “end”, как мы видим, не подходит ни к одной из этих групп; словно соответствуя своему значению, иронично, и само оказывается «на отшибе». Ключом к этой загадке, как и всегда, может стать этимология этого слова.

Согласно Оксфордскому словарю английского языка, самое раннее употребление существительного “end” – в значении «край», «предел» (в том числе – с вариацией «пределы земные») – встречается в иллюминированной Псалтыри Веспасиана (825 г.) в переводе псалма 18: “In alle eorðan uteo de swoeð heara and in endas ymbhwyrftes eorðan word heara” [OED, “end”: 1a]; ср. эти строки в синодальном переводе: «По всей земле проходит звук их, и до пределов вселенной слова их». Ту же форму обнаруживаем в еще одном переводе Давидовых псалмов, известном как «Псалтырь короля Альфреда» (ок. 1000 г.): “Ofer ealle eorðan færð heora stemn, fer ealle eorðan endas heora word” [OED, “end”: 1a]. То же слово фигурирует, кстати сказать, и в Библии короля Иакова (псалом 19): “Their line is gone out through the earth, and their words to the end of the world” [OED, “end”: 1a], где “end of the world” получает буквальную коннотацию «края света», столь важную, как мы увидим впоследствии, для литературы об английской усадьбе.

В Псалтыри Веспасиана впервые встречается и иносказательное употребление слова “end” – в контексте бескрайности, бесконечности. В переводе псалма 144 читаем: “Micel dryhten and her ændlic swiðe and micelnisse his nis ende” [OED, “end”: 1b]. В синодальном переводе этой строки («Велик Господь и достоуваден, и величие Его неисследимо») интересующая нас коннотация утрачивается.

Во времена короля Альфреда (конец IX века) “end” впервые употребляется в геодезическом ключу

че, в контексте городского деления. Оно появляется в раннем (и достаточно вольном) английском переводе «Истории против язычников» апологета Павла Орозия (V в.). Анонимный переводчик приводит названия четырех великих городов – Вавилона, Александрии, Мемфиса и Рима, – уподобляя их четырем «оконечностям мира» [OED, “end”: 2a]³. Здесь мы видим ранний образец того уникального деления на четыре «конца», которое впоследствии возникнет в английской столице (Ист-Энд, Уэст-Энд и т. д.).

Вплоть до XIII века существительное “end” встречается лишь в духовных текстах. Первое светское сочинение, где фиксирует его Оксфордский словарь, – стихотворное житие св. Кенельма, легендарного короля Мерсии (ок. 1305). Долгие годы существовавшее лишь в виде рукописи, хранившейся в Харлейской библиотеке, оно было опубликовано в 1858 г. «Английским филологическим обществом» (“English Philological Society”). В строке 150 этого сочинения приведен эпизод из юных дней будущего подвижника; его отчим (а впоследствии – убийца) Аскеберт велит молодому королю отправиться «на опушку леса, дабы позабавить себя [охотой]» (“*forto pleyen him bi þe wodes ende*”) [OED, “end”: 1a]. Здесь мы находим раннее употребление слова “end” в значении «опушка», которое будет затем фигурировать в составе английских топонимов (см. об этом далее в тексте статьи).

Как сообщает Оксфордский словарь, коннотацию «граница владений» (как произв. от *лат.* *finis*) слово “end” получает сравнительно поздно. Составители приводят пример из перевода Библии, выполненного Джоном Уиклифом в период с 1382 по 1392 г., где оно встречается в Книге пророка Исайи: “*U haue take awei the endis of replis*” [OED, “end”: 1c]; ср. в синодальном переводе: «И переставлю *пределы* народов». Схожее употребление обнаруживаем в «Золотой легенде» (1265) Иакова Ворагинского, изданной в 1483 г. в переводе Уильяма Кэкстона; в главе LXXII («О вознесении Господнем») этого свода упоминается Иордан, «река, текущая в пределах земли Филистимлян» (“*the Ryuer of the endes of the phylisteis*”) [OED, “end”: 1c].

Отметим и еще один любопытный пример раннего употребления слова “end”. Он встречается в переводе «Евклидовой геометрии», выполненном сэром Генри Биллингси (1570); в главе, посвященной простейшим фигурам, дано такое определение: “*A line is the ende and terme of a superficies*” – «Всякая линия есть конец и предел некой плоскости» [OED, “end”: 1c]. Здесь мы видим синонимию между понятиями “end” и “terme”, второе из которых является производным от имени Терма, греческого бога рубежей и границ. Уже в XIX в. Терму будет посвящено одно из сочинений Кеннета Грэма (о котором речь пойдет далее

в тексте), эссе “*Deus Terminus*” (1892): в нем автор рассуждает о стремлении человека «ограничивать» все на свете, а пределы лесных угодий и усадебных полей соотносятся с «зыбкими королевствами разума» [Grahame: 51].

Как видим, английское понятие “end” терминологически крайне разносторонне. Оно может означать и «конец пути», и «тупик», и «цель», и даже «предназначение» (как высший смысл человеческого бытия, например в философии стоицизма). Им может называться «шишак» (навершие шлема), «острие оружия», «огарок свечи», «осколок», «мишень», «бильярдная луза». Имеет оно и немало фразеологических коннотаций: может означать и «последнюю каплю», и «кончик спасительной соломинки», и «всякую всячину» (в контексте выражения “*odds and ends*”). Все это, взятое вкупе, дает изрядный простор для использования его в контексте усадебной топонимики.

Как уже отмечалось выше, систематическое исследование британских топонимов относится к началу XX века. Важнейшей в этой связи является деятельность Эйлерта Эквелла (1877–1964), шведского ученого, профессора английской литературы в Лундском университете, одного из ведущих специалистов в области англо-саксонской топонимики. Дебютной среди них стала книга «Топонимы Ланкашира» (“*The Place-Names of Lancashire*”, 1922) – первый шаг на пути к будущему словарю. Ее развитием стал труд, охватывавший более широкую область, «Английские топонимы на “-ing”» (“*English Place-Names in ‘-ing’*”, 1923). В 1920-е годы ученый расширяет сферу исследования, пишет ряд монографий об этимологии британских имен собственных, публикует первое в истории исследование, посвященное названиям английских рек. Наконец, в 1936 году выходит в свет *magnum opus* ученого – монументальный «Краткий оксфордский словарь английских топонимов» (“*Concise Oxford Dictionary of English Place-Names*”). Это узловое исследование в сфере английской топонимики, своего рода «ономастикон» британских усадеб, в котором впервые была предпринята попытка не только представить как можно больше имен, но и проследить их возможный генезис. Работу над лексиконом ученый продолжал до конца дней; в 1960 году оно выдерживает четвертое издание. «Краткий словарь...» стал тем крупным трудом, на который и до сего дня ориентируются исследователи английских топонимов (подробнее об этом см.: [Myres 237ff]).

Впрочем, надо отметить, что в своей деятельности Э. Эквелл был вовсе не одинок. 1920-е годы можно по праву назвать расцветом интереса к усадебной топонимике. В это время выходят монографии А. Моэра «Топонимы Нортумберленда и Дарэма» (“*The Place-*

Names of Nothumberland and Durham”, 1920), Дж.Э.Б. Говера «Топонимы Миддлсекса» (“The Place-Names of Middlesex”, 1922), Э. Фэгерстена «Топонимы Дорсета» (“The Place-Names of Dorset”, 1933). Две книги, посвященные графству Кент – «Кентские топонимы» (“Kentish Place-Names”, 1931) и «Топонимы Кента» (“The Place-Names of Kent”, 1934) – публикует шведский кельтолог Й.К. Валленберг. Особо нужно выделить труды Э. Тенгстранда, в которых впервые, наравне с исследованиями Эквелла и Моэра, прослеживается генезис элемента “end” (см., напр.: [Tengstrand: 27]).

Несмотря на фундаментальный характер «Краткого словаря...», на протяжении XX века неоднократно предпринимались попытки углубления в эту тему. Одной из них стала книга Альберта Хью Смита «Английские топонимы» (“English Place-Name”, 1956, 2-е изд., 2008). Упоминаем мы ее не случайно: именно Смит одним из первых, вслед за А. Моэром и Э. Тенгстрандом, осмыслил элемент “end/ende” как составную часть названия англо-саксонской усадьбы [Smith: 11]. Еще одним развитием этих идей стал труд Энтони Дэвида Миллза – «Словарь английских топонимов» (“A Dictionary of English Place Names”, 1991).

В последние годы все большую популярность набирает местная (как мы сказали бы – «краевая») исследовательская деятельность. В наши дни продолжают появляться работы, сфокусированные на топонимах отдельных графств – Ланкашира, Миддлсекса, Дорсета; особый интерес ученые проявляют к Кенту (графству, которое, как мы увидим, напрямую связано с зарождением интересующего нас элемента). Выходят в свет монографии, посвященные усадьбам Шотландии, Ирландии, Уэльса, старинным кельтским названиям. Вызывает интерес и связь топонимики с погребальной культурой; отметим в этом ряду монографию «Имена, миры и могилы» (“Names, Worlds, and Graves”, 1979) под редакцией авторитетного оксфордского историка Питера Хейса Сойера.

В наши дни доказано, что элемент “end”, как и большинство других английских топонимов, впервые зафиксирован в «Книге Судного дня» (“Doomsday Book”) – первой в истории поземельной переписи, проведенной при короле Вильгельме Завоевателе в 1085–1088 годах. Тем не менее, как убедительно доказывает Э. Эквелл, генезис у этого элемента более ранний. В качестве доказательства ученый анализирует название приморской деревушки Лэндс-Энд (Land’s End), расположенной в Западном Корнуолле. Имя этой деревни, основанной еще в саксонские времена, изначально звучало как “Penwæðsteort”, что восходит к корнскому топониму “Penwith”, означающему «край земли» [Eilert: 363]. В такой форме оно встре-

чается еще в конце X века и зафиксировано не только в «Книге Страшного суда», но и в валлийском «Мабиногионе» [Mabinogion: 321]. Возможный генезис этого топонима впервые определил французский филолог Жозеф Лот (1847–1934), специалист по истории кельтских языков. Он трактует это название как “pointe en vue” («точка, видимая издали»), что вполне оправданно: на острове, вдающемся в бурное море, наверняка был корабельный маяк. Новый же вариант названия деревни, Londeseynde (что впоследствии преобразуется в Land’s Ende), возникнет лишь в XIV веке [Eilert, p. 286].

Самое раннее употребление “end” как части составного топонима встречаем в названии города Грейвзэнд (Gravesend, Grauessend), расположенного на территории Кента. Первое его упоминание находим в «Книге Страшного суда» (где, впрочем, приведен иной вариант названия – “Gravesham”), а также в «Книге платежей» (“Feet of fines”, 1195), финансовых отчетах английского Казначейства [Eilert: 203]. “Grave” в этом названии, к слову сказать, не имеет отношения к могиле; оно означает «рощу», «небольшой лес»; соответственно “Gravesend” – это, по сути, «опушка» (вспомним употребление понятия “end” в житии св. Кенхельма); ср. в этой связи именование более современной деревни – Woodend (Wodende), упоминаемой в хрониках с 1316 года [Eilert: 531]. Впрочем, как и в случае с Land’s End, не исключено, что этот топоним имеет более глубокие корни. Известно о существовании одноименного округа в графстве Нортхэмптон, упоминаемого не только в «Книге Страшного суда», но и в более ранней «Златой скрижали» (“Geld Roll”), переписи, проведенной в 1066–1075 годах на юго-востоке Англии [Eilert: 203]. Наконец, еще один пример такого употребления находим в дарственной грамоте короля Эдмунда, отосланной в 944 г. епископу Херефорда; в ней упомянуто некое пространство “æt þæs grafes ende” [Birch: 540]. Впрочем, топоним это или нет – вопрос полемический; ряд исследователей считают, что речь, скорее всего, идет об обычной лесной опушке.

Еще один ранний пример использования элемента “end” – название деревни Дешан (Detchant) в графстве Нортумберленд (первое упоминание – 1166 г.). Впервые трактовку ее названия предложил уже упоминавшийся выше ученый А. Моэр: он прочитывает “detchant” как “ditch end” («край канавы»), ссылаясь на схожее словоупотребление в ранних английских текстах: “to ðære dicende” [Mawer: 62]. «Канавы» здесь, очевидно, обозначает между, раздел между частными территориями. Упомянут в монографии Моэра и еще один топоним, связанный с подобным делением, – “Hazon”; исследователь предлагает трактовать как “heges-ende”, или “hedge’s end”, то есть «край изгороди» [Mawer: 62]; такое же сочетание (“heges

ende”) встречается и в дарственной короля Эдмунда [Birch: 540].

Упомянем, наконец, и еще один топоним, Bourne Ende (Burnend), в графстве Букингемшир (встречается в хрониках с 1236 года). “Burne” здесь – шотландизм со значением «река»; соответственно, “burne’s end” – это устье (в данном случае – место, где река Уай впадает в Темзу). Из-за неверной (как ныне доказано) этимологии предлагалась и другая его трактовка “Bone End”, то есть «осколок кости». Поблизости от этого места находятся деревни Corse End (есть подозрение, что “corse” – это старинная форма «course», имевшее также значение “cross”; соответственно, “cross-end” – это «перепутье», то есть «дом на перекрестье дорог») и Well End («окраина, где находился колодец»).

Как видим, еще на заре английской истории слово “end” прочно увязывается с усадебной топонимикой: оно обозначает границы владений, специальных канав, изгородей, окружающих господскую территорию; обрастает оно и прочими коннотациями («край земли», «частная собственность», связь с крестом и перекрестком, «дом на отшибе»). Еще тогда “end” – это и граница владений, и «край земли», и нечто маячащее, подобное маяку, освещающему путь кораблю в штормовом океане. Все они в дальнейшем будут осмыслены в контексте литературной усадьбы.

В XIX в., с расцветом английской романистики, слово “end” впервые прочно увязывается с усадебным миром. Тогда же оно, согласно Оксфордскому словарю, обретает новое значение: «Пространство на краю деревни или небольшого города, граница поместья или же собственность за его пределами, обычно предваряемая описательным именем» [OED, “end”: 2b].

Дом на отшибе, у края села, стоящий на юру или вынесенный за околицу издревле вызывал, как правило, негативные ассоциации. В народном сознании укоренился стереотип, что в таких домах гнездится «нечистая сила» (недаром именно в «дом на краю деревни» ссылают героиню, юную ведьму, сельчане из романа У. Мейна «Там, далеко, за холмами» (“Over the Hills and Far Away”, 1968)). Были в Англии и собственные, sui generis, коннотации этого локуса. Известно, что еще во времена Дж. Чосера окраины больших городов считались опасными местами, где промышляли бродяги и душегубы; ср. в «Кентерберийских рассказах» (“The Canterbury Tales”, 1400), в «Прологе к рассказу Слуги Каноника»: «В предместьях городских или в трущобах / Живем, как воры, как бродяги, оба» (пер. И. Кашкина). Селились в предместьях и дешевые проститутки, которые не могли промышлять своим ремеслом в городах; во времена Шекспира существовало даже грубое оскорбление “suburbanite” («завсегдатай

пригородов»), за которое можно было всерьез поплатиться: услышав такое, благородный человек незамедлительно обнажал шпагу.

Однако с конца XVIII в. в связи с урбанизацией, четким разграничением дома, домашнего очага, семьи с одной стороны и рабочего места с другой наблюдается стремление зажиточных горожан перебраться из города в пригород. Наличие жилья за пределами Лондона, которое могли позволить себе далеко не все, считалось престижным и статусным. Недаром в романе Дж. Остен «Гордость и предубеждение» (1813) о дядюшке героини, мистере Гардинере, сообщается, что он «живет в непосредственной близости от собственных складов», и тут же замечается, что знание об этом ввергло бы в ужас великосветских дам [Зиновьева: 712]. В XIX в. Лондон обрастает пригородами, где множатся день за днем уютные домики (villas), утопающие в тени душистых садов. Этот этап знаменует развитие локуса “Suburbia” (букв.: «Пригородье»), зеленого пояса вокруг английской столицы; зарождение его стало важным этапом в становлении английской буржуазии (в будущем такие же «пригороды» появятся вокруг большинства промышленных городов). Более бедные классы, в особенности все множасьи «белые воротнички», также стремились проникнуть в «пригородный мир», покинув «жернова треклятой лондонской мельницы»; мечта об «усадебке» становится заветной мечтой для небогатого британского горожанина. Этот мотив, фронтальный для «литературы клерков» (clerk literature), получает развитие в поэзии 1890-х годов – в трагикомической «Балладе о тридцати шиллингах» (“Thirty Bob a Week”, 1894) Дж. Дэвидсона, в лирических зарисовках Э. Рэдфорда «Картинка» (“Pen Sketch”) и «Наш пригород» (“Our Suburb”) из сборника «Смежные комнаты» (“Chambers Twain”, 1895). Отголоски его слышны и в юмористике Дж. Гроссмита («Дневник незначительного лица» (“Diary of a Nobody”), 1888–1889), в романах А. Мэкена «Осколок жизни» (“Fragment of Life”, 1904) и Э.М. Форстера «Говардз-Энд» (“Howard’s End”, 1910). В XX веке, и особенно в послевоенные годы, пору усадебного возрождения, “Suburbia” прочно связывается с представлением о «той самой» Англии, мифом о «веке золотом», развиваемом в поэзии Джона Бетчмана («Миддлсекс», “Middlesex”, 1954), в романах Филиппы Пирс («Том и полночный сад», “Tom’s Midnight Garden”, 1958) и т. д.

Проникновение топонима “end” в английскую усадебную литературу связывается с именем романистки Мэри Энн Эванс (1819–1880), более известной под псевдонимом Джордж Элиот. Романы этой писательницы, словно «глядевшие» в XX и XXI века, во многом повлияли на поэтику будущих усадебных

текстов, ностальгической литературы и модных ныне «семейных саг». Ментальная привязанность человека к родному дому, невозможность обособиться, оторваться от глубинных корней (и, как следствие, двоякое отношение к ностальгии) – один из фронтальных мотивов ее творчества [Mühlheim: 100–141].

Впервые топоним “end” возникает в дебютном романе Джордж Элиот «Адам Бид» (“Adam Bede”, 1859), где фигурирует деревенька Sloman’s End. Элиот не дает ее детального описания, однако даже из названия (букв.: «Приют Тихохода») явствует, что оно несет в себе коннотацию покоя и гостеприимства. В анонимном переводе, опубликованном печатней С.С. Мошкина (1899), и в переводе М. Шишмаревой (1902) ее название передано транслитерацией: Сломанс-Энд, что не позволяет считать оригинальный смысл.

Дальнейшее развитие элемент “end” получает в романе Джордж Элиот «Феликс Холт, радикал» (“Felix Holt, the Radical”, 1866). Одним из мест действия романа становится ферма мистера Гоффа Rabbit’s End («Кроличья опушка»). Она выводится писательницей как «дом – полная чаша», хотя и в ироничном ключе (недаром и название «Кроличий», имеющий неотвязную коннотацию плодovitости). В главе VIII рассказчик, рассуждая об этом имении, упоминает «целый воз мебели и кухонной утвари, ворох рецептов, жену, пятерых детей и грустную донельзя овчарку» [Eliot 1866: 124]. В единственном русском переводе романа, осуществленном в 1867 году («Радикал Феликс Гольт»), название фермы не отражено, а сам фрагмент, в котором она фигурирует, переведен далеко от оригинала.

Фигурируют в романе и другие места, отмеченные тем же топонимическим маркером. Совсем мимоходом, хотя и дважды, (гл. XXVIII, XXXIII) упомянута усадьба Pollard’s End (то есть «Тополиная опушка»), расположенная на скрещенье дорог; в романе ее внешний вид описан одним лишь метким образом: “shabby wideness”, то есть «неприглядная ширь» [Eliot 1866: 356]; в переводе 1867 года ее название передано транслитерацией. Фигурирует в романе (гл. XX) и еще одна ферма с говорящим названием Pod’s End (от *англ.* pod – «загон», «выпас для небольшого стада»). По определению одного из персонажей, законника Мэтью Джермина, это крохотный участок размером с «карманный носовой платок», который «недостойн и поношения» и который «ни за что на свете не разглядеть без увеличительного стекла» [Eliot 1866: 301].

Как видим, в ранних романах Дж. Элиот элемент “end” осуществляет вполне явную функцию; он указывает на пространственное положение усадьбы или деревни («дом на опушке», «дом подле выпаса», «дом под сенью тополей»). Несет он и конно-

тацию крестьянской прижимистости, неумеренной плодovitости, небогатства; на ту же руку играет и образ крестьянского гостеприимства (ср. историю Филемона и Бавкиды, бедных крестьян, приютивших в своем доме богов Гермеса и Зевса). Таким образом, перед нами – классическая крестьянская усадьба, небольшой хуторок, который в английской традиции обыкновенно именовался farm (ферма). (О связи элемента “end” с фермой напишет веком позже Морис Уорик Бересфорд в книге «Забытые английские деревушки» (“The Lost Villages of England”, 1954) [Beresford: 209]). Однако в последующих романах Дж. Элиот к перечисленным категориям прибавятся новые смыслы: в частности, коннотация запустения и запущенности будет воспринята через призму категории «живописное» (“picturesque”) (подробнее о ней см.: [Велигорский]).

В романе «Миддлмарч: картины провинциальной жизни» (“Middlemarch”, 1871–1872) приводится пространное описание крестьянской усадьбы Free Man’s End. В раннем переводе А. Моригеровского («В тихом омуте – буря», 1873) название ее передано транслитерацией (Фриманс-Энд), что не позволяет читателю уяснить заключенный в этом имени смысл; в советском же переводе И. Гуровой и Е. Коротковой (1981) дом получает намеренно парадоксальное (и подразумеваемое Дж. Элиот) название – Тупик Вольного Человека. Вот как изображает эту усадьбу писательница (гл. 39): «<...> под умягчающим влиянием изящных искусств, которые придают живописность чужой нужде, посторонний наблюдатель мог от души восхититься этой крестьянской усадьбой, носившей название Тупик Вольного Человека. Темно-красную крышу старого дома украшали полукруглые чердачные окна, две дымовые трубы утопали в плюще, на большом крыльце были сложены вязанки хвороста, половину окон закрывали серые растрескавшиеся ставни, а под ними буйствовали кусты жасмина. Осыпающаяся кирпичная ограда, через которую перевешивались плети жимолости, ласкала глаз благородством мягких оттенков, а перед распахнутой дверью кухни лежал дряхлый козел, живой символ старинных суеверий» [Элиот 1981: 430].

Союз природы, человека и времени, участвующих в создании дома или паркового ансамбля, – важная сторона английского “picturesque”. Усиливают эффект и другие упомянутые автором черты «дивного запустения»: «мшистая кровля коровника», «обвисшие на серых петлях серые двери амбара», «батраки в заплатанных штанах», «тощие коровы», «свиньи и белые утки, вяло бродящие по заброшенному двору» [Элиот 1981: 430]; все это – характерные элементы описания классической английской “farm” [Велигорский, 122–123].

В начале XX в., в эпоху модернизма, топонимический элемент “end” прирастает новыми смыслами, крайне важными в контексте «усадебного мифа». Рассматриваемый в контексте локуса “Suburbia”, он начинает прочно ассоциироваться с образом «усадебной сакральной» и «усадебно-грёзы», мечты об идеальном доме, проникающей в литературу в этот период. Один из знаменитейших примеров такого дома встречаем в романе Э.М. Форстера «Говардз-Энд» (“Howard’s End”, 1910).

Известно, что прообразом этой литературной усадьбы послужила ферма Грачовник (Rook Nest) в Хертфордшире, где прошло детство писателя, с 1883 по 1893 гг. По замыслу автора, особняк Говардз-Энд (история которого – главная ось всего повествования) становится сокровенным наследием, которое умирающая Рут Уилкоккс передает своей новой знакомой и духовной преемнице Маргарет Шлегель. Многократно в романе Маргарет рассуждает об особняке как о конечной цели своего «странствия»; из ее же уст звучит и знаменитая фраза о том, что «дом – это не просто кирпичи и известка, это Святая Святых». Эта идея, крайне важная для усадебной литературы XX века, дала импульс развитию ностальгического образа усадьбы, прошедшего через все столетие, от «Дома с привидениями» (“The Haunted House”, 1921) и «Орландо» (1928) В. Вулф до «Возвращения в Брайдсхед» (“Brideshead Revisited”, 1944) И. Во и «Останков дня» (“The Remains of the Day”, 1989) К. Исигуро [Велигорский, 280–281, 302–307].

Говардз-Энд в романе Форстера – это сакральное место, особняк «на краю миров», хранимый призраками минувшего; это локус, для которого «характерно ощущение прошлого и настоящего как смежных темпоральных пространств» [Campbell: 19]. В таком месте время как будто остановилось – или по-прежнему движется, но в непривычном нам направлении. Это мифическое, или сакральное, время, противопоставленное времени линейному, – или дихотомия «хронос – кайрос» в терминологии М. Элиаде (ср. его труды «Миф о вечном возвращении» (1949), «Священное и мирское» (1957) и др.). Тот же мотив прослеживается в сказочной повести Кеннета Грэма (1859–1932) «Ветер в ивах» (“The Wind in the Willows”, 1908). Несмотря на ярко выраженный круговорот сезонов: весна (гл. 1, 6) – лето (гл. 2, 3, 7, 8) – осень (гл. 3, 9, 10) – зима (гл. 3–5, 11, 12), – ее герои явно живут в безвременье. Об этом, помимо прочего, говорит «столкновение» двух английских эпох – викторианской и эдвардианской, которое мы видим на примере Mole End – подземного дома Крота (Mole), одного из главных героев повести.

Mole End – это небольшой особняк или, скорее, даже «усадебка»; на последнее указывает целый ряд

факторов, в частности сравнение из эпизода в начале первой главы, в котором Крот отправляется на прогулку: «Туннель заменял ему дорожку, посыпанную гравием и ведущую к главным воротам усадьбы, которая есть у зверей, живущих значительно ближе к воздуху и солнышку, чем Крот» [Грэм 1988: 12]. Явно небогатый и скромный, это, тем не менее, крайне уютный дом, в котором есть все самое необходимое. В отличие от Говардз-Энд, у жилища Крота нет явного прототипа; скорее это образ идеального Дома, приюта и пристанища, который тебя всегда ждет.

Как и особняк из романа Форстера, Mole End – это «дом на краю времени». Он прочно укоренен в викторианской эпохе, времени юности самого Кеннета Грэма. На полочках здесь стоят бюсты Гарибальди и королевы Виктории; на лужайке перед домом лежит «травяной каток» (roller) – тяжелый металлический валик с ручкой, использовавшийся для «укатывания» крикетных площадок, популярной викторианской игры. Недалеко от дома плещет река, запруженная судами (от которых она расчистилась к началу 1900-х гг.) и по-прежнему перекрытая платными шлюзами (упраздненными в конце XIX века). И в то же время здесь явно видны характерные приметы XX столетия. По дороге, лежащей невдалеке от дома, мчатся гоночные автомобили (при этом лимит на скорость был снят лишь в 1901 г.), и отсюда же доносится бравурная песня лягушонка Тоуда (еще одного героя повести), где упомянуты король, а не королева (очевидно, Эдуард VII), а также генерал Китченер, пик славы которого пришелся на 1910-е гг. Mole End – своего рода «капсула» времени, где оно течет и «прямо», и обратно, как в переворачиваемых песочных часах.

Обратившись к переводам его названия, мы видим весьма широкий разброс. Небольшой домик преобразуется в поседение (в переводе И. Резника – «деревня Кроткое») или же в целую улицу (в переводе А.З. Колотова – «Кротовый проулок»). Наиболее традиционным оказывается перевод Кротовый тупик – этот вариант принят в переводах И.П. Токмаковой, В. Лунина и А. Елькова, традиция, восходящая к Дж. Элиот. Однако отметим очевидное: слово «тупик» имеет негативную коннотацию. Тупик – это всегда глухая стена, предел движения и развития, что противоречит характеристике дома Крота, даваемой К. Грэмом. При этом иронично, что Том Шиппи трактует “Bag End” («дно сумки») как буквальную кальку с французского “cul-de-sac”, что означает «тупик» [Shippey 2001: 5–11].

Схожий образ «идеального дома» встречаем в сказочной повести Дж.Р.Р. Толкина «Хоббит, или Туда и обратно» (“The Hobbit, or There and Back Again”, 1937), книги, во многом вдохновленной «Ветром в ивах» К. Грэма. Бэг-Энд (это название впервые по-

является в трилогии «Властелин колец» (“The Lord of the Rings”, 1937–1949), в «Хоббите» же дом безымянный) становится еще одной разновидностью «идеального приюта», который персонажу, тем не менее, предстоит покинуть. В первых главах дом Бильбо изображается как место предельно уютное, где все на своих местах (неспроста и герой носит фамилию “Baggins”, образованную от “bag” («сумка», «мешок»), этакий аналог гоголевской Коробочки). Переводчики, как правило, обыгрывают название дома, предлагая читателю целую россыпь причудливых имен: Торба-на-Круче (пер. А. Муравьева и А. Кистяковско-го), Бебень-на-Бугре (В. Волковский), Котомка-под-Холмом (М. Каменкович), Засумки (В. Грушецкий). Несмотря на живописность и немалое остроумие этих переводческих версий, ни одна из них не передает изначальный смысл, заложенный в название автором (который был прекрасно знаком и с романом Э.М. Форстера, и с повестью К. Грэма). Восприятие Бэг-Энда колеблется среди современных исследователей от образа идеального дома, отражения сути персонажа [Honegger] до мещанского «райка» или «идеальной холостяцкой берлоги» [Donnelly]. И хотя для всех персонажей, покидающих этот дом (и для Бильбо, и для его племянника Фродо), уготован нравственный рост, осмысление своей роли в мире, что ставит их перед необходимостью оставить идеальный (но идеальный ли на деле?) приют, тем не менее сам особняк оказывается вписан в сформировавшуюся традицию.

Как видим, топонимический элемент “end” несет в себе множество коннотаций, сформировавшихся на протяжении веков. Усадьба, в название которой он оказывается включен, выступает как последнее прибежище, как дом на краю мира – и даже на краю времени, – как пункт назначения, как сакральная цель. Рассмотренная в столь сложной диахронии, такая усадьба обретает многогранность, произведения, где она фигурирует, – новые трактовки и смыслы; и все это вкупе образует смысловой простор, обширное поле, на котором может плодотворно трудиться, пожиная плоды, исследователь английской усадьбы.

Примечания

¹ Речь идет как о действительных аббатствах, секуляризованных в годы Реформации и отошедших дворянским фамилиям, приближенным Генриха VIII, так и об усадьбах, не имеющих отношения к упраздненным монастырям и названным так «в русле традиции».

² В последнем случае названия могут быть сколь угодно изобретательными и необычными; ср., напр., Желтый Кром (Crome Yellow) из одноименного романа О. Хаксли (1922) или Черное Зеркало (Black Mirror) из творения М. Малика (2003) о проклятой дворянской семье.

³ Подробнее о «Старом английском Орозии» см.: [Discenza, 72–118; Walker].

Список литературы

Велигорский Г.А. «Усадебный текст» и национальный культурный код: русско-британские литературные связи XIX – начала XXI века / отв. ред. В.Г. Андреева. Москва: ИМЛИ РАН, 2022. 416 с.

Грэм К. Ветер в ивах: сказка / пер. с англ. И. Токаковой. Москва: Детская литература, 1988. 288 с.

Зиновьева А.Ю. Примечания к роману «Гордость и предубеждение» // Остен Дж. Гордость и предубеждение. Москва: Ладомир: Наука, 2023.

Элиот Дж. Миддлмарч / пер. с англ. И. Гуровой, Е. Коротковой. Москва: Художественная литература, 1981. 896 с. URL: <https://studyenglishwords.com/book/Миддлмарч/511?page=1#b10> (дата обращения: 29.08.2023).

Cartularium saxonicum: A Collection of Charters Relating to Anglo-Saxon History, ed. by W. de Gray Birch, 1887.

Campbell N. Children’s Neo-Romanticism: The Archaeological Imagination in British Post-War Children’s Fantasy: A Thesis Submitted in Partial Fulfilment of the Requirements for the Degree of PhD. L., National Centre for Research in Children’s Literature Department of English and Creative Writing University of Roehampton, 2017, 353 p.

Discenza N.G. Inhabited Spaces: Anglo-Saxon Contributions of Space. Toronto; Buffalo. L., University of Toronto Press, 2017, 280 p.

Donnelly J. Nazis in the Shire: Tolkien and Satire. Mythlore. Fall-Winter, 2018, vol. 37, No. 1 (133), pp. 81-102.

Eilert E. The Concise Oxford Dictionary of English Place-Names. Oxford: At the Clarendon Press, 1960, 608 p.

Eliot G. Felix Holt, the Radical. N. Y., Harper & Brothers, 1866, 529 p.

Grahame K. Pagan Papers. L., Elkin Matthews, John Lane; Chicago, Stone & Kimball, 1894, 196 p.

Honegger Th. From Bag End to Lórien: the Creation of a Literary World. News from the Shire and Beyond: Studies on Tolkien, ed. by P. Buchs and Th. Honegger. 2nd ed. Zurich; Berne, Walking Tree Publishers, 2004, pp. 59-81.

Morris M.W. The Lost Villages of England. L., Lutterworth Press, 1954, 445 p.

Mühlheim M. Fictions of Home: Narratives of Alienation and Belonging, 1850–2000. Tübingen, Narr Franke Attempto, 2018. (Schweizer anglistische Arbeiten (=Swiss Studies in English)).

Myres J.N.L. The English Settlements. Oxford, Oxford University Press, 1979, 252 p.

Shippey T. J.R.R. Tolkien: Author of the Century. N. Y., HarperCollins, 2001, 384 p.

Smith A.H. English Place-Name Elements. Cambridge, At the University Press, 1956, 305 p.

Tengstrand E. A Contribution to the Study of Genitive Composition in Old English Place-Names. Uppsala, Almqvist & Wiksell, 1940. (Ser.: Nomina Germanica, vol. 7), 421 p.

Walker V.E.H. The Old English Orosius: Writing an Anglo-Saxon History of the World. L., King's College, 2016, 165 p.

References

Campbell N. Children's Neo-Romanticism: The Archaeological Imagination in British Post-War Children's Fantasy: A Thesis Submitted in Partial Fulfilment of the Requirements for the Degree of PhD. L., National Centre for Research in Children's Literature Department of English and Creative Writing University of Roehampton, 2017, 353 p.

Cartularium saxonicum: A Collection of Charters Relating to Anglo-Saxon History, ed. by W. de Gray Birch, 1887.

Discenza N.G. Inhabited Spaces: Anglo-Saxon Contributions of Space. Toronto; Buffalo. L., University of Toronto Press, 2017, 280 p.

Donnelly J. Nazis in the Shire: Tolkien and Satire. *Mythlore*. Fall-Winter, 2018, vol. 37, No. 1 (133), pp. 81-102.

Eilert E. The Concise Oxford Dictionary of English Place-Names. Oxford: At the Clarendon Press, 1960, 608 p.

Eliot Dzh. *Middlmarch, per: s angl. I. Gurovoi i E. Korotkovo* [Middlemarch, trans. from English. I. Gurova and E. Korotkova]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1981, 896 p. (In Russ.)

Eliot G. Felix Holt, the Radical. N. Y., Harper & Brothers, 1866, 529 p.

Grahame K. Pagan Papers. L., Elkin Matthews, John Lane; Chicago, Stone & Kimball, 1894, 196 p.

Grem K. *Veter v ivakh: skazka* [Wind in the willows: a fairy tale], transl. from English I. Tokmakova. Moscow, Detskaia literatura Publ., 1988, 288 p. (In Russ.)

Honegger Th. From Bag End to Lórien: the Creation of a Literary World. News from the Shire and Beyond: Studies on Tolkien, ed. by P. Buchs and Th. Honegger. 2nd ed. Zurich; Berne, Walking Tree Publishers, 2004, pp. 59-81.

Morris M.W. The Lost Villages of England. L., Lutterworth Press, 1954, 445 p.

Mühlheim M. Fictions of Home: Narratives of Alienation and Belonging, 1850–2000. Tübingen, Narr Franke Attempto, 2018. (Schweizer anglistische Arbeiten (=Swiss Studies in English)).

Myres J.N.L. The English Settlements. Oxford, Oxford University Press, 1979, 252 p.

Shippey T. J.R.R. Tolkien: Author of the Century. N. Y., HarperCollins, 2001, 384 p.

Smith A.H. English Place-Name Elements. Cambridge, At the University Press, 1956, 305 p.

Tengstrand E. A Contribution to the Study of Genitive Composition in Old English Place-Names. Uppsala, Almqvist & Wiksell, 1940. (Ser.: Nomina Germanica, vol. 7), 421 p.

Veligorskii G.A. “Usadebnyi tekst” i natsional’nyi kul’turnyi kod: russko-britanskii literaturnye svyazi XIX–nachala XXI veka [The Estate Text and the National Cultural Code: Russian-Britain Literary Relations of the 19th – early 21st Centuries], Andreeva V.G. (ed.). Moscow, IMLI RAN Publ., 2022, 416 p. (In Russ.)

Walker V.E.H. The Old English Orosius: Writing an Anglo-Saxon History of the World. L., King's College, 2016, 165 p.

Zinov'eva A.Iu. *Primechaniia k romanu “Gordost' i predubezhdenie”* [Notes to the novel “Pride and Prejudice”]. *Osten Dzh. Gordost' i predubezhdenie* [Austen J. Pride and Prejudice]. Moscow, Ladomir, Nauka Publ., 2023. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.07.2023; одобрена после рецензирования 26.08.2023; принята к публикации 30.08.2023.

The article was submitted 22.07.2023; approved after reviewing 26.08.2023; accepted for publication 30.08.2023.

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09"19"

EDN KOCSLA

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-122-126>

«ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЙ» И «ХОЛОДНЫЙ» В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Н.М. КАРАМЗИНА И М.Е. САЛТЫКОВА (ЩЕДРИНА)

Шаврыгин Сергей Михайлович, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»», Москва, Россия, 55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0182-1658>

Аннотация. Цель настоящего исследования состоит в выявлении особенностей восприятия Салтыковым (Щедриным) творчества Карамзина. Уже в первых повестях Салтыкова видны следы его эстетической полемики с Карамзиным, выразившиеся в переосмыслении фундаментальных представлений о роли природы и воспитания, о значении среды и общества в формировании характера человека. В первой повести «Противоречия» Салтыков (Щедрин) переосмысливает идеи неостоицизма относительно характера человека, достижения им счастья и блаженства, усвоенные и переданные Карамзиным в психологическом очерке «Чувствительный и холодный». Салтыков (Щедрин) приходит к выводу о том, что основное заблуждение стоиков и их последователей заключалось в упрощенном представлении о натуре и характере человека и призывает к необходимости перехода от умозрительных абстрактных просветительских и сентименталистских представлений о человечестве к внимательному и подробному анализу действительной жизни, окружающей каждого конкретного человека и закладывающей основы его личности.

Ключевые слова: жанр, повесть, стоицизм, сюжет, характер, эпиграф, Карамзин, Салтыков-Щедрин.

Для цитирования: Шаврыгин С.М. «Чувствительный» и «холодный» в интерпретации Н.М. Карамзина и М.Е. Салтыкова (Щедрина) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 122–126. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-122-126>

Research Article

“SENSITIVE” AND “COLD” IN THE INTERPRETATION OF NIKOLAY KARAMZIN AND MIKHAIL SALTYKOV (SHCHEDRIN)

Sergei M. Shavrygin, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Philology, Moscow University for Industry and Finance “Synergy”, Moscow, Russia, 55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0182-1658>

Abstract. The purpose of this study is to identify the peculiarities of Mikhail Saltykov-Shchedrin’s perception of Nikolay Karamzin’s creative work. In the first stories by Mikhail Saltykov-Shchedrin, traces of his aesthetic polemic with Nikolay Karamzin are already visible, expressed in a rethinking of fundamental ideas about the role of nature and upbringing, about the importance of the environment and society in the formation of human character. In the first story “Contradictions”, Mikhail Saltykov-Shchedrin rethought the ideas of neo-stoicism regarding character formation, achievement of happiness and bliss, assimilated and transmitted by Nikolay Karamzin in the psychological essay “Sensitive and Cold”. Mikhail Saltykov-Shchedrin concluded that the main misconception of the Stoics and their followers was a simplified idea of the nature and character of a person, and the Russian author called for the need to move from speculative abstract upbringing and sentimentalist ideas about humanity to an attentive and detailed analysis of the actual life surrounding each individual and laying the foundations of its personality.

Keywords: genre, story, Stoicism, plot, character, epigraph, Nikolay Karamzin, Mikhail Saltykov-Shchedrin.

For citation: Shavrygin S.M. “Sensitive” and “cold” in the interpretation of Nikolay Karamzin and Mikhail Saltykov (Shchedrin). Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 3, pp. 122–126. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-122-126>

Одним из способов интерпретации художественного текста является интертекст, смысловая стратегия интертекстуальности направлена на выявление «текста в тексте», лингвоконцептуальное освоение «чужого слова», создание структуры «автор – чужой текст – читатель», за счет чего происходит актуализация и понимание «внутренних» связей текста.

Презумпция интертекстуальности (см.: [Кузьмина: 64–65]) представляет собой характерную черту творческого сознания Салтыкова (Щедрина) (см.: [Бушмин; Строганова; Чернец: Немыкина]), проявившуюся уже в начале писательского пути, в «повести из повседневной жизни» «Противоречия» (1847). В первом крупном прозаическом произведении писателя впервые выразил свое «понимание жизни» [Салтыков (Щедрин) 1: 73].

Повесть репрезентирует эпистолярную форму, характерную для этой эпохи (вспомним роман Ф.М. Достоевского «Бедные люди», повесть И.С. Тургенева «Переписка», «Письмо из провинции» А.И. Герцена и др.). Одновременно эта жанровая форма сама по себе отсылает читателя к традиции XVIII века, прозе Карамзина и актуализированного им руссоизма, очерчивающего четкие границы для эстетических экспериментов.

Форма письма позволяла вести дружескую беседу, свободно обсуждать как личные, так и актуальные, философские, социальные темы. Когнитивная стратегия автора повести определялась стремлением человека эпохи конца 1840-х годов понять причины и сущность противоречий действительности [Усакина: 401], которые все больше раскрывались в сознании Салтыкова (Щедрина) по мере отказа от юношеских, романтических, идеализирующих представлений о жизни. Писателя волновали не столько социально-экономические, нравственные конфликты, сколько противоположность взглядов, дуализм точек зрения [Лардыгина]. Поиски истоков парадоксальности существования и двойственности человеческого характера приводили писателя к философско-этическому переосмыслению проблемы взаимосвязи природных свойств природы человека и его воспитания, маркирующей идеологию просветительского XVIII века и вновь актуализирующейся на переходе от романтического к позитивистскому миропониманию. Раскрытию этой темы посвящено первое письмо «От Нагибина к г. NN. Село Ряплово».

Художественный мир Салтыкова (Щедрина) предельно антропоцентричен, его архитектурным и смысловым ядром является личность человека в ее психологической и нравственной ипостаси («говорить только о человечестве и забывать о человеке – глупо» [Салтыков (Щедрин): 74]), которые определяют его социальные, культурные, исторические интенции [Андреева].

Писатель интерпретировал антропологические идеи сентиментализма и Карамзина, впервые обратившего внимание на человека, его характер, внутренний мир. Эти темы и определили установку всего творчества Салтыкова (Щедрина) на размышления о нравственно-психологической и социальной природе человека, философской сути бытия, судьбе и предназначении личности.

Сначала учащийся Московского дворянского института, а затем выпускник Александровского (Царскосельского) лицея, Салтыков (Щедрин), безусловно, был хорошо подготовлен по русской словесности и владел представлениями о нравственно-философских идеях автора «Бедной Лизы». В целом обучение в институте и в лицее носило гуманитарно-филологический характер [Макашин: 105]. Творчеству Карамзина уделяли внимание с самого начала и детально. Учебным планом Дворянского института было предусмотрено, наряду с изучением Ломоносова, Кантемира, Крылова, «чтение Карамзина с разбором периодов; подражания из Карамзина и других новейших писателей» [Макашин: 105]. В повести «Противоречия» Салтыков (Щедрин) использует интертекстуальную ироническую переключку со стихотворением Карамзина «Прости» в московском эпизоде праздничного ужина у Вертоградова, мелкого служащего, дочь которого, Маша, поет романс «Кто мог любить так страстно». Погружение лирического текста в низкую пошлую среду свидетельствует о происшедшем трагическом переосмыслении общественным сознанием когда-то авторитетного автора и ироническом отношении к нему автора повести.

Салтыков (Щедрин) с помощью иронии преодолевает жанрово-стилевую инерцию эпистолярной формы XVIII века. Он создает полижанровую структуру, в которой переписка оказывается только видимой оболочкой, скрывающей в себе как сущность единство многожанровых элементов, один из которых (первое письмо Нагибина к г. NN из села Ряплово) и представляет собой нравственно-философский очерк, претекстом которого служит нравственно-психологический и философский очерк Карамзина «Чувствительный и холодный», основные мотивы и идеи которого активно вовлекаются Салтыковым (Щедриным) в смысловое пространство собственного текста и влияют на его формирование.

Прагматическая стратегия интертекстуальности проявляется в переосмыслении писателем жанровой модели, созданной Карамзиным с опорой на роман Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера», и стремлении предложить оригинальное решение активного со- и противопоставления двух характеров, двух психологических типов, скептика-реалиста и романтика [Кудреватых], в пространстве этой философской повести-столкновения.

Поскольку композиционно вся повесть построена на игре антиномиями, скептицизм, даже мизантропизм салтыковского героя, Нагибина, противопоставлен восторженному юношескому романтизму адресата его писем г. NN (возможному alter ego самого Нагибина). При этом карамзинские характеры Леонида (рационального, холодного) и Эраста (чувствительного, эмоционального) чрезвычайно близки Нагибину (разочарованному скептику, материалисту) и г. NN (восторженному романтику) из «Противоречий». Посредством конвергенции как способа реализации прагматической стратегии интертекстуальности Салтыков (Щедрин) иронически стилизует повествование («[письмо] напомнило мне лучшие годы моей молодости, те годы, когда сердце человека, полное трепетных предчувствий, полное неясного и несознанного еще будущего, ко всему стремится, все приемлет... [мы] создаем себе особый мечтательный мир... где по манию нашему являются уставленные яствами столы, являются чудные, светлоокие женщины с распростертыми объятиями, с жгучими поцелуями и неиссякаемою негою в глазах...» [Салтыков (Щедрин) 1: 72–73]) под дискурс Карамзина («Эраст был молод, прекрасен, умен и богат: сколько прав наслаждаться светом! Женщины ласкали его, мужчины ему завидовали: сколько приятностей для сердца и самолюбия! Он сократил вечера для работы, чтобы продлить их для удовольствий общества, находя, что одобрительная улыбка министра не так любезна, как нежная улыбка прелестных женщин» [Карамзин: 745–746]). Кроме того, общим оказывается и концептуальный каркас двух текстов: «молодость», «сердце человека», «любовь», «мечтательный мир» [Карамзин: 745–746; Салтыков (Щедрин) 1: 72–73].

Общими у обоих авторов оказываются темы человеческих характеров, природы, воспитания, представляющие открывающиеся новые ценностные смыслы в плане их со- и противоположения. По сути, в повести разворачивается диалог творческих сознаний и установок, призванный ответить на вопросы: что первично и что определяет личность человека: то, что заложено в нем природой или последующим воспитанием?

В этом аспекте важную структурно-функциональную роль играет эпиграф к повести, представляющий собой стоическую философскую сентенцию Сенеки из трактата «О счастливой жизни»: «Надо пользоваться и руководствоваться законами Природы: ее созерцает и с нею советуется разум; следовательно: жить счастливо – значит жить сообразно с Природой» [Салтыков (Щедрин) 1: 71]. Эпиграф вводит в текст основное семантическое ядро диалога, связанного с концептом «счастье» и путями его достижения. Также он выполняет коммуникативно-прагматиче-

скую роль, притягивает тексты Карамзина и Салтыкова (Щедрин), актуализирует широкий философский и культурологический контекст прежде всего античной стоической мысли, основанной на утверждении, что существование человека всегда согласовано с природой, существует по ее законам и благо человека – подчиниться разуму и природе [Сенека: 19].

Нравственно-психологический опыт Карамзина остается в рамках стоической философии: «Одна природа творит и дает: воспитание только образует» [Карамзин: 740]. Герои Карамзина приобретают счастье и душевное согласие именно благодаря природным качествам их натур и привычке жить в согласии со своими природными характерами.

Нарратив Салтыкова (Щедрин) показывает, как жизнь переворачивает эти представления, писатель подчеркивает растерянность и духовное бессилие персонажей перед развернувшейся пропастью жизненных противоречий. Художественный анализ конфликта двух типов сознания: скептически-реалистического и романтического – приводит автора повести к необходимости по крайней мере поставить под сомнение сентенции Сенеки и мысли его последователя, Карамзина, о роли природы в достижении человеческого счастья и блаженства.

В результате Салтыков (Щедрин) в противовес карамзинскому неостоицизму готов согласиться с тем, что именно воспитание определяет мироощущение Нагибина и г. NN. Концепт «воспитание», хорошо известный русскому культурно-историческому, философскому сознанию по трудам русских просветителей XVIII века, переосмысливается Салтыковым (Щедринным). Для него теперь это не спекулятивное, умозрительное домашнее воспитание, как оно осмысливалось просветителями, а вслед за ними и сентименталистами, а воспитание реальной жизнью, «срединой», как пишет Салтыков (Щедрин), то есть той средой, обществом, внешним миром, который окружает человека и заставляет его изучать себя, приспосабливаться, уяснять свои отношения к нему [Салтыков (Щедрин) 1: 75].

Природа, напротив, не помогает человеку достигать основной цели, а вкладывает в человека ту базу противоречий, которые усиливаются на протяжении жизни под внешним влиянием и составляют инерцию человеческого существования.

Для того чтобы показать, как усложняется характер человека, как в нем появляются и реализуются противоположные начала, Салтыков (Щедрин) использует излюбленную карамзинскую модель сюжета: любовный треугольник руссоистского типа. Как и в очерке Карамзина, в повести Салтыкова герои треугольника симметричны, и он зеркально повторяется дважды, но в перевернутом виде. Салтыков не повторяет сюжетных ходов Карамзина, а пароди-

рует их, меня персонажей местами и травестируя их взаимоотношения.

Салтыков (Щедрин) соединяет в главном герое, Нагибине, оба начала: и холодное, и чувствительное. Этим соединением, пониманием того, что человеческое естество гораздо сложнее и противоречивее представлений античности и XVIII века, писатель, с одной стороны, показывает простоту и наивность карамзинской интерпретации неостоицизма, а с другой – в эпоху позитивизма развивает зарождавшийся аналитизм психологической манеры Карамзина, формировавшиеся представления о необходимости через непосредственные переживания человека улавливать глубинную, порой противоречивую сущность человеческой природы.

Список литературы

- Андреева В.Г. Человек и проблема антропоцентризма в русском романе второй половины XIX века // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4. С. 13–21. <https://doi.org/10.24411/2499-9679-2018-10191>
- Бушмин А.С. Салтыков-Щедрин. Искусство сатиры. Москва, 1976. 252 с.
- Карамзин Н.М. Чувствительный и холодный: Избранные сочинения: в 2 т. Москва; Ленинград: Художественная литература, 1964. Т. 1. С. 740–754.
- Кудреватых А.Н. «Чувствительный и холодный. Два характера»: новые грани карамзинского психологизма // Вестник ЮУрГГПУ. 2009. № 7. С. 263–272.
- Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Москва, 2009. 272 с.
- Лардыгина О.А. Взаимосвязь темы одиночества и композиции произведения в первой повести М.Е. Салтыкова-Щедрина // Ученые записки ОГУ. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 1 (82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-temy-odinochestva-i-kompozitsii-proizvedeniya-v-pervoy-povesti-m-e-saltykova-schedrina> (дата обращения: 01.08.2023).
- Макашин С.А. Салтыков-Щедрин. Биография. Москва: Художественная литература, 1951. 587 с.
- Немыкина И.В. Поэтика «чужих» образов в прозе М.Е. Салтыкова-Щедрина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 21 с.
- Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: в 20 т. Москва: Художественная литература, 1965. Т. 1. 463 с.
- Сенека Л.А. Философские трактаты. Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. 396 с.
- Строганова Е.Н. Роман М.Е. Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия»: Диалог с современниками и предшественниками. Москва, 1917. 200 с.
- Усакина Т.И. Комментарии: М.Е. Салтыков-Щедрин. Противоречия // М.Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч.: в 20 т. Т. 1. С. 401–415.

Чернец Л.В. О типах персонажей в русской литературе XIX века. Москва, 2018. 210 с.

References

- Andreeva V.G. *Chelovek i problema antropotsentriзма v russkom romane vtoroi poloviny XIX veka* [Man and the Problem of Anthropocentrism in the Russian Novel of the Second Half of the 19th Century]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Upper Volga Philological Bulletin], 2018, No. 4, pp. 13-21. <https://doi.org/10.24411/2499-9679-2018-10191> (In Russ.)
- Bushmin A.S. *Saltykov-Shchedrin. Iskusstvo satiry* [Saltykov-Shchedrin. The Art of Satire]. Moscow, 1976, 252 p. (In Russ.)
- Chernets L.V. *O tipakh personazhei v russkoi literature XIX veka* [About the types of characters in Russian literature of the XIX century]. Moscow, 2018, 210 p. (In Russ.)
- Karamzin N.M. *Chuvstvitel'nyj i holodnyj* [Sensitive and cold]. *Izbrannye sochinenija: v 2 t.* [Selected works: in 2 vols.]. Moscow, Leningrad, Fiction Publ., 1964, vol. 1, pp. 740-754. (In Russ.)
- Kudrevatyh A.N. «*Chuvstvitel'nyj i holodnyj. Dva haraktera*»: *novye grani karamzinskogo psihologizma* ["Sensitive and cold. Two characters": new facets of Karamzin's psychologism]. *Vestnik JuUrGGPU* [Bulletin of SUSUGPU], 2009, No. 7, pp. 263-272. (In Russ.)
- Kuz'mina N.A. *Intertekst i ego rol' v protsessakh ehvoljutsii poehticheskogo yazyka* [Intertext and its role in the processes of poetic language evolution]. Moscow, 2009, 272 p. (In Russ.)
- Lardygina O.A. *Vzaimosvyaz' temy odinochestva i kompozitsii proizvedeniya v pervoi povesti M. E. Saltykova-shchedrina* [The relationship between the theme of loneliness and the composition of the work in the first novel by M.E. Saltykov-Shchedrin]. *Uchenye zapiski OGU. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Scientific notes of OGU. Ser.: Humanities and social sciences], 2019, No. 1 (82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-temy-odinochestva-i-kompozitsii-proizvedeniya-v-pervoy-povesti-m-e-saltykova-schedrina> (access date: 01.08.2023). (In Russ.)
- Makashin S.A. *Saltykov-Shchedrin. Biografija* [Saltykov-Shchedrin. Biography]. Moscow, Fiction Publ., 1951, 587 p. (In Russ.)
- Nemykina I.V. *Poehtika «chuzhikh» obrazov v proze M.E. Saltykova-Shchedrina: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Poetry of "alien" images in prose by M.E. Saltykova-Shchedrina]. Voronezh, 2006, 21 p.
- Saltykov-Shchedrin M.E. *Sobranie sochinenij: v 20 t.* [Collected works: in 20 vols.]. Moscow, Fiction Publ., 1965, vol. 1, 463 p. (In Russ.)
- Seneka L.A. *Filosofskie traktaty* [Philosophical treatises]. St. Petersburg, Aletheia Publ, 2000, 396 p. (In Russ.)

Stroganova E.N. *Roman M.E. Saltykova-Shchedrina «Sovremennaya idilliya»: Dialog s sovremennikami i predshestvennikami* [M.E. Saltykov-Shchedrin's novel "Modern Idyll": A Dialogue with Contemporaries and Predecessors]. Moscow, 1917, 200 p. (In Russ.)

Usakina T.I. *Kommentarii: M.E. Saltykov-Shchedrin. Protivorechiya* [Comments on: M.E. Saltykov-Shchedrin. Controversies]. Saltykov-Shchedrin M.E.

Sobr. soch.: v 20 t. [Collected Works], vol. 1, pp. 401-415. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.07.2023; одобрена после рецензирования 24.07.2023; принята к публикации 11.08.2023.

The article was submitted 11.07.2023; approved after reviewing 24.07.2023; accepted for publication 11.08.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 127–134. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 3, pp. 127–134. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(430).09”19”

EDN HSYMSH

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-127-134>

АЛХИМИЧЕСКИЙ СИМВОЛИЗМ НОВЕЛЛЫ Э.Т.А. ГОФМАНА «ЗОЛОТОЙ ГОРШОК: СКАЗКА ИЗ НОВЫХ ВРЕМЕН»

Королева Вера Владимировна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам, Владимирский государственный университет им. братьев Столетовых, Владимир, Россия, queenvera@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7608-9772>

Притомская Алина Романовна, Владимирский государственный университет им. братьев Столетовых, Владимир, Россия, gera.greenhill@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается символизм новеллы Э.Т.А. Гофмана «Золотой горшок» в рамках алхимического дискурса. Были выделены и проанализированы элементы средневекового алхимического символизма в произведении Гофмана: мотив инициации героя и его последующего духовного преображения, образы (змеи, стихийные духи (саламандра и дракон)), символы (тайная рукопись, кровь, яблоки, сад, дерево (пальма и кипарис)), а также символика цвета (красный, черный, белый, золотой и бронзовый). В статье делается вывод о том, что средневековая теория алхимии соответствовала представлениям немецких романтиков о способе достижения творческой гармонии и духовного преображения.

Ключевые слова: алхимический символизм, Э.Т.А. Гофман, символизм цвета, немецкий романтизм.

Для цитирования: Королева В.В., Притомская А.Р. Алхимический символизм новеллы Э.Т.А. Гофмана «Золотой горшок: сказка из новых времен» // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 127–134. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-127-134>

Research Article

ALCHEMICAL SYMBOLISM OF THE NOVELLA “THE GOLDEN POT: A MODERN FAIRY TALE” BY E. T. A. HOFFMANN

Vera V. Koroleva, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of the Second Foreign Language and Methods of Teaching Foreign Languages. The Stoletovs Vladimir State University, Russia, queenvera@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7608-9772>

Alina R. Pritomskaya, The Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, The Russian Federation, gera.greenhill@gmail.com

Abstracts. The aim of this study is to analyse the symbolism of E.T.A. Hoffman’s novella “The Golden Pot” within the framework of the alchemical discourse. The researchers employed historical-genetic, structural-semantic methods and the method of motivic analysis to explore the elements of medieval alchemical symbolism in the novella, namely: the motif of the hero’s initiation and his subsequent spiritual transformation, the symbols of snake, elemental spirits (salamander and dragon), manuscripts, blood, apples, garden, four elements, palm and cypress, as well as the symbolism of colour – red, black, white, gold and bronze. Results of the research suggest that the medieval theory of alchemy corresponded to the image of achieving creative harmony and spiritual transformation in German Romanticism.

Keywords: alchemical symbolism, E.T.A. Hoffmann, symbolism of colour, German Romanticism.

For citation: V.V. Koroleva, A.R. Pritomskaya. Alchemical symbolism of the novella “The Golden Pot: A Modern Fairy Tale” by E. T. A. Hoffmann. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 3, pp. 127–134. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-127-134>

Новелла Э.Т.А. Гофмана «Золотой горшок», несмотря на сказочный сюжет, является трудной для восприятия за счет метаморфоз, которые происходят с героями, и сложной системы символов. В литературоведении эти сюжетные пассажи чаще всего объясняются безграничной гофмановской фантастикой. Однако запутанность фабулы и образные переключки становятся более понятными, если посмотреть на них в ключе алхимической теории. Целью данного исследования является выделение элементов средневекового алхимического символизма в новелле «Золотой горшок» для раскрытия авторского замысла – поиска путей достижения творческой гармонии и духовного преображения.

Вопрос о мистическом подтексте гофмановских произведений в литературоведении уже поднимался. Однако критики обращали внимание преимущественно на роман Гофмана «Эликсиры дьявола» (1815). Например, А.А. Аствацуров упоминает о пути главного героя как приобщении к мистическому знанию. Вопрос символического смысла образов розы и креста в романе Гофмана «Эликсиры дьявола», а также его мистический подтекст, восходящий к воззрениям розенкрейцеров, рассматривался нами [Королева 2017]. Л.А. Мишина обращает внимание на особое построение романа, которое характеризуется как «процесс раскрытия тайн» [Мишина 2012: 336].

Следует отметить, что сама эпоха романтизма в Германии спровоцировала интерес современников к мистическому и тайному знанию. На этот факт указывает биограф Гофмана Р. Сафрански: «В конце века диковинное вновь самоуверенно выступало в качестве чудесного. <...> И вот снова в деревнях и городах люди сбегаются, чтобы послушать пророков, предвещающих конец света или второе пришествие Мессии» [Сафрански 2005: 58]. В обществе становится модно быть членом тайных союзов, что привело к появлению произведений, повествующих о тайных обществах, имеющих скрытые тайные символы. Мистика, астральные и алхимические образы входят во многие романтические произведения. В 80–90-е годы XVIII века вышло свыше 200 подобного рода романов, наиболее известными авторами которых были Шпис, Науберт, Вульпиус, Крамер и Гроссе, Шиллер («Духовидец») и Гёте («Вильгельм Мейстер»). Биограф Гофмана Сафрански утверждает, что немецкий писатель также увлекался такими романами [Сафрански 2005: 58]. В письме от 19 февраля 1795 г. Гофман рассказывает своему другу Гиппелю о том, какое сильное впечатление на него произвел роман о тайных обществах Карла Гроссе «Гений» [Сафрански 2005: 42]. В этом же году Гофман пишет свое произведение о деятельности тайных союзов «Корнаро – мемуары графа Юлиуса фон С.», которое, к сожалению, до нас не дошло.

На интерес Гофмана к алхимии указывает и упоминание им в своих произведениях имен и произведений алхимиков, например Леонарда Турнейссера («Выбор невесты»), Парацельса («Королевская невеста»), Жерара Дорнея («Огненный дух»), Мирандолы (ему приписывают авторство «De Auro Libri Tres»), а также исследователей алхимической философии: Виглеба («Крошка Цахес») и Свиденборга («Серрапионовы братья»). В новелле «Огненный дух» Гофман упоминает также Гермеса Трисмегиста [Гофман б: 25], которому алхимики приписывают авторство «Изумрудной скрижали». Стоит отметить, что алхимический подтекст новеллы Гофмана «Золотой горшок» будет замечен и высоко оценен в начале XX века идейным последователем Гофмана в литературе – австрийским прозаиком Г. Майринком, который использует гофмановскую символику в своем романе «Голем».

Таким образом, интерес Гофмана к мистике, алхимии не вызывает сомнений. Однако исследование произведений немецкого писателя в этом аспекте – вопрос малоизученный, и в основном связан с романом «Эликсиры дьявола». На наш взгляд, актуальным вопросом является изучение с помощью описательного, сравнительно-сопоставительного методов, а также метода мотивного анализа других произведений Гофмана в мистическом контексте, что позволит увидеть новые смыслы в привычных произведениях. Согласно нашей гипотезе, эзотерические идеи нашли свое отражение и в новелле «Золотой горшок» (1815) Гофмана и обнаруживают свои корни в средневековой алхимической теории, которая, как известно, состоит в идейном родстве с учением Розы и Креста, поскольку обе теории являются по своему происхождению герметическими.

На наш взгляд, в новелле Гофмана «Золотой горшок» обнаруживаются такие элементы алхимического символизма, как мотив инициации героя и его последующего духовного преображения, образы (змеи, стихийные духи (саламандр и дракон)), символы (тайная рукопись, кровь, яблоки, сад, дерево (пальма и кипарис)), а также символика цвета (красный, черный, белый, золотой и бронзовый). Следует, однако, отметить, что Гофман не претендует на точное воспроизведение алхимической символики и семантики отдельных знаков. Для писателя такая игра со смыслами является характерным стилистическим приемом: наслонение смыслов, неоднозначные символы и сюжетные тайны были излюбленным способом сделать текст многогранным (ярко проявляется в новелле «Тайны» и романе «Эликсиры сатаны»). Для Гофмана алхимические знаки и символы становятся частью универсального языка, воспринимаемого и трактуемого бессознательно.

Алхимический символизм новеллы «Золотой горшок» в первую очередь заложен в фабуле новеллы.

Студент Ансельм встречается в парке Линковых купален мистических змеек, со знакомства с которыми начинается путь его духовного познания. Отец змеек, элемент огня Саламандр, он же архивариус Линдгорст в мире реальном, нанимает Ансельма переписывать арабские рукописи. За работой Ансельм сближается с младшей дочерью Саламандра, Серпентиной, женится на ней и переселяется в Атлантиду. В самом сюжете новеллы сокрыты алхимические идеи в той же аллегорически-иносказательной форме, в какой они представлены в труде «Химическая свадьба Христиана Розенкрейца» [Рейкенборг 2015], с которым Гофман мог быть знаком.

На наш взгляд, фабула новеллы представляет собой путь главного героя к познанию и преображению, где Ансельм выступает Адептом [Юнг 2008: 114], а в конце новеллы преобразуется из неуклюжего филистера в поэта, получившего право жить в мифической Атлантиде. В то же время Ансельм выступает в новелле и в роли мужского элемента, *серы* в Великом деянии. В этой двойственности Гофман реализует представление самих алхимиков о том, что материалом в их опытах выступают они сами, их дух и иногда даже кровь (по формуле арабских алхимиков «*Venitur in vena, sanguine plena*») [Абт 2013: 181].

Ансельм должен пройти путь трансформации. На это указывает тот факт, что история начинается в День Вознесения, праздник *обождения* Христа, качественного изменения его сути от тленного человеческого до нетленного божественного. Выбранная Гофманом дата дает намек на путь, который должен пройти Ансельм: качественное изменение своей материальной и духовной природы. Необходимо отметить, что сюжет страстей и воскресения Христа алхимики также рассматривали как аллерию Великого деяния, где Воскресение и Вознесение считались успешным завершением алхимического процесса [Зотов 2016].

Путь Ансельма начинается от Черных ворот. Черным цветом в алхимии обозначалась начальная стадия преобразования вещества, *Нигредо*. Одежда студента также соответствует этой стадии: Ансельм одет в «щучье-серый» фрак и черные брюки [Гофман 1: 190]. Не менее важными в этой сцене являются и *черные врата*. В знаменитом иллюстрированном трактате «Блеск Солнца», авторство которого приписывается Соломону Тризмостину, на картине «Сатурн – Дракон и ребенок» на заднем плане изображена входящая в ворота похоронная процессия, состоящая из облаченных в черные одежды людей [Седова 2015]. До начала своего познания Ансельм пользуется «китайской тушью» (которая может как просто повторять семантику цвета, так и отсылать к китайской школе алхимии) и «вороновыми перьями» [Гофман 1: 224]. Ворон – один из самых распространенных символов стадии Нигредо [Юнг 2008: 134].

Неуклюжий молодой человек у ворот давит яблоки старухи-торговки. Плоды яблони ассоциируются с мифологическим садом Гесперид [Пернети 2012: 102], который также трактуется как алхимический сад. Вход в него охраняет Дракон – страж знания, которого необходимо победить и потомком которого является ведьма Рауэрин [Гофман 1: 238]. Она препятствует духовному преобразованию Ансельма, так же, как ее предок, дракон, мешал преображению Фосфора. У Рауэрин, как и у Стража-Дракона, черные волосы и острые зубы, и она одевается в «чешуйчатый панцирь» [Гофман 1: 250] в битве с Саламандром, что подчеркивает ее родство с Драконом из легенды о Фосфоре.

В парке Линковых купален Ансельм впервые сталкивается с Серпентиной, которой, согласно алхимической концепции, соответствует женский элемент, *ртуть*. Серпентина вместе с сестрами появляется в виде змеек. Змеино-драконовая символика имеет в алхимической теории широкую трактовку, но является, тем не менее, универсальной. Змея также обозначает текучую жидкую ртуть [Гудимова 2018]. Количество змеек – три, что может быть как сказочным элементом новеллы, так и отсылкой к алхимической гравюре «Гермафродит с тремя змеями и одной змеей. Внизу – трехглавый дракон Меркурия» из трактата «*Rosarium philosophorum*». Прямых доказательств, что Гофман читал «Розарий философов», – нет. Однако интерес писателя к алхимической теории и ее символике мог привести его к одному из изданий трактата «Розарий», который был написан на немецком языке и стал одной из самых издаваемых книг по алхимии в Европе [Касталия 2022].

В новелле Гофмана змейки обвивают ветви деревьев, напоминая кадуцей или алхимические гравюры со змеями. Цвет змей, зеленый, также может символизировать как изумрудные скрижали Гермеса Тризмегиста, так и зеленую стадию Великого деяния, замедление всех процессов [Седова 2015].

Дочери Линдгорста являются Ансельму в ветвях бузины. Мифы об этом дереве в германском фольклоре имеют сложившуюся коннотацию. Это дерево колдунов: ведьма могла превратиться в веточку бузины, что сюжетно предсказывает появление Рауэрин в судьбе Серпентины и Ансельма. Увядание дерева во дворе предвещало гибель члена семьи, что также может намекать на символическую смерть Ансельма [Курц, Махатчек, Игельхаузер 2001: 371–372].

Как только Ансельм встречается дочерей Линдгорста и заговаривает с ними, он проходит первый этап инициации, то есть доказывает свою готовность воспринимать чудесное и вступить с ним в контакт. Студент приобщается к ирреальному миру и теперь видит магию повсюду вокруг себя: с ним заговаривают куст как символ элемента земли, ветер как символ

воздуха и солнечные лучи – символ огня. Сам протагонист находится на берегу Эльбы как символе элемента воды, именно в ней исчезают змейки, так как река является женской стихией [Кирхвегер 2009: 14]. Взаимодействие с первоэлементами необходимо адепту, чтобы достичь своей цели, поскольку элементы хранят знания о всех процессах в мире. Также и Ансельм как романтический герой должен на пути преобразования и достижения идеального мира обрести гармонию с природой.

На пути к любви Серпентины Ансельму мешают колдунья Рауэрин, которую протагонист называет «бронзовой бабой» [Гофман 1: 206]. Бронза также имеет в алхимической теории свою трактовку. Юнг пишет: «С алхимической точки зрения ржавчина, как ярь-медянка, – это болезнь металла. Но в то же время эта проказа – *vera prima materia*, основа для приготовления философского золота» [Юнг 2008: 92]. Ведьма препятствует преобразению Ансельма, как ржавчина, губительная для процесса трансмутации, отдаляет адепта от познания тайн алхимии.

На крыльце дома архивариуса Линдгорста Ансельма также посещает видение, которое имеет смысл трактовать как алхимический символ: шнур звонка превращается в белую змею, которая обвиняет тело студента, а кровь молодого человека напивает аспида, окрашивая его в красный: «Шнур звонка спустился вниз и оказался белою прозрачною исполинскою змеею, которая обвила и сдавила его, крепче и крепче затягивая свои узлы, так что хрупкие члены с треском ломались и кровь брызнула из жил, проникая в прозрачное тело змеи и окрашивая его в красный цвет» [Гофман 1: 201]. Белая змея может отсылать и к «Химической свадьбе» [Рейкенборг 2015], где фигурировала как сюжетообразующий элемент. Она может символизировать переход от одной стадии преобразования к другой – это яркая аллегория второй и третьей ступеней Великого деяния, а именно побеления и покраснения. Красный во многих алхимических трудах связывался с кровью Адепта как истинным философским камнем, кровь в арабской традиции выступала также мужской стихией [Абт 2013: 181]. Змея, меняющая цвет, соотносится и с алхимическим Уроборосом, который часто изображался как красно-белый змей и символизировал собой *magnum opus*. Это нападение на Ансельма можно рассматривать как символическое умирание, экзистенциальную гибель, необходимую для преобразования, что мы видим и у Гофмана: «пульс его жизни остановился» [Гофман 1: 201]. Так, символически умерев, Ансельм начинает восприятие тайных знаний Линдгорста.

Алхимической символикой изобилуют и рассказы Линдгорста о себе. Паульман называет архивариуса «экспериментирующим химиком», то есть алхими-

ком. В рассказе о брате-драконе преобладают алхимические символы смерти, то есть первой стадии – Нигредо: «Мы и поспорили об этом у *гроба отца* самым непристойным образом <...> Теперь он живет в *кипарисовом лесу* около Туниса, где он стережет знаменитый мистический карбункул от одного *некроманта*» [Гофман 1: 204]. Мертвый король (сын его, Саламандр, – принц) становится символом смерти вещества во многих алхимических трудах, в частности «Химической свадьбе» [Рейкенборг 2015]. Кипарис же является в герметической традиции деревом смерти [Юнг 2008: 41]. В словаре Руландуса Дракон – это «меркурий, а также черный ворон или черная поверхность. Он умирает, когда теряет свою душу (т. е. земля умирает), и воскресает, когда та возвращается» [Руландус 2001: 106].

Лаборатория архивариуса также напоминает алхимический сад, который символизирует как работу алхимика вообще, так и сосуд, где совершается Деяние [Телегин 2015]. Цветы, фонтаны с меркурианской водой, птицы и деревья – все это атрибуты алхимического сада, который описывает и Христиан Розенкрейц [Рейкенборг 2015]. В том же саду Ансельм встречает обитающих там птиц, речь которых начинает понимать. В герметической традиции разговорным языком райского сада является птичий [Телегин 2015]. Язык птиц является «способом, который позволяет установить связь с высшими состояниями бытия; знаком, что такая коммуникация достигнута или создана, является способность понимать язык птиц» [Валенте 1996: 231].

В «лазурно-золотой» комнате, путь в которую лежит через сад, хранится золотой горшок, а из стен выдаются пальмы, отлитые из того же драгоценного металла. Золото – символ вечной жизни, поскольку ознаменовывает собой успешное завершение Великого деяния. В пальмах эта семантика повторяется, поскольку они являются деревом жизни в противовес кипарисам [Юнг 2008: 41]. В этой комнате есть и другие отсылки к алхимической традиции: это культурные признаки стран, развивавших алхимию: «Египетские львы» отсылают к Древнему Египту, ордер колонн – к Древней Греции, а «арабские манускрипты» к Древнему Востоку, откуда в Европу попала большая часть письменных трудов по алхимии. Линдгорст упоминает также «Бхагаватгиту», манускрипт индуистской религии, который повлиял на алхимические представления. Определенную культурную семантику имеет и страна, откуда происходят герои новеллы, Атлантида, появившаяся и описанная в трудах греческих философов.

Манускрипты же, которые Ансельм переписывает, напоминают труды по алхимии и содержат «странно сплетавшиеся знаки, <...> множества точек, черточек, штрихов и закорючек, которые, казалось, изобража-

ли то цветы, то мхи, то животных» [Гофман 1: 234]. Алхимики всячески пытались защитить свои знания от «шарлатанов», которых интересовало лишь золото, а не идея духовного преображения. Эта борьба за сохранение тайных знаний отразилась в образе Линдгорста и стеклянной тюрьме-колбе для тех, кто пренебрег ценностью его манускриптов.

Рассмотрим персонажи Линдгорста и ведьмы Рауэрин подробнее с точки зрения алхимического символизма. Саламандр выступает в новелле элементом огня, само его имя взято из алхимической традиции, где саламандр описывался как дух огня. Землю же олицетворяет Рауэрин, так как по рождению она свекла, то есть корнеплод (доподлинно известно, что Гофмана интересовала тема стихийных духов, так как он упоминает в своих произведениях таких авторов трактатов о духах, как Лактанций и Парацельс («Королевская невеста»)). Символично и то, что Саламандр – мужчина, так как огонь – стихия мужская. А ведьма – женщина, что соответствует представлению о земле как о женской стихии. Как уже было сказано выше, земля и дракон, являющийся предком ведьмы, по сути, одно. Земля должна умереть, чтобы освободить из себя сокрытые зародыши золота. Умирает она в виде свеклы, которую съедает попугай из алхимического сада. То есть Рауэрин выступает аллегорией замедления Великого деяния [Телегин 2015].

Сюжетный ход, связанный с заключением Ансельма в герметичный стеклянный сосуд, также является необходимой алхимической операцией – разделением [Абт 2013: 174]. О символизме стекла писали арабские алхимики: «стекло идеально выражает таинственное превращение, что происходит внутри адепта. Из множества разрозненных частей личности с помощью работы и милости Господней составляется нечто целое: стеклянное тело, символизирующее единое» [Абт 2013: 174]. Заключение в сосуд – это еще один этап инициации героя. Именно в колбе Ансельм получает возможность отразиться и свое отношение к нему. Протагонист получает право выбора: поверить своим глазам и выбрать Серпентину или же разувериться в чудесном и прожить мирскую жизнь с Вероникой. Заключение в сосуд – это испытание веры Ансельма, проверка его стойкости, которая, наряду с верой и любовью, является для Гофмана ключом в идеальный мир.

Новелла завершается соединением Ансельма и Серпентины брачными узами, что является аллегорией алхимической свадьбы на последней стадии, *Рубедо* [Юнг 2008: 22]. Сюжет бракосочетания обнаруживается и в «Химической свадьбе», упомянутой ранее. В момент слияния героев в золотом горшке (о символизме золота мы говорили выше) вырастает лилия. Сам философский камень мог принимать облик цветка [Телегин 2015]. Об этом яв-

лении Серпентина говорит: «лилия раскрыла свою чашечку, высочайшее исполнилось» [Гофман 1: 261]. Происходит слияние мужского и женского элементов в одно целое, что является высшей целью Великого деяния. Цветение Лилии в золотом горшке является ключевым моментом, поэтому Гофман называет новеллу «Золотой горшок». Кроме того, в средневековом представлении золотой сосуд нередко связывали со Святым Граалем, который в некоторых трактатах также соотносился с философским камнем (поскольку поиски обоих артефактов сложны и доступны лишь избранным и оба предмета даруют вечную жизнь владельцу) [Балакирев 2008]. Важно, однако, не само золото как ценный металл, из которого отлит Грааль, и не способность философского камня даровать богатство в дополнение к вечной жизни алхимика, а духовное преображение адепта, которого Ансельм также достигает, когда в горшке расцветает лилия. С вечной жизнью он получает возможность «вечного познания» [Гофман 1: 261].

Необходимо также отметить, что новобрачные живут в Атлантиде, морской мифической стране. Море же является «местом свадьбы Солнца и Луны» [Казаква 1999], которые являются аллегориями мужчины и женщины, то есть Ансельма и Серпентины в гофмановской новелле. Не последнюю роль здесь играет Линдгорст: и как алхимик, который отбирает мужской элемент – Ансельма – по качеству из других, чтобы совершить химическую реакцию, и как дух огня, необходимый для нагревания в алхимических операциях. Атлантида также является идеальным местом для преображенного поэта Ансельма, поскольку там он может творить, не отвлекаясь на мирские условности и житейские невзгоды, что также выражает романтический идеал бытия.

Отдельного рассмотрения требует легенда о Фосфоре, заключенная внутри новеллы и содержащая большое количество алхимических символов. Огненная линия рождается по легенде при содействии всех первичных элементов: вода оросила черную землю, солнце вместо огня разогрело семя, вихрь раздул ядовитые пары, чтобы цветок смог взойти. Рождение лилии можно трактовать и как описание алхимических процедур: смешение твердого и жидкого, дистилляция, нагревание и т. д., вследствие чего появляется цветок как женский элемент. Сама лилия также не является случайным цветком, а описывается в алхимических трудах как цветок из алхимического сада (у Бернара Тревизанского в «Зеленом сне» и д'Эспанье [Телегин 2015]).

Фосфор, мужской элемент в легенде, носит говорящее имя. Фосфор был открыт в Германии в XVII в. Х. Брандом как продукт неудачного опыта по созданию философского камня. Фосфор говорит Лилии, что она, «сожженная» искрой, «брошенной в нее»,

умрет и «переродится в ином образе», что мы также трактуем как изменение агрегатного состояния жёнского элемента, ртути, в первой стадии алхимического процесса.

В новелле Гофмана после поцелуя возлюбленного Лилия меняет свое состояние и «быстро улетает», что иносказательно отражает процесс нагревания ртути до газообразного состояния. Фосфор в образе рыцаря побеждает Дракона: «Разрушительные силы, негативные энергии принимают образы злобных существ (дракон, пожирающий волк, черти), от которых алхимик (в облике рыцаря-всадника) пытается избавиться (драконоборство)» [Телегин 2014]. Лилия же в объятиях Фосфора наречена царицей. Царицей в алхимии именуется как женский элемент, так и вторая стадия, Альбеда, на которой преображенная ртуть предстает беременной царицей, во чреве которой развивается красный Принц. Принцем же потом будет называть себя Саламандр. Он также полюбил змейку, дочь Лилии, но их алхимическая свадьба не состоялась, так как опаленная змейка отрастила крылья и улетела. Крылатая змея в алхимии – устойчивый символ паров ртути, возникающих при нагревании. Этот цикл нагревания и улетающая паров ртути продолжается в новелле до появления Ансельма. Здесь можно рассмотреть символизм Уробороса как бесконечности алхимического процесса и вечного перехода веществ из одного в другое [Телегин 2015]. Таким образом, волшебные жители Атлантиды рождаются алхимическим путем. Необходимо отметить, что в алхимической традиции идея искусственного деторождения также активно рассматривалась в технологии гомункула [Казакова 1999].

Таким образом, Гофман в новелле «Золотой горшок» использует алхимическую символику для выражения романтической идеи преображения. Писатель мифологизирует алхимический процесс, подобно многим авторам до него, описывающим трансмутацию металлов как миф: от самих алхимиков, пересказываемых рассматриваемый сюжет в форме истории о Короле и Королеве, до уже упомянутого нами Х. Розенкрейцера. Новаторство Гофмана в новелле заключается в том, что он помещает этот сюжет в сказку о творческом преображении, продолжая романтическую традицию (сказки Новалиса, Л. Тика, Ф. де ля Мотт Фуке и др.). Вероятно, Гофман увидел в средневековом алхимическом символизме тот утерянный путь достижения идеального мира, перехода на качественно новый уровень бытия, к которому стремились романтики, где даже филистер, коим был Ансельм, обращается в творца, где некая волшебная страна создает поэту все условия для творчества без мирских условностей. Средневековая алхимия предлагала адепту те же инструменты преображения собственного духа, что и романтическая концепция:

веру (как вера в чудесное), любовь и стойкость (как способность пройти путь познания чудесного до конца). Этот глубоко интуитивный путь алхимиков к гармонии мог заинтересовать Гофмана и как следствие, вдохновить на создание сказки, объединившей эти пути: средневекового мифа и философии романтизма.

Список литературы

- Абт Т.* Территория символа. Москва: Клуб Касталия, 2013. 330 с.
- Абт Т.* Территория символа: Арабская алхимия. Москва: Клуб Касталия, 2013. 323 с.
- Аствацатуров А.А.* Феномен бессознательного в романе Э.Т.А. Гофмана «Эликсир сатаны» // Преломления. Санкт-Петербург, 2003. № 2. С. 217–248.
- Балакирев А.* Грааль как символ и надежда. Москва: Афина, 2008. 160 с.
- Гофман Э.Т.А.* Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Художественная литература, 1991–2000.
- Гудимова С.А.* Алхимические и эзотерические идеи в культуре Возрождения // Вестник культурологии. 2018. № 3 (86). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/alhimicheskie-i-ezotericheskie-idei-v-kulture-vozrozhdeniya> (дата обращения: 09.05.2023).
- Зотов С.О.* Взаимодействие герметической и христианской иконографии в алхимическом трактате «Розарий философов» // Вестник РХГА. 2016. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-germeticheskoy-i-hristianskoy-ikonografii-v-alhimicheskom-traktate-rozariy-filosofov> (дата обращения: 10.05.2023).
- Казакова И.Б.* Алхимический смысл образа Гомункула в трагедии Гете «Фауст» // ИТС. 1999. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/alhimicheskij-smysl-obraza-gomunkula-v-tragedii-gete-faust> (дата обращения: 09.05.2023).
- Кирхвегер А.Й.* Золотая цепь Гомера, или Описание начала природы и природных вещей. Киев: ИП Береза С.И., 2009. 240 с.
- Королева В.В.* Символический смысл образов розы и креста в романе Э.Т.А. Гофмана «Эликсир дьявола» // Вестник ННГУ. 2017. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolicheskij-smysl-obrazov-rozy-i-kresta-v-romane-e-t-a-gofmana-eliksiry-dyavola> (дата обращения: 23.05.2023).
- Мишина Л.А.* Раскрытие тайн в романе Э.Т.А. Гофмана «Эликсир Сатаны» // Вестник Чувашского университета. 2012. № 2. С. 330–336.
- Пернети А.-Ж.* Мифо-герметический словарь. Киев: ИП Береза С.И., 2012. 384 с.
- Розарий философов. Об истинном способе приготовления философского камня. Москва: Касталия, 2022. 540 с.
- Сафрански Р.* Гофман. Москва: Молодая гвардия, 2005. 383 с.

Седова О.В. Символика цвета в средневековой алхимии // История: факты и символы. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolika-tsveta-v-srednevekovoyu-alkimii> (дата обращения: 09.05.2023).

Телегин С.М. Сад в алхимической традиции // Культура и текст. 2015. № 2 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sad-v-alkhimicheskoy-traditsii> (дата обращения: 09.05.2023).

Телегин С.М. Mortificatio – алхимическая Книга Мертвых // Культура и текст. 2014. № 1 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mortificatio-alkhimicheskaya-kniga-mertvykh> (дата обращения: 09.05.2023).

Холл М. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. Москва: Мидгард Эксмо, 2005. 864 с.

Юнг К.Г. Алхимия и психология. Москва: АСТ, 2008. 608 с.

Ван Рэйкенборг Я. Алхимическая свадьба Христиана Розенкрейца, 1459. Ч. 1. Москва: Центр книги Рудомино, 2015. 318 с.

Kurz P., Machatschek M., Igelhauser B. Hecken. Geschichte und Ökologie, Anlage, Erhaltung und Nutzung. Stocker, Graz und Stuttgart, 2001, 440 p.

Rulandus M. Diccionario de Alquimia. Barcelona, MRA, 2001, 272 p.

Swedenborg, a Hermetic Philosopher. New York, 1865. URL: https://vk.com/doc564807082_534233668?hash=ji2rMCKNj2WYUmY8DDCх8v9WCuUoMoeay2bFv4xehz&dl= (дата обращения: 10.05.2023).

Valente J.A. La lengua de los pajaros y el reino milenar. El lenguaje oculto del jardin: jardin y metafora. Madrid, Complutense, 1996, pp. 231-248.

References

Abt T. *Territoriya simvola* [The Symbol Territory]. Moscow, Klub Kastaliya Publ., 2013, 330 p.

Abt T. *Territoriya simvola: Arabskaya alkimiya* [The Symbol Territory: Arabic Alchemy]. Moscow, Klub Kastaliya Publ., 2013, 323 p.

Astvatsurov A.A. *Fenomen bessoznatel'nogo v romane E.T.A. Gofmana "Eliksir satany"* [The phenomenon of the unconscious in E.T.A. Hoffman's novel "The Elixir of Satan"]. *Prelomleniya* [Refractions], 2003, No. 2, pp. 217-248.

Balakirev A. *Graal' kak simvol i nadezhda* [The Grail as a symbol and hope], 2008. URL: <https://esoterics.wikireading.ru/8187> (access date: 10.05.2023).

Gofman Je.T.A. *Sobranie sochinenij: v 6 t.* [Collected works: in 6 volumes]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1991–2000.

Gudimova S.A. *Alkhimicheskiye i ezotericheskiye idei v kul'ture Vozrozhdeniya* [Alchemical and Esoteric ideas in Renaissance Culture]. *Vestnik kul'turologii* [Bul-

letin of cultural studies], 2018, No. 3 (86). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/alkhimicheskie-i-ezotericheskie-idei-v-kulture-vozhrozhdeniya> (access date: 09.05.2023).

Kazakova I.B. *Alkhimicheskij smysl obraza Gomunkula v tragedii Gete "Faust"* [The Alchemical meaning of the Homunculus image in Goethe's tragedy Faust]. ITS, 1999, No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/alkhimicheskij-smysl-obraza-gomunkula-v-tragedii-gete-faust> (access date: 09.05.2023).

Kholl M. *Entsiklopedicheskoye izlozheniye masonskoy, germeticheskoy, kabbalisticheskoy i rozenkrejtserovskoy simvolicheskoy filosofii* [Encyclopedic exposition of Masonic, Hermetic, Kabbalistic and Rosicrucian symbolic philosophy]. Moscow, Midgard Eksmo Publ., 2005, pp. 864.

Kirkhveger A.Y. *Zolotaya tsep' Gomera, ili opisaniye nachala prirody i prirodnykh veshchey* [The Golden chain of Homer, or a description of the beginning of nature and natural things]. Kiev, IP Bereza S.I. Publ., 2009, pp. 240.

Koroleva V.V. *Simvolicheskij smysl obrazov rozy i kresta v romane E.T.A. Gofmana "Eliksiry d'yavola"* [The symbolic meaning of the images of the rose and the Cross in E.T.A. Hoffman's novel "Elixirs of the Devil"]. *Vestnik NNGU* [Bulletin NNGU], 2017, No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolicheskij-smysl-obrazov-rozy-i-kresta-v-romane-e-t-a-gofmana-eliksiry-dyavola> (access date: 23.05.2023).

Mishina L.A. *Raskrytiye tain v romane E.T.A. Gofmana "Eliksiry Satany"* [Disclosure of secrets in E.T.A. Hoffman's novel "Elixirs of Satan"]. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 2012, No. 2, pp. 330-336.

Perneti A.-ZH. *Mifo-germeticheskij slovar'* [Mytho-hermetic Dictionary]. Kiev, IP Bereza S.I. Publ., 2012, p. 384.

Rozariy filosofov. *Ob istinnom sposobe prigotovleniya filosofskogo kamnya* [The Rosary of Philosophers. About the true method of preparing the philosopher's stone]. Moscow, Kastaliya Publ., 2022, p. 540.

Safranski R. *Gofman* [Hoffmann]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2005, p. 383.

Sedova O.V. *Simvolika tsveta v srednevekovoy alkimii* [The symbolism of color in medieval alchemy]. *Istoriya: fakty i simvoliy* [History: facts and symbols], 2015, No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolika-tsveta-v-srednevekovoy-alkimii> (access date: 09.05.2023).

Telegin S.M. *Sad v alkhimicheskoy traditsii* [The Garden in the Alchemical tradition]. *Kul'tura i tekst* [Culture and Text], 2015, No. 2 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sad-v-alkhimicheskoy-traditsii> (access date: 09.05.2023).

Telegin S.M. *Mortificatio – alkhimicheskaya Kniga Mertvykh* [Mortificatio – The Alchemical Book of

the Dead]. *Kul'tura i tekst* [Culture and Text], 2014, No. 1 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mortificatio-alkhimicheskaya-kniga-mertvyh> (access date: 09.05.2023).

Van Reykenborg Ya. *Alkhimicheskaya svad'ba Khristiana Rozenkrejtsa? 1459* [Alchemical wedding of Christian Rosenkreutz, 1459], vol. 1. Moscow, Tsentr knigi Rudomino Publ., 2015, p. 318.

Yung K.G. *Alkhimiya i psikhologiya* [Alchemy and Psychology]. Moscow, AST, 2008, p. 608.

Zotov S.O. *Vzaimodeystviye germeticheskoy i khristianskoy ikonografii v alkhimicheskoy traktate "Rozariy filosofov"* [The interaction of Hermetic and Christian iconography in the alchemical treatise "The Rosary of Philosophers"]. *Vestnik RKHGA* [Bulletin of RKHGA], 2016, No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-germeticheskoy-i-hristianskoy-ikonografii-v-alkhimicheskoy-traktate-rozariy-filosofov> (access date: 10.05.2023).

Kurz P., Machatschek M., Igelhauser B. Hecken. Geschichte und Ökologie, Anlage, Erhaltung und Nutzung. Stocker, Graz und Stuttgart, 2001, 440 p.

Rulandus M. Diccionario de Alquimia. Barcelona, MRA, 2001, 272 p.

Swedenborg, a Hermetic Philosopher. New York, 1865. URL: https://vk.com/doc564807082_534233668?hash=ji2rMCKNj2WYUmY8DDC8v9WCuUoMoeey2bFv4xehz&dl= (дата обращения: 10.05.2023).

Valente J.A. La lengua de los pajaros y el reino milenario. El lenguaje oculto del jardin: jardin y metafora. Madrid, Complutense, 1996, pp. 231-248.

Статья поступила в редакцию 25.07.2023; одобрена после рецензирования 28.08.2023; принята к публикации 30.08.2023.

The article was submitted 25.07.2023; approved after reviewing 28.08.2023; accepted for publication 30.08.2023.

ГДЕ ИСКАТЬ ДРАМАТИЧЕСКОГО АВТОРА? (ТРАГЕДИИ ПЬЕРА КОРНЕЛЯ)

Симонова Лариса Алексеевна, кандидат филологических наук, Москва, Россия, mouette37@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7019-0215>

Аннотация. В статье на примере трагедии Корнеля «Гораций» рассматривается проблема драматического автора, который понимается как субъект письма, проявляющий себя через дискурс отдельных персонажей и риторическую структуру пьесы в целом. С целью обнаружения позиции Автора в её активности прослеживается его отношение к функционирующему в границах разбираемого текста санкционированному поэтикой классицизма Авторитету как доминирующему и стремящемуся к абсолютному расширению и поглощению всей знаково-семантической системы сверхсмыслом (политической властью). Вопреки традиционной интерпретации трагедии «Гораций» устанавливается, что возвышающаяся, заслоняющая собой всех других персонажей фигура Горация при всём её ключевом положении не поглощает собой всего семиотического пространства трагедии, более того, Автор располагается по отношению к ней на заметной дистанции. Доказывается необходимость изучать трагедию Корнеля как сложную риторическую конструкцию, устанавливающуюся через взаимодействие – сближение и отталкивание – составляющих её образно-смысловых звеньев, что выявляется на примере дискурсивной взаимосвязи разных персонажей. Анализ характера дискурса каждого из героев в их речевом взаимодействии позволил раскрыть принцип, направляющий и активизирующий разворачивание трагедийного конфликта, а также обнаружить наиболее подвижное и превосходящее все другие поле смыслового напряжения, которое заключено в образе Сабини как «авторском» персонаже. Сделанные в статье наблюдения позволяют поставить вопрос о пересмотре подходов к определению классицизма как внутренне подвижной и неоднородной знаково-смысловой системы.

Ключевые слова: драма, классицизм, трагедия, автор, герой, риторика, дискурс, конфликт.

Для цитирования: Симонова Л.А. Где искать драматического автора? (Трагедии Пьера Корнеля) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 135–146. <https://doi.org/10/34216/1998-0817-2023-29-3-135-146>

Research Article

WHERE TO LOOK FOR THE DRAMATIC AUTHOR? (TRAGEDIES OF PIERRE CORNEILLE)

Larisa A. Simonova, Candidate of Philological Sciences, Moscow, Russia, mouette37@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7019-0215>

Abstract. On the example of Corneille's tragedy "Horace" the article deals with the problem of the dramatic author, who is understood as the subject of writing, manifesting himself through the discourse of personages and the rhetorical structure of the piece as a whole. In order to detect the Author's position in the activity, we trace his attitude to the authority sanctioned by the poetics of classicism functioning within the boundaries of the analysed text as dominating and striving to absolute expansion and absorption of the entire sign-semantic system (political power). Contrary to the traditional interpretation of the tragedy "Horace" we installed that the towering figure of Horace, obscuring all the other characters, with all his key position, does not absorb the entire semiotic space of the tragedy; moreover, the Author is located in relation to it at a noticeable distance. The need is proved to study the tragedy of Corneille as a complex rhetorical construction, established through the interaction-rapprochement and repulsion – of its constituent figurative and semantic links, which is revealed by the example of the discursive relationship of different characters. Analysis of the nature of the discourse of each of the characters in their verbal interaction allowed to reveal the principle that guides and activates the unfolding of the tragic conflict, also to find the most mobile and superior to all others field of semantic tension contained in the image of Sabine as the "author's" character. The observations made in the article allow us to raise the question of the revision of approaches to the definition of classicism as an internally mobile and uneven sign-semantic system.

Keywords: drama, classicism, tragedy, author, hero, rhetoric, discourse, conflict.

For citation: Simonova L.A. Where to look for the dramatic author? (Tragedies of Pierre Corneille). Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 3, pp. 135–146. (In Russ.) <https://doi.org/10/34216/1998-0817-2023-29-3-135-146>

В настоящее время проблема драматического автора остаётся до конца не решённой: многочисленные работы, посвящённые этому вопросу, скорее, свидетельствуют о его ускользании, необнаружимости, причина чего, думается, в некоторой ограниченности традиционных и неполной разработанности новых теоретико-методологических подходов к её решению. Об отсутствии чёткой в её предметной определённости и продуктивной в её функционировании концепции говорит уже тот факт, что вместо понятия «автор» применительно к драматическим произведениям часто используются понятия «образ автора» и «авторское сознание» (сами термины сигнализируют о том, что в нахождении драматического автора – в данном случае достаточно условной модели, составляемой из множества характеристик по принципу «лирический герой», «личность автора», – отталкиваются от того, как автора понимали в лирических и прозаических сочинениях, причём как в самом узком, стилистико-синтаксическом, так и в самом широком смысле, – как проявленного через ряд текстов носителя индивидуального и одновременно культурно-исторического мировоззрения. Неопределённость в трактовке «драматического автора», чья специфика, на наш взгляд, должна определяться исходя главным образом из конфликтно-диалогического построения текста как разворачивающейся из некоего аккумулирующего активности языка центра знаково-смысловой системы, зачастую приводит к тому, что сам предмет исследования неизбежно подменяется, а именно, вместо «автора» изучается «поэтика» произведения в самом широком значении (сюжет, композиция, система персонажей, конфликт, пространственно-временные характеристики, идейное содержание, символизм и т. д. (например, в трудах О.В. Журавлёвой: [Журавлёва]). Другой крайностью являются исследования, в которых делается попытка вообще устранить автора из текста, так что он становится некой фикцией, теряющейся за структурой («...игра контрастов, сходств, повторов и серийных вариаций, которая связывает на всех возможных уровнях смежные или несмежные эпизоды, сцены и акты драматического произведения» [Фигурт: 59]) или пропадающей в интерпретативной игре («...результат читательской интерпретации и оценки данного произведения» [Фигурт: 62]). Продуктивным для исследования проблемы драматического автора представляется имеющий место в отдельных работах применительно к драматургии XIX–XXI вв. стилистический подход (терминологически выраженный как «голос автора»), в котором учитывается как имплицитная выраженность

автора («в архитектонике чужих высказываний») (звучание голоса автора поверх слова персонажа), в «их сцеплениях, в способах их объединения в единое целое» (повторение лейтмотивного слова, семантически многогранного и изменчивого) [Борисова: 249]), а также структурно-функциональный, при котором изучается главным образом эксплицитная выраженность автора как носителя слова (в заглавиях, ремарках, афише, примечаниях и т. д.) в его взаимосвязи с диалогами персонажей [Ивлева, Ерёмченко]. Укажем на позицию Ж. Дотоли, согласно которой относительно классицистической драмы оправдано наблюдение именно за характером функционирования структуры текста, что оправдано риторической природой произведений XVII века («Риторика, первое систематическое изучение ресурсов языка, задаёт авторам построение интриги, анализ человеческой души... смысловую уплотнённую и насыщенную» [Dotoli: 38]). Согласимся с необходимостью учитывать, что риторика согласуется с поэтикой, то есть риторический принцип приспособляется к требованиям драматического жанра, в этом случае важность имеет сам принцип структурированного сообщения, выстроенного по определённым законам поэтологической системы, посредством которой зрителю передаётся общая идея. Близкой нам оказывается постановка проблемы П.Е. Бухаркиным, который в статье «Автор в трагедии классицизма (предварительные замечания)» указывает на актуальность изучения автора как «одного из важнейших структурообразующих элементов классицистического текста», «текстообразующей категории», «семантического центра» трагедии, которому принадлежит особая роль в «риторическом оформлении трагедийного дискурса, в речевой композиции трагедии XVIII века» [Бухаркин: 84–91]. Однако при манифестации нового подхода изучение автора становится опять-таки исследованием жанра и поэтики текста исходя из традиционно понимаемой классицистической эстетики (достаточно обратиться к следующему заявлению: «... автор в эпоху классицизма – автор жанровый, а не индивидуальный»; «...если перед нами типичный образец жанра, то и автор в нём оказывается достаточно репрезентативным», что, как оказывается из содержания статьи, подразумевает идейно-логизирующую установку, сентенциозность языка, ритм, «высокий» стиль, метр и другие «элементы художественного мира трагедии классицизма» [Бухаркин: 85–104]). Прояснить возможность иного теоретизирования отчасти помогают труды Р. Барта, который понимает под драматическим автором принципиально активную субстанциальность, реализующую себя в движе-

нии смысловых кодов в пространстве текста («...его работа... постоянное перемещение, цель которого – двигаться через повествовательные коды», «...превратить развёртывание словесной цепи в сценическое пространство словесного действия» [Барт: 142]). Авторская интенциональность, присутствующая в структурировании трагедийного текста в соответствии с обязательным закреплением посредством композиционных звеньев генеральной идеи исследуется Ж. Форестье [Forestier]. В свою очередь мы исходим из установки присутствия автора в границах подвижного, подчинённого определённым законам разворачивания текста как гибкой знаково-смысловой структуры, чьё функционирование напрямую зависит от активного структурирующего центра.

«Автор» понимается нами как пишущий, последовательно вырабатывающий и закрепляющий оригинальные принципы драматического письма (в каждой отдельной трагедии, как и в переходе от одного произведения трагедийного жанра к другому), проявляющий себя в тексте через фигуры отдельных персонажей и риторическую структуру пьесы в целом. При этом подвижность позиции Автора, позволяющая проследить интенциональную активность пишущего наряду с конфликтным разворачиванием дискурсов действующих лиц трагедии, обнаруживает себя в его сложном – предполагающем сближение (с целью собственного укрепления) и отталкивание (с целью страхующей автономности) – отношении с санкционированным поэтикой классицизма с его ценностной иерархией Авторитетом как доминирующим и стремящимся к абсолютному расширению и поглощению всей знаково-семантической системы сверхсмыслом (наиболее часто проявляющим себя в трагедиях Корнеля в политической кодировке, а именно во всём, непосредственно относящемся к власти и законам её функционирования) (укажем на созвучность нашей постановки проблемы власти позиции Р. Зюбера, который, исследуя классицистический театр, подходит к монархической власти во Франции XVII века не как к авторитарному принципу, то есть осуществлению тотального контроля, но как принципу дискуссионному, требующему личностного отношения, что проявляется в активности авторской позиции, закреплении в текстах ценности отдельного, индивидуального («...образ монархической власти никогда не представал как бесспорный, и этот театр способствовал, даже в условиях режима порядка, ценности единичности и права индивидуальности» [Zuber: 183]). «Гораций» (1640) – пьеса, с которой начинается политический театр Корнеля, – благодаря предложенной автором проблематизации многих элементов драматической структуры представляет интерес возможностью экспериментальных трактовок, целью которых является объяснение

особенности корнелевского творчества в целом; исследования текста «Горация» представляют собой показательный пример того, как менялись интерпретативные подходы к трагедиям Корнеля: от сфокусированности внимания на фигуре главного героя как образце доблести и верности долгу [Delmas, Prigent, Чеснокова] до отказа от мифа «корнелевский герой» и перенесения акцента на систему персонажей и поэтологическую конструкцию [Biet, Merlin-Kajman, Minel] (на продуктивность чего, в частности, указывает М. Дюфур-Мэтр в предисловии к сборнику «Герои и персонажи. Личное в театре Пьера Корнеля» [Dufour-Maître]), а также от констатации подчинения Корнеля классицистическим правилам и его компромисса с властью [Couton] до обнаружения тонкой игры драматурга, последовательного утверждения авторской позиции, отказа следовать навязываемым критикой (Шапленом и членами Французской академии) и политикой (Ришелье) правилам [Jouhaud]).

В «Горации» нас интересует в первую очередь принцип драматического письма (то есть интенционально проявляющий себя Автор), обнаруживающийся в дискурсивном взаимодействии персонажей, в процессе которого укрепляются одни смыслы и ослабляются другие. Если с учётом этого проследить закономерность построения общей риторической конструкции, взаимодействие – сближение и отталкивание – составляющих её образно-смысловых звеньев, можно увидеть, за каким персонажем и как скрывается Корнель-автор.

Итак, начнём с царя Древнего Рима Тулла Гостилия, чья фигура является выражением высшей власти и гражданского закона – принципы, составляющие основу государства. Присутствие Тулла в тексте трагедии сведено до минимума: его дискурс ограничен двумя последними сценами пятого акта. В лице Тулла для Корнеля важно конкретно-формальное обнаружение безусловного Авторитета – предельно прочного, неизменно устойчивого, ни при каких условиях не отменимого – того, который буквально пронизывает собой всё риторическое пространство трагедии. Появление Тулла в сценическом действии функционально оправдано тем, что он выносит окончательный, не допускающий сомнений в его справедливости и не подлежащий оспариванию приговор, и именно ему принадлежит заключительный монолог, в котором, в соответствии с замыслом Корнеля, подводится идейный итог трагедии, якобы разрешающий все поставленные вопросы (действительно, за последним монологом не следует ничего, и это придаёт ему особый вес, отсутствие какого-либо продолжения переносит внимание именно на него, заставляет видеть в нём решающее обобщение, главный – заставляющий все другие – смысл). Однако всё это, как и то, что Тулл выступает судьёй, который как буд-

то бы вершит высшую справедливость, и то, что все герои (наиболее красноречиво Гораций) признают его абсолютную власть над ними и выражают полную готовность подчиниться его воле, вовсе не означает, что ему принадлежит определяющая – в смысле и организационном смысле – роль в драме. Относительно сценического действия Тулл – самый беспомощный персонаж: при ближайшем рассмотрении оказывается, что не он решает судьбу Горация – в этом его опережает (а тем самым как бы превосходит его власть) старый Гораций, который, не вступая в спор с царём, однако не без настойчивой твёрдости утверждает своё отцовское право распоряжаться жизнью детей. Об этом, в частности, свидетельствует готовность старого Горация убить сына, когда он узнаёт о его бегстве с поля сражения: он заявляет, что совершит суровое правосудие и не посчитается ни с каким мнением; после же убийства главным героем Камиллы старый Гораций осуждает его суровость, но считает, что он был движим благородным порывом и никакое наказание к нему не может быть применимо. Именно на последнем делает акцент старый Гораций в речи, обращённой им к Туллу, которому ничего не остаётся, как во всём согласиться с отцом римского героя: в своей реплике царь только повторяет доводы, высказанные старым Горацием. К этому стоит добавить (это также доказывает второстепенную роль Тулла, его недостаточность как самостоятельного действующего лица и носителя ценностно весомой позиции), что принадлежащий римскому царю заключительный монолог не является идейным итогом трагедии (как это может показаться на первый взгляд): он не содержит поставленных в тексте трагедии проблем, не захватывает главной темы «Горация», которую можно определить как отношение человеческого как отдельного и самостоятельного к абсолютному Авторитету. Весь заключительный монолог Тулла сводится к вопросу вины убившего сестру Горация, а сама проблема Авторитета сужается до права власти, оправданной в самой себе и не знающей никаких ограничений. Высказывание Тулла достаточно компрометирующее: с точки зрения законов человеческой морали, как и законов божественных, Гораций виновен и заслуживает строгого наказания (он совершил «преступление... серьёзное, немислимое, непростительное» [Corneille: 1010]), но с точки зрения государственной пользы он должен быть оправдан – Гораций не преступен, поскольку в первую очередь героичен. Интересами государства можно оправдать любое преступление, в подобных Горацию воинах заключается сила царской власти, поэтому законы «должны молчать». В целом получается, что Гораций одновременно виновен и невиновен, в зависимости от того, с какого ракурса посмотреть (то есть как говорить). «В защи-

ту его жизни будем говорить с более высокой позиции» [Corneille: 1011], – настаивает Тулл. Здесь важным является то, кто присваивает себе право говорить с определённой (выгодной) позиции и про кого с этой позиции говорят. Высказываясь о Горации с выгодной для себя позиции, Тулл устанавливает произвол собственной власти, ставит её над законами. Вместе с этим такой «взгляд с высоты» устраняет Горация как человека, способного на сомнения, ошибки, и делает из него окружённого славой идола, требующего восторгов и поклонения («Твоя добытая доблестью слава выше преступления» [Corneille: 1010]). Сотворяя из Горация мифического героя, то есть устраняя его как живущего – постоянно мыслящего, решающего и действующего – человека, Тулл выбивает основу у своей власти и, шире, авторитета государства, который требует постоянной активности отношения, каждый раз возобновляемой, живой – соглашающейся, вопрошающей и даже критической – с позиции стремящейся к самоутверждению личности связи. Согласно логике знаково-смысловых сцеплений, в соответствии с которой строится вся драматическая структура «Горация», Авторитет не может существовать сам по себе (то есть на том «сверхуровне», на котором предлагает расположиться Тулл), для его обнаружения необходимо какое-либо внешнее отношение к нему – только в том случае, когда он становится целеполаганием, более или менее устойчивым бытийным основанием, установленным благодаря внутренней активности «я», он обретает сущностно весомые очертания. Заключительный монолог Тулла как бы отрывается от общего текстового целого, которое подчиняется заметно иным законам разворачивания, и повисает мало что объясняющим, почти ничего не добавляющим к уже имеющимся высказываниям прилагком. Всё это служит доказательством того, что Тулл не может быть инстанцией, задающей движение авторского установления в тексте.

Чтобы понять тактику разворачивания драматического письма, вернее было бы обратиться к другому персонажу, также выступающему носителем Авторитета – старому Горацию. Он появляется в конце второго акта – в тот самый момент, когда конфликтное столкновение разных позиций уже достигло кульминационного напряжения и резко ослабевает. Более раннее включение старого Горация в действие было бы неоправданно: его речь лишена необходимой для этого диалогической открытости. Присутствие высказывания старого Горация в начале трагедийного действия сделало бы невозможным само развитие идейного противостояния. Каждая его реплика звучит как исконно существующий этический принцип, не допускающий никаких сомнений и отступлений. Слово старого Горация – необсуждаемый закон, ни один из героев не может вступить с ним

в прямой спор и тем более опровергнуть его утверждения (это исключительное положение героя закреплено и патриархальным порядком – он выступает главой семьи и отвечает за всех её членов, как правитель отвечает за своих подданных). О крайней закрытости дискурса старого Горация свидетельствует то, что сомневающиеся, «бунтующие» героини, которые решаются вторгнуться в знаковую зону Авторитета и поколебать его устойчивость, никогда не идут на выражение своего несогласия с ним. Так, при появлении старого Горация во время последнего перед боем разговора Сабини со своим мужем героиня сразу уходит, понимая всю слабость своей позиции в присутствии свёкра («И если наша слабость поколебала их (Горация и Куриация. – С. Л.) честь, мы оставляем вас здесь, чтобы вернуть им присутствие духа» [Corneille: 976], – говорит Сабина старому Горацию о себе и Камилле, удаляясь со сцены). Что касается Камиллы, то она осмеливается в развёрнутой реплике опровергать позицию отца, однако примечательно, что этот резко критический, осуждающий монолог героиня произносит, будучи одна (!), то есть Корнель, не желая скомпрометировать, серьёзно ослабить дискурс Камиллы, не сталкивает её в открытом споре со старым Горацием. Важно, что старый Гораций появляется в сценическом действии непосредственно перед боем, при этом его высказывания, обращённые к Горацию и Куриацию, достаточно коротки и сдержанны, он не произносит развёрнутой напутственной речи (что можно было бы ожидать), ограничиваясь критическим замечанием по поводу женской слабости, пагубно влияющей на боевой дух. Такое ограничение дискурсивного присутствия старого Горация объясняется двумя причинами. Во-первых, ему нечего сказать сыну и будущему зятю: у старого Горация как носителя Авторитета нет ничего больше того, чем уже обладают Гораций и Куриация. Старый Гораций не может выступать в роли наставника – того, кто напутствует, влияет, направляет, то есть не может активно участвовать в развитии действия, определять разворачивание конфликта. Во-вторых, за старым Горацием закреплена роль судьи: он оценивает поступки старшего сына и выносит ему приговор (от осуждающего, когда он узнаёт о бегстве Горация во время боя, – до оправдательного после победы того над Куриациями и расправы над Камиллой). Как и в случае с Туллом, дискурс старого Горация лишён развития, это уже итог, окончательное, застывшее утверждение сверхличного идеала, который не допускает ничего отдельного – человеческого в себе и для себя. Всё, в чём старый Гораций видит опасность обособленной жизни, заклеивается им как «слабое» и «женское», «недостойное» и «преступное». Этим правом суда с позиции интересов великого Рима и ограни-

чен старый Гораций. Весь его «негнувшийся» дискурс выстраивается на жёстком противопоставлении «римского» – «неримского», соответственно, «идеально верного» – и «неверного». Призывая дочь и невестку к стойкости, Гораций убеждает их следующим аргументом: «И помните обе, что вы – римлянки...» [Corneille: 985].

Замкнутость высказывания, ограниченного тремя главными понятиями – «слава», «мощь», «Рим», не допускает уже никаких внешних – противоречащих этому доминирующему смыслу или только осложняющих, проблематизирующих его – вторжений. Таким образом, старый Гораций является своеобразной «идеологической машиной»: с позиции Авторитета он произносит одно за другим оценочные суждения, которые, накладываясь друг на друга, повторяя друг друга, создают предельно завершённый – совершенный – образ государства, который ни в какой мере не нуждается ни в чём, помимо самого себя. Главным затруднением для дискурса старого Горация (которое, нужно заметить, он исходя из главной своей установки с лёгкостью преодолевает) становится убийство Горацием Камиллы. И здесь впервые (в чём и заключается условие корнелевского драматического действия) старый Гораций допускает в своё высказывание живого – страстного, на что-то решающегося, действующего в соответствии с собственным характером – Горация. Старый Гораций выражает своё несогласие с поступком сына, убийство Камиллы он оценивает как проявление «слабости», под чем подразумевается неспособность в определённый момент совладать со страстями – гордостью, гневом, то есть тем, что находится за пределом разумной воли. Однако допустить, что Гораций – человек страстей, значит подорвать идеальный героический образ, ослабить всю риторическую конструкцию трагедии (на эту опасность, в которой можно усмотреть бесконтрольность, стихийность проявлений главного героя, указывается в реплике старого Горация: «...её смертью ты обесчестил свою руку» [Corneille: 1001]). Этого резкого усложнения фигуры Горация, которое чревато дистанцированием героя от Авторитета (получается, что есть нечто, что им в герое не покрывается, ему противоречит), Корнель допустить не может. Уже в следующем – публичном – монологе старого Горация происходит восстановление и закрепление героического образа сына. Это достигается посредством членения действия героя на отдельные моменты (например, как на картине Ж.-Л. Давида «Клятва Горациев»: там есть сыновья Горация, готовые умереть за Рим, и нет ничего, что заставило бы увидеть в них нечто иное, чем абсолютную преданность долгу). Первое движение Горация – порыв, вызванный желанием защитить честь Рима, – не преступен. Вот по этому движению, кото-

рое соответствует его поведению во время поединка с врагами родного города, и нужно его оценивать, в таком случае Камилла уподобляется прямым врагам – Куриациям, а Гораций так и остаётся тем блестящим воином, который спасает Рим. Таким образом, совершенный образ Горация заслоняет, скрывает собой другой его образ – убийцы сестры, и эта подмена провоцирует ещё более мощное укрепление героического культа: Гораций – это сама воплощённая слава Рима, сам великий Рим. Примечательно, что в этом уподоблении Горация государству он соединяется с властью, царём – один укрепляется за счёт другого. Итак, в устах старого Горация образ главного героя претерпел изменение от подавленного слабости человека до застывшего памятника, то есть Гораций слился со сверхличным, уподобился Авторитету. Обратим внимание, что сама возможность такого перехода свидетельствует о том, что между главным героем и Авторитетом существует некий зазор, сохраняется активность отношения субъекта к тому, что его превышает. Таким образом, дискурс старого Горация возвращает к точкам проблемного напряжения, которые активизируют движение всего дискурсивного поля трагедии.

Подобно старому Горацию и Туллу, Гораций с Куриацией выступают носителями Авторитета, с той существенной разницей, что они являются действующими героями, то есть устанавливающими свою позицию в выборе и поступке: они не просто выносят суждение о должном и происходящем, но по мере дискурсивного и событийного продвижения действия трагедии вынуждены утверждать себя через сомнения, затруднения, споры-столкновения. А это значит, что их дискурс (в отличие от высказываний тех же Тулла и старого Горация) обладает таким внутренним напряжением, в котором более или менее отчётливо прослеживается «я». Обнаружение «я», которое полностью не поглощается Авторитетом, и сигнализирует о возможном авторском присутствии, поскольку Автор как провоцирующее и организующее движение всего драматического текста субстанциональное начало не может быть равен Авторитету как уже установленному, однозначному, затвердевшему и устойчивому ко всяким вторжениям, замкнутому на самом себе. Можно было бы предположить, что Корнель как драматический автор сближается с Горацием, однако при последовательном рассмотрении оказывается, что это совсем не так. Первое, что заставляет усомниться в том, что Корнель стоит именно за Горацием, – это наличие целых трёх оппонентов (заглавному герою противопоставлены Куриаций, Сабина и Камилла), в споре с которыми обнаруживается уязвимость его позиции. Начнём с того, что в отличие от всех указанных героев Гораций никогда не определяет себя через связь

с близкими: он не видит себя ни мужем, ни братом, ни другом – но только воином, который проявляет себя исключительно в двух поступках: или побеждает, или умирает за Рим. Последний в высказываниях Горация предстаёт как неизменно торжествующее «всегда», от которого в своих самооценках он боится себя отделить. Дискурс Горация за очень редким исключением строится не как движение от «я» как отдельного к Риму как целому, но, наоборот, как будто за него всё установлено и решено заранее. Логика такова: Рим не должен быть и не будет подчинён, а значит, я выиграю бой. Горацию остаётся только одно – каждый раз возобновляемый подвиг, неизбежность следующих одна за другой побед. Эмоционально герой оказывается зажат в тиски «славы» и «гордости». Позиция Горация – это абсолютное подчинение Авторитету, иначе говоря, только полный отказ от себя ради превосходящей его идеи видится герою его предназначением и действительно удовлетворяет его жажду слияния с безличным целым, «всем» Рима (в этой слепой преданности можно усмотреть и подмену любовной страсти – герой никогда не говорит о своей любви к жене). Гораций с огромным энтузиазмом воспринимает весть о том, что его противником в бою будет Куриаций – его друг, брат жены и жених сестры. Горация воодушевляет то, что величие Рима потребовало от него этой жертвы, он выражает полную готовность убить то, что ему дорого: Куриаций – это часть его самого, и он устремляется к этому самоуничтожению в славе.

Гораций утверждает, что в этом подвиге убийства ради Рима он превзойдёт всех и даже самого себя. И на это движение к полному устранению личного как самостоятельной активности отдельного «я», в его разумной воле ответственному за свою человечность, Корнель указывает устами Куриация, который слепоту самоотречения, иначе говоря, фанатизм Горация, клеймит словом «римлянин» («Я благодарю богов за то, что не римлянин и могу ещё сохранить в себе что-то человеческое» [Corneille: 968]). В этом абсолютном подчинении Авторитету, устранении личностной обособленности, невозможности сохранения «я» для себя Корнель видит опасный предел. Дискурс Горация закономерен – в силу господствующего в нём, подавляющего собой всё иное сверхсмысла – движется к упразднению чувствующего, мыслящего, оценивающего «я» («...против кого бы ни направила меня моя родина, я слепо соглашусь с этой честью»; «Рим избрал меня, и я ни о чём не задумываюсь...» [Corneille: 968–969]). Самовысказывание Горация устремляется к беспамятству: герой провозглашает забвение своего прошлого, выражает готовность забыть всё, чем он жил. «...Я вас больше не знаю» [Corneille: 969], – заявляет Гораций Куриацию. Всё это устанавливает границы монологов Го-

рация: подобного рода самоустранение препятствует разворачиванию самовысказывания, после приведённых реплик дискурс героя заметно стягивается, сокращается – ему принадлежит только несколько коротких (исключение составляет оправдательная речь, произнесённая перед Туллом) монологов (краткость высказываний Горация особенно заметна, если сравнить их с внушительным объёмом монологов Куриция, Камиллы и Сабини). Это устранение из реплик Горация самостоятельного, полноценного «я» многое объясняет в его дискурсивном поведении с Камиллой. На первый взгляд может показаться, что Гораций оскорбительными с точки зрения страдающей женщины репликами намеренно провоцирует её протест. Однако нужно помнить, что здесь присутствует, настаивая на своём исключительном праве, только «карающая длань» Рима (слово «рука» в значении победы Рима повторяется в первом же обращённом к Камилле монологе Горация три раза, затем фигурируют слова «военная служба», «трофеи» как знаки «подвига», «славы»). В этом «безличном» дискурсе, произносимом с позиции Авторитета, нет места интимным переживаниям. Не Камилла, но именно Гораций первым приходит в ярость и осыпает сестру обвинениями и оскорблениями, и происходит это после того, как женщина говорит о том, что не может сразу (как того требует герой) забыть потерю жениха. Гнев Горация вызывает уже то, что Камилла не бесчувственна (на это позднее укажет ему Сабина). Камилла с полным основанием упрекает Горация в том, что он совершает над ней преступное насилие: запрещает ей скорбеть об умершем и заставляет радоваться смерти жениха («...кто запрещает слёзы, кто хочет, чтобы в смерти я находила привлекательность» [Corneille: 996]). Камилла совсем не случайно в порыве протеста начинает обвинять в её горе Рим: в лице Горация с ней говорит абсолютный Авторитет, который нисколько не считается с её страдающей человечностью.

Для нас должен быть интересен итог развития образа в дискурсе при том условии, что, как в случае с Горацием, из него устранено всё, что может существовать отдельно и независимо от Авторитета. Когда все враги Рима (включая его сестру) уничтожены, Гораций продолжает жить только славой города, для него уже невозможен отход в своё, а следовательно, для героя остаётся только один выход – смерть. Только так он будет пребывать в том великом вечном подвиге, к которому стремился (словами Горация, он уже показал «всё мужество великого сердца» [Corneille: 1005]). Именно смерти просит Гораций, настаивая на ней перед царём («...я её (смерти. – С. Л.) хочу»; «...сегодня только смерть может сохранить мою славу»; «...позвольте, о великий царь, чтобы этой рукой победителя я принёс себя

в жертву моей славе» [Corneille: 1006]). Таким образом, безличность, полное подчинение «я» Авторитету, вплоть до слияния с ним, оборачивается не только истощением дискурса, который останавливается, поскольку ему некуда дальше двигаться, но и смертью героя (в данном случае потенциальным исчезновением героя как действующего лица – к вопрошаемому у царя, то есть санкционированному властью, самоубийству Гораций идёт на протяжении всей трагедии). Итак, Корнель как автор – неисчерпаемая, самовоспроизводящаяся риторическая система – не может быть весь с его активизирующими смыслами представлен в образе Горация, для него он слишком ограничен, инертен. Необходим дискурсивно более гибкий герой, способный заключать в себя самые разные – вплоть до противоположных, находящихся между собой в отношении спора, – позиции, не останавливаясь ни на одной из них, то есть не сужаясь, сворачиваясь, но разрастаясь так, что окончательный итог – остановка как разрешение идейного конфликта – в принципе невозможен. Таким персонажем является Сабина (о её особом положении в трагедии говорит и то, что именно с её монолога начинается драматическое действие и её голос отчётливо, в достаточно развёрнутой реплике, звучит в заключительной сцене). Заметим, что именно Сабина была персонажем полностью вымышленным, то есть не навязанным Корнелю историческим источником (каковым была «Римская история от основания города» Тита Ливия). «Вымышленные» персонажи всегда играли особую роль в драматургическом замысле Корнеля (достаточно вспомнить Инфанту в «Сиде», Эрику в «Софонисбе», Дирсею в «Эдипе»): их дискурсивное поведение служило для усложнения, углубления идейного конфликта, они могли оттенять по принципу сходства/контраста характеры исторических героев, а также помогали организовать в соответствии с главной идеей систему персонажей, относительно более свободно определять место каждого из них относительно других. Для Корнеля было важным, что «вымышленные» герои соответствовали историческому сюжету и вместе с тем превосходили его выходом в ряд неполитических, частных проблем, что помогало задать дополнительное звучание образам. Вот как сам Корнель говорит о Сабине: «Персонаж Сабини довольно удачно придуман и легко, правдоподобно вписывается в историю» [Corneille: 949]. И далее Корнель замечает, что Сабина, хотя и не направляет развитие действия, участвует во всех событиях; всё вызывает в ней сильные эмоции, её положение – одновременно роль жены и сестры – заставляет её откликаться на всё происходящее. Иначе говоря, к образу Сабини сходятся все нити конфликта, все организующие риторическую структуру трагедии звенья смысло-

го напряжения имеют непосредственное отношение к её характеру, обнаруживающему себя в многочисленных высказываниях.

«Слава», «сила», «мужество», «твёрдость», «подвиг» – все те значения, которые образуют каркас драматической риторики, в речи Сабина порождает свою противоположность – «страдание», «горе», «слёзы», «тревоги», «сетования» (всё это охватывается определением «слабость»). На этом «своём», «слабом» и настаивает Сабина (примечательно, что оценка «женское» как «слабое» будет повторяться по отношению к Сабине и Камилле в речи старшего Горация). Однако самовысказывание Сабина не выпадает из доминирующего ценностно-этического поля. «Слабость» как таковая заслуживает порицания, преступна, и, чтобы иметь на неё право (на чём и настаивает Сабина), её нужно оправдывать, иначе говоря, необходимо определять меру давления обстоятельств и возможную меру сопротивления им. «Признайте справедливой мою слабость и разделите мою боль» [Corneille: 953], – с этих слов Сабина начинается трагедия, от этой правды героиня не отступит до конца сценического действия, и именно с этой позиции она возьмёт верх над Горацием. Слабость Сабина выражается в том, что она испытывает боль, чувствует всю величину несчастья, боится смертельно опасного противостояния близких ей людей. Из монолога героини следует, что такая «слабость» не отрицает «твёрдости» и «мужества», она оправдана величиной испытаний: в своём горе Сабина не ниже самых сильных характеров. Страдание при умении его переносить не отрицает благородных свойств натуры. Устанавливаемая Сабина мера – это её внутренняя мера, и в каждом следующем своём монологе она её актуализирует (и такая подвижность была бы невозможна, если бы героиня исходила из абсолютной величины, каковым выступает Рим). Таким образом, трагедия начинается с выговаривания слабости, другими словами, появляется та неустойчивость, которая является условием движения риторического дискурса. Это подтверждается и характеристикой того, что было до сценического действия: согласно высказываниям Сабина, до начала трагедии, то есть до начала признаний героини, не было Сабина, а была некто «жена Горация», «с римской кровью», «во всём римлянка» [Corneille: 955]. С этого целиком «римского» трагедийное действие у Корнелия начаться не может (как могла начаться, например, гуманистическая трагедия): для Корнелия важно отступление, нарушение, несовпадение, провоцирующие движение дискурса.

Однако следующий же вопрос, который задаёт текст Корнелия, может ли подобный разрыв с Авторитетом, который демонстративно заявлен в дискурсе Сабина, быть окончательным, возможно ли высказы-

вание при его отсутствии, в исключительной сосредоточенности на праве быть собой. Ответ находим как в дальнейших репликах Сабина, так и в монологах её двойника – Камиллы. Характер разворачивания дискурса этих двух героинь при значимых различиях во многом сходен. Камилла делает попытку вообще отбросить Авторитет, преодолеть его влияние, полностью освободившись от него. В разговоре с Куриацием она выражает готовность признать только узы любви, допуская при этом возможность измены государству: не зная ничего об объявленном перемирии и увидев в своём доме жениха, она ошибочно решает, что чувство к ней заставило его уклониться от участия в войне на стороне Альбы; когда же Камилла узнаёт, что в решающем поединке сражаться с её братьями должен именно Куриций, она настойчиво требует от него отказаться от этого боя. Вообще, связь, скрепляемая любовью (Куриций) или родством (Гораций), перекрывает и даже полностью вытесняет в Камилле связь с Римом. В прощальной реплике, обращённой ей к Курицию, «Рим» превращается в пустой знак – лишённое какого-либо наполнения обозначение города, которое может быть отброшено, с лёгкостью заменено на другое («Почему я римлянка или ты не родился римлянином?») [Corneille: 973]). В Авторитете (а он в монологах Камиллы представлен и городом, и царской властью, и богами) героиня видит уничтожающую её, а значит, враждебную ей силу, которая катастрофическим образом её превосходит, которую она хотела бы ниспровергнуть, но с которой, как она убеждена, бороться бессмысленно (как бесполезно бороться против фатума). В высказываниях Камиллы Рим разрастается до убивающего её кровожадного чудовища, к которому она и обращает проклятия. Узнав о смерти жениха, Камилла говорит о себе как о человеке, раздавленном жестоким роком. Отваживаясь на открытый бунт против Авторитета и в порыве абсолютного отрицания ниспровергая его, человек оказывается перед лицом чудовищного в своей беззаконности мира, с которым невозможно установить какие-либо отношения. Достаточно обратиться к последнему монологу Камиллы, состоящему из следующих одно за другим проклятий, чтобы убедиться в том, что перед нами высказывание, лишённое смысловой опоры, обесмысленный дискурс. Обнаружение полной пустоты оборачивается подрывом её собственного существования, которое обязательно должно иметь какие-то разумные векторы (если таковых нет, оно необнаружимо, то есть его нет, если следовать логике текста Корнелия). Причём у бунтующей, ниспровергающей всякий порядок Камиллы нет никакой альтернативы. В ситуации полного разрыва с Авторитетом возврат к каким-либо задаваемым им значимым основаниям становится невозможен: когда

Камилла оборачивается на тот порядок вещей, от которого отрекается, она находит ужасающую безжизненностью карикатуру. Вокруг себя Камилла видит только варварство, жестокость и насилие, жертвой которого – вплоть до физического устранения – она себя ощущает («...оскорбляйте его победу, растравляйте его гнев и, если возможно, получайте удовольствие от того, чтобы ему не нравиться» [Corneille: 995]). Катастрофичность смыслового опустошения дискурса Камиллы, вырывающего её из всей драматической риторической структуры, скреплённой авторитетными ценностно-значимыми звеньями, ведёт к её полной изоляции, логическим итогом которой и становится её гибель. Этот абсолютный разрыв с Авторитетом, сохранение отдельных связей с которым могло быть спасительным для героини, которая в этом случае закрепила бы за собой право существовать в санкционированном общим языковым построением трагедии смысловом пространстве, был подготовлен резкими колебаниями в высказываниях Камиллы. На эту уязвимость героини (отличающей её от Сабинны) указывается в самом начале сценического действия: по замечанию Юлии, характер Камиллы «нетвёрдый», «непостоянный» [Corneille: 956]. К тому же мотив рока, связанный с образом Камиллы, противоречит одной из ключевых идей трагедий Корнеля: свободе волевого поступка. Всё это заставляет усомниться в состоятельности дискурсивного поведения Камиллы: её рассуждения не приводят к обоснованному упрочению её позиции. Более того, её высказывание заметно теснится позицией вступающего с ней в спор Куриация, отношение которого к Авторитету намного сложнее.

Для Куриация всё, что требует от него гражданский долг, – неопровержимо, при всей напряжённости переживаемого им противоречия (Куриаций любит римлянку и уже помолвлен с ней, однако в интересах своего города должен сражаться против Рима), он неотступно держится за этот устойчивый смысл. В его самовысказываниях верность государству так же неотделима от его «я», как и любовь к невесте. Ни при каких обстоятельствах он не может изменить тому, что дано ему от рождения: его рассуждения неизменно заканчиваются утверждением «нужно» и «должно». Исключительность характера дискурса/поступка этого героя заключается в том, что он прилагает все усилия к тому, чтобы согласовать Авторитет с личными интересами, и вместе с этим не верит в возможность это осуществить. Куриаций заявляет, что боится победы войска над Римом, родным городом Камиллы, и боится бесславного подчинения ему – неразрешимое противоречие, заставляющее героя осознавать, что при любом исходе войны он теряет невесту. И в следующей же реплике: «Я всё ещё люблю мою честь, обожая Ка-

миллу. <...> Распря Альбы я примирил бы с моей любовью...» [Corneille: 961]. При всей безусловно подчинения Авторитету, в отличие от Горация, Куриаций не поглощён им: он сохраняет способность критически относиться к нему, настаивая на праве свободы самоосмысления. Приятие абсолютности долга не подавляет в нём ни естественных чувств, ни представлений о человеческом как ответственности за отношения с близкими людьми. Так, Гораций не осознаёт себя мужем Сабинны (во всяком случае, он никогда не говорит о себе в таком качестве, а его общение с женой ограничивается только требованиями к ней), он видит в себе исключительно «римлянина», защитника чести Рима. Куриаций же осознаёт себя не только воином, но и женихом, братом, другом, он глубоко понимает неразрывность своей связи с другими персонажами. После получения им известия о том, что совет старейшин Альбы избрал именно его для защиты интересов города, Куриаций оказывается глубоко подавлен тем, что ради Авторитета должен переступить через эти связи, то есть с его человеческой – для него неотменимой – позиции совершить преступление. Куриаций всегда помнит, кого он должен убить и кому это принесёт неизбывное горе. Именно активность мыслящего «я», обособленность себя и своей судьбы заставляет Куриация усомниться в Авторитете (но не в его власти над собой), опровергнуть его абсолютность: «На это славное дело я иду как на пытку, я тысячу раз проклиная своё положение: я ненавижу это мужество, за которое меня ценит Альба...» [Corneille: 970]. Итак, посредством дискурса Куриация Корнель испытывает возможность установления языка на предельно допустимой дистанции от Авторитета: как удалиться от Авторитета, не разорвав с ним полностью связи, можно ли и в какой степени сохранить автономность «я» от насильственного давления сверхличного интереса. За счёт привнесения точки зрения влюблённого, брата, друга – того, что охватывается определением «человек», «человеческое» («...у меня такое же храброе сердце, но я всё же человек», «...чтобы сохранить ещё что-то человеческое» [Corneille: 968]), Корнель делает подвижным взгляд на Авторитет, усложняет его оценку.

Дискурс Сабинны – это значительно иной характер отношения к Авторитету, в нём можно наблюдать схождение крайностей. Так, в монологе, открывающем третье действие и совпадающем с поединком Горация и Куриация, Сабина делает попытку возвыситься над своим страданием, встать на точку зрения Авторитета. Это как бы иной уровень нахождения, иной горизонт видения, где уже нет чувствования про себя, как нет и своего горя, а есть то, что во много раз превышает это «своё» как мелкое, незначительное, такое, что легко можно не замечать. Когда

отбрасывается взгляд изнутри и всё начинает осматриваться, оцениваться с точки зрения всеобщего, официального, меняется вся картина, дискурс риторически выстраивается в соответствии с определённой моделью, организующими смыслами которой выступают уже закреплённые как доминантные и сигнализирующие о разрастании Авторитета такие понятия, как «закон», «долг», «честь», «слава», «победа», «доблесть», «победитель». Логически получается, что смерть не страшная, но «прекрасная», победа, несмотря на пролитую кровь родственников, возведёт на вершину славы, поэтому она должна вызывать радость, бой есть доказательство мужества, поэтому он должен питать воодушевление, а не ужас, и на мёртвых нужно смотреть без отчаяния. Разворачиванию такого рассуждения предшествует общий тезис: «Будем думать, с какой целью, а не чьими руками» [Corneille: 977]. Сабина старается как бы скопировать военный подвиг её мужа и братьев: «Будем подражать их стойкости и ничего больше не бояться» [Corneille: 977]. Но «стойкость», чтобы затвердеть, получить такую устойчивость, которая в сущности есть нечто иное, чем существование – чувствуемое и мыслимое, должна раз и навсегда выразиться в поступке (победном сражении и т. п.) и отлиться в «памятник» славы. Но само течение дискурса, как бы подражающее здесь изменчивости жизни, не даёт ищущей для себя героине остановиться в этой точке. Переживаемое горе берёт верх, и это обостряющееся страдание выбивает героиню из желаемой устойчивости в бесчувствии и снова погружает её в «своё». Сабина определяет это кратковременное, добытое усилием воли бездвижие как «мгновение прояснения», «иллюзию», «слабый свет», который быстро исчезает [Corneille: 977–978]. Вторая часть данного монолога Сабины при повторении организующего принципа высказывания первой части перестраивается в соответствии с обратной логикой: её направляют «личностные» понятия – «горе», «грустное сердце», «душа». Получается противоположное утверждение: смерть несколько не прекрасна, но ужасна, победа не героична, но кровава, подвиг не славен, но преступен. Подобному рассуждению предпослан соответствующий тезис, который представляет собой перевернутую формулу предыдущего: «Я думаю, чьей рукой, а не с какой целью» [Corneille: 978]. Таким образом, во второй части монолога последовательно отрицается то, что утверждается в первой. Казалось бы, дискурсу Сабины больше некуда двигаться: все усилия согласовать Авторитет и личный интерес оказываются тщетны («Сострадание говорит напрасно, разум неуместен...») [Corneille: 984]. Однако высказывание Сабины (и это отличает её от других героев) характеризует удивительная гибкость: сталкиваясь с не-

избежным препятствием, оно, подгоняемое Корнелем, который показывает конфликт с разных сторон, стремится любой ценой – даже чисто условно – его преодолеть. В уста Сабины вкладывается кардинально значимая мысль – она высказывает её несколько раз (сначала старому Горацию, а затем мужу): внешне можно сохранять (как то требует долг) достойную римлянина сдержанность и твёрдость, вдали же от всех, для себя, не стесняясь и не сдерживаясь, отдаваться переживанию горя. Получается, что, внешне подчинившись Авторитету, человек сохраняет верность «своему». Таким образом, Авторитет теряет свою власть над личностью, поскольку ему отводится область внешнего, формального и он не распространяется на человеческие отношения, перестаёт довлеть над избранной человеком моралью. В значительной степени высвобождаясь из-под контроля Авторитета, Сабина настаивает на своём праве решать, что для неё оправданно с позиции её родства и чувства, и именно это принимать за «должное» и «необходимое». Вот что героиня говорит своему свёкру: «В вашем присутствии мы с лёгкостью могли бы скрывать наше отчаяние за видимой стойкостью» [Corneille: 984]. Однако (как покажет дальнейшее развитие трагедийного действия) это мнимое разрешение конфликта: Куриации будут убиты, а Гораций с его отцом будут требовать выражения радости, горячего одобрения триумфа Рима. И Сабине понадобится ещё одно – крайнее – усилие, чтобы, не подрывая Авторитета, не вступая с ним в открытое противостояние, утвердить свою независимость от него. Это усилие готовится уже в этом монологе героини, обращённом ею к старому Горацию. Она прямо говорит свёкру, что они с Камиллой не желают выражать стойкости, которой у них нет, хотят оставаться самими собой («...хотим быть такими, какие мы есть» [Corneille: 984]). Именно этот смысл, который найдёт закрепление в диалоге Сабины с Горацием после убийства им Камиллы, и будет идейным итогом трагедии. Признание над собой власти Авторитета и одновременно сопротивление её насилию – это позиция оппонентов Горация, которая наиболее полно представлена в языковом образе Сабины, что и дало нам основание говорить, что именно за этой героиней стоит сам Автор.

Список литературы

Барт Р. Драма, поэма, роман // Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. Москва: Прогресс, 1986. С. 141–159.

Борисова М.Б. Голос автора и голос героя в драматическом тексте // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века. Санкт-Петербург: СПбГУ, 1998. С. 248–259.

Бухаркин П.Е. Автор в трагедии классицизма (предварительные замечания) // Автор и текст: сб. ст. / под ред. В.М. Марковича, В. Шмида. Санкт-Петербург: СПбГУ, 1996. С. 84–104.

Ерёмченко Е.И. Реализация категории образа автора в драматических произведениях Макса Фриша и Фридриха Дюрренмата: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 1998. 149 с.

Журавлёва О.В. Автор в драме: формы выражения авторского сознания в русской драме XX века. Самара: СГПУ, 2007. 418 с.

Ивлева Т.Г. Автор в драматургии А.П. Чехова. Тверь: ТГУ, 2001. 125 с.

Фигут Р. Автор и драматический текст // Автор и текст: сб. ст. / под ред. В.М. Марковича, В. Шмида. Санкт-Петербург: СПбГУ, 1996. С. 53–84.

Чеснокова Т.Г. Поэтика «римской доблести» в трагедии Корнеля «Гораций» // Arbor mundi. 2009. № 15. С. 9–27.

Biet Ch. La tragédie. P., Armand Colin, 2010. 192 p.

Corneille P. Théâtre. T. 2. Sous la dir. de L. Picciola. P., Classiques Garnier, 2017, 1125 p.

Couton G. Corneille et la tragédie politique. P., PUF, 1990, 505 p.

Delmas Ch. Mythologie et mythe dans le théâtre français (1650–1676). P., Droz, 1985, 392 p.

Dotoli G. Littérature et société en France au XVII-e siècle. P., Nizet, 1987, 391 p.

Dufour-Maître M. Présentation. Héros ou personnages? Le personnel du théâtre de Pierre Corneille. Sous la dir. du M. Dufour-Maître. Mont-Saint-Aignan, Presses universitaires de Rouen et de Havre, 2013, pp. 7-17. DOI: 10.4000/books.purh.10077

Forestier G. Essai de génétique théâtrale: Corneille à l'œuvre. Genève, Droz, 2004, 396 p.

Jouhaud Ch. L'écrivain et le ministre: Corneille et Richelieu. XVII-e siècle, 1994, No. 182, pp. 135-142.

Merlin-Kajman H. L'Absolutisme dans les lettres et la théorie des Deux Corps. Passions et politique. P., Champion, 2000, 364 p.

Minel E. Pierre Corneille. Le Héros et le Roi. Stratégies d'héroïsation dans le théâtre cornélien. P., Eurédit, 2010, 604 p.

Prigent M. Le Héros et l'État dans la tragédie de Pierre Corneille. P., PUF, 2008, 584 p.

Zuber R. Le théâtre classique et l'honnête homme: histoire et mythe. Littérature classique, 2002, H-S, pp. 181-183.

Borisova M.B. *Golos avtora i golos geroya v dramaticheskom tekste* [The voice of the author and the voice of the hero in a dramatic text]. *Rusistika: Lingvisticheskaya paradigma konca XX veka* [Russian studies: The linguistic paradigm of the end of the XX century]. Saint Petersburg, SPbGU Publ., 1998, pp. 248-259. (In Russ.)

Buharkin P.E. *Avtor v tragedii klassicizma (predvaritel'nye zamechaniya)* [The Author in the tragedy of classicism (preliminary remarks)]. *Avtor i tekst* [Author and text]. Saint Petersburg, SPbGU Publ., 1996, pp. 84-104. (In Russ.)

Chesnokova T.G. *Poetika «rimskoj doblesti» v tragedii Kornelya «Goracij»* [The poetics of “Roman valor” in Corneille's tragedy “Horace”]. *Arbor mundi*, 2009, No. 15, pp. 9-27. (In Russ.)

Eryomenko E.I. *Realizaciya kategorii obraza avtora v dramaticheskikh proizvedeniyah Maksa Frisha i Fridriha Dyurrenmata* [Realization of the category of the image of the author in the dramatic works of max Frisch and Friedrich Durrenmat]. Saint Petersburg, 1998, 149 p. (In Russ.)

Figut R. *Avtor i dramaticheskij tekst* [Author and dramatic text]. *Avtor i tekst* [Author and text]. Saint Petersburg, SPbGU Publ., 1996, pp. 53-84. (In Russ.)

Ivleva T.G. *Avtor v dramaturgii A.P. Chekhova* [Author in the drama of A.P. Chekhov]. Tver, TGU Publ., 2001, 125 p. (In Russ.)

Zhuravlyova O.V. *Avtor v drame: formy vyrazheniya avtorskogo soznaniya v russkoj drame XX veka* [Author in drama: forms of expression of author's consciousness in Russian drama of the XX century]. Samara, SGPU Publ., 2007, 418 p. (In Russ.)

Biet Ch. La tragédie. P., Armand Colin Publ., 2010, 192 p.

Corneille P. Théâtre. T. 2. Sous la dir. de L. Picciola. P., Classiques Garnier Publ., 2017, 1125 p.

Couton G. Corneille et la tragédie politique. P., PUF Publ., 1990, 505 p.

Delmas Ch. Mythologie et mythe dans le théâtre français (1650–1676). P., Droz Publ., 1985, 392 p.

Dotoli G. Littérature et société en France au XVII-e siècle. P., Nizet Publ., 1987, 391 p.

Dufour-Maître M. Présentation. Héros ou personnages? Le personnel du théâtre de Pierre Corneille. Sous la dir. du M. Dufour-Maître. Mont-Saint-Aignan, Presses universitaires de Rouen et de Havre Publ., 2013. P. 7-17.

Forestier G. Essai de génétique théâtrale: Corneille à l'œuvre. Genève, Droz Publ., 2004, 396 p.

Jouhaud Ch. L'écrivain et le ministre: Corneille et Richelieu. XVII-e siècle, 1994, No. 182, pp. 135-142.

Merlin-Kajman H. L'Absolutisme dans les lettres et la théorie des Deux Corps. Passions et politique. P., Champion Publ., 2000, 364 p.

Minel E. Pierre Corneille. Le Héros et le Roi. Stratégies d'héroïsation dans le théâtre cornélien. P., Eurédit Publ., 2010, 604 p.

References

Bart R. *Drama, poema, roman* [Drama, poem, novel]. *Nazyvat' veshchi svoimi imenami. Programmnye vystupleniya masterov zapadnoevropejskoj literatury XX veka* [Call a spade a spade. Program performances of masters of Western European literature of the XX century]. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 141-159. (In Russ.)

Prigent M. Le Héros et l'État dans la tragédie de Pierre Corneille. P., PUF Publ., 2008, 584 p.

Zuber R. Le théâtre classique et l'honnête homme: histoire et mythe. Littérature classique, 2002, H-S, pp. 181-183.

Статья поступила в редакцию 06.07.2023; одобрена после рецензирования 03.08.2023; принята к публикации 30.08.2023.

The article was submitted 06.07.2023; approved after reviewing 03.08.2023; accepted for publication 30.08.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 147–151. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 3, pp. 147–151. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(450).09"13/14"

EDN FAAIRN

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-147-151>

LAUDES CIVITATUM: МИЛАН XIII ВЕКА КАК ЗЕМНОЙ РАЙ (на материале произведений Бонвезина да ла Рива)

Кедрова Мария Александровна, ассистент кафедры романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, m.kedrova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8974-2021>

Аннотация. В статье говорится о связи двух произведений средневекового итальянского учителя и поэта Бонвезина да ла Рива (1240–1315): «О дивах града Медиоланского» и «Золотого Писания» (одной из частей «Книги трех Писаний», посвященной описанию загробного мира). С опорой на итальянскую критику [Верри, Новати, Альбини] делается вывод о том, что отдельные факты о городе, приводимые Бонвезином, являются преувеличением, характерным для панегириков, а наибольший интерес представляет сходство Милана рубежа XIII–XIV вв. с представлениями автора о Небесном Иерусалиме. Автор анализирует такие общие для панегириков места, как топография, климат, изобилие, нравственные качества обитателей города и т. д. Изображение Милана как рая на земле укладывается в концепцию блаженного Августина, полагавшего, что земной мир должен служить устремлению человека к горнему миру.

Ключевые слова: средние века, панегирик, визионерство, загробный мир, рай как город, дидактическая поэзия.

Для цитирования: Кедрова М.А. Laudes civitatum: Милан XIII века как земной рай (на материале произведений Бонвезина да ла Рива) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 147–151. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-147-151>

Research Article

LAUDES CIVITATUM: 13TH CENTURY MILAN AS HEAVEN ON EARTH (based on Bonvesin da la Riva's works)

Mariya A. Kedrova, Teaching assistant at the Department of romance philology, St Petersburg, Russia, m.kedrova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8974-2021>

Abstract. The paper considers the relationship between two works by the medieval Italian teacher and poet Bonvesin da la Riva (1240–1315): *De magnalibus urbis Mediolani* ("On the Marvels of Milan") and *De scriptura aurea* ("Golden Scripture", part of *Il Libro delle tre Scritture* – "Book of the Three Scriptures" describing the other world). Relying on Italian criticism (Verri, Novati, Albini), it is concluded that several facts about the city that Bonvesin cites represent exaggeration typical for panegyrics, and what is of greatest interest is the similarity of Milan at the turn of the 14th century to Bonvesin's vision of Heavenly Jerusalem. The author analyses such common places for panegyrics as topography, climate, abundance, moral qualities of city residents, etc. The image of Milan as "heaven on earth" fits into the concept of Saint Augustine, who believed that the earthly world should serve human aspiration towards the heavenly world.

Keywords: Middle Ages, panegyric, visionarity, other world, paradise as city, didactic poetry.

For citation: Kedrova M.A. Laudes civitatum: 13th century Milan as heaven on earth (based on Bonvesin da la Riva's works). Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 3, pp. 147–151 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-147-151>

«Не только иноземцы, но и мои сограждане дремлют, если можно так выразиться, в пустыне невежества и не знакомы с дивами Медиоланума; посему я решил, что необходимо подать им руку помощи да совет так, дабы они пробудились и узрели, а узрев познали величие и благолепие сего самобытного града», – так пишет во вступлении к «О дивах града Медиоланского» Бонвезин да ла Рива (1240–1315), учитель грамматики, поэт и писатель.

Панегирики городу были широко представлены ещё в Античности: чаще всего предметом восхваления были Афины, Смирна (современный Измир), Карфаген и Рим¹. В Средние века классический жанр вобрал в себя христианскую составляющую: стали описываться не только красота и богатство города, но и высоконравственные качества жителей, обязательно указывались наиболее значимые церкви и реликвии, рассказывалось о местных святых и покровителях города.

Одним из таких *laudes civitatum* стал «О дивах града Медиоланского» Бонвезина, написанный в 1288 году. Это единственное произведение автора с известной нам датировкой – он сам указал её в предисловии. В восьми главах рассказывается о расположении города, зданиях, изобилии; а также внутренней силе, верности, свободе и достоинстве его жителей.

Как писал Франческо Новати² (1859–1915), филолог-медиевист и литературный критик, «в действительности никто до него (Бонвезина. – М. К.) не ставил себе целью описать столь щедро, в таких деталях особенности, расположение и климат Милана, исследовать его территорию пядь за пядью, перечислить его озера и реки, окраины, замки и виллы; а затем, проникнув в город, указать его величину, форму, живописуя его общественные и частные здания, дворцы и храмы, дома и башни, больницы и монастыри» [Rippa: 30].

Факты, приводимые Бонвезином, – краеугольный камень произведения, автор неоднократно ссылается на источники или сообщает, что лично считал и видел то, о чем свидетельствует, однако уже Пьетро Верри³ (1728–1797) писал в «Истории Милана» о том, что многие факты не заслуживают доверия [Verri: 175]. Так, он приводит пример с шестью тысячами вьючных животных, которые ежедневно доставляли в Милан 1 200 модиев⁴ муки, но, по мнению Верри, это было невозможно. Ещё более невероятным он находит информацию о населении, которое, согласно Бонвезину, составляло 200 тысяч человек [Bonvesin da la Riva 2009, III: XIV–XV], поровну мужчин и женщин. Учитывая, что среди мужчин были дети и люди преклонного возраста, армия не могла состоять из 40 тысяч человек.

Такого же мнения придерживается и Джулиана Альбини (р. 1950), профессор кафедры истории Средних веков Миланского университета. В статье «Ми-

лан, город изобилия: “О дивах града Медиоланского” Бонвезина да ла Рива» [Albini: 87–122] она указывает на то, что изобилие продуктов питания, о котором писал Бонвезин, скорее является хвастливым преувеличением, нежели правдой, поскольку в последние десятилетия XIII века разразился кризис (см. также: [Barbero, Frugoni: 283–284]).

Необходимо обратить внимание на следующие строки Бонвезина: «Даже странствуя по всему свету, не найти иного подобного райского места» [Bonvesin da la Riva 2009, II: XII].

Действительно, все то, что перечисляет Бонвезин, будь то изобилие еды или нравственные качества жителей, с одной стороны, кажется преувеличением, а с другой – находит параллели со вторым по значимости произведением в творчестве Бонвезина – «Книгой трёх Писаний», поэмой, написанной на вольгаре. Эта поэма, как и две поэмы веронского монаха-францисканца Джакомино да Верона [Contini 1960, 1970; De Sanctis; Pasquini] (автор «Адского Вавилона» и «Небесного Иерусалима»), является ближайшей предшественницей «Божественной комедии». В «Книге трёх Писаний» мы видим трёхчастную композицию, как и у Данте, однако на место чистилища [Ле Гофф: 497] Бонвезин определил библейский сюжет о Страстях Христовых. Топографиярая и ада у Бонвезина весьма условна, но мы видим, что существует двенадцать видов наказаний для грешников и столько же видов райских блаженств. Если не принимать в расчёт исключительно духовные награды (возможность лицезреть Бога и ангелов и т. п.), а оставить лишь материальные ценности, которые с точки зрения Бонвезина ожидают праведника в раю, то они будут представлять собой вечный город с его прекрасными площадями, лугами и садами; изобилие; физическое и духовное совершенство обитателейрая.

Бонвезин называет рай вечным городом, в котором много прекрасных площадей и улиц, драгоценные камни переливаются на городских стенах и воротах. Как и Джакомино да Верона, Бонвезин ссылается на книгу Откровения⁵ при описании города, но без прямых цитат и математических подробностей. Он отмечает, что небесный город находится на равнине, он не окружен горами или холмами, нет там и заброшенных невозделанных земель.

Говоря же о Милане, Бонвезин обращается к ветхозаветным хвалебным сравнениям [Bonvesin da la Riva 2009: 13]: «как роза или лилия среди цветов, как ливанский кедр, как лев среди четвероногих, как орёл среди птиц⁶». Кроме того, он сообщает, что круглая форма города свидетельствует о его совершенстве [Bonvesin da la Riva 2009, II: IV], что не соответствует действительности: форма Милана конца XIII века представляла собой эллипс.

Во второй главе «О дивах града Медиоланского» Бонвезин рассказывает о городской планировке: жилых домах, церквях, неисчислимых колокольнях и мельницах и т. д. Как и в раю, в Милане нет пустынь и болот, только сады, реки, пастбища – все то, что обогащает, что полно жизни.

Ещё одним значительным моментом в описании города является умеренный климат. Широко представленный в «Божественной комедии» теолого-философский мотив света красной линией проходит и в «Золотом Писании» Бонвезина. Вечный свет, который исходит от Бога, освещает небесный город не только в духовном, но и в физическом смысле, причём он мягок и не обжигает праведника. Это утверждение имеет библейские корни: «Очи Господа – на любящих Его. Он – могущественная защита и крепкая опора, покров от зноя и покров от полуденного жара, охранение от преткновения и защита от падения» (Сир 34:16 – Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова). Описывая же климат Милана, Бонвезин также отмечает умеренность: зимой там не бывает непереносимого холода, а летом излишней жары.

По словам Бонвезина, в Милане конца XIII века не было водохранилищ или акведуков для подачи воды издалека, но было много естественных источников с чистой и полезной водой, и, более того, в каждом доме был прекрасный источник, который назывался «колодец воды живой» [Bonvesin da la Riva 2009, I: III].

В конце первой главы «О дивах града Медиоланского» Бонвезин сообщает о том, что в городе много долгожителей как мужского, так и женского пола, подчёркивая этим высокое качество жизни и благоприятность климата. Современник Бонвезина, хронист Гальвано Фьямма [Ferrai; Massimiliano] (1283–1344), писал о том, что климат Милана настолько хорош для его жителей, что у них крепкие зубы, здоровые десны и здоровый разум (цит. по: [Bonvesin da la Riva 2009: 178]).

Большое внимание Бонвезин уделяет возделанной Богом и человеческими руками земле, а не естественной природе. И в небесном, и в земном раю в садах цветут розы, лилии и фиалки, источающие великолепный аромат. Стоит отметить, что все три цветка являются символами в средневековой культуре, их упоминал Данте в описании земного рая⁷, а один из «contrastos» Бонвезина посвящён спору розы и фиалки.

Одним из видов райских наслаждений является еда⁸, Бонвезин подчёркивает, что на небесном пиру вся еда высшего качества, но особо отмечает белоснежный хлеб («lo pan bianchissimo»), сладчайшие фрукты («si dolci frugio»), вино («lo vin celestial») и финики («li datar»). Как можно заметить, здесь не упоминаются продукты животного происхождения. В поэме Бонвезина сбываются слова, произне-

сённые во время Тайной вечери: «Истинно говорю вам: Я уже не буду пить от плода виноградного до того дня, когда буду пить новое вино в Царствии Божием» (Мк. 14:25)⁹. Другой упомянутый ранее продукт, финики, называются в Библии «пальмой»¹⁰. Наравне с мёдом финики были одной из немногочисленных сладостей в Древней Палестине, однако в средневековой Италии этот продукт был не слишком распространён. Об этом говорит и Бонвезин в «О дивах града Медиоланского»: «Здесь не выращивают ни финики, ни перец, ни различные заморские пряности» [Bonvesin da la Riva 2009, IV: 4].

В то же время Милан был богат сливами, грушами и яблоками, тутовником и инжиром, орехами, персиками, каштанами, вишней – и это лишь малая часть того, что называет Бонвезин. Он перечисляет все виды местных овощей, рыб и морских гадов, хвалит вино. По словам Бонвезина, миланцы больше других используют специи, особенно острый перец.

«Не переводятся сокровища, ни самоцветы, ни золото, ни серебро»¹¹, – говорит Бонвезин о рае. Однако что позволено на Небе, не позволено на земле: говоря об изобилии Милана, он отмечает драгоценности иного рода: плодородие земель, вод и фертильность местного населения, а также богатства духовного характера – нравственные качества жителей города, реликвии, церкви и монастыри, епископов Милана с первых веков христианства, которые были причислены к лику святых. С особым почтением Бонвезин упоминает святого Амвросия Медиоланского [Navoni; Pasini] (340–397), учителя церкви.

Конечно, говоря о граде земном (Милане) и граде Божьем, нельзя не вспомнить одноимённый труд Августина Блаженного (354–430)¹². Одной из важных тем, которые поднимает Августин, является стабильность и сила тех государств, которые духовно едины. Также он говорит о том, что Небесный град через видимые вещи направляет земной мир к небесному¹³. Как было сказано ранее, Бонвезин изображает Милан процветающим городом, что позволяет его жителям не «в поте лица своего есть хлеб»¹⁴, но сосредоточиться на духовных ценностях. В третьей главе «О дивах града Медиоланского» он называет жителей Милана дружелюбными, полными достоинства, изящно одевающимися и щедрыми. К тому же их язык лёгок для понимания теми, кто его не знает. Но именно в третьей и в восьмой главах [Bonvesin da la Riva 2009, 8: X] Бонвезин упрекает своих сограждан в недостатке единства. Лишь отсутствие единства и порта в городе отличают земной рай от рая небесного.

Одновременно представляют интерес реальные исторические события, в контексте которых возникло сочинение «О дивах града Медиоланского»: борьба родов делла Торре и Висконти в 70-е годы XIII века. Архиепископ Оттоне Висконти [Lopez; Zaninetta] (1207–

1295), опиравшийся на власть папы, в 1287 году, после битвы при Децио, вошёл в Милан и принял власть; в том же году он передал свои полномочия внучатому племяннику Маттео Висконти (1250–1332), а сам удалился в монастырь. На следующий год Маттео был избран капитаном народа. «(Город. – М. К.) не оказался в услужении кого бы то ни было, кроме церкви Божьей, служить которой является не рабством, но свободой», – говорит Бонвезин в седьмой главе. Он восхваляет род Висконти, называя их благороднейшей семьей и людьми исключительной важности [Bonvesin da la Riva 2009, V: XXIII]. Бонвезин, уроженец Порта Тичинезе (близ канала Навильи), был учителем грамматики в Леньяно до 1288 года. Затем он возвращается в Милан и в том же году создает «О дивах града Медиоланского». Поскольку нет никаких убедительных доказательств того, что благодаря своей похвале городу (и, конечно, роду Висконти) Бонвезин приобрёл какие-либо экономические блага или политическое влияние, мы можем сделать вывод о том, попытка изобразить Милан раем на земле обусловлена прежде всего религиозными и патриотическими взглядами автора. Для него нет более красивого, свободного и богатого города, чем Милан.

Подводя итоги, следует отметить, что Бонвезин описывает Милан как идеальный город: хорошо спланированный, с умеренным климатом, изобильный. Он говорит о добропорядочных гражданах, отличающихся завидным здоровьем и долголетием. Все эти аспекты присутствуют и в «Золотом Писании», где он представляет рай как Небесный город. Лишь отсутствие единства отличает Милан отрая.

Примечания

¹ См. «Похвальное слово Риму» Элия Аристида, «Энеида» Вергилия и т. д.

² Франческо Новати преподавал в университетах Пизы, Палермо и Генуи, в последние годы – в миланской Академии. Он был одним из основателей «Исторической газеты по итальянской литературе», являвшейся главным органом «исторической школы». Сфера его интересов – литература эпохи средневековья. Наиболее значимые работы: *L'influsso del pensiero latino sopra la civiltà italiana del medio evo*. Milano, Hoepli, 1897; *Attraverso il Medio Evo. Studi e ricerche*. Bari, Laterza, 1905; *Freschi e mini del Dugento*. Milano, Cogliati, 1908.

³ Философ, историк и писатель эпохи. Благодаря Пьетро Верри Милан стал главным центром Просвещения в Италии. Он основал журнал *Il caffè* в 1764 году [Capra].

⁴ Модий – древнеримская единица объема, составлявшая от 6 до 40 кг.

⁵ Откр. 21–22.

⁶ Ср. Пс. 91:13, Пс. 92:12; Пс. 104:16–17 и т. д.

⁷ Чист. XXIX:145–150.

⁸ SA 497–560.

⁹ См.: Мф. 26:29.

¹⁰ См.: Пс. 91:13 или Песн. 7:7–10.

¹¹ SA 229–230.

¹² Христианский богослов, философ, один из Отцов церкви (см.: [Августин: pro et contra; Епифанова]).

¹³ О граде Божьем, XIX:17.

¹⁴ Быт. 3:19.

Список литературы

Августин: pro et contra / сост. В. Селиверстов. Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2002, 976 с.

Блаженный Августин. Творения: в 4 т. / сост. и подгот. текста к печати С.И. Еремеева. Санкт-Петербург: Алетейя; Киев: УЦИММ-пресс, 1998.

Епифанова Т.В. Человек, общество и государство в политическом учении Августина Блаженного. Москва: МЮИ, 2012. 180 с.

Ле Гофф Ж. Рождение Чистилища / пер. с фр. В. Бабинцева, Т. Краевой. Екатеринбург: У-Фактория; Москва: АСТ МОСКВА, 2009, 544 с.

Топорова А.В. Очерки по истории жанров средневековой религиозной литературы: Италия, XIII–XV вв. Москва: РГГУ, 2020. 304 с.

Albini G. Milano, città dell'abbondanza: Il De Magnalibus di Bonvesin da la Riva. Aspetti dell'alimentazione nell'area milanese e lombarda tra l'età antica e l'età di Leonardo Prima edizione. Milano, Civico Museo Archeologico, 2016.

Avalle d'Arco Silvio Bonvesin da la Riva. Dizionario biografico degli italiani. Roma: Istituto dell'Enciclopedia Italiana, Treccani, 1971, vol. XII.

Barbero A., Frugoni C. Medioevo. Storia di voci, racconto di immagini. Roma-Bari, Editori Laterza, 2019.

Bonvesin da la Riva. Le meraviglie di Milano a cura di Paolo Chiesa. Milano, Fondazione Valla, 2009.

Bonvesin da la Riva. Libro delle Tre Scritture. Introduzione, testo e commento a cura di Matteo Leonardi. Ravenna, Longo Editore, 2014.

Capra C. I progressi della ragione: vita di Pietro Verri. Bologna, Il Mulino, 2002.

Contini G. Le opere volgari di Bonvesin da la Riva. Volume primo, Testi. Roma, Società filologica romana, 1941.

Contini G. Letteratura italiana delle origini. Firenze, 1970.

Contini G. Poeti del Duecento. Milano-Napoli, 1960. *De Sanctis F.* Fra Giacomino da Verona e la poesia religiosa del suo tempo. Italia francescana, 1940, vol. XV; 1941, vol. XVI; 1942, vol. XVII.

Ferrari L.A. Le Cronache di Galvano Fiamma e le fonti della Galvagnana. Bulletino Dell'Istituto Storico Italiano, 1891, vol. X.

Lopez G. I Signori di Milano, dai Visconti agli Sforza. Newton Compton editore, 2010.

Massimiliano D. La "Cronica extravagans de antiquitatibus civitatis Mediolani" di Galvano Fiamma. Linee metodologiche per una nuova edizione critica. In *Le cronache medievali di Milano*. Milano, Vita e Pensiero, 2001.

Navoni, M.M. Vita di sant'Ambrogio: La prima biografia del patrono di Milano di Paolino di Milano. Edizioni San Paolo, 1996.

Pasini S. I Padri della Chiesa. Il cristianesimo dalle origini e i primi sviluppi della fede a Milano. Busto Arsizio, Nomos Edizioni, 2010.

Pasquini E. La letteratura didattica e allegorica. In *Letteratura italiana (Laterza)*, II, Bari, 1970.

Rippa B. de. De magnalibus urbis Mediolani, a cura di F. Novati. Bollettino dell'Istituto Storico Italiano per il Medioevo, 1898, vol. XX.

Verri P. Storia di Milano a cura di F.Ogliari. Genova, De Ferrari, 2003.

Wilhelm R., Dörr S. Bonvesin da la Riva. Poesia, lingua e storia a Milano nel tardo Medioevo. Atti della giornata di studio, Heidelberg, 29 giugno 2006. Heidelberg, Universitätsverlag Winter, 2009b.

Zaninetta, P. Il potere raffigurato. Simbolo, mito e propaganda nell'ascesa della signoria viscontea. Milano, FrancoAngeli, 2013.

References

Avustin: pro et contra [St. Augustine: pro et contra], comp. by V. Seliverstov. Saint Petersburg, Russian Christian Academy Publ., 2002, 976 p. (In Russ.)

St. Augustine. *Tvorenii: v 4 t.* [Works: in 4 vols.], comp. by S.I. Eremeeva. Saint Petersburg, Aleteia Publ.; Kiev, UTSiMM-Press Publ., 1998. (In Russ.)

Epifanova T.V. *Chelovek, obshchestvo i gosudarstvo v politicheskom uchenii Avgustina Blazhennogo* [Man, society and the state in the political doctrine of St. Augustine]. Moscow, International Law Institute Publ., 2012, 180 p. (In Russ.)

Le Goff J. *Rozhdenie Chistilishcha* [The birth of purgatory], trans. from French by V. Babintsev, T. Kraeva. Yekaterinburg, U-Faktoia Publ.; Moscow, AST MOSKVA Publ., 2009.

Toporova A.V. *Ocherki po istorii zhanrov srednevekovoj religioznoj literatury: Italija, XIII–XV vv.* [Essays on the history of genres of medieval religious literature: Italy, XIII–XV centuries]. Moscow, RGGU Publ., 2020. 304 p

Albini G. Milano, città dell'abbondanza: Il De Magnalibus di Bonvesin da la Riva. Aspetti dell'alimentazione nell'area milanese e lombarda tra l'età antica e l'età di Leonardo Prima edizione. Milano, Civico Museo Archeologico, 2016.

Avalle d'Arco Silvio Bonvesin da la Riva. Dizionario biografico degli italiani. Roma: Istituto dell'Enciclopedia Italiana, Treccani, 1971, vol. XII.

Barbero A., Frugoni C. Medioevo. Storia di voci, racconto di immagini. Roma-Bari, Editori Laterza, 2019.

Bonvesin da la Riva. Le meraviglie di Milano a cura di Paolo Chiesa. Milano, Fondazione Valla, 2009.

Bonvesin da la Riva. Libro delle Tre Scritture. Introduzione, testo e commento a cura di Matteo Leonardi. Ravenna, Longo Editore, 2014.

Capra C. I progressi della ragione: vita di Pietro Verri. Bologna, Il Mulino, 2002.

Contini G. Le opere volgari di Bonvesin da la Riva. Volume primo, Testi. Roma, Società filologica romana, 1941.

Contini G. Letteratura italiana delle origini. Firenze, 1970.

Contini G. Poeti del Duecento. Milano-Napoli, 1960.

De Sanctis F. Fra Giacomino da Verona e la poesia religiosa del suo tempo. Italia francescana, 1940, vol. XV; 1941, vol. XVI; 1942, vol. XVII.

Ferrai L.A. Le Cronache di Galvano Fiamma e le fonti della Galvagnana. Bulletin Dell'Istituto Storico Italiano, 1891, vol. X.

Lopez G. I Signori di Milano, dai Visconti agli Sforza. Newton Compton editore, 2010.

Massimiliano D. La "Cronica extravagans de antiquitatibus civitatis Mediolani" di Galvano Fiamma. Linee metodologiche per una nuova edizione critica. In *Le cronache medievali di Milano*. Milano, Vita e Pensiero, 2001.

Navoni M.M. Vita di sant'Ambrogio: La prima biografia del patrono di Milano di Paolino di Milano. Edizioni San Paolo, 1996.

Pasini S. I Padri della Chiesa. Il cristianesimo dalle origini e i primi sviluppi della fede a Milano. Busto Arsizio, Nomos Edizioni, 2010.

Pasquini E. La letteratura didattica e allegorica. In *Letteratura italiana (Laterza)*, II, Bari, 1970.

Rippa B. de. De magnalibus urbis Mediolani, a cura di F. Novati. Bollettino dell'Istituto Storico Italiano per il Medioevo, 1898, vol. XX.

Verri P. Storia di Milano a cura di F.Ogliari. Genova, De Ferrari, 2003.

Wilhelm R., Dörr S. Bonvesin da la Riva. Poesia, lingua e storia a Milano nel tardo Medioevo. Atti della giornata di studio, Heidelberg, 29 giugno 2006. Heidelberg, Universitätsverlag Winter, 2009b.

Wilhelm R., Dörr S. Bonvesin da la Riva. Poesia, lingua e storia a Milano nel tardo Medioevo. Atti della giornata di studio, Heidelberg, 29 giugno 2006. Heidelberg, Universitätsverlag Winter, 2009b.

Zaninetta P. Il potere raffigurato. Simbolo, mito e propaganda nell'ascesa della signoria viscontea. Milano, FrancoAngeli, 2013.

Статья поступила в редакцию 30.06.2023; одобрена после рецензирования 07.08.2023; принята к публикации 30.08.2023.

The article was submitted 30.06.2023; approved after reviewing 07.08.2023; accepted for publication 30.08.2023.

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(73).09”21”

EDN CXFHUI

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-152-158>

ТЕМА ТОТАЛЬНОГО НАДЗОРА В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОМАНЕ Д. ЭГГЕРСА «СФЕРА»

Кашулина Евгения Васильевна, аспирант кафедры зарубежной литературы, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, ekashulina@gmail.com

Аннотация. В настоящее время жанр романа-антиутопии является одним из наиболее популярных и переживает значительные изменения. В статье представлены тенденции трансформации темы надзора в антиутопическом дискурсе XXI века на материале романа американского писателя Дэйва Эггера «Сфера» (2013) и сравнение с репрезентацией этой темы в классических текстах («1984» Дж. Оруэлла, «Мы» Е. Замятина). Образ тоталитарной власти, являющийся обязательным компонентом антиутопического романа, модифицируется: на смену политическому террору приходит террор цифровой, в котором прозрачность информации, принимаемая за благо, оборачивается злом и средством манипуляции. Метафора прозрачности является в романе ключевой, символизирует стремление к созданию несвободного общества, где контроль – единственная константа. В статье предлагается анализ жанровой природы романа. Отдельное внимание уделено системе персонажей, которая, несмотря на продолжение традиции классического текста, трансформируется. В статье рассмотрена символика романа, а также проблема неточного перевода названия произведения. Детальное рассмотрение «Сферы» Д. Эггера показывает, что надзор влияет на поведение людей, контролируя их желания и подчиняя волю. Стремление к абсолютной прозрачности личной жизни и монополия на информацию создают болезненные настроения в обществе, которое, несмотря на безопасность, чувствует себя уязвимым.

Ключевые слова: антиутопия, надзор, Дэйв Эггерс, «Сфера», сюжет, жанр, прозрачность информации.

Для цитирования: Кашулина Е.В. Тема тотального надзора в эпоху цифровых технологий в романе Д. Эггера «Сфера» // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 152–158. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-152-158>

Research article

THE THEME OF TOTAL SURVEILLANCE IN THE FIELD OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE NOVEL “THE CIRCLE” BY DAVE EGGERS

Evgeniia V. Kashulina, postgraduate student at Department of foreign literature, Herzen University, St. Petersburg, Russia, ekashulina@gmail.com

Abstract. Currently, the genre of the dystopian novel is one of the most popular and has been changing significantly. The article studies the trends in the transformation of the surveillance theme in the dystopian discourse of the 21st century based on the novel “The Circle” (2013) by Dave Eggers, and compares the representation of this theme with classical novels (“1984” by George Orwell, “We” by Yevgeny Zamyatin). The image of totalitarian power, which is an indispensable component of a dystopian novel, has been modified recently – political terror is replaced by digital terror, where transparency of information, considered to be good, turns into evil and a means of manipulation. The metaphor of transparency is crucial in the novel, it symbolises the desire to create a constrained society, where control is the only constant. The article offers an analysis of the genre. Special attention is paid to the system of characters, which, despite the continuation of the tradition of the classical text, is significantly transformed. In addition, the article deals with the symbolism of the novel, as well as the problem of inaccurate translation of the title of the work, which leads to the loss of individual components of meaning. A detailed examination of the “The Circle” by Dave Eggers shows that surveillance affects people’s behaviour, controlling the desires and subordinating the will. The aspiration for absolute transparency of personal life and the monopoly on information create painful moods in a society that, despite security, feels vulnerable.

Keywords: dystopia, surveillance, Dave Eggers, “The Circle”, plot, genre, transparency of information.

For citation: Kashulina E.V. The theme of total surveillance in the field of digital technologies in the novel “The Circle” by Dave Eggers. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 3, pp. 152–158 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-152-158>

Изображение информационного общества, уклад жизни которого основан на использовании интернет-технологий и новейших технических достижений, – актуальная тенденция современного антиутопического дискурса. Тема влияния научных достижений в художественной литературе представлена в таких произведениях XXI века, как «Клара и Солнце» К. Исигуро, «Страна качества» М-У. Клинг, «Гномон» Н. Харкуэй, «Сфера» Д. Эггерс. Тема надзора и неприкосновенности частной жизни является одной из постоянных в романах-антиутопиях. В целом можно говорить о том, что в антиутопиях происходит репрезентация основных трендов социальной жизни общества. Учитывая возрастающую роль социальных сетей и реалити-шоу в современном мире, представляется абсолютно логичным, что одной из центральных проблем для антиутопий XXI века становится изображение личной жизни в интернет-пространстве и способов ее контроля.

В классических образцах антиутопии XX века – романе Дж. Оруэлла «1984» и Е. Замятина «Мы» – демонстрируется яркая черта тоталитарного правления: незащищенность личной информации и государственный контроль частной жизни. С развитием информационно-коммуникативных технологий эта тема трансформируется в литературе. Тем не менее одним из ключевых признаков тоталитарной власти по-прежнему является надзор и тотальный контроль, что говорит о продолжении традиции классической антиутопии в современной литературе. П. Маркс утверждает, что во всем антиутопическом дискурсе, начиная от «Утопии» Т. Мора, продолжая романом Д. Оруэлла и заканчивая современными текстами, надзор является основной сюжетной составляющей данного жанра: «fictional works from [Thomas] More through [George] Orwell's Nineteen Eighty-Four and beyond have long provided vivid, provocative and critically informed accounts of surveillance practices and trends»¹ [Marks: 222].

Учитывая распространение искусственного интеллекта и машинного обучения, ученые выделяют два антиутопических сценария развития общества: «Первый: надзор-капитализм – даст алгоритмам полную власть над людьми. Машинный интеллект и машинное обучение решат за нас, где жить, работать, с кем встречаться и за кого голосовать. Второй: укрепление тоталитаризма и диктатуры, при котором каждый житель Земли – это объект непрерывной слежки. Особую роль в этом процессе сыграют биометрические и видео-системы, которые не дадут гражданину скрыться от всевидящего ока государства» [Артамонов: 333].

Сегодня надзор воспринимается не только как инструмент контроля населения, но и способ развлечения публики. Дж. Льюис говорит о том, что систе-

ма видеонаблюдения, являясь в романе Дж. Оруэлла «1984» признаком вторжения в личную жизнь людей и тоталитарной власти, в современном мире реалити-шоу становится возможностью для карьерного роста и успеха: «George Orwell's metaphor has turned in on itself, as people compete with one another to live in a house under constant surveillance – watched not by shadowy government officials but by people in search of entertainment. The connotations of the phrase “Big Brother” are no longer sinister but benign, a chance for people defined as ordinary to reach the modest heights of C-list celebrity stardom»² [Lewis: 296].

Таким образом, Большой брат, как собирательный образ тоталитаризма в XX веке, в настоящее время, благодаря популярности реалити-шоу, не воспринимается массовым сознанием как символ опасности и террора. Например, в романе «Голодные игры» С. Коллинз главные герои находятся под постоянным прицелом камер, что воздействует на их поведение и является средством манипуляции аудитории и повышения рейтинга участников игр.

В эпоху популярности социальных сетей важно контролировать информацию, попадающую в общий доступ: это становится принципиально новой проблемой для общества XXI века. А. Мелбер говорит о том, что сегодня для людей, чье становление пришлось на онлайн-эпоху, понимание идеи приватности и конфиденциальности информации изменилось: «Growing up online, young people assume their inner circle knows their business. The ‘new privacy’ is about controlling how many people know – not if anyone knows»³ [Melber: 22]. В статье будет рассмотрена реализация данной темы в романе американского писателя Д. Эггерса «Сфера», написанного в 2013 году. В 2017 году роман был экранизирован, а в 2021 году вышел роман «Каждый», являющийся продолжением «Сферы». В своих произведениях Д. Эггерс часто обращается к теме влияния технологий на жизнь общества. В романе «Сфера» основное место действия – корпорация-гигант, объединяющая в себе функции Google, Facebook и Twitter. Автор показывает, как развитие технологий может привести к нарушениям права на личную жизнь и приватность. Д. Эггерс отмечает, что технологии полезны только в случае осознанного контроля со стороны человека, в противном случае манипулирование и злоупотребление их возможностями может иметь обратный эффект: «The Circle is about abuse of power. That's one of the primary themes, at least. (...) So I hope people see The Circle for what it is, which is a cautionary tale for how a monopolistic control over digital information, paired with a wholesale indifference to privacy, could lead to some very bad outcomes»⁴ [McSweeney]. В основе сюжета лежит история успеха молодой девушки Мэй, начинающей карьеру в корпорации в сфере интернет-технологий.

Произведение представляет собой пример полижанрового текста. Так, Г.И. Лушникова и Т.Ю. Осадчая выделяют такие жанровые доминанты романа, как «утопия и антиутопия одновременно, притча, социальный роман, триллер и сатира» [Лушникова, Осадчая: 137]. М. Этвуд, напротив, отрицает антиутопическую природу романа: «Some will call “The Circle” a “dystopia,” but there’s no sadistic tyranny on view in this imaginary America (...) we are in the green and pleasant land of a satirical utopia for our times, where recycling and organics abound, people keep saying how much they like each another, and the brave new world of virtual sharing and caring breeds monsters»⁵ [Atwood]. Тем не менее произведение обладает рядом постоянных признаков жанра антиутопии: в романе «Сфера» источником тирании является коммерческая компания, стремящаяся к абсолютному контролю населения. Кроме того, выполняется важнейшая функция антиутопического дискурса – предупреждение о негативных тенденциях развития общества и «прогноз вариативного сценария будущего развития общества» [Халуторных: 2]: например, негативное влияние корпораций и монополия на информацию. Автор отмечает, что произведение не выполняет одну из ключевых функций антиутопии – предупреждающую: «It’s not really a cautionary tale, right? It’s a “This is what we’re living now tale.” - Yeah, it’s moving a lot faster than I thought»⁶ [Ryssdal]. Д. Эггерс подчеркивает сатирическую природу произведения, в котором высмеивается направление развития современного общества. Тем не менее обстоятельства, описанные в произведении, можно охарактеризовать как гиперболизированные, так как тенденции развития современного общества доводятся в романе до абсурда. Таким образом, можно утверждать, что в романе «Сфера» жанровой доминантой является антиутопия с элементами сатиры. Вместе с тем произведение отличается от классических образцов: если в основе традиционной антиутопии лежит конфликт личности и тоталитарного государства, то в романе «Сфера» рассматривается подавление государством общества и лишение его прав и свобод с помощью технологий. Кроме того, главная героиня не является типичным протагонистом романа-антиутопии: она не находится в противостоянии с обществом и действующим режимом, а, напротив, поддерживает существующий порядок. В «Сфере» главная героиня вписывается в существующий режим и играет там одну из ведущих ролей, не являясь ни травмированной личностью, ни сломленной, как это часто бывает в произведениях подобного жанра.

В романе продолжается традиция перевернутой утопии: благодаря амбивалентному характеру произведения критикуются особенности корпоративной культуры, которые воспринимаются обществом

как объективное добро. Роман начинается с описания мира в идиллических тонах, когда главная героиня – Мэй – получает новую работу в корпорации: «The campus was vast and rambling, wild with Pacific color, and yet the smallest detail had been carefully considered, shaped by the most eloquent hands»⁷ [Eggers]; «Though the company was less than six years old, its name and logo... were already among the best known in the world; It had been voted the world’s most admired company four years running»⁸ [Eggers]. Само восприятие мира героиней подтверждает образ райского места: «My God, Mae thought. It’s heaven»⁹ [Eggers].

Одновременно с этим необходимо соблюдать строгий социальный этикет корпорации: посещать ряд корпоративных мероприятий, оставлять определенное количество комментариев в социальных сетях и оценивать фотографии коллег. Это строго регламентируется и отражается в личном рейтинге каждого работника корпорации, вследствие чего героиня испытывает постоянное чувство тревоги, а заявленная изначально идиллическая картина мира рушится.

Мотив прозрачности и тотального наблюдения в тексте Д. Эггерса принимает конкретные формы: стеклянные столы, стены и пр.: «On either side, the offices were fronted by floor-to-ceiling glass, the occupants visible within»¹⁰ [Eggers]; «They left the gallery and entered the second-floor cafeteria – “The Glass Eatery, I know, it’s such a terrible name”, Annie said – designed such that diners ate at nine different levels, all of the floors and walls glass»¹¹ [Eggers]. Стекло в романе не только дает практическую возможность наблюдать за людьми, но и символизирует основные ценности системы: прозрачность и открытость.

Здесь продолжается образ замятинского «стеклянного рая», окруженного зеленой стеной: «Среди своих прозрачных, как бы сотканных из сверкающего воздуха, стен – мы живем всегда на виду» [Замятин: 21]. Стеклянный мир в романе Е. Замятина демонстрирует отсутствие права у человека на тайну и личную жизнь. Так, Д-503 не может спрятать свою рукопись, осознав, что в стеклянном мире нельзя скрыться от посторонних: «Спрятать? Но куда: все – стекло. Сжечь? Но из коридора и из соседних комнат – увидят» [Замятин: 133]. Газовый колокол пыток в романе «Мы» также стеклянный, параллель со школьным экспериментом демонстрирует отсутствие выбора у людей, живущих в этом стеклянном мире: «мышь посажена под стеклянный колпак, воздушным насосом воздух в колпаке разрежается все больше» [Замятин: 67].

Возможность видеть самому и не быть увиденным – это прерогатива Бога, таким образом стекло в романе дает государству это право. В тексте Д. Эггерса главный инструмент надзора – камеры, так же, как и в романе «1984» Дж. Оруэлла, что позволяет

говорить о развитии традиционного для антиутопии образа: «А с развитием телевизионной техники, когда стало возможно вести прием и передачу одним аппаратом, частной жизни пришел конец. Каждого гражданина, по крайней мере каждого, кто по своей значительности заслуживает слежки, можно круглые сутки держать под полицейским наблюдением и круглые сутки питать официальной пропагандой, перекрыв все остальные каналы связи» [Оруэлл: 192]. В «Сфере» герои соглашаются быть объектом наблюдения, как, например, Мэй, став участницей глобального эксперимента.

Цель «Сферы» – создание нового общества без права на частную жизнь и тайну. Власть корпорации и современные интернет-технологии приводят к появлению идеи новой демократии (demoxie – демокша), с искаженными правами на свободу личности. Наглядный пример власти «Сферы» – организация свободного времени работников. Участие в корпоративных мероприятиях, заполнение интернет-анкеты, а также онлайн-общение с коллегами является добровольно-обязательным, так как влияет на рейтинг сотрудников, которые должны предоставить все данные о жизни, интересах, путешествиях и пр. В корпоративной культуре «Сферы» открытость информации и прозрачность жизни считается благом, поэтому Мэй становится участником своеобразного эксперимента, согласившись транслировать свою жизнь на многомиллионную аудиторию в режиме бесконечного реалити-шоу. Технология тотального надзора воспринимается ей и значительным количеством людей как гарант безопасности: «What if all behaved as if we were being watched? It would lead to a more moral way of life. Who would do something unethical or immoral or illegal if they were being watched? If their illegal money transfer was being tracked? If their blackmailing phone call was being recorded? If their stick-up at the gas station was being filmed by a dozen cameras, and even their retinas identified during the robbery?»¹² [Eggers]. Таким образом, право на частную жизнь и конфиденциальную информацию ставится под угрозу ради гипотетической безопасности общества и оспаривается с помощью манипуляции таким понятием, как «стыд»: «We move toward honesty, and we move away from shame»¹³ [Eggers]. Идея прозрачности жизни и принятия любых особенностей поведения в рамках закона становится главной в риторике компании. Ключевой принцип «sharing is caring»¹⁴ заставляет людей делиться эмоциями в социальных сетях, а нежелание транслировать положительные эмоции в интернет-пространстве считается признаком эгоизма: «It was selfish and nothing more. The same way a child doesn't want to share her favorite toy. I understand that secrecy is part of, well, an aberrant behavior system.

It comes from a bad place, not a place of light and generosity»¹⁵ [Eggers].

Стремление к открытости информации и цифровой прозрачности ведет к созданию ряда инструментов: например, микрокамеры SeeChange позволяют контролировать события, происходящие в мире, что свидетельствует о монополии на информацию и, как следствие, тоталитарной власти. Безусловно, ряд нововведений и технологий надзора являются полезными для социума: например, Neighborwatch – система, обеспечивающая безопасность в различных районах города; или браслеты, считывающие биопараметры и контролирующие здоровье. Говоря о преимуществах прозрачности и тотального наблюдения, можно сказать о проекте ChildTrack, основная цель которого – защита и поиск пропавших детей. Тем не менее чипирование детей со временем может превратиться в ситуацию, когда все население будет под цифровым надзором государственных органов. В целом все идеи компании подразумевают контроль общества и отслеживание цифрового следа каждого человека, как, например, в социальной сети для знакомства luvluv.

При анализе образа главной героини важно подчеркнуть трансформацию ее отношения к корпоративной культуре и системе надзора: от неприятия и игнорирования правил до полного подчинения и поддержки. В финале романа Мэй становится новым идеологом корпорации и ее главной ценности: открытости информации. Это приводит не только к значительному продвижению в карьере, но и разрыву отношений с друзьями и семьей. Одновременно с этим обратную трансформацию проходит другой герой – Тау. Создатель системы «Сферы», осознав опасность тотальной прозрачности и монополии корпорации, стремится исправить ситуацию и избежать катастрофы.

Оригинальное название романа – «Circle» – было бы правильнее перевести как «круг»: в таком переводе метафора замкнутого круга становится наиболее точной. Так, логотипом корпорации является незамкнутая окружность: она замкнется, как только все члены общества зарегистрируются в глобальной социальной сети и будут под постоянным надзором. Необходимо учитывать символику круга и его двойственную природу: с одной стороны, круг – идеальная фигура, символизирующая солнце и божественное начало: «Между точкой-центром и периферией круга происходит непрерывный обмен, и этот обмен творит жизнь на всей площади круга» [Рошаль: 103], с другой стороны, круг представляет собой прямую отсылку к демонической идее девяти кругов ада Данте и символизирует безысходность.

Так, для Эймона Бэйли, одного из руководителей корпорации и идеолога системы, круг – воплощение совершенства мира, к которому надо стре-

миться: «A circle is the strongest shape in the universe. Nothing can beat it, nothing can improve upon it, nothing can be more perfect. And that's what we want to be: perfect»¹⁶ [Eggers]. Персонаж оказывает значительное влияние на Мэй, именно он методично объясняет ей необходимость прозрачности и открытости информации. Эймон Бэйли – самый опасный из трех руководителей, так как верит в этический аспект постоянного надзора, в то время как двое других осознают его тоталитарную природу: для Бэйли идея прозрачности – объективное добро. Герою важно, чтобы люди документировали свои впечатления и делились ими, так как у сына Бэйли из-за болезни нет доступа к получению эмоций в реальности: «Why shouldn't everyone see whatever it is they want to see? Why shouldn't everyone have equal access to the sights of the world? The knowledge of the world? All the experiences available in this world? (...) But this experience you had, you kept it to yourself. Which is curious, because you do share online»¹⁷ [Eggers].

Помимо ключевого образа незамкнутого круга, ужас тоталитарной власти изображается через метафору жизни акулы в аквариуме. Акула, пожирающая все живое, олицетворяет опасность тотального контроля и неуправляемой силы: «like a machine going about its work, the shark circled and stabbed until he had devoured the thousand babies, and the seaweed, and the coral, and the anemones. It ate everything, and deposited the remains quickly, carpeting the empty aquarium in a low film of white ash»¹⁸ [Eggers]. Здесь допустимо провести параллель с жертвами системы: Мерсером и Энни. Мерсер, являясь другом Мэй, выступает против онлайн-жизни и замены реального общения виртуальным. Мэй, стремясь продемонстрировать возможности системы наблюдения корпорации, доводит героя до самоубийства. В образе Энни демонстрируется трансформация отношения к «Сфере» от позитивного к резко негативному. Данная сюжетная линия представляет собой критику онлайн-общения, которое не укрепляет дружбу, а разделяет людей и является причиной низкого уровня эмпатии: в финальной сцене в больнице Мэй сожалеет только о невозможности прочесть мысли Энни, находящейся в коме: «Another burst of color appeared on the screen monitoring the workings of Annie's mind. Mae reached out to touch her forehead, marveling at the distance this flesh put between them. What was going on in that head of hers? It was exasperating, really, Mae thought, not knowing. It was an affront, a deprivation, to herself and to the world. (...) The world deserved nothing less and would not wait»¹⁹ [Eggers].

В целом можно утверждать, что через критику корпорации выражается отношение писателя к идее абсолютной прозрачности и монополии на информацию. Сатирические черты, присущие произве-

дению, и гиперболизированное изображение текущих тенденций современного общества позволяют утверждать, что Д. Эггерс осуждает ведущий вектор развития нового общества в информационную эпоху. Это подтверждается материалами интервью писателя: «The ease with which we can surveil each other alters what otherwise is normal relationships. You know, it creates spies in all of us. I mean people spy on their kids, they spy on their spouses, they spy on their friends, you know, actively, passively. So the book was exploring a lot of those themes, kind of creating a worst-case scenario»²⁰ [Ryssdal]. В романе автор трансформирует сегодняшнюю реальность и фактически доводит ее до абсурда, что является одним из способов критики сложившейся ситуации. Ключевые вопросы произведения касаются прав на сбор персональных данных, их монетизацию, контроль передачи информации и пр. Безусловно, влияние социальных сетей и интернета на современное общество огромно, оно может привести не только к потере моральных норм и ценностей, но и реальным человеческим жертвам.

Итак, одна из центральных тем антиутопий – надзор и тотальный контроль – не потеряла актуальности, но трансформировалась в эпоху интернет-технологий и социальных сетей: дисциплина граждан достигается с помощью власти корпораций. Через обманчиво идиллический образ «Сферы» создается картина нового мира, похожего на огромную тюрьму, так как люди становятся узниками социальных сетей и постоянного психологического давления в условиях надзора. Важность социального одобрения в интернет-пространстве, замена реального общения виртуальным, рейтинги успешности в социальных сетях являются важными аспектами жизни для человека XXI века, который воспринимает надзор как благо и неотъемлемую часть жизни. Метафора всеобщей прозрачности – это отрицание человеческой свободы, которая предполагает возможность скрыть поступок от окружающих. Если поступок и жизнь заведомо всем открыты, то человек лишается самого важного признака свободы – выбора между добром и злом. Он начинает поступать хорошо не потому, что так диктует ему его совесть, а потому, что иначе навлечет на себя неприятности, то есть из страха. Таким образом, этика лишается самоценности, а становится лишь средством достижения успеха.

Примечания

¹ Художественные произведения, начиная от Томаса Мора, продолжая романом «1984» Дж. Оруэлла и все последующие тексты изображают яркие, провокационные и критически обоснованные отчеты о методах и тенденциях наблюдения (пер. наш. – Е. К.).

² Метафора Джорджа Оруэлла изменилась, поскольку люди соревнуются друг с другом, чтобы жить

в доме под постоянным надзором, но в данном случае наблюдают не теневые правительственные чиновники, а люди, ищущие развлечений. Коннотации фразы «Большой брат» больше не зловещие, а мягкие, так как дают шанс обычным людям достичь скромных высот знаменитостей категории С (пер. наш. – Е. К.).

³ Молодые люди, выросшие в эпоху интернета, предполагают, что их ближайшее окружение знает, что происходит в их жизни. «Новая конфиденциальность» заключается в контроле того, сколько людей знает, а не в том, знает ли кто-нибудь (пер. наш. – Е. К.).

⁴ Роман «Сфера» о злоупотреблении властью. По крайней мере, это одна из основных тем. <...> Поэтому я надеюсь, что люди увидят, что «Сфера» – это поучительная история о том, как монополичный контроль над цифровой информацией в сочетании с полным безразличием к частной жизни может привести к негативным результатам (пер. наш. – Е. К.).

⁵ Кто-то может назвать роман «Сфера» антиутопией, но в нем нет садистской тирании в воображаемой Америке... мы находимся в зеленой и приятной стране сатирической утопии нашего времени, с изобилием органических продуктов и продуктов переработки, где люди говорят, как они друг другу нравятся, и где дивный новый мир с виртуальной идеей «делиться и заботиться» порождает монстров (пер. наш. – Е. К.).

⁶ «На самом деле это не предостерегающая история, верно? Это рассказ о том, в чем мы сейчас живем». – «Да, все происходит намного быстрее, чем я думал» (пер. наш. – Е. К.).

⁷ Кампус оказался обширен и сумбурен, тихоокеанская лазурь ослепляла, и однако все здесь было продумано до мельчайших деталей и сработано выразительнейшими руками (пер. А. Грызуновой).

⁸ Компании не минуло и шести лет, однако ее название и логотип... уже общеизвестны. <...> По результатам опросов, «Сфера» четыре года подряд считается самой привлекательной компанией на свете (пер. А. Грызуновой).

⁹ Бог ты мой, подумала Мэй. Я в раю (пер. А. Грызуновой).

¹⁰ По бокам офиса за стеклом от пола до потолка, видно местных обитателей (пер. А. Грызуновой).

¹¹ Они вышли из галереи и заглянули в кафетерий на втором этаже («„Стеклокормушка“, идиотское название, я понимаю», – сказала Энни); люди здесь ели на девяти этажах – и везде стеклянные полы и стены (пер. А. Грызуновой).

¹² Если бы мы все вели себя так, будто за нами наблюдают? Мы бы жили нравственнее. Если на человека смотрят, разве он поведет себя незтично, аморально или противозаконно? Если его незаконные денежные транзакции отслеживаются? Если его телефонный шантаж записывается? Если его налет

на бензоколонку снят дюжиной камер и при ограблении распознана даже его сетчатка? (пер. А. Грызуновой).

¹³ Мы уходим от стыда и приходим к честности (пер. А. Грызуновой).

¹⁴ Делишься – значит любишь (пер. А. Грызуновой).

¹⁵ Это попросту эгоизм. Эгоизм и больше ничего. Так ребенок не желает делиться любимой игрушкой. Я сознаю, что скрытность – элемент, ну, короче говоря, аберрантного поведения. У скрытности дурные корни, в ней нет ни света, ни щедрости (пер. А. Грызуновой).

¹⁶ Сфера – самая сильная стереометрическая фигура во вселенной. Ее ничто не одолеет, ее некуда улучшать, ибо нет ничего совершеннее. Вот чего мы добиваемся – совершенства (пер. А. Грызуновой).

¹⁷ Отчего мы не можем увидеть все, что хотим? Отчего всем нам должно быть отказано в равном доступе к мировым красотам? К знаниям о мире? Ко всем переживаниям, что дарит этот мир? <...> Но свои впечатления ты оставила при себе. Любопытно, потому что обычно ты делишься онлайн (пер. А. Грызуновой).

¹⁸ А затем акула, точно экскаватор за работой, принялась кружить и щелкать пастью, пока не сожрала тысячу деток морского конька, и водоросли, и кораллы, и актиний. Она слопала абсолютно все и засыпала пустой аквариум тонким слоем белого пепла (пер. А. Грызуновой).

¹⁹ На мониторе, который следил за происходящим в мозгу у Энни, взорвалось новое цветное пятно. Мэй пощупала Энни лоб – их разделяет всего-навсего плоть, но поразительно, сколь велика дистанция. Что творится в этой голове? Ну честное слово, подумала Мэй, как бесит, что мы этого не знаем. Это оскорбляет, это обделяет – и ее, и весь мир. <...> Мир никак не заслуживает меньшего и ни минуты не желает ждать (пер. А. Грызуновой).

²⁰ То, что мы можем с легкостью наблюдать друг за другом, изменяет привычные и нормальные для нас отношения. Вы знаете, в каждом из нас появляется шпион. Я имею в виду, что люди шпионят за своими детьми, они шпионят за своими супругами, они шпионят за своими друзьями, вы знаете, активно или пассивно. Таким образом, в книге рассматривались многие из этих тем, создавая наихудший сценарий (пер. наш. – Е. К.).

Список литературы

Артамонов В.А., Артамонова Е.В. Проблемы искусственного интеллекта: мифы и реальность // Россия: тенденции и перспективы развития. 2020. № 15-2. С. 330–336.

Замятин Е.И. Мы. Москва: Эксмо, 2021. 384 с.

Лушников Г.И., Осадчая Т.Ю. Тенденции метамодернизма в современной литературе (на материале романа Дэйва Эггера «Сфера») // Слово.ру: Балтийский акцент. 2022. Т. 13, № 3. С. 124–141.

Оруэлл Дж. 1984. Санкт-Петербург: Азбука. 2021. С. 5–292.

Халуторных О.Н. Антиутопия как социокультурный прогноз развития общества риска // Гуманитарный вестник. 2021. № 3 (89). С. 1–9.

Рошаль В.М. Энциклопедия символов. Москва: АСТ; Санкт-Петербург: Сова, 2008. 1008 с.

Atwood M. When privacy is theft. URL: <https://www.nybooks.com/articles/2013/11/21/eggers-circle-when-privacy-is-theft/> (дата обращения: 27.02.2023).

Eggers D. Circle. Alfred A. Knopf, 2013. eBook ISBN: 978-0-385-35140-9

Lewis J. The Meaning of Real Life. Reality TV: Remaking Television Culture, ed. by Susan Murray and Laurie Ouellette. New York, New York University Press Publ., 2004, pp. 288-302.

Marks P. Imagining Surveillance: Utopian Visions and Surveillance Studies. Surveillance and Society, vol. 3 (2/3), 2005, pp. 222-239.

McSweeney's Internet Tendency: A Short Interview with Dave Eggers About the New Film, The Circle. URL: <https://www.mcsweeneys.net/articles/a-short-interview-with-dave-eggers-about-the-new-film-the-circle> (access date: 14.06.2013).

Melber A. About Facebook. URL: <https://www.thenation.com/article/archive/about-facebook/> (access date: 23.02.2023)

Ryssdal K. 'The Circle' author Dave Eggers thinks the internet is getting creepier. URL: <https://www.marketplace.org/2017/04/25/circle-author-dave-eggers-thinks-internet-getting-creppier/> (access date: 23.05.2023).

References

Artamonov V.A., Artamonova E.V. *Problemy iskusstvennogo intellekta: mify i real'nost'* [Artificial intelligence problems: myths and reality]. *Rossia: tendentsii i perspektivy razvitiia* [Russia: tendencies and development perspectives], 2020, No. 15-2, pp. 330-336. (In Russ.)

Khalutornykh O.N. *Antiutopiia kak sotsiokul'turnyi prognoz razvitiia obshchestva riska* [Dystopia as a sociocultural forecast of the development of a risk socie-

ty]. *Gumanitarnyi vestnik* [Humanities Bulletin], 2021, No. 3 (89), pp. 1-9. (In Russ.)

Lushnikova G.I., Osadchaia T.Iu. *Tendentsii metamodernizma v sovremennoi literature (na materiale romana Deiva Eggersa «Sfera»)* [Metamodernism in contemporary literature (on Dave Eggers' novel "The Circle")]. *Slovo.ru: Baltiiskii aktsent* [Slovo.ru: baltic accent], vol. 13, No. 32022, pp. 124–141. (In Russ.)

Orwell G. 1984. Saint-Petersburg, Azbuka Publ., 2021, pp. 5-292. (In Russ.)

Roshal' V.M. *Entsiklopediia simvolov* [The encyclopedia of symbols]. Moscow, ACT Publ.; SPb., Sov. Publ., 2008, 1008 p. (In Russ.)

Zamiatin E.I. *My* [We]. Moscow, Eksmo Publ., 2021, 384 p. (In Russ.)

Atwood M. When privacy is theft. URL: <https://www.nybooks.com/articles/2013/11/21/eggers-circle-when-privacy-is-theft/> (дата обращения: 27.02.2023).

Eggers D. Circle. Alfred A. Knopf Publ., 2013. eBook ISBN: 978-0-385-35140-9

Lewis J. The Meaning of Real Life. Reality TV: Remaking Television Culture, ed. by Susan Murray, Laurie Ouellette. New York, New York University Press Publ., 2004, pp. 288-302.

Marks P. Imagining Surveillance: Utopian Visions and Surveillance Studies. Surveillance and Society, vol. 3 (2/3), 2005, pp. 222-239.

McSweeney's Internet Tendency: A Short Interview with Dave Eggers About the New Film, The Circle. URL: <https://www.mcsweeneys.net/articles/a-short-interview-with-dave-eggers-about-the-new-film-the-circle> (access date: 14.06.2013).

Melber A. About Facebook. URL: <https://www.thenation.com/article/archive/about-facebook/> (access date: 23.02.2023)

Ryssdal K. 'The Circle' author Dave Eggers thinks the internet is getting creepier. URL: <https://www.marketplace.org/2017/04/25/circle-author-dave-eggers-thinks-internet-getting-creppier/> (access date: 23.05.2023).

Статья поступила в редакцию 02.04.2023; одобрена после рецензирования 28.07.2023; принята к публикации 30.08.2023.

The article was submitted 02.04.2023; approved after reviewing 28.07.2023; accepted for publication 30.08.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 159–165. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 3, pp. 159–165. ISSN 1998- 0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09"20":784.66

EDN DWKHVD

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-159-165>

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СПОСОБЫ ЦИКЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОК-ПОЭЗИИ (на материале альбома «Творчество в пустоте» группы «ДДТ»)

Беляева Наталья Павловна, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, nataliyabelyaeva2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5622-9371>

Аннотация. Настоящая статья призвана конкретизировать способы циклизации в альбоме «Творчество в пустоте» группы «ДДТ», наличие которых свидетельствует о целостности музыкального сборника названного коллектива. Цель диктует решение нескольких задач исследования, среди которых – теоретическое обоснование циклизации как научной проблемы в изучении рок-поэзии, выявление характерных черт циклизации, свойственных поэзии рок-исполнителей, анализ логики построения альбома «Творчество в пустоте» рок-группы «ДДТ». При выполнении работы применены аналитические методы исследования, синтез и сравнение, учтены социокультурные и некоторые биографические факторы, что позволяет выявить философско-эстетические смыслы, заложенные в едином художественном пространстве сборника как «продукта» циклизации. Автор настоящей статьи приходит к выводу о том, что явление циклизации присуще творчеству рок-группы «ДДТ». Неслучайность расположения текстов в структуре альбома оказывает влияние на интерпретацию картины мира Ю. Шевчука, художественно эксплицирующуюся в музыкальных произведениях, заключённых в рамки лирического цикла. Выводы исследования вносят определённый вклад в развитие идей о художественном своеобразии названного музыкального коллектива, расширяют представления о феномене циклизации, в том числе метациклизации, в творчестве рок-исполнителей в целом.

Ключевые слова: циклизация, метациклизация, циклизация в рок-поэзии, способы циклизации, художественное единство, «ДДТ».

Для цитирования: Беляева Н.П. Циклизация в рок-поэзии как научная проблема (на материале сборников группы «ДДТ») // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 159–165. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-159-165>

Research article

LITERARY WAYS OF CYCLISATION IN MODERN ROCK POETRY (based on the album “Creativity in the Void” by the “DDT”)

Natalya P. Belyaeva, post-graduate student, The Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, nataliyabelyaeva2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5622-9371>

Annotation. This article is intended to concretise the methods of cyclisation in the album “Creativity in the Void” of the “DDT”, the presence of which indicates the integrity of the musical collection of it. The real goal dictates the solution of several research tasks, including the theoretical substantiation of cyclisation as a scientific problem in the study of rock poetry, the identification of the characteristic features of cyclisation inherent in the poetry of rock performers, and the analysis of the logic of building the album “Creativity in the Void” of the rock band “DDT”. When performing the work, analytical methods of research, synthesis and comparison were applied, sociocultural and some biographical factors were considered, which makes it possible to reveal the philosophical and aesthetic meanings inherent in the single artistic space of the collection as a “product” of cyclisation. The author of this article concludes that the phenomenon of cyclisation is inherent in the work of the rock band “DDT”. The non-randomness of the arrangement of texts in the structure of the album has an impact on the interpretation of the picture of the world of the poet Yuri Shevchuk, which is artistically explicated in the musical works included in the framework of a separate album. The conclusions of the study make a certain contribution to the development of ideas about the artistic originality of the named musical band, expand the understanding of the phenomenon of cyclisation, including metacyclisation, in the work of rock performers in general.

Keywords: cyclisation, metacyclisation, cyclisation in rock poetry, cyclisation methods, artistic unity, “DDT”.

For citation: Belyaeva N.P. Literary ways of cyclisation in modern rock poetry (based on the album “Creativity in the Void” by the “DDT”). Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 3, pp. 159–165. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-159-165>

Современное литературоведение проявляет большой интерес к феномену циклизации. Входящие в цикл лирические произведения часто создаются автором как самостоятельные, целостные и завершённые, объединяясь впоследствии в единство более высокого порядка, что позволяет раскрывать в них более обширные смыслы. Зачастую в пространстве лирического целого поддаются разгадке концептуально важные положения авторской задумки, которые рождаются непосредственно на стыке отдельных компонентов цикла, проецируются в художественных переключках между стихотворениями. Анализ такого рода позволяет более полно раскрыть писательскую позицию, постигнуть «...целостную и как угодно сложную систему авторских взглядов» [Фоменко: 3].

В самом широком значении циклизация понимается исследователями (в частности, Л.Я. Ляпиной) как процесс, обусловленный стремлением поэта «...к созданию групп произведений» [Ляпина: 165] с целью «проекции художественного мира автора» [Мирошникова: 49].

Современная наука накопила богатый исследовательский опыт в области циклизации лирики. В частности, были выработаны критерии анализа художественной целостности лирических произведений, разведены понятия «цикла» и «циклизации», очерчен круг факторов, интегрирующих отдельные стихотворения в единое художественное пространство (М.Н. Дарвин [Дарвин: 15–26], Л.Я. Ляпина [Ляпина: 164–166], О.В. Мирошникова [Мирошникова: 19–47] и т. д.).

Цель статьи заключается в определении художественного своеобразия литературных способов циклизации в современной рок-поэзии на материале сборника «Творчество в пустоте» рок-группы «ДДТ» и, по возможности, выявлении новых, специфических интегрирующих факторов, наличие которых обеспечивает целостность альбома, формирует его внутренние и внешние семантические связи. Следовательно, не представляется возможным обойти вниманием собственно феномен рок-поэзии, который обозначается исследователями в качестве своеобразного синтеза «литературы и философии» [Иванов, Варава: 346]. Рок отличается феноменальной природой, обладающей двояким функционалом (песенным и литературным) [Свиридов: 54]. Однако в нём наблюдается явное доминирование текста над музыкой, что даёт основание именовать данное синтезированное искусство (музыки и слова) именно поэзией. При этом анализ собственно лирического цикла не может быть тождественно равен анализу цикла в творчестве рок-музыкантов. Для более детального понимания авторской задумки следует учитывать звучание, интонации, расстановку пауз, а также визуальное оформление альбомов. Это вносит допол-

нительные аспекты в процесс исследования данной области, поскольку звучание одной и той же композиции может отличаться от концерта к концерту. Именно поэтому за основу литературоведческого анализа циклообразующих «скреп» зачастую берутся студийные альбомы [Сластенко: 242].

Симптоматично, что явление циклизации оказалось не чуждо авторам текстов, исполняемых в стиле рок. «Продуктом» указанного процесса становятся альбомы, в рамки которых помещаются несколько произведений под единым заглавием. Учёными (например, Ю.В. Доманским) доказано положение о том, что альбом рок-исполнителя обладает большой степенью схожести с циклом лирических произведений [Доманский: 100]. Исследователями современной рок-поэзии используется и такой термин, как «художественная логика альбома» [Беляева].

Вопросы циклизации рок-поэзии нашли своё обширное научное обоснование в работах исследователей, публикующих свои статьи в сборнике «Русская рок-поэзия: текст и контекст». Обратимся к некоторым из них. Так, проблему циклообразования в творчестве рок-исполнителей рассматривает В.А. Гавриков. Исследователь очерчивает круг интегративных факторов, «спаивающих» структуру сборников в единое художественное пространство. Среди них: организация общего заглавия и всего заголовочного комплекса сборника; отношения между синглами в рамках одного альбома (художественные переключки); логика расположения композиций, раскрывающая авторский замысел создания сборника [Гавриков]. А.А. Арустамова отмечает такие факторы циклизации, свойственные рок-поэзии, как движение лирического сюжета, мотивно-образные переключки текстов, особенности взаимоотношений пространства и времени внутри сборника, а также характер конфликта [Арустамова: 50]. В более концентрированном виде факторы циклизации в рок-поэзии определил Ю.В. Доманский, один из ведущих исследователей в данной области. Учёный пишет о том, что критериями циклизации оказываются такие элементы, как «заглавие, композиция, изотопия, пространственно-временной континуум» [Доманский: 101]. Особое место названный исследователь отводит авторскому контексту, воплощённому в пространстве сборника, постижение которого приближает реципиента к разгадке замысла создателя цикла.

Творчество рок-группы «ДДТ» не осталось в зоне фокуса научного внимания. Современные исследования поднимают и актуальный для настоящей работы вопрос о явлении циклизации в альбомах названного коллектива. Так, А.А. Арустамова подвергла анализу сборник «Метель августа» на предмет обнаруживающихся в нём циклообразующих факторов [Арустамова]. Природа художественной целост-

ности сборников коллектива Ю. Шевчука уже рассматривалась нами в работе, посвящённой альбому «Иначе» [Беляева]. Некоторые особенности поэтики альбома «Мир Номер Ноль» очерчены в работе В.В. Шадурского [Шадурский].

За свою историю существования рассматриваемый рок-коллектив создал более двух десятков альбомов (студийных и концертных), 10 сборников и записал несколько отдельных синглов. С точки зрения циклизации целесообразно избирать для анализа именно студийные (официально записанные) сборники, в которых наиболее отчётливо отражена авторская логика расположения синглов.

Рассмотрим интегрирующие факторы, обеспечивающие художественную целостность альбома названного коллектива «Творчество в пустоте». В силу того, что сборник датирован октябрём 2021 года, он не стал на современном этапе объектом специального изучения, что делает особо актуальным настоящий анализ и обосновывает его научную новизну.

Организация общего заглавия альбома является одним из основных признаков литературного цикла. Однако не все авторы рассматривают его в качестве способа циклообразования. В.А. Гавриков в составе универсальных циклообразующих связей в песенной лирике рассматривает авторскую или авторизованную композицию, исторический пространственно-временной континуум, полиметрию, самостоятельность входящих в лирический цикл произведений [Гавриков: 8]. Исключенное из списка предложенного Ю.В. Доманским, заглавие как способ циклизации наряду с авторской (авторизованной) композицией и пространственно-временным историческим континуумом относится В.А. Гавриковым к «факторам, твердо свидетельствующим о возникновении цикла» [Гавриков: 13].

Возвращаясь к творчеству Ю. Шевчука, отметим, что заглавия сборников «ДДТ» в основной своей массе даны по названию одного из синглов пластинки. Так, одноимённые композиции присутствуют в составе сборников «Пропаший без вести...», «Рождённый в СССР», «Любовь», «Я получил эту роль», «Актриса Весна», «Это всё...», «Прекрасная Любовь», «Галя, ходи». Выведенная в заглавие композиция может занимать различное место в структуре сборника. Рассматриваемый альбом озаглавлен по названию последней песни – «Творчество в пустоте». Практически все композиции альбома были созданы в период карантинных ограничений, связанных с угрозой пандемии коронавирусной инфекции в 2020–2021 гг.

Заглавие многослойно: отсылка к ситуации отсутствия контакта с аудиторией, в которой отменялись выступления на концертах и фестивалях ввиду жестких мер, определяет лишь его поверхностный смысл. «В пустоте» источником вдохновения и по-

водом для написания новой песни может стать муха «на лбу рок-звезды» («Муха»), зависание «в фейсбуке» («Борщевик»), «тень на стене» («Тень на стене»), сон «задремавшего от новостей» («Маме»), книга Пушкина («Евгений»), «паспорт... зубная щетка, чай недожитый» [«Творчество в пустоте»].

Таким образом, заглавие в альбоме выступает основным, а не факультативным циклообразующим фактором, задавая не только структурную, но и смысловую рамку литературного цикла, его авторский контекст и предопределяя пространственно-временной континуум сборника, объединившего композиции, созданные преимущественно в период вынужденных ограничений свободы передвижения и контактов с другими людьми.

Навязываемая извне самоизоляция накладывается на внутреннюю мизантропию лирического героя, обостряет в нем диалектическую борьбу между любовью и ненавистью к человечеству. Любовь и надежда поэта адресованы Родине («На краю»), маме («Маме»), рассвету («Солнце взойдет»), ненависть – социальным паразитам («Муха», «Борщевик»), вороватым чиновникам («На краю»), обществу потребления («Маме», «Евгений»).

Две песни из начала альбома – «Муха» и «Борщевик» – были презентованы еще в 2019 г. на фестивале «Нашествие». Первую композицию Ю. Шевчук определил как шуточное размышление об эволюции и революции с очевидным социальным подтекстом, вторую – как песню о сорняках, паразитах, портящих людям жизнь. В альбоме, созданном в период самоизоляции, сатирический тон композиций смазывается общим минорным, пессимистическим настроением сборника.

Первое же стихотворение («Муха») направляет внимание слушателя на конфликт жизни и смерти: муха как олицетворение природы, жизни глумится над смертным человеком. Муха объявляет себя «смыслом эволюции», и в контексте угрозы пандемии в 2020 г. этот тезис звучит не столько как социальный, сколько как биологический: микроскопический вирус свел на нет всю человеческую суету, заставив людей вспомнить о своей уязвимости. При этом в песне «Борщевик» социальный характер метафоры и ее использование для описания людей-паразитов, приспособленцев всех мастей остается очевидным.

Композиционно борьба за выживание в обществе видится продолжением борьбы за выживание в природе, поднимая философскую проблему соотношения социального и биологического в человеке. Лирический герой решает ее в пространстве антитезы «Я» (в том числе «Я», реализуемое через «мы») как проявления доминанты нравственного, социального начала и «вы» как образца победы в человеке животного начала.

Автор неоднократно акцентирует внимание на «биологических» свойствах и характеристиках лирического героя: он существует в природе, «среди змей и стрекоз», «дышит лесом», «с муравьями теперь в союзе» [«Хор»]. Природные метафоры используются и для описания его внешности: «на моей голове колосится ковыль» [«Тень на стене»]. Но сам лирический герой в альбоме явно и неоднократно противопоставлен представителям человечества, объединенным понятием «вы» и характеризуемым через яркие описания торжества животных инстинктов. Так, толпа «похотливо снимает брюки», у нее «одинаковые машины и гениталии, мысли из теста» [«Хор»], «ложь мастурбирует в пепле и шлаке» [«Где я»], «все друг друга» едят [«В магазине»]. Если толпа «выживает», то лирический герой «предпочитает жить» [«Хор»].

Следует отметить, что «Я» и «мы» являются традиционными формами самовыражения лирического героя в творчестве Ю. Шевчука. Однако, кажется, что в условиях самоизоляции и вынужденного одиночества автор, а вслед за ним и лирический герой альбома больше ничей, а свой собственный. Рок-поэт постепенно перестает быть глашатаем улиц, в условиях карантина жизни в них почти не осталось, их многоликий голос не слышен и не может подпеть в унисон. Вероятно, поэтому «Я» доминирует практически во всех произведениях цикла, за исключением разве что «На краю», «В магазине» и диалогических «Где я» и «Солнце взойдет».

«Я» лирического героя растеряно, ранено и тревожно. Его «философия... резонирует болью» [«Где я»]. Несмотря на то, что поэту уже уготовано место на рок-олимпе, его вынужденное домоседство постепенно перерастает во внутреннюю необходимость защитить свое личное пространство, осознание необходимости оборонять свою индивидуальность и свободу от посягательств: «Я зарылся в сарае, / Круговую держу оборону» [«Борщевик»]; «И моя философия готова к атаке» [«Где я»]. Но у лирического героя нет готовых рецептов борьбы с «хором», информационным шумом. Он тоже ощущает себя частью социума, что иногда проявляется в трансляции «Я» через «мы», в том числе и в самом оптимистичной песне альбома «Солнце взойдет»: «Ре, ля, ми, фа, ля – / Это ты да я» [«Солнце взойдет»]. В этом противоречивом ощущении одиночества и единства лирический герой суетливо задает себе и миру философские, личностно значимые и, видимо, риторические вопросы: «Где я?»; «Что я?»; «С кем я?»; «Кто я?» [«Где я»].

Хронотоп рассматриваемого альбома отличается неоднородностью. Реципиент становится свидетелем событий и хода мыслей героя, развивающихся в метафизическом, трудно осязаемом пространстве (пропасть, небо, между мирами), так и во вполне обыденном (кухня, кафе, магазин). Пожалуй, во временном

контексте альбом «Творчество в пустоте» – максимально про «здесь и сейчас» автора, как никакой другой в творчестве группы «ДДТ». Коронавирус упоминается в тексте лишь однажды (в произведении «Творчество в пустоте»), однако многочисленные детали выдают исторический контекст и позволяют конкретизировать время «здесь и сейчас» лирического героя периодом ограничений и самоизоляции. Так, строки «Вместо валюты в сейф / прятали соль и хлеб» [«Маме»], «Пойдём со мной, на хрена тебе эти консервы» [«Хор»] являются очевидным намеком на дефицит продуктов, вызванный ажиотажным спросом на товары первой необходимости в первые дни принятия антивирусных карантинных мер.

Основным противопоставлением, на котором базируется вся логика движения лирического сюжета сборника, оказывается свобода и заточение. Ограниченность жизненного пространства героя первично является следствием действия внешних сил (герой именует их «борщевики» («Борщевик»), «твари» (в серых кабинетах) («На краю»)) [ДДТ. Творчество в пустоте]. Всех ведомых этими силами герой называет «толпой».

Тема свободы наиболее отчетливо прослеживается в стихотворении «На краю». Своё окружение, близкое ему по духу, герой определяет конструкциями с пространственной семантикой («между мирами», «на краю»). Первый мир – это пространство тех, кто контролирует деятельность «толпы», свобода же тождественна пропасти, высоте, небу, куда музыканты отсылают «свой речитатив». Герой противится тому, чтобы быть прижатым «к стенке», выбирает свободу, которая обростает в его сознании красочными метафорами живой любви, весны, высоты.

Всеобъемлющее понятие свободы вырастает в рамках рассматриваемого цикла до космических масштабов. В по-бытовому названном произведении «В магазине» реципиент встречается с образом покупательницы Тани, к которой покупатели относятся с большой долей пренебрежения: «У кассы ждет рассерженный народ / Дешёвого огня»; «А он ворчал, он увеличил звук / И на тебя смотрели / Десятки стройных ног и крепких рук / И все друг друга ели» [ДДТ. Творчество в пустоте]. Здесь вновь художественно воплощается друг друга пожирающая «толпа», накинущаяся на престарелую посетительницу «Пятёрочки». Образ Тани же более масштабный, даже космический. Об этом свидетельствуют слова куплета, обыгрывающего знаменитое стихотворение детской писательницы А. Барто, которое в интерпретации звучит так: «Плачет Таня, Таня плачет, / Уронила в вечность мячик, / Не печалься под луной / Стал теперь он шар земной» [ДДТ. Творчество в пустоте]. Данным произведением коллектив Ю. Шевчука поднимает злободневную для сегодняшнего об-

щества проблему отношения к старости: неуважение к опыту предков, пренебрежение защитой стариков. Многовековая мудрая Родина воплощена в образе старухи Тани, уберечь от людской злобы и утешить которую стремится лирический герой с теми самыми единомышленниками («мы», как в произведении «Борщевик»): «Верность в прошлом, / А сейчас – / С кем ты, где ты / Любишь нас? / Мы вернемся / За тобой / И отыщем / Шар земной» [ДДТ. Творчество в пустоте].

Специфическим приемом циклизации, активно используемым в поэзии Ю. Шевчука для формирования лирических циклов и их объединения в метациклы, является интертекстуальность как текстогенерирующая и смыслогенерирующая категория, предполагающая процесс диалогического взаимодействия текстов в их содержании и выражении как на уровне лирического целого сборника, так и на уровне его структурных компонентов. Так, безграничность, вечность, масштабность проблем противостояния индивида толпе, свободы и заточения, жизни и смерти прослеживается и в авторском приёме художественных параллелей. Ю. Шевчук в своих текстах говорит голосами и с голосами философов, литературных классиков и современников. Размышляя о диалектике современного мира, единстве и множественности антитез в философской композиции «Где я», автор цитирует высказывание Гераклита: «Из одного – все. Из всего – одно».

В продолжение рассуждений о единстве и борьбе противоположностей освещается тема поэта и толпы, к которой обращались ещё классики поэзии XIX века, в частности А.С. Пушкин. Она проходит через многие стихотворения цикла, находя свою кульминацию в предпоследнем тексте «Евгений». Здесь автор помещает в фокус лирического повествования главных героев пушкинского романа в стихах «Евгений Онегин». Евгений и Татьяна становятся участниками реальных исторических событий времён советского и постсоветского времени. Они – часть толпы, с которой так отчаянно боролся лирический герой Пушкина («Поэт и толпа»).

Литературные реминисценции альбома отсылают читателя и к произведениям российских поэтов Серебряного века: А. Блоку, В. Маяковскому («Скифы и гунны в придорожном кафе» [«Тень на стене»]). Не забывает автор и о коллегах-современниках. «Муха» – очевидный творческий «привет» от Ю. Шевчука П. Мамонову. Аллюзия на творчество Ю. Гребенщикова в композиции «Тень на стене» формирует пространственно-временной континуум альбома: «Мир, каким мы его знали, подходит к концу». Схожую функцию в литературном цикле выполняет и обращение к творчеству группы «Машина времени» («Убрали новый поворот, / Вернулись

к старой доброй жути» (отсылка к песне «Новый поворот»)), намекающее на цикличность истории.

Таким образом, тема свободы художественно вплетается в общий контекст широкой проблематики «Творчества в пустоте». Здесь автор поднимает как философские, так и житейские насущные проблемы современного общества. Использование в текстах чужого материала, скрытого цитирования позволяет Ю. Шевчуку не только формировать целостные лирические циклы собственных произведений, но и органично интегрировать их в макро- и метациклы рок-поэзии, литературного творчества и русской культуры вообще.

Завершающей цикл композицией «Творчество в пустоте» является произведение, давшее название альбому как лирическому циклу и построенное на излюбленном автором приеме – антитезе. «В кипящей плоти» спит «небытие» автора, тождественное биологической смерти. В тексте куплетов яркими метафорами описываются различные проявления смерти в истории человечества: «Великое разнообразие смертей – отчаянная роскошь мироздания». Рефрен, напротив, художественно прост: «Жизнь – это творчество в пустоте, / неопознанный интеллект, / с которого всё началось...» Представляется, что в этом и заключается предлагаемый автором ответ на вопрос о соотношении биологического и социального в человеке. Именно гуманизм, творчество, нравственность, способность рассуждать, создавать новое и являются наиболее важными проявлениями человеческой жизни в окружающем мире.

В своей поэзии Ю. Шевчук уже много лет неизменно остается самим собой. В 1991 г. в клипе на песню «Осень» поэт сидел в пропитанной сигаретным дымом комнате с тусклым искусственным светом, в окружении нехитрых предметов быта. Так и в 2021 г., когда в условиях карантина пространство человеческой жизни сжалось до размеров комнаты, Ю. Шевчук будто вновь один пишет стихи в полумраке комнаты: «В сигаретном дыму / Пляшет письменный стол» [«Тень на стене»]. Эта привычная для поклонников творчества группы «ДДТ» словесная иллюстрация, картинка ассоциативного видеоряда вписывает альбом «Творчество в пустоте» в глобальный цикл лирики Ю. Шевчука, лишней раз убеждая читателей в действии закономерностей, по которым живет его поэтическая Вселенная.

Таким образом, на примере «Творчество в пустоте» рассмотрена художественная специфика применения литературных способов циклизации в рок-поэзии. На материале альбома обоснована целесообразность включения заглавия в состав основных, а не факультативных способов литературной циклизации. Также выявлено, что наряду с традиционными для формирования лирического цикла интегрирующими факто-

рами в творчестве Ю. Шевчука широко используются различные приемы референциальной интертекстуальности (цитирование и автоцитирование, аллюзии, реминисценции и т. п.), придающие всему творчеству «ДДТ» гиперцикловый характер, собирающие все изданные группой альбомы в большую макроциклическую структуру и органично вплетающие ее в культурный феномен рок-поэзии. Полученные выводы позволяют предположить, что приемы интертекстуальности реализуют в рок-поэзии функцию макро- и метациклизации.

Список литературы

Арустамов А.А. Альбом группы «ДДТ» «Метель августа»: особенности циклизации // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сб. науч. трудов. Тверь: Тверской государственный университет, 2001. Вып. 5. С. 50–59.

Беляева Н.П. Художественная логика альбома Ю. Шевчука «Иначе» // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2017. № 17. С. 88–97.

Гаврико В.А. Переосмысляя аксиомы «рокологии»: циклизация // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2014. № 15. С. 6–17.

Дарвин М.Н. Семантическая модель лирического цикла // Производство смысла: сб. статей и материалов памяти И.В. Фоменко / ред.: С.Ю. Артёмова, Н.А. Веселова, А.Г. Степанов. Тверь: Тверской государственный университет, 2018. С. 15–26.

ДДТ. Метель августа. URL: https://rockk.ru/album.php?cat_id=445 (дата обращения: 08.09.2022).

ДДТ. Мир Номер Ноль. URL: <https://reproduktor.net/ddt/diskografiya/album-mir-nomer-nol/> (дата обращения: 08.09.2022).

ДДТ. Творчество в пустоте. URL: <https://reproduktor.net/ddt/tvorchestvo-v-pustote/> (дата обращения: 07.09.2022).

Доманский Ю.В. Циклизация в русском роке // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2000. № 3. С. 99–122.

Ивано Д.И., Варавя В.В. Этика и эстетика русского рока (на примере творчества К. Кинчева) // Вестник славянских культур. 2021. № 61. С. 345–356.

Ляпина Л.Е. Проблема целостности лирического цикла // Целостность художественного произведения и проблемы его анализа в школьном и вузовском изучении литературы. Донецк, 1977. С. 164–166.

Мирошников О.В. Итоговая лирическая книга последней трети XI столетия: архитектоника и жанровая динамика. Омск: Омский государственный университет, 2004. 339 с.

Свиридов С.В. Рок-поэзия между музыкой и словом: драйв и поэтика текста // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2017. № 4. С. 54–62.

Сластенко М.В. Проблема лирической циклизации в современной рок-поэзии (на примере песенного творчества группы «Мельница») // Материалы XIX Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов в г. Нерюнгри, с междунар. участием; Нерюнгри, 29–31 марта 2018 года. Нерюнгри: Изд-во Технического института (ф) СВФУ, 2018. С. 242–245.

Фоменко И.В. Поэтика лирического цикла: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Москва, 1990. 34 с.

Шадурский В.В. О восприятии рок-поэзии (на материале альбомов «ДДТ» «Мир Номер Ноль» и «Метель августа») // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сб. науч. трудов. 2001. № 5. С. 230–237.

References

Arustamova A.A. *Al'bom gruppy «DDT» «Metel' avgusta»: osobennosti tsiklizatsii* [Album of the group «DDT» «Snowstorm of August»: features of cyclization]. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst: sbornik nauchnykh trudov* [Russian rock poetry: text and context: a collection of scientific papers], 2001, No. 5, pp. 50–59. (In Russ.)

Belyaeva N.P. *Khudozhestvennaya logika al'boma Y. Shevchuka «Inache»* [Artistic logic of Y. Shevchuk's album «Otherwise»]. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst* [Russian rock poetry: text and context], 2017, No. 17, pp. 88–97. (In Russ.)

Gavrikov V.A. *Pereosmyslyaya aksiomy «rokologii»: tsiklizatsiya* [Rethinking the axioms of «rockology»: cyclization]. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst* [Russian rock poetry: text and context], 2014, No. 15, pp. 6–17. (In Russ.)

Darwin M.N. *Semanticheskaya model' liricheskogo cikla* [Semantic model of the lyrical cycle]. *Proizvodstvo smysla* [Production of meaning]: sat. articles and materials in memory of I.V. Fomenko, ed. by S.J. Artyomova, N.A. Veselova, A.G. Stepanov. Tver, Tver State University Publ., 2018, pp. 15–26. (In Russ.)

ДДТ. *Metel' avgusta* [Snowstorm of August]. URL: https://rockk.ru/album.php?cat_id=445 (access date: 09.08.2022). (In Russ.)

ДДТ. *Mir Nomer Nol'* [World Number Zero]. URL: <https://reproduktor.net/ddt/diskografiya/album-mir-nomer-nol/> (access date: 09.08.2022). (In Russ.)

ДДТ. *Tvorchestvo v pustote* [Creativity in the void]. URL: <https://reproduktor.net/ddt/tvorchestvo-v-pustote/> (access date: 07.09.2022). (In Russ.)

Domansky Y.V. *Tsiklizatsiya v russkom roke* [Cyclization in Russian rock] *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst* [Russian rock poetry: text and context], 2000, No. 3, pp. 99–122. (In Russ.)

Ivanov D.I., Varava V.V. *Etika i estetika russkogo roka (na primere tvorchestva K. Kincheva)* [Ethics and aesthetics of Russian rock (on the example of

K. Kinchev's work)]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures], 2021, No. 61, pp. 345-356. (In Russ.)

Lyapina L.E. *Problema tselostnosti liricheskogo tsikla* [The problem of the integrity of the lyrical cycle]. *Tselostnost' khudozhestvennogo proizvedeniya i problemy yego analiza v shkol'nom i vuzovskom izuchenii literatury* [The integrity of a work of art and the problems of its analysis in school and university studies of literature]. Donetsk, 1977, pp. 164-166. (In Russ.)

Miroshnikova O.V. *Itogovaya liricheskaya kniga posledney treti KHIKH stoletiya: arkhitektonika i zhanrovaya dinamika* [The final lyrical book of the last third of the 19th century: architectonics and genre dynamics]. Omsk, Omsk State University Publ., 2004, 339 p. (In Russ.)

Sviridov S.V. *Rok-poeziya mezhdru muzykoy i slovom: drayv i poetika teksta* [Rock poetry between music and word: drive and poetics of the text]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Filologiya, pedagogika, psikhologiya* [Bulletin of the Baltic Federal University named by I. Kant. Ser.: Philology, Pedagogy, Psychology], 2017, No. 4, pp. 54-62. (In Russ.)

Slastenko M.V. *Problema liricheskoy tsiklizatsii v sovremennoy rok-poezii (na primere pesennogo tvorchestva gruppy "Mel'nitsa")* [The problem of lyrical cyclization in modern rock poetry (on the example

of the songwriting of the Melnitsa group)]: *materialy XIX Vseros. nauch.-prakt. konf. molodykh uchenykh, aspirantov i studentov v Neryungri, s mezhdunar. uchastiyem; Neryungri, 29-31 marta 2018 goda* [Proceedings of the XIX All-Russian scientific and practical conference of young scientists, graduate students and students in Neryungri, with international participation: Sections 6-8, Neryungri, 29 – March 31, 2018]. Neryungri, Publishing House of the Technical Institute Publ., 2018, pp. 242-245. (In Russ.)

Fomenko I.V. *Poetika liricheskogo tsikla* [Poetics of the lyrical cycle]: diss. abstract. Moscow, 1990, 34 p. (In Russ.)

Shadursky V.V. *O vospriyatii rok-poezii (na materiale al'bomov "DDT" "Mir Nomer Nol" i "Metel' avgusta")* [On the Perception of Rock Poetry (Based on the DDT Albums Mir Number Zero and August Blizzard)]. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst: sb. nauch. trudov* [Russian Rock Poetry: Text and Context: Collection of Scientific Papers], 2001, No. 5, pp. 230-237. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.07.2023; одобрена после рецензирования 01.08.2023; принята к публикации 30.08.2023.

The article was submitted 05.07.2023; approved after reviewing 01.08.2023; accepted for publication 30.08.2023.

ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА КАК СРЕДСТВО СИМВОЛИЗАЦИИ В ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТАХ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ (на примере анималистического концептообраза *лисы*)

Бекмурзаева Феруза Шухратовна, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет имени С.М. Кирова, Санкт-Петербург, Россия, bekmur-feruza93@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2600-6462>

Аннотация. В центре внимания автора статьи находится функционирование анималоконцепта *лисы* в сознании представителей русской лингвокультуры. Особый интерес представляет исследование анималоконцепта в фольклорной картине мира (фольклорных текстах). На примере русских народных и советских сказок анализируется и интерпретируется анималоконцепт как культурно-символический феномен, действующий в иллюстративном материале в виде лексемы-образа сказочного персонажа. Декодируется национально-культурный концептообраз *лисы* и выявляется его спектр этнокультурных признаков-символов. Объективация признаков осуществляется на уровне сочетаемости слов и предложений. Анализ фольклорно-текстового материала свидетельствует о том, что символическая составляющая анималистического концептообраза *лисы* весьма обширна: *хитрость, лукавство, коварство, обман, изворотливость, пронырливость, ловкость, сообразительность, осторожность, терпеливость, плутовство, проницательность, лицемерие, алчность, осмотрительность, лстивость, расчетливость (корысть, меркантильность), манипуляторство, изобретательность (находчивость), внимательность, ум, эгоистичность, притворство, воровство, обольстительство, обоняние, целеустремленность*. Выявленные структурные признаки являются антропоморфными, поскольку отражают внутренний мир человека, его морально-психические характеристики. Важное значение имеет тот факт, что признаки-символы, закрепленные за образом *лисы*, со временем не подверглись изменениям. Образ *лисы* в русскоязычном сознании стойко сохраняется как презрительный, но в тоже время поучительный.

Ключевые слова: анималистический концептообраз, лингвокультура, антропоморфный, признаки-символы, фольклорная картина мира, языковое сознание.

Для цитирования: Бекмурзаева Ф.Ш. Внутренний мир человека как средство символизации в фольклорных текстах русской культуры (на примере анималистического концептообраза *лисы*) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 166–171. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-166-171>

Research Article

HUMAN INNER WORLD AS A MEANS OF SYMBOLIZATION IN THE FOLKLORE (based on the animal concept *liisa* (fox))

Feruza Sh. Bekmurzaeva, Candidate of Philological Sciences, Saint Petersburg State Forest Technical University named after S.M. Kirov, Saint Petersburg, Russia, bekmur-feruza93@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2600-6462>

Abstract. The article is devoted to the consideration of the animal concept of the fox in the minds of representatives of the Russian linguoculture. Of particular interest is the study of the concept in the folklore picture of the world. Using the example of Russian folk and Soviet fairy tales, the animal concept is analyzed and interpreted as a cultural and symbolic phenomenon functioning in the illustrative material in the form of a lexeme. The article is aimed at decoding the national and cultural conceptual image of the fox and at identifying the spectrum of ethno-cultural symbolic signs. Signs are objectified at the level of the compatibility of words and sentences. The analysis of folklore sources has shown that the symbolic component of the animalistic concept-image *liisa* (fox) is very extensive: *cunning, slyness, treachery, deception, resourcefulness, sneakiness, dexterity, ingenuity, caution, patience, cheating, insight, hypocrisy, greed, prudence, flattery, commercialism, manipulation, inventiveness, attentiveness, intelligence, selfishness, pretense, theft, seduction, sense of smell, purposefulness*. The revealed structural features reflect the inner world of a person, his/her moral and mental characteristics. It is important that symbolic

signs attached to the image of *luca* (*fox*) have not changed over time. The image of *luca* (*fox*) in the Russian-speaking consciousness is steadfastly preserved as contemptuous, but at the same time instructive.

Keywords: animalistic conceptual image, linguoculture, anthropomorphic, symbolic signs, folklore picture of the world, language consciousness.

For citation: Bekmurzaeva F.Sh. Human inner world as a means of symbolization in the folklore (based on the animal concept *luca* (*fox*)). *Vestnik of Kostroma State University*, 2023, vol. 29, № 3, pp. 166–171 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-166-171>

Невозможно представить символ вне человеческого общения. Немецкий философ Эрнст Альфред Кассирер в своем главном труде «Философия символических форм» выдвинул утверждение: «человек – символическое животное» [Кассирер]. Приводя в сравнение животный мир, воспринимающий окружающую действительность через «врожденные инстинкты и непосредственное чувственное восприятие», Э.А. Кассирер говорил о том, что человек создал свою собственную вселенную символического значения, которая структурирует и формирует его восприятие реальности. Человеческий мир создается с помощью символических форм мышления» [Кассирер].

Символ как явление сугубо человеческое закреплён в слове – «семиотическом знаке, символе, семиотической формуле того или иного мифопоэтического образа» [Маковский: 20].

Опыт многовекового взаимодействия человека с представителями животного мира заложил основы формирования анималистических образов. Формирование образа в сознании человека – «сложный, развертывающийся во времени процесс, в ходе которого отражение становится все более и более адекватным отражаемому предмету. При этом на каждой фазе процесса выявляются все новые свойства предмета и уточняются те, которые уже выявлены» [Завалова, Ломов, Пономаренко].

Н.Ф. Алефиренко проводит размежевание «символа», «образа» и «знака». Образ, по мнению ученого, – способ отражения объекта действительности в сознании; знак – чувственно воспринимаемый объект, замещающий образ другого объекта. Символ – знак, отличающийся множественностью интерпретации [Алефиренко: 234–250].

Вышеизложенная информация позиционирует предмет и объект настоящего исследования: выявление признаков-символов, скрывающихся за концептообразом *luca* в русских народных и современных сказках.

Особый интерес представляет животный мир. Согласно легендам многих народов, племена произошли от различных животных. «От кошек, например, произошли древние египтяне. Лошади были одними из предков тюрков и монголов. Драконы – предки древних лемурийцев (китайцев, корейцев, японцев и др. народов Азии)» [История] и др. Это способствовало тому, что животные стали тотемами – священны-

ми существами, духами-хранителями, покровителями, божествами. Особое отношение к представителям животного мира сохраняется и по сей день. Животные по-прежнему изображаются на оберегах, амулетах. По поверьям, они наделяют своих обладателей их лучшими качествами (ловкостью, силой и др.), оберегают на жизненном пути и приносят удачу.

В русской культуре лису можно отнести к тотемному животному. Сказки о животных «по своему происхождению связаны с тотемизмом, они отражают мировоззрение первобытных охотников, почитавших некоторых животных священными и веривших в их сверхъестественную силу со своим родом» [Пропп].

Лиса выступает одним из главных персонажей русских сказок и часто наделяется антропоморфными признаками. Другими словами, в образах животных зашифровывается их аналогия с человеческой природой. Факт очеловечивания животных – приписывание им сущностных свойств человека (высших чувств, разумности, труда и др.) – обусловлен «проективной функцией животных», которая «проявляется в том, что животные являются символическим выражением собственного «я». Для современного человека идентификация себя с животным существом как результат усвоения исторического культурного опыта, корни которого уходят в глубокое прошлое...» [Орел: 19].

В научных реалиях исследованию символической ипостаси языка посвящено множество работ. Вопросами символа занимались известные ученые, среди которых: В.И. Карасик «Лингвoseмиотическое моделирование ценностей» [Карасик: 43–50], «Языковая кристаллизация смысла» [Карасик: 70–72], А.Ф. Лосев «Проблема символа и реалистическое искусство» [Лосев] и др.

С различных позиций символ рассматривается в работах Ф.Ш. Бекмурзаевой «Символизм мифо-концепта змея в русском языковом сознании» [Бекмурзаева: 33–47]; В.О. Волковой, Н.В. Малаховой, И.Е. Волкова «Имагинация: от образа к символу, от символа к тексту» [Волкова, Малахова, Волков]; О.Б. Пановой «Язык символов эпоса Л.Н. Толстого. Символ ребёнка» [Панова: 33–43] и др.

Тем не менее еще не были встречены работы, темы которых затрагивали моделирование ментального образа *лисы*, опосредованного экстракцией культурно-зауалированных признаков-символов, в фольклорном

пространстве языка. Раскроем тему более подробно на примере интерпретативного анализа известных народных и современных сказок.

1. Русская народная сказка «Лиса и журавль»

В сюжете пира с журавлем в образе лисы проявляются *хитрость, красноречивость и изобретательность (находчивость)*.

Идёт журавль на званый пир, а лиса наварила манной каши и размазала по тарелке. Подала и угощает: «Покушай, мой голубчик куманек! Сама стряпала». Журавль стук-стук носом, стучал-стучал по тарелке, ничего не попадает. А лисица в это время лижет себе да лижет кашу – так всю сама и слизала.

2. Русская народная сказка «Лиса и волк»

При желании полакомиться рыбкой в повадках лисы раскрывается *лукавство, расчетливость, сообразительность и притворство*.

Одна лукавая лисица захотела поесть рыбки, а не знала, где взять; думала, думала да и вздумала лечь на дорогу. И вот едет мужик с рыбой; вдруг у мужика лошадь оставилась; мужик и говорит сам про себя: «Что бы это значило, что там лежит?» Пошел посмотреть; смотрит – лежит лисица; он ее пнул, а она будто околела; он ее взял и положил в воз с рыбой, да и закрыл рогожей. Едет мужик, радуется, что лисицу нашел славною: оттакает, так снимет шкуру. А лисица в эту пору прогрызла дыру в санях да и спускает по рыбке в дыру, а мужик едет и ничего не замечает.

В этой же сказке со стороны лисы раскрывается *обман*. Притворяясь доброй, сострадающей, сожалеющей о своем поступке, лисица желает как-то заглядеть свою вину перед волком и предлагает ему загорить кровь.

«Тебе не дурно ли, мой друг?» – «Да вот не знаю, скоро ли кровь перестанет капать из хвоста, больно!» Лисица волку говорит: «Дай-ка я тебе заговорю кровь: как рукой снимет!» – «Заговори, кумушка!» Она и давай заговаривать: «Встань на камень, кровь не канет; стань на кирпич, кровь закипит; у сороки боли, у вороны боли, у сына всех ишибче! Ну, куманек, если не отвалится, и так переболит!»

3. Сказка «Лисичка со скалочкой»

В данном фольклорном произведении автор раскрывает в образе лисы *пронрырливость, плутовство, изворотливость, красноречивость и остроумие*.

Шла лисичка по дорожке, нашла скалочку. Подняла и пошла дальше. Пришла в деревню и стучится в избу: «Стук-стук-стук!» – «Кто там?» – «Я, лисичка-сестричка! Пустите переночевать!» – «У нас и без тебя тесно». – «Да я не потесню вас: сама лягу на лавочку, хвостик под лавочку, скалочку под печку». Её пустили. Вот она легла сама на лавочку, хвостик под лавочку, скалочку под печку. Рано утром лисичка встала, сожгла свою скалочку, а потом и спрашивает: «Где же моя скалочка? Давайте мне за неё курочку!» Мужик – делать нечего! – отдал ей за скалочку курочку.

4. В.Г. Сутеев «Петух и краски» и русская народная сказка «Жихарка»

Как символ *остроумия и сообразительности* лиса также изображена в произведении В.Г. Сутеева «Петух и краски» и русской народной сказке «Жихарка».

Увидела Лиса Петуха и отвернулась. «Нет, нет... Этот Петух не годится, – сказала она.<...> Он – нераскрашенный. Это ненастоящий Петух!»

А лиса в избушку вошла, глядь туда, глядь сюда: нет Жихарки. «Постой же, – думает лиса, – ты мне сам скажешь, где сидишь». <...> А эта ложка не простая – точёная, ручка золочёная, – эту я себе возьму. А Жихарка-то под печкой во весь голос: «Ай, ай, ай, не бери, тётяшка, я не дам!» Подбежала лиса к печке, лапку в подпечье запустила, Жихарку вытащила, на спину перекинула – да в лес. Домой прибежала, печку жарко истопила: хочет Жихарку изжарить да съесть.

5. Сказка «Лиса и Котофей Иванович»

Символизм *алчности, корысти, меркантильности, льстивости, доносительства* передается в образе лисы в сказке «Лиса и Котофей Иванович». Дабы угодить и втереться в доверие новому, присланному из сибирских лесов начальнику Котофею Ивановичу, лиса прибегает к определенным уловкам.

А лиса побежала к Котофею Ивановичу. Прибежала и стала угощать его уткой. Угощает, а сама говорит: «Сейчас только хотели отнять у меня эту уточку волк и медведь. Но я им не отдала и даже с них подарок тебе выпросила. И они обещали предоставить подарочек: медведь – быка, а волк – барана». Котофей Иванович остался доволен лисонькой: видит, хорошо с ней жить, сытно, привольно. И стал с ней еще ласковей.

6. Сказка В.Г. Сутеева «Дядя Миша»

В этом произведении автор демонстрирует в образе рыжего зверька *манипуляторство, расчетливость (корысть, меркантильность) и плутовство*. Когда медведь ловил рыбу в запас на зиму, к нему подседа лиса и стала его переубеждать в необходимости ловить рыбу и переманивать другим делом. Все закончилось тем, что, доверившись лисе, медведь пострадал от нападения собак и остался без запаса.

«Да много ли ты её наловишь? И какая радость целую зиму рыбу жевать?» – говорит Лиса. – Я лучше тебе дружное дело предложу. Всю зиму меня благодарить будешь. «Что за дело?» – спросил Медведь. «Пойдём-ка в деревню, кур, уток таскать». «Идём скорее!» – обрадовался Медведь и удочку бросил. «Дядя Миша, у тебя рыбка клюёт!» – кричит Кот. «Пускай клюёт. Рыба не курица», – проворчал Медведь и пошёл за Лисой.

«Ты, дядя Миша, посторожи здесь, а я тебе курочек и уток вынесу, сколько твоей душеньке захочется». «Ладно, – говорит Медведь, – только поскорее приходи, побольше приноси. Мне запас на зиму нужен». Но недолго ему пришлось сторожить: собак со всей деревни набегало видимо-невидимо! И все рычат, лают-заливаются, того

и гляди, разорвут! Забыл Медведь про кур, про уток, про Лису-плутовку и со всех ног бросился бежать... Тем временем Лиса со своей добычей незаметно выбралась из птичника и побежала. Только её и видели!

7. Русская народная сказка «Петушок – Золотой гребешок»

В данной сказке автор раскрывает искусство манипуляторства и красноречия. Проведав, что кот и дрозд дома нет, лисица с ловкостью приманила добычу своим сладкоголосым, красноречивым пением.

«Петушок, петушок, Золотой гребешок, Масляна головушка, Шелкова бородушка, Выгляни в окошко, Дам тебе горошку». Петушок и выставил головку в окошко. Лиса схватила его в когти, понесла в свою нору.

8. Аналогично в сказке В.Г. Сутеева «Кот-рыболов»

Помахала Лиса пушистым хвостом и говорит медовым голосом: «Здравствуй, кум-куманёк, пушистый коток! Вижу, рыбку ловить собрался?» «Да вот хочу котятам моим рыбки принести». Лиса глаза опустила и совсем тихо спрашивает: «Может быть, ты и меня рыбкой угостишь? А то всё куры да утки...» Усмехнулся Кот: «Так и быть. Первую рыбку тебе отдам».

9. Русская народная сказка «Лиса и козел»

В этой сказке, используя свои манипуляторские способности, лиса обвела вокруг пальца козла. Зазевавшись на ворон, лиса попала в колодец, а чтобы из него выбраться, ей пришлось заманить козла обманом.

Идет, бородачицей трясет, рожжищами мотает; заглянул от нечего делать в колодец, увидал там лису и спрашивает: «Что ты там, лисонька, подельваешь?» «Отдыхаю, голубчик, – отвечает лиса. – Там, наверху, жарко, так я сюда забралась. Уж как здесь прохладно да хорошо! Водичка холодненькой – сколько хочешь!» А козлу давно пить хочется. «Хороша ли вода-то? – спрашивает козел. «Отличная, – отвечает лиса. – Чистая, холодная! Прыгай сюда, коли хочешь; здесь обоим нам место будет». Прыгнул сдуру козел, чуть лисы не задавил. А она ему: «Эх, бородастый дурень, и прыгнуть-то не умел – всю обрызгал». Вскочила лиса козлу на спину, со спины на рога, да и вон из колодца.

10. Русская народная сказка «Зайкина избушка»

В каких-то ситуациях сообразительность лисы уступает наглости, эгоистичности, воровству и мошенничеству. В следующей сказке лиса довела зайца до слез, выгнав его из избушки.

– Как же мне, зайке, не плакать? Жили мы с лисичкой близко друг возле друга. Построили мы себе избы: я – из сыпучего песка, а она — из сыпучего снежка. Настала весна. Её избушка растаяла, а моя стоит, как стояла. Пришла лисичка, выгнала меня из моей избушки и сама в ней жить осталась. Вот я и сижу да плачу.

11. Сказка «Лиса и тетерев»

В данной сказке автор изображает лису как символ лести и подхалимства.

Тетерев сидел на дереве. Лисица подошла к нему и говорит: «Здравствуй, тетеревочек, мой дружок, как услышала твой голосочек, так и пришла тебя проведать». «Спасибо на добром слове», – сказал тетерев. Лисица притворилась, что не расслышала, и говорит: «Что говоришь? Не слышу. Ты бы, тетеревочек, мой дружок, сошел на травушку погулять, поговорить со мной, а то я с дерева не расслышу».

В образе лисы важно выделить еще две важные особенности – обольстительство и чуткое обоняние. Ни одно дело не будет иметь успех без технологии обольстительства (напр., прибегать к помощи других зверей, переманивая и склоняя их на свою сторону) и чуткого обоняния (способность ощущать, распознавать и адекватно оценивать любую ситуацию).

Таким образом, анализ 12 русских народных и современных сказок показал, что лиса как концептообраз олицетворяет следующие антропоморфные символические признаки: хитрость, лукавство, коварство, обман, изворотливость, проницательность, ловкость, сообразительность, осторожность, терпеливость, плутовство, проницательность, лицемерие, алчность, осмотрительность, льстивость, расчетливость (корысть, меркантильность), манипуляторство, изобретательность (находчивость), внимательность, ум, эгоистичность притворство, воровство, обольстительство, обоняние, целеустремленность.

Выявленные признаки асинхронно актуальны. Это говорит о том, что сказки, будь то народные или советские, сохраняют и транслируют все те же, главным образом отрицательные, черты лисы в лингвокультурном сознании русского народа.

Из вышесказанного следует, что образ лисы в жанрах народной культуры – один из традиционных символов, характеризующийся семантической многогранностью. В сказках лиса ставит перед собой цель и добивается ее во чтобы то ни стало, даже если придется пожертвовать другими зверьками.

Сказки передают народные представления о зверьке, генерируют цельный образ животного через его повадки и внешние черты.

Животные в сказках являются символами и воспринимаются как аллегорическое изображение человеческого. Все фольклорно-сказочные сюжеты с изображением лисы как главного персонажа проецируют «повадки» человека, его морально-психические качества.

В сказках с отрицательным героем, несомненно, есть положительная сторона. Они закладывают основополагающие качества личности, формируют внутренний, мировоззренческий уровень человека по отношению к другим представителям мира и к самой окружающей действительности, учат моральным и нравственным ориентирам в деятельности человека.

Образы животных как способ транзакции морально-психологических свойств человека весьма распространены в фольклорных произведениях. Антропоморфизм обусловлен самой сущностью человеческого бытия. Человеку присуще интерпретировать реалии сквозь призму самого себя, или же это и есть зеркальное отражение представления человека о самом себе. Все, что люди замечают в окружающей действительности, и есть отражение внутреннего мира самого человека. «Такой способ познания и результат наблюдения за природой служит адаптацией ко всему новому и способствует нейтрализации страхов и тревоги» [Антропоморфизм].

В то же самое время анималистический код занимает важное место в русском народном творчестве. Многие древние символы концептообраза *лисы* сохранились в современном языковом сознании.

Восприятие фольклорных произведений через анималистический код культуры помогает более детально и структурированно представить русскую языковую картину мира и раскрыть заложенные поколениями культурные смыслы.

Образ лисы в русских сказках не столько негативный, сколько поучительный. Сказки ценны для нас мудростью предков. Они развивали и воспитывали многие поколения, и до сих пор поучают, обучая морали и нравственности. Сказки, наподобие свода правил, регулируют поведение и жизнь людей.

Список литературы

Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. Москва: Флинта: Наука, 2010. С. 234–250.

Антропоморфизм: оживляя неживое. URL: <https://blog.wikium.ru/antropomorfizm-ozhivlyaya-nezhivoe.html> (дата обращения: 19.07.2023).

Бекмурзаева Ф.Ш. Символизм мифоконцепта змея в русском языковом сознании // Мифологос. Сер.: Миф в культуре: литература, язык, поэтика, искусство, фольклор. 2022. № 3. С. 33–47.

Волкова В.О., Малахова Н.В., Волков И.Е. Имagination: от образа к символу, от символа к тексту // Философская мысль. 2020. № 8. С. 1–18. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.8.33491.

Завалова Н.Д., Ломов Б.Ф., Пономаренко В.А. Образ в системе психической регуляции деятельности. URL: Zavalova-N.D.-Obraz-v-psihicheskoy-regulyatsii-deyatelnosti.pdf (дата обращения: 19.07.2023).

История тотемных животных, или От кого мы произошли. URL: https://shambavedi.blogspot.com/2019/04/blog-post_18.html (дата обращения: 19.07.2023).

Карасик В.И. Лингвосемиотическое моделирование ценностей // Политическая лингвистика. 2012. № 1. С. 43–50.

Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. Москва: Гнозис, 2010. С. 70–72.

Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1. Язык. 2-е изд. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 272 с.

Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. Москва: Искусство, 1976. 168 с.

Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. Москва: Гуманит. изд. центр «Владос», 1996. 416 с.

Орел В.Е. Культура, символы и животный мир. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 582 с.

Панова О.Б. Язык символов эпоса Л.Н. Толстого. Символ ребёнка // Язык и культура. 2008. № 2. С. 33–43.

Пропп В.Я. Русские народные сказки Афанасьева / предисл. В.Я. Проппа к 3-томному изданию афанасьевского сборника русских народных сказок. URL: <http://www.ru-skazki.ru/propp-russian-folk-tales.pdf> (дата обращения: 19.07.2023).

References

Alefirenko N.F. *Lingvokul'turologiia: tsennostno-smyslovoe prostranstvo iazyka: ucheb. posobie* [Linguoculturology: value and semantic space of language: schoolbook]. Moscow, Flinta Publ., 2010, pp. 234–250. (In Russ.)

Antropomorfizm: ozhivlyaya nezhivoe [Anthropomorphism: animating the inanimate]. URL: <https://blog.wikium.ru/antropomorfizm-ozhivlyaya-nezhivoe.html> (access date: 19.07.2023). (In Russ.)

Bekmurzaeva F.Sh. *Simvolizm mifokontsepta zmeia v russkom iazykovom soznanii* [Symbolism of the Mythoconcept Snake in the Russian Language Consciousness]. *Mifologos. Ser.: Mif v kul'ture: literatura, iazyk, poetika, iskusstvo, fol'klor* [Mythologos. Ser.: Myth in Culture: Literature, Language, Poetics, Art, Folklore], 2022, No. 3, pp. 33–47. (In Russ.)

Istoriia totemnykh zhivotnykh, ili ot kogo my proizoshli [The history of totemic animals, or from whom we are descended]. URL: https://shambavedi.blogspot.com/2019/04/blog-post_18.html (access date: 19.07.2023). (In Russ.)

Karasik V.I. *Lingvosemioticheskoe modelirovanie tsennostei* [Linguosemiotic modeling of values]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2012, No. 1, pp. 43–50. (In Russ.)

Karasik V.I. *Iazykovaia kristallizatsiia smysla* [Linguistic crystallization of meaning]. Moscow, Gnozis Publ., 2010, pp. 70–72. (In Russ.)

Kassirer E. *Filosofiia simvolicheskikh form. T. 1. Iazyk* [Philosophy of symbolic forms. Vol. 1. Language]. Moscow, Saint Petersburg, Tsentr humanitarnykh initsiativ Publ., 2015, 272 p. (In Russ.)

Losev A.F. *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [The symbol problem and realistic art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1976, 168 p. (In Russ.)

Makovskii M.M. *Sravnitel'nyĭ slovar' mifologicheskoi simboliki v indoevropĕiskikh iazykakh: Obraz mira i miry obrazov* [Comparative Dictionary of Mythological symbolism in Indo-European languages: The Image of the World and the worlds of images]. Moscow, Gumanit. izd. tsentr "Vlados" Publ., 1996, 416 p. (In Russ.)

Orel V.E. *Kul'tura, simvol y zhyvotnyi mir* [Culture, symbols and wildlife]. Khar'kov, Gumanitarnyi tsentr Publ., 2008, 582 p. (In Russ.)

Panova O.B. *Iazyk simvolov eposa L.N. Tolstogo. Simvol rebenka* [The language of symbols of L.N. Tolstoy's epic. Child symbol]. *Iazyk i kul'tura* [Language and culture], 2008, No. 2, pp. 33-43. (In Russ.)

Propp V.Ia. *Russkie narodnye skazki Afanas'eva* [Russian folk tales by Afanasyev]. *Predislovie V.Ia. Proppa k 3-tomnomu izdaniyu afanas'evskogo sborniki russkikh narodnykh skazok* [V.Y. Propp's preface to the 3-volume edition of Afanasievsky's collections of Russian folk

tales]. URL: <http://www.ru-skazki.ru/propp-russian-folktales.pdf> (access date: 19.07.2023). (In Russ.)

Volkova V.O., Malakhova N.V., Volkov I.E. *Imaginatsiia: ot obraza k simvolu, ot simvola k tekstu* [Imagination: from image to symbol, from symbol to text]. *Filosofskaia mysl'* [Philosophical thought], 2020, No. 8, pp. 1-18. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.8.33491 (In Russ.)

Zavalova N.D., Lomov B.F., Ponomarenko V.A. *Obraz v sisteme psikhicheskoi reguliatsii deiatel'nosti* [The image in the system of mental regulation of activity]. URL: [Zavalova-N.D.-Obraz-v-psihicheskoy-regulyatsii-deyatelnosti.pdf](http://www.zavalova-n.d.-obraz-v-psihicheskoy-regulyatsii-deyatelnosti.pdf) (access date: 19.07.2023). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.09.2023; одобрена после рецензирования 26.09.2023; принята к публикации 28.09.2023.

The article was submitted 06.09.2023; approved after reviewing 26.09.2023; accepted for publication 28.09.2023.

Научная статья

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

УДК 811.161.1

EDN GAEICB

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-172-180>

**ЯДЕРНЫЕ И ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ВАРИАНТЫ
ПОСТРОЕНИЯ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
СО ЗНАЧЕНИЕМ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ В НАУЧНОМ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ СТИЛЯХ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА**

Галкина Наталия Павловна, кандидат филологических наук, доцент, Военная академия радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко Министерства обороны Российской Федерации, г. Кострома, Россия, gnpav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7019-2413>

Аннотация. Изучение частотных и малочастотных языковых средств представляет интерес с точки зрения развития и сохранения богатства и вариативности языка. Объектом исследования являются сложноподчиненные предложения с придаточными условиями, причины, цели, уступки, следствия, объединенные в общую группу предложений со значением обусловленности. Исследование базируется на материалах научного и публицистического стилей, которые являются обширными по тематике и охвату круга пользователей. Анализ разнообразных примеров реальных употреблений языка позволяет определить, какие варианты построения указанных предложений являются наиболее употребительными, ядерными, а какие относятся к периферии, и чем обусловлена такая вариативность. Исследование средств построения сложноподчиненных предложений включает особенности употребления союзов как основных структурных элементов выражения отношений обусловленности, расположения предикативных частей, а также модально-временную характеристику предикатов. Выявлены устойчиво повторяющиеся ядерные средства построения исследуемых предложений, которые обеспечивают стабильность системы языка. Малопродуктивные средства служат оформлению конкретных видов условных, каузальных, целевых, уступительных отношений и относятся к периферийным структурно-семантическим моделям, характерным для рассматриваемых стилей. Показано, что различия в использовании языковых средств при оформлении сложноподчиненных предложений указанных типов имеют стилистическое, семантическое, коммуникативное обоснование.

Ключевые слова: языковые средства, норма, вариативность, узус, частотность, союз, парцелляция.

Для цитирования: Галкина Н.П. Ядерные и периферийные варианты построения сложноподчиненных предложений со значением обусловленности в научном и публицистическом стилях современного русского языка // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 172–180. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-172-180>

Research Article

**CORE AND PERIPHERAL CONSTRUCTIONS OF COMPLEX SENTENCES
WITH THE MEANING OF CONDITIONALITY IN THE SCIENTIFIC
AND JOURNALISTIC STYLES OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE**

Natalia P. Galkina, PhD in Philology, associate professor, Nuclear, Biological, Chemical Defence Military Academy named after Marshal of the Soviet Union S.K. Timoshenko, Kostroma, Russia, gnpav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7019-2413>

Abstract. The study of high-frequency and low-frequency language means is of interest from the point of view of the development and preservation of the richness and variability of the language. The object of the study is complex sentences with subordinate clauses of condition, cause, purpose, concessions, consequence, combined into a common group of sentences with the meaning of conditionality. The research is based on materials of scientific and journalistic styles, which are rich in topic and scope of users. Analysis of various examples of real language use makes it possible to determine which structural models of these sentences are the most common, core, and which belong to the periphery, and what causes such variability. The study of language means of forming complex sentences includes the use of conjunctions as the main structural elements of expressing the meaning of conditionality, the order of predicative parts, as well as the modal-tense characteristics of predicates. Stable, core structural means of the sentences under consideration have been identified, which ensure the stability of the language system. Unproductive means serve to express specific kinds of condition, cause, purpose, concession meanings and come under peripheral variants characteristic of the styles under consideration. Differences in the use of linguistic means in forming complex sentences of these types have stylistic, semantic, and communicative reasons.

Keywords: linguistic means, norm, variability, usage, frequency, conjunction, parcellation

For citation: Galkina N.P. Core and peripheral constructions of complex sentences with the meaning of conditionality in the scientific and journalistic styles of the modern Russian language. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 3, pp. 172–180 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-172-180>

В эпоху глобализации и господства Интернета актуальными являются вопросы языковой нормы и трансформации норм русского языка, границ нормативного, допустимого и неприемлемого в языковой практике. Многие отечественные лингвисты высказывают тревогу по поводу состояния современного русского языка, обращая при этом внимание на влияние массовой культуры на литературный язык. Изменения отмечаются на всех языковых уровнях. Исследования по данной проблематике затрагивают главным образом лексическую сторону языка (см., например: [Вариативность в языке и речи; Катлинская 2001; Солганик 2010; Юдина 2010]). Грамматика языка, составляющая костяк всей языковой системы, её фундаментальную основу, является наиболее устойчивой, стандартизированной и оказывается тем самым механизмом, который обеспечивает стабильность и жизнеспособность языковой системы [Пушкарева]. Объектом нашего исследования являются **сложноподчиненные предложения (СПП)** с придаточными условиями, причины, цели, уступки, следствия, объединенные в общую группу СПП со значением обусловленности (далее СППО), которые, по классификации В.А. Белошапковой, составляют костяк расчленённых СПП детерминантного типа [Белошапкова: 222]. Изучение частотных и малочастотных языковых средств построения таких предложений представляет интерес с точки зрения развития и сохранения богатства и вариативности языка, особенно в современных условиях стандартизации, упрощения, унификации или универсализации языков вообще и русского языка в частности.

В настоящее время общий вектор развития смещается от книжности к нейтральности. К числу базовых разновидностей литературного языка, обеспечивающих сохранение языковых традиций, Е.М. Лазуткина относит язык науки и публицистики [Лазуткина: 235]. Именно эти сферы взяты за основу нашего исследования. Научный и публицистический стили, будучи обширными по тематике и охвату круга пользователей, являются сегодня наиболее массовыми и востребованными и тем самым фокусируют на себе общеупотребительность как критерий нормативности языка. Научный стиль особенно требователен к соблюдению языковых норм. Построенный исключительно на книжных и нейтральных средствах языка, без воздействия аффективных средств разговорности, он слабо подвержен изменениям как на лексическом, так и на грамматическом уровне. Влияние научного стиля на общелитературный язык сказывается

не только и не столько в области лексики, но главным образом в области грамматики. «В СПП научной речи вследствие устойчивого стереотипного лексического наполнения ярче проявляются синтаксические особенности, присущие предложениям русского литературного языка в целом» [Ганцовская 1967: 239]. Исследование синтаксиса научного стиля позволяет выявить типичные (ядерные) единицы, которые «обеспечивают стабильность системы языка» [Бабайцева: 37]. В то же время на авансцену языкового развития выходит язык публицистики. «Язык СМИ сегодня обрел господствующее положение среди всех функциональных разновидностей, вобрав в себя, поглотив, ассимилировав в себе ресурсы всех функциональных стилей» [Караулов 2001: 21]. Г.Я. Солганик, характеризуя современную языковую ситуацию и тенденции развития русского литературного языка, утверждает, что «в наше время источник литературных норм заключен в СМИ» [Солганик: 130].

Опираясь на понятие узуса как критерий нормативности, то есть на совокупность реальных употреблений языка, рассмотрим, какие же варианты построения указанных предложений являются наиболее употребительными, ядерными, а какие относятся к периферии в системе СППО, и чем обусловлено такое распределение.

Общий объем исследования составил более 10 000 синтаксических единиц. В научном стиле источниками материала для анализа послужили научные труды ведущих русских учёных (И.В. Березин, В.Л. Гинзбург, А.И. Гусев, Я.Б. Зельдович, П.С. Зырянов, И.И. Иоффе, А.П. Кузнецов, Л.Д. Ландау, В.В. Шмидт и др.), а также учебная литература в области физики, химии, биологии за период с 50–60-х годов XX века по настоящее время. В публицистическом стиле источниками являлись печатные и онлайн-книги, относящиеся к области политико-идеологической (К. Сёмин, Ю. Мухин, С. Алексеевич), социальной (Ф. Углов, В. Кожин), культурной (Н. Синдаловский, В. Полухина), исторической (В. Гиляровский, В. Вересаев, И. Ямпольский), мемуарной/автобиографической (В. Познер, А. Ширвиндт), а также периодические газеты и журналы (как в печатной, так и в электронной версии), интернет-сайты, публикующие аналитические статьи, очерки, репортажи, интервью на общественно значимые темы («Аргументы недели», «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Правда», «Наша Версия», «Новая газета», «Новый мир», «Солидарность», «Совершенно секретно», «Секретные материалы» и др.).

Таблица 1

Ядерные и периферийные варианты в системе средств связи СППО в научном стиле

Тип СПП	Ядерные варианты		Периферийные варианты	
			ближней периферии	дальней периферии
СПП условия	<i>Если ..., то Если, если ... если бы</i>	89 %	<i>в (том) случае если при условии если когда</i>	<i>раз коль скоро</i>
СПП причины	<i>поскольку так как</i>	92 %	<i>потому что ибо из-за того что оттого что благодаря тому что ведь тем более что вследствие того что</i>	<i>раз коль скоро</i>
СПП цели	<i>чтобы для того чтобы</i>	98 %		
СПП уступки	<i>хотя несмотря на то что как ... ни кто (что) ... ни сколько ... ни</i>	89 %	<i>даже если</i>	
СПП следствия	<i>так что</i>	100 %		

Таблица 2

Ядерные и периферийные варианты в системе средств связи СППО в публицистическом стиле

Тип СПП	Ядерные варианты		Периферийные варианты	
			ближней периферии	дальней периферии
СПП условия	<i>Если ..., то Если, если ... если бы</i>	92 %	<i>в (том) случае если при условии если при условии что когда раз коль скоро коли (коль) кабы</i>	<i>ежели</i>
СПП причины	<i>потому что поскольку так как ибо</i>	87 %	<i>из-за того что оттого что благодаря тому что в связи с тем что ввиду того что по причине того, что на том основании, что тем более что ведь благо</i>	<i>бо раз коль скоро от того, что</i>
СПП цели	<i>чтобы для того чтобы</i>	97 %	<i>чтоб с тем чтобы ради того чтобы дабы лишь бы</i>	
СПП уступки	<i>хотя несмотря на то что как ... ни какой ... ни кто (что) ... ни сколько (сколь) ни где (куда) ... ни</i>	81 %	<i>хоть даже если даром что</i>	<i>правда пусть при том что</i>
СПП следствия	<i>так что</i>	100 %		

Построение СПП в научном стиле отличается строгим отбором строительных средств, прежде всего союзов, являющихся «главным организующим центром сложного предложения» [Ильенко: 6–7]. По данным исследования, наблюдается отчетливая поляризация средств связи СПП по их продуктивности в произведениях научного стиля (табл. 1).

Как видно, обнаружено доминирование союзов по типам СПП:

СПП условия – *Если ..., то ...; если, если бы* (89 %).

СПП причины – *поскольку, так как* (92 %).

СПП цели – *чтобы, для того чтобы* (98 %).

СПП уступки – *хотя, несмотря на то что, местоименные сочетания с ни* (89 %). Все СПП следствия строятся по одному структурному типу: они представляют собой СПП с нерасчленённым союзом *так что* и фиксированным порядком частей (постпозицией придаточной части).

Специфика стилевой дифференциации в системе средств связи наиболее чётко проявляется в причинных СПП – в доминировании союза *поскольку* (58,5 % СПП причины), чего не наблюдается в других стилях русского языка, и очень малой частотности общеупотребительного *потому что*, а также в сфере условных отношений – в преобладании союзной пары *Если..., то...* (58 % СПП условия).

В целом во всех типах исследуемых предложений в научном стиле отмечается ограниченный набор средств связи – это союзы, которые оформляют отношения обусловленности в наиболее общем, немодифицированном виде. Их высокая частотность, однозначность в различных произведениях у разных авторов свидетельствуют об их нормативности для научного стиля и являются признаком устойчивости языковых моделей в современном русском языке. Использование других крепов, входящих в ассортимент выписанных нами средств связи, находит обоснование в специализации, конкретизации выражаемых отношений (уточнение, дополнение, авторский комментарий и т. п.) и рассматривается как периферийные варианты, которые не нарушают границ стиля и являются стилистически и коммуникативно оправданными.

Ассортимент средств связи СППО в публицистическом стиле более разнообразен, и с точки зрения частотности их употребления картина выглядит менее контрастной по сравнению с научным стилем (табл. 2).

Отметим союзы, характеризующиеся устойчивостью и повторяемостью в текстах разной жанровой и тематической направленности:

СПП условия – *Если ..., то ...; если, если бы* (92 %)

СПП причины – *потому что, поскольку, ибо, так как* (87 %)

СПП цели – *чтобы, для того чтобы* (97 %)

СПП уступки – *хотя, несмотря на то что, местоименные сочетания с ни* (81 %). Причем последние более разнообразны, чем в научном стиле.

Наибольшее разнообразие союзов проявляется в системе причинных СПП при доминировании общеупотребительного *потому что* (49 % СПП причины) и заметной частотности *поскольку, так как, ибо* (в совокупности 38 % СПП причины).

Использование малопродуктивных средств связи является коммуникативно значимым. Это стилистически окрашенные (аффективные) союзы: *коли (коль), кабы, ежели* (в системе условных СПП); *благо, бо, потому как* (в причинных СПП); *чтоб* (просторечный вариант *чтобы*), *дабы, лишь бы, затем чтобы* (в СПП цели); *хоть* (просторечный вариант *хотя*), *даром что, пусть, правда* (в СПП уступки). Обладая стилистическими или семантическими оттенками, указанные средства служат оформлению конкретных видов отношений и могут рассматриваться как периферийные варианты, характерные для публицистического стиля.

Устаревшие архаические союзы используются в современной публицистике как средство исторической стилизации. Например: *Коли он правдив – значит, он прав; а коли у него нет таланта – никакая «объективность» ему не поможет* [Рунин: 216]. Автор статьи в журнале «Новый мир» в этих строках описывает размышления писателя XIX в. И.С. Тургенева. См. пример с целевым союзом *дабы*: *Согласно одной из малоизвестных легенд, даже известь, дабы она не замерзала, приходилось разводить на спирту* [Синдаловский: 104].

В жанрах очерка, интервью при передаче чужой речи автор сохраняет оригинальный стиль говорящего. См. пример из рассказа девушки о том, как она записывалась добровольцем на фронт: *И мы решили, коль мы в Москве, то пойти в ЦК комсомола, на самый верх, к первому секретарю* [Алексиевич: 25]. См. пример с другим просторечным союзом: *Кабы он (муж) не болел, так ладно* [Тарасов]. Отметим также, что в первом примере благодаря использованию союза *коль* (просторечная форма *коли*) наблюдается синкретизм условного и причинного значений. Во втором примере подключение к придаточной части союза *кабы* придаёт её содержанию смысловой оттенок желательности. Модальная сема желательности, волеизъявления придается целевым придаточным за счет их прикрепления союзом *дабы*. Например: *Так художники не скупятся на краски, дабы картина жила* [Данин: 225].

Рассмотрим примеры, в которых употребление устаревших союзов способствует созданию иронического эффекта: *Выбиванием денег из нас могут заниматься УК, ТСЖ, ЖСК и ресурсоснабжающие организации, а также, разумеется, судебные приставы,*

коли дело дойдет до цугундера [Мельников: 17]. Излишняя ‘сниженность’ лексики, привносимая в том числе и подключением просторечного союза *коли*, позволяет создать обличающий скрытый смысл – негативную оценку в адрес организаций, призванных собирать деньги с населения.

Уже упомянутый выше целевой союз *дабы* может служить не только средством архаизации в целях создания исторического колорита, но и строевым элементом для придания оттенка торжественности, возвышенности, а также для имплицитного выражения авторской иронии, сарказма. В следующем примере ‘возвышенность’ союза *дабы* вступает в смысловой конфликт с заниженной лексикой. См.: *Поэтому либералу, барыге можно всё – можно впаривать пенсионерам лежалый товар, можно проколоть колёса крестьянину, который решил продавать картошку с лотка, можно, шелохнув мизинцем, менять русское быдло на нерусское, дабы снижать издержки* [Семиин: 23]. Благодаря такому приёму читатель замечает неудовлетворительное, критическое отношение автора к поведению его героев – здесь ирония доведена до сарказма.

Непродуктивные устаревшие и просторечные союзы (такие как *ежели*, *бо*, *потому как*) встречаются в единичных случаях у отдельных авторов. См. пример, где автор использует архаический союз *бо* в целях стилизации при передаче оригинальной речи Агафьи Лыковой – героя очерка, повествующего о жизни семьи старообрядцев, переселившихся в глухую тайгу в середине прошлого века: *Агафья рассказывает, как она живёт, одновременно творит огонь (исключительно лучиной), ставит хлеб в печь, кипятит воду, готовится к причащению, бо с нами Иерей Игорь* [Жукова].

Единичные случаи построения причинных СПП при помощи союза *потому как* – приём, используемый для выражения критического отношения автора к высказываемому (встречается у одного автора живого журнала (ЖЖ), пишущего под псевдонимом Донецкий). См. пример прямо из заголовка его статьи: *Жителей Харькова в тероборону набирали и набирают «с оглядкой», потому как скрытые «сепары»*. И далее в самой статье: *Харьковчанам совет: избегайте теробороны всеми способами, потому как вас сдадут на убой хоть так, хоть этак* [Заумное].

Модально-временная характеристика предикатов имеет устойчивые сходные черты в научном и публицистическом стилях. Сказуемые употребляются преимущественно в форме настоящего времени несовершенного вида (вневременное настоящее). Такая форма подходит для отражения закономерной связи явлений, при описании взаимосвязи в неопределённо-временном плане и передаче обобщённой информации. Временной план прошедшего или будуще-

го используется при описании конкретной ситуации и чаще представлен в публицистических текстах. Продуктивными являются конструкции, в которых сказуемое придаточной части выражено инфинитивом – около четверти всех условных и подавляющее большинство целевых конструкций в естественно-научных текстах, а также в публицистике – около 14 % условных СПП и 75 % целевых СПП. См. примеры из научных текстов: *Если в структуру кристалла кремния ввести трехвалентный бор, одна из связей остается незаполненной* [Рамбиди: 37]. *Для того чтобы учесть условие сохранения нормировки пробной функции, используем метод неопределённых множителей Лагранжа* [Барановский: 93]. Примеры на материале публицистики: *...если вовремя не перестроить международные и национальные институты, будет взрыв* [Ванденко (а)]. *Для этого и создается команда из очень разных людей, чтобы минимизировать ошибки принятия решений* [Ванденко (а)].

Говоря о модально-временной характеристике предикатов, к периферийному компоненту отнесем наличие в текстах публицистического стиля императивных конструкций, СПП в форме риторических вопросов, посредством которых реализуется своеобразное обращение к читателю (диалогизация). Например: *Если работа была любимой, не отчаивайтесь* (в случае увольнения. – Н. Г.) [Солидарность: 14]. *Если же корректные отношения с работодателем сохранились, обязательно попросите характеристику и, по возможности, рекомендательное письмо...* [Солидарность: 14]. *Что было бы, если бы Москва Ивана III проиграла новгородскому воеводе?* [Познер: 45]. *Как я мог быть русским, если не знал по-русски ни слова?* [Познер: 45: 70].

Специфическая особенность в системе СПП в публицистическом стиле – парцелляция придаточной части, то есть оформление её в виде отдельного предложения. Такие модели можно отнести к вариативному компоненту в пределах нормы, характерной для публицистического стиля. Как показало исследование, парцелляция придаточной части является мощным инструментом экспрессивного синтаксиса в публицистике (см. нашу публикацию, посвященную данному явлению: [Галкина]). Авторы активно используют это стилистическое средство с целью расстановки приоритетов, привлечения внимания, подчёркивания некоторых деталей, усиления эффекта воздействия [Сковородников].

Рассмотрим примеры различных типов СППО. 1. *Кроме того, очень большую роль играет телевидение. Если по нему идут нескончаемым потоком сериалы...* [Сёмин: 19]. 2. *А люди они не врут, вы врите. Пропагандистские начальники, врите. Имеете в виду одно, говорите другое. А люди не врут,*

они видят дело прямо. Вот это то, что им рассказывают. **Если** очистить от всякой политкорректной шелухи [Мухин: 71]. 3. **Моя бабушка вспоминала, как они заваривали лебеду и ели. Потому что** ничего больше не было, даже соли [Штешин]. 4. **Кто не согласен с этим, тот пусть докажет обратное. Себе. Поскольку** себе я уже все доказал [Мухин: 20]. 5. **А живет она в тайге десятилетия. Так что** ее мужеству, силе духа, опытности, трудолюбию, дружелюбию тоже можно по-хорошему только позавидовать [Шичкова]. 6. **Поэтому** малой родиной считаю Забайкалье. **Хотя**, как ни странно, хорошо помню детали жизни в Магдагачах [Ванденко (б)]. 7. **Быть сообществом, а не стадом. Не пытайтесь прорвать полицейское оцепление, например. Даже если** об этом кто-то крикнул в толпе [Комсомольская правда: 11]. Как видно, в приведённых примерах, несмотря на формальное разделение, компоненты СПП скреплены общей идеей, которую транслирует автор. При таком построении автор излагает содержание высказывания порциями, тем самым актуализируя каждую его часть, усиливая воздействующий эффект.

Прокомментируем некоторые примеры. 1. **Такой герой нужен для подрастающего поколения. Что-бы** наши внуки знали, чего стоила нашим народам та война [Бабурин: 4]. Как видится, такой приём разделения СППЦ на отдельные части служит усилению побудительной, воздействующей составляющей высказывания. 2. **Каков бы ни был их результат. Каковы бы ни были** реальные полномочия парламента, в который эти выборы проводятся. **Каково бы ни было** даже качество партий, на места в парламенте претендующих [Высший смысл выборов]. Особенность конструкции, приведенной выше, – парцелляция нескольких придаточных, относящихся к одному исходному главному. Таким образом, с одной стороны, повышается достоверность, убедительность сообщаемой информации, и в то же время высказывание приобретает субъективный, эмоционально-оценочный характер. 3. Рассмотрим парцеллированную структуру с редким союзом *благо*: **В Токио** намек поняли и решили захватить богатую нефтью Индонезию. **Благо** та была голландской, а Голландию немцы тоже свели на нет [Свержин: 35]. Как известно, союз *благо* (как и более употребительный *благодаря тому что*) способствует указанию на благоприятствующую причину. Но в данном построении как бы дополнительная, отдельно оформленная причинная составляющая передает ироническое отношение автора к обстоятельствам, благоприятствующим тому, чтобы «захватить богатую нефтью Индонезию». Это также подкрепляется оценочной лексикой (*намек поняли; свели на нет*) и названием статьи («Тихоокеанский гамбит»).

Таким образом, устойчивые (повторяющиеся) ядерные средства построения СППО позволяют выявить общие структурно-семантические модели СПП, присущие научному и публицистическому стилям и русскому литературному языку в целом, что обеспечивает стабильность системы языка. Малопродуктивные средства построения СППО служат оформлению конкретных видов условных, каузальных, целевых, уступительных отношений и относятся к периферийным вариантам, характерным для рассматриваемых стилей. Некоторые различия, касающиеся статистики использования строительных средств СППО, незначительны и связаны с тематической или жанровой принадлежностью анализируемого материала, коммуникативной задачей, авторским стилем изложения. Отклонения эти находятся в пределах нормы и имеют семантическое, стилистическое, коммуникативное обоснование, что в целом свидетельствует об устойчивости языковой системы на данном этапе современного русского языка.

Список литературы

- Алексиевич С.А. У войны не женское лицо. URL: <https://book-online.com.ua/read.php?book=8561> (дата обращения: 03.11.2019).
- Бабайцева В.В. Избранное. 2005–2010: сб. науч. и науч.-метод. ст. / под ред. К.Э. Штайн. Москва; Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. 400 с.
- Бабурин С. Забытый подвиг // Завтра. 2019. № 18 (1325). С. 4.
- Барановский В.И. Квантовая механика и квантовая химия: учеб. пособие для студ. / В.И. Барановский. Москва: Академия, 2008. 384 с.
- Белошапкина В.А. Современный русский язык. Синтаксис: учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. Москва: Высшая школа, 1977. 248 с.
- БРЭ – Большая Российская энциклопедия: в 35 т. / науч.-ред. совет: Ю.С. Осипов (пред.) [и др.]; отв. ред. С.Л. Кравец. Москва: Большая Российская энциклопедия, 2004–2017. URL: <https://bigenc.ru/> (дата обращения: 05.12.2022).
- Ванденко (а) – Ванденко А. Герман Греф: не лги, не воруй, не ленись. URL: <https://tass.ru/top-officials/6078757> (дата обращения: 30.01.2020).
- Ванденко (б) – Ванденко А. Сергей Чеботарев: о высоких должностях не мечтал. URL: <https://tass.ru/top-officials/6204184> (дата обращения: 29.04.2020).
- Вариативность в языке и речи: тез. докл. междунар. науч. конф.; Минск, 4–5 апр. 2019 г. / редкол.: Л.М. Лещёва (отв. ред.) [и др.]. Минск: МГЛУ, 2019. 300 с.
- Высший смысл выборов // Российская газета. 2003. 5 сент.
- Галкина Н.П. Парцелляция как инструмент воздействия в публицистике // Известия Волгоградско-

го государственного педагогического университета. 2022. № 1 (164). С. 193–200.

Ганцовская Н.С. Многокомпонентные сложноподчинённые предложения в научном стиле современного русского языка: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1967. 276 с.

Данин Д. Жажда ясности // Новый мир. 1960. № 3. С. 207–226.

Жукова А. Отец вымолил у тайги: Агафья Лыкова рассказала легенду о своём рождении // Комсомольская правда. URL: <https://www.samara.kp.ru/daily/26923/3973931/> (дата обращения: 30.03.2021).

Заумное // Пишет Донецкий. URL: <https://donrf.livejournal.com/1332368.html> (дата обращения: 25.09.2023).

Ильенко С.Г. Сложное предложение в современном русском языке. Типология сложноподчинённого предложения. Ленинград, 1976. 32 с.

Караулов Ю.Н. Язык СМИ как модель общенационального языка // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: тезисы докладов Междунар. науч. конф. (Москва, филол. фак-т МГУ им. М.В. Ломоносова) / под общ. ред. М.Н. Володиной, М.Л. Ремневой. Москва, 2001. С. 17–21.

Катлинская Л.П. О тактических просчетах в языковой политике // Словарь и культура русской речи: К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. Москва, 2001. С. 195–203.

Комсомольская правда: газета. 2020. 5–12 августа.

Лазуткина Е.М. Вариативность в системе грамматических норм современного русского литературного языка // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2014. № 1. С. 223–329.

Мельников М. Эксперименты над народом // Совершенно секретно. 2019. № 18–19.

Мухин Ю.И. Тирания глупости. URL: <https://www.libfox.ru/310970-yuriy-muhin-tiraniya-gstuposti.html#book> (дата обращения: 19.06.2019).

Познер В.В. Прощание с иллюзиями. Москва: Изд-во АСТ, 2012. 480 с.

Пушкарева Н.В. Русская грамматика: объединяющий фактор в эпоху перемен // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 3. С. 125–134.

Рамбиди Н.Г., Берёзкин А.В. Физические и химические основы нанотехнологий. Москва: Физматлит, 2008. 456 с.

Рунин Б. Спор необходимо продолжить // Новый мир. 1960. № 11. С. 195–219.

Свержин В. Тихоокеанский гамбит // Совершенно секретно. 2019 (декабрь). № 18–19.

Семин К. Агитпроп. Идеология победы. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=268163> (дата обращения: 30.04.2019).

Синдаловский Н. Легенды петербургских садов и парков. URL: <http://rubooks.net/book.php?book=3274> (дата обращения: 10.05.2019).

Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск: Изд. Томского ун-та, 1981. 255 с.

Солганик Г.Я. Современная языковая ситуация и тенденции развития русского литературного языка // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2010. № 5. С. 122–134.

Солидарность: газета. 2022. № 36.

Стешин Д. История уже переписана? Америка вычеркнула Россию из числа победителей во Второй мировой // Комсомольская правда. URL: <https://www.ural.kp.ru/daily/26980.4/4038886/> (дата обращения: 10.09.2020).

Тарасов А. Вечный пал // Новая газета. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/05/28/80685-spustya-15-let-pozhary-proshli-zauralie-privychnym-marshrutom> (дата обращения: 29.05.2019).

Шичкова Е. Истоки Таежного тупика: история семейства староверов Лыковых. URL: <https://www.krsk.kp.ru/daily/26974.3/4029274/> (дата обращения: 30.01.2020).

Юдина Н.В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? Москва: Гнозис, 2010. 296 с.

References

Aleksievich S.A. *U vojny ne zhenskoe lico* [War does not have a woman's face]. URL: <https://book-online.com.ua/read.php?book=8561> (access date: 03.11.2019). (In Russ.)

Babajceva V.V. *Izbrannoe. 2005-2010: sb. nauch. i nauch.-metod. st.* [Favorites. 2005-2010: collection of scientific and scientific-methodological articles]. Moscow; Stavropol, Izd-vo SGU Publ., 2010, 400 p. (In Russ.)

Baburin S. *Zabytyj podvig* [Forgotten feat]. *Zavtra* [Tomorrow], 2019, № 18 (1325), p. 4. (In Russ.)

Baranovskij V.I. *Kvantovaya mekhanika i kvantovaya himiya: ucheb. posobie dlya stud.* [Quantum mechanics and quantum chemistry: textbook for students]. Moscow, Akademiya Publ., 2008, 384 p. (In Russ.)

Beloshapkova V.A. *Sovremennyy russkij yazyk. Sintaksis: ucheb. posobie dlya filol. spec. un-tov* [Modern Russian language. Syntax: textbook for philol. specialties]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1977, 248 p. (In Russ.)

Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya: v 35 t. [Great Russian Encyclopedia: 35 vols.]. Moscow, Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya Publ., 2004-2017. URL: <https://bigenc.ru/> (access date: 05.12.2022). (In Russ.)

Galkina N.P. *Parcellyaciya kak instrument vozdejstviya v publicistike* [Parceling as a tool of influence in journalism]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [News of Volgograd

State Pedagogical University], 2022, № 1 (164), pp. 193-200. (In Russ.)

Gancovskaya N.S. *Mnogokomponentnye slozhnopodchinyonnye predlozheniya v nauchnom stile sovremenno-russkogo yazyka: dis. ... kand. filol. nauk* [Multicomponent complex sentences in the scientific style of the modern Russian language: dis. ... cand. philol. sciences]. Moscow, 1967, 276 p. (In Russ.)

Danin D. *Zhazhda yasnosti* [Thirst for clarity]. *Novyj mir* [New World], 1960, No. 3, pp. 207-226. (In Russ.)

Il'enko S.G. *Slozhnoe predlozhenie v sovremenno-russkom yazyke. Tipologiya slozhnopodchinyonno-go predlozheniya* [Complex sentence in modern Russian. Typology of complex sentences]. Leningrad, 1976, 32 p. (In Russ.)

Karaulov Yu.N. *Yazyk SMI kak model' obshchenacional'nogo yazyka* [The language of the media as a model of a national language]. *Yazyk sredstv massovoj informacii kak ob"ekt mezhdisciplinarnogo issledovaniya: tezisyy dokladov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, filol. fak-t MGU im. M.V. Lomonosova)* [The language of the media as an object of interdisciplinary research: Abstracts of the International Scientific Conference (Moscow, Faculty of Philology, Moscow State University named after M.V. Lomonosov)], 2001, pp. 17-21. (In Russ.)

Katlinskaya L.P. *O takticheskikh proshchetah v yazykovoj politike* [On tactical miscalculations in language policy]. *Slovar' i kul'tura russkoj rechi: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya S.I. Ozhegova* [Dictionary and culture of Russian speech: To the 100th anniversary of the birth of S.I. Ozhegova]. Moscow, 2001, pp. 195-203. (In Russ.)

Komsomol'skaya pravda, newspaper, 2020, 5-12 Aug. (In Russ.)

Lazutkina E.M. *Variativnost' v sisteme grammaticheskikh norm sovremenno-russkogo literaturnogo yazyka* [Variability in the system of grammatical norms of the modern Russian literary language]. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova* [Proceedings of the Russian Language Institute named after V.V. Vinogradov], 2014, No. 1, pp. 223-329. (In Russ.)

Mel'nikov M. *Eksp'eriment nad narodom* [Experiment on the people]. *Sovershenno sekretno* [Top secret], 2019, No. 18-19. (In Russ.)

Muhin Yu.I. *Tiraniya gluposti* [Tyranny of stupidity]. URL: <https://www.libfox.ru/310970-yuriy-muhin-tiraniya-gluposti.html#book> (access date: 19.06.2019). (In Russ.)

Pozner V.V. *Proshchaniye s illyuziyami* [Farewell to illusions]. Moscow, Izdatel'stvo AST Publ., 2012, 480 p. (In Russ.)

Pushkareva N.V. *Russkaya grammatika: ob"edinyayushchij faktor v epohu peremen* [Russian grammar: a unifying factor in an era of change]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current prob-

lems of philology and pedagogical linguistics], 2017, No. 3, pp. 125-134. (In Russ.)

Rambidi N.G., Beryozkin A.V. *Fizicheskie i himicheskie osnovy nanotekhnologii* [Physical and chemical foundations of nanotechnology]. Moscow, Fizmatlit Publ., 2008, 456 p. (In Russ.)

Runin B. *Spor neobhodimo prodolzhit'* [The dispute must be continued]. *Novyj mir* [New world], 1960, No. 11, pp. 195-219. (In Russ.)

Sverzhin V. *Tihookeanskiy gambit* ["Pacific Gambit"]. *Sovershenno sekretno* [Top secret], 2019, No. 18-19, Dec. (In Russ.)

Semin K. *Agitprop. Ideologiya pobedy* [Agitprop. Ideology of victory]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=268163> (access date: 30.04.2019). (In Russ.)

Sindalovskij N. *Legendy peterburgskih sadov i parkov* [Legends of St. Petersburg gardens and parks]. URL: <http://rubooks.net/book.php?book=3274> (access date: 10.05.2019). (In Russ.)

Skovorodnikov A.P. *Ekspressivnye sintaksicheskie konstrukcii sovremenno-russkogo literaturnogo yazyka* [Expressive syntactic constructions of the modern Russian literary language]. Tomsk, Izd. Tomskogo un-ta Publ., 1981, 255 p. (In Russ.)

Solganik G.Ya. *Sovremennaya yazykovaya situatsiya i tendentsii razvitiya russkogo literaturnogo yazyka* [Modern language situation and trends in the development of the Russian literary language]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10: Zhurnalistsika* [Bulletin of Moscow University. Ser. 10, Journalism], 2010, № 5, pp. 122-134. (In Russ.)

Solidarnost' [Solidarity], 2022, № 36. (In Russ.)

Steshin D. *Istoriya uzhe perepisana? Amerika vycherknula Rossiyu iz chisla pobeditelej vo Vtoroj mirovoj* [Has history already been rewritten? America eliminated Russia from the list of winners in World War II]. *Komsomol'skaya pravda*. URL: <https://www.ural.kp.ru/daily/26980.4/4038886/> (access date: 10.09.2020). (In Russ.)

Tarasov A. *Vechnyj pal* [Eternal fall] *Novaya gazeta* [New Newspaper]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/05/28/80685-spustya-15-let-pozhary-proshli-zauralie-privychnym-marshrutom> (access date: 29.05.2019). (In Russ.)

Shichkova E. *Istoki Tazhnogo tupika: istoriya semeystva staroverov Lykovykh* [Origins of the Taiga dead end: the history of the Lykov family of Old Believers]. URL: <https://www.krsk.kp.ru/daily/26974.3/4029274/> (access date: 30.01.2020). (In Russ.)

Vandenko A. *German Gref: ne lgi, ne voruj, ne lenis'* [German Gref: don't lie, don't steal, don't be lazy]. URL: <https://tass.ru/top-officials/6078757> (access date: 30.01.2020). (In Russ.)

Vandenko A. *Sergej Chebotarev: o vysokikh dolzhnostyakh ne mechtal* [Sergey Chebotarev: I didn't dream of high positions]. URL: <https://tass.ru/top-officials/6204184> (access date: 29.04.2020). (In Russ.)

Variativnost' v yazyke i rechi: tez. dokl. mezhdunar. nauch. konf., Minsk, 4-5 apr. 2019 g. [Variation in language and speech]. Minsk, MGLU Publ., 2019, 300 p. (In Russ.)

Vysshij smysl vyborov [Supreme meaning of elections]. *Rossijskaya gazeta* [Russian newspaper], 2003, 5 Sept. (In Russ.)

Yudina N.V. *Russkij yazyk v XXI veke: krizis? evolyuciya? progress?* [Russian language in the 21st century: crisis? evolution? progress?]. Moscow, Gnozis Publ., 2010, 296 p. (In Russ.)

Zaumnoe [Abstruse] *Pishet Doneckij* [Writes Donetsk]. URL: <https://donrf.livejournal.com/1332368.html> (access date: 25.09.2023). (In Russ.)

Zhukova A. *Otec vymolil u tajgi: Agaf'ya Lykova rasskazala legendu o svojom rozhdenii* [Father begged from the taiga: Agafya Lykova told the legend of her birth]. *Komsomol'skaya pravda*. URL: <https://www.samara.kp.ru/daily/26923/3973931/> (access date: 30.03.2021). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.09.2023; одобрена после рецензирования 26.09.2023; принята к публикации 28.09.2023.

The article was submitted 06.09.2023; approved after reviewing 26.09.2023; accepted for publication 28.09.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 181–186. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 3, pp. 181–186. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

УДК 811.161.1'373

EDN CWRBMP

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-181-186>

О СООТНОШЕНИИ ЧАСТОТ СЛОВ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПАРАХ

Кулигин Андрей Сергеевич, кандидат филологических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, askuligin@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9211-6841>

Аннотация. При изучении частотных показателей производной лексики выдвигались гипотезы об их возможной связи с характером словообразовательной мотивации. Однако ввиду большой трудоёмкости ручного количественного анализа эта связь демонстрировалась на материале небольших выборок и для заранее определяемых исследователем групп производных слов. При наличии данных по отдельным словообразовательным типам до сих пор отсутствует общая картина соотношения частотных показателей в разных словообразовательных структурах. В настоящей работе к исследованию привлекается материал электронной лингвистической базы данных «MorphyNet» и «Нового частотного словаря русской лексики». В результате автоматизированного анализа более 50 000 словообразовательных пар в русском языке установлены некоторые виды соотношений частотных показателей производящего и производного. Выявлено несколько словообразовательных типов, для которых характерен определённый вид таких соотношений. Сделан вывод о том, что более высокие показатели частоты производного по сравнению с производящим могут свидетельствовать об ослаблении или видоизменении словообразовательной связи.

Ключевые слова: русское словообразование, словообразовательная пара, словообразовательный тип, словообразовательное значение, словообразовательная мотивация, частотность, количественный анализ, Викисловарь.

Для цитирования: Кулигин А.С. О соотношении частот слов в словообразовательных парах // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 181–186. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-181-186>

Research article

ON THE FREQUENCY OF WORDS IN DERIVATIONAL PAIRS

Andrey S. Kuligin, Candidate of Philological Sciences, Kazan Federal university, Kazan, Russia, askuligin@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9211-6841>

Annotation. When studying the frequency indicators of derivative lexemes, hypotheses were put forward about their possible connection with the nature of motivation. However, due to the great laboriousness of manual quantitative analysis, this connection was demonstrated on the material of relatively small samples and for groups of derivative words predetermined by the researcher. Given the availability of data on individual derivational types, there is still no general picture of the correlation of frequency indicators in different word-formational structures. In this paper, the material of the linguistic database “MorphyNet” and the “New frequency dictionary of Russian vocabulary” is involved in the study. As a result of an automated analysis of more than 50 000 derivational pairs in the Russian language, some types of correlations between the frequency indicators of the source word and of the derived word have been established. Several derivational types have been identified, which are characterized by a certain kind of such correlation. It is concluded that higher frequency rates of the derived word compared to the frequency of the source word may indicate a weakening or modification of the word-formational relations between them.

Keywords: Russian word formation, derivational type, derivational pair, derivational semantics, motivation, frequency, quantitative analysis, Wiktionary.

For citation: Kuligin A.S. On the frequency of words in derivational pairs. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 3, pp. 181–186 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-181-186>

Вопрос о том, как частотность слов в словообразовательной паре связана с их мотивационными отношениями, пока ещё не имеет исчерпывающего ответа. Эта связь отмечалась давно, но изучалась редко и на сравнительно небольших группах производных. Н.Д. Голев предположил, что соотношение частоты мотивирующего и мотивированного регулярно и описывается некоторым коэффициентом [Голев]. Однако эта гипотеза иллюстрировалась им на материале небольшой выборки – рефлексивных глаголов, постфиксальных местоимений и некоторых словообразовательных гнезд. Частотность определялась исследователем по «Частотному словарю русского языка» Л.Н. Засориной, составленному на основе корпуса объёмом один миллион словоупотреблений [Засорина].

В последние годы исследования в этой области активизировались. Во-первых, появилась возможность осуществлять корпусные исследования, вовлекая в исследования большие массивы данных. Во-вторых, частотные показатели производной лексики оказались востребованы за пределами традиционной словообразовательной науки, в психолингвистических экспериментах [Нагель: 44]. Наконец, всё ещё не удовлетворена потребность в объективном и доказательном изучении мотивационных отношений, вследствие чего современные исследователи отказываются от умозрительной интроспекции и предлагают различные способы верификации словообразовательного анализа [Петрухина, Ма Яньхун: 183].

Наше исследование опирается на базу данных проекта «MorphyNet» [Batsuren, Bella, Giunchiglia]. Этот ресурс формируется на основе автоматизированного анализа «Викисловаря» [Wiktionary]. Для русского языка имеется свыше 104 000 записей, которые включают начальные формы и частеречную принадлежность производящего и производного, словообразовательный формант и его класс.

Данные о частоте слов заимствованы нами из электронной версии «Нового частотного словаря русской лексики» О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова [Ляшевская, Шаров]. Словарь создан на основе подкорпуса Национального корпуса русского языка объёмом 92 миллиона словоупотреблений [Национальный корпус]. Записи в словаре содержат указание на часть речи, относительную частоту (ipm), а также дистрибутивные характеристики слова. Минимальная частота сло-

ва в словаре – 33 (0,4 ipm). Объём словаря составляет 52 137 записей.

После предварительной работы по совмещению данных этих двух источников удалось получить 50 415 словообразовательных пар. В 22 224 случаях удалось найти частоту для обоих слов в паре. Ещё в 28 191 случаях частота оказалась известна либо только для производящего, либо только для производного.

Далее для удобства изложения мы будем обозначать мотивирующее слово символом B , мотивированное символом D , а их частоту как $f(B)$ и $f(D)$ соответственно.

Частота слов, не отмеченных в словаре, т. е. не преодолевших принятый в нём частотный порог, принималась условно равной нулю. Вследствие этого мы не рассматривали, как различаются $f(B)$ и $f(D)$ количественно, и фиксировали лишь то, какая из величин больше. Таким образом, все пары $B \rightarrow D$ были разделены на три группы:

- 1) пары с убывающей частотой – $f(B) > f(D)$;
- 2) пары с возрастающей частотой – $f(B) < f(D)$;
- 3) пары с сопоставимой частотой – $f(B) \approx f(D)$.

К последней группе мы отнесли пары, частота слов в которых различалась на 0,5 ipm. Эта величина в целом выбрана произвольно, однако её изменение не сказывается качественным образом на соотношении первой и второй групп.

Количественные отношения групп представлены в таблице 1. Они подтверждают уже известное в дериватологии наблюдение, что мотивирующее слово обычно более частотно, чем мотивированное, и иллюстрируют его конкретными значениями.

Ввиду того, что для большей части изученных пар была известна частота лишь одного слова, мы не можем определить, насколько в среднем различаются $f(B)$ и $f(D)$. Однако возможно установить предельную разницу. Максимальные различия между $f(B)$ и $f(D)$ наблюдаются в парах, где производящее относится к наиболее частотным словам языка: $я (12684,4) \rightarrow якать (0,4)$, $быть (12160,7) \rightarrow избыть (0,6)$, $год (3727,5) \rightarrow годок (1,4)$ и др.

Перейдём к вопросу о связи частоты слов в паре со словообразовательными отношениями. То обстоятельство, что производное, как правило, употребляется не чаще производящего, представляется вполне естественным. Во-первых, на момент формирования

Таблица 1

Соотношение частот производного и производящего в словообразовательных парах

Соотношение	Число пар	Доля, %
$f(B) > f(D)$	38 714	76,8 %
$f(B) < f(D)$	6 351	12,6 %
$f(B) \approx f(D)$	5 350	10,6 %

производного производящее, как правило, уже существует и имеет определённую историю употребления. Во-вторых, производное обычно имеет более специальную семантику, обозначая разновидность, компонент, аспект, характеристику производящего. Вследствие такой детализированной семантики число коммуникативных ситуаций, в которых производное востребовано, должно быть ограниченным. По этой причине мы можем рассматривать соотношение $f(B) > f(D)$ как нормальный случай. Если же производное оказывается более частотным, то перед нами специальный случай, требующий объяснения.

С помощью компьютерной программы изучаемые пары были распределены по словообразовательным типам на основе информации о части речи и форманте, зафиксированной в «MorphoNet». Результаты распределения подвергались выборочной правке. Для каждого построенного типа автоматически вычислялась процентная доля пар с убывающей, возрастающей и сопоставимой частотой. На основании этих значений были выявлены группы типов, где пары с возрастающей частотой практически не встречаются и группы типов, где доля таких пар максимальна.

Приведём примеры типов, в которых число пар с возрастающей частотой не превышает 5 % (в рамках изученной выборки).

1. Существительные и прилагательные с префиксальными формантами *авиа-*, *авто-*, *анти-*, *аудио-*, *без-*, *био-*, *благо-*, *вело-*, *взаимо-*, *видео-*, *вне-*, *внутри-*, *гидро-*, *гипер-*, *дву-*, *до-*, *евро-*, *зоо-*, *из-*, *кибер-*, *кино-*, *контр-*, *мега-*, *меж-*, *мета-*, *микро-*, *милли-*, *много-*, *моно-*, *мото-*, *наи-*, *нано-*, *недо-*, *пере-*, *под-*, *полит-*, *полу-*, *после-*, *пост-*, *пра-*, *пре-*, *пред-*, *противо-*, *псевдо-*, *радио-*, *само-*, *сверх-*, *суб-*, *супер-*, *теле-*, *транс-*, *ультра-*, *фото-*, *электро-*.

Примеры: *визуальный* (8,4) → *аудиовизуальный* (0,8), *влияние* (114,9) → *взаимовлияние* (1,1), *видовой* (3,0) → *внутривидовой* (0,4), *бабка* (42,0) → *прабабка* (1,3) и др.

2. Существительные и прилагательные с деминутивными формантами *-ек*, *-ёк*, *-ёнка*, *-енька*, *-енький*, *-ечко*, *-ик*, *-ичка*, *-(о)ватый*, *-онька*, *-очка*, *-уля*, *-ца*, *-це*, *-цо*, *-ышек*, *-ышко*.

Примеры: *аккуратный* (16,9) → *аккуратненький* (1,1), *время* (2015,7) → *времечко* (1,2), *вещь* (242,5) → *вещичка* (2,6), *дед* (110,1) → *дедуля* (0,9), *блюдо* (31,3) → *блюдец* (5,3) и др.

3. Существительные и прилагательные с аугментативными и оценочными формантами *-ан*, *-ейший*, *-ище*, *-юга*, *-ющий*.

Примеры: *друг* (874,2) → *друган* (0,5), *богатый* (85,0) → *богатеиший* (5,6), *глаз* (857,6) → *глазище* (1,9), *вор* (29,0) → *ворюга* (1,1), *длинный* (170,1) → *длиннющий* (2,9) и др.

4. Фемиативы с формантами *-иня*, *-иха*, *-ша*.

Примеры: *бог* (425,4) → *богиня* (8,1), *слон* (23,8) → *слониха* (0,4), *директор* (222,2) → *директорша* (0,6) и др.

5. Наименования жителей и уроженцев с формантом *-анин*.

Примеры: *Волга* (39,3) → *волжанин* (0,5), *Калуга* (6,3) → *калужанин* (0,7), *юг* (39,5) → *южанин* (1,8) и др.

6. Наименования лиц с формантами *-ёр*, *-ист*, *-овец*.

Примеры: *позировать* (3,4) → *позёр* (0,0), *велосипед* (23,1) → *велосипедист* (2,5), *спецназ* (10,2) → *спецназовец* (3,7) и др.

7. Отвлечённые существительные с формантами *-изм* и *-ость*.

Примеры: *дилетант* (4,4) → *дилетантизм* (0,7), *символ* (46,4) → *символизм* (2,6), *взрослый* (43,4) → *взрослость* (1,0), *святой* (23,7) → *святость* (6,9) и др.

8. Прилагательные со значением притяжательности на *-ин*.

Примеры: *бабушка* (101,8) → *бабушкин* (7,0), *ласточка* (6,4) → *ласточкин* (0,8) и др.

9. Прилагательные со значением «обладающий отличительным признаком» на *-астый*, *-лявый*, *-чатый*.

Примеры: *глаз* (857,6) → *глазастый* (1,7), *кость* (58,5) → *костлявый* (4,7), *бревно* (22,6) → *бревенчатый* (4,9) и др.

10. Глаголы поведения с формантом *-ничать*.

Примеры: *важный* (277,0) → *важничать* (0,6), *откровенный* (21,9) → *откровенничать* (1,4) и др.

Как видим, пары с возрастающей частотой отсутствуют либо редки преимущественно в сфере модификационного словообразования. Словообразовательные значения этих типов регулярны, продуктивны, непосредственно выводимы из словообразовательной структуры деривата, почти всегда лишены каких-либо семантических наращений. Мотивация всегда направлена от более частотного слова к менее частотному.

На противоположном полюсе находятся пары слов, для которых устанавливаются так называемую взаимную мотивацию. Наиболее заметны среди них пары:

1) глагол : существительное с формантом *-ация*: *оперировать* ↔ *операция*, *иллюстрировать* ↔ *иллюстрация*;

2) существительное с семантикой лица : существительное с формантом *-(лог)ия*: *идеолог* ↔ *идеология*, *патриарх* ↔ *патриархия*.

Мы могли бы рассматривать пары «глагол – существительное на *-ация*» как пары с мотивирующим глаголом, согласно известному правилу о том, что в парах слов с одинаковым значением мотивирующим признаётся то, для которого это значение является категориальным. Однако в таком случае

число пар с возрастающей частотой в этом типе достигает 63 %. При этом заметна связь между соотношением частот и характером словообразовательной семантики. Среди пар с убывающей частотой преобладают такие, в которых основным значением существительного является процессуальное значение (*гипнотизация, культивация, характеристика, цитация* и др.). В парах, где частота возрастает, процессуальное значение является неединственным либо невозможным (*администрация, ассоциация, декларация, информация*). Другие примеры представлены в таблице 2. По-видимому, именно такие случаи побудили И.С. Улуханова отказаться от исключительно deverbatивной трактовки *nomina actionis* и выделять так называемую «обратную транспозицию» – мотивацию глагола отвлечённым существительным [Улуханов: 6].

Таким образом, мотивация у данного типа слов не является однородной. В парах с более частотным глаголом мотивация направлена от глагола к существительному: *цитировать* → *цитация*, и словообразовательное значение следует выделять у существительного (*цитация* – действие по глаголу *цитировать*). В парах с более частотным существительным мотивация может быть направлена от существительного к глаголу, если у существительного нет процессуальной семантики (*информация* → *информировать, цивилизация* → *цивилизовать*) или являться двунаправ-

ленной (*оперировать* ↔ *операция, комбинировать* ↔ *комбинация*).

Аналогичные явления мы можем наблюдать среди других словообразовательных типов. В частности, среди deverbatивов на *-ка* и *-ние* встречаются пары с возрастающей частотой, в которых производные также не имеют чисто процессуальной семантики: *отставить* (7,4) → *отставка* (32,5), *упаковать* (6,2) → *упаковка* (16,7), *парковать* (0,4) → *парковка* (4,4), *командировать* (3,7) → *командировка* (27,2), *исследовать* (38,6) → *исследование* (200,5), *оборудовать* (15,9) → *оборудование* (90,5), *образовать* (21,4) → *образование* (188,9), *соревноваться* (6,1) → *соревнование* (32,7), *основать* (51,0) → *основание* (158,8). Несмотря на то, что направление мотивации в этих примерах однозначно, семантика производного уже не определяется всецело значением производящего слова. Здесь наблюдаются семантические наращения и конкретизация отвлечённых имён.

В некоторых случаях частота слов в паре и направление мотивации соотносятся более регулярным образом. Рассмотрим, например, группу словообразовательных пар *глагол : прилагательное на -кий*. С семантической точки зрения эта группа разбивается на два словообразовательных типа:

1) с мотивирующим глаголом и семантическим отношением «X: тот, который хорошо / часто / много /

Таблица 2

Соотношение частот слов в парах «глагол – существительное на -ация»
(V – глагол, S – существительное; частота приводится в ipm)

$f(V) > f(S)$				$f(V) < f(S)$			
глагол		существительное		глагол		существительное	
гипнотизировать	2,1	гипнотизация	0,0	администрировать	0,0	администрация	98,3
декламировать	2,9	декламация	1,1	ассоциировать	1,8	ассоциация	44,9
демонстрировать	34,3	демонстрация	20,8	декларировать	4,5	декларация	16,3
дискредитировать	3,9	дискредитация	2,7	декорировать	1,0	декорация	19,4
доминировать	8,0	доминация	0,0	делегировать	2,5	делегация	28,9
драматизировать	1,1	драматизация	0,0	интерпретировать	4,4	интерпретация	19,8
идеализировать	2,0	идеализация	1,0	интонировать	0,4	интонация	27,0
имитировать	7,4	имитация	5,9	информировать	9,5	информация	269,2
инактивировать	2,3	инактивация	0,9	комбинировать	1,6	комбинация	17,3
иницировать	8,1	инициация	1,1	консультировать	2,5	консультация	21,7
инкриминировать	1,2	инкриминация	0,0	концентрировать	2,1	концентрация	40,1
компрометировать	2,9	компрометация	0,4	модернизировать	3,7	модернизация	27,4
констатировать	16,9	констатация	2,5	оперировать	12,9	операция	153,3
культивировать	3,8	культивация	0,0	организовать	65,1	организация	312,4
парализовать	8,6	парализация	0,0	приватизировать	5,3	приватизация	25,7
препарировать	1,3	препарация	0,0	публиковать	15,0	публикация	48,7
пульсировать	3,6	пульсация	1,8	реализовать	44,8	реализация	95,1
регламентировать	8,8	регламентация	2,2	регистрировать	9,4	регистрация	52,1
характеризовать	22,9	характеризация	0,0	цивилизовать	0,5	цивилизация	40,4
цитировать	18,6	цитация	0,0	эксплуатировать	7,5	эксплуатация	54,0

Соотношение частот слов в парах «глагол : прилагательное на -кий»
(V – глагол, Adj – прилагательное; частота приводится в ipm)

$f(V) > f(Adj)$				$f(V) < f(Adj)$			
глагол		прилагательное		глагол		прилагательное	
броситься	59,5	броский	2,2	близить	0,0	близкий	206,8
валиться	12,7	валкий	0,0	гладить	19,1	гладкий	23,9
весить	7,8	веский	4,9	громоздить	0,7	громоздкий	7,1
звенеть	16,3	звонкий	11,9	жидить	0,0	жидкий	23,0
зреть	5,4	зоркий	3,4	коротить	0,0	короткий	175,6
манить	7,3	манкий	0,0	крепить	3,1	крепкий	73,6
марать	1,2	маркий	0,0	низить	0,0	низкий	160,7
метить	4,6	меткий	3,7	редить	0,0	редкий	90,2
мыть	0,5	мыльный	0,0	робеть	4,6	робкий	12,1
скользить	15,7	скользкий	11,8	сладить	1,6	сладкий	38,4
топить	11,3	топкий	1,1	хрупать	0,0	хрупкий	16,7
трясти	17,5	трясый	0,7				
хлестать	6,8	хлесткий	0,0				
ходить	296,6	ходкий	0,4				
шататься	8,1	шаткий	4,3				

интенсивно X-ит» (*весить* : *веский*, *звенеть* : *звонкий*).

2) с мотивирующим прилагательным и семантическим отношением «X : делать / становиться X-им» (*близкий* : *близить*, *гладкий* : *гладить*, *робкий* : *робеть*). При этом в первой группе более частотным является глагол, а во второй – прилагательное, то есть именно мотивирующее слово (табл. 3).

Комментария требует пара *хрупать* : *хрупкий*. Здесь, очевидно, имеет место омонимия лексем *хрупкий*₁ «непрочный» и *хрупкий*₂ «издающий хрустящий звук». Лексему *хрупкий*₁, видимо, следует рассматривать как немотивированную, а *хрупкий*₂ – как мотивированную глаголом *хрупать* «есть с хрустящим звуком».

Примеры пар с возрастающей частотой можно найти и среди деминутивов, в которых семантика уменьшительности утрачена, а значение претерпело метафорический или метонимический перенос: *скоба* (3,8) → *скобка* (6,4), *булава* (0,8) → *булавка* (4,9), *вилы* (3,2) → *вилка* (16), *олива* (0,8) → *оливка* (1,5), *мех* (13,1) → *мешок* (61,1), *порох* (6,5) → *порошок* (16,8) и др. Полагаем, что утрата производным типового словообразовательного значения и развитие новой семантики, которые наблюдаются в перечисленных случаях, можно рассматривать как признак ослабления или видоизменения словообразовательной связи. С формальной точки зрения возрастающая частота в словообразовательной паре является указанием на подобное изменение.

Кроме того, можно предполагать, что мотивация может быть непрозрачна в парах, где производящее является редко употребительным словом. Например,

внимать (6,2) → *внимание* (286), *преступить* (1,1) → *преступление* (84,6), *клеть* (1,2) → *клетка* (109,6).

Важно отметить, что соотношение $f(B) < f(D)$ само по себе не может служить доказательством изменённой мотивации, а соотношение $f(B) > f(D)$ – системной и регулярной. Количество контрпримеров в таком случае было бы слишком велико, чтобы использовать частоту как операциональный критерий. Употребительность слова зависит от неопределённого количества факторов, а его оценка страдает от неизбежных погрешностей, обусловленных дизайном корпуса и возможностями программного обеспечения. При вычислении частоты на ином материале это соотношение может качественно измениться. Кроме того, частотные словари основаны, как правило, на анализе письменных текстов, в то время как многие словообразовательные процессы протекают в устной коммуникации. Существенным нам представляется наличие в словообразовательном типе некоторой заметной доли пар с отношением $f(B) < f(D)$, так как их большое количество может свидетельствовать о том, что в действительности мы имеем дело с несколькими типами либо что семантические отношения в типе носят нерегулярный характер.

Таким образом, среди словообразовательных пар с возрастающей частотой наблюдается большое количество случаев, в которых мотивационные отношения теряют «предписанный» словообразовательным типом регулярный характер. Разумеется, определять силу и направление мотивации по одному лишь соотношению частоты мы не в праве, поскольку частота обусловлена внешними по отношению к словообра-

зованию причинами. Представляется, что показатели частотности имеют в первую очередь методологическую значимость. Возрастающая частота в паре может рассматриваться как признак того, что в речи для неё сложились условия, которые привели либо могут привести к ослаблению или видоизменению словообразовательной связи между её членами. Этим признаком можно воспользоваться для выявления таких пар в массиве лингвистических данных. Однако окончательное решение о характере мотивационных отношений нельзя принять без соответствующего словообразовательного анализа.

Список литературы

Голев Н.Д. Количественный аспект мотивационно-словообразовательных отношений (на материале отыменных образований русского языка). URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v88.html> (дата обращения: 20.06.2023).

Нагель О.В. Соотношение частотности и возраста усвоения русского производного имени и его мотивирующего слова / О.В. Нагель, Н.Ф. Кокшарова, А.С. Буб // Язык и культура. 2016. № 1. С. 43–57.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.06.2023).

Новый частотный словарь русской лексики / Ляшевская О.Н., Шаров С.А. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 20.06.2023).

Петрухина Е.В., Ма Яньхун. Неединственная словообразовательная мотивация в русском языке и способы её верификации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 1. С. 181–187.

Русская грамматика: в 2 т. / под ред. Н.Ю. Шведовой. Москва: Наука, 1980. Т. 1. 789 с.

Улукханов И.С. Глагольное словообразование современного русского языка. Т. 1: Глаголы, мотивированные именами и междометиями. Москва: Издательский центр «Азбуковник», 2015. 330 с.

Частотный словарь русского языка / под ред. Л.Н. Засориной. Москва: Рус. яз., 1977. 535 с.

Batsuren Kh., Bella G., Giunchiglia F. MorphyNet: a Large Multilingual Database of Derivational and Inflectional Morphology. URL: <https://aclanthology.org/2021.sigmorphon-1.5/> (access date: 20.06.2023).

Wiktionary. URL: <https://www.wiktionary.org/> (access date: 20.06.2023).

References

Chastotnyi slovar' russkogo iazyka [Frequency Dictionary of the Russian Language], ed. by L.N. Zazorina. Moscow, Russkiy iazyk Publ., 1977, 535 p. (In Russ.)

Golev N.D. *Kolichestvennyi aspekt motivatsionno-slovoobrazovatel'nykh otnoshenii (na materiale otymennykh obrazovaniy russkogo iazyka)* [Quantitative aspect of motivational and derivational relations (based on the nominal formations of the Russian Language)]. URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v88.html> (access date: 27.08.2017). (In Russ.)

Nagel' O.V. *Sootnoshenie chastotnosti i vozrasta usvoeniia russkogo proizvodnogo imeni i ego motiviruiushchego slova* [Age-of-acquisition and frequency correlation for Russian derivatives and their base words], O.V. Nagel', N.F. Koksharova, A.S. Bub. *Iazyk i kul'tura* [Language and culture], 2016, No. 1, pp. 43-57. (In Russ.)

Natsional'nyi korpus russkogo iazyka [The Russian National Corpus]. URL: <http://ruscorpora.ru> (access date: 20.06.2023).

Novyi chastotnyi slovar' russkoi leksiki [New frequency dictionary of Russian vocabulary], Liashevskaya O.N., Sharov S.A. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (access date: 20.06.2023). (In Russ.)

Petrukhina E.V., Ma Yanhong. *Needinstvennaia slovoobrazovatel'naia motivatsiia v russkom iazyke i sposoby ee verifikatsii* [Non-unique derivational motivation in Russian and ways of its verification]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2020, No. 1, pp. 181-187. (In Russ.)

Russkaia grammatika: v 2 t. [Russian grammar: in 2 vols.], ed. by N.Iu. Shvedova. Moscow, Nauka Publ., 1980, vol. 1, 789 p. (In Russ.)

Ulukhanov I.S. *Glagol'noe slovoobrazovanie sovremennogo russkogo iazyka. T.I: Glagoly, motivirovannye imenami i mezhdometiiami* [Verbal word formation of the modern Russian language. Vol. I: Verbs motivated by names and interjections]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2015, 330 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.06.2023; одобрена после рецензирования 27.07.2023; принята к публикации 30.08.2023.

The article was submitted 11.06.2023; approved after reviewing 27.07.2023; accepted for publication 30.08.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 187–193. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 3, pp. 187–193. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

УДК 811.112.2

EDN DEXQNI

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-187-193>

ГРАНИЦА КАК ФОРМО- И СМЫСЛООБРАЗУЮЩИЙ ПРИНЦИП ОРГАНИЗАЦИИ ЛИРИЧЕСКОГО МИРА Й. БОБРОВСКОГО («DIE JUNGE MARFA»)

Мельникова Ирина Марковна, кандидат филологических наук, доцент, Самарский государственный технический университет, Самара, Россия, Ir.ma53@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7686-5834>

Аннотация. Исследование посвящено проблеме художественного языка словесного искусства, в частности лирики XX века.

В статье отмечается, что вслед за изменением сознания человека на рубеже XIX–XX веков произошло изменение роли автора в поэтическом высказывании. Опыт границы, переживаемый в различных формах человеком рубежа веков, реализуется в языках искусства. Целью работы является исследование феномена границы в лирическом произведении, его функций и формах на уровне структуры художественного образа и организации поэтического высказывания. Материалом послужило стихотворение Й. Бобровского «Die junge Marfa» как типичный пример осознанной творческой деятельности автора по созданию нового художественного языка. В статье рассматриваются важнейшие поэтологические категории как граница, как результат встречи личного и сверхличного в диалоге творческого субъекта с универсальным общечеловеческим опытом. Такой подход с позиции теории автора и проблемы художественной деятельности позволяет обнаружить формо- и смыслообразовательный механизм феномена границы, а также увидеть произведение не только как итог, но и как процесс деятельности автора. Проведенный анализ показывает, как творческий субъект в диалоге с границами жанра и других поэтологических категорий оспаривает и утверждает их. Автор, создавая тем самым новые границы, дает им жизнь в новом материале.

Ключевые слова: граница, язык искусства, формо- и смыслообразующая функция, поэтологические категории, художественная деятельность автора.

Для цитирования: Мельникова И.М. Граница как формо- и смыслообразующий принцип лирического мира Й. Бобровского («Die junge Marfa») // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 187–193. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-187-193>

Research Article

THE BORDER AS A FORM- AND MEANING-FORMING PRINCIPLE OF THE LYRICAL WORLD OF J. BOBROVSKY («DIE JUNGE MARFA»)

Irina M. Melnikova, PhD Philological Sciences, Associate Professor, Docent, Samara State Technical University, Samara, Russia, Ir.ma53@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7686-5834>

Abstract. The study is devoted to the problem of the artistic language of verbal art, in particular, the German-language lyrics of the 20th century. The article notes that changes in the consciousness of a person at the turn of the XIX–XX centuries led to a change in the role of the author in the poetic statement. The experience of the border in its various manifestations finds its realization in the languages of the arts of the twentieth century. The purpose of the work is to study the phenomenon of the boundary in verbal art, its functions and forms of implementation at the level of the structure of the artistic image and the organization of the poetic statement. The material was a poem by the German-speaking poet Y. Bobrowski as a typical example of conscious creative work to create a new artistic language. In the article the main literary categories are presented as a border and as a result of the meeting of the individual and the supra-individual in the dialogue of the creative subject with universal human experience. Such an approach from the standpoint of the author's theory and the problem of artistic activity makes it possible to discover the form and meaning-forming mechanism of the border. The example of analysis shows how a creative subject in a dialogue with genre structures and other poetological categories, challenging or confirming their boundaries, creates new boundaries that give them life in new material.

Keywords: the border, the language of art, the function that creates meaning and form, poetological categories, the artistic activity of the author.

For citation: Melnikova I.M. Grenze als form- und bedeutungsbildendes Prinzip der lyrischen Welt J. Bobrowskis ("Die junge Marfa"). Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 3, pp. 187–193 (In Germ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-187-193>

GRENZE ALS FORM- UND BEDEUTUNGSBILDENDES PRINZIP DER LYRISCHEN WELT J. BOBROWSKIS (“DIE JUNGE MARFA”)

Melnikova Irina Markovna, PhD, Dozent, Staatliche Technische Universität Samara, Samara, Russland, Ir.ma53@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7686-5834>

Anmerkung. Die Studie widmet sich dem Problem der künstlerischen Sprache der verbalen Kunst, insbesondere der deutschsprachigen Lyrik des 20. Jahrhunderts. Der Artikel stellt fest, dass sich das Bewusstsein eines Menschen an der Wende vom 19. zum 20. Jahrhundert verändert hat. Das führte zu einer Veränderung der Rolle des Autors in der poetischen Aussage. Die in unterschiedlichen Erscheinungsformen erlebende Grenzerfahrung findet ihre Verwirklichung in den Sprachen der Künste des 20. Jahrhunderts. Ziel der Arbeit ist es, das Phänomen der Grenze in der verbalen Kunst, ihre Funktionen und Umsetzungsformen auf der Ebene der Struktur des künstlerischen Bildes und der Organisation der poetischen Aussage zu untersuchen. Stoff war ein Gedicht des deutschsprachigen Dichters J. Bobrowski als typisches Beispiel bewusster kreativer Arbeit zur Schaffung einer neuen künstlerischen Sprache. In dem Artikel werden die wichtigsten literarischen Kategorien als Grenze und als Ergebnis der Begegnung des Einzelnen und des Überindividuellen im Dialog des schöpferischen Subjekts mit der universellen menschlichen Erfahrung dargestellt. Eine solche Herangehensweise aus der Sicht der Theorie des Autors und der Problematik der künstlerischen Tätigkeit ermöglicht es, die Form und den Bedeutungsbildungsmechanismus der Grenze zu entdecken. Durchgeführte Analyse zeigt, wie ein kreatives Subjekt im Dialog mit Genrestrukturen und anderen poetologischen Kategorien, indem es deren Grenzen herausfordert oder bestätigt, neue Grenzen schafft, die ihnen Leben in neuem Material verleihen.

Schlüsselwörter: die Grenze, Sprache der Kunst, form-und-sinnbildende Funktion, poetologische Kategorien, künstlerische Tätigkeit des Autors.

Die sozialpsychologische Erfahrung des 20. Jahrhunderts, geprägt von einer Reihe sozialer Katastrophen und dem Bruch ethischer Ideale, kann als Erfahrung des Grenzübertretts in seinen verschiedenen Erscheinungsformen betrachtet werden. Die Aktualisierung des Grenzerlebnisses wird zu einem spezifischen Merkmal der künstlerischen Kultur der Jahrhundertwende [Rymar 2021b]. Das Phänomen der Grenze, die man entweder als Quelle des Neuen oder als Barriere erlebt, zieht auf sich die Aufmerksamkeit nicht nur von Philosophen und Kulturwissenschaftlern, sondern auch Schriftstellern.

Beim Studium der künstlerischen Sprache und zwar ihrer Formen stützen wir uns auf die grundlegenden Werke von M. Bachtin, Ju. Lotman, N. Rymar. Der spezifische Ort der Kunst ist die Grenze der Kulturbedeutungen. Die Kunst endet dort, wo sie mit dem Hintergrund zusammenfällt. Die Grenze ist die Quelle aller Kunst, ihre Existenzbedingung und Existenzform [Bachtin 1975: 59-61; Lotman 2004: 257-268].

Die Erörterung von verschiedenen Formen und Funktionen der Grenze in den Kunstsprachen ist für die Literaturwissenschaft aktuell [Belarew 2019: 3-29]. Sie bildet die theoretischen Voraussetzungen für das Verständnis von Mechanismen der Sinnbildung in den Sprachen der Kunst [Rymar 2016; 2021a; 2021b]. Allerdings bleibt der Mangel an Kriterien zur Bestimmung der Grenze als Mechanismus der Form- und Bedeutungsbildung weiterhin ein literarisches Problem. Dies verhindert eine breite Verwendung des Konzepts der Grenze für die Analyse künstlicher Sprache sowohl in den heimischen als auch in den westlichen Studien, wo sich die Theorie im soziokulturellen Aspekt erfolgreich entwickelt [Luhman 1987; Hendler 2003: 125-131; Albrecht 2004: 87-91].

Sehr produktiv erweist sich in dieser Hinsicht die Auseinandersetzung mit dem Phänomen der Grenze in den Bildgestaltungsformen der Lyrik, denn die beschriebene Dichte der Versreihe bedingt eine ganz besondere Intensität dieser Prozesse [Tynjanow 2002: 31-71]. Das lyrische Bild ist eben die Grenze, ein verhältnismäßig kleiner Raum, wo sich eine große Zahl von Relationsbeziehungen verschiedener Ebenen in den Werkorganisation ansammelt.

Dieser Raum der Grenze hat indessen seine eigene Grenze. Wir bezeichnen die Grenze, die das Wesen der Gattungsform mit ihren gattungsspezifischen Inhalten strukturiert und prägt, als *obere* Grenze. In diesem Modus kann die Form des lyrischen Gedichts betrachtet werden. Schon die Form des Gedichts gehört zu den wesentlichen Merkmalen der lyrischen Gattung. Als Gattungsform schafft die Lyrik inhaltsreiche Grenzen für ein lyrisches Bild, das in Form eines lyrischen Gedichts konzipiert ist.

Die Ebene der lautlichen Organisation eines Gedichts, die der individuellen Erfahrung des Subjekts Form gibt, nennen wir *untere* Grenze. So entwickelt sich das poetische Bild in der Spannung zwischen den Ebenen des kollektiven Gedächtnisses und der individuellen Aussage. Diese untere Grenze ist selbst ein Raum von Beziehungen, der auch entsprechende Grenze hat die obere und die untere Grenze.

Für die theoretische Erörterung des Problems der Grenze als Problem der Sprache der Kunst kann die Analyse eines Werkes besonders ergiebig werden, das die Erfahrung der Grenze zu seinem Gegenstand hat. Die Struktur der poetischen Sprache Johannes Bobrowski ist durch die Grenzerfahrung des lyrischen Subjekts bedeutend geprägt, aber nicht nur auf der semantisch-

stilistischen und thematischen Ebene [Albrecht; Haufe; Hendler; Behrmann], sondern auch in seiner Aufbauform. Betrachten wir Bobrowskis Gedicht «Die junge Marfa» näher aus dieser Perspektive:

«In der gelben Glut der Schlangennester
ruhend, Marfa, hinterm Schlummerkraut, –
eine Wolke, müdewehte Schwester,
taumelt fort, es rührt ihr Wind die Haut.

In der Hüfte noch, im Schoße, Nächte
hütet sie im Schatten einer Hand,
singt das Alte: wie die Mondenflechte
überwuchs den Himmel und das Land.

Ganz im Dunkel fällt sie bei den Steinen
die benarbteten Hügelpfade ab.
Wann denn kommst du, Eignes zu beweinen,
Windbruch zu verstreuen um Marfas Grab?»

[Bobrowski 1968: 5].

Die Gattung schafft einen bestimmten Gesichtspunkt, eine Gestaltungsstruktur, die von der Tradition, vom Kollektivbewusstsein geprägt ist und aktiv sinnbildend wirkt. Das sind in erster Linie Grenzen, auch rein inhaltlich-typologische. So sieht N. Rymar die Wertigkeit der lyrischen Gestaltungsform darin, dass «der Mensch in der Lyrik, soweit er als lyrisches Ich auftritt, aufs Äußerste beschränkt ist: er hat keinen Lebenslauf, keinen Charakter, kein Gesicht...» [Rymar, Skobelew 1994: 213]. Aber die lyrische Gestaltung entwickelt in diesem Punkt des Verschwindens und eines fast Nicht-Seins einer Menschenperson ein erstaunlich intensives Leben: das schöpferische Subjekt erarbeitet aus diesem engen, vielerlei beschränkten Existenzkreis eine «volle Fülle der Realisierung des Menschlichen» [Rymar, Skobelew 1994: 213]. Schon auf dieser oberen Grenze des poetischen Bildes – auf der gattungsspezifischen Sinnenebene des «schöpferischen Aktes als Überwindung des Lebensstoffes und der Verarbeitung, als Entfaltung lebenswichtigen Werten aus dieser trägen Materie» [Rymar, Skobelew 1994: 211] – kündigt sich das Motiv der Überschreitung und Wiedererstehung an, das auch für dieses Gedicht aktuell ist. Die *untere* Grenze des Bildes, die Lautebene des Gedichts, die die empirische, subjektive und zugleich kollektive Erfahrung in der individuellen Form erscheinen lässt, verfügt über eigene Struktur. Als der obere Rahmen dieser Ebene erweist sich das Versmaß, das in seinem Gedächtnis die allgemeine Kultur Erfahrung enthält. Das Metrum als Grenze strukturiert das Individuelle auf der Lautebene und lässt das endlose Leben in der Bestimmtheit konkretisiert und für das menschliche Bewusstsein begreifbar auftreten [Rymar, Skobelew 1994: 121]. Aber auch das Individuelle strukturiert seinerseits die tragenden Formen der kollektiven Erfahrung. Als eine Art der Grenze und als ein universelles strukturierendes Prinzip des poetischen

Werkes gilt die Wiederholung. Auf verschiedenen Ebenen des Gedichts und in differentiellen Formen realisiert, fundiert die Wiederholung den Rhythmus des Werkes. Der Rhythmus, eine der Erscheinungsformen der Grenze und das «strukturbildende Prinzip» [Lotman] prägt das Raster des Gedichts. Der Rhythmus hängt an der allgemeinen Einstellung des Werkes und ergibt sich als Ergebnis der ganzen schöpferischen Tätigkeit des Subjekts, als Ergebnis des Zusammenwirkens aller Rhythmen, der Umarbeitung des ganzen Materials in eine Ganzheit [Rymar 2016: 36].

Auf der Lautebene offenbart sich die Wiederholung in der Folge von betonten und unbetonten Silben wie auch von Pausen, d.h. im Versmaß des Gedichts. Das Metrum als Kulturprodukt prägt die Tonalität, strukturiert Bilder und Motive, die auf anderen Ebenen im Prozess des Zusammenwirkens von verschiedenen Komponenten zum Vorschein kommen. So entscheidet sich der Dichter für den fünfhebigen Trochäus. Die Realisierung der Gefühle und Emotionen des Subjekts erfolgt in Übereinstimmung mit der Tradition, mit der allgemeinemenschlichen Erfahrung, die in der stabilen Struktur – im Metrum – steckt. Der fünfhebige Trochäus «bewahrt in seinem Gedächtnis fünf Motive: die Nacht, die Landschaft, die Liebe, den Tod und den Weg» [Gasparow 1999: 244-265]. Dazu führt Bobrowski noch Motive des Liedes und der Heimat ein, die der Dichter im Dialog mit der Tradition, dem kollektiven Bewusstsein aktualisiert hat.

Es lohnt sich, die Geschichte des Trochäus noch weiter zu verfolgen. Der am Ende des 18. Jahrhunderts unter dem Einfluss des südslawischen serbischen zehnsilbigen Metrums entwickelte fünfhebige Trochäus kehrte durch Lermontows Lyrik wieder in die slawische Poesie zurück. Rilke las Lermontows Gedicht «Ich gehe alleine auf die Straße...» und übersetzte es ins Deutsche [Gasparow 1999: 263]. Dank dieser Übersetzung wurde das Metrum in Deutschland wieder präsent [Gasparow 1999: 263]. Auf diese Weise wird in Bobrowskis Gedicht schon auf der rhythmischen Ebene der Dialog mit der slawischen Kultur sichtbar. Das slawische Thema wird auch durch den Namen Marfa unterstützt. So wird die Grenzerfahrung des Dichters auf der Ebene des Metrums als Interaktion in einem Dialogformat erkannt. Indem er sich dem fünfhebigen Trochäus zuwendet, bestätigt der Dichter das abstrakte Schema. Zugleich entwickelt er die Semantik des Metrums, indem er es mit seinem eigenen Material füllt. Auf der metrischen Ebene des Gedichts offenbart sich ein Dialogmodell der Weltwahrnehmung. Dieses Motiv wird in letzten Versen entfaltet und ergänzt. Der Autor appelliert an den Leser und ruft zur aktiven Teilnahme auf.

Auffallend ist, dass jede von den drei Strophen syntaktisch und semantisch abgeschlossen ist; jede Strophe erhält ihren eigenen Rhythmus. Die graphischen Grenzen unterstreichen ihre Autonomie. So imitiert die

sich erhebende und anschließend sinkende Spannung in der 1. Strophe den Atemrhythmus. In der 2. Strophe zeigt der gespannte Rhythmus die innere Bewegung der Figur; er steht im Einklang mit dem Pochen des Herzens. Der Rhythmus der 3. Strophe wird durch das Zusammenwirken der beiden Rhythmen geprägt. Er wirkt ganz eigenartig. Die Erhebung alles Einzelnen lässt einen stabilen Rhythmus verfolgen, der dem Atem der Natur selbst gleicht, dem Wechsel von Tag und Nacht, Winter und Sommer, Leben und Tod. Der anaphorisch-phonologische Komplex *In der* verbindet die metrisch selbständigen 1. und 2. Strophen. Der Anfang der 3. Strophe fällt phonetisch mit den anderen nicht zusammen. Damit wird die Trägheit der Struktur gelöst, die Verbindung zwischen den Strophen wird anders realisiert; sie beruht auf grammatischen Beziehungen in Form des Parallelismus.

Im Folgenden wird auf die Realisierung dieses und auch anderer Motive auf der Lautebene eingegangen. Der Anfang der ersten Zeile prägt den Rhythmus der Spannung bei der Überschreitung der Grenze. Das Nebeneinander differentieller nach dem Verfahren und Ort der Bildung Konsonanten verwirklicht die Grenze zwischen ihnen, die es nicht erlaubt ihre Besonderheiten zu verlieren. Dank der Wiederholung fungiert der Lautkomplex *nd* als Grenze und bildet einen eigenartigen Rahmen, der den poetischen Rahmen von der realen Außenwelt trennt. Wir sehen diesen Lautkomplex in der ersten (*In der*) und in der letzten Zeile (*Windbruch*). Eine nicht vollständige Wiederholung löst die Regelung aus [Lotman 1970: 140] und aktiviert sie gleichzeitig. Die Lautgruppe *nd* strukturiert einerseits einen ungeteilten semantischen Raum und differenziert ihn andererseits. Die Alliteration bringt die Wörter *ruhend* und *Wind* in eine nähere Beziehung, zugleich werden die Wörter durch ihre Sinnunterschiede abgesondert. Die Antithese Ruhe – Bewegung hat einen ähnlichen Effekt. Dabei erhält das Wort *Wind* die Bedeutung von «Ruhe» und verliert zugleich seine dem Wort *ruhend* übergebene «Freiheit». Auf der Grenze zwischen diesen Wörtern entsteht Spannung, in der neuer Sinn und neue Bedeutungen gebildet werden.

Die ausführliche Analyse der lexikalisch-grammatischen Ebene erweist sich als ein guter Zugang zur Problematik. Der Ausgangspunkt der Darstellung in der Lyrik ist das Bewusstsein, und die Organisation der poetischen Welt vollzieht sich mit Hilfe einer besonderen Formierung – einer «lyrischen Gliederung» [Rymar] der gegenständlichen Welt. Diese Gliederung ergibt sich aus der Isolation in der Auswahl der Gegenstände, Erscheinungen, Werte, bei ihrer Freistellung vom notwendigen Zusammenhang «mit der Natur und mit der Einheit des ethischen Ereignisses» [Bachtin 1975: 142]. Die Isolation vernichtet «alle dinglichen Inhaltsmomente» [Bachtin 1975: 143], und so werden diese Gegenstände zum Ausdruck des Bewusstseins des Subjekts.

Auf der semantischen Ebene lässt sich der Bestand der gegenständlichen Welt in zwei gegenüberstehende Gruppen teilen. Das sind Substantive, die einerseits Naturscheinungen, andererseits Erscheinungen der Menschenwelt bezeichnen. Die Naturwelt ist auch nicht homogen und lässt sich in zwei gegenüberstehende Naturkräfte teilen: den Himmel (*Wolke, Wind*) und das Land (*Stein*).

Darüber hinaus gibt es eine Reihe von Substantiven, in deren Semantik die verbindende Funktion der Grenze sichtbar wird. So verbindet ein gemeinsames semantisches Feld (das Schlafen) im Bild *Schlummerkraut* die Natur- und Menschenwelt. Das Bild *Windbruch* tritt als materielle Grenze zugleich sowohl im System von Zeit-Raum-Beziehungen als auch im existentiellen Sinne auf. Früher war es ein grüner Baum, der zwei Naturkräfte verband: den Himmel und die Erde. Im Moment liegt Windbruch auf dem Boden als Totholz: abgebrochene und verdorrte Äste. Das Wort *Mondenflechte* enthält schon auf der Ebene der Wortstruktur eine Grenze. Das Grenzphänomen ist von Natur aus ambivalent. Die Grenze gliedert und verbindet zugleich und gehört beiden Seiten. So treffen sich im Wort *Mondenflechte* Vertreter zweier Welten: *der Mond* als Vertreter der Naturwelt und *die Flechte* als Mädchenzöpfe ein Teil des menschlichen Körpers. Somit konstituiert sie ein neues gemeinsames Feld von Bedeutungen. Das Wort *Mondenflechte* verbindet die unterschiedlichen Bereiche: die Natur und die Menschenwelt. Die Grenze strukturiert und organisiert: der Mond verbindet durch seine Flechte Marfa und die Natur und lässt den Menschen in einem Rhythmus mit der Natur leben und wirken. Durch den Mond werden die Vergangenheit und die Zukunft verbunden. Der Mond kann auch den Schwellenzustand symbolisieren, wenn der Tag vorbei ist und die Nacht noch nicht gekommen ist. Das eine geht in das andere über und die Grenze zwischen ihnen löst sich auf. Ein anderes Gesicht des Mondes: Es entsteht ein festes System von binären Oppositionen: Tag und Nacht, Licht und Schatten. Das Licht, das der Mond ausstrahlt, kann nur bei dem Vorhandensein des Schattens existieren. Je dunkler der Schatten ist, desto heller scheint der Mond. Die Ambivalenz der Grenze besteht darin, dass sie gleichzeitig trennt und verbindet.

Die Motive der Glut und des Dunkels sind fühlbare Erscheinungen, die weit und breit durchdringen. Die Glut lässt alles erweitern und vergrößern und strebend zur formlosen Masse verliert die deutlichen Formen. Das Dunkel wird visuell wahrgenommen. Unter seiner Einwirkung verschwinden die Grenzen der Gegenstände, ihre Konturen verschmelzen mit der Umgebung, sie gestalten sich zu einer gemeinsamen, ungegliederten Masse um. Alles scheint ununterscheidbar zu sein: der Himmel und die Erde, die Nähe und die Ferne. Der Schleier der Nacht verbirgt einen unaufhörlichen Lebensverlauf.

Der Gang der Dinge und der Charakter der Verhältnisse sind vom lyrischen Subjekt nicht zu kontrollieren, denn sie sind aus dem gemeinsamen Strom des Lebens nicht auszugliedern.

Diese unsichtbaren, ununterscheidbaren und folglich ungeordnet erscheinenden Verhältnisse treten als Chaos auf. Wie aus dem Chaos die Welt erschaffen wurde, so tritt die Welt mit dem ersten Strahl aus dem Dunkel in Erscheinung. So wird uns auf diese Art und Weise eine Möglichkeit gegeben, die Erschaffung der Welt immer wieder zu erleben. Folglich gilt das Dunkel als ein Moment vor der Erschaffung der Welt, als das Warten auf Gott und seine kreative Aktivität.

Die ursprüngliche Naturwelt stellt sich in der ganzen Fülle und Vielfalt als ein einsamer lebendiger Organismus mit vielfältigen und vielstufigen Verhältnissen heraus. Die in der Naturwelt vorhandene Entgegensetzung ist Form und Bedingung ihrer Existenz. Jede Komponente der binären Opposition kann ohne ihr Gegenteil nicht existieren. Schon in seiner Existenz hat ein Gegenteil Keime der gegenüberliegenden Komponente. So hat der Tag Keime der Nacht in sich, und die Nacht ihrerseits bedingt den Tag. In der Naturwelt gibt es eine Vielfalt von ähnlichen Oppositionen. Die Grenze zwischen diesen zwei Komponenten erweist sich als bedeutender Höhepunkt, da sie von beiden Seiten belastet wird. Die Umwandlung der einen Komponente in eine andere basiert auf der Grenzüberschreitung, die sich beständig vollzieht. Diese Grenzüberschreitung ist eine Voraussetzung bzw. ein Grund des Zusammenwirkens der Dinge, die als eine Form der Grenzenlosigkeit des ewigen und endlosen Lebens zu deuten ist. Gerade dieses Modell liegt der poetischen Welt Bobrowskis zugrunde; ihr sinnbildendes Prinzip ist die Erfahrung der Grenze.

In dieser Naturwelt gibt es auch Platz für einen Menschen, für eine ganz konkrete Frau, Marfa genannt. Auch ist noch ein Substantiv *Grab* in dem Gedicht zu finden, das auf einen begrenzten Raum hindeutet – den letzten Ort eines Menschen, der die letzte Grenze zwischen Leben und Tod überschritten hat. Als Kulturphänomen grenzt das Grab einen bereits verstorbenen Menschen von der völligen Verschmelzung mit der Naturwelt ab. Das lyrische Weltbild wird mit Hilfe von manchen Verben präzisiert: Die Gegenüberstellung zwischen zwei Kräften – Natur und Mensch – wird semantisch unterstützt. So bezeichnet das Verb *überwuchs* Naturprozesse. Diese auf Beherrschung gerichteten Prozesse sind hier äußerst aktiv: alles mit sich zu füllen, den ganzen Raum total zu besetzen. Des weiteren ist noch ein Partizip II (*benarbe*) zu nennen, das aber als Ergebnis zerstörerischer Aktivität gilt. Die Narben sind materielle Spuren und Zeichen einer Integritätsverletzung. Die Verben *taumelt fort* und *fällt ab* zeigen Marfas Bewegung im Raum, deren Richtungen ganz verschieden sind: fort in die Ferne und nach unten. Marfa *hütet* Nächte, ihre Er-

innerungen an diese Nächte. Das heißt, sie versucht ihre Gefühle und Erlebnisse zu bewahren. Das Verb *singt* bedeutet eine poetische Beherrschung der Realität in einer Kulturform. So treten verschiedene Formen der Grenzerfahrung zutage.

Drei Verben *kommst*, *beweinen*, *verstreun* beziehen sich auf den Leser. Dem Leser wird angeboten, dem Windbruch Dynamik und Richtung beizumessen. So überschreitet er die Grenze der lyrischen Weltbild und wird zur handelnden Person. Eben an der Grenze geschieht die Begegnung von zwei Welten: Natur und Mensch. Wenden wir uns der Abfolge der Bilder zu, die den Rhythmus der lyrischen Welt bilden. Zwei Bilder der ursprünglichen Natur werden im ersten Vers gegenübergestellt: die allumfassende Hitze und Schlangennester, die mit der Kühle assoziieren. Das Adjektiv *gelb* betont die Aggressivität der Hitze. So wird die erste Höhengipfel des Gedichts bestimmt. Da kommt das Thema von Marfa und Einheit mit der Natur. Diese Einheit ist eng, dass es einen Diffusionseffekt gibt. Die Grenze zwischen zwei Gegenpolen – Mensch und Natur wird durchdringbar. Aber dann verlässt die Frau den Raum (*taumelt fort*). Der Wind folgt ihr, verlässt sie nicht: *rührt die Haut*. Die Beziehung zwischen Mensch als Vertreter der Semiosphäre und «wilde» Natur findet in Form des friedlichen Zusammenlebens statt.

In der zweiten Strophe wird die Distanz zwischen dem lyrischen Ich und der Figur geringer. Im Zentrum steht ein menschlicher Körper. Im Wechsel der Bilder tritt die Dynamik zutage: vom Äußeren zum Inneren: *in der Hüfte noch, im Schoße*. Der Raum bewegt sich: bald zieht sich zusammen, bald dehnt sich aus. Der handflächengroße Raum vergrößert sich dank dem Singen und der *Mondenflechte*. Hier gibt es eine Gegenüberstellung der Bilder: Schatten und Licht. Interessant ist das Bild der *Mondenflechte*, das ein Modell des Lebens bildet. Der Mond beherrscht den Himmel und die Erde vollkommen, er bildet durch seine Flechte einen einheitlichen, kontinuierlichen Raum. Die in der Naturwelt herrschende Harmonie strukturiert die harmonische Wechselbeziehung zwischen der Natur und dem Menschen.

In der dritten Strophe treten wiederum zwei entgegenwirkende Naturkräfte auf. Das sind ein allumfassendes und allverschlingendes Dunkel und Steine, die eine straffe und unverrückbare Form haben. Dazwischen befindet sich ein Mensch, der die letzte Grenze überschreitet. Mit Marfas Tod beendet das lyrische Subjekt ihre Geschichte und spricht den Leser direkt an: «Wann denn kommst du...» Durch seine Kunsttätigkeit führt das lyrische Ich den Leser über die Grenze in eine fiktive Welt ein. Dabei wird der Leser aktiv einbezogen: er solle *beweinen*. Beweinen heißt, zu reflektieren und zu erfassen, um sich von seiner Vergangenheit zu verabschieden. Wichtig ist diese Botschaft: vorwärts schreiten. Der Leser muss kommen, *um Windbruch zu*

verstreun um Marfas Grab. Durch seine Mitwirkung manifestiert sich der Leser und nimmt die schöpferische Position des lyrischen Ich auf. So hängt von seiner aktiven Position ab, ob Marfa in der Dunkelheit spurlos verschwindet oder in der Erinnerung anderer Menschen weiterlebt.

Das Leben und der Tod koexistieren als Momente einer allumfassenden Erscheinung, als Momente des ewigen und endlosen Lebens. Das Modell der Lebenserweiterung ist in die Struktur des Gedichts auf verschiedenen Ebenen integriert. Gegenüberstellungen und Parallelismen von Bildern, Motiven und Rhythmen – alles wird zu einer Möglichkeit, Informationen zu vermitteln, wird also zur Grenzsprache.

Zusammenfassend können wir Folgendes schlussfolgern. Die Grenze ist ein sinnbildendes Prinzip in der Sprache der Kunst insoweit, als sie der wichtigste Mechanismus der Strukturierung ist. Die Grenzziehung ist ein Akt der Isolation einzelner Gegenstände, Begriffe, Vorstellungen und Wörter aus der tradierten Reihe, die sie in neue Beziehungen zueinander stellt und auf diese Weise neue Sinnbildungsprozesse entstehen lässt. Ihre Bedeutsamkeit erhält die isolierte Erscheinung allein im Akt der Gegen- und Nebeneinanderstellung, also im Akt der Differenz, der seinerseits durch den Akt der Isolation bedingt ist und es ermöglicht, sie in immer neue Kontexte und Beziehungen zu stellen. Aufbauformen wie Wiederholung, die Antithese, die Analogie, die Diffusion und die Identifikation sind in dieser Hinsicht besonders produktiv. Gesamt ist es möglich, sie als verschiedene Abarten und Verfahren der Organisation von dialogischen Beziehungen zu charakterisieren. Und andererseits: das Grenzphänomen kann als methodisches Prinzip des Textverstehens betrachtet werden.

Список литературы

Бахтин М.М. Проблемы материала, содержания и формы в словесном художественном творчестве // Вопросы литературы и эстетики. Москва: Художественная литература, 1975. С. 6–71.

Беларев А.Н. Топос границы в художественном мире Пауля Шеербарта: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2019. 23 с.

Гаспаров М.Л. Метр и смысл. Об одном из механизмов культурной памяти. Москва: Рос. гос. гум. ун-т, 1999. 289 с.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Москва: Искусство, 1970. 384 с.

Лотман Ю.М. Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство – СПб, 2004. 704 с.

Рымарь Н.Т. Поэтика границы в литературе: эстетические и поэтологические аспекты границы как феномена художественного языка. Т. 11. Siedlce: Inst. kultury regionalnej i badań lit. im. Franciszka Karpińskiego, 2016. 334 с.

Рымарь Н.Т. Проблема аутентичности художественного языка в эпоху модерна. Самара: Слово, 2021. 82 с.

Рымарь Н.Т. Художественный язык XX века. История мировой литературы. Самара, 2021. 92 с.

Рымарь Н.Т., Скобелев В.П. Теория автора и проблема художественной деятельности. Воронеж: Логос – траст, 1994. 263 с.

Тынянов Ю.Н. Литературная эволюция. Избранные труды. Москва: Аграф, 2002. 496 с.

Albrecht D. Grenzerfahrungen. Literaturlandschaft Ostsee im Gedächtnis von Zeit und Raum. Erkundungen des deutsch-polnisch-baltischen Ostseeraums als einer Literaturlandschaft. Würzburg, 2004, S. 87-91.

Behrmann A. Facetten: Untersuchungen zum Werk J. Bobrowskis. Stuttgart, Ernst Klett Verlag, 1977, 88 S.

Bobrowski J. Wetterzeichen. Gedichte. Berlin, 1968, 89 S.

Haufe E. Einleitung des Herausgebers. Zu Leben und Werk Johannes Bobrowskis. Johannes Bobrowski. Gesammelte Werke. Bd. 1. Die Gedichte. Berlin (DDR), 1987, S. 7-85.

Hendler M. Die Poetik der Grenze. Poetik der Grenze – Inhalt. Über die Grenzen sprechen – literarische Brücken von Europa. Graz, 2003, S. 125-131.

Luhmann N. Soziale Systeme. Grundriss einer allgemeinen Theorie. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1987, 675 S.

References

Bahtin M.M. *Problemy materiala, sodержaniya i formy v slovesnom hudozhestvennom tvorchestve* [Problems of material, content and form in verbal art]. *Voprosy literatury i jestetiki* [Questions of Literature and Aesthetics]. Moscow, Fiction, 1975, pp. 6-71. (In Russ.)

Belarev A.N. *Topos granicy v hudozhestvennom mire Paulja Sheerbarta: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Topos of the border in Paul Sheebart's art world: PhD thesis, summary]. Moscow, 2019, 23 p. (In Russ.)

Gasparov M.L. *Metr i smysl. Ob odnom iz mehanizmov kul'turnoj pamjati* [Meter and meaning. On one of the mechanisms of cultural memory]. Moscow, Russian Humanit. University Publ., 1999, 289 p. (In Russ.)

Lotman Ju.M. *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg, Art-SPB Publ., 2004, 704 p. (In Russ.)

Lotman Ju.M. *Struktura hudozhestvennogo teksta* [The structure of the literary text]. Moscow, Art Publ., 1970, 384 p. (In Russ.)

Rymar' N.T. *Hudozhestvennyj jazyk XX veka. Istoriya mirovoj literatury* [Artistic language of the 20th century. History of world literature]. Samara, 2021, 92 p. (In Russ.)

Rymar' N.T. *Pojetika granicy v literature: jesteticheskie i pojetologicheskie aspekty granicy kak fenomena hudozhestvennogo jazyka* [Poetics of the border in li-

terature: aesthetic and poetological aspects of the border as a phenomenon of artistic language], vol. 11. Siedlce, Inst. kultury regionalnej i badań lit. im. Franciszka Karpińskiego, 2016, 334 p. (In Russ.)

Rymar' N.T. *Problema autentyczności худо́жественно́го язы́ка в эпо́ху моде́рна* [The problem of the authenticity of artistic language in the era of modernity]. Samara, Word Publ., 2021, 82 p. (In Russ.)

Rymar' N.T., Skobelev V.P. *Teorija avtora i problema худо́жественно́й де́ятельно́сти* [The theory of the author and the problem of artistic activity]. Voronezh, Logos - trast Publ., 1994, 263 p. (In Russ.)

Tynjanov Ju.N. *Literaturnaja jevoljucija. Izbrannye trudy* [Literary evolution. Selected writings]. Moscow, Agraf Publ., 2002, 496 p. (In Russ.)

Albrecht D. Grenzerfahrungen. Literaturlandschaft Ostsee im Gedächtnis von Zeit und Raum. Erkundungen des deutsch-polnisch-baltischen Ostseeraums als einer Literaturlandschaft. Würzburg, 2004, S. 87-91.

Behrmann A. Facetten: Untersuchungen zum Werk J. Bobrowskis. Stuttgart, Ernst Klett Verlag, 1977, 88 S.

Bobrowski J. Wetterzeichen. Gedichte. Berlin, 1968, 89 S.

Haufe E. Einleitung des Herausgebers. Zu Leben und Werk Johannes Bobrowskis. Johannes Bobrowski. Gesammelte Werke. Bd. 1. Die Gedichte. Berlin (DDR), 1987, S. 7-85.

Hendler M. Die Poetik der Grenze. Poetik der Grenze – Inhalt. Über die Grenzen sprechen – literarische Brücken von Europa. Graz, 2003, S. 125-131.

Luhmann N. Soziale Systeme. Grundriss einer allgemeinen Theorie. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1987, 675 S.

Статья поступила в редакцию 26.06.2023; одобрена после рецензирования 22.08.2023; принята к публикации 23.08.2023.

The article was submitted 26.06.2023; approved after reviewing 22.08.2023; accepted for publication 23.08.2023.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ТОНАЛЬНОСТЬ В ДЕЛОВОЙ ИНТЕРНЕТ-ПЕРЕПИСКЕ НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Богданова Татьяна Федоровна, ассистент кафедры английского языка, Ярославский государственный педагогический университет им К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия, bogtania@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6507-8640>

Аннотация. Предпринятое исследование посвящено компаративному анализу лексической тональности в деловой интернет-переписке на русском и английском языках. Проведен обзор и анализ научной литературы, статей, посвященных изучению понятия лексической тональности. Лексическая тональность – это субъективное отношение через эмоцию, оценку, мнение, суждение к другому субъекту или объекту, которое определяется на уровне лексики, что позволяет исследовать тональность в предложении, разбивая его на отдельные лексемы и учитывая значение каждой из них. Изучены современные тенденции, влияющие на лексическую тональность при написании деловых писем на русском и английском языках. В исследовании представлены варианты слов, имеющих положительную или отрицательную семантику, слова с семантикой, в которых содержится эмоциональная оценка, и слова со значением доброжелательности, заинтересованности, тактичности, состоятельности и т. д. Показано, как в предложении с помощью слов определяется положительная, отрицательная, нейтральная тональность, которая выражается в положительном, отрицательном или нейтральном отношении субъекта к объекту. Одной из задач исследования является дополнение классификации средств в двух языках (с учетом их специфики) для определения лексической тональности текста в деловой интернет-переписке.

Ключевые слова: лексическая тональность, деловой стиль, интернет-переписка, лексема, семантика, субъект, объект.

Для цитирования: Богданова Т.Ф. Лексическая тональность в деловой интернет-переписке на русском и английском языках // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 194–199. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-194-199>

Research Article

LEXICAL TONALITY IN THE MODERN BUSINESS INTERNET CORRESPONDENCE IN RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

Tatiana F. Bogdanova, assistant, Department of English, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia, bogtania@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6507-8640>

Abstract. This research is devoted to the comparative analysis of lexical tonality in business Internet correspondence in Russian and English. The review and analysis of scientific literature, articles devoted to the study of the concept of lexical tonality is carried out. Lexical tonality is a subjective attitude through emotion, evaluation, opinion, judgment to another subject or object, which is determined at the level of vocabulary, which allows you to explore the tonality in a sentence, breaking it into separate lexemes and considering the meaning of each of them. The current trends that affect the lexical tonality when writing business letters in Russian and English have been studied. The study presents variants of words that have positive or negative semantics, words with semantics that contain an emotional assessment and words with the meaning of benevolence, interest, tact, consistency, etc. It is shown how positive, negative, neutral tonality is determined in a sentence with the help of words, which is expressed in a positive, negative or neutral attitude of the subject to the object. One of the objectives of the study is to supplement the classification of means in two languages (considering their specifics) to determine the lexical tonality of the text in business Internet correspondence.

Keywords: lexical tonality, business style, Internet correspondence, lexeme, semantics, subject, object.

For citation: Bogdanova T.F. Lexical tonality in the modern business internet correspondence in Russian and English languages. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 3, pp. 194–199 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-194-199>

Введение. В условиях современной глобализации анализ тональности текстов приобретает все большую актуальность. Аналитика и сбор данных представляют не только научный интерес, но имеют практическое применение, например, в крупных производственных компаниях (мнение о продуктах), в госструктурах (террористические угрозы), в социологических исследованиях (настроение населения к объекту) и т.д.

В настоящее время изменения в содержательном аспекте делового стиля происходят из-за всеобщей коммуникативной направленности интернет-переписки. Стиль делового общения становится показателем индивидуальности автора, для решения профессиональных задач используются субъективно-удобные стратегии, это приводит к значительному отходу от традиционных форм официально-делового стиля [Палт, Корецкая: 338]. Строгость, четкость, объективность, безличность изложения, отсутствие эмоциональных оценок придают традиционному деловому тексту особую «нейтральную» тональностью [Нелюбова, Гурова: 101]. По мнению Е.Б. Зверевой, текст современных деловых писем характеризуется снижением формальности общения, сокращением количества канцеляризма, шаблона, повтора, допускается эмоциональная окрашенность, все чаще присутствует «авторская индивидуальность», выраженная с помощью эмоционально-экспрессивной лексики, соответственно, меняя тональность в положительную или отрицательную сторону. Таким образом, исследования в области тональности текста становятся все более актуальны [Магомедова: 2009; Зверева: 1987].

Методы. Основными методами исследования является анализ научной литературы, статей, посвященных изучению лексической тональности современного делового стиля в русском и английском языках; компаративный анализ лексической тональности в деловой интернет-переписке на русском и английском языках.

Литературный обзор. До начала XXI века понятие *тональности* представлено преимущественно в исследованиях по лингвистике текста в аспекте категориально-текстовой концепции (Т.В. Матвеева, 1990; В.И. Заботкина, 1991; З.М. Данкер, 1992; В.А. Шипилов, 1992; С.В. Ионова, 1998; Л.Г. Гангызова, 1999). С 2000-х годов появляются исследования по тональности в рамках коммуникативного подхода (Т.О. Багдасарян, 2002; Н.С. Аристова, 2007; С.Е. Тупикова, 2006; В.И. Карасик, 2007; М.П. Смирнова; 2009; А.А. Соловьева, 2009 и др.), стилистического подхода (Е.П. Захарова, 2007; С.А. Ржанова, 2008; Н.И. Клушина, 2008; И.В. Розова; и др.). В это же время коммуникация переходит в интернет-пространство, появляется множество не только отечественных, но и зарубежных исследований,

связанных с понятием тональности в рамках автоматического анализа текста (С. Дас, 2001; М. Чен, 2001; Р.М. Тонг, 2001; Т. Насукава, 2003; Н. Ильин, 2006; К. Карди, 2009; Д.С. Кондрашова, 2010; С. Поля, 2014; Э. Камбрия, 2014; Е.В. Тутубалина, 2015; В.С. Ширсат, 2017; А.В. Колмогорова, 2018; А.А. Калинин, 2018; А.В. Маликова, 2018; Т.А. Семина, 2021 и т. д.). Таким образом, понятие *тональность* приобретает междисциплинарный характер.

Понятие *тональности* имеет прямую взаимосвязь с выражением эмоции. Эмоции консервируются в языковых знаках, а именно в словах [Шаховский: 5]. С.В. Мухин, Д.А. Ефремова отмечают, что лексика играет ключевую роль в выражении оценочного суждения и эмоционального настроения, что позволяет ввести термин *лексическая тональность* [Мухин, Ефремова: 184]. А.Г. Пазельская, А.Н. Соловьева анализируют эмоциональную составляющую на уровне лексики и называют такую *тональность лексической* (или лексическим сентиментом) [Пазельская, Соловьев: 510].

Важно отметить, что кроме оценочного суждения/мнения и эмоций в семантике языкового знака закрепляется оценочное мнение субъекта в отношении объекта [Мельникова: 542]. Реализация *тональности* проявляется через оценку, позицию, эмоцию, действие субъекта в отношении объекта и оказывает положительное или отрицательное влияние на объект [Князьков, Семина: 198]. П.Д. Терне включает в понятие *тональность* еще настроение автора [Терне: 315]. Ученые Г. Сю, С.Ф. Мэн, Х.Ф. Ван рассматривают *тональность* как мнение, настроение, отношение автора к тому или иному событию, действию, предмету, несущее в себе полярность оценки [Сю, Мэн, Ван: 2010]. По мнению Ю.П. Чжу, *лексическая тональность* реализуется в психологической позиции автора по отношению не только к излагаемому, но и к адресату и ситуации общения, демонстрируя отрицательную, положительную или нейтральную тональность [Чжу: 123].

Таким образом, наиболее полным и удачным понятием *лексической тональности* является трактовка Д.А. Князькова, Т.А. Семиной, где субъективное отношение через эмоцию, оценку, мнение, суждение к другому субъекту или объекту определяется на уровне лексики, что позволяет исследовать тональность в предложении, разбивая его на отдельные лексемы и учитывая значение каждой из них.

Результаты и обсуждение. В результате проведенного исследования было проанализировано 100 писем (13 000 слов) на русском языке и 100 писем (9 000 слов) на английском языке. Авторами писем являются специалисты по внешней экономической деятельности Россия – Китай (отдел по закупкам и логистике). Орфография и пунктуация авторов сохранены.

Таблица 1

Существительные	
Положительная семантика	Отрицательная семантика
<i>благодарность, награда, правильность, понимание, пожелание, прощение, преимущество, договоренность, помощь, поддержка, возможность, интерес, признательность, вознаграждение, надежда, одобрение</i> и т. д.	<i>любитель, текучка, ошибка, брак, проблема, задержка, затраты, косяки</i> и т. д.
Прилагательные	
Положительная семантика	Отрицательная семантика (прилагательные, прилагательные с частицей <i>не</i>)
<i>добрый, правильный, уважаемый, конкретный, незабываемый, вкусный, интересный, наилучший, свежий</i> и т. д.	<i>мизерный, сырой, неприятный</i> и т. д.
Глаголы	
Положительная семантика	Отрицательная семантика (глаголы, глаголы с отрицательной частицей <i>не</i>)
<i>благодарить, успевать, заседать, выручать, устаревать, увенчать, помогать, надеяться</i> и т. д.	<i>не благодарить, не успевать, заседать, не выручать, устаревать, не увенчать, не помогать, не надеяться</i> и т. д.
Наречия	
Положительная семантика (в сравнительной и превосходной форме)	
<i>лучше, прекрасно, хорошо</i> и т. д.	

Единицей анализа выступает слово или словосочетание, посредством которого определяется **лексическая тональность** в предложении.

Н.Д. Арутюнова полагает, что в самой семантике слова содержится эмоциональная оценка, которая характеризует позицию говорящего в плане его отношения к высказываемому [Арутюнова: 550].

В таблице 1 представлены лексемы, выполняющие функции различных частей речи, имеющих положительную или отрицательную семантику.

В следующих примерах показано, как функционируют положительная, отрицательная, нейтральная тональности:

1. «...*Спасибо за встречу и очень интересную беседу и обсуждение.*»

В примере использование слов (*очень, интересный*) определяет положительное отношение субъекта (автора) к объекту (*беседа и обсуждение*).

2. «*Добрый вечер. Спасибо за присланную информацию. Действительно интересно. Прибор серьезный и прекрасно будет подходить для серийного производства различной продукции...*»

Использование слов (*действительно, интересно, серьезный, прекрасно*) демонстрирует положительное отношение субъекта к объекту (*прибор*).

3. «...*Если по вашему убеждению необходимы размеры рабочего стола... то это очень неудобно для персонала при разборке и сборке пресс форм, усложнит оборудование...*»

Использование слов (*очень, неудобно, усложнять*) определяет отрицательное отношение субъекта к объекту (*рабочий стол*).

4. «...*Поэтому после закрытия завода лично на меня сильно надели банки и начался длительный период маневрирования, неприятных встреч и обороны*»

Использование слов (*наседать, маневрирование, неприятный, оборона*) определяет отрицательное отношение субъекта к объекту (ситуации).

5. «*Мне требуется... и нотариально заверенная справка о судимости при получении уведомления о получении разрешения на работу для иностранцев.*»

Использование слова *судимость* в названии документа (*справка о судимости*) определяет нейтральное отношение субъекта к высказываемому.

6. «*Относительно договора настаиваем вернуться к предыдущей версии – без агентов.*»

В приведенном примере использование слов (*настаивать, без агентов*) определяет нейтральное отношение субъекта к объекту (*договор*).

Н.П. Филатова отмечает, что **лексическая тональность** в деловой интернет-переписке на английском языке представлена большим разнообразием лексем со значением тактичности, доброжелательности, заинтересованности, состоятельности и т. д., тем самым демонстрируя положительное отношение субъекта к объекту [Филатова: 206].

В таблице 2 представлены лексемы, выполняющие функции различных частей речи с положительной и отрицательной семантикой в английском языке.

В следующих примерах показано, как функционируют положительная, отрицательная, нейтральная тональности в английской переписке:

1. «...*It is a device for temperature field control. I believe that we will develop and produce it ourselves.*» (Это устройство для контроля температуры. Я надеюсь, что мы будем разрабатывать и производить его сами.)

Использование слов (*believe – надеяться, develop – развиваться, produce – производить*) демонстрирует положительное отношение субъекта к объекту (*it – это*).

Таблица 2

Существительные	
Положительная семантика	Отрицательная семантика
<i>safety</i> (безопасность), <i>help</i> (помощь), <i>approval</i> (одобрение), <i>promise</i> (обещание), <i>value</i> (достоинство, ценность) etc.	<i>problem</i> (проблема), <i>defect</i> (дефект) etc.
Прилагательные	
Положительная семантика	Отрицательная семантика
<i>sorry</i> (сожалеющий), <i>glad</i> (радостный), <i>good</i> (хороший), <i>better</i> (лучший), <i>possible</i> (возможный), <i>approved</i> (одобренный), <i>helpful</i> (полезный), <i>important</i> (важный), <i>tried</i> (надежный), <i>acceptable</i> (допустимый, приятный) etc.	<i>failed</i> (неудачный), <i>destructive</i> (разрушительный) etc.
Глаголы	
Положительная семантика	Отрицательная семантика
<i>to hope</i> (надеяться), <i>to approve</i> (одобрять), <i>to persuade</i> (убождать), <i>to satisfy</i> (удовлетворять), <i>to promise</i> (обещать), <i>to value</i> (ценить, дорожить), <i>to fulfill</i> (удовлетворять) etc.	<i>to mistake</i> (ошибаться) etc.
Наречия	
Положительная семантика	Отрицательная семантика
<i>hopefully</i> (с надеждой), <i>thankfully</i> (с благодарностью) etc.	<i>immediately</i> (немедленно), <i>unfortunately</i> (к сожалению) etc.

2. “**Hopefully** we can get it **approved** during the coming weeks.” (Надеюсь, мы сможем получить одобрение в ближайшие недели.)

Использование слов (*Hopefully* – с надеждой, *approved* – одобренный) демонстрирует положительное отношение субъекта к объекту (*it* – это).

3. “The layout of the production and clarification I do **not really** understand”. (Схему производства и уточнения я, действительно, не понимаю.)

Использование слов (*not really* – действительно не) демонстрирует отрицательное отношение субъекта к объекту (*layout* – схема).

4. “According to their response, Motor Sich does not check defects <...> this method is **destructive**.” (Согласно их ответу, Мотор Сич не проверяет дефекты... этот метод деструктивен).

Использование слов (*destructive* – разрушительный) демонстрирует отрицательное отношение субъекта к объекту (*method* – метод).

5. “They **argued lots of problems** regarding the recrystallization **defects**...” (Они обсудили множество проблем по дефектам рекристаллизации...)

Использование словосочетания (*argued lots of problems* – обсудить множество проблем) и слова (*defects* – дефекты) демонстрирует нейтральное отношение субъекта к объекту (*problem* – проблема, *defect* – дефект).

6. “I agree with you. Most of them are **minor changes** and **acceptable**.” (Я согласен с вами. Большинство из них – это незначительные изменения, и они допустимы...)

Использование слов (*minor* – незначительный, *change* – изменение) демонстрирует нейтральное отношение субъекта к объекту (*change* – изменение).

Таким образом, исследование *лексической тональности* в деловой интернет-переписке показывает, что отношение субъекта к объекту в русском языке выражается при помощи слов, в семантике которых содержится эмоциональная оценка, в английском языке – при помощи слов со значением тактичности, доброжелательности, заинтересованности, состоятельности и т. д.

Заключение. Проведенные исследования по *лексической тональности* в деловой интернет-переписке в русском и английском языках позволяют сделать следующий вывод.

Слова с эмоциональной составляющей, выполняющие функции различных частей речи, одинаково часто используются в русском и английском языках и оказывают непосредственное влияние на реализацию *лексической тональности*, которая выражается в положительном, отрицательном или нейтральном отношении субъекта к объекту.

В дальнейшем данное исследование позволит дополнить общую языковую систему оценивания *тональности текста* в русском и английском языках для решения проблем, связанных с автоматической обработкой текстовых массивов в интернет-пространстве.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д. Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь. Москва, 1990. С. 688.
- Зверева Е.Б. Этикет электронной деловой переписки // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 24. С. 1986–1990.
- Князьков Д.А., Семина Т.А. Автоматическая обработка тональных единиц в песенном дискурсе (опыт лингвистической экспертизы) // Вестник Московско-

го государственного областного университета: электронный журнал. 2021. № 1. С. 198–210. URL: www.evestnik-mgou.ru

Магомедова Л.А. Авторская индивидуальность в жанрах дипломатического подстиля. ДГПУ, 2009. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskaya-individualnost-v-zhanrah-diplomaticheskogo-podstilya> (дата обращения: 12.01.2023).

Мельникова Е.Н. Средства выражения эмоционально-оценочных высказываний в немецкой диалогической речи // Молодой ученый. 2014. № 9 (68). С. 542–546. URL: <https://moluch.ru/archive/68/11716/> (дата обращения: 31.10.2020).

Мухин С.В., Ефремова Д.А. Лексическая тональность древнеанглийской элегии // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2019. № 6 (822). С. 184–494.

Нелюбова Н.Ю., Гурова А.В. Роль лингвокультурного фактора при переводе французской и русской деловой интернет-переписки // Вопросы теории и практики журналистики. 2018. Т. 7, № 1. С. 100–113.

Пазельская А.Г., Соловьев А.Н. Метод определения эмоций в текстах на русском языке // Диалог: труды междунар. конф., 2011. URL: www.dialog-21.ru/digests/dialog2011/materials/ru/pdf/50.pdf (дата обращения: 08.03.2023).

Палт Е.А., Корецкая И.А. К вопросу изучению стилей делового общения как самостоятельного понятия в современной психологии // Вестник университета. 2015. № 4. С. 336–339.

Филатова Н.П. Эмотивная тональность в английском тексте делового письма // Язык и мир изучаемого языка. 2015. № 6. С. 206–210.

Чжу Ю.П. Особенности реализации категории эмотивности в русском рекламном поликодовом многоканальном тексте // Вестник Марийского государственного университета. 2020. Т. 14, № 1. С. 123–129. DOI: 10.30914/2072-6783-2020-14-1-123-129.

Шаховский В.И. Синергетика слова в семасиологической семиотике языка // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 2. С. 5–11.

Turney P.D., Littman M.L. Measuring praise and criticism: Inference of semantic orientation from association. ACM Transactions on Information Systems (TOIS), 2003, vol. 21, No. 4, pp. 315-346.

Xu G, Meng X.F., Wang H.F. Build Chinese Emotion Lexicons Using A Graph-based Algorithm and Multiple Resources Key Laboratory of Computational Linguistics. Peking University, 2010. URL: <https://dblp.org/rec/conf/coling/XuMW10.html> (access date: 19.07.2023).

References

Arutjunova N.D. *Pragmatika* [Pragmatics]. *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1990, p. 688. (In Russ.)

Chzhu Ju.P. *Osobennosti realizacii kategorii jemotivnosti v russkom reklamnom polikodovom mnogokanal'nom tekste* [Features of the implementation of the category of emotiveness in the Russian advertising polycode multi-channel text]. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Mari State University], 2020, vol. 14, No. 1, pp. 123-129. DOI: 10.30914/2072-6783-2020-14-1-123-129 (In Russ.)

Filatova N.P. *Jemotivnaja tonal'nost' v anglijskom tekste delovogo pis'ma*. [Emotive tone in the English text of a business letter]. *Jazyk i mir izuchaemogo jazyka* [Language and the world of the studied language], 2015, No. 6, pp. 206-210 (In Russ.)

Knjaz'kov D.A., Semina T.A. *Avtomaticheskaja obrabotka tonal'nyh edinic v pesennom diskurse (opyt lingvisticheskoi jekspertizy)* [Automatic processing of tonal units in song discourse (an experience of linguistic expertise)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Regional University], 2021, No. 1, pp. 198-210. URL: www.evestnik-mgou.ru (In Russ.)

Magomedova L.A. *Avtorskaja individual'nost' v zhanrah diplomaticheskogo podstilya* [Author's individuality in the genres of the diplomatic substyle]. DGPU, 2009. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskaya-individualnost-v-zhanrah-diplomaticheskogo-podstilya> (access date: 12.01.2023). (In Russ.)

Mel'nikova E.N. *Sredstva vyrazhenija jemotional'no-ocenocnyh vyskazyvanij v nemeckoj dialogicheskoj rechi*. [Means of expressing emotional and evaluative statements in German dialogic speech]. *Molodoy uchenyj* [Young scientist], 2014, No. 9 (68), pp. 542-546. URL: <https://moluch.ru/archive/68/11716/> (access date: 31.10.2020). (In Russ.)

Muhin S.V., Efremova D.A. *Leksicheskaja tonal'nost' drevneanglijskoj jelegii* [Lexical tone of the Old English elegy]. *Vestnik MGLU. Ser.: Gumanitarnye nauki* [Bulletin MGLU. Ser.: Humanitarian sciences], 2019, No. 6 (822), pp. 184-494 (In Russ.)

Neljubova N.Ju., Gurova A.V. *Rol' lingvokul'turnogo faktora pri perevode francuzskoj i russkoj delovoj internet-perepiski* [The role of the linguistic and cultural factor in the translation of French and Russian business Internet correspondence]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* [Questions of theory and practice of language], 2018, vol. 7, No. 1, pp. 100-113. (In Russ.)

Pazel'skaja A.G., Solov'ev A.N. *Metod opredelenija jemocij v tekstah na russkom jazyke* [The method of determining emotions in texts in Russian]. *Dialog: trudy mezhdunarodnoj konferencii, 2011*. [Dialogue: Proceedings of the international conference, 2011]. URL: www.dialog-21.ru/digests/dialog2011/materials/ru/pdf/50.pdf (access date: 08.03.2023). (In Russ.)

Palt E.A., Koreckaja I.A. *K voprosu izucheniju stilej delovogo obshhenija kak samostojatel'nogo ponjatija v*

sovremennoj psihologii [To the question of the study of business communication styles as an independent concept in modern psychology]. *Vestnik universiteta* [University Bulletin], 2015, No. 4, pp. 336-339 (In Russ.)

Shahovskij V.I. *Sinergetika slova v semasiologicheskoj semiotike jazyka*. [Synergetics of the word in the semasiological semiotics of language]. *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [News of the Volgograd State Pedagogical University], 2015, No. 2, pp. 5-11 (In Russ.)

Zvereva E.B. *Jetiket jelektronnoj delovoj perepiski* [Electronic etiquette]. *Innovacii. Nauka. Obrazovanie* [Innovation. The science. Education], 2020, No. 24, pp. 1986-1990. (In Russ.)

Turney P.D., Littman M.L. Measuring praise and criticism: Inference of semantic orientation from associa-

tion. *ACM Transactions on Information Systems (TOIS)*, 2003, vol. 21, No. 4, pp. 315-346.

Xu G, Meng X.F., Wang H.F. Build Chinese Emotion Lexicons Using A Graph-based Algorithm and Multiple Resources Key Laboratory of Computational Linguistics. Peking University, 2010. URL: <https://dblp.org/rec/conf/coling/XuMW10.html> (access date: 19.07.2023).

Статья поступила в редакцию 20.06.2020; одобрена после рецензирования 07.08.2023; принята к публикации 26.09.2023.

The article was submitted 20.06.2020; approved after reviewing 07.08.2023; accepted for publication 26.09.2023.

Научная статья

5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

УДК 811.161.1'373.211

EDN YWDUXM

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-200-206>

ГОДОНИМЫ ЦАРИЦЫНА, СТАЛИНГРАДА, ВОЛГОГРАДА КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ XX ВЕКА

Антоненко Наталья Сергеевна, аспирант кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, yala-211_824431@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6316-8044>

Ильин Дмитрий Юрьевич, доктор филологических наук, Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, dilyin99@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6387-757X>

Аннотация. Годонимы как номинации элементов улично-дорожной сети являются своеобразным текстом городской среды, способным фиксировать различные явления окружающей действительности. В статье анализируются переименования и изменение номинаций адресообразующих элементов Царицына, Сталинграда и Волгограда. Такие трансформации являются отражением общественно-политических и социальных процессов, произошедших в разные исторические периоды. При сопоставлении картографических и других источников 1914, 1925, 1942, 1959 и 2022 гг. выявлены линейные объекты, чьи номинации были изменены от одного до четырех раз. Причинами и катализаторами этого процесса стали экстралингвистические факторы: Октябрьская революция, разрушение города в период Сталинградской битвы и его дальнейшее восстановление. Идеологические основания переименований, актуальные для всех рассмотренных периодов, наиболее ярко проявляют себя при изменении номинаций между 1914 и 1925 гг., а также 1925 и 1942 гг. После 1942 г. количество переименований существенно снижается, так как при восстановлении застройки, существенно пострадавшей в ходе Сталинградской битвы, линейным объектам в основном присваиваются те же наименования, что и до Великой Отечественной войны. Исключения составляют годонимы, увековечивающие память воинских соединений и военачальников, участвовавших в обороне города.

Ключевые слова: топоним, годоним, переименование, лингвистический код, экстралингвистические факторы, Царицын, Сталинград, Волгоград.

Для цитирования: Антоненко Н.С., Ильин Д.Ю. Годонимы Царицына, Сталинграда, Волгограда как отражение исторических процессов XX века // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 200–206. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-200-206>

Research article

TSARITSYN, STALINGRAD, VOLGOGRAD GODONYMS AS THE REFLECTION OF THE TWENTIETH CENTURY HISTORICAL PROCESSES

Natalia S. Antonenko, postgraduate student, Volgograd State University, Volgograd, Russia, yala-211_824431@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6316-8044>

Dmitriy Yu. Ilyin, Dr. Science in Philology, Volgograd State University, Volgograd, Russia, dilyin99@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6387-757X>

Abstract. Godonyms as the road network elements nominations are a kind of the urban environment text that is able to record various phenomena of the surrounding reality. The article analyzes the renaming and changing the nominations of the address-forming elements of Tsaritsyn, Stalingrad and Volgograd. Such transformations reflect the socio-political and social processes that have taken place in different historical periods. Linear objects, whose nominations were changed from one to four times, were identified during the comparing cartographic and other sources of 1914, 1925, 1942, 1959 and 2022. The reasons and catalyst for this process were extralinguistic: the October Revolution, the city destruction during the Battle of Stalingrad and its further rebuilding. The ideological grounds for renaming are relevant for all the city development stages. These reasons manifest themselves the most clearly when the nominations are changed between 1914 and 1925, as well as 1925 and 1942. After 1942, the number of renames is significantly reduced. The reason of this is the restoration of buildings that were almost totally destroyed during the Battle of Stalingrad and assignation to the linear objects the same names as before the Great Patriotic War. The exceptions are hodonyms that perpetuate the military formations and military leaders memory who participated in the defense of the city.

Keywords: toponym, hodonym, renaming, linguistic code, extralinguistic factors, Tsaritsyn, Stalingrad, Volgograd.

For citation: Antonenko N.S., Ilyin D.Yu. Tsaritsyn, Stalingrad, Volgograd godonyms as the reflection of the twentieth century historical processes. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 3, pp. 200–206 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-200-206>

Анализируя культурную память города, Т.В. Шмелева утверждает, что особой значимостью при фиксации определенных явлений обладает словесность. Особую роль при этом играют тексты городской среды, в число которых исследователь включает и наименования улиц и площадей [Шмелева 2018: 1]. Они не только отражают важные для жителей и самого города исторические процессы и явления, но и являются крайне подверженными внешнему воздействию. Непосредственное влияние на присвоение номинаций линейным и точечным объектам оказывают такие важные экстралингвистические факторы, как изменение политического строя, трансформация общественных приоритетов и ценностей, переосмысление событий и роли отдельных исторических фигур (см., например: [Демьянов, Рыженко: 156; Ружицкий: 110; Володина: 492]). В связи с этим актуальным становится процесс переименования как разновидности искусственной номинации, проявляющейся в замене одного имени собственного другим под влиянием экстралингвистических факторов в результате принятия специального номинативного акта органом исполнительной или законодательной власти [Разумов: 197].

Годонимы как «названия линейного объекта в городе, в том числе проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной» [Подольская: 52] обладают особой значимостью в связи с репрезентацией ими локальной идентичности, специфики социокультурных ценностей и приоритетов, эстетических и идеологических пристрастий жителей [Ильин, Сидорова 2022: 101]. Однако ввиду сходства принципов номинации линейных и точечных [Шмелева 2008: 1], а также других элементов городской застройки под годонимом в статье рассматриваются «имена собственные, называющие адресообразующие элементы дорожно-уличной сети... внутри населенного пункта любого типа» [Сидорова: 216].

Объектом нашего исследования являются лингвистические коды годонимов современных Центрального, частично Ворошиловского и Дзержинского районов Волгограда в разные исторические периоды: 1914, 1925, 1942, 1959 гг. Под лингвистическим кодом понимаются способы и средства создания лексических единиц для номинации объекта внеязыковой реальности [Ильин, Сидорова 2020: 71]. Предмет исследования – трансформация лингвистических кодов наименований линейных и точечных объектов в определенные исторические периоды.

Волгоград исторически формировался как 4 района, удаленных друг от друга по природным причи-

нам и слабо связанных между собой в композиционно-пространственном отношении [Янушкина: 64], а собственно городской территорией долгое время считалась его Царицынская часть – современные Центральный, Ворошиловский и Дзержинский (последние два частично) районы. Разобщенность застройки привела к фиксации абсолютным большинством источников, которые отражают наименования линейных объектов, именно этой части города. Другие же районы (как, например, современный Краснооктябрьский) хоть и были застроены, на планах города практически не отображены.

Выбор источников объясняется экстралингвистическими – историческими и политическими – причинами:

1. План 1914 г. [Соков] фиксирует период «заката» индустриального Царицына, источник этого времени отражает состояние годонимической системы до Октябрьской революции.

2. План 1925 г. [Бугров: 1] отражает время становления советской власти, план города отражает масштабные переименования, совершенные по политическим причинам.

3. Карта 1942 г.¹ отображает номинации улиц и переулков города до Сталинградской битвы, в ходе которой городская застройка будет существенно разрушена.

4. Атлас жилых районов 1959 г.² фиксирует период формирования годонимической системы Центрального района Сталинграда, которая почти без изменений сохранилась до 2022 г., когда были внесены последние изменения в Общегородской перечень наименований элементов улично-дорожной сети и элементов планировочной структуры Волгограда³.

К 1914 г. городское пространство Царицына при наименовании городских объектов обнаруживало несколько лингвистических кодов:

- 1) локативный (проприатив указывает на населенный пункт);
- 2) гидронимический (проприатив – водный объект);
- 3) меморативный событийный (указывает на определенное событие, к 1914 г. это религиозные события и праздники);
- 4) меморативный личностный (наименование связано с исторической фигурой);
- 5) характеризующий (описывает объект с точки зрения его местоположения или отношения к другим объектам).

Все они, хоть и с некоторыми изменениями, сохраняются и в современном Волгограде.

Октябрьская революция оказала существенное влияние на наименования городских объектов Царицына. Из 54 линейных и точечных объектов Центрального района, когда-либо подвергавшихся переименованию, 25 сменили свою номинацию между 1914 и 1925 гг. К первой, наиболее многочисленной, группе единожды переименованных относятся го-донимы, которые не могли сохраниться в послереволюционном Сталинграде из-за их противоречия идеологии нового государства. Наиболее заметные изменения претерпел меморативный событийный код: улица *Спасская* → улица им. *Володарского*, улица *Успенская* → улица им. *Ленина*, улица *Троицкая* → улица им. *Урицкого* (исчезает с карты города между 1942 и 1959 гг.). Вероятно, из-за созвучия с чуждыми идеологии Советского Союза элементами были переименованы улицы *Царицынская* → *Краснознаменская*, *Княгининская* → *Рабоче-Крестьянская*.

Локативный код, связанный с названиями населенных пунктов Российской империи, был наиболее распространенным для Царицына 1914 г.: к нему относились номинации более чем 60 % линейных объектов города. Потребность в фиксации значимых для идеологии категорий и явлений привела к следующему изменению: улица *Астраханская* → улица *Советская*, улица *Воронежская* → улица *Коммунистическая*, улица *Хвальнская* → улица *КИМ*.

В таблице 1 приведены другие наименования, измененные между 1914 и 1925 гг.:

Некоторые изменения в гононимической системе связаны не только с переименованием, но и с объединением двух улиц в одну или разделением одного линейного объекта на два. Так, улица *Еленинская* была переименована в улицу *Благовеская*, но уже к 1942 г. этот линейный объект являлся частью улицы *Саратовская*. Аналогично улица *Черниговская* к 1925 г.

стала улицей *Республиканская*, которая к 1959 г. была объединена с проспектом им. Ленина. Улица *Линецкая* была разделена на два объекта по пересекающей ее железной дороге, при этом одна половина сохранила изначальное наименование, а вторая стала *Баррикадная*.

Как видно из приведенных выше данных, именно после Октябрьской революции в городе появляются наименования условно-символического лингвистического кода, которые отражают общественные ценности (улицы *Социалистическая*, *Коммунистическая*). Возникают номинации меморативного группового кода (площадь *Парижской коммуны*), увековечивающего память исторических групп и коллективов. Наименования меморативного личного кода не только увеличиваются количественно, но и изменяются качественно: если в 1914 г. такие названия в основном были связаны с именами святых и российских монархов, то после Октябрьской революции они увековечивают имена партийных и революционных фигур.

Линейных объектов, изменивших наименование единожды после 1925 г., существенно меньше: к 1942 г. улица *Маршинская* → улица *Банковская*, улица *Ставропольская* → улица *Авиационная*. К 1959 г. оба линейных объекта перестали существовать. Улица *Елецкая*, которую план 1925 г. отмечает как один линейный объект, к 1942 г. оказалась разделена на две части, одна из которых стала улицей им. *Огарева*, а вторая сохранила изначальную номинацию. В таком виде эти объекты городской застройки сохранились до наших дней. В 1964 г. в улицу *7-й Гвардейской* была переименована улица *Уральская*, чья номинация фиксировалась с 1914 г. Улица *Сурская* сохраняла свое название с 1914 г. вплоть до 1982 г., когда была переименована в улицу *10-й Дивизии НКВД* в честь

Таблица 1

Изменения названий линейных объектов города между 1914 и 1925 гг.

1914	1925	Примечания
Азовская	Калинина	Номинация не изменялась с 1925 по 2022 гг.
Анастасийская	Волго-Донская	Современная фиксация – Волгодонская
Архангельская	Красно-Заводская	Современная фиксация – Краснозаводская
Крайняя	Воровского	На карте 1942 г. отсутствует, застроена
Софийская	Профсоюзная	Не фиксируется источником 1959 г.
Базарная площадь	Площадь Парижской коммуны	Источник 1942 г. не указывает наименования объекта
Варваринская	Красно-флотская	Современная фиксация – Краснофлотская
Екатерининская	Пролеткульская	Номинация не изменялась с 1925 по 2022 гг.
Скорбященская площадь	Площадь 1-го мая	Источник 1942 г. не указывает наименования объекта
Козьмодемьянская	Социалистическая	Номинация не изменялась с 1925 по 2022 гг.
Крестецкая	Совнаркомовская	Номинация не изменялась с 1925 по 2022 гг.
Надеждинская	Большевицкая	Застроена после 1959 г.
Ставропольская	Некрасовская	Современный общегородской перечень отмечает существование этой улицы, фактически же она превращена во внутривдворовой проезд

соединения, державшего оборону в этой части города во время Сталинградской битвы.

Значительно меньшее количество наименований было изменено дважды. Большинство таких номинаций, относящихся к меморативному личностному коду, к 1925 г. увековечивали имена видных политических фигур, но уже к 1942 г. из-за разгоревшейся после смерти В.И. Ленина внутрипартийной борьбы оказались антиреволюционными и не востребовавшими. Так, улица *Борисоглебская* к 1925 г. → улица им. *Зиновьева*, а уже к 1942 → улица им. *Кирова*. В таком виде она фиксируется еще атласом жилых районов 1959 г., но уже сопровождается пометой о планах к превращению во внутривороную проезд. Сейчас эта улица отсутствует, одноименный объект в южной части города с ней не связан ничем, кроме названия.

Аналогичные преобразования претерпела улица *Предтеченская*. К 1925 г. ей было присвоено имя Л.Д. Троцкого, но уже в 1942 г. она называлась *Исполкомская*. После Сталинградской битвы и последующего восстановления города улица оказалась частично застроенной, от нее остался только внутривороную проезд. Аналогично улица *Касимовская* к 1925 г. была переименована в честь С.К. Минина, а к 1942 году по политическим причинам в улицу *Аджарская*, которая в дальнейшем оказалась застроенной.

Улица *Каширская* была переименована в честь большевика, члена Царицынского комитета РСДРП(б) Я.З. Ермана, однако уже к 1942 г. она стала улицей им. *Циолковского*. Возможно, причиной второй смены номинации становится переименование села Новая Отрада в поселок им. Ермана и дальнейшее его включение в состав города. Не исключено, что улица им. *Ермана* могла стать центральной для этого поселка, аналогично современному Кировскому району Волгограда, где одной из основных улиц является улица им. Кирова.

Внутрипартийная борьба и политические конфликты как экстралингвистические причины переименований актуальны для города не только между 1925-м и 1942 гг. Так, улица *Тихвинская* к 1925 г. переименована в улицу *Буденновская*, до Сталинградской битвы и после нее это наименование сохраняется, но в 1957 г. линейный объект становится улицей *Антарктидская*. Это может объясняться конфликтом, разгоревшимся между С.М. Буденным и Н.С. Хрущевым в 1954 г.

В группу дважды переименованных линейных объектов относится и улица, на плане 1914 г. названная *Волжская*. К 1925 г. она была переименована в *Красно-волжскую*, видимо, для придания названию революционной окраски, а уже в 1942 г. обозначена как *Ворошилов* (точно реконструировать номинацию не удалось). После Сталинградской битвы улица была застроена. Согласно плану 1925 г., улица *Краснослободская* стала улицей *Комитетская*,

а в 1957 г., в годовщину значимого события, была переименована в улицу *Царицынской обороны*, это наименование сохранено и в наше время. В 1983 г., вероятно к 50-летию окончания Сталинградской битвы, улица *Краснопитерская*, изначально называвшаяся *Петровская*, подверглась переименованию в улицу им. *Чуйкова*.

В отдельную группу можно выделить номинации, в которых изменились словообразовательная структура и частеречная принадлежность. Так, улица *Царевская* в силу экстралингвистических причин не могла сохраниться в послереволюционном Сталинграде и была переименована в улицу им. *Емельяна Пугачева*. Однако уже в 1942 г. этот линейный объект называется *Пугачевская*, такую номинацию он сохраняет и в наше время. Подобным образом несколько раз менялось наименование современной улицы им. *Чапаева*: в 1914 г. – *Печерская*, в 1925 – улица им. *Чапаева*, в 1942 г. и 1959 г. – *Чапаевская*, в 2022 г. – улица им. *Чапаева*. Аналогичные процессы произошли с современной улицей им. *Желябова*. В 1914-м и 1925 гг. линейный объект назывался *Ольгинская*, в 1925 г. и 1959 г. – *Желябовская*, в 2022 г. – улица им. *Желябова*. Вероятно, причиной таких изменений является попытка унифицировать и отделить годонимы, относящиеся к меморативному личностному коду, от других наименований.

Объединение и дробление линейных объектов как причина изменения номинации характерны и для двукратно изменившихся годонимов. Улица *Бельская* к 1925 г. была переименована в улицу им. *Бакунина*, а уже в 1942 г. стала частью улицы *Коммунистическая* (бывшая *Воронежская*).

Изменения городской застройки после Сталинградской битвы не могли не повлиять и на годонимическую систему. Например, улицы *Вознесенская*, *Преображенская* и *Покровская* к 1925 г. были переименованы в улицы им. *Либкнехта*, *Комсомольская* и *Жигулевская*. Такие номинации зафиксированы и источником 1942 г., однако в ходе восстановления города все три линейных объекта были объединены в *Аллею Героев* и в таком виде сохранились до наших дней. Современные волгоградские улицы им. *Либкнехта*, *Комсомольская* и *Жигулевская* не имеют никакого отношения к одноименным сталинградским.

Объединение двух улиц в одну и дальнейшее переименование произошло и с современной улицей *13-й Гвардейской дивизии*. В 1914 г. на месте этого линейного объекта проходили две улицы, *Владимирская* и *Казанская*. На карте 1925 г. подписана только первая, Казанская не отмечена. В 1942 г. это единая улица *Солнечная*. В 1947 г. она была переименована и получила современное название в честь воинского соединения, оборонявшего Сталинград в годы Великой Отечественной войны.

Три улицы современного Волгограда были переименованы трижды. Так, улица *Александровская* к 1925 г. была не только разделена на два линейных объекта, но и переименована в улицы *Октябрьская верхняя* и *Октябрьская нижняя*. К 1942 г. два линейных объекта вновь были объединены в улицу *Октябрьская*, в 1956 г. преобразованную в проспект им. *Ленина*. Трижды переименовывалась и современная улица им. *Лавочкина*, изначально называвшаяся *Коломенская*. В 1925 г. она зафиксирована как *Большая Красно-свободская*, в 1942 г. – *Красносвободская*, а в 1960 г. приобрела свое нынешнее наименование.

Улица им. *Канунникова* тоже трижды переименовывалась, но история этого топонима уникальна. В 1914 году этот линейный объект назывался *Бирская*. В 1925 г. ему присвоили имя *Розы Люксембург*, а в 1942 г. улица вновь называется *Бирская*, причем это не ошибка источника: в 1959 г. зафиксировано именно изначальное наименование. В 1975 г. улице вновь переименовали в улицу им. *Канунникова*, а в чем причина переименования в Бирскую между 1925 и 1942 гг. – остается только предполагать.

Четырежды переименованных линейных объекта в Центральном районе Волгограда четыре. Политические процессы наиболее ярко отразились в переименованиях современной набережной *62-й Армии*. В дореволюционном Царицыне этот линейный объект не имел конкретной номинации, на плане 1914 г. отмечено «Набережная безымянная». Уже в 1925 г. набережной присваивается имя *Степана Разина*. В 1942 г. это *Сталинская* набережная. Атлас 1959 г. фиксирует описательное название: *Набережная Центрального района*. В 1975 г. набережной присвоена современная номинация.

Такое же количество изменений претерпела нынешняя площадь им. *Ленина*. Изначально этот объект городской застройки назывался *Никольская*, в 1925 г. он был переименован в площадь *9-го января*, источник 1942 года фиксирует эту же номинацию. Вероятно, при восстановлении города после Сталинградской битвы площадь получает название *Обороны*. В 1960 г., в ознаменование 90-летия со дня рождения В.И. Ленина, объекту присвоено современное наименование.

Неоднократно была переименована и современная улица *Комсомольская*. В 1914 г. этот линейный объект назывался *Ярославская*, в 1925-м и 1942 г. – улица им. *Халтурина*, после Сталинградской битвы носила название *Ново-Вокзальная*, а в 1951 г. получила нынешнюю номинацию.

Улица *Ростовская* частично сохранила свое изначальное название, частично была переименована. Это объясняется тем, что к 1942 г. линейный объект был разделен на две части: до железной дороги шла улица *Ростовская*, а после нее – уже улица им. *Молотова*.

После восстановления города линейный объект был переименован в улицу *50 лет профсоюзов* и в 1959 г. уже отмечен атласом жилых районов как улица *Профсоюзная*.

Таким образом, переименования линейных и точечных объектов Царицына – Сталинграда – Волгограда, произошедшие в городе с 1914 г., объясняются тремя основными тенденциями:

1. Избавление от идеологически неприемлемых наименований и присвоение идеологически соответствующих, причем внутривластная борьба как причина переименований является частным случаем. Эта тенденция актуальна для всех рассмотренных исторических периодов, но в разной степени.

2. Переименование центральных улиц как более семантически нагруженных для закрепления среди населения значимых для молодого Советского государства явлений и категорий. Особенно заметно при сопоставлении планов города 1925 г. и 1914 г.

3. Увековечивание памяти как отдельных участников Великой Отечественной войны и Сталинградской битвы, так и целых воинских соединений.

Вследствие переименований в городе фиксируются отсутствующие до этого номинации условно-символического, меморативного группового и меморативного событийного кодов, существенно увеличивается число меморативных личностных номинаций, количество же наименований, реализующих локативный код, сокращается. Наибольшим изменениям с 1914 по 1959 г. подвергается именно локативный код, что объясняется его широкой распространенностью на всех рассмотренных этапах развития города.

Примечания

¹ Росархив: План г. Сталинграда и его окрестностей на 20–21 сентября 1942 г. URL: <https://stalingrad.rusarchives.ru/dokumenty/plan-g-stalingrada-i-ego-okrestnostey-na-20-21-sentyabrya-1942-g> (дата обращения: 30.08.2023).

² Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р–3125. Оп. 3. 102 л.

³ Об утверждении Общегородского перечня наименований элементов улично-дорожной сети и элементов планировочной структуры городского округа город-герой Волгоград: постановление администрации города Волгограда от 10 октября 2011 года: (с изм. от 23.08.2022) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/446506494> (дата обращения: 30.08.2023).

Список литературы

Бугров И. Рисованный план Сталинграда. Сталинград: Литография изд-ва «Борьба», 1925. 1 с.

Володина Т.А. Проблема устойчивости и изменчивости смыслов в исторической топонимике // НИР. 2022. № 2. С. 491–502.

Демьянов К.В., Рыженко В.Г. Идеология, топонимика, политика памяти: о массовом переименовании городов в СССР // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2017. № 4. С. 153–160.

Ильин Д.Ю., Сидорова Е.Г. Отражение процессов глобализации и глокализации в годонимическом пространстве малых населенных пунктов // Вестник ВолГУ. Сер. 2: Языкознание. 2022. № 6. С. 100–109.

Ильин Д.Ю., Сидорова Е.Г. Лингвистические коды волгоградских годонимов как отражение региональной топонимической политики // Вестник ВолГУ. Сер. 2: Языкознание. 2020. № 6. С. 69–80.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. Москва: Наука, 1988. 192 с.

Разумов Р.В. Процесс переименования объектов в Российской Федерации в 1990–2000-е гг. как особая социокультурная практика // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4 (23). С. 196–204.

Ружицкий Б. Переименование городской топонимии как средство переопределения местной идентичности: декоммунизация названий улиц в Польше // Городские исследования и практики. 2021. № 1. С. 109–123.

Сидорова Е.Г. Годонимическое пространство: содержание и объем понятия // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики в контексте межкультурной коммуникации. Орел: Изд-во ОГУ им. И.С. Тургенева. 2021. С. 212–217.

Соков М.Я. Оригинальный план г. Царицына Саратовской губернии. URL: http://www.etomesto.ru/map-volgograd_1914/ (дата обращения: 30.08.2023).

Шмелева Т.В. Словесность и культурная память города // Ученые записки НовГУ. 2018. № 4 (16). С. 1–4.

Шмелева Т.В. Советское наследие в новгородской топонимии // Советская культура в современном социопространстве России: трансформации и перспективы. Екатеринбург: [б. и.], 2008. С. 1–20. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1797/2/Part%20202008-28.pdf> (дата обращения: 29.08.2023).

Янушкина Ю.В. Архитектура Сталинграда 1925–1961 гг. Образ города в культуре и его воплощение. Волгоград: ВолГАСУ, 2014. 201 с.

References

Bugrov I. *Risovannyi plan Staligrada* [Drawn plan of Stalingrad]. Stalingrad, Lithograph of the publishing house "Bor'ba" Publ., 1925, 1 p.

Dem'ianov K.V., Ryzhenko V.G. *Ideologiya, toponimika, politika pamiati: o massovom pereimenovanii gorodov v SSSR* [Ideology, Toponymy, Policy of Memory: about City's Renaming in the USSR]. *Vestnik Om-*

skogo universiteta. Ser.: Istoricheskie nauki [Herald of Omsk University. Ser: Historical Studies], 2017, No. 4, pp. 153-160. (In Russ.)

Ilyin D.Yu, Sidorova E.G. *Otrazhenie protsessov globalizatsii i glokalizatsii v godonimicheskom prostranstve mal'nykh naseleennykh punktov* [Reflection of the Processes of Globalization and Glocalization in the Hodonymic Space of Small Settlements]. *Vestnik VolGU. Ser. 2: Iazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Ser. 2: Linguistics], 2022, No. 6, pp. 100-109. (In Russ.)

Ilyin D.Yu, Sidorova E.G. *Lingvisticheskie kody volgogradskikh godonimov kak otrazhenie regional'noi toponimicheskoi politiki* [Linguistic Codes of Volgograd Godonyms as a Reflection of Regional Toponymic Policy]. *Vestnik VolGU. Ser. 2: Iazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Ser. 2: Linguistics], 2020, No. 6, pp. 69-80. (In Russ.)

Ianushkina Iu.V. *Arkhitektura Staligrada 1925–1961 gg. Obraz goroda v kul'ture i ego voploshchenie* [Architecture of Stalingrad 1925–1961. The image of the city in culture and its embodiment]. Volgograd, VolgGASU Publ., 2014, 201 p.

Podol'skaia N.V. *Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 192 p. (In Russ.)

Razumov R.V. *Protseess pereimenovaniia ob'ektov v Rossiiskoi Federatsii v 1990–2000-e gg. kak osobaiia sotsiokul'turnaia praktika* [The Process of Renaming Objects in the Russian Federation in the 1990s–2000s as a Special Sociocultural Practice]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Verhnevolzhski philological bulletin], 2020, No. 4 (23), pp. 196-204. (In Russ.)

Ruzhitskii B. *Pereimenovanie gorodskoi toponimii kak sredstvo pereopredeleniia mestnoi identichnosti: de-kommunizatsiia nazvanii ulits v Pol'she* [Renaming Urban Toponymy as a Mean of Redegining Local Identity: The Case of Street]. *Gorodskie issledovaniia i praktiki* [Urban Studies and Practices], 2021, No. 1, pp. 109-123. (In Russ.)

Sidorova E.G. *Godonimicheskoe prostranstvo: sodержanie i ob'em poniatii* [Hodonymic space: content and scope of the concept]. *Aktual'nye voprosy lingvistiki i lingvodidaktiki v kontekste mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Current Issues of Linguistics and Linguodidactics in the Context of Intercultural Communication]. Orel, OGU im. I.S. Turgeneva Publ., 2021, pp. 212-217. (In Russ.)

Sokov M.Ia. *Original'nyi plan g. Tsaritsyna Saratovskoi gubernii* [The Original Plan of the Tsaritsyn city, Saratov Province]. URL: http://www.etomesto.ru/map-volgograd_1914/ (access date: 30.08.2023). (In Russ.)

Shmeleva T.V. *Slovesnost' i kul'turnaia pamiat' goroda* [Slovesnost' and cultural memory of the city]. *Uchenye zapiski NovGU* [Memoirs of NovSU], 2018, No. 4 (16), pp. 1-4. (In Russ.)

Shmeleva T.V. *Sovetskoe nasledie v novgorodskoi godonimii* [Soviet legacy in Novgorod godonymy]. *Sovetskaia kul'tura v sovremennom sotsioprostranstve Rossii: transformatsii i perspektivy* [Soviet culture in the modern social space of Russia: transformations and prospects]. Ekaterinburg, 2008, pp. 1-20. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1797/2/Part2%202008-28.pdf> (access date: 29.08.2023). (In Russ.)

Volodina T.A. *Problema ustoichivosti i izmenchivosti smyslov v istoricheskoi toponimike* [The Problem of Sus-

tainability and Mutability of Values in Historical Toponymy]. *Noveishaia istoriia Rossii* [Modern History of Russia], 2022, No. 2, pp. 491-502. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.08.2023; одобрена после рецензирования 16.10.2023; принята к публикации 18.10.2023.

The article was submitted 01.08.2023; approved after reviewing 16.10.2023; accepted for publication 18.10.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 207–211. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 3, pp. 207–211. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

УДК 821(410.1)''20''

EDN OVRUBN

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-207-211>

АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ГОРОДА (на примере модернистского романа В. Вулф «Миссис Дэллоуэй»)

Катермина Вероника Викторовна, доктор филологических наук, профессор, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, veronika.katermina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9141-9867>

Володина Дарья Евгеньевна, соискатель, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, daria.volodina99@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9618-9287>

Аннотация. Феномен города представляет собой сложный социокультурный комплекс, который рассматривается с разных точек зрения в исследованиях гуманитарных дисциплин. В настоящее время все больше исследователей – философы, литературоведы, филологи, лингвисты, урбанисты, психологи, социологи – занимаются анализом проблемы урбанизма как в поле реальной жизни, так и в контексте художественных повествований. Это обусловлено тем, что, начиная с эпохи модернизма и вплоть до наших дней, лингвокультурная репрезентация образов городов разными авторами, в том числе и В. Вулф, выходит за рамки простого топонимического описания. В центре внимания настоящей статьи находится анализ языковых средств создания образа города как одной из фундаментальных проблем литературы модернизма на примере романа «Миссис Дэллоуэй» В. Вулф. В анализируемом произведении Лондон представляет собой сосредоточение индивидуально-перцептивных, культурных, социальных, географических и исторических аспектов, в целом создающих особый индивидуально-авторский урбанистический контекст. В настоящей работе приведены примеры ономастопеи, а также даётся обзор топонимов – лингвистических единиц, являющихся весьма важными элементами урбанистического контекста, так как с их помощью автору удастся не только воссоздать лингвокультурный образ Лондона, но также изобразить данный мегаполис как призму, через которую герои воспринимают реальность, как транслятор внутренних чувств и переживаний персонажей.

Ключевые слова: образ, город, модернизм, литература модернизма, урбанистический контекст, топонимы.

Для цитирования: Катермина В.В., Володина Д.Е. Анализ языковых средств создания образа города (на примере модернистского романа В. Вулф «Миссис Дэллоуэй») // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 207–211. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-207-211>

Research Article

ANALYSIS OF LINGUISTIC MEANS CREATING THE IMAGE OF THE CITY (on the example of V. Woolf's modernist novel "Mrs. Dalloway")

Veronika V. Katermina, Doctor of Philological Sciences, Professor, Kuban State University, Krasnodar, Russia, veronika.katermina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9141-9867>

Darya E. Volodina, Master of Arts, Kuban State University, Krasnodar, Russia, daria.volodina99@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9618-9287>

Abstract. The phenomenon of the city is a complex socio-cultural matter, which is analysed from different points of view in the studies of the humanities. Currently more and more scholars, such as philosophers, literary critics, philologists, linguists, urbanists, psychologists, sociologists, are engaged in analyzing the problem of urbanism both in the field of real life and in the context of literary narratives. It takes place because, since the era of modernism and up to the present day, the linguistic and cultural representation of images of cities by various authors, including V. Woolf, goes beyond a simple toponymic description. The main aim of this article is to analyze the linguistic means that create the image of the city as one of the fundamental problems of modernist literature on the example of the novel "Mrs. Dalloway" by V. Woolf. In this novel, London is described as a concentration of individually perceptual, cultural, social, geographical, and historical aspects, that generally create an authentic and individual urban context of the author. The article also provides an overview of onomatopoeia and toponyms – linguistic units and significant elements of the urban context, because by using them the author not only creates the linguistic and cultural image of London, but also portrays this city as a prism through which the characters perceive reality and as a translator of the characters' inner feelings and experiences.

Keywords: image, city, modernism, modernist literature, urban context, toponyms.

For citation: Katermina V.V., Volodina D.E. Analysis of linguistic means creating the image of the city (on the example of V. Woolf's modernist novel "Mrs. Dalloway"). Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 3, pp. 207–211 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-207-211>

Город как социокультурное явление исследуется на протяжении довольно длительного времени, являясь при этом одной из самых сложных и обсуждаемых проблем в контексте гуманитарных наук, в частности – лингвистической урбанистики, литературоведения и лингвистики текста.

Столь огромный интерес к данной проблеме можно наблюдать в работах современных ученых и исследователей – Е.В. Белоглазова, Е.В. Бондарюк, В.В. Кабакчи, А.С. Канеева. Это связано с тем, что феномен города имеет важное значение в жизни людей. По своей сути город представляет собой продукт или результат развития общества, так как включает в себя разного рода человеческие достижения: исторические, культурные, духовные, социальные. Как правило, ставя вопрос о влиянии города на литературу и культуру, исследователи и теоретики литературы (Н.А. Урусова, З.М. Чемодурова, Л.А. Шестак) анализируют образы городов в конкретно взятых произведениях авторов разных эпох, образы великих и крупных городов в определенной национальной картине мира, изменения в человеческом сознании и восприятии, а также в человеческой психологии, происходящие в определенном урбанистическом контексте и впоследствии влекущие за собой перемены в художественном пространстве произведений литературы. Одним из первых тему современного города в своих работах затронул немецкий теоретик культуры и социолог Георг Зиммель. В одном из своих ключевых эссе 1903 г. «Большие города и духовная жизнь» («Die Grossstadt und das Geistesleben») Г. Зиммель рассматривает влияние внешней социальной среды на психологию личности. В данной работе немецкий социолог анализирует связь между урбанистическим контекстом, то есть городским образом жизни, и образом жизни нового типа личности рубежа XIX–XX столетий, которому предстоит стать героем модернистского романа или же впоследствии персонажем постмодернистского текста.

Сравнивая в вышеупомянутом эссе жизнь в малых и больших городах (доурбанистической и урбанистической реальности), Г. Зиммель подчеркивает, что «интеллектуальный характер душевной жизни жителей в больших городах преобладает над характером жителей малых городов» [Зиммель: 25]. Исследователь также делает акцент на связи между жизнью в большом городе и психологией его обитателей.

В большинстве случаев эта цепочка одномоментных или быстро сменяющихся друг друга внешних и внутренних впечатлений, порожденных городской

средой, приводит к возникновению нового типа личности или литературного героя, который вынужден вырабатывать новые способы адаптации к данному урбанистическому контексту, а также новые механизмы психологической защиты.

Исходя из всего вышесказанного, мы можем сделать вывод о том, что анализ мегаполисов немецкого философа и социолога Г. Зиммеля оказал большое влияние на дальнейшие исследования литературных критиков, социологов и ученых-урбанистов, во многом предначертывав взгляды и подходы, касающиеся урбанистики и появившиеся уже во второй половине XX в. Можем утверждать, что Г. Зиммель в какой-то степени предвосхитил тему влияния урбанистического контекста на индивида, присутствующую в некоторых текстах эпохи модернизма, в том числе и в актуальном для нашего исследования художественном произведении – романе В. Вулф «Миссис Дэллоуэй».

О том, что изображение большого города являлось одной из центральных тем художественных произведений эпохи модерна в 1976 г., заявил и Малколм Брэдбери, британский писатель, литературный критик и преподаватель, больше известный как автор биофантастического романа «В Эрмитаж!». В своем труде «Историческая личность» М. Брэдбери подчеркивает, что именно мегаполисы являлись той культурной средой, в которой имели место быть «интеллектуально-эстетические дебаты революции модернизма в искусстве» [Брэдбери: 115]. Мегаполисы западного мира представляли собой ту новую среду, в которой присутствовало сосредоточение всей сложности и всего напряжения модернистского сознания и модернистского письма. Многочисленные исследования образов больших городов, таких как Дублин в произведениях Дж. Джойса, Лондон у В. Вулф, Нью-Йорк у Дж. Дос Пассоса, Берлин у А. Деблина, Москва у М. Булгакова, подтверждают тот факт, что мегаполис по своей сути сам является одним из главных героев типичного модернистского романа.

Как и для большинства писателей, в частности представителей эпохи модернизма, творчество Вирджинии Вулф обуславливается временем и культурологическим пространством, в которых она жила. Главным сосредоточением жизни, культуры и вдохновения для В. Вулф являлся Лондон, ее родной город и топоним большинства произведений писательницы. Здания, улицы, парки и переулки Лондона для В. Вулф представляли собой нечто большее, чем просто дом. Для писательницы они были источником вдохновения и жизненной силы, отражением ее

состояния, внутренних чувств и переживаний – всего того, что она пыталась донести до читателя и принести в свои романы.

Как отмечают многие литературоведы и критики (А.А. Аствацатуров, А.Я. Ливергант), уникальность В. Вулф как творца и писателя-модерниста заключается в том факте, что она, познавая окружающий мир, способна изображать и преображать его в своих текстах с опорой на собственные представления о мироустройстве. Согласно современному писателю-постмодернисту и филологу А. Аствацатурову, В. Вулф транслирует для читателей этот мир через «пакет [своих] интенсивных впечатлений» [Аствацатуров: 28]. Тексты В. Вулф буквально пропитаны и проникнуты духом Лондона. Читатель может также воспринимать Лондон как отдельного персонажа произведений Вулф. Так, сама писательница в своих дневниковых записях от 31 мая 1928 г. зафиксировала следующее: «Лондон постоянно привлекает меня, стимулирует, щедро дарит мне пьесу, рассказ или стихотворение, когда я отправляюсь гулять по его улицам...» [Ливергант: 58]. Как отмечают биографы и исследователи текстов В. Вулф, писательница предпочитала открывать для себя пространство родного города во время пеших прогулок или созерцать Лондон с верха двухэтажного автобуса, словно как Миссис Дэллоуэй, главная героиня одноименного романа: «Как-то Кларисса, когда они [с Питером Уолшем] ехали вместе в автобусе, наверху, – Кларисса, у которой в те времена стремительно менялось настроение – то она в отчаянии, то сияет, и вечно как натянутая струна, – и всегда с ней бывало так интересно, она примечала забавные сценки, людей или вывески из автобуса, когда они колесили по Лондону и набирали, бывало, полные сумки сокровищ на Каледонском базаре» [Вулф: 39]. Мы видим, что на страницах романа автор стремится передать восхищение Лондоном не только персонажей, но также свою собственную любовь к феномену этого мегаполиса. Следует подчеркнуть, что для того, чтобы максимально погрузить читателя в атмосферу живого Лондона – сосредоточения культуры и цивилизации, словно в формате «живой экскурсии», В. Вулф прибегает к использованию в своих текстах таких языковых средств, как топонимы. В свою очередь, данные лексические единицы представляют собой имена собственные, обозначающие название природного объекта на Земле или же, в нашем случае, названия объектов, созданных человеком на Земле.

Посредством использования топонимов в модернистском романе «Миссис Дэллоуэй» В. Вулф не только воссоздает лингвокультурный образ Лондона, но также изображает этот город как призму, через которую герои воспринимают реальность, как транслятор внутренних чувств и переживаний персонажей.

Особого внимания заслуживает то, что в некоторых фрагментах романа «Миссис Дэллоуэй» весьма необычно и в типично модернистской манере автором представлены пространственно-временные рамки. Так, читатель может наблюдать, что в общем пространстве и времени описываемой ситуации происходит резкий переход, в данном случае – от категории протяженного пространства-времени к конкретной локации-моменту: “And there he [Peter Walsh] was, this fortunate man, himself, reflected in the plate-glass window of a motor-car manufacturer in Victoria Street. All India lay behind him; plains, mountains; epidemics of cholera; a district twice as big as Ireland; decisions he had come to alone – he, Peter Walsh” [Woolf: 47]. Зачастую пространственно-временной переход связан не только с изображением образа Лондона, но и непосредственно с воспоминаниями героя. Так, в приведенном нами фрагменте текста резкая смена настоящего обозначена топонимом, или локальным маркером, – “Victoria Street”, ретроспекция же выражена с помощью следующей метафоры: “all India lay behind him”.

Кроме того, используя многочисленные топонимы реального Лондона в художественном тексте, автор помогает читателю приблизиться ко всему происходящему в романе, а также лучше и глубже погрузиться в атмосферу этого живого города. Приведем примеры следующих топонимов: Oxford Street (Оксфорд-стрит) (данная улица являлась местом вдохновения для самой писательницы и привлекала ее блеском своих витрин), Victoria Street (Виктория-стрит), Arlington Street (Арлингтон-стрит), Piccadilly (Пикадилли – одна из самых широких и оживленных улиц в историческом центре Лондона), Bond Street (Бонд-стрит), о которой главная героиня романа миссис Дэллоуэй отзывается следующим образом, предаваясь теплым воспоминаниям из своей юности: “Bond Street fascinated her; Bond Street early in the morning in the season; its flags flying; its shops; no splash; no glitter; one roll of tweed in the shop where her father had bought his suits for fifty years; a few pearls; salmon on a nice block” [Woolf: 13].

Еще одним немаловажным составляющим элементом лингвокультурного образа города является ономастопея – языковой прием, используемый автором для воссоздания звукового фона жизни города, а также для передачи потока чувств героев данного произведения: “A great brush swept smooth across his mind, sweeping across it moving branches, children’s voices, the shuffle of feet, and people passing, and humming traffic, rising and falling traffic. Down, down he [Peter Walsh] sank into the plumes and feathers of sleep, sank, and was muffled over...” [Woolf: 53], ““Or he [Septimus Smith] was hearing music. Really it was only a barrel organ or some man crying in the street. But

Lovely!” he used to cry, and the tears would run down his cheeks” [Woolf: 62].

Так, жители Лондона едва ли замечают грохот проезжающих автомобилей, а Питер Уолш, один из главных героев, умудряется заснуть на скамейке в парке под словно убаюкивающие его звуки оживленного города. В то же время они, как звуки шарманки, задевают чувства Септимуса Смита – персонажа, испытывающего душевный кризис, и в буквальном смысле доводят его до слез.

На смысловом уровне читатель может наблюдать, что состояние счастья героя, степень его удовлетворенности собой и его влюбленность в настоящее обусловлены его опытом прошлого, о котором, собственно, и повествует автор, то есть в ходе повествования происходит смена не только плана настоящего на план ретроспекции, но также и локации происходящего.

Проанализированный нами модернистский роман В. Вулф «Миссис Дэллоуэй» является весьма показательным в плане раскрытия самых различных составляющих урбанистического, в данном случае лондонского, контекста. В произведении английской писательнице удается реализовать установку на аутентичное описание Лондона, а также усилить фактографичность повествования посредством использования таких языковых средств, как топонимы и ономапогея. Данные лингвистические единицы являются весьма важными элементами урбанистического контекста, так как с их помощью автору удается не только воссоздать лингвокультурный образ Лондона, но также изобразить этот город как призму, через которую герои воспринимают окружающую их действительность.

Таким образом, тема города является одной из самых актуальных проблем, характерных для такого пласта мировой культуры, как модернизм. Кроме того, привлечение большего количества научных работ исследователей в области теории литературы, лингвистической урбанистики и культурологии, на наш взгляд, позволит расширить круг вопросов, касающихся города как социально-культурного и литературного феномена, а также основания для более детального анализа.

Список литературы

- Аствацатуров А.А. Хаос и симметрия. От Уайльда до наших дней. Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. 380 с.
- Белоглазова Е.В., Кабакчи В.В. Введение в интерлингвокультурологию. Москва: Юрайт, 2019. 150 с.
- Бредбери М. Историческая личность: роман. Санкт-Петербург: Домино, 2010. 368 с.
- Вулф В. Миссис Дэллоуэй. Москва: АСТ, 2022. 256 с.

Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. Москва: Новое издательство, 2018. 112 с.

Ливергант А.Я. Вирджиния Вулф: «Моменты бытия». Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. 445 с.

Урсова Н.А., Чемодурова З.М. Лингвокультурологические особенности романа Дж. Барнса «Шум времени» // Исследования языка и современное гуманитарное знание. 2020. Т. 2, № 2. С. 81–91.

Чемодурова З.М. Когнитивный диссонанс как компонент интерпретационной программы постмодернистского художественного текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 2. С. 55–64.

Шестак Л.А. Языковые образы: лингвокреативные символы этнокультурной духовности. Белгород: Эпицентр, 2021. 314 с.

Kaneeva A.S., Bodnaruk E.V. Organization and Semantic Relations within the Lexico-Semantic Field “Landscape Architecture” (by the Material of the English Language) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, вып. 12. С. 3970–3975.

Woolf Virginia. Mrs. Dalloway. London, Collins Classics, 2015, 212 p.

References

- Astvacaturov A.A. *Haos i simmetriya. Ot Uajl'da do nashih dnei* [Chaos and symmetry. From Wilde to the present day]. Moscow, AST Publ., Redakciya Eleny Shubinoj Publ., 2020, 380 p. (In Russ.)
- Beloglazova E.V., Kabakchi V.V. *Vvedenie v interlingvokul'turologiyu* [Introduction to Interlinguoculturology]. Moscow, Yurajt Publ., 2019, 150 p. (In Russ.)
- Bredberi M. *Istoricheskaya lichnost': roman* [Historical Figure: A Novel]. Saint-Petersburg, Domino Publ., 2010, 368 p. (In Russ.)
- Chemodurova Z.M. *Kognitivnyj dissonans kak komponent interpretacionnoj programmy postmodernistskogo hudozhestvennogo teksta* [Cognitive dissonance as a component of the interpretative program of a Postmodern literary text]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Questions of cognitive linguistics], 2019, No. 2, pp. 55-64. (In Russ.)
- Livergant A.Ya. *Virdzhiniya Vulf: "Momenty bytiya"* [Virginia Woolf: “Moments of Being”]. Moscow, AST Publ., Redakciya Eleny Shubinoj Publ., 2018, 445 p. (In Russ.)
- Shestak L.A. *Yazykovye obrazy: lingvokreativnye simvolyy etnokul'turnoj duhovnosti* [Language images: linguocreative symbols of ethno-cultural spirituality]. Belgorod, Epicentr Publ., 2021, 314 p. (In Russ.)
- Urusova N.A., Chemodurova Z.M. *Lingvokul'turologicheskie osobennosti romana Dzh. Barnsa "Shum vremeni"* [Linguocultural characteristics of Julian Barnes' “The noise of time”]. *Issledovaniya yazyka i sovremennoe gumanitarnoe znanie* [Language Stud-

ies and Modern Humanities], 2020, vol. 2, № 2, pp. 81-91. (In Russ.)

Vulf V. *Missis Dellouej* [Mrs Dalloway]. Moscow, AST Publ., 2022, 256 p.

Zimmel' G. *Bol'shie goroda i duhovnaya zhizn'* [Big cities and spiritual life]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2018, 112 p. (In Russ.)

Kaneeva A.S., Bodnaruk E.V. Organization and Semantic Relations within the Lexico-Semantic Field "Landscape Architecture" (by the Material of the English Language). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i*

praktiki [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2022, vol. 15, iss. 12, pp. 3970-3975.

Woolf Virginia. *Mrs. Dalloway*. London, Collins Classics, 2015, 212 p.

Статья поступила в редакцию 28.07.2023; одобрена после рецензирования 30.10.2023; принята к публикации 30.10.2023.

The article was submitted 28.07.2023; approved after reviewing 30.10.2023; accepted for publication 30.10.2023.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ТЕРМИНА *ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО* ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Хабибуллина Флёра Яхиятовна, кандидат педагогических наук, доцент, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Россия, khflora@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5438-1828>

Иванова Ираида Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Россия, iraida44@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5247-0125>

Аннотация. Цель исследования – определить особенности семантической структуры термина *делопроизводство* в современной терминосистеме французской документальной лингвистики. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе лексико-семантического поля (ЛСП) термина *делопроизводство* во французском языке. В результате установлено: семантическое поле исследуемого термина представляет собой единство центра и периферии с многоуровневой классификацией и областями реализации. В современном французском языке термин *делопроизводство* терминосистемы предметной области управления документацией характеризуется разнообразием видов терминологических единиц (номенов, терминов, номенклатурных наименований), их подвижностью в структуре ЛСП, что свидетельствует о процессе непрерывного пополнения и преобразования исследуемой терминосистемы.

Ключевые слова: термин, делопроизводство, лексико-семантическое поле, лексико-семантическая группа, центр, периферия, французский язык.

Для цитирования: Хабибуллина Ф.Я., Иванова И.Г. Лексико-семантическое поле термина *делопроизводство* во французском языке // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 212–220. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-212-220>

Research Article

LEXICO-SEMANTIC FIELD OF THE TERM “OFFICE WORK” IN FRENCH

Flera Ya. Khabibullina, candidate of pedagogical Sciences, Mari State University, Ioshkar-Ola, Russia, khflora@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5438-1828>

Iraida G. Ivanova, candidate of philological Sciences, Mari State University, Ioshkar-Ola, Russia, iraida44@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5247-0125>

Abstract. The purpose of the study is to determine the features of the semantic structure of the term “office work” in the modern terminological system of French documentary linguistics. The scientific novelty of the research lies in the complex analysis of the lexical and semantic field (LSP) of the term “office work” in French. As a result, it is established that the semantic field of the term under study is a unity of the center and periphery with a multilevel classification and areas of implementation. In modern French, the term “office work” of the term system of the subject area of documentation management is characterized by a variety of types of terminological units (nomens, terms, nomenclature names), their mobility in the structure of the LSP, which indicates the process of continuous replenishment and transformation of the studied term system.

Keywords: term, office work, lexico-semantic field, lexico-semantic group, center, periphery, French.

For citation: Khabibullina F.Ya., Ivanova I.G. Lexico-semantic field of the term “office work” in French. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 3, pp. 212–220 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-212-220>

Введение. Актуальность проблемы лексико-семантических полей обусловлена тем, что поле является структурной языковой организацией, позволяющей изучать многообразные аспекты лексических единиц. Теоретической базой исследования послужили публикации российских и зарубежных авторов, в которых рассматриваются принципы анализа специальной лексики по терминоведению (М.Н. Володина, В.Г. Гак, Б.Н. Головин, С.В. Гринев, Р.Ю. Кобрин, М.В. Косова), структурно-семантическая организация понятийно-терминологического аппарата предметной области управления документацией (Н.А. Белоус), проблемы соответствия французской и русской историко-архивной терминологии в свете подготовки международных толковых словарей (М.И. Олевская). Вопросы терминологии документационного обеспечения управления и архивного дела раскрыты в работах М.В. Комовой, М.В. Косовой, С.П. Кушнерук, Н.С. Максимовой, Ю.В. Нестерович, Ю.Н. Столярова, В.Ф. Янковой; организация терминосистем разных языков исследована О.В. Афанасьевой, А.М. Вельштейн, В.Д. Дородных, Т.В. Козловой, Л.К. Кондратьевой, В.П. Сорокалетовым, Т.Д. Михайленко и др.

Материалы и методы. В ходе настоящего исследования методом сплошной выборки было отобрано 322 лексических единицы, образующих лексико-семантическое поле «Делопроизводство», извлеченные из лексикографических источников – толковых, этимологических и специализированных словарей на французском языке («Le petit Robert» (2020), «Nouveau glossaire de l'archivage» (2010); Dictionnaire de terminologie archivistique «Direction des archives de France» (2002); «Франко-русский словарь архивной терминологии»; Буат В. «Архивная терминология. Франко-русские архивные словари» (2019); «Словарь международной архивной терминологии»; «Multilingual dictionaty of archivai terminology» (2013)), а также организационно-распорядительных документов и текстов (журналы «Le Figaro», «Le Monde», «Le Point», «Les Echos», «Journal du Management»), в которых используется терминология предметной области управления документацией. Для решения поставленных задач применялись описательный, классификационный методы, контекстуальный анализ, элементы компонентного анализа, методика количественных подсчетов.

Объектом анализа является лексико-семантическое поле термина предметной области «Документоведение», **предметом** – логико-понятийный и семантический аспекты ее рассмотрения. **Практическая ценность** работы заключается в возможности применения ее результатов в вузовских курсах документной лингвистики, лексикологии современного французского языка, документоведения, организации и технологии документационного обеспе-

чения управления, в спецкурсах по терминологии. Проведенное исследование может являться основой для создания терминологического справочника по делопроизводству.

Обсуждение и результаты. Интерес к терминологии делопроизводства и архивного дела возродился в начале XX века (Е.В. Дятлова, М.В. Комова, Н.С. Ларьков, Н.С. Максимова, Ю.В. Нестерович, В.С. Силков). Сфера документоведения приобретает особое значение в последние годы, о чем свидетельствует повышенный интерес исследователей и практиков, отраженный в новых изданиях по данной проблематике (Н.Н. Кунаев, Э.А. Бардаев, В.Б. Кравченко, Г.А. Шевцова, Р.С. Павлова, В.П. Егоров, А.В. Слинков, Л.А. Доронина, Е.Л. Маслова и др.). Книга В.Я. Ищейнова посвящена защите информации при ведении конфиденциального делопроизводства. В ней изложены основные вопросы методологии защиты конфиденциальности, рассмотрены математические модели угроз безопасности информации, а также оценка рисков утраты конфиденциальной информации в процессе делопроизводства [Ищейнов 2022]. В научной статье Е.А. Родимовой исследуются особенности организации делопроизводства и документооборота в органах местного самоуправления [Родимова 2022]. Е.В. Балганова рассматривает правовые и практические аспекты перехода кадрового делопроизводства на работу с электронными документами в общей системе документационного обеспечения управления организацией [Балганова 2023]. Работа М. Delamarre, описывая роль администрации во Франции, ее структуры, средства действия и адаптацию к институциональной эволюции, уточняет и углубляет ключевые понятия документационного управления в государственных службах и территориальных организациях Франции [Delamarre 2022]. Объектом теоретического анализа V. Couzinet является документация и её предмет – книга или документ, представленные в монографическом исследовании Paul Otlet. Автор предлагает свой метод их исследования – библиометрию, предполагающую изучение истории документационных объектов и их связь с другими науками. Универсальный библиографический справочник (RBU), внесенный в реестр мировой памяти, является техническим средством, обеспечивающим возможность обмена информацией в сфере делопроизводства [Couzinet, 2022].

Компетентность в вопросах делопроизводства, наличие необходимых умений и навыков работы с документами, понимание их роли в системе управления составляют важный признак современной деловой культуры и высокого профессионализма служащего, тем более работника аппарата государственной власти и управления. Специалисты осознают важность организационной, управленческой, информационной,

коммуникативной, духовно-культурной и исторической функций делопроизводства.

Центральное положение в характеризующей терминосистеме занимают термины, которые мы вслед за Б.Н. Головиным определяем как слова и/или подчинительные словосочетания, формирующие и выражающие профессиональные понятия и применяемые в коммуникативных процессах общественного производства [Головин 1987: 99]. Релевантными признаками этих лексических единиц является соотнесенность со специальной сферой употребления, дефинитивность, системность, относительная однозначность и др. В терминосистеме предметной области УД (управление документацией), по оценке Е.С. Белоус, указанные средства составляют 90,2 % от общего количества терминологических единиц, например: анкета, аннотация, декрет, нормативные документы, юридически значимый электронный документ [Белоус 2010: 26].

Толковый словарь Ожегова определяет термин *делопроизводство* как «ведение канцелярских дел» [Ожегов 2020]. Большой бухгалтерский словарь даёт более развёрнутую дефиницию данной лексической единицы: «Совокупность делопроизводственных операций, выполняемых административно-управленческим персоналом при реализации возложенных на него функций. К делопроизводственным операциям относятся приемы обработки документированной информации: составление, прием, передача, регистрация, индексация, утверждение, визирование, подписание, размножение, исполнение, отправка, контроль, хранение, уничтожение документов» [Большой бухгалтерский словарь]. Согласно «Малому академическому словарю», делопроизводство – это «совокупность работ по документированию деятельности учреждений и по организации документов в них; ведение канцелярских дел» [МАС].

Для определения семантической структуры термина *делопроизводство* применим полевой подход. В «Большом энциклопедическом словаре. Языкознание» предлагается следующее определение поля: «Поле – совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное и функциональное сходство обозначаемых явлений» [БЭСЯ 1988: 380]. В определении семантического поля (СП) термина *делопроизводство* исходим из его понимания как самой крупной смысловой парадигмы, объединяющей слова различных частей речи, значения которых имеют один общий семантический признак. Все слова семантического поля содержат общую сему. В семантическом поле слова разных частей речи объединены: связью с определённым явлением действительности, сходством обозначаемых ими явлений. Слово с самым общим

значением, наименование поля, называется также его доминантой. Семантические поля включают в себя более мелкие группы слов: тематические группы (ТГ), лексико-семантические группы (ЛСГ), синонимические ряды, антонимические пары. Все эти группы отличаются от поля именно тем, что могут содержать слова только одной части речи. Объединение слов одной части речи с общим основным компонентом значения формирует следующие лексико-семантические группы термина «делопроизводство», представленного тематическими группами, обозначающими объединение слов одной части речи на основании экстралингвистических параметров – отношения к общей теме «деятельность, обеспечивающая документирование, документооборот, оперативное хранение и использование документов»: область специализации / сфера деятельности; документация; документооборот; субъект документной деятельности. Таким образом, ЛСГ – относительно замкнутый ряд лексических единиц, «то есть единицы одной части речи, имеющие общую классификационную сему (архисему, классему)» [Новиков 1982: 151]. Важнейшим свойством лексико-семантического поля как сложной микросистемы является наличие центра и периферии. Ядро формирует имя поля; на периферии поля располагаются слова, семемы которых пересекаются с ядерными словами по отдельным семам. Помимо ядерных лексем подсистемы в ней всегда есть обширная периферия, в которой находятся лексеммы из других лексико-семантических групп, лишь по отдельным семам включающиеся в исходную. Периферия создает неустойчивость каждой подсистемы, но она же является и основой для связи подсистем в единую систему [Попова, Стернин 1984: 89].

Рассматриваемое лексико-семантическое поле термина *делопроизводство* характеризуется структурированностью. В нём чётко выделяется ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферия. **Ядро поля** составляют слова с высокой частотностью, наиболее общие по значению, стилистически нейтральные и в определенной степени зависящие от контекста: *secrétariat* (m) (document (m); documentation (f); dossier (m); processus (m)). Остальные лексические единицы относятся к **ближней периферии** (*gestion* (f) *des affaires, des bureaux, des dossiers*; *bureautique* (m); *filière* (f) *électronique, administration* (f)), **дальней периферии** (*procédure(es)* (f); *opérations; techniques (tâches) administratives* (f, pl); *formalités administratives* (f, pl), *formation spécialisés en secrétariat, activité* (f), *appareil bureaucratique* (m, pl), *flux* (m) *de travail*) и **крайней периферии** (*environnement* (m) *papier, instruction* (f), *ordonnancement* (m), *logiciels* (m) *de bureau*), так как различаются по частотности и семантическим особенностям.

Построение лексико-семантического поля объективирует различные когнитивные признаки, которые были выявлены путём контекстуального анализа примеров (322 ед.) из франкоязычных интернет-ресурсов и словарей. Контекстуальный анализ практического материала позволил определить признаки, свойственные термину *делопроизводство*: деятельность, обеспечивающая документирование, документооборот, учет, хранение и использование документов; деятельность, обеспечивающая целенаправленно функции управления документами; деятельность, обеспечивающая реализацию единой политики и стандартов по отношению к документальному фонду организации; документооборот – движение документов в организации с момента их создания или получения до завершения исполнения или отправки; электронный документооборот – документооборот с использованием автоматизированной информационной системы; объем документооборота – количество документов, поступивших в организацию и созданных ею за определенный период; документопоток – совокупность документов одного вида или назначения, имеющих единый маршрут; служба делопроизводства – структурное подразделение, на которое возложены функции по ведению делопроизводства, а также лица, ответственные за ведение делопроизводства в других подразделениях организации.

ЛСП представляет собой иерархическую структуру, организованную во взаимосвязанные семантические пространства. Единицы семантического поля характеризуются понятийной соотнесенностью. В основании лексико-семантической группы любого уровня лежит семантический признак, общий для всех слов, входящих в ЛСГ. Так, термину *делопроизводство* в разных сферах деятельности и историко-временном континууме могут соответствовать следующие варианты: сфера «бизнес» – *secrétariat* (вид работы); «военное дело» – *gestion*; «информационные технологии» – *bureautique* (обработка данных); «история» – *tabellionage* (устар., относится к эпохе Старого порядка, со значением «делопроизводство в нотариальной конторе»); «образование» – *gestion des documents / des dossiers* (управление документами); «юриспруденция» – *gestion des affaires pénales, des services judiciaires* и др. Общим признаком выявленных единиц является «работа с документами». Внутри ЛСГ «Делопроизводство» слова могут находиться в различных отношениях: род – вид; соподчинения; целое – часть, синонимия (например, *documents: annales, archives, dossiers, matériaux, papiers, pieces* и др.).

ЛСГ можно представить как микрополе, следовательно, семантическое поле будет представлять собой объединение микрополей. Так, например, в состав семантического поля «работа с документами»

входит 6 микрополей («регистрация документа», «обработка документов», «рассмотрение документов», «оформление документов», «исполнение документов», «контроль исполнения документов»), каждое из которых делится на классы и подклассы.

Анализ практического материала позволил выявить, что через систему терминов реализуются свойства лексемы *делопроизводство* – атрибутивность, функциональность и структурность [Кушнерук 2007: 215]. Проанализированный в исследовании массив фактов позволяет представить логико-понятийную структуру предметной области термина «делопроизводство» на основе выделения 10 классов (составляющих) – тематических объединений: сфера деятельности / отдел; совокупность документов; движение документов; форма работы с документами; субъект документной деятельности; объект документной деятельности; архивная деятельность и хранение; место ведения документной деятельности; виды ведения делопроизводства; профессиональная подготовка (специальность).

Единицы поля группируются вокруг лексемы *secrétariat*, наиболее полно выражающей его общее значение (ядро) и семантически наиболее простое, поэтому основное требование к нему как главному значению слова – наименьшая степень зависимости от контекста, то есть нахождение в позиции минимальной обусловленности от окружения, – выполняется. Эта единица, несущая общее значение поля (*secrétariat*), образует ядро семантического поля. Расположение слов в семантическом поле зависит от степени смысловой близости слов к общему значению, которое наиболее ясно представлено в ядре и центре семантического поля и постепенно ослабевает при удалении к периферии. Языковые единицы, расположенные на периферии, обладают более сложным, насыщенным содержанием и наиболее тесно взаимодействуют с членами смежных полей. Слова, находящиеся преимущественно на периферии, распределены по различным тематическим группам, образуя как бы микрополя внутри большого поля и структурируясь по тем же принципам. Так, например, ядро микрополя «document» составляют такие слова, как *documentation, documentaire, documentaliste, documentariste, documenter*.

Анализ лексико-семантического поля «*secrétariat*» выявил специфические особенности исследуемых лексических единиц. Рассматриваемый термин описывает: канцелярские дела; ведение офисных (канцелярских) дел; совокупность делопроизводственных операций: прием, заполнение, оформление, отправка документов, учет и контроль за их движением и исполнением, обновление документов. В словаре французского издания «Le Petit Robert» указаны следующие значения термина *secrétariat*: 1. Em-

ploi, fonction de secrétaire (secrétariat d'Etat, secrétariat général, secrétariat de direction). 2. Métier de secrétaire (apprendre le secretariat). 3. Bureau où un ou plusieurs secrétaires travaillent à des écritures, des expéditions, des enregistrements, des classements (service de secretariat). 4. Ensemble des tâches concernant la gestion, l'organisation de quelque chose (Le petit Robert, 2020).

Constituant le noyau ЛСП, le terme *secrétariat* «делопроизводство» prévoit son fonctionnement dans les LСГ:

А – область специализации, сфера деятельности, профессиональная подготовка:

De plus les entreprises envisagent d'automatiser le *secrétariat* (делопроизводство), et l'archive électronique, mais au deuxième tour.

Les instituts de formation technique à caractère privé offrent une formation technique et professionnelle dans divers domaines tels que l'informatique, le *secrétariat* (делопроизводство), la comptabilité et l'administration.

Le Ministère de l'emploi et de la formation professionnelle offre des formations dans des centres de formation rapide spécialisés en *secrétariat* (профессиональная подготовка по специальности «делопроизводство») et en travaux industriels.

Dans des domaines comme les services de *secrétariat* (специальность «делопроизводство»), le commerce, les services et les soins de santé - en particulier dans la thérapie et la pédiatrie - les femmes sont majoritaires.

Le noyau du terme *делопроизводство*, en outre avec le lexème *le secrétariat* sont classés *les documents, la documentation*, transmettant le sens «instructions», par exemple:

Ce sont les directives concernant l'établissement *des documents* (инструктивно-методические указания по делу производству) des commissions d'examen médico-social.

La périphérie avec le sens «domaine de spécialisation, domaine d'activité, formation professionnelle» se réalise par les lexèmes, relatifs à différents niveaux: 1) périphérie proche (la gestion des bureaux, la filière électronique, des services d'enregistrement; des cours de secretariat), 2) périphérie lointaine (un cours de comptabilité), 3) périphérie extrême (les interventions, des services judiciaires, la gestion des affaires pénales):

En revanche, les jeunes filles et les femmes sont nettement majoritaires dans les écoles commerciales où elles suivent *des cours de secrétariat et de gestion des bureaux* (apprentissage par spécialité de secrétaire et de делопроизводства).

Cette *filiale électronique* (электронное делопроизводство) permet d'économiser le temps que prend normalement l'acheminement de formulaires imprimés d'un bureau à l'autre, pour approbation ou certification.

Les principaux responsables *des services judiciaires, d'enregistrement* (судопроизводство, делопроизводство) et de poursuite attachés à un grand tribunal seront d'abord familiarisés à tous les aspects des principales affaires liées à la drogue et

recevront les moyens nécessaires pour s'acquitter de leur tâche.

La dernière classe avant le déjeuner était *un cours de comptabilité* (делопроизводство), et elle put se détendre.

Pour la première fois, toutes *les interventions* (делопроизводство) ont été traduites en russe.

Cour pleinement fonctionnelle dotée d'un système efficace d'information et de *gestion des affaires pénales* (судопроизводство, делопроизводство в судебной / юридической практике) dès les premiers stades de la mise en oeuvre.

Le terme *procédure*, relatif à la suite de la périphérie, est utilisé principalement dans certains domaines professionnels: protection, juridique, par exemple: *les procédures* (policières, juridiques). Donnons des exemples:

En vertu de la Constitution suédoise, les procureurs, les tribunaux et les autorités administratives qui traitent des cas particuliers opèrent indépendamment du Gouvernement, qui n'est donc pas en mesure de charger le ministère public d'engager *une procédure* (делопроизводство) ni de le lui demander.

À cette fin, il devrait adopter et mettre en œuvre rapidement le projet de loi sur les plaintes contre la police qui est en cours d'élaboration et créer le bureau indépendant des plaintes contre la police, adopter une nouvelle loi sur la police et une loi sur *les procédures policières* (делопроизводство в правоохранительной области) et les preuves judiciaires, ainsi que des codes de déontologie à l'usage des personnes chargées d'enquêter sur les infractions.

Б – Совокупность документов/документ.

Le noyau de la lexico-sémantique de la deuxième groupe est *les documents, le dossier, les dossiers*. Par exemple: *Les documents* (делопроизводство) sont en ordre.

В – Движение документов/документооборот.

Le noyau est exprimé par le lexème *les affaires*:

L'objectif principal: faire *des affaires* (документооборот) de manière efficace.

Le sens «Движение документов/документооборот» est exprimé par les mots *le dossier, les dossiers*.

Dans l'approche unitaire, l'objectif est de permettre aux créanciers garantis qui financent l'acquisition de stocks de bénéficier d'un maximum de souplesse et de réduire au minimum l'accumulation *de dossiers* (документы) (liés à des opérations d'acquisition multiples financées par le même créancier garanti).

Il est cependant clair que le problème tient en partie au fait que certains enfants inscrits à l'école peuvent avoir abandonné leurs études sans que cela figure dans leur *dossier* (школьное делопроизводство).

Les marginales de la LСГ «Движение документов/документооборот» sont les unités et combinaisons: *le dossier (scolaire), des processus, l'instruction* (périphérie proche); *le flux de travail, les formalités* (périphérie lointaine); *les logistiques de bureau, des opérations* (périphérie extrême).

Périphérie proche:

Le Bureau est en outre régulièrement amené à conseiller les autres services sur le traitement à donner aux plaintes

conformément aux dispositions de la circulaire et à répondre aux contestations soulevées devant le Tribunal du contentieux administratif en ce qui concerne ces affaires aux différents stades de *l'instruction* (документооборот) cād pendant et après les enquêtes).

Se félicitant que des avancées technologiques aient permis à certains gouvernements de mettre au point ou d'utiliser des systèmes électroniques nationaux de délivrance d'autorisations d'importation et d'exportation, y compris le Système national de contrôle des drogues mis au point par l'Office des Nations Unies contre la drogue et le crime, et que ces systèmes nationaux aient sensiblement amélioré l'efficacité *des processus* (процесс делопроизводства).

Un fonctionnaire chargé des systèmes informatiques (P-3) fournirait un appui au système centralisé/consolidé nécessaire pour répondre à la demande croissante d'automatisation des *processus* (процесс делопроизводства).

Дальняя периферия:

En conséquence de la réduction des crédits alloués aux autres objets de dépense (frais de voyage du personnel), aucune visite annuelle ne pourra être effectuée dans certains bureaux extérieurs pour échanger des renseignements sur les pratiques informatiques et les accords relatifs aux procédures et *aux flux de travail* (движение документов).

Le commerce international reposait encore en grande partie sur *des formalités* (делопроизводство, досл. бумажное делопроизводство) sur papier et il restait à l'ITPWG d'importantes tâches à accomplir à cet égard.

Крайняя периферия:

Mise à niveau de *logiciels de bureau* (Microsoft Word) (программное обеспечение делопроизводства).

À cet égard, la Section a notablement amélioré les services d'aide aux usagers et a mis l'accent sur la mise en place d'un système d'ordonnement *des opérations* (делопроизводство, досл. прикладные системы делопроизводства).

Un nombre plus grand de serveurs, c'est aussi un univers plus vaste à contrôler aux fins de la sécurité et de la continuité *des opérations* (делопроизводство, досл. непрерывность делопроизводства).

Г – Делопроизводство как форма работы с документами.

Ядро ЛСГ представлено лексемами *les dossiers, les documents*:

Tous *les dossiers* (делопроизводство) diocésains sont à jour à l'Archevêché et ils ne sauraient, pour des raisons juridiques obligatoires, être transférés à une autorité extérieure sans motif fondé.

Tous *les documents* (документация) et *les dossiers* (делопроизводство) doivent être menées dans ces langues, faire les transferts appropriés.

Периферия выражена следующими лексически единицами и конструкциями: *l'administration, les documents, la tenue de registres, des affaires, la gestion de dossiers / de bureau* (ближняя периферия); *l'appareil bureaucratique, l'activité de documentation,*

l'activité, l'appareil bureaucratique, activité de documentation, modèles d'activité (дальняя периферия); *la Caisse* (крайняя периферия).

Ближняя периферия:

L'administration (делопроизводство) interne des institutions pour enfants et des écoles non estoniennes peut se faire dans la langue maternelle.

Лексема *tenue* является основным компонентом профессиональных терминов, передающих идею «совокупность, собрание документов», относящейся к сфере делопроизводства: *tenue de registres, tenue des comptes, tenue des livres, tenue des livres (comptabilité), tenue des registres (transferts d'armements), tâches administratives*, например:

Le système standardisé de *tenue* de registres (ведение делопроизводства) a été mis en œuvre dans 9 comtés.

Le nombre de comtés plus élevé que prévu s'explique par la tenue de stages de formation par région et la mise à disposition plus tôt que prévu de financements du Fonds d'affectation spéciale de la justice et de la sécurité pour l'achat de matériel de *tenue des registres* (ведение делопроизводства).

La langue nationale est le setswana, alors que l'anglais est la langue officielle *des affaires* (ведение делопроизводства).

Droit commercial, règlement extrajudiciaire des litiges et *gestion des dossiers* (управление делопроизводством): Cours organisé par l'American Bar Association à Washington (États-Unis).

L'UNICEF a répondu que dans le plan de *gestion de bureaux* (управление делопроизводством) et le budget d'appui pour 2006-2007, il avait inscrit le renforcement des contrôles de sécurité logicielle existants.

Дальняя периферия:

Mr Dupon, qui était professeur de chimie, et qui par conséquent ignorait totalement *l'appareil bureaucratique* (делопроизводство, букв. канцелярские дела).

Activité de documentation (делопроизводство, досл. документационная деятельность) - établissement des procès-verbaux des réunions hebdomadaires du Centre et élaboration de son rapport annuel.

L'Administration a pris note de la recommandation et tient à indiquer que malgré la diversité des mandats, *des modèles d'activité* (делопроизводство, модель делопроизводства), des situations géographiques et des structures organisationnelles des organismes des Nations Unies, l'UNICEF s'efforcera de continuer de mettre en commun avec eux les pratiques optimales pertinentes en matière d'informatique.

Parmi les résultats figuraient la diminution du recours à la détention provisoire, une confiance accrue dans l'appareil judiciaire et une amélioration de *la gestion de dossiers* (управление судебным делопроизводством).

Крайняя периферия:

Étude d'ensemble de *la Caisse* (делопроизводство, досл. обзор делопроизводства).

Le Comité mixte a recommandé d'inclure dans les prévisions révisées pour l'exercice biennal # le montant de # dollars

correspondant à *l'étude d'ensemble de la Caisse* (обзор делопроизводства) que cette dernière a fait réaliser sur la demande du Comité mixte et de l'Assemblée générale.

Е – Архивная деятельность и хранение.

Ядром лексико-семантической группы «Архивная деятельность и хранение» являются лексемы *archives*, *archivage*, например:

Chaque année, *les Archives* de France (Архив Франции) mènent une enquête sur l'activité du réseau des *services d'archives* (архивные службы) et diffusent les résultats sous forme de données statistiques ouvertes et d'un rapport annuel de synthèse.

Les indicateurs suivis concernent l'organisation des services, la collecte et le traitement des *archives* (обработка архивов), la communication au public et la diffusion en ligne, les actions culturelles et éducatives. Le réseau rassemble 3 services à compétence nationale, 100 *services d'archives* (архивные службы) départementales, 17 *services d'archives* régionales, près de 600 *services d'archives* communales et intercommunales, ainsi qu'une centaine d'établissements publics nationaux et locaux.

Ближняя периферия выражена комбинациями: *la gestion des archives / des documents, tenue des dossiers et d'archivage*:

Dans sa réponse à la notification qui lui avait été adressée au titre de l'article 34, elle a déclaré qu'elle ne disposait plus des relevés bancaires et que ses états de paie avaient été détruits, conformément à sa pratique en matière de *gestion des archives* (делопроизводство в архиве).

Activité: fournir un appui à tous les locaux du FNUAP, y compris le siège, s'agissant de la gestion des bâtiments, des services de voyage, de la gestion du matériel, des services du courrier et de la valise diplomatique, de *la gestion des archives et des documents* (ведение архивов и архивных дел) et d'autres services de bâtiment, administratifs et autres.

Un progiciel de gestion des contenus sera mis en place, dans le cadre d'une plus large initiative de l'Organisation des Nations Unies, pour promouvoir de systèmes adéquats de *gestion des documents* (управление архивными документами), de *tenue des dossiers et d'archivage* (ведение архивного делопроизводства).

К дальнейшей периферии относятся сочетания *l'archivage manuel* «ручное делопроизводство», *la réunion sans papier* «безбумажное делопроизводство»:

Pierre et la Division de l'appui au système juridique et judiciaire de la MINUL, 500 greffiers ont été désignés pour recevoir une formation dans le cadre de la mise en place du *système d'archivage manuel* (ручная система учета в делопроизводстве).

Ensemble, nous faisons la différence»: Informations sur *le système de réunion sans papier* (система безбумажного делопроизводства).

Ж – Виды ведения делопроизводства.

Ядро лексико-семантической группы выражено лексемой *la procedure / les procédures*:

Nous cherchons constamment à améliorer l'efficacité de nos *procédures* (делопроизводство) et à réduire le coût de nos activités, sans que cela soit au détriment de la qualité de notre travail.

Особенностью данной ЛСГ является контекстуальность, обусловленная сферой применения, например:

La procédure disciplinaire (делопроизводство дисциплинарное) peut être déclenchée par l'un des motifs suivants. Si le débiteur paie sa dette, *la procédure* (делопроизводство дисциплинарное) prend fin.

Le Comité a noté avec satisfaction que, d'une manière générale, les opérations de placement étaient mieux enregistrées et comptabilisées, grâce à une meilleure coordination entre la Trésorerie et la Division de la comptabilité, à l'amélioration *des procédures* (процедура делопроизводства) et à la régularisation des politiques en la matière.

З – Электронное делопроизводство.

Лексема, принадлежащая к ядру ЛСГ «Электронное делопроизводство», обозначена термином *le bureautique*:

Outre les ressources humaines et financières consacrées aux services fonctionnels de gestion de l'information, il est également prévu dans le budget du Fonds une redevance relative à l'entretien des postes de travail pour les systèmes de *bureautique* (электронное делопроизводство) et les services d'infrastructure.

L'augmentation nette des crédits demandés au titre des autres objets de dépense est liée aux augmentations annuelles du coût des services fournis par le Bureau des technologies de l'information et des communications pour l'entretien du matériel informatique, et est en partie compensée par la diminution des besoins en matériel *de bureautique* (автоматизация делопроизводства).

Assurer en permanence le fonctionnement des services de réseau à Genève et celui des applications locales, y compris monétique et *bureautique* (система автоматизации делопроизводства), ainsi que l'accès de la Caisse aux applications communes et apporter une aide au personnel du bureau de Genève.

L'augmentation des dépenses autres que les postes s'explique essentiellement par l'importance des ressources nécessaires à l'entretien du matériel informatique et de *bureautique* (автоматизация делопроизводства) du Département.

Systèmes de *bureautique* (электронное делопроизводство), matériel et logiciel.

Ближняя периферия выражена лексическими единицами *les tâches, les procédures électroniques, les formalités* (administratives):

Il a été mis en place en même temps que des outils de *bureautique* (автоматизация делопроизводства), de travail en réseau et d'automatisation *des tâches* (делопроизводство автоматизированное), dont le courrier électronique, dans tous les bureaux où il était utilisé.

Les procédures électroniques (электронное делопроизводство) permettent à chaque unité fonctionnelle de définir les rôles et responsabilités de chacun, les différentes étapes du

processus décisionnel, c.a.d. séquence des tâches, et les données d'appui nécessaires de façon à ce que toutes les parties opèrent en fonction d'un plan commun.

Дальняя периферия: *L'environnement papier* – ЛЕ, рассматриваемая как один из видов ведения делопроизводства, реализует антонимические отношения и описывает процедуры, осуществляемые в условиях бумажного делопроизводства:

Des membres du CSG ont jugé nécessaire de faciliter le commerce dans un *environnement papier* (бумажное делопроизводство) et d'établir des contacts avec les cadres dirigeants des milieux professionnels dans le cadre des efforts de commercialisation et ont fait état de l'application des recommandations relatives à la facilitation du commerce dans les pays en développement, considérée comme un critère de succès pour le CEFACT-ONU.

Заключение. Лексико-семантическое поле «Делопроизводство» представляет собой хорошо структурированную систему, все единицы которой объединены общими семантическими признаками, определяющими ее структуру и место в лексико-семантической системе французского языка. Логико-понятийная структура ЛСП включает в себя следующие ЛСГ: область специализации / сфера деятельности / отдел / специальность при профессиональной подготовке / учебная дисциплина (*secrétariat, documents, services d'enregistrement, gestion des affaires, filière électronique, cours (de secrétariat et de gestion des bureaux), procédures (policières), cours de comptabilité*); объект документной деятельности / совокупность документов: (*documents*); движение документов (*affaires, dossier/dossiers, instruction, flux de travail, processus, bureau, formalités d'ordonnement des opérations, des opérations*); форма работы с документами (*administration, dossiers, documents, tenue de registres, affaires, gestion de dossiers, appareil bureaucratique, activité de documentation, modèles d'activité, gestion de bureaux, caisse*); архивная деятельность и хранение (*gestion des archives et des documents, tenue des dossiers et d'archivage, archivage manuel, système de réunion sans papier*); место ведения документной деятельности (*secrétariat, travail de bureau*); виды ведения делопроизводства (*procédure, bureautique, tâches, formalités administratives, environnement papier*). Каждая лексико-семантическая группа представлена как соотношение ядра и периферии, которая описана в понятиях ближней, дальней и крайней периферии в зависимости от контекста и интенсивности употребления. Лексические единицы *secrétariat, documents, procédure(s), bureau(x), affaires, dossier* могут относиться одновременно к разным ЛСГ, выполняя роль либо ядра, либо различных уровней периферии, отражая подвижность границ компонентов структуры семантического поля.

Список литературы

Балганова Е.В. Цифровизация кадрового делопроизводства в общей системе документационного обеспечения управления // *Лидерство и менеджмент*. 2023. Т. 10, № 1. С. 203–218.

Белоус Е.С. Понятийно-терминологический состав предметной области «Управление документацией» // *Вестник Челябинского государственного университета*. Сер.: Филология. Искусствоведение. 2010. Вып. 48, № 32 (213). С. 24–28.

Большой бухгалтерский словарь. 10000 терминов / под ред. А.Н. Азрилияна. Москва: Институт новой экономики, 1999. URL: <https://www.booksite.ru/localtxt/bol/sho/buh/gal/ter/ski/slo/var/25.htm> (дата обращения: 19.01.2023).

Буат В. Архивная терминология. Франко-русские архивные словари. Москва: Рос. гос. гуманитарн. ун-т, 2019. 321 с.

Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. Москва: Высш. шк., 1987. 104 с.

Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. Москва: Русский язык, 1993. 248 с.

Ищенин В.Я. Обеспечение конфиденциальности в делопроизводстве. Москва: Русайнс, 2022. 96 с.

Кушнерук С.П. Лингвистика документной коммуникации: теоретические аспекты. Волгоград, 2007. С. 214–232.

Новиков Л.А. Семантика русского языка. Москва: Высшая школа, 1982. 272 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва: АТемп, 2020. 896 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка. Воронеж, 1984. 148 с.

Родимова Е.А. Особенности организации делопроизводства и документооборота в органах местного самоуправления // *Энигма*. 2022. № 41. С. 53–56.

Словарь русского языка: Малый академический словарь (МАС): в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Москва: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas> (дата обращения: 19.01.2023).

Франко-русский словарь архивной терминологии / сост. В. Буат, В.Б. Прозорова, Т.И. Хорхордина. URL: <https://e-univers.ru/upload/iblock/619/isjw4oapxx6slvxxzo5tv1q7tnmb2pnx.pdf/>

Языкознание: Большой энциклопедический словарь. Москва: АСТ: Большая Российская энциклопедия: Дрофа, 1998. 685 с.

Dictionnaire de terminologie archivistique. Direction des archives de France. URL: <https://francearchives.gouv.fr/file/4f717e37a1befe4b17f58633cbc6bcf54f8199b4/dictionnaire-de-terminologie-archivistique.pdf> 2002 (access date: 19.07.2023).

Le petit Robert de la langue française. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française: redac-

tion dirigée par A. Rey et J. Rey-Debove. Paris, 2020, 2176 p.

Manuel Delamarre. L'administration et les institutions administratives. 3 édition. Paris, Éditeur, La Documentation française, 2022, 252 p.

Multilingual Archival Terminology. URL: <https://www.ica.org/en/online-resource-centre/multilingual-archival-terminology> (дата обращения: 19.07.2023).

Nouveau glossaire de l'archivage. URL: https://www.arcateg.fr/wp-content/uploads/2017/03/Nouveau_glossaire_de_l_archivage.pdf (дата обращения: 19.07.2023).

Viviane Couzinet. Sur le Traité de documentation. Le livre sur le livre. théorie et pratique de Paul Otlet. Question de communication, 2021, No. 39, pp. 381-402.

References

Balganova E.V. *Cifrovizaciya kadrovogo deloproizvodstva v obshchej sisteme dokumentacionnogo obespecheniya upravleniya* [Digitalization of personnel records management in the general system of documentation management]. *Leadership and management [Liderstvo i menedzhment]*, 2023, vol. 10, No. 1, pp. 203-218. (In Russ.)

Belous E.S. *Ponyatijno-terminologicheskij sostav predmetnoj oblasti «Upravlenie dokumentaciej»* [Conceptual and terminological composition of the subject area "Document Management"]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya. Iskustvovedenie* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Art history], 2010, iss. 48, No. 32 (213), pp. 24-28. (In Russ.)

Bol'shoj buhgalterskij slovar'. 10000 terminov [A large accounting dictionary. 10,000 terms, ed. by A.N. Azriliyan. Moscow, Institute of New Economics Publ., 1999. URL: <https://www.booksite.ru/localtxt/bol/sho/buh/gal/ter/ski/slo/var/25.htm> (access date: 19.07.2023). (In Russ.)

Buat V. *Arhivnaya terminologiya. Franko-russkie arhivnye slovari* [Archival terminology. Franco-Russian archival dictionaries]. Moscow, Ros. gos. gumanitarn. un-t Publ., 2019, 321 p. (In Russ.)

Golovin B.N., Kobrin R.Yu. *Lingvisticheskie osnovy ucheniya o terminah*. [Linguistic foundations of the doctrine of terms]. Moscow, Vyssh. shk. Publ., 1987, 104 p. (In Russ.)

Ishchejnov V.YA. *Obespechenie konfidencial'nosti v deloproizvodstve* [Ensuring confidentiality in office work]. Moscow, RUSAJNS Publ., 2022, 96 p. (In Russ.)

Jazykoznanie: bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' [Linguistics: large encyclopedic dictionary]. Moscow, AST; Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija; Drofa Publ., 1998, 685 p. (In Russ.)

Kushneruk S.P. *Lingvistika dokumentnoj kommunikacii: teoreticheskie aspekty* [Linguistics of Document

Communication: Theoretical Aspects]. Volgograd, 2007, pp. 214-232. (In Russ.)

Slovar' russkogo yazyka: (Malyj akademicheskij slovar'): v 4 t. [Dictionary of the Russian language: (Small Academic Dictionary), in 4 vol.], ed. by A.P. Evgeneva, 4th ed., ster. Moscow, Russian language; Publ.; Poligrafresursy Publ., 1999. URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas> (access date: 19.07.2023). (In Russ.)

Novikov L.A. *Semantika russkogo yazyka* [Semantics of the Russian language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1982, 272 p. (In Russ.)

Ozhegov S.I., Shvedova N.YU. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, A Temp Publ., 2020, 896 p. (In Russ.)

Popova Z.D., Sternin I.A. *Leksicheskaya sistema yazyka* [The lexical system of the language]. Voronezh, 1984, 148 p. (In Russ.)

Rodimova E.A. *Osobennosti organizacii deloproizvodstva i dokumentooborota v organah mestnogo samoupravleniya* [Features of the organization of office work and document management in local self-government bodies]. *Enigma*, 2022, No. 41, pp. 53-56. (In Russ.)

Franko-russkij slovar' arhivnoj terminologii [Franco-Russian Dictionary of Archival Terminology]. URL: <https://e-univers.ru/upload/iblock/619/isjw4oapxx6slvx-hzo5tv1q7tnmb2pnx.pdf/> (access date: 19.07.2023). (In Russ.)

Dictionnaire de terminologie archivistique. Direction des archives de France. URL: <https://francearchives.gouv.fr/file/4f717e37a1befe4b17f58633cbc6bcf54f8199b4/dictionnaire-de-terminologie-archivistique.pdf> 2002 (access date: 19.07.2023). (In French).

Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/secr%C3%A9tariat/71756> (access date: 19.07.2023). (In French)

Le petit Robert de la langue française. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française: rédaction dirigée par A. Rey et J. Rey-Debove. Paris, 2020, 2176 p. (In French).

Nouveau glossaire de l'archivage. URL: https://www.arcateg.fr/wp-content/uploads/2017/03/Nouveau_glossaire_de_l_archivage.pdf (access date: 19.07.2023). (In French)

Manuel Delamarre. L'administration et les institutions administratives, 3 édition. Paris, Éditeur, La Documentation française, 2022, 252 p. (In French)

Viviane Couzinet. Sur le Traité de documentation. Le livre sur le livre. théorie et pratique de Paul Otlet. Question de communication, 2021, No. 39, pp. 381-402. (In French).

Статья поступила в редакцию 29.05.2023; одобрена после рецензирования 19.06.2023; принята к публикации 27.08.2023.

The article was submitted 29.05.2023; approved after reviewing 19.06.2023; accepted for publication 27.08.2023.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 221–226. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 29, № 3, pp. 221–226. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

УДК 342.413

EDN PGADWK

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-221-226>

О «МОНИСТИЧНЫХ» ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ИДЕЯХ, К.Н. ЛЕОНТЬЕВЕ И ЕВРАЗИЙСКОЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА

Романовская Вера Борисовна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, vera_borisovna@mail.ru

Крымов Андрей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, jetromartina@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются имеющиеся в современной отечественной науке нередко противоположные оценки евразийства – объединения русских эмигрантов первой волны, стремившихся создать постреволюционную идеологию восстановления отечественного государства и права. Авторами сформулированы возражения относительно утверждений некоторых исследователей об отсутствии необходимости в государственной идеологии для демократических обществ и опасности воплощения евразийской идеократии в России. В работе изучаются связи классического евразийства 20–30-х гг. XX в. с русской философской традицией XIX столетия и делается вывод о том, что евразийцы при создании собственной политико-правовой доктрины не выступили в качестве модернизаторов славянофильского наследия, в большей степени опираясь на «деспотизм идеи» и византизм К.Н. Леонтьева, чем на панславизм Н.Я. Данилевского. Изучая классические тексты евразийского движения, используя метод типологизации и базовое определение идеократии, сформулированное одним из создателей евразийства князем Н.С. Трубецким, авторы расширяют теорию идеократической государственности за счёт введения новых понятий: 1) имитационная; 2) латентная и 3) манифестирующая идеократии. Описание упомянутых видов идеократий строится на основе анализа ряда правовых документов, важных для уяснения содержания современной идеологии стремящихся к мировому господству США.

Ключевые слова: американская гегемония, государство, государственная идеология, демократия, евразийство, идеократия, панславизм, типология государств.

Для цитирования: Романовская В.Б., Крымов А.В. О «монистичных» политико-правовых идеях, К.Н. Леонтьеве и евразийской теории государства // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 221–226. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-221-226>

Research Article

ON “MONISTIC” POLITIC AND LEGAL IDEAS, KONSTANTIN LEONTIEV AND EURASIANISM THEORY OF THE STATE

Vera B. Romanovskaya, Doctor of Law, Professor, head of the Department of theory and history of state and law of the Faculty of Law of Lobachevsky National research Nizhny Novgorod state University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, vera_borisovna@mail.ru

Andrey V. Krymov, Associate Professor of the Department of theory and history of state and law of the Faculty of Law of Lobachevsky National research Nizhny Novgorod state University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, jetromartina@mail.ru

Abstract. The article analyses the often contradictory assessments available in modern Russian science of Eurasianism, as an association of Russian emigrants of the first wave who sought to create a post-revolutionary ideology of restoring the national state and law. The authors formulate objections to the statements of some researchers about the absence of the need for a state ideology for democratic societies and the danger of the embodiment of the Eurasian ideocracy in Russia. The article examines the connections of classical Eurasianism of the 1920s to 30s with the Russian philosophical tradition of the 19th century and concludes that the Eurasians, when creating their own political and legal doctrine, were not modernisers of the Slavophile

heritage, rather relying on the “despotism of the idea” and the Byzantium of Konstantin Leontiev and not on pan-Slavism of Nikolay Danilevsky. Studying the classical texts of the Eurasianism movement, using the method of typology and the basic definition of ideocracy formulated by one of the creators of Eurasianism, Prince Nikolai Trubetzkoy, the authors expand the theory of ideocratic statehood by introducing new concepts: 1) imitative; 2) latent and 3) manifesting ideocracies. The description of the mentioned types of ideocracies is based on the analysis of a number of legal documents important for understanding the content of the modern ideology of the United States striving for world domination.

Keywords: American hegemony, state, state ideology, democracy, Eurasianism, ideocracy, pan-Slavism, typology of states.

For citation: Romanovskaya V.B., Krymov A.V. On “monistic” politic and legal ideas, Konstantin Leontiev and Eurasianism theory of the state. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 3, pp. 221–226 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-221-226>

В настоящее время оценки евразийства как одного из вариантов идейной основы возрождения российского государства и общества по-прежнему противоположны, что может свидетельствовать о жизнеспособности этого направления в современных условиях: ключевые положения евразийской доктрины не оставляют учёных и общественных деятелей равнодушными. Так, например, политолог, ведущий научный сотрудник Института географии РАН Д.Б. Орешкин, рассматривая евразийскую идеократию и нападая почему-то на А.Г. Дугина (хотя концепция евразийской идеократии была создана не им), ставит фундаментальные и, на первый взгляд, справедливые вопросы: «Почему в основе российской государственности обязательно должна лежать некоторая сверхзначимая Идея...» и «И почему эта Идея обязательно должна быть монистичной, допускающей лишь одно истинное толкование, исключающее альтернативные точки зрения и политическую конкуренцию» [Орешкин: 15].

Любые коллективы не могут соединяться только лишь материальными ценностями и интересами. Достаточно вспомнить об иерархии потребностей одного из создателей гуманистической психологии Абрахама Маслоу (1908–1970). Уровень физиологических нужд безусловно важен – это основание знаменитой пирамиды, – но на нём её возведение и созидание собственной личности не заканчивается. Необходимы любовь и удовлетворение «потребности в принадлежности» (общение с другими, участие в социальной коммуникации, осознание себя частью коллектива, социальной общности), уважение со стороны других лиц, понимание собственной ценности и самоактуализация [Маслоу: 60–68].

Даже для совместной предпринимательской деятельности требуется определить общие цели и принципы работы, стратегию достижения ожидаемых результатов, но самое главное при этом – взаимное доверие и уверенность в партнёрах, без чего предприятие даже не состоится либо вскоре потерпит крах. Последнее свидетельствует о том, что и для извлечения прибыли некая духовная близость, сходство оценок, представлений, мировоззренческих установок коммерсантов требуются в не меньшей степени, чем для других видов коллективной деятельности. Здесь

кроется и ответ на вопрос о причинах «монистичности» идеи: если участники любого совместного предприятия будут преследовать разные цели, руководствоваться несовпадающими желаниями, принципами и ценностями, то никакой положительный итог их деятельность иметь не будет и её нельзя будет называть совместной.

Государство, аналогичным образом, не может спокойно существовать без разделяемой всеми гражданами и должностными лицами некой общей идейной основы. Опасно нахождение иначе мыслящих людей в составе «ведущего слоя» страны (то есть элиты, если пользоваться терминологией евразийцев) либо их общее численное преобладание в конкретном государстве, когда оно оказывается в положении, угрожающем его существованию. Именно такие ситуации заканчиваются государственными переворотами и революциями.

Отдельные специалисты, продолжающие исследования евразийской доктрины, видят её ценность в «творческой модернизации славянофильства», хотя это представляется странным утверждением даже в свете дальнейших рассуждений автора – профессора В.И. Красикова – о евразийском новаторстве, связанном с привлечением внимания научного сообщества и интеллигенции к туранской составляющей отечественной культуры и истории [Красиков: 83–84]. В своих разработках отечественной мировоззренческой постреволюционной доктрины евразийцы выступили идейными наследниками не Николая Яковлевича Данилевского (1822–1885) – «одного из главных идеологов единства славянских государств и народов» [Пойминов: 304], но Константина Николаевича Леонтьева (1831–1891). Не панславизмом вдохновлялись евразийцы, но размышлениями о «славизме» и славянстве «разочарованного славянофила, пессимиста славянофильства», по образному выражению князя С.Н. Трубецкого [Трубецкой С.Н.: 123].

Сам термин «славизм», по-видимому, и введён автором знаменитой работы «Византизм и славянство», третью главу которой он в попытках определить содержание этого понятия и начинает с обескураживающей фразы: «Ответа нет!» [Леонтьев: 67]. Как не без иронии отмечают современные исследо-

ватели, «в разгар всеобщего упоения идеей существования славянского типа культуры, являющегося истоком русской культуры, прозвучал отрезвляющий голос К.Н. Леонтьева» [Матяш: 193]. Нет идейной основы, не может быть и панславизма: Россия ни в XIX, ни в XX вв. не смогла выступить объединяющей силой для разобщённого славянства. Чего нельзя сказать о потомках древних германцев, галлов и римлян, которые после череды войн всё же создали в прошлом веке жизнеспособное и до настоящего времени существующее политическое образование – Европейский союз.

Наследникам англосаксов и норманнов, ведомым сначала британцами, а теперь США, вообще удалось выстроить систему глобального доминирования, вдохновляясь идеями своего превосходства – миссией («временем») белого человека, – получившими такое откровенное и привлекательное для английских империалистов выражение в знаменитых стихах Р. Киплинга «The White Man's Burden».

При этом ни пафосные фразы Декларации независимости США, ни идеалы Великой французской революции не помешали государственным идеологам американцев и европейцев убить и ограбить миллионы людей в разных регионах планеты для обеспечения собственного благополучного будущего. «Монистична» ли при этом идеология Pax Americana Фрэнсиса Фукуямы, Збигнева Бжезинского и прочих подобных авторов, которая предполагает военную агрессию, смену неугодных режимов и физическое устранение лидеров, мешающих триумфальной поступи либеральной демократии в современном мире? Какой оказалась судьба сторонников «альтернативных точек зрения и политической конкуренции», например, в Чили при генерале Аугусто Пиночете? Апология прав человека, принцип разделения властей, доктрины правового государства и народного суверенитета не помешали возникновению колониальных империй в прошлом, а международное право, ООН и прочие элементы «системы международной безопасности» – возрождению неокolonизма в наши дни.

Это ещё раз демонстрирует ценность мировоззренческих доктрин, теорий, концепций, этических ценностей, идеалов, может быть даже мифов, спаянных в мощные и прочные комплексы, называемые идеологиями. Для славян, как уже отмечалось, такой общей идеи не нашлось, и многообещающее, по мнению Данилевского, соединение творческих возможностей и благоприятных условий для блестящего в дальнейшем развития славянского культурно-исторического типа не состоялось. Современные славянские народы живут и действуют на вторых и третьих ролях среди отрядов «передового» Запада, а России по планам «золотого миллиарда» уготована роль поставщика ресурсов в системе мирового и «безальтер-

нативного» капитализма и отказано в самостоятельном, суверенном развитии по причине её постоянной опасности для адептов глобализма.

Сочинения Леонтьева требуются внимательно изучать сегодня. Он оказался удивительно прозорлив, но, к сожалению, сбылись только его негативные прогнозы относительно будущего нашей страны. Историческая Россия была уничтожена в огне вовсе не нужной и чуждой по целям Первой мировой войны, вступив в неё из-за Сербии, хотя Леонтьев завещал беречь Австро-Венгрию и Османскую империю, предостерегая от сближения с западными и южными славянами, ничего не способными дать России, кроме разлагающего воздействия европейских либеральных идей: «Черта, общая всем [всем западным и южным славянам], при всей их кажущейся разнородности, это – расположение к равенству и свободе, т. е. к идеалам или американскому, или французскому, но никак не византийскому и не великобританскому» [Леонтьев: 97].

Сегодня чехи, словаки, поляки в лице своих политиков – одни из главных ненавистников нашей страны, объединившие силы для нанесения России поражения в ходе специальной военной операции, стремясь безудержной русофобией обратить на себя внимание «гегемона». С этой целью забыта вся многовековая русская поддержка этих наций в их борьбе за самоопределение. Нельзя забывать и о роли, недавно сыгранной Вселенским патриархатом Константинополя, в ещё большем разрушении православного христианского единства, хотя именно российские императоры делали всё необходимое для сохранения этой Церкви во враждебном ей исламском окружении. Это лишний раз свидетельствует о том, что внешняя политика должна строиться сугубо прагматически: в ней не может быть никаких союзников, но только лишь «партнёры» и только до тех пор, пока работа с ними соответствует интересам русского народа и государства.

Князь Николай Сергеевич Трубецкой – один из основателей евразийства и известный специалист в области языкознания – понимал под демократией государственный строй, специфический характер которого объясняется соединением партийного начала, избирательного процесса в политике и конкуренции в экономической сфере [Трубецкой Н.С.: 438]. Недостатком этого режима в глазах упомянутого учёного являлась неспособность оказывать чёткое управляющее воздействие на ключевые сферы общественной жизни, так как правящий слой демократического государства состоит из представителей партий, занимающих нередко диаметрально противоположные позиции по важнейшим вопросам в жизни страны, и политический курс прихотливо меняется почти после каждых выборов, если партии прежнего пар-

ламентского большинства не удаётся сохранить своё господствующее положение в законодательном органе нового созыва. «Под идеократией же разумеется строй, – как писал классик российского и мирового языкознания, – в котором правящий слой отбирается по признаку преданности одной общей идее-правительнице» [Трубецкой Н.С.: 438].

В современной науке одним из наиболее важных признаков государства необходимо признать его связанность и обусловленность неким комплексом идей. С этой точки зрения любое государство является идеократией и неважно, что при этом транслирует западная общественная пропаганда. Анализируя государственный строй США, можно развить учение о типах государств, выделяемых по идеократическому критерию. Уже упоминавшаяся Декларация независимости США от 4 июля 1776 г. вся состоит из идеологических положений и проникнута пафосом американской миссии всемирного спасения, направление которого указывали представители 13 соединённых штатов: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определёнными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью» [Соединённые Штаты Америки. Конституция и законодательные акты: 25]. Из подобных идеологем состоит весь текст этого документа, изобилующий ссылками на Творца и словами «свобода», «счастье», уже давно утратившими всякий смысл от постоянных злоупотреблений, в том числе со стороны США. Все самые бесчеловечные и чудовищные преступления в мировой истории творились под лозунгами защиты религии, стремления к свободе и счастью. Соответствующие идеи заявлены и в преамбуле американской конституции 1787 г., в которой отражены, в частности, некоторые из целей принятия основного закона страны: создание «более совершенного Союза», «всеобщее благоденствие» и «закрепление благ свободы» [Соединённые Штаты Америки: 29].

Развивавшееся евразийцами учение об идеократии необходимо дополнять, и пример США позволяет это сделать. По нашему мнению, упомянутое государство представляет собой имитационную идеократию, ведущий слой которой со ссылками на свои историю и законодательство провозглашает себя защитниками демократии и свободы во всём мире, называя себя «великой нацией», которой суждена мессианская судьба в глобальном масштабе. Таких народов уже было достаточно в человеческой истории: из наиболее известных, исторически близких примеров стоит вспомнить об арийской идее нацистов.

США – это, с одной стороны, имитационная идеократия, так как элиты создают внутри общества миф об избранности, отстаивании безусловных ценностей, которым всегда кто-то угрожает: ОВД и СССР, Демократическая Республика Вьетнам, КНДР, Югославия,

международные террористы, Иран, Сирийская Арабская Республика, Исламский Эмират Афганистан (при талибах), Китай, теперь снова Россия, но, с другой стороны, за имитацией одной идеологии скрывается подлинная «сверхзначимая идея» – американская планетарная гегемония, которая позволяет им, не создавая ничего сопоставимого по ценности, жить за счёт остального мира и ещё определять на своих фондовых рынках и биржах стоимость всего, что этот мир производит. При описании подлинной идеологии подобных государств допустимо, как представляется, пользоваться термином «латентные идеократии».

Таким образом, ведущий слой государства может открыто заявлять о своём следовании конкретной «идее-правительнице», стремясь воплотить её в собственной практике государственного управления (явная, манифестирующая идеократия) либо скрывать собственную идею-правительницу, руководствуясь при этом своими тактическими или стратегическими соображениями в политической борьбе, соперничестве с другими странами, маскируя подлинную идейную сущность выдуманной. В подобном случае такие идеократии предлагается называть имитационными, а при разоблачающем научном описании их настоящей идейной основы, её анализе и оценке использовать термин «латентная идеократия».

Возможны ли объективные оценки в науках об обществе – чрезвычайно сложный вопрос, но есть исторические факты, в соответствии с которыми, как только наша страна оказывалась в одном лагере с «прогрессивным человечеством», её участь была решена: Россия разваливалась. Она распадалась, если заимствовала и пыталась внедрить убийственные для своей природы европейские идеологии – будь то либерализм или коммунизм, отказываясь при этом от своей самобытности, оформленной византийским (согласно Леонтьеву) либо византийским и туранским влиянием (по убеждению евразийцев). Так было в феврале (либерализм) и октябре (коммунизм) 1917 года и повторилось в 1991-м (снова либерализм – для неспособных усваивать исторические уроки), когда государственные структуры перестали выполнять жизненно необходимые для общества функции, создав все условия для того, чтобы организованная преступность смогла обеспечить первоначальное накопление капитала.

Все сторонники европейского и американского «сада» постоянно пишут о русском «идейном монизме», стремлении отечественных правителей подчинить его воздействию всю общественную жизнь страны, уничтожив при этом инакомыслящих. Это общее место любой критики уникальности русской цивилизации и её собственного пути развития. Все эти условные западники в своих желаниях, оценках и стремле-

ниях абсолютно так же фанатичны, как и большевики. То, что ими отстаивается как единственный вариант «спасения», «вразумления», «исправления», «излечения» России, это иные по содержанию, но всё же идеи, из которых складывается так презируемая ими идеология. И когда западники говорят о свободном выборе и развитии, то именно в этом праве они и отказывают России.

В целом позиция приверженцев универсальности западного пути напоминает предложение, адресованное каждому человеку, прожить совершенно одинаковую со всеми остальными жизнь, но в чём будет заключаться ценность такой жизни? И что можно будет сказать о ней?

Американские глобалисты давно пишут о том, что устремление всех народов к раю либеральной демократии и наиболее оптимальное разрешение в нём «проблемы человека» закончит историю и выведет мысль из «релятивистского тупика». В светлом либеральном будущем, как мнилось в начале 90-х гг. прошлого века Фукуяме, «человечество будет казаться не тысячей цветущих побегов на стольких же цветущих растениях, а длинной цепью фургонов на одной дороге» [Фукуяма: 504]. А рациональность истории согласно Фукуяме проявится в том, «что было только одно путешествие и только одно место назначения» [Фукуяма: 505]. Вряд ли американский политолог и футуролог читал тексты Леонтьева, но совпадение образов просто поразительное и показательное. В противовес так бесхитростно изложенной американской мечте ведущему слою и обществу России следует сделать всё возможное, чтобы достичь состояния чётко выраженной неоднородности, «цветущей сложности», не став жертвой «вторичного смесительного упрощения» в глобальной прерии *Rax Americana* в веренице однотипных фургонов, возглавляемой США.

Список литературы

Красиков В.И. В постижении тайн генезиса русской культуры: формирование евразийства // Правовая культура. 2014. № 2 (17). С. 83–88.

Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Славянофильство и грядущие судьбы России / сост., вступит. ст., указ. имён и коммент. А.В. Белова; отв. ред. О.А. Платонов. Москва: Институт русской цивилизации, 2010. 1232 с.

Маслоу А. Мотивация и личность: пер. с англ. 3-е изд. Санкт-Петербург: Питер, 2019. 400 с.

Матяш Т.П. Истоки русской культуры: «славизм» или византизм? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2017. № 10 (259). С. 192–198.

Орешкин Д.Б. Евразийство. Идеократия. Мир наизнанку // Евразийство и мир. 2017. № 1. С. 15–39.

Пойминов Н.М. Доктрина панславизма в политико-правовом учении Н.Я. Данилевского // *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. 2023. Т. 48. № 2. С. 302–307.

Соединённые Штаты Америки. Конституция и законодательные акты / пер. с англ., сост. В.И. Лафитский; под ред. и вступ. ст. О.А. Жидкова. Москва: Прогресс: Универс, 1993. 765 с.

Трубецкой Н.С. Об идее-правительнице идеократического государства // История. Культура. Язык / сост. и общ. ред. В.М. Живова; вступ. ст. Н.И. Толстого, Л.Н. Гумилёва. Москва: Издательская группа «Прогресс», 1995. 800 с.

Трубецкой С.Н. Разочарованный славянофил // К.Н. Леонтьев: Pro et contra: Антология: в 2 кн. Кн. 1: Личность и творчество К. Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей 1891–1917 гг. Санкт-Петербург: Изд-во Рус. Христианского гуманитарного ин-та, 1995. 474 с.

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М.Б. Левина. Москва: АСТ: АСТ МОСКВА: Полиграф-издат, 2010. 588 с.

References

Fukuyama F. *Konets istorii i poslednii chelovek* [The End of History and the Last Man], Francis Fukuyama, transl. from English by M.B. Levin. Moscow, AST, AST Moskva, Poligraf izdat Publ., 2010, 588 p. (In Russ.)

Krasikov V.I. *V postizhenii tain genезisa russkoi kul'tury: formirovanie evraziistva* [In Comprehending the Secrets of the Genesis of Russian Culture: The Formation of Eurasianism]. *Pravovaia kul'tura* [Legal culture], 2014, No. 2 (17), pp. 83-88. (In Russ.)

Leont'ev K.N. *Vizantizm i slavianstvo* [Byzantism and Slavism]. *Slavianofil'stvo i griadushchie sud'by Rossii* [Slavophilism and the future Destinies of Russia], ed. by O.A. Platonov. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2010, 1232 p. (In Russ.)

Maslou A. *Motivatsiia i lichnost'* [Motivation and personality], 3rd ed., transl. from English. Saint-Petersburg, Piter Publ., 2019, 400 p. (In Russ.)

Matyash T.P. *Istoki russkoi kul'tury: «slavizm» ili vizantizm?* [The Origins of Russian culture: "Slavism" or Byzantium?]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filosofii. Sotsiologiya. Pravo* [Scientific bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law], 2017, No. 10 (259), pp. 192-198. (In Russ.)

Oreshkin D.B. *Evrasiistvo. Ideokratiia. Mir naiznanku* [Eurasianism. Ideocracy. The world inside out]. *Evrasiistvo i mir* [Eurasianism and the World], 2017, No. 1, pp. 15-39. (In Russ.)

Poiminov N.M. *Doktrina panslavizma v politiko-pravovom uchenii N.Ia. Danilevskogo* [The doctrine of Pan-Slavism in the political and legal theory of N.Y. Da-

nilevsky]. *Nomothetika: Filosofii. Sotsiologii. Pravo* [Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law], 2023, vol. 48, No. 2, pp. 302-307. (In Russ.)

Soedinennye Shtaty Ameriki. Konstitutsiia i zakonodatel'nye akty [The United States of America. Constitution and legislative acts], transl. from English by V.I. Lafitskii, ed. by O.A. Zhidkov. Moscow, Progress, Univers Publ., 1993, 765 p. (In Russ.)

Trubetskoi N.S. *Ob idee-pravitel'nitse ideokraticeskogo gosudarstva* [About the idea-ruler of an ideocratic state]. *Istoriia. Kul'tura. Iazyk* [History. Culture. Language], ed. by V.M. Zhivov. Moscow, Progress Publ., 1995, 800 p. (In Russ.)

Trubetskoi S.N. *Razocharovannyi slavianofil* [Disappointed Slavophile]. *K.N. Leont'ev: Pro et con-*

tra: Antologii: v 2 kn., kn. 1: Lichnost' i tvorchestvo K. Leont'eva v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei 1891-1917 gg. [K.N. Leontiev: Pro et contra: Anthology: in 2 vols. Vol. 1: Personality and creativity of K. Leontiev in the assessment of Russian thinkers and researchers 1891-1917]. Saint-Petersburg, Izd-vo Rus. Khristianskogo gum. in-ta Publ., 1995, 474 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.09.2023; одобрена после рецензирования 26.09.2023; принята к публикации 01.10.2023.

The article was submitted 12.09.2023; approved after reviewing 26.09.2023; accepted for publication 01.10.2023.

ТЕОРИЯ ПОЛЕЗНОСТИ И. БЕНТАМА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПРАВОВОЙ ПОЗИТИВИЗМ

Горбунов Максим Дмитриевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета, ННГУ имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, maxandgor@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5266-8852>

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о философских основаниях теории утилитаризма и ее влиянии на развитие аналитической юриспруденции. Автор работы отмечает, что теория полезности впервые в полной мере была сформулирована во взглядах Бентама и заключается в том, что властный субъект при формировании общеобязательной нормативной системы должен создавать реальные эффективные модели поведения и основания для действий субъектов, полезные для общества в целом. Во многом данный тезис в сложившихся онтоэпистемологических условиях стал позитивным ответом на формирующиеся теории естественного права и значительно повлиял на развитие британского правового позитивизма. При этом вопрос о содержании полезного и эффективного права на этапах становления и развития аналитического позитивизма воспринимался в разных контекстах. Классические теории Остина и Кельзена подчеркивали формально-юридический аспект права, связанный с построением оптимальной системы принуждения. Впоследствии же в теории Харта, совершившего революцию в британской правовой философии, был воспринят и интегрирован в понятие права рационально-утилитарный аспект. Автор делает вывод, что теория полезности стала, по сути, в западном правовом позитивизме альтернативой естественно-правовой аксиологии, ориентируясь на рациональные аргументы осознанного принятия нормативной системы в случае ее эффективности.

Ключевые слова: правопонимание, философия права, правовой позитивизм, утилитаризм, общество, нормативное регулирование, власть, правовая аксиология, аналитическая юриспруденция, теория полезности.

Для цитирования: Горбунов М.Д. Теория полезности И. Бентама и ее влияние на аналитический правовой позитивизм // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3, С. 227–233. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-227-233>

Research Article

JEREMY BENTHAM'S UTILITY THEORY AND ITS INFLUENCE ON ANALYTICAL LEGAL POSITIVISM

Maksim D. Gorbunov, Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer, Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russia, maxandgor@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5266-8852>

Abstract. The article deals with the question of the philosophical foundations of the theory of utilitarianism and its influence on the development of analytical jurisprudence. The author notes that the theory of utility was first fully formulated in the views of Jeremy Bentham, and lies in the fact that the powerful subject in the formation of a mandatory regulatory system must create real effective models of behaviour and grounds for the actions of subjects, useful for society as a whole. In many respects, this thesis in the current onto-epistemological conditions became a positive response to the emerging theories of natural law and significantly influenced the development of British legal positivism. At the same time, the question of the content of useful and effective law at the stages of formation and development of analytical positivism was perceived in different contexts. The classical theories of John Austin and Hans Kelsen emphasised the formal legal aspect of law, associated with the construction of an optimal enforcement system. Subsequently, in the theory of H. L. A. Hart, who revolutionised the British legal philosophy tremendously, the rational-utilitarian aspect was perceived and integrated into the concept of law. The author concludes that the theory of utility has become, in fact, in Western legal positivism, an alternative to natural law axiology, focusing on rational arguments for the conscious adoption of the normative system if it is effective.

Keywords: legal understanding, philosophy of law, legal positivism, utilitarianism, society, normative regulation, authority, legal axiology, analytical jurisprudence, utility theory.

For citation: Gorbunov M.D. Jeremy Bentham's utility theory and its influence on analytical legal positivism. Vestnik of the Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 3, pp. 227–233. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-227-233>

В современных условиях конкуренции правовых систем и стремлении государств построить эффективный социально ориентированный механизм нормативного регулирования важными становится целый ряд не только практических, но и фундаментальных теоретических задач. Одной из них является поиск теоретического рационального обоснования утилитарных свойств права, его полезности и эффективности. Особенно этот вопрос важен для традиционно позитивистской отечественной догмы права, поскольку она в значительной степени продолжает опираться на положения классической формально-правовой теории в конкретных вопросах, вынося содержательные и рационально-аксиологические аспекты права за скобки.

Необходимо отметить, что взгляды ведущих представителей философского утилитаризма и теории полезности довольно широко исследовались в мировой и отечественной науке [Остроух; Сейдеметова]. Сегодня подобные исследования дополняются научными трудами в сфере аналитической философии и юриспруденции, с которыми утилитаризм концептуально связан [Суворовцев: 74–80], что и будет показано в данной работе. Необходимо также отметить ряд современных исследований, предметно разрабатывающих теорию консеквенциализма в правоведении на базе философского утилитаризма и подвергающих новому осмыслению теорию полезности, выводя его за рамки исключительно научного творчества Бентама [Колосов, Сигаилов; Михайлов].

Значимость определения теории полезности и его непосредственного влияния на правоведение обусловлено растущим научным интересом и конкретной необходимостью комплексного понимания теории утилитаризма в социальной философии в ее непосредственной связи с правоведением, а также реального опыта имплементации утилитаризма в правовой теории с перспективой последующих исследований современного этапа развития ключевых положений теории в актуальном правопонимании.

В пользу теоретической и практической значимости исследования теории полезности и ее влияния на правовой позитивизм говорит несколько аргументов:

Во-первых, в правопонимании происходит восприятие правовым позитивизмом рациональных начал правового регулирования. Значительно повышается роль прецедентных практик и делегированного правотворчества, социально ориентированного правоприменения, основу которых составляет именно прагматический взгляд на право, отмеченный в тео-

рии полезности и аналитическом позитивизме. Отечественная правовая система может заимствовать данные практики для преодоления излишнего формализма, давно находящегося в поле критики в юридической науке [Раков, Попов: 39–43].

Во-вторых, сохраняется необходимость теоретического обоснования юридической деятельности как социально полезной и эффективной не только в аспекте обеспечения государственного управления. Теория полезности предложила оценивать нормы с точки зрения их полезности для общества в целом через стремление к благополучию и справедливости, что повлияло на становление демократических государств. Такое целеполагание на уровне норм-принципов и практической деятельности способно усовершенствовать практику российского государственного права [Чернобель: 83–95].

В-третьих, принудительный уклон в юридической деятельности нуждается в модификации в пользу социально ориентированного для повышения конкурентоспособности права. Теория полезности сформировала тезис о широких основаниях управления и обеспечения нормативности не только через формальное принуждение, но и реальную эффективность правил поведения. Идея формирования общества, где право эффективно не столько с точки зрения реализации воли государства, сколько с точки зрения учета общественных и частных интересов в их согласованном многообразии, является аргументом в сторону гуманизации сферы публичного и уголовного права, измерения критериев его эффективности не по формальным показателям на уровне «палочной системы», а по качеству восприятия права гражданами [Тихомиров].

Представляется, что по названным вопросам теория полезности предлагает ряд ценных аргументов. Однако для их понимания и раскрытия необходимо особо обратить внимание на становление теории полезности в правоведении в целом, на чем в целом концентрируется данное исследование.

Становление утилитаризма в социальной философии в научной литературе тесно связывается с работами Иеремии Бентама [Колосов]. Однако предпосылки ключевых установок утилитаризма сформировались в рамках британской философской традиции и их можно обнаружить, в частности, в моральной теории Дэвида Юма. В основу понимания моральной добродетели Юм положил «принцип полезности», утверждая, что морально одобряемым поведение (и социальная практика в целом) может быть только тогда, когда оно полезно для других индивидуумов и соци-

ума в целом [Hume 1975: ch. 2-4]. Терминологически и содержательно данный тезис получил свое развитие в философских трудах Бентама. Британский философ подчеркнул, что «под принципом полезности следует понимать тот принцип, который одобряет или не одобряет любое действие в целом, в соответствии с тенденцией, которая должна способствовать или противодействовать счастью стороны, чьи интересы ставятся под сомнение» [Bentham 1996, 1]. Автор формирует в своей социальной философии «принцип величайшего счастья», то есть принцип полезности. Морально правильным является то, что приносит наибольшее счастье при минимизации страдания. При этом конкретная принадлежность приносимого счастья для Бентама не имеет значения, поскольку полезное благо само по себе, и наибольшей меры счастье набирается тогда, когда оно имеет всеобщий характер. Полезность социальной деятельности является главным двигателем человечества в целом.

Такой масштаб принципа полезности для Бентама обусловил необходимость объяснения механизма его установления в социуме. Так, следуя за теорией Гоббса, Бентам указывает, что хотя люди в определенной степени способны осознавать и реализовывать собственные интересы, однако всегда существует риск, что субъективное понимание интереса и направленность поведения индивида могут противоречить объективным интересам общества [Bentham 1996: 12]. Такой отказ от стремления к «всеобщему счастью» оценивается Бентамом негативно и обуславливает необходимость нравственного воспитания. Центральным элементом такого воспитательного процесса в теории утилитаризма выступает государство [Bentham 1996: 18–19].

Именно государство посредством формирования системы наказания и поощрения способно осуществлять координирующее воздействие на индивидов для целей всеобщей пользы. Отсюда следует важный концептуальный вывод касательно сущности и содержания государственного воздействия. Государство через законы должно формировать реальные эффективные модели поведения и основания для действий субъектов, способствующие достижению объективных общественных интересов. Соответственно, и действия официальных лиц должны быть ответственными, полезными и эффективными, поскольку именно они с помощью права помогают субъектам осознать свои интересы и реализовать их. Бентам приходит к выводу, что главное назначение права (его необходимое содержание) заключается в реализации «принципа величайшего счастья» – минимизации страданий и максимизации удовольствия в тех пределах, в которых это достижимо [Bentham 1996: 34]. Реализация назначения правового регулирования связывает законодателя через неукоснительное исполнение

норм закона при их обеспечении государственным принуждением.

Необходимо отметить, что здесь Бентам, очевидно, вторит другому выдающемуся британскому философу, Томасу Гоббсу, заимствуя его тезис о суверене. Предписания государства как суверена являются законными по природе своего происхождения как результат его волеизъявления [Bentham 2010: 38]. Но Бентам в отличие от Гоббса отказывает суверену в абсолютном неограниченном характере его власти и неоспоримости его предписаний [Bentham 2010: 38]. Официальный статус власти суверена имеет только тогда, когда государственная деятельность обеспечивает реализацию принципа полезности. Обеспечение фактической принудительности предписаний кажется Бентаму недостаточным [Bentham 2010: 327–335].

Примечательно, что утилитаризм по большому счету стал позитивистской формализованной и рациональной альтернативой естественно-правовой аксиологии, чему значительно способствовали онтоэпистемологические изменения в реалиях Новейшего времени, в частности:

- становление идей научного эмпиризма и позитивистской методологии и, как следствие, смещение акцента с метафизических на фактологические исследования, в том числе в сфере социальной философии;
- политические революционные процессы в Европе и Новом свете на фоне противостояния антагонистических идей абсолютизма и естественного права;
- желание выявить рациональные закономерности человеческого поведения, феномена власти, государства и общественной нормативной системы в рамках идеи суверена и общественного договора [Краевский].

Совокупность вышеназванных обстоятельств фактически обусловила разработку Бентамом концепции утилитаризма, представляющей практическую рациональность в противоположность естественно-правовым концепциям. Иеремия Бентам, объединив теорию полезности и эмпиризм Дэвида Юма с концепцией суверена Томаса Гоббса, и стал для правовой теории предтечей англо-американского юридического (аналитического) позитивизма, определив в нем важнейшее место утилитарной составляющей [Hart 2003: 27–28].

По сути, во взглядах Бентама проявились две ключевых установки правового позитивизма: первая – идея принудительной власти суверена; вторая – теория полезности. В теории Бентама эти две составляющие не нашли гармоничной связи, что во многом было обусловлено также сложившимися онтоэпистемологическими рамками, на которые указывалось ранее. Важным является в первую очередь то, что в сформированной Бентамом теории утилитаризма устанавливалось, что право должно быть в определенной сте-

пени эффективным. При этом понимание содержания и критериев этой эффективности претерпели в аналитическом позитивизме значительную трансформацию. В контексте эволюции позитивистской правовой теории эффективность права можно рассматривать в двух контекстах:

– формально-юридическом, то есть способности права формировать систему четких последовательных правил, выражающих волю официальной власти, применение которых реально обеспечено в обществе механизмом санкций (учет императивной природы права);

– рационально-утилитарный, то есть эффективности права в регулировании общественных отношений с позиции общественной необходимости, рациональности и согласования интересов (учет социальной природа права).

В контексте времени именно первый подход получил развитие в правовой теории, в частности в концепции Джона Остина и Ганса Кельзена. И лишь потом в результате масштабных процессов развития философии и правоведения в теории Герберта Харта произошел процесс трансформации понимания эффективности права в аналитическом позитивизме и возвращение к идеям утилитаризма в более реалистичной согласованной форме.

Джон Остин, по сути, стоял у истоков аналитической доктрины в правоведении, задав основные направления для развития аналитической юриспруденции в целом [Sebok: 65–69]. Одним из ключевых для этих направлений стал вопрос критики аксиологического аспекта права и строгой необходимости учета социального контекста его существования. Именно в рамках данного вектора максимально проявились утилитарные тезисы Бентама [Bentham 1977: 397]. Непосредственно в самой теории Остина формулируется классическая позитивистская командная теория. Остин первым смог объединить в рамках правовой теории философские тезисы Бентама, Юма и Гоббса [Hobbes; Humme 1996a; Hume 1996b; Bentham 1996]. При этом правовед во избежание противоречий в позитивном фактологическом описании права принципиально разграничил вопросы правоведения и аксиологии права и вынес вопрос о полезности за скобки [Austin: 157]. Остин идет значительно дальше Бентама в борьбе с аргументами юснатурализма, связывая существование права с приказами суверена, подкрепленными угрозой санкции. При этом Остин значительно отошел от аксиологического посыла теории полезности, подменяя вопрос социальной полезности права его формальной эффективностью.

Теория Ганса Кельзена пошла еще дальше в определении эффективности правовой системы в контексте ее формально-юридических нормативных свойств принуждения. Право представляется ему как сфера

принудительной нормативности, действительность которой зависит от степени обеспеченности ее соблюдения гражданами [Kelsen 1961: 18–19]. Норма права должна быть эффективной для признания ее действительной, а именно – быть включенной в иерархическую систему норм, соответствовать содержанию базовой нормы и обеспечивать фактический нормативный порядок [Kelsen 1961: 42]. Однако сама базовая норма, которая в теории Кельзена является основой правовой системы, относится к категории должного, то есть рассматривается субъектами как обязательная, при этом ее долженствование в правовой системе предполагается и носит метафизический характер [Kelsen 1967: 217–218].

Очевидно, такие «оговорки» в сторону учета некоего социального компонента эффективности права и его полезности в нормативной системе скорее вызывает разногласия и подсвечивает недостатки классических теорий. Для ранних подходов характерна попытка совмещения в вопросе обеспеченности действительности права через принятие субъектами на себя и концентрация на императивности суверенных предписаний. Противоречие между идеей полезности и принудительности в праве, очевидно, провоцирует формирование более глубокой последовательной правовой модели, в которой в единстве представлены рационально-утилитарные и формально-юридические характеристики. Это явилось результатом масштабного методологического обновления в социальной философии и юриспруденции в середине XX века, в первую очередь благодаря формированию обновленного аналитического направления и кризису классического позитивизма, фактически оправдывающего существование античеловеческих государственно-правовых систем, за авторством которых величайшая гуманитарная катастрофа человечества [Hart, Cohen]. Не в последнюю очередь это стало возможным благодаря научной деятельности Герберта Харта.

Значимость персоны Герберта Харта в контексте рассматриваемого вопроса обусловлена не только масштабом влияния его правовой теории на аналитическую юриспруденцию, но и его активной деятельностью по популяризации взглядов Иеремии Бентама, которого он считал наиболее влиятельным правоведам современности. Под редакцией Харта вышли три издания ключевых трудов Бентама с авторскими замечаниями и уточнениями [Hart 1982]. Данные обстоятельства не могли не сказаться на новом витке популярности идей утилитаризма.

В правовой теории Харта, очевидно, прослеживается влияние утилитаризма в рамках его авторского подхода к аксиологии и тезиса о внутренней и внешней точке зрения на право. Взгляды Харта во многом стали переходными в контексте понима-

ния эффективности права от формально-юридического до рационально-утилитарного аспекта. В частности, британский правовед утверждает, что правовые нормы могут восприниматься субъектами с внутренней и внешней точки зрения. Внешней является точка зрения наблюдателя, не осознающего суть правовых предписаний и их качеств, констатируя лишь некую социальную практику поощрения и запретов определенных вариантов поведения. Внутренняя точка зрения характеризуется осознанным отношением к правилу и предусматривает принятие его для себя, исходя из убежденности в правильности такого выбора и необходимости обязанного поведения [Харт: 119]. Если для обеспечения реального функционирования правовой системы в отношении граждан достаточно лишь формирования механизма применения санкции и четкой формальной системы правил, то для официальных лиц необходимо добиться осознанного принятия системы как обязательной. Как указывает сам Харт, «наличие внутренней точки зрения (официальных лиц) является тем обязательным требованием, которое формирует единую правовую систему, поскольку это необходимо для восприятия вторичных правил» [Харт: 119].

Обеспечение такого отношения к правовой системе зависит от действительности и эффективности норм, обеспечения рационального основания для ее соблюдения. Здесь содержится важный аксиологический посыл Харта, поскольку он признает, что право должно иметь минимальный набор социально полезных свойств, для того чтобы его соблюдали. Объективное желание человека жить при естественной уязвимости людей, их примерного равенства в условиях ограниченных ресурсов, собственного человеческого понимания, альтруизма и силы воли обуславливает необходимость восполнения этих недостатков в рамках нормативной системы [Харт: 185–186]. Поэтому право должно иметь минимальное социально полезное содержание, иначе не возникло бы реального основания для принятия его как обязательного обществом на основе определенного согласования интересов к добровольному исполнению. Право имеет не любое содержание и не может рассматриваться исключительно с формально-юридической стороны, поскольку складывается в человеческом обществе. Рассмотренные выше постулаты, по утверждению Харта, «выражают наиболее рациональный компонент естественно-правовой доктрины, поскольку они крайне необходимы для понимания морали и права, так как указывают на присутствие в них содержательного аспекта» [Харт: 191]. Харт, осмысливая основания правовой системы, во многом примиряет правовой позитивизм с юснатурализмом, пытаясь интегрировать положения последнего при помощи рационалистических доводов. Если в юснатурализ-

ме аксиологический аспект имеет метафизические характеристики, то в хартовской теории они приобретают рациональный аспект. Впоследствии теория полезности в западном правовом позитивизме стала, по сути, альтернативой естественно-правовой аксиологии, ориентируясь на рациональные аргументы осознанного принятия нормативной системы в случае ее эффективности. Основу такого понимания составили концептуальные выводы Харта.

Однако в конечном счете Харт указывает, что «нет никаких существенных оснований полагать, что субъект, рассматривающий систему правил как авторитетную, приняв решение о ее неприемлемости, прекратил бы ее соблюдать. Непринятие правила не обуславливает его юридическую недействительность, пока обеспечивается его соблюдение» [Харт: 195].

Таким образом, Харт не решает идти в своей линии рассуждения до конца, указывая лишь, что право должно оцениваться официальными субъектами как действительное, поскольку оно является функциональным и направлено на регулирование общественных отношений. Представляется, что Харт совершает ошибку, утверждая, что для граждан такое восприятие системы как функциональной не является обязательным. В этом видится внутреннее противоречие его теории, поскольку Харт также выдвигает утверждение о необходимом рациональном минимуме права. Автор не завершает в своей теории линию связи между утилитарной ролью права и восприятием его как такового со стороны индивидов в контексте его эффективности и действительности. Впоследствии данный вопрос стал предметом критики со стороны антипозитивистов, в частности Рональда Дворкина, с другой стороны, он нашел свое качественно новое отражение во взглядах учеников Харта – Джозефа Раза и Нейла Маккормика. Мощный методологический толчок, данный правовой теорией Герберта Харта, не только значительно обогатил аналитическую юриспруденцию, но и создал на современном этапе поле для дальнейшей имплементации теории полезности в право в рационально-утилитарном контексте. Восприятие данных аргументов особенно важно для отечественного правоведения, поскольку в российской науке и практике по-прежнему превалирует именно формально-юридическое восприятие содержания и эффективности государственно-правовой системы, что на современном этапе снижает ее эффективность. Темы этики, морали и права, которые были затронуты благодаря теории полезности и восприняты именно в позитивистском ключе, создают реальное поле теоретического обоснования практической деятельности по рационализации и социализации подхода к правотворчеству и правоприменению в современной России как государства

с глубокими позитивистскими формалистскими традициями в праве.

Список литературы

Краевский А.А. Чистое учение о праве Ганса Кельзена и современный юридический позитивизм: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2014. 231 с.

Колосов И.В., Сигалов К.Е. Действительно ли И. Бентам был первым правовым утилитаристом? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24, № 2. С. 438–471.

Колосов И.В. История правового консеквенциализма: результативность права. Москва: Юрлитинформ, 2022. 208 с.

Михайлов А.М. К вопросу о философско-методологических основаниях английского юридического позитивизма XIX столетия (правовые учения Й. Бентама и Д. Остина) // Право и политика. 2020. № 11. URL: https://nbpublish.com/Hbrary_read_article.php?id=34429 (дата обращения: 27.07.2023).

Остроух А.Н. Учение Бентама о праве: дис. ... д-р юрид. наук. Москва, 2002. 240 с.

Раков К.А., Попов В.И. Правовой позитивизм: опыт критического анализа // История государства и права. 2022. № 11. С. 39–43.

Сейдеметова Р.Е. Государственно-правовые идеи И. Бентама, Б. Константа, Л. фон Штейна: историко-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 192 с.

Суровцев В.А. О методах аналитической философии // Аналитическая философия: проблемы и перспективы развития в России. Санкт-Петербург: Изд-во философ. фак-та СПбГУ, 2012. С. 74–80.

Тихомиров Ю.А. Публичные услуги: спрос общества и реализующие его институты // Модернизация экономики и выращивание институтов: материалы VI Междунар. конф. Москва: Изд-во ВШЭ, 2005. С. 1–11.

Чернобель Г.Т. Право как мера социального блага // Журнал российского права. 2006. № 6. С. 83–95.

Харт Г.Л.А. Понятие права / пер. с англ. Е.В. Афонасина, М. Бабака, А.Б. Дидикина, С.В. Моисеева). Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2007. 304 с.

Austin J. The Province of Jurisprudence Determined, ed. by W. Rumble. Cambridge, Cambridge University Press, 1995, 293 p.

Bentham J. Manuscripts at University College London. URL: <https://www.benthampapers.ucl.ac.uk>.

Bentham J. An Introduction to the Principles of Morals and Legislation, ed. by J.H. Burns, H.L.A. Hart. Oxford, Oxford University Press Publ., 1996, 456 p.

Bentham J. A Comment on the Commentaries and A Fragment on Government, ed. by Burns J.H., Hart H.L.A., 1977, 630 p.

Bentham J. Of the Limits of the Penal Branch of Jurisprudence, ed. by Schofield P. Oxford, Clarendon Press, 2010, 351 p.

Hart H.L.A. The Demystification of Law. Essays on Bentham: Studies in Jurisprudence and Political Philosophy. New York, 2003.

Hart H.L.A., Cohen J. Theory and Definition in Jurisprudence. The Aristotelian society, 1955, vol. 29, pp. 213–264.

Hart H.L.A. Essays on Bentham. Studies in Jurisprudence and Political Theory. Oxford, Clarendon Press, Oxford University Press Publ., 1982.

Hobbes T. Leviathan, ed. by Tuck R. Cambridge, Cambridge University Press, 1996, 618 p.

Hume D. An Enquiry concerning Human Understanding, ed. by Selby-Bigge L.A., Nidditch P.H. Oxford, Clarendon Press Publ., 1975, 458 p.

Hume D. A Treatise of Human Nature, ed. by Selby-Bigge L.A., Nidditch P.H. Oxford, Clarendon Press Publ., 1975, 768 p.

Kelsen H. General Theory of Law and State, trans. by Wedberg A. New York, Russell & Russell, 1961.

Kelsen H. Pure Theory of Law. trans. by Knight M. Berkeley, University of California Press Publ., 1967, 356 p.

Parekh B. Bentham's Political Thought. London, Croom Helm, 1973, 340 p.

Sebok A.J. Legal Positivism in American Jurisprudence. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1998, 327 p.

References

Chernobel' G.T. *Pravo kak mera social'nogo blaga* [Law as a measure of social good]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2006, No. 6, pp. 83–95. (In Russ.)

Khart G.L.A. *Poniatie prava* [The concept of law], transl. by E.V. Afonasina, M. Babaka, A.B. Didikina, S.V. Moiseeva. Saint Petersburg, SpbGU Publ., 2007, 304 p. (In Russ.)

Kraevskii A.A. *Chistoe uchenie o prave Gansa Kельзена i sovremennyi iuridicheskii pozitivizm: dis. ... dokt. iur. nauk* [The Pure Doctrine of Law by Hans Kelsen and Modern Legal Positivism: PhD thesis]. Saint Petersburg, 2014, 231 p. (In Russ.)

Kolosov I.V., Sigalov K.E., Dejstvitel'no li I. Bentam byl pervym pravovym utilitaristom? [Was J. Bentham really the first legal utilitarian?]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Iuridicheskie nauki* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences], 2020, vol. 24, No. 2, pp. 438–471. (In Russ.)

Kolosov I.V. *Istoriia pravovogo konsekventsializma: rezul'tativnost' prava* [The History of Legal Consequentialism: The Efficiency of Law]. Moscow, Iurlitinform Publ., 2022, 208 p. (In Russ.)

Mihajlov A.M. *K voprosu o filozofsko-metodologicheskikh osnovaniyakh anglijskogo juridicheskogo pozitivizma XIX stoletija (pravovye uchenija J. Bentama i D. Ostina)* [To the question of the philosophical and methodological foundations of the English legal positivism of the 19th century (the legal teachings of J. Bentham and D. Austin)]. *Pravo i politika* [Law and politics], 2020, No. 11. URL: https://nbpublish.com/Hbrary_read_article.php?id=34429 (access date: 27.08.2017). (In Russ.)

Ostroukh A.N. *Uchenie Bentama o prave: dis. ... dokt. iur. nauk* [Bentham's doctrine of law: PhD thesis]. Moscow, 2002, 240 p. (In Russ.)

Rakov K.A., Popov V.I. *Pravovoj pozitivizm: opyt kriticheskogo analiza* [Legal positivism: the experience of critical analysis]. *Istorija gosudarstva i prava* [History of state and law], 2022, No. 11, pp. 39-43 (In Russ.)

Seidemetova R.E. *Gosudarstvenno-pravovye idei I. Bentama, B. Konstana, L. fon Shteina: istoriko-pravovoi analiz: dis. ... kand. iur. nauk* [State-legal ideas of I. Bentham, B. Constant, L. von Stein: historical and legal analysis: PhD thesis]. Saratov, 2011, 192 p. (In Russ.)

Surovcev V.A. *O metodah analiticheskoy filosofii* [On the Methods of Analytic Philosophy]. *Analiticheskaja filosofija: problemy i perspektivy razvitiya v Rossii* [Analytical Philosophy: Problems and Prospects for Development in Russia]. Saint Petersburg, filosof. fak. SPbGU Publ., 2012, pp. 74-80. (In Russ.)

Tihomirov Ju.A. *Publichnye uslugi: spros obshhestva i realizujushhiego instituty* [Public services: the demand of society and the institutions that implement it]. *Modernizacija jekonomiki i vyrashhivanie institutov: materialy VI Mezhdunar. konf.* [Modernization of the economy and the cultivation of institutions: materials of the VI Intern. conf.]. Moscow, VShJe Publ., 2005, pp. 1-11. (In Russ.)

Austin J. The Province of Jurisprudence Determined, ed. by W. Rumble. Cambridge, Cambridge University Press, 1995, 293 p.

Bentham J. Manuscripts at University College London, URL: <https://www.benthampapers.ucl.ac.uk>.

Bentham J. An Introduction to the Principles of Morals and Legislation, ed. by J.H. Burns, H.L.A. Hart. Oxford, Oxford University Press Publ., 1996, 456 p.

Bentham J. A Comment on the Commentaries and A Fragment on Government, ed. by Burns J.H., Hart H.L.A., 1977, 630 p.

Bentham J. Of the Limits of the Penal Branch of Jurisprudence, ed. by Schofield P. Oxford, Clarendon Press, 2010, 351 p.

Hart H.L.A. The Demystification of Law. Essays on Bentham: Studies in Jurisprudence and Political Philosophy. New York, 2003.

Hart H.L.A., Cohen J. Theory and Definition in Jurisprudence. The Aristotelian society, 1955, vol. 29, pp. 213-264.

Hart H.L.A. Essays on Bentham. Studies in Jurisprudence and Political Theory. Oxford, Clarendon Press, Oxford University Press Publ., 1982.

Hobbes T. Leviathan, ed. by Tuck R. Cambridge, Cambridge University Press, 1996, 618 p.

Hume D. An Enquiry concerning Human Understanding, ed. by Selby-Bigge L.A., Nidditch P.H. Oxford, Clarendon Press Publ., 1975, 458 p.

Hume D. A Treatise of Human Nature, ed. by Selby-Bigge L.A., Nidditch P.H. Oxford, Clarendon Press Publ., 1975, 768 p.

Kelsen H. General Theory of Law and State, trans. by Wedberg A. New York, Russell & Russell, 1961.

Kelsen H. Pure Theory of Law. trans. by Knight M. Berkeley, University of California Press Publ., 1967, 356 p.

Parekh B. Bentham's Political Thought. London, Croom Helm, 1973, 340 p.

Sebok A.J. Legal Positivism in American Jurisprudence. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1998, 327 p.

Статья поступила в редакцию 07.06.2023; одобрена после рецензии 10.07.2023; принята к публикации 26.09.2023.

The article was submitted 07.06.2023; approved after review 10.07.2023; accepted for publication 26.09.2023.

ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ Ю.П. НОВИЦКОГО НА СУДЫ ДЛЯ МАЛОЛЕТНИХ

Бриль Геннадий Геннадьевич, доктор юридических наук, Костромской государственной университет, Россия, Кострома, g_bril@ksu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4750-8341>

Зайцев Леонид Николаевич, старший преподаватель, Костромской государственной университет, Россия, Кострома, l_zaycev@ksu.edu.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6874-206X>

Аннотация. Статья посвящена анализу научного подхода к вопросу создания суда для малолетних, разработанного известным российским юристом и общественным деятелем Ю.П. Новицким. Основой исследования послужил доклад Ю.П. Новицкого, сделанный им в ноябре 1911 г. в Киевском обществе «Патронат», а также в январе 1912 г. – в Киевском юридическом обществе в связи с созданием в г. Киеве суда для малолетних. Констатируется значимость обращения к историческим исследованиям при изучении проблем борьбы с преступностью несовершеннолетних. Научные заслуги Ю.П. Новицкого в полном объеме не были по достоинству оценены его современниками. В настоящем исследовании предпринята попытка ликвидации этого пробела. Его доклад проанализирован с точки зрения исторического анализа. Сделаны выводы о том, что научные разработки Ю.П. Новицкого по вопросу создания суда для малолетних явились значимым вкладом в юридическую науку и в создание такого суда в Киеве. Практика деятельности дореволюционных судов для малолетних и положительный опыт их работы позволит современному государству и обществу обеспечить надлежащее воспитание подрастающего поколения.

Ключевые слова: Ю.П. Новицкий, суд для малолетних, преступность несовершеннолетних.

Для цитирования: Бриль Г.Г., Зайцев Л.Н. Правовые взгляды Ю.П. Новицкого на суды для малолетних // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 234–239. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-234-239>

Research Article

LEGAL VIEWS OF YURIY NOVITSKIY ON JUVENILE COURTS

Gennadiy G. Bril', Doctor of Jural Sciences, Kostroma State University, Russia, Kostroma, g_bril@ksu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4750-8341>

Leonid N. Zaitsev, senior lecturer, Kostroma State University, Russia, Kostroma, l_zaycev@ksu.edu.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6874-206X>

Abstract. The article is devoted to the analysis of the scientific approach to the issue of creating a juvenile court, developed by the famous Russian lawyer and public figure Yuriy Novitskiy. The basis of the research was the report of Yuriy Novitskiy, made by him in November 1911 in Kiev society "Patronage", and also with which Yuriy Novitskiy spoke in January 1912 at Kiev Law Society in connection with the creation of a juvenile court in Kiev. The importance of turning to historical research in studying the problems of combating juvenile delinquency is stated. Yuriy Novitskiy's scientific achievements of works were not fully appreciated by his contemporaries. This study attempts to eliminate this gap. His report is analysed from the point of view of historical analysis. Conclusions are drawn that the scientific developments of Yuriy Novitskiy on the creation of a juvenile court were a significant contribution to legal science and to the creation of such a court in Kiev. The practice of pre-revolutionary juvenile courts and the positive experience of their work will allow the modern state and society to ensure proper education of the younger generation.

Keywords: Yuriy Novitskiy, juvenile court, juvenile delinquency.

For citation: Bril' G.G., Zaitsev L.N. Legal views of Yuriy Novitskiy on juvenile courts. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 3, pp. 234–239. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-234-239>

Одним из важнейших вопросов государственной политики современной России является вопрос о судьбе молодого поколения. Особое внимание уделяется воспитанию детей, их всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию¹. Если по состоянию на 1 января 2023 г. общее количество населения России составило 146 424 729 человек, то молодых людей возрастом от 18 лет до 31 года – 814 024 человека, что составляет 21,85 %².

В течение последних нескольких лет отмечается последовательное снижение подростковой преступности. Так, в январе – ноябре 2022 г. зафиксировано 26,8 тыс. таких фактов против 28 тыс. годом ранее³ [Колесников: 51]. Преступность несовершеннолетних отличается высокой степенью общественной опасности, поскольку представляет собой базу для пополнения организованной и профессиональной преступности [Колесников: 50].

С трудностями, возникающими в связи с реализацией защиты прав и свобод несовершеннолетних, Россия неоднократно сталкивалась в течение своей многовековой истории, и именно учет прошлого опыта в настоящее время может явиться одним из факторов успешного разрешения названных проблем [Кузнецов: 4].

Об уголовной ответственности несовершеннолетних издано множество научных трудов как в современной [Балашов; Дубоносова], так и в дореволюционной России [Кони; Люблинский; Познышев].

Одним из ученых юристов дореволюционной, а затем и советской России был российский юрист и видный общественный деятель, мученик Юрий Петрович Новицкий.

В начале XX в. Ю.П. Новицкий отдельное внимание уделял вопросам детской преступности. В своих выступлениях он отмечал, что «индивидуальные, социальные, экономические факторы так же рождают детскую преступность, как порождают они и преступность взрослых... Там, где детская преступность дает чувствовать себя все сильнее и сильнее, не могла не зародиться мысль о новых, более действительных, более могущественных средствах борьбы с нею, чем то было доселе. Вторая половина XIX в., эпоха прогрессирующей преступности, является началом движения к усилению прежних, к созданию новых мер и способов противодействия ее свободному шествию» [Новицкий: 2–3].

Самое верное средство сильно сократить в обществе профессиональную преступность – это помогать детям развиваться в преступников, своевременными мерами удаляя их с преступного пути.

С.В. Познышев

Подобные взгляды среди ученых, государственных деятелей того времени уже были широко распространены. Так, например, на весеннем заседании Государственной думы в 1908 г. министр юстиции И.Г. Щегловитов⁴ говорил, что «должны быть разобщены детство и преступность, юность и порочность»⁵. Ю.П. Новицкий также отмечал: «Увеличивается рост городов, увеличивается и общая преступность, и первое место среди неё занимают дети» [Новицкий: 3].

Анализируя меры, принимаемые в Англии, Америке, странах Западной Европы против детской преступности, ученый обращал внимание на создание исправительных заведений, института попечителей малолетних, создание «дворца правосудия для детей» [Новицкий: 7–9].

Ю.П. Новицкий отмечал, что и «наше отечество страдало и страдает чрезмерно растущей преступностью, и у нас она концентрируется в городах и имеет свои корни в беспризорности, нищете, развращающей семейной обстановке, часто и в тяжелой наследственности малолетних» [Новицкий: 9]. В период 1891–1893 гг. в России перед общими судами прошло малолетних от 10 до 15 лет – 2 078, а перед мировыми судьями за это же время прошло – 6 926.

В 1906 г. поступило в исправительные заведения 598 несовершеннолетних, из них 451 – за кражу, укрывательство и сбыт краденого и за присвоение, 9 – за грабеж и разбой, 2 – за мошенничество. В 1907 г. всего поступило 647 несовершеннолетних, из них 485 – за кражу, укрывательство и сбыт краденого, 4 – за грабеж и разбой и 1 – за растрату. Из поступивших в 1908 г. в исправительные заведения несовершеннолетних 94,3 % поступили за кражи, укрывательство и сбыт краденого, а также за присвоение чужого имущества. За кражами и близкими к ним имущественными преступлениями следуют нарушения общественного порядка в виде бродяжничества и нищенства, поджоги, преступления против нравственности, оскорбления и телесные повреждения [Познышев: 42].

В местах заключения в 1910 г. находилось 13 802 несовершеннолетних в возрасте от 10 до 17 лет, из них в тюрьмах – 4 457, в арестных домах – 9 345; в 1911 г. – 14 873 несовершеннолетних, из них в тюрьмах – 6 392, в арестных домах – 8 486 [Люблинский: 45].

Новицкий также обращал внимание на то, что государство должно учитывать и способы совершения преступлений малолетними, и мотивы, какими

они руководствуются, а также те меры, какие нужно сосредоточить в руках такого органа, который, будучи органом судебной власти, был бы судом особым, который должен посвятить себя выяснению причин детской преступности и мерам борьбы с нею. Он акцентировал внимание на то, что «мерами такими не должна быть только отсылка в исправительные учреждения» [Новицкий: 4].

Ю.П. Новицкий считал, что в таком суде судья должен «не столько судить, сколько ставить диагноз и прописывать лекарство, употребление коего ставить под свой контроль». Далее он отмечал, что судья должен обладать не только знанием права, но и «энциклопедией знаний о молодом поколении» [Новицкий: 5]. При этом он считал, что судьбе в этом должны помогать попечители, задачей которых является всестороннее изучение ребенка. По его мнению, именно такой суд является логическим последствием мер, принимаемых государством, научным сообществом и обществом.

В своих выступлениях в ноябре 1911 г. в киевском обществе «Патронат» и в январе 1912 г. в Киевском юридическом обществе Ю.П. Новицкий особое внимание уделил вопросу учреждения в г. Киеве суда для малолетних [Новицкий]. Он отмечал, что такой суд «становится не только органом суда над малолетним, но и органом государственной опеки над ним», при этом должны учитываться не только лица, совершившие преступления, но и могущие их совершить [Новицкий: 6].

Ю.П. Новицкий был убежден, что при рассмотрении дел о преступлениях, совершенных малолетними, за основу должны браться во внимание не мера наказания, а меры исправления и воспитания. Он считал, что сам процесс рассмотрения уголовного дела, речи сторон, допросы участников процесса, участие в деле присяжных, а также принципы гласности, публичности и вся сама обстановка «губительна для малолетних» [Новицкий: 6]. Если малолетний станет на скамью подсудимых первый раз, то в таком случае он может сесть на эту скамью повторно.

Ученый неоднократно ссылался на исторический опыт, когда в России XVIII века существовали «совестные суды», заменявшие меры наказания мерами исправительными [Новицкий: 9].

Особое внимание в своих выступлениях Ю.П. Новицкий уделял существующему уже в то время в Санкт-Петербурге особому суду по делам малолетних [Новицкий: 10].

Следует отметить, что в то время суды по делам молодежи учреждались в стране не централизованно, а решения принимались на уровне органов местного самоуправления – городскими думами. Специальные суды для детей создавались с прямым участием и по инициативе научных кругов, а также с учетом

мнения общественности. Эти суды создавались в так называемом экспериментальном порядке.

Инициатором создания суда для малолетних в Санкт-Петербурге был профессор П.И. Люблинский. Не случайно поэтому Ю.П. Новицкий назвал его «апологетом нового суда» [Новицкий: 10].

В своих выступлениях Ю.П. Новицкий подробно анализировал деятельность суда, отмечая, в частности, что правосудие должен отправлять особый судья, именуемый «добавочным». При этом он должен обладать особой подготовкой, так как рассматривались дела в отношении несовершеннолетних от 10 до 17 лет. Особо отмечалось, что такой суд «является для малолетнего не только судом, но и защитой, а судье дается в руки возможность улучшить положение малолетних» [Новицкий: 11–12]. Гласность и публичность судопроизводства в таких судах «устраняются, а его формы упрощаются».

Суды для малолетних рассматривали следующие категории дел: дела, по которым несовершеннолетние от 10 до 17 лет обвиняются в совершении преступного деяния, подсудного мировым судебным установлениям (ст. 33, 33¹, 32² и 34 Устава уголовного судопроизводства⁶); все дела о нарушении телесной неприкосновенности и о нанесении легких ран и повреждений (ст. 142 Устава о наказаниях⁷ и ч. 2 ст. 1483 Уложения о наказаниях⁸), когда потерпевшим лицом является несовершеннолетний до 17 лет и когда деяние совершено лицом, имеющим законное о нем попечение. Дела о преступных деяниях, предусмотренных: а) ст. 51, 144, 144¹ Устава о наказаниях и ст. 1516 Уложения о наказаниях; б) ст. 51¹⁰ и 51¹⁴ Устава о наказаниях и ст. 1404¹ Уложения о наказаниях, когда проступок имеет отношение к малолетнему или несовершеннолетнему до 17 лет и не влечет за собой лишения права заниматься ремеслом. Дела о нарушениях: а) закона 15 ноября 1906 г. об обеспечении нормального отдыха в торгово-промышленных заведениях, складах и конторах – отд. I ст. 8 и отд. II ст. 1–3; б) закона 15 ноября 1906 г. об обеспечении нормального отдыха служащих в ремесленных заведениях – отд. I ст. 4 и отд. II ст. 1–3; в) обязательных постановлений городских дум, земских собраний и административных властей, изданных с целью обеспечения охраны жизни, здоровья и нравственности несовершеннолетних или обеспечения им возможности получать надлежащее воспитание и образование» [Новицкий: 11].

Новицкий делает акцент на то, что судья при рассмотрении дел «должен свое внимание обратить на исправление и воспитание малолетнего». В таких случаях, считал Ю.П. Новицкий, особые попечители должны быть «глазами и ушами» судьи. Они обязаны сообщать суду сведения о несовершеннолетних, «сноситься о них с различными благотворительными

ми обществами, приискивать им занятие, работу, помещать в школу, возникшие коллизии между ними и родителями разрешаются судьей» [Новицкий: 13].

На нравственные качества судьи указывал также и государственный, общественный деятель XIX – начала XX вв. А.Ф. Кони, отмечая, что «наряду со служебным долгом судебного деятеля вырастает его нравственный долг. Он предписывал никогда не забывать, что объектом действий этого деятеля является прежде всего человек, имеющий право на уважение к своему человеческому достоинству. Всякое поругание последнего есть, неизбежно, поругание своей собственной души в ее высочайшем проявлении – совести» [Кони: 159–160].

В своих выступлениях Ю.П. Новицкий отмечал положительную роль первого судьи суда для малолетних В.А. Окунева [Особый суд], а также обращал внимание на «содействие в работе суда пяти платных попечителей, имеющих педагогический опыт».

В Санкт-Петербурге из 5 473 дел в суде для малолетних за 1910 год окончено 3 577, а обвинительные приговоры по делам, влекущим тюремное заключение, были вынесены в 423 случаях, отдано под ответственный надзор 266 несовершеннолетних и лишь 48 было отдано в колонию или приют [Новицкий: 14].

Призывая к созданию подобного суда в Киеве, Ю.П. Новицкий отмечал: «И на тот зов... который мы слышим повсюду: “Спасайте детей, боритесь с преступностью их”, – мы можем только ответить: “Учреждайте суды для малолетних”» [Новицкий: 15].

Выступление Ю.П. Новицкого в Киевском юридическом обществе в январе 1912 г., его активная гражданская позиция повлияли, в частности, на создание в конце 1913 года суда для малолетних в г. Киеве, а 20 декабря 1913 г. мировым судьей по делам малолетних был назначен Валерий Михайлович Левитский⁹. Сохранились сведения о его деятельности в указанной должности [Левитский 2019] и отчеты за первые два года [Левитский 1915, Левитский 1916], что может послужить предметом отдельного научного исследования.

Кроме Санкт-Петербурга и Киева суды для малолетних в дореволюционной России были созданы и успешно функционировали в Москве, Харькове, Одессе, Риге, Томске, Саратове [Дубоносова: 19].

О важности судов по делам о малолетних и их деятельности в дореволюционной России свидетельствует также тот факт, что аппараты мировых судей по делам о малолетних распространяли литературу по этим вопросам. Так, например, при камере мирового судьи по делам о малолетних в г. Москве имелся склад, который успешно распространял такую литературу [Рубашева: 15].

Следует отметить, что и Костромская губерния принимала участие в воспитании молодых правона-

рушителей. Так, в 1912 г. было заключено соглашение с Костромской земледельческой колонией о помещении в нее на исправление петербургских детей, в отношении которых принимались решения Санкт-Петербургского суда для малолетних [Балашов: 123].

Таким образом, Ю.П. Новицкий внес заметный вклад в развитие ювенальной юстиции в России. Его научные разработки по этому вопросу явились значимым вкладом в юридическую науку и в создание такого суда в Киеве. Следует отметить, что и в современной России вопросы ресоциализации преступников, преступность несовершеннолетних представляют собой тему, над которой продолжают работать юристы – как ученые, так и практики. А практика деятельности дореволюционных судов для малолетних и положительный опыт их работы позволит современному государству и обществу обеспечить надлежащее воспитание подрастающего поколения.

Примечания

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1> (дата обращения: 30.01.2023).

² Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту: на 1 января 2022 года: Статистический бюллетень. Москва, 2022. 443 с.

³ Сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 30.01.2023).

⁴ Иван Григорьевич Щегловитов (13 (25) февраля 1861 – 5 сентября 1918) – русский криминолог и государственный деятель, действительный тайный советник, министр юстиции Российской империи (1906–1915). Последний председатель Госсовета Российской империи (в 1917 году). URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Щегловитов,_Иван_Григорьевич (дата обращения: 30.01.2023).

⁵ Россия. Государственная дума. Созыв: Стенографические отчеты. 1907–1908 гг. / Гос. дума, 3-й созыв, сессия 1-я. Ч. 1: Заседания 1–30 (с 1 ноября по 19 февраля 1908 г.). Санкт-Петербург, 1908. [3], XXVIII, 14 с. 2142 стб.; Ч. 3: Заседания 61–98 (с 7 мая по 28 июня 1908 г.). Санкт-Петербург, 1908. [3], XXII, 8 с., 4528 стб. URL: <https://www.prlib.ru/item/372328> (дата обращения: 30.01.2023).

⁶ Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны. Санкт-Петербург: В тип. 2-го отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1867: в 3 ч. Ч. 2: Устав уголовного судопроизводства, 1867. 523 с.

⁷ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, в практическом применении его чинами полиции по составлению протоколов / сост. Ив. Чулков, изд. П. Мосолов; [авт. предисл. И. Чулков]. Изд. 2-е,

пер. по судебным уставам имп. Александра II с доп. и изм., последовавшими по июль 1885 г. Москва: Тип. И.И. Смирнова, 1886. 309 с.

⁸ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург: Тип. 2-го отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1845. 898 с.

⁹ Валерий Михайлович Левитский, родился 12.05.1886 в г. Галиче Костромской губернии. С 20.12.1913 – мировой судья г. Киева по делам малолетних. Юрист, журналист, общественный деятель, политический аналитик; во время Гражданской войны – в Вооруженных силах Юга России и в Русской армии, начальник Информационного отдела штаба Русской армии (Врангель); в эмиграции – участник русских национальных организаций, активно сотрудничал с РОВС, преподавал в Офицерской школе РОВС. Скончался В.М. Левитский в Париже 27 апреля 1946 г.

Список литературы

Балашов Е.М. Методы борьбы с преступностью несовершеннолетних в Петербурге-Петрограде в начале XX в. // Петербургский исторический журнал. 2015. № 4. С. 110–128.

Гольцов Н.В., Петров И.В. Новомученик Юрий Петрович Новицкий: служение праву и Правде. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2022. 200 с.

Дубоносова А.Э. Развитие идей предупреждения правонарушений несовершеннолетних в правовой мысли России (XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. 22 с.

Колесников Р.В. Современное состояние преступности несовершеннолетних // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16 (57). С. 47–56.

Кони А.Ф. Собрание сочинений: в 8 т. / под общ. ред. В.Г. Базанова и др. Москва: Юрид. лит., 1967. Т. 4. 543 с.

Коняев Н.М. Святой профессор: книга о мученике Юрии Петровиче Новицком. Москва: Русь, 2008. 210 с.

Кузнецов Д.Ю. Государственно-правовая политика России в области противодействия преступности несовершеннолетних во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2013. 27 с.

Левитский В.М. Борьба на Юге: Факты. Люди. Настроения / предисл. В.В. Шульгина; сост., науч. ред., авт. вступ. ст. и коммент. А.А. Чемакина. Москва: Фонд «Связь Эпох», 2019. 256 с.

Левитский В.М. Суд для малолетних в г. Киеве: Первый год деятельности Особого суда для малолетних в г. Киеве. Киев: Киев. патронат, 1915. 76 с.

Левитский В.М. Детский суд и война: Второй год деятельности Особого суда для малолетних в г. Киеве. Киев: Типо-лит. насл. К.Ш. Круглянского, 1916. 44 с.

Люблинский П.И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте (социально-правовые очерки). Москва: Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. 300 с.

Новицкий Ю.П. Суды для малолетних: (К вопросу об учреждении суда для малолетних в г. Киеве): доклад, читанный в ноябре 1911 г. в Киевском обществе «Патронат» и в январе 1912 г. в Киевском юридическом обществе. Киев: Тип. императорского университета Св. Владимира, 1913. 15 с.

Особый суд по делам о малолетних. Отчет Санкт-Петербургского столичного мирового судьи Н.А. Окунева за 1910 год. Санкт-Петербург, 1911. 190 с.

Познышев С.В. Детская преступность и меры борьбы с ней: (Из публичных лекций весеннего семинара 1910 г. Московского общества борьбы с детской смертностью). Москва, 1911. Кн. 5. 103 с.

Плюснина О.В. Юрий Петрович Новицкий – профессор, юрист, святой // Историческая память и духовный опыт формирования российской государственности (к 140-летию со дня рождения мученика Ю.П. Новицкого): сб. трудов V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Кострома, 16 сентября 2022 г.). Кострома: Костромской государственный университет, 2022. С. 18–23.

Рубашева А.М. Суд для малолетних и общество. Москва: Тип. Русского общества, 1912. 15 с.

References

Balashov E.M. *Metody bor'by s prestupnost'ju nesovershennoletnih v Peterburge-Petrograde v nachale XX v.* [Methods of combating juvenile delinquency in St. Petersburg-Petrograd at the beginning of the XX century]. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal* [St. Petersburg Historical Magazine], 2015, No. 4, pp. 110-128. (In Russ.)

Gol'cov N.V., Petrov I.V. *Novomuchenik Jurij Petrovich Novickij: sluzhenie pravu i Pravde* [New Martyr Yuri Petrovich Novitsky: service to law and Truth]. St. Petersburg, Publishing House of St. Petersburg University Publ., 2022, 200 p. (In Russ.)

Dubonosova A.Je. *Razvitie idej preduprezhdenija pravonarushenij nesovershennoletnih v pravovoj mysli Rossii (XIX – nachalo XX vv.): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [The development of ideas for the prevention of juvenile delinquency in the legal thought of Russia (XIX – early XX centuries): PhD thesis, summary]. Moscow, 2008, 22 p. (In Russ.)

Kolesnikov R.V. *Sovremennoe sostojanie prestupnosti nesovershennoletnih.* [The current state of juvenile delinquency]. *Penitenciarnaja nauka* [Penitentiary science], 2022, No. 16 (57), pp. 47-56. (In Russ.)

Koni A.F. *Sobranie sochinenij: v 8 t. T. 4.* [Collected works: in 8 vols. Vol. 4]. Moscow, Legal lit. Publ., 1967, 543 p. (In Russ.)

Konjaev N.M. *Svjatoj professor: kniga o muchenike Jurii Petroviche Novickom* [The Holy Professor: a book about the Martyr Yuri Petrovich Novitsky]. Moscow, 2008, 210 p. (In Russ.)

Kuznecov D.Ju. *Gosudarstvenno-pravovaja politika Rossii v oblasti protivodejstvija prestupnosti nesovershennoletnih vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.): avtoref. dis. ... dokt. jurid. nauk* [State and legal policy of Russia in the field of combating juvenile delinquency in the second half of the XIX – early XX centuries: PhD thesis, summary]. Kursk, 2013, 27 p. (In Russ.)

Levitskij V.M. *Bor'ba na Juge: Fakty. Ljudi. Nastroenija* [The Struggle in the South: Facts. People. Moods]. Moscow, Foundation “Communication of Epochs” Publ., 2019, 256 p. (In Russ.)

Levitskij V.M. *Sud dlja maloletnih v g. Kieve: Pervyj god dejatel'nosti Osobogo suda dlja maloletnih v g. Kieve* [The Court for Minors in Kiev: The first year of the Special Court for Minors in Kiev]. Kiev, Kiev. Patronage Publ., 1915, 76 p. (In Russ.)

Levitskij V.M. *Detskij sud i vojna: (Vtoroj god dejatel'nosti Osobogo suda dlja maloletnih v g. Kieve)* [Children's Court and War: (The second year of the Special Court for Minors in Kiev)]. Kiev, Tipo-lit. nasl. K.S. Kruglyansky Publ., 1916, 44 p. (In Russ.)

Lyublinskij P.I. *Bor'ba s prestupnost'ju v detskom i yunosheskom vozraste (social'no-pravovye ocherki)* [The fight against crime in childhood and adolescence (socio-legal essays)]. Moscow, Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice Publ., 1923, 300 p. (In Russ.)

Novickij Ju.P. *Sudy dlja maloletnih: (K voprosu ob uchrezhdenii suda dlja maloletnih v g. Kieve)* [Juvenile courts: (On the issue of the establishment of a juvenile court in Kiev)]. A report read in November 1911 at the Kiev Society “Patronat” and in January 1912 at the Kiev

Law Society]. Kiev, Printing house of the Imperial University of St. Vladimir Publ., 1913, 15 p. (In Russ.)

Osobyj sud po delam o maloletnih. Otchet Sankt-Peterburgskogo stolichnogo mirovogo sud'i N.A. Okuneva za 1910 god [Special Juvenile Court. Report of the St. Petersburg Metropolitan Magistrate N.A. Okunev for 1910]. St. Petersburg, 1911, 190 p. (In Russ.)

Poznyshchev S.V. *Detskaja prestupnost' i mery bor'by s nej: (Iz publichnyh lekcij vesennego seminaru 1910 g. Moskovskogo obshhestva bor'by s detskoj smertnost'ju)* [Child crime and measures to combat it: (From the public lectures of the spring seminar of 1910 of the Moscow Society for Combating Child Mortality)]. Moscow, 1911, vol. 5, 103 p. (In Russ.)

Pljusnina O.V. *Jurij Petrovich Novickij – professor, jurist, svjatoj* [Yuri Petrovich Novitsky – professor, lawyer, saint]. *Istoricheskaja pamjat' i duhovnyj opyt formirovanija rossijskoj gosudarstvennosti: (k 140-letiju so dnja rozhdenija muchenika Ju.P. Novickogo): sb. trudov V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Kostroma, 16 sentjabrja 2022 g.)* [Historical memory and spiritual experience of the formation of Russian statehood (to the 140th anniversary of the birth of Martyr Y.P. Novitsky): proceedings of the V International Scientific and Practical Conference (Kostroma, September 16, 2022)]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2022, pp. 18-23. (In Russ.)

Rubasheva A.M. *Sud dlja maloletnih i obshhestvo* [Juvenile court and society]. Moscow, The printing house of the Russian Society Publ., 1912, 15 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 13.06.2023; одобрена после рецензирования 26.07.2023; принята к публикации 30.08.2023.

The article was submitted 13.06.2023; approved after reviewing 26.07.2023; accepted for publication 30.08.2023.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КРИТЕРИЕВ ДОСТАТОЧНОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Кобзарев Федор Михайлович, доктор юридических наук, профессор, Костромской государственной университет, Россия, Кострома, kobzarfm@mail.ru

Аннотация. Учитывая значимость завершающего этапа доказывания по уголовным делам, состоящего в оценке достаточности доказательств, в статье рассматриваются вопросы о правовых и организационных основах возможности определения критериев этой достаточности. При этом дается авторское определение понятию «достаточность доказательств», обосновывается необходимость установления границ данного свойства доказательств, проводится анализ публикаций, посвященных определению критериев оценки достаточности доказательств. В исследовании использовались общие научные методы и частнонаучные методы. В качестве вывода предлагается подразделить критерии достаточности доказательств на правовые (предусмотренные действующим УПК РФ) и организационные (установленные в совместных организационно-распорядительных документах правоприменительных органов, в обзорах судебной практики, разъяснениях Пленума Верховного суда РФ).

Ключевые слова: доказывание по уголовным делам, достаточность доказательств, критерии оценки достаточности доказательств, правовые и организационные основы достаточности доказательств.

Для цитирования: Кобзарев Ф.М. Организационно-правовые определения критериев достаточности доказательств в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 240–244. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-240-244>

Research Article

ORGANISATIONAL AND LEGAL BASIS FOR DETERMINING THE CRITERIA FOR THE SUFFICIENCY OF EVIDENCE IN THE PRE-TRIAL STAGES OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Fiodor M. Kobzarev, Doctor of Jural Sciences, Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, kobzarfm@mail.ru

Abstract. Given the importance of the final stage of proof in criminal cases, which consists in assessing the sufficiency of evidence, the article deals with the legal and organisational foundations of the possibility of determining the criteria for this sufficiency. At the same time, the author's definition of the concept of "sufficiency of evidence" is given, the need to establish the boundaries of this property of evidence is substantiated, and the analysis of publications devoted to determining the criteria for assessing the sufficiency of evidence is carried out. General scientific methods and private scientific methods were used in the study. As a conclusion, it is proposed to divide the criteria for the sufficiency of evidence into legal (provided for by the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation) and organisational (established in joint organisational and administrative documents of law enforcement agencies, in reviews of judicial practice, explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation).

Keywords: proof in criminal cases, sufficiency of evidence, criteria for assessing evidence sufficiency, legal and organisational basis for evidence sufficiency.

For citation: Kobzarev F.M. Organisational and legal basis for determining the criteria for the sufficiency of evidence in the pre-trial stages of criminal proceedings. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 3, pp. 240–244. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-240-244>

Общепризнано и законодательно определено, что основное содержание уголовно-процессуальной деятельности составляет процесс доказывания, в качестве завершающего этапа этой деятельности выступает оценка каждого доказательства с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а всех собранных доказательств в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела. При этом определение достаточности доказательств как результата оценки доказательств в уголовном процессе, в частности в досудебном производстве, имеет ключевое значение. Именно на данном этапе доказывания проводится исследование и анализ собранных и проверенных доказательств, а итогом оценки доказательств на предмет их достаточности выступает принятие основных процессуальных решений.

Несмотря на столь важное практическое значение рассматриваемого свойства доказательства, в УПК РФ ему отводится мало внимания как с позиции легального определения, так и формализации его содержания. Следствием этого является возникновение многочисленных проблем теоретико-правового и прикладного характера, решение которых требует научного осмысления [Бобров, Вознюк; Костенко]. В их числе следует выделить проблемные вопросы, связанные с определением критериев оценки достаточности доказательств, и в первую очередь – организационно-правовое обеспечение определения таких критериев.

Неслучайно на последнюю проблему специально обратил внимание председатель Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкин, который в интервью «Российской газете» особо отметил повышение в настоящее время требований прокурора и суда к достаточности собранных доказательств, что вызывает, по его мнению, необходимость разработки «единых критериев оценки достаточности собранных доказательств для принятия законного и обоснованного решения по уголовному делу» [Козлова], отметив при этом, что по этому вопросу можно достичь консенсуса между ведомствами.

Надо понимать, что в первую очередь речь должна идти о выработке государственно-властными органами единых подходов к пониманию и применению норм законов о доказательственной деятельности и, в частности, об оценке доказательств, их достаточности и границах этой достаточности. В свою очередь, вполне очевидно, что это возможно преимущественно посредством взаимодействия суда, прокуратуры и следственных органов [Кобзарев Ф.М., Кобзарев П.Ф.], в том числе и путем использования организационных форм такого взаимодействия.

Однако, прежде чем рассмотреть подобные формы взаимодействия, следует обратить внимание на значимость организационно-правовой составля-

ющей в характеристике достаточности доказательств в целом и как основы определения критериев оценки достаточности доказательств, которая обуславливается рядом обстоятельств, связанных с особенностями этого свойства доказательства, его понятием и сущностью.

Сначала обратимся к понятию «достаточность» доказательств. Исходя из анализа определений этого свойства различными учеными-процессуалистами, нами достаточность доказательств определяется как качественно-количественное свойство доказательств, сочетающее в себе их оценку с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а также получения таких доказательств на основе объективного, всестороннего и полного исследования обстоятельств, входящих в предмет доказывания и способных в своей совокупности выступать в качестве основания для принятия уполномоченными органами и их должностными лицами законных, обоснованных и мотивированных процессуальных решений при производстве по уголовному делу и его разрешении.

Из этого определения можно выделить, во-первых, положение об осуществлении оценки достаточности доказательств, как и доказывания в целом, на всех стадиях уголовного судопроизводства, включая стадию, в которой проводится проверка сообщения о преступлении и возбуждение уголовного дела, а также при принятии как итоговых, так и промежуточных процессуальных решений. Поэтому представляется необходимым в дополнение к имеющимся в правовой литературе предложениям закрепить это положение в ч. 1 ст. 88 УПК РФ в следующей редакции: «Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточными для принятия законных, обоснованных и мотивированных решений в ходе производства по уголовному делу и его разрешения».

Во-вторых, речь идет о качественных (соответствующих требованиям, предъявляемых к каждому из доказательств) и количественных показателях достаточности в их совокупности.

В-третьих, следует обратить внимание, что оценка достаточности доказательств основывается не только на результатах анализа объективных показателей достаточности, но и всесторонности и полноте исследования обстоятельств, входящих в предмет доказывания, а также внутреннего убеждения и совести субъектов доказывания.

В-четвертых, по справедливому утверждению П.А. Лупинской, достаточность всегда предметна (достаточна для чего-либо) и определяется применительно к определенному решению, исходя из его места во всей системе решений, стадии, в которой оно принимается, цели [Лупинская].

Помимо различий в осуществлении в целом доказывания и оценки достаточности доказательств в зависимости от стадий уголовного процесса, своеобразие подходов к этому свойству проявляется и при принятии определенных видов процессуальных решений. В этом случае речь идет как о степени (уровне) достаточности доказательств, так и критериях, способных определить границы этой достаточности.

Ряд исследователей, характеризуя в целом уровень доказанности, указывают, что этот уровень зависит от критериев достаточности доказательств [Бобров, Вознюк], или, как их именуют отдельные авторы, «стандартов достаточности доказательств» [Лютынский], «стандартов информационной достаточности доказательств» [Яни], нередко вкладывая в эти понятия различный смысл.

Так, К.В. Скоблик с соавторами под критерием достаточности понимают «вне всякого сомнения» [Скоблик; Карякин]. А.М. Лютынский полагает, что стандарты доказанности требуют выработку единого подхода соответствующих субъектов уголовного судопроизводства к пониманию достаточности доказательств для принятия важнейших решений по уголовному делу [Лютынский].

Ряд авторов указывают, что критерии достаточности доказательств – это складывающиеся в ходе судебной практики по уголовным делам единые подходы к объему и наличию доказательств для принятия процессуального решения.

Основной проблемой в данном случае является отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве критериев достаточности доказательств как основы законного, обоснованного и мотивированного решения.

В связи с этим, на наш взгляд, следует согласиться с утверждениями о том, что в уголовно-процессуальном законе должны быть закреплены критерии достаточности доказательств, как минимум – общие, как максимум – необходимые для определения (и, соответственно, обеспечения) достаточности доказательств на основных стадиях расследования уголовного дела [Бобров, Вознюк], с добавлением: «и различных категорий преступлений».

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что как УПК РФ, так и правоприменительная практика в определенной мере указывают на некоторые сформированные критерии достаточности доказательств. При этом, не затрагивая подробности и глубину исследования существа обозначенных критериев, видится возможным утверждать их наличие и подразделить эти критерии на правовые и организационные.

К числу общих правовых критериев представляется возможным отнести положения следующих норм УПК РФ:

– ч. 2 ст. 79 о том, что в основу обвинения могут быть положены показания обвиняемого о признании своей вины лишь при подтверждении его виновности другими доказательствами;

– ст. 56.1 и других норм о досудебном соглашении о сотрудничестве, о недопустимости придания показаниям лица, заключившим досудебное соглашение, заранее установленной силы;

– ст. 73, определяющая предмет доказывания, то есть обстоятельства, подлежащие доказыванию по всем уголовным делам, а значит, и определенную совокупность доказательств;

– ст. 196 об обязательности назначения и производства судебной экспертизы;

– ст. 226.1 об основаниях для производства дознания в сокращенной форме и др.

В качестве критериев оценки достаточности, носящих организационный характер, следует определить различные совместные согласованные организационно-правовые акты правоохранительных органов. К примеру, определенная достаточность данных установлена для возбуждения уголовного дела по факту безвестного исчезновения гражданина. Это прописано в подп. 10.1 – 10.20 совместного приказа МВД России № 38, Генеральной прокуратуры РФ № 14, СК России № 5 от 16.01.2015 «Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц».

В плане организационно-тактического обеспечения определения мерила достаточности доказательств представляет интерес позиция некоторых исследователей относительно использования криминалистических методик, способов организации процесса расследования, влияющих на определение границ достаточности доказательств.

Так, Л.В. Попова указывает, что недостаточное владение следователями вопросами криминалистической методики расследования преступлений приводит к злоупотреблениям при оценке собранных доказательств и материалов с точки зрения их достаточности, неприятию необходимых мер по установлению и исследованию всей совокупности обстоятельств, подлежащих доказыванию, исчерпывающий перечень которых приведен в ст. 73 УПК РФ, к оценке собранных доказательств и материалов на основании неверно истолкованной и ложно понимаемой достаточности, к вынесению заведомо незаконных и необоснованных процессуальных решений на основании ст. 140, 145, 146, 212, 213, 220 УПК РФ [Попова].

Д.В. Зотов по этому поводу обращает внимание на неправильную организацию процесса расследования преступлений. По его мнению, такая организация способна привести к расширению круга источ-

ников одной и той же информации при возможности ее получения более простым способом; расчет следователя, дознавателя на получение доказательств определенного вида научно необоснованными способами [Зотов], что, на наш взгляд, также влияет на установление критериев оценки достаточности доказательств.

Анализ публикаций по вопросам, связанным с определением критериев достаточности доказательств как в уголовно-процессуальной сфере, так и во вне уголовной сферы свидетельствует, что большинство исследователей придерживаются позиции о формировании таких критериев посредством судебной и иной правоприменительной практики, путем использования результатов эмпирических исследований [Карпетов, Косарев; Смола]. В свою очередь, примерами обобщения правоприменительной практики являются регулярно публикуемые обзоры судебной практики по различным категориям преступлений и уголовным делам, а также стадиям уголовного процесса, направленным на формирование единообразного подхода к пониманию и применению достаточности доказательств, а соответственно, и к определению критериев рассматриваемого свойства доказательств. Об этом же свидетельствуют и рекомендации, определенные в ряде постановлений Пленума Верховного суда РФ по уголовным делам [Яни].

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время, по нашему мнению, идет процесс формирования организационно-правовых основ определения критериев оценки достаточности доказательств по уголовным делам, которые требуют дальнейшего изучения и совершенствования в целях обеспечения достижения назначения уголовного судопроизводства.

Список литературы

Бобров В.К., Вознюк Е.П. Некоторые вопросы обеспечения достаточности доказательств в досудебном производстве // Российский следователь. 2021. № 10. С. 16–19.

Зотов Д.В. Пределы для пределов доказывания // Законность. 2014. № 9. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.07.2023).

Карпетов А.Г., Косарев А.С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 5. Специальный выпуск. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.07.2023).

Карякин Е.А. Цель и бремя доказывания применительно к формированию судебной истины по уголовному делу в суде первой инстанции // Российский судья. 2016. № 5. С. 22–26.

Кобзарев Ф.М., Кобзарев П.Ф. Особенности взаимодействия суда и прокурора в процессе доказывания в ходе досудебного производства по уголовному делу // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 209–219.

Козлова Н. Как сократить время расследования и почему нужны единые критерии достаточности собранных доказательств: интервью Александра Бастрыкина. URL: <https://rg.ru/2022/09/27/horosho-sledovatelno-vovremia.html>. (дата обращения: 27.07.2023).

Костенко Р.В. Состояние доказанности как оценочная категория в уголовно-процессуальном праве // Legal Concept = Правовая парадигма. 2019. Т. 18, № 2. С. 35–41.

Лютынский А.М. Стандарты доказанности по уголовному делу // Российское правосудие. 2015. № 10. С. 101–106.

Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. Москва, 1976. 168 с.

Попова Л.В. Актуальные вопросы достаточности оценки доказательств // Законность. 2015. № 3. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.07.2023).

Скоблик К.В. Достаточность как результат взаимодействия законов двух логик // Российский юридический журнал. 2019. № 3. С. 94–101.

Смола А.А. Стандарты, доказывание и Верховный Суд // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 8. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.07.2023).

Яни П.С. Достаточность доказательств по делам о взяточничестве // Законность. 2018. № 9. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.07.2023).

References

Bobrov V.K., Voznjuk E.P. *Nekotorye voprosy obespechenija dostatochnosti dokazatel'stv v dosudebnom proizvodstve* [Some issues of ensuring the sufficiency of evidence in pre-trial proceedings]. *Rossijskij sledovatel'* [Russian investigator], 2021, No. 10, pp. 16-19. (In Russ.)

Jani P.S. *Dostatochnost' dokazatel'stv po delam o vzjatochnichestve* [Sufficiency of evidence in bribery cases]. *Zakonnost'* [Legality], 2018, No. 9. URL: <https://www.consultant.ru> (access date: 11.07.2023). (In Russ.)

Karapetov A.G., Kosarev A.S. *Standarty dokazyvaniya: analiticheskoe i jempiricheskoe issledovanie* [Standards of evidence: analytical and empirical research]. *Vestnik jekonomicheskogo pravosudija Rossijskoj Federacii* [Bulletin of economic justice of the Russian Federation], 2019, No. 5, special issue. URL: <https://www.consultant.ru> (access date: 11.07.2023). (In Russ.)

Karjakin E.A. *Cel' i bremja dokazyvanija primenitel'no k formirovaniju sudebnoj istiny po уголовному*

delu v sude pervoj instancii [The purpose and burden of proof in relation to the formation of judicial truth in a criminal case in the court of first instance]. *Rossijskij sud'ja* [Russian judge], 2016, No. 5, pp. 22-26. (In Russ.)

Kobzarev F.M., Kobzarev P.F. *Osobennosti vzaimodejstvija suda i prokurora v processe dokazyvanija v hode dosudebnogo proizvodstva po ugovnomu delu* [Features of interaction between the court and the prosecutor in the process of evidence during pre-trial proceedings in a criminal case]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2022, vol. 28, No. 3, pp. 209-219. (In Russ.)

Kozlova N. *Kak sokratit' vremja rassledovanija i pochemu nuzhny edinye kriterii dostatochnosti sobrannyh dokazatel'stv. Interv'ju Aleksandra Bastrykina* [How to reduce investigation time and why uniform criteria for the sufficiency of collected evidence are needed. Interview with Alexander Bastrykin]. URL: <https://rg.ru/2022/09/27/horoshho-sledovatelno-vovremia.html> (access date: 27.07.2023). (In Russ.)

Kostenko R.V. *Sostojanie dokazannosti kak ocenoch-naja kategorija v ugovno-processual'nom prave* [State of evidence as an evaluative category in criminal procedural law]. *Pravovaja paradigma* [Legal Concept], 2019, vol. 18, No. 2, pp. 35-41. (In Russ.)

Ljutynskij A.M. *Standarty dokazyvanija po ugovnomu delu* [Standards of evidence in a criminal case]. *Rossijskoe pravosudie* [Russian justice], 2015, No. 10, pp. 106-109. (In Russ.)

Lupinskaja P.A. *Reshenija v ugovnom sudoproizvodstve. Ih vidy, sodержanie i formy* [Decisions in criminal proceedings. Their types, content and forms]. Moscow, 1976, 168 p. (In Russ.)

Popova L.V. *Aktual'nye voprosy dostatochnosti ocenki dokazatel'stv* [Current issues of sufficiency of evidence assessment]. *Zakonnost'* [Legality], 2015, No. 3. URL: <https://www.consultant.ru> (access date: 11.07.2023). (In Russ.)

Skoblik K.V. *Dostatochnost' kak rezul'tat vzaimodejstvija zakonov dvuh logic* [Sufficiency as a result of the interaction of the laws of two logics]. *Rossijskij juridicheskij zhurna* [Russian legal journal], 2019, No. 3, pp. 94-101. (In Russ.)

Smola A.A. *Standarty, dokazyvanie i Verhovnyj Sud* [Standards, evidence and the Supreme Court]. *Vestnik jekonomicheskogo pravosudija Rossijskoj Federacii* [Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation], 2018, No. 8. URL: <https://www.consultant.ru> (access date: 11.07.2023). (In Russ.)

Zotov D.V. *Predely dlja predelov dokazyvanija* [Limits for the limits of proof]. *Zakonnost'* [Legality], 2014, No. 9. URL: <https://www.consultant.ru> (access date: 11.07.2023). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 08.08.2023; одобрена после рецензирования 13.09.2023; принята к публикации 30.09.2023.

The article was submitted 08.08.2023; approved after reviewing 13.09.2023; accepted for publication 30.09.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 245–250. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 3, pp. 245–250. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

УДК 341.3

EDN MRIDHQ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-245-250>

ЯДЕРНЫЙ ТЕРРОРИЗМ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРАВОВОГО ПОНЯТИЯ

Метельков Александр Николаевич, кандидат юридических наук, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, г. Санкт-Петербург, Россия, metelkov5178@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6113-8981>

Аннотация. Целью работы является установление содержания и определение теоретико-правового понятия «ядерный терроризм» на основе рассмотрения правовой модели его актов и анализа положений международного и российского права при многообразии подходов к вопросам правопонимания данного термина. Актуальность понимания проблемы ядерного терроризма как аргумента существенного риска государственной и общественной безопасности в 2022 г. из-за обострения отношений между странами Запада и Россией резко возросла. В процессе анализа источников права и научной литературы автором выделено два подхода к определению ядерного терроризма. Первый подход (естественно-научный) ориентирован на естественно-научное знание, второй (правовой) – основан на нормах права. Такие подходы определяют теоретические направления формирования правовой политики государства в сфере противодействия ядерного терроризма. С учетом динамики права предлагается теоретически обоснованный метод формирования концептуальной основы правопонимания ядерного терроризма как сложного в формах проявления феномена. В результате сравнительного исследования законодательства и доктринальных позиций предложен интегрированный методологический подход к пониманию ядерного терроризма на основе правовой модели актов ядерного терроризма, опирающийся на устоявшиеся нормы международного и отечественного законодательства.

Ключевые слова: ядерный терроризм, правовая модель, государство, правопонимание.

Для цитирования: Метельков А.Н. Ядерный терроризм: теоретическая модель правового понятия // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 245–250. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-245-250>

Research Article

NUCLEAR TERRORISM: A THEORETICAL MODEL OF THE LEGAL CONCEPT

Alexander N. Metelkov, Candidate of Law, St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, St. Petersburg, Russia, metelkov5178@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6113-8981>

Annotation. The aim of the work is to establish the content and definition of the theoretical and legal concept of “nuclear terrorism” based on the consideration of the legal model of its acts and the analysis of the provisions of international and Russian law with a variety of approaches to the issues of legal understanding of this term. Topicality of understanding the problem of nuclear terrorism as an argument for a significant risk to state and public security in 2022 has increased dramatically due to the aggravation of relations between Western countries and Russia. In the process of analysing the sources of law and scientific literature, the author singled out two approaches to the definition of nuclear terrorism. One approach is focused on natural science knowledge (natural science), the other is based on the norms of law (legal). Such approaches determine the theoretical directions of the formation of the legal policy of the state in the field of countering nuclear terrorism. Taking into account the dynamics of law, a theoretically substantiated method is proposed for forming the conceptual basis for the legal understanding of nuclear terrorism as a phenomenon that is complex in the forms of its manifestation. As a result of a comparative study of legislation and doctrinal positions, an integrated methodological approach to understanding nuclear terrorism is proposed based on the legal model of acts of nuclear terrorism, based on well-established norms of international and Russian legislation.

Keywords: nuclear terrorism, legal model, state, legal understanding

For citation: Metelkov A.N. Nuclear terrorism: a theoretical model of the legal concept. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 3, pp. 245–250 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-245-250>

Изучение терроризма и политического насилия характеризуется отсутствием обобщенной теории и методологии [Colin J. Beck: 1565]. Для целей теории государства и права, а также антитеррористического, административного и уголовного права непросто определить феномен терроризма и террористическую деятельность. В первой четверти XXI века террористическая деятельность меняется в формах и действиях, которые она предпринимает.

Ядерный терроризм (ЯТ) как социально-политический и правовой феномен и разновидность терроризма инициирует «системоразрушающие связи, подрывающие, а в некоторых случаях даже разрушающие целостность государства» [Марченко: 83].

В статье предложено теоретическое обоснование концептуальной основы предотвращения актов ЯТ путем углубления понимания ЯТ как сложного правового и социально-политического явления. В современном обществе вследствие вооруженной борьбы риски техногенных радиационных аварий стремительно возрастают, чем обуславливается актуальность и практическая значимость исследования. В 2022 г. ракетными и артиллерийскими ударами со стороны Украины подверглись объекты Запорожской АЭС, которые политиками и государственными деятелями публично отнесены к ЯТ. Ранее в истории таких обстрелов не было. Атакам со стороны государства подвергались лишь строящиеся объекты.

Ядерный терроризм как правовое явление охватывает ряд актов, представляющих угрозу общественной и государственной безопасности, экологической, информационной и других видов национальной безопасности.

Термины «ядерный» и «радиологический» терроризм в научной литературе, российском законодательстве, международных и национальных документах нередко используются как самостоятельные понятия. Такой подход подталкивает государство к созданию самостоятельных систем борьбы с актами ядерного и радиологического терроризма. Угрозы осуществления таких актов имеют как объединяющие, так и разграничивающие их признаки. Однако их сложно разграничить, так как в правовом отношении они тесно взаимосвязаны. Казалось бы, в юридической модели понятия ядерный терроризм «речь идет о совмещении несовместимого» [Алексеев: 220].

Правовая природа актов ЯТ явилась опорой предложенного автором прагматического подхода: правовое понятие ядерного терроризма включает в себя радиационный терроризм. Такой подход служит теоретической основой совершенствования государственной системы противодействия угрозе ЯТ, которая из маловероятной превратилась в реальную опасность.

Акт ядерного терроризма как система и интегральная правовая модель. В российском законо-

дательстве термин ядерный терроризм употребляется в нормативных правовых актах различной юридической силы, Концепции о противодействии терроризму в РФ (2009) и Концепции внешней политики РФ (2023).

В процессе правового регулирования происходит создание идеальных объектов (таких как ядерный терроризм, радиационный терроризм, акт ядерного терроризма), которые являются «результатом сознательной волевой психической деятельности правового регулирования» [Черданцев: 9].

Правовая модель – это представление реального объекта, процесса, явления или понятия в правовой форме. В юриспруденции правоведческие модели выполняют функцию совершенствования общественных отношений. Модели разрабатываются «для внесения реальных преобразований в общественную жизнь ради достижения конкретного юридически значимого результата» [Плетников: 125].

Система противодействия актам ЯТ и минимизации их последствий государством и обществом должна опираться на надежную теоретическую платформу. Поэтому отправным моментом в осмыслении правовой природы актов ЯТ является изучение их системных свойств как составного в правовом отношении объекта исследования. Анализ нормативных правовых актов и сравнительно-правовое изучение научной литературы позволили автору в правовой модели актов ЯТ выделить их комбинированный характер, взаимосвязанность составляющих элементов, целостность, инкорпорированность в правовую среду и другие системные свойства. Составной характер актов ЯТ подразумевает наличие в них элементов, в числе которых теоретически можно вычлениить как акты собственно ЯТ, так и акты радиологического терроризма. Такой методологический подход основан на анализе положений Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма (далее – Конвенция). В статье 1 Конвенции в определении термина «радиоактивный материал», лежащего в основе международно-правового понятия «акт ядерного терроризма», используются понятия «ядерный материал и другие радиоактивные вещества», а термин «устройство» охватывает любые ядерные взрывные устройства, рассеивающие радиоактивный материал или излучающие радиацию. Таким образом, два принципиально разных по физико-химическим особенностям процесса взрыва (химический в случае подрыва «грязной бомбы» и ядерный при ядерном взрыве) рассматриваемого феномена объединены понятием акт ядерного терроризма. Другим системным свойством актов ЯТ является правовая взаимосвязанность его элементов, что предполагает наличие связей между его составными частями. Вне зависимости от природы протекающих физических либо химических реак-

ций акты ЯТ с учетом их схожих социально-политических, экономических, экологических и правовых последствий являются относительно обособленными правовыми явлениями. Правовая целостность актов ЯТ как объектов исследования обеспечивается связью их элементов, которые в правовом отношении наделены одинаковыми свойствами и существуют в правовом поле как единое целое, проявляют правовые свойства, отличные от физико-химических свойств его составных частей и правовой среды, в которой они функционируют. Такими элементами являются различные средства (ядерные взрывные, рассеивающие радиоактивный материал, излучающие радиацию устройства), которые могут быть использованы террористами.

Третьим системным свойством сложных правовых феноменов является включенность их в определенную среду. Для актов ЯТ доминирующей является социально-политическая и правовая среда, в которой эти акты могут выполнять политическую функцию, воздействуя на международные организации и государство в лице его органов. Акты ЯТ зарождаются в социально-политической и экономической среде, в процессе правовой реализации активно с ней взаимодействуют и влияют на ее функционирование. Следовательно, акты ЯТ как феномены в праве можно представить в виде модели системных правовых сущностей. Актам ЯТ присущи общие свойства системных правовых объектов исследования. Всё это доказывает обоснованность применения системной методологии в исследовании правовой сущности актов ЯТ, которая не всегда совпадает с их физической и химической природой. Нередко планирование реагирования на инциденты радиологического или ЯТ рассматривается в рамках единого методологического подхода, как, например, в американском отчете NCRP № 165 «Реагирование на инциденты радиологического или ядерного терроризма: руководство для лиц, принимающих решения».

Раскроем содержание понятий «ядерный терроризм» и «радиационный терроризм» на основе анализа положений международных соглашений. В статье 2 Конвенции понятие ЯТ изложено путем перечисления видов актов ЯТ. Нормы права объединяют под актами незаконные и умышленные действия: активный ядерный взрыв, тепловой взрыв ядерного боеприпаса или атомного реактора, диспергирование радиоактивных веществ и хищение радиоактивного материала с намерением нанести существенный вред даже собственности.

Правопонимание признаков ЯТ является актуальной научно-практической задачей для предотвращения его актов. Предложение рассматривать эти признаки комплексно позволяет увязать их с правовыми нормами. Такой методологический подход реализо-

ван в Конвенции, ратифицированной российским государством. Конвенция по сравнению с Конвенцией о физической защите ядерных материалов (1979) имеет более широкую область применения. Нормы Конвенции распространяются на противоправные действия ядерными материалами и радиоактивными веществами, которые в праве описываются термином радиоактивные материалы.

В научной литературе освещаются различные теоретические взгляды на соотношение ядерного и радиационного терроризма. Раскрывая содержание терминов, ряд авторов их не различают, другие рассматривают радиологический терроризм как разновидность технологического, третьи считают ЯТ частью радиационного, четвертые, наоборот, радиационный терроризм полагают частью ядерного. Ядерный и радиологический терроризм с позиций философии можно условно представить в виде взаимодействия категорий общего и особенного. В правовой модели (международной и российской) проявления радиационного терроризма поглощаются понятием акт ЯТ. Предложенный методологический подход к исследованию ЯТ основан на объективности и историзме в изучении политики государства, в противодействии ЯТ и развитии ядерного права. Такой подход позволяет рассматривать ЯТ как правовое и социально-политическое явление в широком и узком смыслах.

Соответствующее нормам международного права понятие ЯТ, объединяющее ЯТ в узком смысле и радиационный (радиологический) терроризм, позволяет сформулировать научно обоснованные идеи по совершенствованию деятельности государственных органов и организаций-эксплуатантов объектов атомной энергетики методом создания на ядерно или радиационно опасных объектах правовой системы противодействия ЯТ, включая меры борьбы с радиационным терроризмом.

С проблемой ЯТ тесно связан и нередко включается в нее вопрос о радиационном терроризме, поэтому такие проявления сложно разграничить. В.А. Рудниченко, С.С. Звездинский считают, что радиационный терроризм в отличие от ядерного основан на угрозе применения радиационных материалов. В содержании ядерного терроризма они видят «намерения и действия субъектов по созданию, приобретению работоспособного ядерного взрывного устройства (включая “грязное”)» [Терроризм: 459]. А.М. Агапов в понятие радиологический терроризм включает использование «в террористических целях радиоактивных (неядерных) веществ» [Агапов: 55]. В эту модель определения невозможно встроить инициированный злоумышленником взрыв обычного взрывчатого вещества в ядерном взрывном устройстве. Следуя логике А.М. Агапова, такие действия

можно отнести к радиологическому терроризму, а опираясь на Конвенцию и мнение В.А. Рудниченко и С.С. Звездинского, – к акту ядерного терроризма.

М.Ю. Головки и А.Ф. Сильнов [Терроризм: 459], отграничивая ядерный терроризм от радиационного, раскрывают содержание существенных признаков последнего через понятие радиоактивные материалы, включающие ядерные материалы. Такие материалы оружейного качества могут стать источником неуправляемой цепной реакции. Использование в определении термина «радиоактивные материалы» стирает границу в правовом понимании между ядерным и радиационным терроризмом.

В работах физиков-ядерщиков можно увидеть деление технологического терроризма на ядерный и радиационный на основе критерия, характеризующего происходящую при взрыве в веществе ядерную или химическую реакцию. Например, А.Б. Колдобский отмечает, что при ядерном терроризме происходит цепная ядерная реакция, а при радиационном взрыве – химическая [Колдобский: 7], что теоретически позволяет взять за основу выделение с одной стороны ядерного терроризма, а с другой – радиационного. В такую классификацию сложно вмонтировать, например, один из возможных способов осуществления акта терроризма путем взрыва ядерного боеприпаса в одной точке. В этом случае вероятно одновременное возникновение как локальной цепной ядерной реакции, так и химической реакции взрывчатого вещества. Классификация технологического терроризма на ядерный и радиационный с организационно-правовой и правоприменительной точек зрения, по нашему мнению, неконструктивна. Если теоретически следовать таким путем, то государству для борьбы с актами ЯТ необходимо создавать самостоятельные системы противодействия и ядерному, и радиационному терроризму. Создание двух систем экономически неэффективно, требует дополнительных ресурсов и затрат, может негативно отразиться на конкурентоспособности производства электрической энергии на АЭС, трудно реализуемо в организационно-правовом отношении на практике.

Анализ Конвенции показывает, что акты ЯТ объединяют эти два родственные явления. Акты ЯТ, указанные в ст. 2 Конвенции, охватывают и акты саботажа, определенные в ст. 1 Поправки к Конвенции о физической защите ядерного материала (2005). В УК РФ (ст. 220) говорится о ядерных материалах и радиоактивных веществах. В законодательстве РФ об использовании атомной энергии применяются понятия ядерные материалы и радиоактивные вещества, которые в Конвенции охватываются понятием радиоактивный материал.

В работах российских ученых-правоведов по-разному соотносятся понятия ядерный и радиа-

ционный терроризм. Авторы учебника «Ядерный терроризм: современные угрозы международному обществу» отличают ядерный от радиационного терроризма «по физическому принципу действия и достигаемому эффекту» [Анненков: 354]. Средствами ЯТ в узком смысле они считают применение любого ядерного взрывного устройства, а при раскрытии понятия в широком смысле к упомянутым средствам добавляют радиоактивные материалы и воздействие на объекты атомной энергии. В.Е. Петрищев рассматривает ЯТ в узком и широком понимании этого феномена. Широкое понимание включает акты радиационного терроризма, при осуществлении которых «в качестве средства поражения применяются радиоактивные материалы» [Петрищев: 166]. В монографии «Международный терроризм: борьба за геополитическое господство» понятие радиологический терроризм поглощается понятием ЯТ [Международный терроризм: 50].

Методологический подход, предлагаемый нами для разграничения понятий ядерного и радиологического терроризма, основан на идее рассмотрения последнего в качестве разновидности ЯТ. Характерным признаком, отграничивающим ЯТ от других форм терроризма, является использование террористами уникальных свойств радиоактивных элементов. Общий признак ядерного и радиационного терроризма – возможность использования террористами ядерных материалов и/или радиоактивных веществ в качестве средства совершения терактов. Особенностью радиологического терроризма является использование радиационного воздействия. Специалистами-атомщиками под радиологическим терроризмом понимается умышленное «диспергирование радиоактивных веществ или размещение источников ионизирующего излучения в среде обитания или на объектах инфраструктуры, а также саботаж на радиационно опасных объектах с целью радиационного воздействия» [Арутюнян и др.: 60]. Объектами воздействия могут быть население, окружающая среда, а целью – дестабилизация социально-политической обстановки и экономики общества, нанесение вреда здоровью людей. Согласно такому подходу, все акты радиологического терроризма, подпадающие под действие Конвенции, могут быть отнесены к актам ЯТ. В узком смысле ЯТ ассоциируется с возможностью совершения ядерного взрыва. Радиационные поражающие факторы (проникающая радиация, радиоактивное заражение местности, одномоментность поражения) выделяют ЯТ среди видов технологического терроризма. Средствами ЯТ являются ядерные боеприпасы и ядерные взрывные устройства, а радиологического терроризма – обычные взрывные устройства, радиоактивные вещества и приспособления для их распыления. В отличие от ЯТ в узком смысле, радиационный терроризм ос-

нован на угрозе использования и применении радиоактивных материалов.

Последствия взрыва ядерного устройства могут быть более разрушительными, чем последствия радиационного заражения в результате акта радиологического терроризма. Различия в масштабах поражения не препятствуют использовать термин ЯТ, поглощающий в правовом смысле радиологический терроризм. Узкое и расширенное толкования ЯТ представляет собой правовой метод теоретического обоснования формирования комплексной системы организации борьбы с актами ядерного терроризма.

Правовое регулирование компетенции субъектов противодействия ЯТ требует уяснения предмета борьбы, глубокого исследования правового содержания акта ЯТ как формы проявления ЯТ, выявления его связи с понятием «радиационный терроризм».

Ядерный терроризм – особая форма террористической деятельности, характеризующаяся катастрофическими последствиями. Применение террористами радиоактивных материалов, ядерных устройств, вывод из строя или разрушение ядерных объектов создает угрозу глобальной безопасности. Международные нормы формируют основу правового понимания содержания ЯТ. Международно-правовая модель включена в законодательство РФ принятием Федерального закона¹.

Анализ положений Конвенции показывает, что ЯТ в правовом смысле охватывает как понимание ЯТ в узком смысле, так и радиологического терроризма. Такой методологический подход содержит широкие возможности наиболее полной реализации международных норм и улучшения системы мер борьбы с актами ЯТ путем комплексного применения мер анти-террористической и противодиверсионной защиты ядерных и иных объектов.

Изучение нормативных правовых актов и научной литературы приводит к пониманию, что ЯТ представляет собой совершаемые путем использования или угрозы использования опасных свойств ядерного оружия (устройств), ядерных материалов, радиоактивных веществ для достижения политических и иных целей, умышленные действия отдельных лиц, групп или организаций и спецслужб отдельных государств, создающие чувства страха у людей за свою жизнь и здоровье, здоровье будущих поколений и направленные на оказание воздействия на органы власти и международные организации, юридических лиц [Метельков: 64–77].

Тесная взаимосвязь ядерного и радиологического терроризма служит базовым утверждением для обоснования идеи построения интегрированной в государственно-правовом отношении системы, объединяющей борьбу с актами ядерного и радиологического терроризма.

Исторически сложилось, что теоретическое понятие актов ЯТ закрепилось в международном праве и российском законодательстве в широком его понимании, в которое включены и акты радиологического терроризма. Раскрытие и анализ правового смысла терминов в сферах борьбы с терроризмом и регулирования атомных правоотношений доказывает правильность теоретического подхода к определению ЯТ в широком смысле в качестве родового понятия для концептуального обоснования государственно-правового подхода к формированию системы мер предотвращения актов ЯТ.

Российское законодательство развивается с учетом противоречивых интересов международного сообщества. Для формирования комплексного подхода к совершенствованию системы борьбы с проявлениями ЯТ на базе Конвенции и российского законодательства целесообразно в классификации терроризма технологический терроризм определить родовым понятием, а ядерный терроризм в широком смысле – видовым.

Предложенный автором подход к методологии исследования правового понятия «акт ЯТ» позволяет выработать теоретические основы построения на единой правовой платформе государственно-правовой системы мер по их предотвращению.

Проведенный с научно-правовых и организационно-практических позиций анализ приводит нас к убеждению о целесообразности включения борьбы с радиационным терроризмом в качестве направления (отдельной подсистемы) в создаваемую государством систему противодействия ядерному терроризму.

Примечания

¹ О ратификации Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма: Федеральный закон от 2 октября 2006 г. № 158-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 41. 4205.

Список литературы

Аганов А.М. Организационно-техническая система и мероприятия по предотвращению радиологического терроризма // Предупреждение радиологического терроризма: междунар. науч.-практ. конф.: сб. материалов. Москва: АТЦ СНГ, 2009. 352 с.

Алексеев С.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 6: Восхождение к праву. Москва: Статут, 2010. 558 с.

Анненков В.И. Ядерный терроризм: современные угрозы международному сообществу: учебник / В.И. Анненков, С.Н. Баранов, С.С. Хархалуп; под общ. ред. В.И. Анненкова. Москва: Русавиа, 2013. 455 с.

Арутюнян Р.В., Пантелеев В.А., Молчанов С.А., Чесноков В.М. Анализ ключевых факторов масштабирования социально-экономических последствий применения радиоактивных веществ в террористи-

ческих целях // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2013. № 1. С. 58–69.

Колдобский А.Б. Ещё раз о ядерном и радиационном терроризме // Информатика: Прил. к газ. «Первое сентября». 2003. № 14.

Марченко М.Н. Системное познание и системный характер государства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11: Право. 2018. № 1. С. 74–85.

Международный терроризм: борьба за геополитическое господство: монография / под общ. ред. А.В. Возженикова; Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. Москва: Изд-во РАГС, 2005. 527 с.

Метельков А.Н. О соотношении понятий «борьба с терроризмом» и «минимизация и (или) ликвидация проявлений терроризма» в борьбе с ядерным терроризмом // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2021. № 4. С. 25–37.

Петрищев В.Е. Что такое терроризм, или Введение в террорологию. Москва: Красанд, 2013. 464 с.

Сергеев А.А. Источники российского права: вопросы классификации и некоторые тенденции развития // Российский юридический журнал. 2017. № 5. С. 9–17.

Терроризм в современном мире / под ред. В.Л. Шульца. 2-е изд. Москва: Наука, 2011. 602 с.

Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2012. 319 с.

Colin J. Beck. The Contribution of Social Movement. Theory to Understanding Terrorism Sociology Compass, 2008, vol. 2, No. 5, pp. 1565-1581.

References

Agapov A.M. *Organizacionno-tehnicheskaya sistema i meropriyatiya po predotvrashcheniyu radiologicheskogo terrorizma* [Organizational and technical systems and measures to prevent radiological terrorism]. *Preduprezhdenie radiologicheskogo terrorizma: Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: sb. materialov.* [Prevention of Radiological Terrorism: International Scientific and Practical Conference: collection of materials]. Moscow, ATC of the CIS Member States Publ., 2009, 352 p. (In Russ.)

Alekseev S.S. *Sobranie sochinenij: v 10 t.* [Collected works: in 10 vols.], vol. 6: *Voskhozhdenie k pravu* [Rise to the right]. Moscow, Statute Publ., 2010, 558 p. (In Russ.)

Annenkov V.I. *Yadernyj terrorizm: sovremennye ugrozy mezhdunarodnomu soobshchestvu: uchebnik* [Nuclear terrorism: modern threats to the international community: textbook], V.I. Annenkov, S.N. Baranov, S.S. Kharkhalup; ed. by V.I. Annenkov. Moscow, Russia Publ., 2013, 455 p. (In Russ.)

Arutyunyan R.V., Pantelev V.A., Molchanov S.A., Chesnokov V.M. *Analiz klyuchevykh faktorov masshtabirovaniya social'no-ekonomicheskikh posledstvij primeneniya radioaktivnykh veshchestv v terroristicheskikh celyah* [Analysis of the key factors of scaling the socio-economic con-

sequences of the use of radioactive substances for terrorist purposes]. *Vestnik Nacional'nogo antiterroristicheskogo komiteta* [Bulletin of the National Anti-Terrorism Committee], 2013, No. 1, pp. 58-69. (In Russ.)

Cherdantsev A.F. *Logiko-yazykovye fenomeny v yurisprudencii: monografiya* [Logic and language phenomena in jurisprudence: monograph]. Moscow, Norma, INFRA-M Publ., 2012, 319 p. (In Russ.)

Koldobsky A.B. *Eshchyо raz o yadernom i radiacionnom terrorizme* [Once again about nuclear and radiation terrorism]. *Informatika: Pril. k gaz. «Pervoe sentjabrja»* [Computer Science: App. to newspaper "First of September"], 2003, No. 14. (In Russ.)

Marchenko M.N. *Sistemnoe poznanie i sistemnyy harakter gosudarstva* [Systemic knowledge and systemic nature of the state]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 11: Pravo* [Moscow University Bulletin. Ser. 11: Law], 2018, No. 1, pp. 74-85. (In Russ.)

Mezhdunarodnyj terrorizm: bor'ba za geopoliticheskoe gospodstvo: monografiya [International terrorism: the struggle for geopolitical dominance: monograph], pod obshch. red. A.V. Vozzhenikova; Ros. akad. gos. sluzhby pri Prezidente RF, ed. by A.V. Vozzhenikova; Ros. acad. state service under the President of the Russian Federation]. Moscow, Publishing House of the RAGS Publ., 2005, 527 p. (In Russ.)

Metel'kov A.N. *O sootnoshenii ponyatij «bor'ba s terrorizmom» i «minimizaciya i (ili) likvidaciya proyavlenij terrorizma» v bor'be s yadernym terrorizmom* [On the relationship between the concepts of “fight against terrorism” and “minimization and (or) elimination of manifestations of terrorism” in the fight against nuclear terrorism]. *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychnajnye situacii* [Law. Safety. Emergencies], 2021, No. 4, pp. 25-37. (In Russ.)

Petrishchev V.E. *Chto takoe terrorizm, ili Vvedenie v terrorologiyu* [What is terrorism, or Introduction to terrorism]. Moscow, Krasand Publ., 2013, 464 p. (In Russ.)

Sergeev A.A. *Istochniki rossijskogo prava: voprosy klassifikacii i nekotorye tendencii razvitiya* [Sources of Russian Law: Classification Issues and Some Development Trends]. *Rossijskij yuridicheskij zhurnal* [Russian Legal Journal], 2017, No. 5, pp. 9-17. (In Russ.)

Terrorizm v sovremennom mire [Terrorism in the modern world], ed. by V.L. Shul'ca, 2nd ed. Moscow, Nauka Publ., 2011, 602 p. (In Russ.)

Colin J. Beck. The Contribution of Social Movement. Theory to Understanding Terrorism Sociology Compass, 2008, vol. 2, No. 5, pp. 1565-1581.

Статья поступила в редакцию 19.06.2023; одобрена после рецензирования 27.07.2023; принята к публикации 25.08.2023.

The article was submitted 19.06.2023; approved after reviewing 27.07.2023; accepted for publication 25.08.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 251–256. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 3, pp. 251–256. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.1.4. Уголовно-правовые науки

УДК 343.6

EDN IZGJUK

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-251-256>

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОМИНИРУЮЩИХ-ПОДЧИНЯЮЩИХ ОТНОШЕНИЙ В ДИАДЕ «АГРЕССОР – ЖЕРТВА»

Гончаренко Елена Вячеславовна, медицинский психолог, Областная детская клиническая больница им. Н.Н. Силищевой, Астрахань, Россия, lanovaya.s@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6410-4170>

Банников Дмитрий Владимирович, майор юстиции, заместитель руководителя следственного отдела по Трусовскому району г. Астрахани, Следственное управление следственного комитета России по Астраханской области, Астрахань, Россия, dmitry.bannikov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-5952-8328>

Миквабия Зураб Ясонович, доктор медицинских наук, профессор, Институт экспериментальной патологии и терапии Академии наук Абхазии, Сухум, Абхазия, primat.ana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0729-6516>

Тайсаева Светлана Борисовна, кандидат психологических наук, доцент, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия, taisaeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6947-8606>

Аргун София Нодаровна, младший научный сотрудник, Институт экспериментальной патологии и терапии Академии наук Абхазии, Сухум, Абхазия, argun_sofiya@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-7885-7580>

Мурзова Ольга Анатольевна, кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры госпитальной педиатрии с курсом последипломного образования, Астраханский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, Астрахань, Россия, olgamurzova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0252-8872>

Джокуа Анна Арсеновна, кандидат биологических наук, доцент, заведующая лабораторией физиологии и патологии ВНД, Институт экспериментальной патологии и терапии Академии наук Абхазии, Сухум, Абхазия, primat.ana@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-3163-7350>

Аннотация. Расследование сексуальных преступлений по отношению к несовершеннолетним детям является наиболее сложной и ответственной работой следствия. Дети, которые были вовлечены в преступные действия, испытывают сильный стресс и душевное потрясение, страдают пограничными и психологическими расстройствами. Без профессиональной социальной и медицинской помощи в подростковом и взрослом возрасте у них возникают депрессии, неврозы, обостряются самообвинения, тревога и чувство вины. Нередко они замыкаются в себе, стараются скрыть информацию, потому что боятся огласки. Работа с потерпевшими требует эмпатии, понимания и сочувствия к их трудной жизненной ситуации. Сексуальное насилие над ребенком включает в себя множество криминогенных, социальных и психологических факторов, которые формируют картину преступления. Выученная беспомощность и покорность появляются в дисгармоничных детско-родительских отношениях и могут формировать подчиняющее поведение жертвы по отношению к растлителю. Авторы дают характеристику и механизмы возникновения поведенческого паттерна «подчинение – доминирование», анализируют аспекты патологических социально-психологических отношений со стороны этологии, психологии и криминологии. Приводят примеры из собственной практики по виктимизации несовершеннолетних детей. Статья может быть интересна специалистам-психологам, сотрудникам правоохранительных и надзорных органов, юристам, медицинским психологам и врачам-психотерапевтам.

Ключевые слова: несовершеннолетние дети, виктимизация, жесты закрытия, сексуальное преступление, подчинение, доминирование.

Для цитирования: Гончаренко Е.В., Банников Д.В., Миквабия З.Я., Тайсаева С.Б., Аргун С.Н., Мурзова О.А., Джокуа А.А. Криминологические, психологические и этологические аспекты доминирующих-подчиняющих отношений в диаде «агрессор – жертва» // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 251–256. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-251-256>

CRIMINOLOGICAL, PSYCHOLOGICAL AND ETHOLOGICAL ASPECTS OF DOMINANT-SUBORDINATE RELATIONS IN THE “AGGRESSOR-VICTIM” DYAD

Elena V. Goncharenko, Medical psychologist, Silishcheva Regional Children’s Clinical Hospital, Astrakhan, Russia, lanovaya.s@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6410-4170>

Dmitry V. Bannikov, Major of Justice, Deputy Head of the Investigative Department for the Trusovo district of the City of Astrakhan, Investigative Department of the Investigative Committee of Russia for Astrakhan Region, Astrakhan, Russia, dmitry.bannikov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-5952-8328>

Zurab Ya. Mikvabiya, Doctor of Medical Sciences, Professor, Institute of Experimental Pathology and Therapy of the Academy of Sciences of Abkhazia, Sukhumi, Abkhazia, primat.ana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0729-6516>

Svetlana B. Taisaeva, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, taisaeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6947-8606>

Sofia N. Argun, Junior Researcher, Institute of Experimental Pathology and Therapy of the Academy of Sciences of Abkhazia, Sukhumi, Abkhazia, argun_sofiya@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-7885-7580>

Olga A. Murzova, Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, the Department of Hospital Pediatrics with a postgraduate course, Astrakhan State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Astrakhan, Russia, olgamurzova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0252-8872>

Anna A. Jokua, Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Head of the Laboratory of physiology and pathology of higher nervous activity, Institute of Experimental Pathology and Therapy of the Academy of Sciences of Abkhazia, Sukhumi, Abkhazia, primat.ana@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-3163-7350>

Abstract. The investigation of sexual crimes against minor children is the most complicated and responsible work of the investigation. Children who have been involved in criminal acts experience severe stress and mental shock, suffer from borderline personality disorders and even worse mental disorders. Without professional social and medical care, in adolescence and adulthood the depression, neurosis, self-blame, anxiety and guilt they experience are aggravated. It is not uncommon that they lock themselves in, try to hide information because they are afraid of publicity. Working with victims requires empathy, understanding and empathy for their difficult life situation. Sexual abuse of a child includes many criminogenic, social and psychological factors that form the picture of the crime. Learned helplessness and submission appear in disharmonious child-parent relationships and can form the victim’s subordinating behaviour towards the molester. The authors give a description and mechanisms of the emergence of the behavioural pattern “submission – dominance”. The aspects of pathological socio-psychological relations from the side of ethology, psychology and criminology are analysed. They give examples from their own practice on victimisation of minor children. The article may be of interest to psychologists, law enforcement and supervisory authorities, lawyers, medical psychologists and psychotherapists.

Keywords: minor children, victimisation, closing gestures, sexual offence, submission, domination.

For citation: Goncharenko E.V., Bannikov D.V., Mikvabiya Z.Ya., Taisaeva S.B., Argun S.N., Murzova O.A., Jokua A.A. Criminological, psychological and ethological aspects of dominant-subordinate relations in the “aggressor-victim” dyad. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 3, pp. 251–256 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-251-256>

Расследование преступлений по отношению к несовершеннолетним детям является наиболее сложной и ответственной работой правоохранительных органов. Сексуальное насилие над ребенком включает в себя множество криминогенных, социальных и психологических факторов, которые создают картину преступления. Немаловажную роль в раскрытии преступлений играет преступное профилирование личностей, которые совершают противоправные действия. В нашей практической деятельности растлители классифицируются на подавленных, морально неразборчивых, сексуально неразборчивых субъектов и социальных аутсайдеров. Как правило, у личностей этой группы низкая самооценка, склонность к манипуляциям через ласку или угрозы, высокая импульсивность в поведении, нарушение возрастных границ между

своим и детским возрастом, инфантильность и психопатизация, криминальное прошлое или девиантное поведение в анамнезе. Растлители могут длительное время домогаться или склонять к сексу одного или нескольких детей. Педофилы дифференцируются на соблазнительей, интровертов и садистов, они совершают жестокие и извращенные виды насилия, склонны совершать серии преступлений. Большинство из них страдают шизоидными и эпилептоидными расстройствами личности [Гончаренко, Тайсаева: 330].

Любые действия сексуального характера против несовершеннолетнего вызывают стрессовый ответ организма, психики и душевное потрясение. Дети с психотравмирующим сексуальным опытом страдают пограничными и психологическими расстройствами. У них возникают депрессии, неврозы, психосо-

матические нарушения, обостряются самообвинения, тревога и чувство вины. Нередко после растления они замыкаются в себе, стараются скрыть информацию, потому что бояться огласки и стыдятся, что стали невольной жертвой соблазна. Хронический стресс провоцирует нейромозговые изменения и соматические заболевания. Клеточные и молекулярные нарушения в развитии гиппокампа головного мозга влияют на будущее поведение. Страдают префронтальная кора и мозолистое тело головного мозга, связанные с эмоционально-волевой регуляцией. Усиленное образование синапсов и дендритов в базолатеральной миндалине головного мозга деформирует эмоциональное реагирование на любое негативное событие в будущем в пользу депрессивности и низкой адаптации к стрессовому фактору [Сапольски: 283]. У ребенка формируются ригидные черты в характере: конформность, особая чувствительность к новому, склонность к фрустрации, незрелые защитные механизмы психики, безынициативность и низкая стрессоустойчивость. Большую роль в формировании виктимности играет среда, воспитание и социальные факторы в жизни ребенка. Отсутствие эмпатии, ласки, понимания, неблагоприятные условия жизни формируют «установку на запирательство» у жертвы. Следовательно из-за психологической травмы ребенка сложно проводить его опросы и допросы, потому что существует риск, что он замкнется и откажется отвечать на вопросы. Ребёнку, чтобы вербализироваться о психотравмирующих событиях в жизни, необходимо максимально доверять взрослому. Понимание, сочувствие, эмпатия по отношению к детям являются необходимыми во время следственных мероприятий. Профессиональная помощь психолога является важной и необходимой. Специалисту необходимо установить положительный рапорт с потерпевшим, нейтрализовать его защитные механизмы и отрицательные эмоции, чтобы потерпевший рассказал как можно больше информации.

В своей практической деятельности у виктимизированных детей и подростков мы встречаем большое количество психологических феноменов, поведенческих реакций на отрицательный опыт, которые в обычной жизни не проявляются. Одним из таких паттернов поведения у жертв сексуальных преступлений является безропотное подчинение насильнику. Такая патологическая форма отношений находит свои истоки в этологии, криминологии и патопсихологии.

В этологии и приматологии доминирующие-подчиняющие отношения – это важная форма поведения в групповой иерархии всех обезьян. У родственных особей сформировались в условиях постоянного места обитания, социальной жизни [Тетиор: 41]. У мартышек, макак, бабуинов, орангутангов, горилл и павианов, как правило, преобладает жесткая иерархия

во главе с доминирующим и физически сильным вожаком. Человекообразные обезьяны также достаточно иерархичны, но самец может не обладать выдающимися физическими данными, а компенсировать их хорошими интеллектуальными и социальными способностями [Де Валь:152]. Иерархичность проявляется и в особом отношении к детенышам альфа-самцов и самок, которые пользуются особым положением в стае. Таких детенышей лучше кормят и ухаживают за ними, их высокий статус часто наследуется. Особи с низким рангом редко вступают в борьбу и склонны к покорности. При защите у них преобладают жесты закрытия и подчиняющее поведение [Гончаренко, Аргун: 354]. У любых приматов контакты внутри группы могут быть физически агрессивными и враждебными, но сложность социальной жизни и развитая коммуникация чаще демонстрирует невербальные паттерны доминирования – подчинения. Кинесики устрашения во многих случаях бывает достаточно, чтобы конфликтная ситуация была разрешена и один из партнеров признал бы себя побежденным [Чирков, Войт: 190]. Тело вожака находится в прямом положении либо конечности широко расставлены, шерсть вздыблена, зубы оскалены. Альфа демонстрирует увеличение мускулатуры и пристальный взгляд [Бутковская, Дерягина: 242]. Второранговые особи принимают при устрашающем или властном поведении позу подчинения [Дробышевский: 429]. Нарочитая пассивная поза слабейшего автоматически ведет к падению агрессивной реакции сильнейшего, тогда как бессильное сопротивление слабейшего только усиливает разрушительное возбуждение сильнейшего [Павлов: 312]. При подчинении рецессив пригибается к земле, поворачивает голову от доминанта, затылком к нему, лицом к земле. Уязвимые участки тела при таком положении не демонстрируются, но показываются ягодицы. Наблюдается замирание, позы с отсутствием демонстрации лица, груди, живота, половых органов [Бутковская, Дерягина: 318]. Позы подчинения у приматов и антропоидов аналогичны: так же как и собратья, шимпанзе подставляются, цепенеют, нагибаются и поднимают руки, чтобы защитить голову [Де Валь: 213].

Практический пример 1. В своих наблюдениях за поведением приматов в Сухумском питомнике обезьян мы отметили, что семья у павианов строится на жесткой иерархии. Один альфа-самец является вожаком, а остальные члены выражают ему всяческую покорность. Если соплеменники выражали неподчинение, то с помощью визуальных маркеров устрашения и физической агрессии он наказывал слабейшего. При этом у второранговых обезьян в ответ демонстрировались «позы подчинения», приматы поднимали заднюю часть тела и старались не демонстрировать вентральные и передние зоны тела.

Homo sapiens унаследовали структуру сообществ древних обезьян для повышения выживаемости, учитывая уязвимость человеческого тела [Тетиор: 170]. Все разнообразные формы взаимоотношений в группе были отобраны, выбраны, проверены в ходе эволюционного отбора. Роды, выращивание, воспитание, обучение детенышей, удовлетворение биологических и пищевых потребностей, территориальное, сексуальное, групповое, социальное, семейное и игровое поведение находят свои этологические аналоги и построены на социальной жизни животных. Человек за весь свой эволюционный путь воспроизвел все формы межличностных взаимоотношений и реализовал их в идеологии. Агрессия и доминация сохранились как формы естественного отбора в поведении. Они способны удовлетворить потребности в присвоении и обладании, так как террор – это наследие животного мира [Тетиор: 44]. Доминирующие-подчиняющие отношения нашли свое место в фашизме, терроризме, консерватизме и капитализме [Тетиор: 96]. В религии на этой этологической форме построены жертвенные ритуалы и образ карающего бога. В социальной жизни людей кинесика доминирования проявляется в виде ударов кулаком по грудной клетке, горделивом выпячивании груди, взлохмачивании волос. Подчинение отслеживается в позе смертников, падении ниц перед царственной особой, поклоне и светском кивке головой, а также в жестах закрытия [Гончаренко, Аргун: 355]. В психологии личности «стокгольмский синдром», мазохизм, садизм берут свое начало из этой формы отношений.

В бытовой жизни на модели психопатологического доминирования-подчинения построена коммуникация токсичного и абьюзерного контакта. Формирование зависимого поведения и подчинение воли агрессора зависит от биопсихосоциальных факторов, которые влияют на виктимное поведение индивида [Чураков: 160]. К факторам виктимизации относятся семейная дисгармония: агрессия, жестокость, алкогольная и наркотическая зависимость, холодность и безразличие родственников [Гончаренко, Тайсаева 2: 376]. Выученная беспомощность и покорность формируются в детско-родительских отношениях и являются факторами риска подчиняющего паттерна в поведении. Конформная позиция в личностных отношениях будет приоритетной, если партнер займет доминирующую позицию [Шейнов: 101]. Под моральным давлением и манипуляциями агрессора у жертвы быстро развивается подчинение [Гончаренко, Гераськов: 121].

В нашей практике беззащитное подчинение агрессору наблюдалось у несовершеннолетних детей, которые подвергались сексуальному насилию. В своей практике мы отмечаем, что, если ребенка вынудили вступить в сексуальные отношения, чувство вины и стыда не позволяют ему озвучить это окружению.

Психологический профиль жертвы – это ребенок из неполной или полной семьи, в которой присутствует отторжение или безразличие по отношению к нему. В группе сверстников ему сложно самоутвердиться, он чаще других детей подвергается буллингу, остракизму и насмешкам соучеников. Психологические травмы и негативное эмоциональное состояние сказываются на учебе и успеваемости, межличностном общении. Психологические и социальные проблемы формируют инфантильность и нервозность, хроническое чувство тревоги. Преступники чаще выбирают таких детей, так как они доверчивы, наивны, поддаются запугиванию и манипуляциям.

Практический пример 2. Несовершеннолетний С., 11 лет, воспитывался в неполной семье матерью. Мать эмоционально неустойчивая, склонна к агрессии в воспитании, часто наказывала сына за плохие оценки, ругала за проступки, била ремнем. Работала сменами, в выходные часто алкоголизировалась с подругами и со знакомыми мужчинами. Ребенок рос болезненным, тихим и замкнутым. В выходные и каникулы старался больше проводить время на улице с двоюродным братом в компании подростков. В один из дней его с братом пригласил в гости 16-летний юноша из их компании. После непродолжительной беседы в летней беседке он предложил выйти С. во двор, чтобы обсудить наедине некоторые темы. Двоюродный брат остался со старшим сиблингом приятеля беседовать о компьютерных играх. После того как юноша и подросток покинули беседку и молодой человек захватил голову несовершеннолетнего правой рукой и сильно прижал к своему телу. Мальчик описывает происходящее: «Он со всей силы держал мою голову, мне даже дышать было страшно, я не мог ни кричать, ни сопротивляться, просто послушно шел за ним в баню, где он заставил меня совершить с ним оральные половые акты». На вопрос психолога: «Мог ли ты сбежать, закричать, позвать на помощь?» – поясняет: «Наверно, мог, но не сделал этого, я всегда замолкаю, когда меня наказывает мама или обижают ребята. Вырваться я тоже не пытался, я молча сделал все, что велел В., а потом пошел к брату и мы продолжили разговаривать про игры, хотя мне было неприятно и страшно».

Практический пример 3. Потерпевшая К., возраст 16 лет, проживала с матерью и отчимом. Мать была к детям строгая, эмоционально холодная, редко хвалила, часто ругала детей за проступки, неласковая. К отчиму было диаметрально противоположное отношение, считала его идеальным мужчиной и отцом своих детей, кормильцем, добытчиком, добрым и альтруистичным человеком к родным и близким. Заявление дочери о действиях сексуального характера со стороны отчима В. считала ее наговором и ложью. Во время следственных мероприятий манипулировала девочкой, склоняла ее отказаться от показаний,

лишила ее финансовой и моральной поддержки. По-терпевшая рассказала, что с 12-летнего возраста мужчины принуждал ее к интимным отношениям, запугивал и угрожал, что если она кому-то об этом расскажет, то выгонит из дома мать и сестру на улицу, говорил, что «без его финансовой помощи они умрут от голода». Отношения между ними продолжались до 15-летнего возраста девочки, после поступления в колледж она переехала в город и поселилась у тети. Со слов К.: «Я понимала, что сейчас все случится, когда мы были дома вдвоем, мама на работе, сестра на спортивной секции. Он просто пристально смотрел на меня или кивал головой, я молча шла, ложилась на спину, он делал свое дело». На вопрос психолога: «Как ты считаешь: взгляд и кивок – это был условный знак?» – отвечала утвердительно, озвучивала, что считала, что сопротивляться было бесполезно, искренно переживала за судьбу матери и сестры.

Практический пример 4. Несовершеннолетний Н., возраст 11 лет, проживал в неполной многодетной семье. Мать длительное время употребляла алкоголь, в опьянении применяла рукоприкладство к детям. Мальчик в компании сверстников часто проводил время на улице. С весны 2020 года подростки стали ходить в гости в дом к 68-летнему мужчине. Мужчина позиционировал себя как друг, угощал их алкогольными напитками, сигаретами. После месяца знакомства приглашал к себе детей по одному, беседовал с ними о жизни, давал деньги на мелкие расходы. В один из таких дней несовершеннолетний Н. посетил в одиночку дом «старшего товарища». После того как пожаловался на физическую агрессию матери, тот приобнял его и совершил мануальные движения рукой в области паха ребенка. При дальнейших встречах неоднократно повторял эти действия, раздевал и гладил его гениталии. Со слов несовершеннолетнего Н.: «Мне было все это неприятно, он старый и противный, но я не сопротивлялся, молча выполнял, что он скажет. Матери и своим друзьям я не мог сказать, потому что мать будет ругать, а ребятам сказать было стыдно. Дядя М. говорил, что любит меня, что у него тоже мама была злой, и он хочет ее убить. Показывал, как можно по горлу провести ножом, чтобы человек умер». На вопрос психолога: «Мог ли ты сопротивляться действиям мужчины?» – отвечал: «Мог, но не хотел, просто ждал, когда он закончит, я тихо стоял или сидел, а он когда заканчивал, всегда давал мне денег и говорил, чтобы я никому об этом не говорил».

По нашему мнению, гипоопека, вредные привычки и попустительство взрослых влияют на детские ригидные установки подчинения. Неблагополучная социальная и семейная среда явились почвой для отсутствия сопротивления растлителю. Дети, испытывающие в семье дефицит родительской любви и которых обижают окружающие, ищут партнера, ко-

торый бы их обижал [Сапольски: 664]. Государственная и социальная профилактическая работа с детьми этой группы и группой риска должна состоять из системы социально-правового контроля. Формирование нравственно-моральной культуры и правомерного поведения граждан должны начинаться в учебных и воспитательных учреждениях. Реабилитационная и психологическая помощь жертвам сексуального насилия должна оказываться в специализированных центрах и учреждениях. Юридическая и правовая профилактика – включать своевременное выявление нарушения прав и законных интересов подрастающего поколения в неблагополучных семьях на начальном этапе [Огарь, Харламов: 351]. Меры противодействия возможных преступлений способны снизить количество деструктивных противоправных действий по отношению к несовершеннолетним.

Список литературы

Бутовская М.Л., Дерягина М.А. Систематика и поведение приматов. Москва: Энциклопедия российских деревень, 2004. 272 с.

Гончаренко Е.В., Аргун С.Ф., Тайсаева С.Б., Джокуа А.А., Полякова Е.В., Стус Е.А. Жесты закрытия в психологической практике и безынструментальной детекции лжи // Евразийский юридический журнал. 2022. № 11. С. 351–356. <https://doi.org/10.46320/2073-4506-2022-11-174-351-353>

Гончаренко Е.В., Гераськов В.С., Тайсаева С.Б., Полякова Е.В. Стокгольмский синдром в криминологической практике // Вестник Костромского государственного университета. 2022. № 28 (4). С. 120–123. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-120-123>

Гончаренко Е.В., Калюжный И.П., Тайсаева С.Б., Фокин А.В., Полякова Е.В. Биопсихосоциальная модель личности сексуального преступника // Евразийский юридический журнал. 2022. № 7 (170). С. 329–331. <https://doi.org/10.46320/2073-4506-2022-4-167-375-376>

Гончаренко Е.В., Тайсаева С.Б., Елисейев Ф.И., Тибушкина М.А. Сексуальное насилие несовершеннолетних в криминологическо-врачебной практике врачей и психологов // Евразийский юридический журнал. 2022. № 3 (166). С. 375–377. <https://doi.org/10.46320/2073-4506-2022-3-166-375-377>

Де Валь Ф. Политика у шимпанзе. Власть и секс приматов. Москва: Высшая школа экономики, 2022. 272 с.

Дробышевский С. Достающее звено. Кн. 2: Люди. Москва: АСТ: Corpus, 2023. 592 с.

Огарь Т.А., Харламов В.С. Виктимизация населения современной России. Девиантологический взгляд // Российский девиантологический журнал. 2022. № 2 (3). С. 346–353. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-3-346-353>

Павлов И.П. Рефлекс свободы. Москва: АСТ, 2023. 416 с.

Сапольски Р. Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки. Москва: Альпина нон-фикшн, 2021. 776 с.

Тетиор А.Н. «Глубинная» этология человека // Sciences of Europe. 2016. № 6-3 (6). С. 39–46.

Тетиор А.Н. Новая концепция философского осмысления мира и эволюции живой природы. Москва: Российская Академия Естественных наук, 2015. 235 с.

Чирков А.М., Войт И.С. Этологический атлас психофармакологических исследований на павианах гамадрилах. Сухуми: Алашара, 1990. 128 с.

Чуракова И.Е. Исследование виктимности девушек-жертв сексуального рабства в юриспруденции и социальной психологии // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. № 7 (95). С. 157–164.

Шейнов В.П. Психологическая виктимизация жертв издевательств как источник отрицательных эмоциональных состояний // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. № 1 (13). С. 94–123.

References

Butovskaya M.L., Deryagina M.A. *Sistematika i povedeniye primatov* [Systematics and behavior of primates]. Moscow, Encyclopedia of Russian villages Publ., 2004, 272 p. (In Russ.).

De Wahl F. *Politika u shimpanze. Vlast' i seks primatov* [Chimpanzee Politics. Power and sex in primates]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2022, 272 p. (In Russ.).

Drobyshevsky S. *Dostayushcheye zveno. Kniga vtoraya: lyudi* [Retrieving link. Book two: people]. Moscow, Ast, CORPUS Publ., 2023, 592 p. (In Russ.).

Chirkov A.M., Voit I.S. *Etologicheskii atlas psikhofarmakologicheskikh issledovaniy na pavianakh gamadrilakh* [Ethological Atlas of Psychopharmacological Research on Hamadryas Baboons]. Sukhumi, Alashara Publ., 1990, 128 p. (In Russ.).

Churakova I.E. *Issledovaniye viktimnosti devushek-zhertv seksual'nogo rabstva v yurisprudentsii i sotsial'noy psikhologii* [Victimization study of female victims of sexual slavery in jurisprudence and social psychology]. *Uchenyye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta* [Scientific Notes of the Russian State Social University], 2011, No. 7 (95), pp. 157-164. (In Russ.).

Goncharenko E.V., Argun S.N., Taisaeva S.B., Jokua A.A., Polyakova E.V. Stus E.A. *Zhesty zakrytiya v psikhologicheskoy praktike i bezynstrumental'noy detektsii lzhi* [Closing gestures in psychological practice and non-instrumental lie detection]. *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Eurasian legal journal], 2022, No. 11, pp. 351-353. <https://doi.org/10.46320/2073-4506-2022-11-174-351-353>. (In Russ.).

Goncharenko E.V., Geraskov V.S., Taisaeva S.B., Polyakova E.V. *Stokgol'mskiy sindrom v kriminologii*

cheskoy praktike [Stockholm syndrome in criminological practice]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2022, vol. 28, No. 4, pp. 120-123. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-120-123>. (In Russ.).

Goncharenko E.V., Kalyuzhny I.P., Taisaeva S.B., Fokin A.V., Polyakova E.V. *Biopsikhosotsial'naya model' lichnosti seksual'nogo prestupnika* [Biopsychosocial model of the personality of a sexual offender]. *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Eurasian Law Journal], 2022, No. 7 (170), pp. 329-331. <https://doi.org/10.46320/2073-4506-2022-4-167-375-376>. (In Russ.).

Goncharenko E.V., Taisaeva S.B., Eliseev F.I., Tibuskina M.A. *Seksual'noye nasiliye nesovershennoletnikh v kriminologo-vrachebnoy praktike vrachey i psikhologov* [Sexual violence of minors in the criminological and medical practice of doctors and psychologists]. *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Eurasian Legal Journal], 2022, No. 3 (166), pp. 375-377. <https://doi.org/10.46320/2073-4506-2022-3-166-375-377> (In Russ.).

Ogar T.A., Kharlamov V.S. *Viktimizatsiya naseleniya sovremennoy Rossii. Deviantologicheskii vzglyad* [Victimization of the population of modern Russia. Deviantological view]. *Rossiyskiy deviantologicheskii zhurnal* [Russian Deviantological Journal], 2022, vol. 2, No. 3, pp. 346-353. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-3-346-353>. (In Russ.).

Pavlov I.P. *Refleks svobody* [Freedom reflex]. Moscow, AST Publ., 2023, 416 p. (In Russ.).

Sapolsky R. *Biologiya dobra i zla. Kak nauka ob"yasnyayet nashi postupki* [Biology of Good and Evil. How science explains our actions]. Moscow, Alpina non-fiction Publ., 2021, 776 p. (In Russ.).

Sheinov V.P. *Psikhologicheskaya viktimizatsiya zhertv izdevatel'stv kak istochnik otritsatel'nykh emotsional'nykh sostoyaniy* [Psychological victimization of victims of bullying as a source of negative emotional states]. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya* [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology], 2019, No. 1 (13), pp. 94-123. (In Russ.).

Tetiор A.N. "Glubinnaya" etologiya cheloveka ["Deep" human ethology]. Sciences of Europe, 2016, No. 6-3 (6), pp. 39-46. (In Russ.).

Tetiор A.N. *Novaya kontseptsiya filosofskogo osmysleniya mira i evolyutsii zhivoy prirody* [A new concept of philosophical understanding of the world and the evolution of living nature]. Moscow, Russian Academy of Natural Sciences Publ., 2015, 235 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 11.07.2023; одобрена после рецензирования 21.07.2023; принята к публикации

The article was submitted 02.06.2023; approved after reviewing 21.07.2023; accepted for publication

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 257–266. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 29, № 3, pp. 257–266. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

УДК 343.3

EDN EHBVTWX

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-257-266>

ИССЛЕДОВАНИЕ КОРРУПЦИОФОБИИ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Максименко Александр Александрович, доктор социологических наук, кандидат психологических наук, доцент, главный научный сотрудник проектно-учебной лаборатории антикоррупционной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия, Maximenko.AI@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0891-4950>

Крылова Дина Владимировна, заведующая проектно-учебной лабораторией антикоррупционной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия, krylovadv@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5069-0319>

Дейнека Ольга Сергеевна, доктор психологических наук, профессор, и. о. зав. кафедрой политической психологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, osdeyneka@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8224-2190>

Зябликов Алексей Вячеславович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии, культурологии и социальных коммуникаций, Кострома, Россия, a.zyablikov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2054-0066>

Вахрушева Анастасия Владимировна, магистрант Костромского государственного университета, Кострома, Россия, young.liar@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7796-5544>

Аннотация. Статья посвящена осмыслению феномена коррупциофобии в контексте взаимоотношений государства и общества. Авторы отмечают социальные основания и следствия, на которые в настоящее время оказывает существенное влияние цифровая реальность. Целью данного исследования является описание феномена коррупциофобии. Кроме того, авторы разрабатывают и представляют новую методику изучения этого феномена, позволяющую получить, кроме всего прочего, информацию о личностных качествах и социальных фобиях чиновника, а также обосновывают актуальность ее применения как в сфере противодействия коррупции (для превентивной борьбы с ней), так и в специальных исторических и социально-политических исследованиях, нацеленных на выявление факторов, способствующих или же, напротив, препятствующих эффективному диалогу власти и общества. Настоящая публикация представляет собой первую часть диадической (теоретико-практической) работы, направленной на комплексное изучение феномена коррупциофобии, в том числе для учета при разработке законодательных инициатив, и содержит теоретическую базу и методологическую основу для второй части – перспективного целостного исследования коррупциофобии среди российских государственных служащих. Результаты опроса действующих государственных служащих, проведенного по разработанной авторами и описанной в данной статье методике, анализ и интерпретация показателей будут опубликованы в следующей статье.

Ключевые слова: диалог власти и общества, социальные отношения, цифровое пространство, коррупциофобия, противодействие коррупции, психология коррупции, опросник коррупциофобии, государственные служащие, управленческая инициативность.

Благодарности. Публикация подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект № F-ZEW-2023-0007.

Для цитирования: Максименко А.А., Крылова Д.В., Дейнека О.С., Зябликов А.В., Вахрушева А.В. Исследование коррупциофобии в контексте диалога власти и общества: теоретико-методологические основы // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 257–266. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-257-266>

THE STUDY OF CORRUPTION PHOBIA IN THE CONTEXT OF THE DIALOGUE BETWEEN GOVERNMENT AND SOCIETY: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS

Aleksandr A. Maksimenko, Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Chief Researcher of the Laboratory of Anti-Corruption Policy, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, Maximenko.AI@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0891-4950>

Dina V. Krylova, Head of the Laboratory of Anti-Corruption Policy, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, krylovadv@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5069-0319>

Olga S. Deyneka, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of Political Psychology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, osdeyneka@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8224-2190>

Aleksey V. Zyablikov, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, Kostroma State University, Kostroma, Russia, a.zyablikov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2054-0066>

Anastasia V. Vakhrusheva, master student of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, Kostroma State University, Kostroma, Russia, young.liar@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7796-5544>

Abstract. The article is devoted to understanding the phenomenon of corruption phobia in the context of the relationship between the state and society. The authors note the social foundations and consequences, which are currently significantly influenced by digital reality. The purpose of this study is to describe the phenomenon of corruption phobia. In addition, the authors develop and present a new methodology for studying this phenomenon, which allows, among other things, to obtain information about the personal qualities and social phobias of an official, and also substantiate the relevance of its application both in the field of combating corruption (for the preventive fight against it) and in special historical and socio-political studies aimed at to identify factors that contribute to or, on the contrary, hinder an effective dialogue between the government and society. This publication is the first part of a dyadic (theoretical and practical) work aimed at a comprehensive study of the phenomenon of corruption phobia including for consideration in the development of legislative initiatives, and contains the theoretical basis and methodological basis for the second part – a future holistic research corruption phobia among Russian civil servants. The results of the survey of current civil servants conducted according to the methodology developed by the authors and described in this article, the analysis and interpretation of indicators will be published in the next article.

Keywords: dialogue between government and society, social relations, digital space, corruption phobia, anti-corruption, psychology of corruption, questionnaire of corruption phobia, officials, managerial initiative.

Acknowledgments. This work was carried with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation project No. F-ZEW-2023-0007.

For citation: Maksimenko A.A., Krylova D.V., Deyneka O.S., Zyablikov A.V., Vakhrusheva A.V. The study of corruption phobia in the context of the dialogue between government and society: theoretical and methodological foundations. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 3, pp. 257–266 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-257-266>

Диалог власти и общества – сложная, многослойная и поливариантная система отношений. Важное и наиболее красноречивое проявление этого диалога – социальное взаимодействие государственных служащих и населения. Анализ содержания, методов и форм этого взаимодействия необходим для понимания факторов, в том числе социально-психологического свойства, обеспечивающих эффективную работу государственных и муниципальных органов или, напротив, замедляющих и затрудняющих этот процесс. Диалоговые возможности представителей органов власти [Зайцев] с населением являются важным фактором противодействия коррупции [Чернышева], опосредованно взаимосвязанные через правосознание и правовую культуру [Телегина] всех участников диалога.

В новейших научно-правовых исследованиях [Кабанов; Цирин и др.] приоритетное внимание предка-

зуюмо отдается анализу коррупциогенных зон и факторов, определяющих содержание государственного управления и, безусловно, препятствующих доверительному диалогу власти и граждан, оказывающих негативное воздействие на общее состояние дел. Отметим, что неучастие чиновника в коррупционных схемах само по себе еще не является условием эффективности его работы, профессиональной состоятельности, точкой пересечения его полномочий и возможностей с интересами и нуждами клиента. Потому не менее важно междисциплинарное исследование такого явления, как коррупциобфия, его социальных оснований и следствий, на которые оказывает существенное влияние становящаяся цифровая реальность, в том числе для учета в юридической нормотворческой и правоприменительной практике, связанной с коррупционными преступлениями.

Коррупциофобия представляет собой крайне актуальный феномен современной России, влияющий на качество государственного и муниципального управления. Боязнь совершить бытовое или профессиональное действие, которое может быть расценено как коррупционное правонарушение или нарушение антикоррупционного законодательства, влекущее соответствующее правовое наказание, определяет то, что государственные и муниципальные служащие становятся закрытыми и неотзывчивыми на запросы населения. Данная фобия приводит к подавлению стремлений к социальному взаимодействию (социальная фобия) и к снижению управленческой инициативности (фобия проявления инициативы) в среде должностных лиц (государственных и муниципальных служащих).

Со времен З. Фрейда (1894) фобия рассматривается как невротическая конструкция, запускающая неприятные навязчивые переживания [Strachey]. Согласно Фрейду, фобии становятся доминирующими, полностью меняющими поведение человека при навязчивом преувеличении религиозного церемониала (в нашем случае – законодательного регулирования противодействия коррупции). Рассматриваемое нами нивелирование коррупциофобии в духе фрейдизма можно интерпретировать как преодоление Эдипова комплекса государственными служащими (конкурирующие действия в борьбе за приватизацию власти, принадлежащей суверену).

Ответ на вопрос об источниках и способах преодоления коррупциофобии лежит в плоскости рассмотрения ее как разновидности социальных фобий. Как показано в исследовании С. Стансфелда и его коллег [Stansfeld et al.], с возникновением социальных фобий могут быть ассоциированы ранее возникающие конфликты и неблагоприятный социальный опыт. Теми же авторами в ходе другого исследования была верифицирована гипотеза о том, что низкий уровень социальной поддержки со стороны коллег и руководства, трудности социального взаимодействия на работе наиболее тесно связаны с социофобией, в то время как свобода принятия решений (обладание полномочиями в принятии решений) будет в меньшей степени связана с социофобией. Другими учеными [Niedhammer et al.] обнаруживаются свидетельства различий в факторах риска возникновения социальной фобии по полу: среди женщин факторами риска развития социальной фобии являются родительский конфликт и физическое насилие в детстве, в то время как среди мужчин фактором риска было отсутствие доверительных отношений с родителем или другим взрослым в период взросления.

Социофобия составляет до 10 % всех фобий и может привести к риску развития других психических заболеваний, таких как глубокая депрессия, злоупо-

требление алкоголем и иные тревожные расстройства [Walker, Kjernisted]. При метаанализе свыше 50 статей [Theorell et al.], посвященных проблеме развития фобий в работе служащих, было обнаружено, что напряжение на работе (высокие психологические требования и низкая свобода принятия решений), а также издевательства со стороны руководства и коллег оказывают значительное влияние на развитие фобий и депрессивных симптомов. К таким же последствиям ведет дисбаланс вознаграждения и прикладываемых усилий, конфликты, слабая поддержка и неблагоприятный организационный климат [Bonde].

Фобии, появляющиеся на рабочем месте, оказывают разное влияние на работников в зависимости от проявляющихся симптомов (депрессии или тревоги) [Niedhammer et al.]. Профессиональное неравенство наблюдалось в отношении симптомов депрессии, но не в отношении симптомов тревоги. Факторы, связанные со свободой принятия решений (ее величиной и полномочиями принимать решения), социальной поддержкой и вознаграждением (их величиной, продвижением по службе, надежностью работы и уважением), способствовали проявлению профессионального неравенства в симптомах депрессии.

На выборке из 1 046 служащих была оценена общая распространенность депрессивных симптомов (до 34 %), вызванных фобиями на рабочем месте [Valente et al., 2016a]: основные депрессивные симптомы (ОДС) – 18 %, другие депрессивные симптомы (ДДС) – 16 %. При этом статистически значимой разницы между мужчинами и женщинами выявлено не было. Высокие требования, низкий уровень контроля и слабая социальная поддержка были связаны как с ОДС, так и с ДДС. Высокие усилия при низком вознаграждении, чрезмерная самоотдача также были связаны с депрессивными симптомами, вызванными фобиями на работе.

Фобии на рабочем месте ведут к профессиональному выгоранию [Valente et al. 2016b]. Общая распространенность выгорания может составить, по данным М. Валенте, 71,8 %. Его обуславливают неблагоприятные психосоциальные условия на рабочем месте, такие как высокое психоэмоциональное напряжение и слабая социальная поддержка.

Опрос в Нидерландах (N = 11 600 чел.) показал [de Jonge et al.], что фобии чрезмерных требований со стороны работодателя в совокупности с низким уровнем контроля за работой имеют последствия в виде повышенного риска эмоционального истощения, жалоб на психосоматическое и физическое недомогание, а также неудовлетворенность работой.

Известно, что определенные виды аддикций усиливают определенные виды фобий. Так, на выборке турецких подростков (24 260 чел.) в возрасте

11–15 лет были установлены корреляционные связи между интернет-зависимостью и социальной фобией [Yayan et al.].

П. Бэттерхэмом и его коллегами [Batterham et al.] для выявления социальных фобий был разработан опросник Social Phobia Screener (SOPHS), позволяющий лучше идентифицировать подобные расстройства в исследовательских и клинических условиях.

Фобии, как было обнаружено Р. Котовым и его коллегами [Kotov et al.], взаимосвязаны с характеристиками личности, а также с показателями «темной триады» (нарциссизм, макиавеллизм и психопатия). Фрустрированные запретами работники с социальным тревожным расстройством (СТР) боятся негативных оценок. Низкая самооценка и избегающее поведение страдающих СТР, как показал ряд исследований, препятствуют значимым социальным отношениям [Alden, Taylor; Piccirillo et al.; Hoffman et al.], в том числе и проявлениям инициативности и эмпатии. Темная триада – это три социально отталкивающие черты личности, которые приводят к манипулятивным установкам, корыстным мотивам, эгоизму, черствости и неэтичному или аморальному поведению, подобному мошенничеству [Jones, Paulhus]. Однако есть исследования, результаты которых свидетельствуют, что не все параметры темной триады отрицательно связаны с положительными качествами работников. Высокий уровень нарциссизма может косвенно указывать на жизнестойкость работников. При этом субклиническая психопатия и макиавеллизм в значительной степени не связаны с психической устойчивостью и жизнестойкостью [Szabo et al.].

Эффективность работы сотрудника связана с «большой пятеркой» личностных качеств [Barrick et al.], причем отрицательно связан с эффективностью работы лишь невротизм личности работника, а наиболее значимая положительная связь выявлена с показателем добросовестности [Schmidt, Ryan]. В другом же исследовании в качестве наиболее значимой переменной, обуславливающей эффективность работника, называется доброжелательность [Ghani et al.].

Преодоление социальных фобий основано на проявлении ряда индивидуальных черт сотрудников, способствующих вовлеченности их в работу. Инициативная личность связана с широким спектром продуктивного задействования и благоприятных результатов, таких как развитие личных проактивных навыков [Fuller, Marler], приобретение соответствующих профессионально-отраслевых знаний, снижение неопределенности за счет поиска обратной связи [Seibert et al.], установление и развитие профессиональных контактов.

Личностные черты сотрудника также связаны с вовлеченностью в работу. Так, исследование С. Шуклы и коллег [Shukla et al.] показало, что из пяти личност-

ных факторов только доброжелательность, добросовестность и открытость опыту имеют умеренную, но позитивную и значимую связь с вовлеченностью сотрудников. При этом экстраверсия не связана, а невротизм – отрицательно связан с вовлеченностью сотрудников в работу. Согласно другим исследованиям, на вовлеченность также влияют личные ресурсы сотрудников, их самоэффективность и осмысленность, поддержка коллег и рабочая среда [Hidayat].

Исследование тайских коллег показало, что сотрудники с высокими показателями экстраверсии находятся в постоянном поиске лучших карьерных возможностей, а также признания. При удовлетворении своих карьерных амбиций они становятся преданными своей компании [Gridwchai et al.]. Н. Рохана и К. Абдулах [Rohana, Abdullah] фокусируются на роли множественного интеллекта, который включает в себя социальный, эмоциональный, когнитивный, межличностный и внутриличностный интеллекты. Показано, что среди лидерских навыков овладение множественным интеллектом является наиважнейшей компетенцией, влияющей на эффективность работы организации.

В ряде других исследований были обнаружены отрицательные взаимосвязи между экстраверсией и различными видами фобий (социофобией и агорофобией), а также положительные взаимосвязи между невротизмом и этими фобиями [Bienvenu et al.]. В то же время связь между невротизмом и тревогой обусловлена включением таких трансдиагностических факторов, как стыд, психологическая негибкость и нарушение регуляции эмоций [Paulus et al.].

А. Руис-Гарсия и Л. Валеро-Угуайо [Ruiz-García, Valero-Aguayo] разработали для лечения различных видов фобий (в том числе агорофобии и клаустрофобии) релевантное лечение, состоящее из 8 сеансов прогрессивного мультимедийного воздействия (изображений и видео в естественных условиях сцен, вызывающих в реальной жизни фобии). Результаты такого воздействия показали снижение баллов по опросникам до и после опроса ($p < 0,001$), а также общее снижение тревожности по различным базовым показателям с сохранением таких достижений в лечении фобий в течение 1 года наблюдения.

В аспекте приведенного выше контура основных особенностей социальных фобий, способов их преодоления и лечения можно говорить о специфике борьбы с коррупцифобией как частным видом социофобии. Коррупцифобия искажает (гиперболизирует) восприятие коррупции и ее последствий (в первую очередь персональных) как таковой, что девальвирует достижения в сфере противодействия коррупции. Коррупцифобию провоцирует прежде всего освещение действий правоохранительных и следственных органов по борьбе с коррупцией в СМИ.

Таблица 1

Опросник коррупциобии

Оцените степень своего согласия с нижеперечисленными утверждениями, связанными с противодействием коррупции в России, по шкале от 1 до 5, выбрав только один вариант в каждой строке (где 1 – совсем не согласен, 5 – полностью согласен)

Утверждение	Совсем не согласен	Скорее не согласен	Затрудняюсь ответить	Скорее согласен	Полностью согласен
1. Борьба с коррупцией в России ведет к ослаблению инициативы у государственных служащих	1	2	3	4	5
2. В целом борьба с коррупцией в рядах чиновников России эффективна	1	2	3	4	5
3. Борьба с коррупцией в России носит системный характер	1	2	3	4	5
4. Борьба с коррупцией ведет к тому, что чиновники становятся более ответственными	1	2	3	4	5
5. Борьба с коррупцией в России ведет к увеличению в деятельности чиновников симуляционных практик	1	2	3	4	5
6. В России можно победить коррупцию законодательными мерами	1	2	3	4	5
7. Случаи коррупции в России уменьшаются год от года	1	2	3	4	5
8. Большинство российских коррупционеров понесли заслуженное наказание	1	2	3	4	5
9. В целом борьба с коррупцией ведет к тому, что чиновники становятся более осторожными	1	2	3	4	5
10. Борьба с коррупцией в России ведется последовательно	1	2	3	4	5
11. Противодействие коррупции в России вызывает у чиновников желание работать более эффективно	1	2	3	4	5
12. Борьба с коррупцией в России вынуждает чиновников не брать на себя лишней инициативы	1	2	3	4	5
13. В целом борьба с коррупцией в России ведет к тому, что чиновник вынужден больше отказывать нестандартным запросам населения	1	2	3	4	5
14. Борьба с коррупцией делает чиновника бездушным и черствым по отношению к проблемам людей	1	2	3	4	5
15. Надзорные органы стараются везде увидеть коррупцию	1	2	3	4	5
16. В регионах России чиновники больше боятся борьбы с коррупцией, чем в мегаполисах	1	2	3	4	5
17. Борьба с коррупцией – это зачастую компанейщина, мешающая осуществлению реальной помощи населению	1	2	3	4	5
18. Борьба с коррупцией делает чиновников людьми закрытыми					
19. Под видом борьбы с коррупцией чаще реализуются интересы отдельных чиновников или их ведомств, чем реальная борьба с коррупцией	1	2	3	4	5
20. Борьба с коррупцией делает обычного чиновника более трусливым	1	2	3	4	5
21. Борьба с коррупцией ставит крест на многих инициативах населения в области местного самоуправления	1	2	3	4	5
22. Борьба с коррупцией вносит слишком много ограничений, которые мешают конструктивному взаимодействию с населением и другими сообществами	1	2	3	4	5
23. Борьба с коррупцией делает чиновников отстраненными, избегающими обычного общения, коммуникации	1	2	3	4	5

Именно специфика публикуемых материалов (чаще всего – самые громкие дела) ставит вопрос о подлинном характере данной борьбы: является ли она действительно *системной* (направленной в первую очередь на искоренение коррупции во всех сферах) или же *демонстративной* (связанной с выстраиванием грамотной инфополитики, отвлекающей население от реального состояния дел в секторе коррупции и борьбы с ней). С другой стороны, молниеносное репродуцирование актуальной информации в современном цифровом пространстве делает положение недобросовестного чиновника все менее комфортным.

Несмотря на актуальность обозначенной проблемы, коррупцифобия остается практически неизученным феноменом в отечественной и мировой науке. Настоящее исследование стремится частично восполнить этот пробел с помощью подготовки и дальнейшей апробации авторской методики на российской выборке государственных служащих, занятых противодействием коррупции в исполнительных органах власти.

В качестве инструмента для исследования коррупцифобии российских государственных служащих, занятых противодействием коррупции в исполнительных органах власти, предлагается использовать разработанный авторами в 2023 году вопросник (табл. 1).

В инструментарий исследования также необходимо включить 16-пунктный опросник «Отношение к социальному доминированию» (ОСД) [Sidanius, Pratto], 5-пунктный опросник осведомленности о коррупции [Davis, Smith], 4-пунктный опросник порицания коррупции [Li et al.]. Дополнительно возможно использование короткой версии опросника темной триады («The Short Dark Triad Questionnaire») [Paulhus, Williams] в адаптации М.С. Егоровой, М.А. Ситникова и О.В. Паршиковой (2015) для измерения трех психологических черт личности: макиавеллизма, невротизма и субклинической психопатии.

Данные исследования могут проводиться в форме опроса респондентов, выбранных из глав отделов по противодействию коррупции в органах исполнительной власти.

Феномен коррупцифобии является важным содержательным элементом, характеризующим диалог власти и общества и влияющим на его качество. Изучение этого явления приводит нас к своего рода социальному парадоксу: эффективной работе государства вредит не только коррупция, но и рождаемый жестким противодействием ей страх государственного и муниципального служащего совершить поступок, который может быть квалифицирован как коррупционный. Коррупцифобия – пункт, в котором сходятся социально-исторические, правовые, психологические мотивы.

Опросник коррупцифобии может выступать комплексным дополнением профиля коррупциогенности и предоставлять более полную информацию о личностных качествах и социальных фобиях чиновника. Методика может быть применена в исторических и социально-политических исследованиях, нацеленных на выявление факторов, способствующих и препятствующих эффективному и равноудовлетворительному диалогу государства и общества, а также в социально-политических и историографических исследованиях для понимания и интерпретации правоприменительной практики в сфере российского антикоррупционного законодательства.

Список литературы

Егорова М.С., Ситникова М.А., Паршикова О.В. Адаптация короткого опросника Темной триады // Психологические исследования. 2015. № 8 (43). <https://doi.org/10.54359/ps.v8i43.1052>

Зайцев А.В. Публичная сфера как поле диалога государства и гражданского общества // Вестник Костромского государственного университета. 2013. № 1. С. 203–206.

Кабанов П.А. Антикоррупционное информирование с использованием официальных сайтов органов публичной власти Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет: вопросы правового регулирования // Правовая информатика: теория и опыт: сб. ст. / гл. ред. Ю.В. Матвиенко. Москва: Науч. центр прав. инф. при Мин-ве юстиции РФ, 2018. С. 88–101.

Крылова Д.В., Максименко А.А. Использование искусственного интеллекта в вопросах выявления и противодействия коррупции: обзор междунар. опыта // Государственное управление: электрон. вестник. 2021. № 84. С. 241–255. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-84-241-255>

Крылова Д.В., Максименко А.А. Есть ли у российского коррупционера совесть? Особенности принятия этических решений российскими государственными служащими // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 230–253. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2076>

Крылова Д.В., Максименко А.А. Роль искусственного интеллекта в антикоррупционном рекрутинге // Научный результат. Сер.: Технология бизнеса и сервиса. 2022b. Т. 8, № 2. С. 94–107. <https://doi.org/10.18413/2408-9346-2022-8-1-0-9>

Максименко А.А., Дейнека О.С., Крылова Д.В., Духанина Л.Н. Отношение россиян к коррупции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12: Социология. 2020. Т. 13, № 4. С. 407–428. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.404>

Максименко А.А., Дейнека О.С., Крылова Д.В., Забелина Е.В., Булгакова Е.А. Этические установки бу-

дущих представителей государственного управления и бизнес-сообщества: сравнительный анализ // Образование и наука. 2023. Т. 25. № 2. С. 68–97. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-2-68-97>

Телегина Е.Г. Правосознание и правовая культура как инструмент противодействия коррупции // *Juvenis scientia*. 2017. № 6. С. 38–41.

Цирин А.М., Матулис С.Н., Молчанова М.А. Социальный контроль как ключевой фактор противодействия коррупции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 4 (65). С. 24–42.

Чернышева Е.В. Правосознание в детерминации коррупционного поведения // Психология и право. 2021. Т. 11, № 2. С. 120–131. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110209>

Alden L.E., & Taylor C.T. Interpersonal processes in social phobia. *Clinical Psychology Review*, 2004, vol. 24, pp. 857-882. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2004.07.006>

Batterham P.J., Mackinnon A.J., & Christensen H. Community-Based Validation of the Social Phobia Screener (SOPHS). *Assessment*, 2017, vol. 24 (7), pp. 958-969. <https://doi.org/10.1177/1073191116636448>

Barrick M.R., Parks L., & Mount M.K. Self-monitoring as a moderator of the relationships between personality traits and performance. *Personnel Psychology*, 2005, vol. 58 (3), pp. 745-767. <https://doi.org/10.1111/j.1744-6570.2005.00716.x>

Bienvenu O.J., Hettema J.M., Neale M.C., Prescott C.A., & Kendler K.S. Low extraversion and high neuroticism as indices of genetic and environmental risk for social phobia, agoraphobia, and animal phobia. *American Journal of Psychiatry*, 2007, vol. 164 (11), pp. 1714-1721. <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.2007.06101667>

Bonde J.P. Psychosocial factors at work and risk of depression: a systematic review of the epidemiological evidence. *Occupational and Environmental Medicine*, 2008, vol. 65 (7), pp. 438-450. <https://doi.org/10.1136/oem.2007.038430>

Davis J.A., & Smith T.W. General social surveys, 1972–1991: Cumulative codebook. Cambridge, National Opinion Research Center, 1991.

de Jonge J., Bosma H., Peter R., & Siegrist J. Job strain, effort-reward imbalance and employee well-being: a large-scale cross-sectional study. *Social Science and Medicine*, 2000, vol. 50 (9), pp. 1317-1327. [https://doi.org/10.1016/S0277-9536\(99\)00388-3](https://doi.org/10.1016/S0277-9536(99)00388-3)

Fuller B., & Marler L.E. Change driven by nature: a meta-analytic review of the proactive personality literature. *Journal of Vocational Behavior*, 2009, vol. 75, pp. 329-345. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2009.05.008>

Ghani N.M., Yunus N.S., & Bahry N.S. Leader's Personality Traits and Employees Job Performance in Public Sector, Putrajaya. *Procedia. Economics and finance*,

2016, vol. 37, pp. 46-51. [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(16\)30091-0](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(16)30091-0)

Gridwichai P., Kulwanich A., Pirokam B., & Kwanmuangvanich B. Role of Personality Traits on Employees Job Performance in Pharmaceutical Industry in Thailand. *Systematic reviews in Pharmacy*, 2020, vol. 11 (3), pp. 185-194. <https://doi.org/10.5530/srp.2020.3.21>

Jones D.N., & Paulhus D.L. The role of impulsivity in the Dark Triad of personality. *Personality and Individual Differences*, 2011, vol. 51 (5), pp. 679-682. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2011.04.011>

Jung M., Choi M., & Lee T-R. Determinants of Public Phobia About Infectious Diseases in South Korea: Effect of Health Communication and Gender Difference. *Asia Pacific Journal of Public Health*, 2015, vol. 27 (2), pp. 833-843. <https://doi.org/10.1177/1010539513475653>

Hidayat A. Work Engagement: Main Factors and Supporting Factors (Study at PT. ACS Surabaya). *Enrichment: Journal of Management*, 2022, vol. 12 (2), pp. 1299-1308. <https://doi.org/10.35335/enrichment.v12i2.377>

Hoffman Y.S.G., Grossman E.S., Bergman Y.S., & Bodner E. The link between social anxiety and intimate loneliness is stronger for older adults than for younger adults. *Aging Mental Health*, 2021, vol. 25, pp. 1246-1253. <https://doi.org/10.1080/13607863.2020.1774741>

Kotov R., Gamez W., Schmidt F., & Watson D. Linking "big" personality traits to anxiety, depressive, and substance use disorders: A meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 2010, vol. 136, pp. 768-821. <https://doi.org/10.1037/a0020327>

Li S., Triandis H.C., & Yu Y. Cultural orientation and corruption. *Ethics and Behavior*, 2006, vol. 16 (3), pp. 199-215. https://doi.org/10.1207/s15327019eb1603_2

Niedhammer I., Goldberg M., Leclerc A., Bugel I., & David S. Psychosocial factors at work and subsequent depressive symptoms in the gazel cohort. *Scandinavian Journal of Work, Environment and Health*, 1998, vol. 24, pp. 197-205. <https://doi.org/10.5271/sjweh.299>

Niedhammer I., Lesuffleur T., Coutrot T., & Chastang J.F. Contribution of working conditions to occupational inequalities in depressive symptoms: results from the national French SUMER survey. *International Archives Occupation and Environmental Health*, 2016, vol. 89 (6), pp. 1025-1037. <https://doi.org/10.1007/s00420-016-1142-6>

Paulus D.J., Vanwoerden S., Norton P.J., & Sharp C. From neuroticism to anxiety: Examining unique contributions of three transdiagnostic vulnerability factors. *Personality and Individual Differences*, 2016, vol. 94, pp. 38-43. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.01.012>

Piccirillo M.L., Dryman M.T., & Heimberg R.G. Safety behaviors in adults with social anxiety: review and future directions. *Behavior Therapy*, 2016, vol. 47, pp. 675–687. <https://doi.org/10.1016/j.beth.2015.11.005>

Rohana N.S., & Abdullah C.Z. Leadership Competencies and Organizational Performance: Review and Proposed Framework. *The International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*, 2017, vol. 7, pp. 824-831. <https://doi.org/10.6007/IJARBS/v7-i8/3297>

Ruiz-García A., & Valero-Aguayo L. Progressive Multimedia Exposure for Specific Phobias: A Clinical Case of Claustrophobia and Acrophobia. *Clinical Case Studies*, 2021, vol. 20 (5), pp. 402-416. <https://doi.org/10.1177/15346501211007208>

Schmidt D.W., & Ryan K. A meta-analytic review of attitudinal and dispositional predictors of organizational citizenship behavior. *Personnel psychology*, 1993, vol. 48 (4), pp. 775-802.

Seibert S.E., Kraimer M.L., & Crant J.M. What do proactive people do? A longitudinal model linking proactive personality and career success. *Personnel Psychology*, 2001, vol. 54, pp. 845-874. <https://doi.org/10.1111/j.1744-6570.2001.tb00234.x>.

Sidanius J., & Pratto F. Social dominance: An intergroup theory of social hierarchy and oppression. Cambridge, Cambridge University Press, 1999.

Shukla S., Aggarwal P., Adhikari B., & Singh V. Relationship between Employee Engagement and Big Five Personality Factors. *International Journal of Indian Management & Strategy*, 2014, vol. 19 (3), pp. 26-34. <https://doi.org/10.5958/0973-9343.2014.01233.2>

Stansfeld S.A., Blackmore E.R., Zagorski B.M., Munce S., Stewart D.E., & Weller I. Work Characteristics and Social Phobia in a Nationally Representative Employed Sample. *The Canadian Journal of Psychiatry*, 2008, vol. 53 (6), pp. 371-376. <https://doi.org/10.1177/070674370805300606>

Strachey J. Freud's views on phobias. Appendix to Freud's Obsessions and phobias, 1962.

Szabó Z.P., Kun Á., Balogh B.E., Simon E., & Csike T. Dark and strong?! The associations between dark personality traits, mental toughness and resilience in Hungarian student, employee, leader, and military samples. *Personality and Individual Differences*, 2022, vol. 186 (part B), article 111339. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.111339>

Theorell T., Hammarström A., Aronsson G., Träskman Bendz L., Grape T., Hogstedt C., Marteinsdottir I., Skoog I., & Hall C. A systematic review including meta-analysis of work environment and depressive symptoms. *BMC Public Health*, 2015, vol. 1 (15), pp. 738. <https://doi.org/10.1186/s12889-015-1954-4>.

Valente M.S., Menezes P.R., Pastor-Valero M., & Lopes C.S. Depressive symptoms and psychosocial aspects of work in bank employees. *Occupational Medicine (Lond)*, 2016a, vol. 66 (1), pp. 54-61. <https://doi.org/10.1093/occmed/kqv124>.

Valente M.S., Lopes C.S., Pastor-Valero M., & Menezes P.R. Psychosocial Work Conditions and Burnout

Among Brazilian Bank Employees: A Cross-Sectional Study. *The Annals of Occupational Hygiene*, 2016b, vol. 60 (5), pp. 567-580. <https://doi.org/10.1093/annhyg/mew013>.

Walker J.R., & Kjernisted K.D. Fear: The Impact and Treatment of Social Phobia. *Journal of Psychopharmacology*, 2000, vol. 14 (2_suppl1), pp. 13-23. <https://doi.org/10.1177/02698811000142S103>.

Yayan E.H., Arikan D., Saban F., Gürarslan B.N., & ÖzelÖzcan Ö. Examination of the Correlation Between Internet Addiction and Social Phobia in Adolescents. *Western Journal of Nursing Research*, 2017, vol. 39 (9), pp. 1240-1254. <https://doi.org/10.1177/0193945916665820>.

References

Cirin A.M., Matulis S.N., Molchanova M.A. *Social'nyj kontrol' kak klyuchevoj faktor protivodejstviya korruptcii* [Social control as a key factor in countering corruption]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence], 2017, No. 4 (65), pp. 24-42. (In Russ.)

Chernysheva E.V. *Pravosoznanie v determinacii korruptcionnogo povedeniya* [Legal awareness in the determination of corrupt behavior]. *Psihologiya i pravo* [Psychology and law], 2021, vol. 11, No. 2, pp. 120-131. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110209>. (In Russ.)

Egorova M.S., Sitnikova M.A., Parshikova O.V. *Adaptatsiia korotko gooprosnika Temnoi triady* [Adaptation of the Short Dark Triad]. *Psikhologicheskie issledovaniia* [Psychological Studies], 2015, No. 8 (43). <https://doi.org/10.54359/ps.v8i43.1052>. (In Russ.)

Kabanov P.A. *Antikorruptcionnoe informirovanie s ispol'zovaniem oficial'nyh sajtov organov publichnoj vlasti Rossijskoj Federacii v informacionno-telekommunikacionnoj seti Internet: voprosy pravovogo regulirovaniya* [Anti-corruption information using the official websites of public authorities of the Russian Federation in the information and telecommunications network Internet: issues of legal regulation]. *Pravovaya informatika: teoriya i opyt: sb. st.* [Legal Informatics: theory and experience: collection of articles], ed. by Yu.V. Matvienko. Moscow, Nauch. centr prav. inf. pri Min-ve yusticii RF Publ., 2018, pp. 88-101. (In Russ.)

Krylova D.V., Maksimenko A.A. *Ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta v voprosakh vyavleniia i protivodeistviia korruptsii: obzor mezhdunarodnogo opyta* [Using Artificial Intelligence in Corruption Discernment and Counteraction: International Experience Review]. *Gosudarstvennoe upravlenie: elektron. vestnik* [Public Administration: E-Journal], 2021, No. 84, pp. 241-255. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-84-241-255>. (In Russ.)

Krylova D.V., Maksimenko A.A. *Est' li u rossiiskogo-korruptsionerasovest'? Osobennosti priniatiia etich-*

eskikh reshenii rossiiskimi gosudarstvennymi sluzhashchimi [Does a Russian Corrupt Official Have Conscience? Peculiarities of Ethical Decision-Making by Russian Civil Servants]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)], 2022, No. 3, pp. 230-253. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2076>. (In Russ.)

Krylova D.V., Maksimenko A.A. *Rol' iskusstvennogo intellekta v antikorrupsionnom rekrutinge* [The role of artificial intelligence in anticorruption recruiting]. *Nauchnyi rezul'tat. Ser.: Tekhnologiya biznesa i servisa* [Research result. Business and service technologies], 2022b, vol. 8, No. 2, pp. 94-107. <https://doi.org/10.18413/2408-9346-2022-8-2-0-9> (In Russ.)

Maksimenko A.A., Deyneka O.S., Krylova D.V., Dukhanina L.N. *Otnoshenierossiian k korruptsii* [The attitude of Russians towards corruption]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 12: Sotsiologiya* [Vestnik of Saint-Petersburg University. Sociology], 2020, vol. 13, No. 4, pp. 407-428. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.404>. (In Russ.)

Maksimenko A.A., Deyneka O.S., Krylova D.V., Zabelina E.V., Bulgakova E.A. *Eticheskie ustanovki budushchikh predstavitelei gosudarstvennogo upravleniia i biznes-soobshchestva: sravnitel'nyi analiz* [Ethical attitudes of the future Russian officials and businessmen: Comparative analysis]. *Obrazovanie i nauka* [The Education and science journal], 2023, vol. 25, No. 2, pp. 68-97. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-2-68-97>. (In Russ.)

Telegina E.G. *Pravosoznanie i pravovaya kul'tura kak instrument protivodejstviya korruptcii* [Legal awareness and legal culture as a tool for combating corruption]. *Juvenis scientia*, 2017, No. 6, pp. 38-41. (In Russ.)

Zajcev A.V. *Publichnaya sfera kak pole dialoga gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva* [Public sphere as a field of dialogue between the state and civil society]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 2013, No. 1, pp. 203-206. (In Russ.)

Alden L.E., & Taylor C.T. Interpersonal processes in social phobia. *Clinical Psychology Review*, 2004, vol. 24, pp. 857-882. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2004.07.006>

Batterham P.J., Mackinnon A.J., & Christensen H. Community-Based Validation of the Social Phobia Screener (SOPHS). *Assessment*, 2017, vol. 24 (7), pp. 958-969. <https://doi.org/10.1177/1073191116636448>

Barrick M.R., Parks L., & Mount M.K. Self-monitoring as a moderator of the relationships between personality traits and performance. *Personnel Psychology*, 2005, vol. 58 (3), pp. 745-767. <https://doi.org/10.1111/j.1744-6570.2005.00716.x>

Bienvenu O.J., Hettema J.M., Neale M.C., Prescott C.A., & Kendler K.S. Low extraversion and high

neuroticism as indices of genetic and environmental risk for social phobia, agoraphobia, and animal phobia. *American Journal of Psychiatry*, 2007, vol. 164 (11), pp. 1714-1721. <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.2007.06101667>.

Bonde J.P. Psychosocial factors at work and risk of depression: a systematic review of the epidemiological evidence. *Occupational and Environmental Medicine*, 2008, vol. 65 (7), pp. 438-450. <https://doi.org/10.1136/oem.2007.038430>.

Davis J.A., & Smith T.W. General social surveys, 1972-1991: Cumulative codebook. Cambridge, National Opinion Research Center Publ., 1991.

de Jonge J., Bosma H., Peter R., & Siegrist J. Job strain, effort-reward imbalance and employee well-being: a large-scale cross-sectional study. *Social Science and Medicine*, 2000, vol. 50 (9), pp. 1317-1327. [https://doi.org/10.1016/s0277-9536\(99\)00388-3](https://doi.org/10.1016/s0277-9536(99)00388-3).

Fuller B., & Marler L.E. Change driven by nature: a meta-analytic review of the proactive personality literature. *Journal of Vocational Behavior*, 2009, vol. 75, pp. 329-345. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2009.05.008>

Ghani N.M., Yunus N.S., & Bahry N.S. Leader's Personality Traits and Employees Job Performance in Public Sector, Putrajaya. *Procedia. Economics and finance*, 2016, vol. 37, pp. 46-51. [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(16\)30091-0](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(16)30091-0)

Gridwichai P., Kulwanich A., Pirokam B., & Kwanmuangvanich B. Role of Personality Traits on Employees Job Performance in Pharmaceutical Industry in Thailand. *Systematic reviews in Pharmacy*, 2020, 11 (3), pp. 185-194. <https://doi.org/10.5530/srp.2020.3.21>

Jones D.N., & Paulhus D.L. The role of impulsivity in the Dark Triad of personality. *Personality and Individual Differences*, 2011, vol. 51 (5), pp. 679-682. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2011.04.011>

Jung M., Choi M., & Lee T-R. Determinants of Public Phobia About Infectious Diseases in South Korea: Effect of Health Communication and Gender Difference. *Asia Pacific Journal of Public Health*, 2015, vol. 27 (2), pp. 833-843. <https://doi.org/10.1177/1010539513475653>

Hidayat A. Work Engagement: Main Factors and Supporting Factors (Study at PT. ACS Surabaya). *Enrichment: Journal of Management*, 2022, vol. 12 (2), pp. 1299-1308. <https://doi.org/10.35335/enrichment.v12i2.377>

Hoffman Y.S.G., Grossman E.S., Bergman Y.S., & Bodner E. The link between social anxiety and intimate loneliness is stronger for older adults than for younger adults. *Aging Mental Health*, 2021, vol. 25, pp. 1246-1253. <https://doi.org/10.1080/13607863.2020.1774741>

Kotov R., Gamez W., Schmidt F., & Watson D. Linking "big" personality traits to anxiety, depressive, and substance use disorders: A meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 2010, vol. 136, pp. 768-821. <https://doi.org/10.1037/a0020327>

- Li S., Triandis H.C., & Yu Y.* Cultural orientation and corruption. *Ethics and Behavior*, 2006, vol. 16 (3), pp. 199-215. https://doi.org/10.1207/s15327019eb1603_2
- Niedhammer I., Goldberg M., Leclerc A., Bugel I., & David S.* Psychosocial factors at work and subsequent depressive symptoms in the gazel cohort. *Scandinavian Journal of Work, Environment and Health*, 1998, vol. 24, pp. 197-205. <https://doi.org/10.5271/sjweh.299>
- Niedhammer I., Lesuffleur T., Coutrot T., & Chastang J.F.* Contribution of working conditions to occupational inequalities in depressive symptoms: results from the national French SUMER survey. *International Archives Occupation and Environmental Health*, 2016, vol. 89 (6), pp. 1025-1037. <https://doi.org/10.1007/s00420-016-1142-6>.
- Paulus D.J., Vanwoerden S., Norton P.J., & Sharp C.* From neuroticism to anxiety: Examining unique contributions of three transdiagnostic vulnerability factors. *Personality and Individual Differences*, 2016, vol. 94, pp. 38-43. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.01.012>
- Piccirillo M.L., Dryman M.T., & Heimberg R.G.* Safety behaviors in adults with social anxiety: review and future directions. *Behavior Therapy*, 2016, vol. 47, pp. 675-687. <https://doi.org/10.1016/j.beth.2015.11.005>
- Rohana N.S., & Abdullah C.Z.* Leadership Competencies and Organizational Performance: Review and Proposed Framework. *The International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*, 2017, vol. 7, pp. 824-831. <https://doi.org/10.6007/IJARBS/v7-i8/3297>
- Ruiz-García A., & Valero-Aguayo L.* Progressive Multimedia Exposure for Specific Phobias: A Clinical Case of Claustrophobia and Acrophobia. *Clinical Case Studies*, 2021, vol. 20 (5), pp. 402-416. <https://doi.org/10.1177/15346501211007208>
- Schmidt D.W., & Ryan K.* A meta-analytic review of attitudinal and dispositional predictors of organizational citizenship behavior. *Personnel psychology*, 1993, vol. 48 (4), pp. 775-802.
- Seibert S.E., Kraimer M.L., & Crant J.M.* (2001). What do proactive people do? A longitudinal model linking proactive personality and career success. *Personnel Psychology*, 54, pp. 845-874. <https://doi.org/10.1111/j.1744-6570.2001.tb00234.x>.
- Sidanius J., & Pratto F.* Social dominance: An intergroup theory of social hierarchy and oppression. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1999.
- Shukla S., Aggarwal P., Adhikari B., & Singh V.* Relationship between Employee Engagement and Big Five Personality Factors. *International Journal of Indian Management & Strategy*, 2014, vol. 19 (3), pp. 26-34. <https://doi.org/10.5958/0973-9343.2014.01233.2>
- Stansfeld S.A., Blackmore E.R., Zagorski B.M., Munce S., Stewart D.E., & Weller I.* Work Characteristics and Social Phobia in a Nationally Representative Employed Sample. *The Canadian Journal of Psychiatry*, 2008, vol. 53 (6), pp. 371-376. <https://doi.org/10.1177/070674370805300606>
- Strachey J.* Freud's views on phobias. Appendix to *Freud's Obsessions and phobias*, 1962.
- Szabó Z.P., Kun Á., Balogh B.E., Simon E., & Csike T.* Dark and strong?! The associations between dark personality traits, mental toughness and resilience in Hungarian student, employee, leader, and military samples. *Personality and Individual Differences*, 2022, vol. 186 (part B), article 111339. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.111339>
- Theorell T., Hammarström A., Aronsson G., Träskman Bendz L., Grape T., Hogstedt C., Marteinsdottir I., Skoog I., & Hall C.* A systematic review including meta-analysis of work environment and depressive symptoms. *BMC Public Health*, 2015, vol. 1 (15), pp. 738. <https://doi.org/10.1186/s12889-015-1954-4>.
- Valente M.S., Menezes P.R., Pastor-Valero M., & Lopes C.S.* Depressive symptoms and psychosocial aspects of work in bank employees. *Occupational Medicine (Lond)*, 2016a, vol. 66 (1), pp. 54-61. <https://doi.org/10.1093/occmed/kqv124>.
- Valente M.S., Lopes C.S., Pastor-Valero M., & Menezes P.R.* Psychosocial Work Conditions and Burnout Among Brazilian Bank Employees: A Cross-Sectional Study. *The Annals of Occupational Hygiene*, 2016b, vol. 60 (5), pp. 567-580. <https://doi.org/10.1093/annhyg/mew013>
- Walker J.R., & Kjernisted K.D.* Fear: The Impact and Treatment of Social Phobia. *Journal of Psychopharmacology*, 2000, vol. 14 (2_suppl1), pp. 13-23. <https://doi.org/10.1177/02698811000142S103>
- Yayan E.H., Arikan D., Saban F., Gürarlan B.N., & ÖzelÖzcan Ö.* Examination of the Correlation Between Internet Addiction and Social Phobia in Adolescents. *Western Journal of Nursing Research*, 2017, vol. 39 (9), pp. 1240-1254. <https://doi.org/10.1177/0193945916665820>

Статья поступила в редакцию 12.09.2023; одобрена после рецензирования 26.09.2023; принята к публикации 01.10.2023.

The article was submitted 12.09.2023; approved after reviewing 26.09.2023; accepted for publication 01.10.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3 С. 267–272. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 3, pp. 267–272. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.1.4. Уголовно-правовые науки

УДК 343.3

EDN AZJDAO

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-267-272>

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕНАВИСТЬ» В ЦИФРОВОМ ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА И В СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ахунзянова Фарида Тагировна, кандидат культурологии, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, farida.ahunzyano@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4610-5241>

Зайцев Александр Владимирович, доктор политических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, aleksandr-kostroma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4977-8828>

Аннотация. Целью данной публикации является системный анализ политико-правовой категории «политическая ненависть» в сфере цифрового публичного пространства, а также в правоприменительной и судебно-следственной практике современной России. Основными общенаучными методами, используемыми для достижения поставленной цели, стал системный, нормативный и сравнительный методы исследования, элементы логического анализа, кроме того, такие частные эмпирические методы, как дискурсивный анализ, контент-анализ и мониторинг цифрового дискурса власти и общества. Актуальность рассматриваемой проблематики заключается в том, что в условиях проведения СВО на Украине в судебно-следственной практике резко возросло количество уголовных дел, квалифицируемых по мотивам «политической ненависти». В то же время в существующих правовых актах и в научной литературе по политико-юридической проблематике практически полностью отсутствует развернутый категориальный анализ концепта «политической ненависти», ее особенностей и содержания. Авторы данной статьи попытались ликвидировать эту объективно возникшую лауну, выработав на основе теоретического анализа и изучения правоприменительной практики свое собственное видение складывающейся ситуации и толкование политико-правовой категории «политической ненависти».

Ключевые слова: цифровой публичный дискурс, политическая ненависть, право, судебно-следственная практика, власть, общество.

Благодарности. Публикация подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FZEW-2023-007).

Для цитирования: Ахунзянова Ф. Т., Зайцев А. В. Политико-правовая категория «политическая ненависть» в цифровом публичном дискурсе власти и общества и в судебно-следственной практике современной России // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 267–272. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-267-272>

Research Article

POLITICAL AND LEGAL CATEGORY “POLITICAL HATRED” IN THE DIGITAL PUBLIC DISCOURSE OF GOVERNMENT AND SOCIETY AND IN THE JUDICIAL AND INVESTIGATIVE PRACTICE OF MODERN RUSSIA

Farida T. Akhunzyanova, Candidate of Cultural Studies, Kostroma State University, Kostroma, Russia, farida.ahunzyano@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4610-5241>

Alexander V. Zaytsev, Doctor of Political Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, aleksandr-kostroma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4977-8828>

Abstract. The purpose of this publication is a systematic analysis of the political and legal category “political hatred” in the sphere of civil public space, as well as in the law enforcement and judicial investigative practice of modern Russia. The main general scientific methods that are used to achieve this goal are systemic, normative and comparative research methods, elements of logical analysis, as well as such private empirical methods as discourse analysis, content analysis and monitoring of digital discourse of government and society. Topicality of the issue under consideration lies in the fact that in the context of the conduct of the Ukraine conflict, the number of criminal cases classified on the grounds of “political hatred” has sharply increased in judicial investigative practice. At the same time, in existing legal acts and in the scientific literature on political and legal issues, a detailed categorical analysis of the concept of “political hatred”, its features and content is almost

completely absent. The authors of this article tried to eliminate this objectively arising gap by developing, on the basis of theoretical analysis and study of law enforcement practice, their own vision of the emerging situation and interpretation of the political and legal category of “political hatred”.

Keywords: digital public discourse, political hatred, law, judicial and investigative practice, power, society.

Acknowledgments. The publication was prepared with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project № FZEW-2023-007).

For citation: Akhunzyanova F.T., Zaitsev A.V. Political and legal category “political hatred” in the digital public discourse of government and society and in the judicial and investigative practice of modern Russia. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 3, pp. 267–272. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-267-272>

В условиях все большего и большего роста масштабов цифровых коммуникаций власти и общества возникает целый ряд правовых проблем, связанных со свободой информации и слова. С одной стороны, государство и гражданские институты имеют возможность реализовать полные права и свободы в информационной среде. Данное обстоятельство, как это акцентируется в докладе Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека за 2022 год, должно находиться в центре внимания государства, которое обязано обеспечивать для всего общества в целом и отдельных граждан информационную безопасность в современной цифровой среде¹.

С другой стороны, все субъекты цифрового публичного дискурса обязаны соблюдать общепринятые принципы морали, регулирования и правопорядка. Сегодня население активно взаимодействует с властью через социальные сети, мессенджеры, форумы и видеохостинги. На этих платформах они высказывают свое мнение, задают вопросы, на которые должностные лица обязаны ответить соответствующим образом. Такая тенденция максимально приближает власть и общество к честному диалогу. Однако на практике под влиянием глобальных политических катаклизмов в интернет-пространстве разрастается такое явление, как негативная гражданская активность, наполненная конфликтно-протестным потенциалом, – так называемая политическая ненависть и вражда. Авторы считают, что причиной тому является погружение граждан в цифровую реальность, все более усиливающееся по мере развития интернет-пространства. При всех достоинствах виртуального мира интернет-пространство, тем не менее, способствует распространению политической ненависти и обостряет проблему с помощью новых инструментов и платформ, способных использовать язык ненависти для стратегической коммуникации и информационного воздействия. Эту мысль подтверждают отчеты МВД РФ.

Так, согласно отчету за 2022 г., среди зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, наблюдается устойчивый рост преступлений экстремистской направленности. Только по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ (публичные призывы к осуществ-

лению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма), было возбуждено 490 уголовных дел, по сравнению с 2021 г. их количество выросло на 55,6 %. 493 уголовных дела были возбуждены по ст. 280 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности), их количество по сравнению с 2021 г. увеличилось на 8,4 %².

Категория политической ненависти и вражды относительно давно находится в поле зрения исследователей. В отечественной юриспруденции, пожалуй, одним из первых к ней обратился П.А. Кабанов, известный ученый-правовед, глубоко погруженный в проблематику политической преступности во всем многообразии ее проявления. В своих многочисленных работах этот известный ученый отталкивается от понятия «мотив политической ненависти и вражды» и подробно анализирует его содержание, выделяя в нем такие структурные составляющие, как цели, потребности и интересы лица, совершающего экстремистское деяние. Актуальность своих разработок этот исследователь обосновывал тем, что «в действующем российском уголовном законодательстве не указано, что же следует понимать под политической ненавистью или враждой как мотивом совершения преступления» [Кабанов: 3].

К данной позиции присоединяется и другой правовед – М.П. Ситникова. Она констатирует, что «понятие “политической ненависти и (или) вражды” в юридической науке в достаточной степени также не разработано» [Ситникова: 138]. «Политическую ненависть» она рассматривает как мотивацию для совершения преступлений против лиц, которые исповедуют иные политические взгляды с целью борьбы за власть, а понятие «политическая вражда» трактуется ей как фактическое совершение таких преступлений.

Вслед за П.А. Кабановым и М.П. Ситниковой исследователь Е.А. Таюрская также делает неутешительный вывод о недостаточной разработанности рассматриваемой нами категории «политической ненависти». По ее словам, российские законодатели так и не определили то, что конкретно следует понимать под этим мотивом. Используя методы логического анализа и аналогий, Е.А. Таюрская рассматривает категорию «политической ненависти» и «полити-

ческой вражды» как синонимы и интерпретирует их как «негативное отношение виновного к лицам, участвующим в процессе организации и осуществления власти в государстве, регионе или муниципальном образовании» [Таюрская: 23–24]. На взгляд авторов настоящей статьи, подобный подход неоправданно расширяет политико-правовой концепт «политической ненависти», под действие которого в таком случае формально можно подвести практически любого критика действующей власти.

Другой крайностью фокуса исследований представляются работы, в которых авторы утверждают избыточность и бессмысленность мотива политической ненависти. К примеру, исследователь С.В. Соловьева указывает, что наличие категории «политическая ненависть» пока что в правоприменительной практике «порождает больше вопросов от его толкования до применения, чем его практическую реализацию» [Соловьева: 3]. С ее точки зрения, признаки, определяющие этот мотив, лишены логического смысла, следовательно, он вообще должен быть исключен из правовой нормы.

Отметим, что на протяжении последнего десятилетия исследование категории «политическая ненависть» приобрело междисциплинарный характер, данным вопросом занимаются как правоведы (У.Н. Ахмедов, О.В. Ермакова, О.А. Семухин, В.И. Андреев, Е.В. Дятлова, О.А. Морозова, Д.Ю. Краев, Н.Э. Рустамов, Д.И. Володенков и др.); так и лингвисты (А.Б. Алексеев, Н.В. Жадунова, Е.А. Коваль, В.А. Пронькина и др.); политологи (А.Б. Алексеев, Ю.Ю. Колотаев). Ряд российских исследователей (Д. Баева, Я.Ю. Хлопотунов, Л.А. Семенова, Н.Ю. Шугаева, М.В. Радыгина, С.А. Погодаев и др.) сконцентрировали свое внимание на изучении политической ненависти в зарубежных странах. Однако общей тенденцией в трудах перечисленных исследователей является то, что мотив политической ненависти по-прежнему растворяется среди мотивов идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды либо сводится к толкованию экстремистского или идеологического свойства.

Несмотря на разночтения и отсутствие общего понимания в научном поле, категория «политическая ненависть» прочно закрепилась в современном российском правовом дискурсе. В большой степени тому способствовало принятие и введение в действие закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму». Мотивы политической ненависти или вражды считаются квалифицирующими признаками в одиннадцати составах преступлений, предусмотренных особенной частью УК РФ.

Однако в уголовной практике, как показал анализ судебных решений за последнее десятилетие, категория «политическая ненависть или вражда» как квалифицирующий признак встречается в ограниченном количестве преступлений.

Так, например, не удалось обнаружить данный мотив в приговорах, вынесенных по уголовным делам, предусмотренным п. «е» ч. 2, а также ч. 3–4 ст. 111 УК РФ («Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»), п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ («Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью»), п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ («Умышленное причинение легкого вреда здоровью»), ст. 116 УК РФ («Похищение»), п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ («Истязание»), ч. 2 ст. 119 УК РФ («Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью»), ч. 4 ст. 150 УК РФ («Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления»).

В приговорах, вынесенных по уголовным делам, предусмотренным п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ («Убийство»), до 2022 года судебные прецеденты, связанные с мотивом политической ненависти и вражды, также не встречаются, в то время как примеров преступлений, связанных с идеологической, расовой, национальной или религиозной ненавистью более чем достаточно.

Можно выделить немногочисленную группу судебных решений, вынесенных по делам, предусмотренным п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ («Хулиганство») и ч. 2 ст. 214 УК РФ («Вандализм»), где используется мотив политической ненависти и вражды.

Например, 2 декабря 2014 года приговором Судакского городского суда (Крым) был осужден <имя изъято> по ч. 2 ст. 116 и п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ при следующих обстоятельствах: «26.09.2014 г. <имя изъято>, находясь в состоянии алкогольного опьянения, в общественном месте, в кафе, используя незначительный повод, из хулиганских побуждений, умышленно нарушая общепризнанные нормы и правила поведения <...> стал высказывать в адрес посетителя нецензурную брань по мотивам политической ненависти и угрозы причинения физических увечий. Данными хулиганскими действиями <имя изъято> грубо нарушил общественный порядок, выразившийся в нарушении покоя граждан и срыве работы кафе. Действия К. Д. Н. были квалифицированы по п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ – как хулиганство, то есть грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное по мотивам политической вражды»³.

6 октября 2018 г. Дмитрий Цибуковский и Анастасия Сафонова, действуя совместно с иными лицами, с целью выражения протеста против проводимых в государстве реформ, в том числе пенсионной реформы, нанесли с помощью трафарета на шесть зданий рисунки и надпись: «Наша бедность – их при-

быль. Пенсионная реформа». Спустя пару лет супругам были предъявлены официальные обвинения, в том числе по ч. 2 ст. 214 УК РФ, т. е. в вандализме, совершенном группой лиц по мотивам политической ненависти и вражды.

В современной правовой практике, кроме перечисленных выше составов, начиная с 2003 года и согласно п. 2 примечания к ст. 282 УК РФ, мотив политической ненависти или вражды стал одним из основных признаков деяний экстремистской направленности, что прослеживается в первую очередь в применении статей 205, 207, 280, 282 УК РФ (публичные призывы, распространение недостоверных сведений о деятельности российских Вооруженных сил, дискредитация деятельности российской армии, создание экстремистских или террористических сообществ и продолжение деятельности организаций, которые были запрещены как экстремистские или террористические). Кроме того, в редакции от 2007 года в УК РФ мотивы политической ненависти или вражды были закреплены в п. «е» ч. 1 ст. 63 Общей части УК РФ как отягчающее наказание обстоятельство. По мнению законодателей, совершение преступления по названным мотивам предполагает стремление виновного путем преступного деяния показать свою ненависть, неприязнь к определенным политическим установкам, выразить негативное отношение к социальной группе людей, объединенных по признаку политических позиций и интересов, а также к их отдельным представителям.

Данные обстоятельства привели к тому, что количество экстремистских правонарушений, где квалифицирующим либо отягчающим признаком был бы мотив политической ненависти, стремительно возросло, что стало особенно заметным в период 2022–2023 гг. Обзоры отчетов МВД и судебных практик за это время показывают, что только в уголовной практике, по состоянию на декабрь 2022 г., правоохранительные органы Российской Федерации в целом по стране зарегистрировали 1 566 преступлений экстремистской направленности, что на 48,2 % больше по сравнению с 2021 г.⁴ Если остановиться на региональном аспекте, то количество зарегистрированных только в Костромской области правонарушений экстремистского характера увеличилось на 66,7 %, в общем рейтинге по данному показателю регион занял 69-е место, в то время как, например, в 2019 г. был на 53-м⁵.

По мнению авторов статьи, на активизацию мотива политической ненависти и вражды в публичном цифровом дискурсе прямое влияние оказало проведение Вооруженными силами РФ специальной военной операции на Украине.

Данное событие было весьма неоднозначно воспринято в российском обществе, большинство мнений

свелось к двум политически амбивалентным позициям: «за» и «против». Отрицательные реакции, репрезентируя единое представление об СВО как о преступлении, зле, неоправданной агрессии правительства РФ, а об Украине – как о ни в чем не повинной жертве этой агрессии, до сих пор представляют собой множество коммуникативных проявлений от вербализованных выплесков авторских эмоций до манипулятивных стратегий. Правовая квалификация подобных деяний, не просто идущих в разрез с пророссийской правительственной позицией по вопросу СВО, но остро конфликтующих с ней и активно влияющих на публичный дискурс власти и общества, общественные настроения, нуждалась в новых нормах.

Российское законодательство было вынуждено реагировать на поступивший вызов, в связи с чем 4 марта 2022 года был принят Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», на основании которого устанавливалась административная и уголовная ответственность за публичные действия, целью которых является дискредитация Вооруженных сил РФ (ст. 20.3.3 КоАП РФ, ст. 280.3 УК РФ). Другой новеллой стала ст. 207.3 УК РФ, которая установила ответственность за «публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооруженных сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности». Принятые правовые новеллы расширили возможности правоохранителей по использованию мотива политической ненависти или вражды, что ярко прослеживается в судебной практике за последние два года.

Так, в апреле 2022 г. было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 207.3 УК РФ в отношении московского депутата А. Горинова. Из судебного решения следовало, что обвиняемые, «...руководствуясь мотивом политической ненависти, имея пренебрежительное, недружелюбное, враждебно-агрессивное отношение к действующим органам исполнительной и законодательной власти Российской Федерации, достоверно зная, что совершение таких действий вызовет широкий общественный резонанс, приняли решение и вступили между собой в предварительный преступный сговор, направленный на публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, после чего распределили между собой преступные роли и разработали общий план совершения преступления».

В сентябре 2023 г. Верховный суд ДНР вынес приговор в виде 26 лет заключения в колонии строго режима А. Слободянюку, участнику запрещенного националистического полка «Азов», за убийство мирных жителей г. Мариуполя. Ему инкриминировались пункты «а», «ж», «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ – убийство двух лиц организованной группой по мотивам политической и идеологической ненависти. По мнению суда, действия Слободянюка были мотивированы тем, что мужчина и женщина занимали пророссийскую позицию.

В Костроме 22 июня 2023 г. Свердловский районный суд вынес заочное решение о пяти годах колонии общего режима для А. Зыкова, бывшего координатора местного штаба Навального. В его публикациях, размещенных в социальной сети «ВКонтакте», темой которых были вооруженные действия на Украине, в том числе события в Буче и Сумах, суд также усмотрел наличие мотива политической ненависти и квалифицировал действия Зыкова по п. «д» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ.

7 августа 2023 г. Басманный районный суд Москвы вынес заочный приговор писателю Д. Глуховскому, проживающему за границей. Судебным решением ему вменялись действия, квалифицируемые по п. «в» и п. «д» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ. По версии следствия, с которой согласился суд, Глуховский размещал у себя в соцсетях видео и текст с информацией о том, что Вооруженные силы России совершают умышленные обстрелы и бомбардировки жилых домов, школ и больниц, массовые убийства мирных жителей и изнасилования несовершеннолетних украинских школьниц, монтируя видеозаписи с искусственно созданными доказательствами обвинения.

В конце августа 2023 г. в крымском Бахчисарае был арестован Александр Тюренко, который, находясь в состоянии алкогольного опьянения, помочился на монумент с символами Z и V, причем снял свои действия на камеру и разместил запись в интернете. Тюренко обвинили в вандализме по мотиву политической ненависти: следствие посчитало, что он совершил этот поступок на почве социальной вражды к военнослужащим, участвующим в проведении специальной военной операции на территории Украины.

Из приведенных примеров следует, что под мотивом политической ненависти и вражды правоохранителями, как правило, понимается враждебно-агрессивное отношение к действующим органам исполнительной и законодательной власти Российской Федерации и их отдельным представителям, а также проводимой ими внешней и внутренней политике. Представляется, что отягчающим обстоятельством такое отношение становится, когда приобретает широкий общественный резонанс, т. е. становится способным формировать общественные настроения.

Мотивация деяний, определенных данным мотивом, может быть выражена, например, в форме пропаганды исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, национальной, религиозной или языковой принадлежности, показе ограниченности социальной группы либо конкретного человека и т. п.

Безусловно, складывающаяся на данный момент правовая ситуация с использованием мотива политической ненависти позволяет государственной власти ограждать российских военнослужащих от необоснованных обвинений в их адрес по поводу нарушения законов и правил ведения войны, недобросовестной информации, откровенной лжи и клеветы, поддерживать уверенность у подавляющей части российского общества в том, что российская армия, в отличие от противника, не совершает преступлений в отношении мирного гражданского населения. Это обстоятельство усиливает атмосферу согласия среди тех или иных слоев российского общества, помогая военнослужащим добросовестно и планомерно выполнять поставленные перед ними задачи.

Однако мониторинг исследовательского поля показал, что до сих пор категория «политическая ненависть» окончательно не выяснена как в юридическом, так и в научно-понятийном аспекте, а также в контексте специальной военной операции на Украине, несмотря на то, что, как полагают соавторы данной публикации, этот конфликт максимально активизировал политическую мотивацию значительной части криминогенных действий в цифровой публичной сфере интернет-коммуникаций. Расплывчатость и нечеткость юридических формулировок, отсутствие четкого и ясного определения категории «политической ненависти», разъяснений и комментариев к ней со стороны Верховного суда РФ, известных юристов и ученых-правоведов создает правовой вакуум и порождает неразбериху в судебной-следственной и правоприменительной практике, что более чем убедительно свидетельствуют о необходимости продолжения начатых нами научных изысканий.

На взгляд авторов данной статьи, политическая ненависть в самом широком (а не только в политико-правовом) смысле представляет собой дискурсивный процесс целенаправленного формирования негативного отношения к той или иной социальной группе (к примеру, к военнослужащим российской армии) или к отдельному ее представителю. Достигается такой результат путем систематического распространения в публичной сфере недостоверной негативной информации, слухов, сплетен, односторонних и предвзятых оценочных суждений, не соответствующих фактическому положению дел, в результате чего происходит формирование стойких общественно-политических предубеждений, клише и штампов, отрица-

тельно влияющих на политический имидж и деловую репутацию объектов ненависти. Последствия такого возбуждения ненависти и вражды крайне серьезны и опасны: постепенно нагнетается и все более и более нарастает дискриминация жертв такого публичного дискурса. Унижение чувства их собственного достоинства становится нормой, в повседневный обиход входят систематическое суждение в общественном мнении, преследование, травля, неприкрытое психическое или даже, в ряде случаев, грубое физическое насилие. Все это ведет к нарушению фундаментальных конституционных и гражданских прав и личного достоинства этих граждан.

Авторы статьи считают, что политическая ненависть и вражда порождают враждебную психологическую атмосферу, способствующую экстремистской активности и другим социальным отклонениям. В связи с этим очевидно, что государство и общество нуждаются в новых подходах к противодействию политической ненависти и вражде. Крайне важно всемерно противодействовать возбуждению политической ненависти и вражды во всех ее проявлениях и, прежде всего, в сфере публичного цифрового дискурса в социальных сетях и на других виртуальных платформах инклюзивного онлайн-диалога, начиная с ужесточения ответственности модераторов (предупреждения об ответственности за нарушения в общении, ограничение возможности создавать или присоединяться к группам, исключение участников из групп, ограничение доступа к контенту, обнаружение информации о таких пользователях и их публичное осуждение) и заканчивая принятием юридических мер ответственности.

При этом нормы права и санкции ответственности за их нарушение не должны использоваться для преследования политической оппозиции, борьбы с оппонентами и инакомыслящими, которые, хотя и критикуют те или иные общественно-политические реалии, высказывают свое несогласие с ними, но не являются носителями политической ненависти в ее прямом, а не каком-то ином проявлении в публичном массмедийном цифровом дискурсе власти и общества.

Примечания

¹ Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве: Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Москва, 2021. URL: <chrome-extension://mhjfbmdgcfjbbpaeojofohoefgiiehjai/index.html> (дата обращения: 10.09.2023)

² Состояние преступности в России за январь – декабрь 2022 года // Отчет МВД России от 20.01.2023. URL: <chrome-extension://mhjfbmdgcfjbbpaeojofohoefgiiehjai/index.html> (дата обращения: 10.09.2023)

³ Здесь и далее материалы из открытых интернет-источников.

⁴ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2022 года // Отчет МВД России от 20.01.2023. URL: <chrome-extension://mhjfbmdgcfjbbpaeojofohoefgiiehjai/index.html> (дата обращения: 10.09.2023)

⁵ Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения: 10.09.2023)

Список литературы

Кабанов П.А. Политическая ненависть или вражда как мотив преступления // Российская юстиция. 2008. № 3. С. 43–44.

Ситникова М.П. Экстремистские мотивы: проблемные аспекты содержания понятия // Право и государство: теория и практика. 2019. № 10 (178). С. 137–140.

Соловьева С.В. Преступления, совершаемые по мотивам ненависти или вражды: вопросы квалификации, пенализации и назначения наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. 28 с.

Тайурская Е.А. Политическая, идеологическая, национальная, расовая, религиозная ненависть или вражда как мотивы совершения преступления // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2009. № 3 (50). С. 21–25.

References

Kabanov P.A. *Politicheskaja nenavist' ili vrazhda kak motiv prestuplenija* [Political hatred or enmity as a motive for a crime]. *Rossijskaja justicija* [Russian justice], 2008, No. 3, pp. 43–44. (In Russ.)

Sitnikova M.P. *Jekstremistskie motivy: problemnye aspekty sodержaniya ponjatija* [Extremist motives: problematic aspects of the content of the concept]. *Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika* [Law and state: theory and practice], 2019, No. 10 (178), pp. 137–140. (In Russ.)

Solovyova S.V. *Prestuplenija, sovershaemye po motivam nenavisti ili vrazhdy: voprosy kvalifikacii, penalizacii i naznachenija nakazaniya: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Crimes committed based on hatred or enmity: issues of qualification, penalization and sentencing: PhD thesis]. Krasnodar, 2014, 28 p. (In Russ.)

Tayurskaya E.A. *Politicheskaja, ideologicheskaja, nacional'naja, rasovaja, religioznaja nenavist' ili vrazhda kak motivy sovershenija prestuplenija* [Political, ideological, national, racial, religious hatred or enmity as motives for committing a crime]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2009, vol. 3 (50), pp. 21–25. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.07.2023; одобрена после рецензирования 18.09.2023; принята к публикации 19.09.2023.

The article was submitted 18.07.2023; approved after reviewing 18.09.2023; accepted for publication 19.09.2023.

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ САМОЗАЩИТЫ РАБОТНИКАМИ ТРУДОВЫХ ПРАВ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Шишулина Татьяна Петровна, кандидат юридических наук, Российский государственный профессионально-педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия, zvezdochka.76@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9977-496X>

Аннотация. Статья выполнена на основе анализа правоприменительной практики, касающейся правового механизма самозащиты работниками трудовых прав. Обеспечение соблюдения гарантированных Конституцией¹ прав и свобод человека и гражданина определяет значимость реализации самостоятельных действий каждого по защите своих прав и интересов любыми установленными законом способами, в том числе в сфере трудовых отношений. Между тем действующий правовой механизм осуществления самозащиты трудовых прав работников, устанавливаемый положениями Трудового кодекса Российской Федерации² (далее – ТК РФ), в настоящее время характеризуется недостаточной разработанностью и противоречивостью, создающими существенные затруднения в сфере его правового регулирования. Объект исследования составили трудовые отношения в целом, а также правоотношения, возникающие между субъектами трудового права по поводу защиты трудовых прав работников. Предмет исследования включает теоретические и практические основы самозащиты трудовых прав работников. Целью выступает анализ самозащиты трудовых прав работников, а также выявление проблемных аспектов практического применения данного способа (на основе анализа правоприменительной практики). Методологическая основа исследования представлена общенаучными (конкретно-историческими, формально-логическими, структурно-системными) и частно-научными методами исследования (сравнительно-правовым, методом нормативно-правового анализа и т. д.). Практическая значимость исследования определяется актуальностью разработанных предложений по совершенствованию мер самозащиты трудовых прав работников.

Ключевые слова: трудовое законодательство, работодатель, работник, основания защиты трудовых прав, самозащита трудовых прав.

Для цитирования: Шишулина Т.П. Правовой механизм самозащиты работниками трудовых прав: проблемы правоприменения // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 273–280. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-273-280>

Research Article

LEGAL MECHANISM FOR SELF-PROTECTION OF LABOR RIGHTS: PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT

Tatyana P. Shishulina, PhD in Law, Russian State Vocational Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia, zvezdochka.76@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9977-496X>

Abstract. The article is based on the analysis of law enforcement practice concerning the legal mechanism of self-defense of labor rights by employees. Ensuring observance of the rights and freedoms of man and citizen guaranteed by the Constitution determines the importance of the implementation of independent actions of everyone to protect their rights and interests by any means established by law, including in the field of labor relations. Meanwhile, the current legal mechanism for the implementation of self-defense of labor rights of workers, established by the provisions of the Labor Code of the Russian Federation, is currently characterized by insufficient development and inconsistency, creating significant difficulties in the field of its legal regulation. The object of the study was labor relations in general, as well as legal relations arising between the subjects of labor law regarding the protection of the labor rights of workers. The subject of the study includes the theoretical and practical foundations of various ways to protect the labor rights of workers. The goal is to analyze the methods of self-defense of labor rights of workers, as well as to identify problematic aspects of their practical application (based on an analysis of law enforcement practice). The methodological basis of the research is represented by general scientific (concrete historical, formal logical, structural and systemic) and private scientific methods of research (comparative legal, the method of legal analysis, etc.). The practical significance of the study is determined by

the relevance of the developed proposals for improving the norms of general and special disciplinary responsibility, ensuring the effectiveness of their application.

Keywords: labor legislation, employer, employee, grounds for the protection of labor rights, self-defense of labor rights.

For citation: Shishulina T.P. Legal mechanism for self-protection of labor rights: problems of law enforcement. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 3, pp. 273–280 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-273-280>

Введение. Самозащита как способ отстаивания своих нарушенных прав и законных интересов получила законодательное закрепление, и это способствовало расширению способов защиты трудовых прав работников. Между тем созданный на сегодняшний день правовой механизм самозащиты трудовых прав работников является достаточно спорным, что подтверждается наличием противоречивых примеров правоприменительной практики. Ключевой причиной, приводящей на практике к возникновению существенных проблем, является несовершенство трудового законодательства, делающее рассматриваемый способ защиты трудовых прав менее эффективным.

В числе основных несовершенств трудового законодательства прежде всего необходимо выделить отсутствие в его положениях четкого определения соотношения понятия, форм и способов осуществления самозащиты. Это затрудняет механизм его реализации и процесс правового регулирования. В свою очередь указанное несовершенство порождает распространение на практике исключительно случаев осуществления работниками самозащиты своих трудовых прав с обращением в судебные органы по спорам о признании незаконным приказа об увольнении или применении мер дисциплинарного взыскания как последствия оценки работодателем отказа от выполнения работы как дисциплинарного проступка.

Реализация правового механизма самозащиты трудовых прав. Особую категорию гражданских дел составляют споры о незаконном переводе работника на другую работу, отказ от которого, как правило, влечет применение к такому работнику мер дисциплинарной ответственности либо расторжение трудового договора по инициативе работодателя. Причиной этого является неоднозначная трактовка работодателями перевода работника, в связи с чем часто он приравнивается к перемещению, не требующему письменного согласия работника.

Подтверждающим примером является решение Октябрьского районного суда города Новосибирска от 17.05.2017 № 2-2016/2017 по делу № 2-2016/2017³ по иску И.А. Куборской о признании незаконным приказа о переводе на другую работу и приказа об увольнении. В обоснование исковых требований истица указала, что без своего письменного согласия приказом была переведена с должности генерального директора ООО «Мир рукоделия» на должность менеджера оптовых продаж. Также ею были представлены доказательства нахождения в момент пере-

вода на нижестоящую должность в отпуске по уходу за ребенком, подтверждаемые листом нетрудоспособности, свидетельством о рождении ребенка и приказом о предоставлении отпуска по уходу за ребенком.

Представитель ответчика в суде иски не признала, сославшись на то, что И.А. Куборская, исполняя обязанности генерального директора общества, зная о своем намерении на уход в отпуск по беременности и родам, надлежащим образом не уведомила об этом единственного участника общества. Не осуществила она также и надлежащую передачу своих полномочий на время своего нахождения на больничном. С целью нивелирования негативных последствий для общества полномочия И.А. Куборской как генерального директора были досрочно прекращены, а сама она переведена на должность менеджера оптовых продаж. Разрешая данный спор, судом было указано, что недобросовестность действий работника, на которую ссылается работодатель, неосновательна, а следовательно, досрочное прекращение ее полномочий в должности генерального директора и перевод на нижестоящую должность являются незаконными, в связи с чем суд постановил иски требования И.А. Куборской удовлетворить и восстановить ее в прежней должности.

Также имеют место быть неоднозначные трактовки перемещений на другое место работы, не требующие письменного согласия и рассматриваемые работниками как перевод. В соответствии с этим отмечаются частые случаи обращения в суды о признании незаконными приказов о перемещении, применении мер дисциплинарной ответственности за отказ от перемещения и прогулы и, как следствие, расторжение трудового договора по инициативе работодателя.

Подтверждающими примерами являются представленные ниже материалы судебной практики. Так, определением Судебной коллегии второго кассационного суда общей юрисдикции от 14.04.2022 № 88-8870/2022⁴ на кассационную жалобу М. А. на решение Ленинского районного суда г. Ярославля и Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Ярославского областного суда от 13.12.2021 г. по гражданскому делу № 2-1117/2021 по иску М. А. к директору детской поликлиники № 3 ГБКУЗ ЯО «Центральная городская больница» в требовании о восстановлении на работе, взыскании заработной платы за время вынужденного прогула, а также компенсации морального и материального вреда в размере 100 000 рублей было отказано.

В ходе изучения материалов дела Судебной коллегией было установлено, что 26.04.2021 г. М. А., работавшая в указанном учреждении в должности администратора, была ознакомлена с приказом об увольнении за прогул в течение всего рабочего дня, допущенный ею 20.04.2021 г. Подробно исследовав материалы дела, Судебная коллегия сочла обоснованными решения нижестоящих судов, так как было установлено, что основанием для увольнения М. А. послужил ее отказ от перемещения на другое рабочее место в другое здание поликлиники без изменения трудовой функции, не требующее согласие работника. При этом в суде М. А. не доказала свое нахождение на прежнем рабочем месте в день своего прогула, что повлекло ее увольнение.

Еще одним примером рассматриваемой категории гражданских дел является апелляционное определение Московского городского суда от 22.06.2020 г. № 33-18450/2020 по делу № 2-454/2020⁵ на решение суда первой инстанции по иску Т. Н. о признании незаконным приказа о перемещении на другое место работы и последующем увольнении по причине прогула в течение рабочего дня. В ходе рассмотрения материалов дела судом апелляционной инстанции было установлено, что Т. Н., работавшая в школе учителем математики, приказом директора была перемещена из школьного отделения № 3 в школьное отделение № 1 без изменения трудовой функции, с чем она выразила свое несогласие и, соответственно, в течение всего рабочего дня отсутствовала на новом рабочем месте, за что затем была уволена. Суд первой инстанции, вынося решение об отказе в удовлетворении исковых требований, указал, что у работодателя имелись основания для увольнения работника. В то же время суд апелляционной инстанции не встал на позицию суда первой инстанции в части признания законным приказа об увольнении Т. Н., так как в день прогула она находилась на своем прежнем рабочем месте, а следовательно, отсутствие ее на новом рабочем месте прогулом не является. В связи с этим Т. Н. была восстановлена на работе в прежней должности, с взысканием с учреждения среднего заработка за время вынужденного прогула. При этом в части исковых требований о признании незаконным приказа о перемещении на другое место работы Судебной коллегией решение суда первой инстанции оставлено без изменений ввиду того, что по трудовому договору местом работы являлась школа без указания конкретного номера школьного отделения, а потому перемещение Т. Н. было осуществлено в соответствии с законодательством.

Ошибочными и неправомерными следует признать также действия работодателя в части применения при расторжении трудового договора с работниками за отказ от перевода на другую работу положений

ч. 5 ст. 81 ТК РФ за неоднократное неисполнение трудовых обязанностей без уважительных причин. Между тем неоднократным проступком по трудовому законодательству считается проступок, за который к работнику было применено дисциплинарное взыскание и при совершении им очередного проступка снято не было. Соответственно, в случаях с отказом работника от перевода дисциплинарное взыскание к нему может быть применено только один раз, что исключает признак неоднократности дальнейшего неисполнения приказа. В качестве примера следует привести определение Судебной коллегии по гражданским делам восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 16.03.2021 г. № 88-2009/2021 по кассационной жалобе КГБУ СО «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Росток» на решение Советского районного суда г. Красноярска от 14.08.2020 г. и апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Красноярского краевого суда от 28.10.2020 г. по гражданскому делу № 2-7707/2020⁶, признавшими незаконным приказ об увольнении А. Е. Э. вследствие неоднократного неисполнения работником трудовых обязанностей без уважительных причин: в связи с отказом от перемещения на другое место работы без изменения трудовых функций.

Вынося решение о незаконности приказа об увольнении А. Е. Э. по ч. 5 ст. 81 ТК РФ, суд первой инстанции (решение впоследствии было оставлено без изменений судом апелляционной инстанции) мотивировал это отсутствием признаков неоднократности проступка. Не увидел признаков неоднократности проступка в действиях А. Е. Э. и суд кассационной инстанции, в связи с чем, разрешая спор, счел кассационную жалобу не подлежащей удовлетворению. В части требования о признании незаконным приказа о перемещении А. Е. Э. было отказано в виду того, что данное перемещение не предусматривало изменение трудовых функций, а следовательно, переводом, требующим письменного согласия работника, не являлось.

Частыми также являются случаи оценки работодателями отказа работников от выполнения работы в связи с несоответствием рабочего места требованиям охраны труда как дисциплинарного проступка, влекущего применение мер дисциплинарного взыскания и расторжение трудового договора. При этом стоит отметить, что распространенным в практике рассмотрения дел данной категории является правильная трактовка судами норм ст. 216.1 ТК РФ, в соответствии с чем в большинстве случаев судами решения принимаются в пользу работников. Подтверждающим примером является определение Судебной коллегии по гражданским делам седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.05.2021 г. по делу 8Г-4926/2021 [88-6140/2021]⁷ по иску Мусина Д.Р.

к ООО «Центр промышленного оборудования» на решение Копейского городского суда Челябинской области от 17.06.2020 г. и апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Челябинского областного суда от 10.12.2020 г.

При рассмотрении материалов кассационным судом было установлено, что Мусин Д.Р. обратился в суд с иском к ООО «Центр промышленного оборудования» с требованием признать утратившим силу приказ об увольнении, восстановлении на работе, а также взыскании с работодателя средней заработной платы и компенсации морального вреда в размере 120 000 рублей. В обоснование своих исковых требований Мусин Д.Р. указал, что был уволен за отказ от выполнения работы 20.04.2020 г. по причине невыполнения работодателем профилактических мероприятий по обеспечению санитарно-эпидемиологических условий в связи с распространением коронавирусной инфекции. Также судом было установлено, что 27.04.2020 г. Мусин Д.Р. приказом был уволен на основании п. «а» ч. 6 ст. 81 ТК.

Решением Копейского районного суда, оставленным затем без изменения апелляционным судом, исковые требования Мусина Д.Р. были удовлетворены, а именно: признан незаконным приказ об увольнении, взыскана средняя заработная плата за время вынужденного прогула в размере 36 515 рублей и компенсация морального вреда в размере 10 000 рублей. Разрешая спор, кассационный суд счел кассационную жалобу ответчика не подлежащей удовлетворению, в связи с чем ранее принятые судебные решения оставлены без изменения.

Однако стоит отметить случаи злоупотребления работниками права на применение самозащиты своих трудовых прав в силу несовершенства норм трудового законодательства, выражающегося в отсутствии законодательного закрепления определения самозащиты.

Помимо рассмотренных выше примеров, связанных с требованиями работников о признании незаконными приказов о перемещении на другую работу, приравняемое ими к временному переводу, требующему письменного согласия, примером является кассационное определение Судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 13.09.2011 г. № 33-11720/2011⁸ по кассационным жалобам Ф. Е. и Т. Л. на решение Куйбышевского районного суда Санкт-Петербурга от 07.04.2011 г.

Кассационным судом было установлено, что Ф. Е. и Т. Л. обратились с исковым заявлением в Куйбышевский районный суд Санкт-Петербурга с требованием выплаты средней заработной платы за время вынужденного простоя в размере 44 666 рублей за период с 30.07.2010 г. по 07.04.2011 г. и денежной компенсации в размере 15 000 рублей в пользу каж-

дой. В обоснование заявленных требований к работодателю истицы указали отказ от выполнения работы по причине несоответствия температурного режима на рабочем месте нормативным требованиям и отсутствия системы кондиционирования. Между тем решением суда первой инстанции требования удовлетворены были частично. В частности, в пользу истиц с работодателя была взыскана заработная плата только в размере 3 384,15 рубля за период простоя и компенсация морального вреда в размере 500 рублей в связи с тем, что указанный истицами период неверен по причине устранения неисправности системы кондиционирования 30.07.2010 г. и отсутствуют доказательства уважительной причины их неявки на работу после 30.07.2010 г. В кассационной жалобе истицы просили удовлетворить требования в полном объеме, в чем им было отказано ввиду отсутствия оснований для этого.

Из приведенных выше примеров следует, что спорные моменты вызывают также вопросы, связанные с неправильной трактовкой периода приостановления выполнения работником своих трудовых функций на время осуществления самозащиты в качестве простоя, что приводит на практике к формированию неоднозначных позиций судов относительно оплаты данного периода. В то же время данный подход к приравниванию указанного периода к простоям представляется неверным ввиду того, что согласно нормам ч. 3 ст. 72.2 ТК РФ под простоем понимается временная приостановка работы по причинам экономического, технологического, технического или организационного характера, влекущая приостановку деятельности всей организации, а следовательно, не являющаяся последствием неисполнения работником своих трудовых функций, в том числе при отказе от их выполнения как формы осуществления самозащиты своих трудовых прав. Помимо этого, термин простоя в соответствии с указанной статьей применяется исключительно к временным переводам работников, в связи с чем не распространяется на другие случаи отказа работников от выполнения работы.

Выделенные специфические особенности простоя и времени неисполнения работником трудовых функций в связи с осуществлением самозащиты свидетельствуют о том, что эти две категории не являются тождественными по своему содержанию, а следовательно, рассматривать указанный период времени в качестве простоя неправомерно. Соответственно, в случаях самозащиты трудовых прав работников, за исключением случаев, указанных в ч. 3 ст. 72.2 ТК РФ, при решении вопроса об оплате не могут применяться нормы ч. 1 ст. 157 ТК РФ, предусматривающие оплату в размере не менее 2/3 средней заработной платы, так как это влечет ухудшение материального положения работника.

Спорными в настоящее время являются также и вопросы оплаты труда работников, привлекаемых к выполнению работы сверхурочно или в выходные дни. Здесь можно привести в качестве примера Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации от 14.12.2015 г. № 18-КГ 15-221⁹ по кассационной жалобе ООО «Нестле Кубань» на решение Тимашевского районного суда Краснодарского края от 11.02.2015 г. и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 28.04.2015 г. по коллективным исковым требованиям работников указанного предприятия (124 человека) о взыскании задолженности по плате за сверхурочную работу за период с декабря 2008 г. по 30 июля 2014 г., с учетом фактически отработанного времени, а также компенсации за нарушение срока выплаты данных сумм и компенсации морального вреда.

Согласно решению Тимашевского районного суда Краснодарского края исковые требования работников были удовлетворены. Апелляционным судом решение суда первой инстанции оставлено без изменения. Между тем кассационный суд пришел к выводу, что в данном случае переработка работников сверх установленной по трудовому договору 36-часовой рабочей недели не является сверхурочной работой, а следовательно, положения ст. 152 ТК РФ не могут быть применены, в связи с чем решения нижестоящих судов были отменены и дело направлено на новое рассмотрение.

Примером противоположной позиции суда относительно применения положений ст. 152 ТК РФ при решении вопроса об оплате за сверхурочную работу является определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации от 19.09.2019 г. № 18-КГ19-77¹⁰ по кассационной жалобе Жуковского Г.В. на решение Центрального районного суда г. Сочи Краснодарского края от 05.03.2018 г. и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 26.06.2018 г., которыми было отказано в исковых требованиях о взыскании невыплаченной суммы платы за сверхурочную работу и отмене приказов о привлечении к дисциплинарной ответственности, а также компенсации морального вреда.

Изучив материалы дела, кассационный суд счел неправомерными решения судов нижестоящих инстанций ввиду допущенных нарушений в связи с неправильным толкованием норм материального права. В частности, судом указано на наличие в материалах дела доказательств, подтверждающих работу Жуковского Г.В. сверх установленного трудовым договором времени (копии маршрутных листов и детализация

данных с установленного на автомобиле бортового устройства с именной водительской картой). Разрешая спор, кассационный суд пришел к выводу об удовлетворении исковых требований работника, в связи с чем решения нижестоящих судов были отменены, а дело направлено на новое рассмотрение.

При рассмотрении дел, связанных с осуществлением работником самозащиты своих трудовых прав в форме отказа от выполнения работы в случае задержки заработной платы, также фиксируется неоднозначность и противоречивость позиций судов. Прежде всего, это касается вопроса определения времени выхода работника на работу в случае уведомления работодателем готовности произвести выплату задержанной заработной платы. Бытует мнение, что в указанном случае работник обязан немедленно приступить к работе. В то же время ряд исследователей полагают, что временем, когда работник обязан приступить к работе, является следующий день после погашения работодателем всей суммы задолженности по заработной плате [Чиканова, Нуртдинова: 86]. Соответственно, выплата части задолженности заработной платы не может рассматриваться как основание для возобновления работником своих трудовых функций.

В качестве примера следует привести апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Волгоградского областного суда от 07.04.2014 г. по делу № 33-2632/2014¹¹ по апелляционной жалобе Н. Б. Г. на решение Волжского городского суда Волгоградской области, согласно которому в исковых требованиях о признании незаконным приказа об увольнении, восстановлении на работе и взыскании задолженности по заработной плате было отказано. При рассмотрении дела апелляционным судом было установлено, что истцу было отказано в выплате задолженности по заработной плате ввиду отсутствия в кассе организации денежных средств, в связи с чем им был представлен письменный отказ от выполнения работы. Часть заработной платы была переведена истцу в день подачи письменного уведомления о приостановлении им работы, после чего работник продолжал не выходить на работу. В требовании о выплате в полном объеме задолженности по заработной плате работодателем было отказано, а сам работник был уволен за прогул по п. «а» п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ.

Изучив материалы дела, суд апелляционной инстанции согласился с решением суда первой инстанции об отсутствии оснований для удовлетворения исковых требований работника, сославшись на нарушение работником требований ч. 4 ст. 142 ТК РФ по выполнению своей обязанности выйти на работу на следующий день после выплаты работодателем задолженности по заработной плате. В связи с этим суд

апелляционной инстанции постановил оставить ранее принятое судебное решение без изменения.

Другим примером является определение Судебной коллегии девятого кассационного суда общей юрисдикции от 01.12.2022 № 88-11050/2022, 2-2845/2022¹², согласно которому решения судов первой и апелляционной инстанции признаны правомерными.

Согласно материалам дела, заработная плата работнику выплачивалась дважды в месяц 8-го и 22-го числа каждого месяца. Также судом было установлено, что задолженность по выплате заработной платы образовалась за вторую половину месяца. В связи с этим работником было приостановлено выполнение работы с 13 мая следующего месяца. Между тем суды первой, апелляционной и кассационной инстанции указали на отсутствие оснований для удовлетворения исковых требований, указав на истечение срока 15 дней на момент приостановления работником выполнения трудовых функций.

Несовершенства норм законодательства, регулирующего механизм самозащиты трудовых прав. Проведенный анализ правоприменительной практики позволяет констатировать, что на настоящий момент несовершенство норм ТК РФ приводит не только к возникновению противоречивых позиций судов при рассмотрении дел, связанных с осуществлением работниками самозащиты своих трудовых прав в форме отказа от выполнения работы, но и порождает преимущественно бесправное положение по отношению к работодателю в большинстве случаев их отказа от выполнения трудовых функций [Савин: 65]. Это свидетельствует о низкой эффективности правового механизма самозащиты как способа защиты трудовых прав. В числе основных пробелов норм ТК РФ в сфере регулирования самозащиты трудовых прав работников можно выделить:

– отсутствие законодательного закрепления определения самозащиты, а также отсутствие соотношения форм и способов ее осуществления, затрудняющее механизм ее реализации и процесс его правового регулирования и приводящее к возникновению случаев злоупотребления как со стороны работников, осуществляющих самозащиту своих нарушенных прав, так и со стороны работодателей, рассматривающих отказ от выполнения работы как основание для применения мер дисциплинарного взыскания и расторжения трудового договора;

– отсутствие законодательно закрепленного определения периода приостановления выполнения работником своих трудовых функций на время осуществления самозащиты и приравнивание его к времени простоя, а также отсутствие гарантий обеспечения права работника на самозащиту трудовых прав в части оплаты указанного периода, что снижает возможность реализации им своего права на самозащиту;

– отсутствие законодательно закрепленного определения признака неоднократности неисполнения работником трудовых обязанностей без уважительных причин, влекущее многократное применение к нему мер дисциплинарного взыскания и, как следствие этого, расторжение трудового договора;

– несовершенство положений ст. 101 ТК РФ, выражающееся в отсутствии установления границ допустимого увеличения рабочего времени работникам для выполнения ими своих трудовых функций при ненормированном режиме работы, приводящем к его приравниванию к сверхурочной работе и делающее невозможным применение положений ст. 152 ТК РФ в части оплаты за сверхурочную работу;

– отсутствие положений, закрепляющих определение времени выхода работника на работу в случае задержки заработной платы, приводящее к возникновению неоднозначных позиций и влекущее за собой применение к работнику мер дисциплинарного взыскания за неисполнение трудовых обязанностей в случае его отказа от выполнения работы, являющееся основанием для его последующего увольнения.

Выводы и предложения. С целью повышения эффективности правового механизма самозащиты работниками трудовых прав, а также приведения к единообразию правоприменительной практики предлагается:

– дополнить содержание ст. 352 ТК РФ комментарием, закрепляющим определение самозащиты работниками трудовых прав, изложив его в следующей редакции: «Под самозащитой работником трудовых прав понимается способ защиты нарушенного права, самостоятельно осуществляемый работником, в том числе с возможностью его обращения в компетентные государственные органы, и направленный на осуществление конкретных правовых действий по его восстановлению, устранению препятствий по его реализации, а также возмещению или компенсации причиненного вследствие его нарушения вреда»;

– дополнить содержание ст. 379 ТК РФ новым положением, закрепляющим определение времени отказа работника от выполнения работы на период осуществления самозащиты, изложив его в следующей редакции: «Под временем отказа работника от выполнения работы с целью самозащиты трудовых прав понимается период вынужденного неисполнения им своих трудовых обязанностей вследствие действий работодателя, незаконно лишаящих его возможности трудиться»;

– изменить содержание ст. 234 ТК РФ, дополнив его положением, гарантирующим обеспечение права работника на осуществление самозащиты своих трудовых прав в части оплаты времени его отказа от выполнения работы, изложив в следующей редакции:

«Работодатель обязан возместить работнику неполученный им заработок во всех случаях незаконного лишения его возможности трудиться. Такая обязанность, в частности, наступает, если заработок не получен в результате: незаконного отстранения работника от работы, его увольнения или перевода на другую работу; отказа работодателя от исполнения или несвоевременного исполнения решения органа по рассмотрению трудовых споров или государственного правового инспектора труда о восстановлении работника на прежней работе; задержки работодателем выдачи работнику трудовой книжки, предоставления сведений о трудовой деятельности, внесения в трудовую книжку, в сведения о трудовой деятельности, неправильной или не соответствующей законодательству формулировки причины увольнения работника; отказа работника от выполнения работы в целях самозащиты трудовых прав»;

– изменить содержание ст. 192 ТК РФ, дополнив его положением, исключающим многократное применение мер дисциплинарного взыскания к работнику в случае его отказа от выполнения работы с целью осуществления самозащиты своих трудовых прав, изложив его в следующей редакции: «В случаях отказа работника от выполнения работы в целях осуществления самозащиты своих трудовых прав дисциплинарное взыскание к нему может быть применено однократно»;

– изменить содержание ст. 99 ТК РФ, изложив его в следующей редакции: «Сверхурочная работа – работа, выполняемая работником по инициативе работодателя за пределами установленной для работников продолжительности рабочего времени, за исключением установленного коллективным договором, соглашениями или локальным нормативным актом перечня работников с ненормированным рабочим днем: ежедневной работы (смены), а при суммированном учете рабочего времени – сверх нормального числа рабочих часов за учетный период»;

– изменить содержание ст. 142 ТК РФ, дополнив положение в части определения времени выхода работника на работу в случае задержки заработной платы, изложив его в следующей редакции: «Работник, отсутствовавший в свое рабочее время на рабочем месте в период приостановления работы, обязан выйти на работу не позднее следующего рабочего дня после выплаты в полном объеме задержанной заработной платы».

Представляется, что практическая реализация разработанных предложений по совершенствованию норм ТК РФ позволит устранить выявленные пробелы в действующем законодательстве, а также повысить эффективность правового механизма самозащиты и обеспечить единообразный подход в сфере его правового регулирования.

Примечания

¹ Конституция Российской Федерации (принята Всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.): (с учетом поправок, внесенных ФЗ РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФЗ, от 05.02.2014 № 2-ФЗ, от 08.12.2020 г. № 429-ФЗ, от 04.10.2022 г. №№ 5,6,7,8-ФЗ) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307 (дата обращения: 28.10.2019).

² Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 дек. 2001 г.: (в ред. от 10 июля 2023 г. № 319-ФЗ) // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <http://base.garant.ru/12125267/> (дата обращения: 09.02.2023).

³ Решение Октябрьского районного суда города Новосибирска от 17.05.2017 № 2-2016/2017 по делу № 2-2016/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ObZhmNZ2PrWC/?ysclid=lelfvm03ld752543991> (дата обращения: 09.02.2023).

⁴ Определение Судебной коллегии второго кассационного суда общей юрисдикции от 14.04.2022 № 88-8870/2022. URL: https://www.audar-info.ru/na/article/view/type_id/14/doc_id/81796/?ysclid=ldybszfqwv136574961 (дата обращения: 09.02.2023).

⁵ Определение Московского городского суда от 22.06.2020 г. № 33-18450/2020 по делу № 2-454/2020. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=1911629&ysclid=ldyd9anziy296577405#ILnCSVT3svAPjix7> (дата обращения: 09.02.2023).

⁶ Определение Судебной коллегии по гражданским делам восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 16.03.2021 г. № 88-2009/2021. URL: https://www.audar-info.ru/na/article/view/type_id/14/doc_id/81797/?ysclid=ldydrjptk2686432760 (дата обращения: 09.02.2023).

⁷ Определение Судебной коллегии по гражданским делам седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.05.2021 г. по делу 8Г-4926/2021 [88-6140/2021]. URL: <https://www.profiz.ru/upl> (дата обращения: 13.02.2023).

⁸ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 13.09.2011 г. № 33-11720/2011. URL: <https://ppt.ru/newstext.phtml?id=59255&ysclid=le2mlcuhlu962204560> (дата обращения: 13.02.2023).

⁹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации от 14.12.2015 г. № 18-КГ 15-221. URL: <https://www.zakonrf.info/suddoc/56f414a16bf7e7efa85541a1c2341a3b/?ysclid=le2qs8dt6b37809794> (дата обращения: 13.02.2023).

¹⁰ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.09.2019 г. № 18-КГ19-77. URL: <https://>

www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=1806430&ysclid=le2w21dl16687502259 (дата обращения: 13.02.2023).

¹¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Волгоградского областного суда от 07.04.2014 г. по делу № 33-2632/2014. URL: https://www.audar-info.ru/na/article/view/type_id/14/doc_id/25758/?ysclid=le2x51qzx272209564 (дата обращения: 13.02.2023).

¹² Определение Судебной коллегии девятого кассационного суда общей юрисдикции от 01.12.2022 № 88-11050/2022, 2-2845/2022. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ009&n=44776&ysclid=le2xti2or1545598230#J0YukVTqSEP0lcnj> (дата обращения: 13.02.2023).

Список литературы

Савин В.Т. Проблемы оплаты времени невыполнения работы в случае самозащиты работником трудовых прав // Проблемы в Российском законодательстве. 2015. № 3. С. 84–89.

Чиканова Л., Нуртдинова А. Трудовые право работников: проблемы реализации и злоупотре-

бления правами // Хозяйство и право. 2017. № 10. С. 61–82.

References

Chikanova L., Nurtidinova A. *Trudovye pravo rabotnikov: problemy realizacii i zloupotrebleniya pravami* [Labor rights of workers: problems of implementation and abuse of rights]. *Hozjajstvo i pravo* [Economy and law], 2017, No. 10, pp. 61-82. (In Russ.)

Savin V.T. *Problemy oplaty vremeni nevypolnenija raboty v sluchae samozashhity rabotnikom trudovyh prav* [Problems of payment for non-fulfillment of work in case of self-defense of labor rights by an employee]. *Problemy v Rossijskom zakonodatel'stve* [Problems in Russian legislation], 2015, No. 3. pp. 84-89. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.06.2023; одобрена после рецензирования 03.07.2023; принята к публикации 25.07.2023.

The article was submitted 02.06.2023; approved after reviewing 03.07.2023; accepted for publication 25.07.2023.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Направляемый в редакцию материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других изданиях. Статьи, оформленные не по требованиям, не принимаются к рассмотрению!

Все материалы следует представлять в редакцию по электронной почте:

e-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Научные статьи принимаются в редакцию в течение всего года, публикуются в порядке живой очереди по мере наполнения портфеля редакции. Особые случаи с очередностью публикации статей решаются главным редактором.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word**. Статью в редакцию необходимо прислать в форматах: *.doc, *.docx, *.rtf. Обязательно прикладывается файл статьи в формате *.pdf. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович).

Все статьи проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее **80%**.

Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

Минимальный объем текста статьи с – **не менее 10 000 знаков**. Максимальный объем текста не должен превышать **30 000 знаков (не более 16 страниц)**, включая все сведения об авторе, аннотацию и список литературы с references. Ограничения не распространяются на научные публикации, объем которых, превышающий требования, мотивирован логикой доказательств и количественными показателями публикуемых источников.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК

© **Инициалы и фамилия, 2019**

Аффилиация(и) автора: организация, где проводилось исследование,
г. Город, Страна

Название (жирным шрифтом, строчные буквы)

*Информация о финансировании (ссылки на гранты и пр.)
указывается после названия статьи курсивом*

Аннотация: 150–200 слов.

Аннотация к научной статье представляет собой краткую характеристику текста с точки зрения его назначения, содержания, вида, формы и других особенностей. Она передает главную, ключевую идею текста до ознакомления с его полным содержанием. Научная аннотация условно делится на три части:

- 1. Презентация вопроса или проблемы, которым посвящена статья.*
- 2. Описание хода исследования.*
- 3. Выводы: итоги, которых удалось достичь в результате проведенного исследования.*

В аннотации не допускается привлечение дополнительной информации (биографические данные, историческая справка, отступления, рассуждения и т.д.). В тексте аннотации не должны использоваться очень сложные предложения, изложение строится в научном стиле.

Ключевые слова: 7–10 слов, разделенных запятой.

Информация об авторе: Фамилия Имя Отчество, ORCID автора, ученая степень, ученое звание, место работы полностью: название организации, улица, дом, индекс, город, страна.

E-mail:

Дата поступления статьи: указывается дата отправки статьи в формате: 08.08.2008.

Дата приема статьи к публикации: заполняется в редакции.

Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. XX–XX (страницы будут указаны в редакции). DOI:

Далее вся информация должна быть представлена на английском языке:

© Vladimir A. Smirnov, 2019.

Affiliation(s), Moscow, Russia

Name of the article

Information about financing (links to grants, etc.) is indicated after the title of the article in italics

Abstract: 150–200 word.

Keywords: 7–10 word, separated by a comma.

Information about the author:

E-mail:

Article received: August 08, 2019.

Published:

For citation: Smirnov V.A. Name of the article. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. XX–XX (In Russ.). DOI:

Текст статьи¹ Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи
Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи
статьи Текст статьи... [Анненков: 467].

Примечания (следуют после текста статьи)

¹ К сожалению, современное переиздание перевода Перцова книги Тэна лишено того изобилия фотоснимков и иллюстраций, которыми было богато снабжено его первое издание 1913, 1916 гг.

² О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642. URL: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (дата обращения: 11.04.2019).

³ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. 2. Д. 253.

Список литературы

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

References

Annenkov P.V. *Zamechatel'noe desiatiletie. 1838–1848. Iz literaturnykh vospominanii* [A wonderful decade. 1838–1848. From literary memories]. *Vestnik Evropy*, 1880, vol. 2, № 4, pp. 457–506. (In Russ.)

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ПРИМЕЧАНИЙ, БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК, СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ И REFERENCES

Примечания

В статье допустимы примечания, которые приводятся после текста, нумеруются арабскими цифрами (в виде верхних индексов) и представляют собой разъяснения, указания на переводы и пр.

Просьба не путать примечания со списком литературы!

Архивные материалы и законодательные материалы также оформляются в виде примечаний.

Архивные материалы:

Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 198. Оп. 7. Д. 68. Л. 22.

Законодательные материалы:

Об организации страхового дела в Российской Федерации: Федеральный закон от 27 нояб. 1992 г: (в ред. от 21 июля 2005 г. № 104-ФЗ) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307 (дата обращения: 28.10.2019).

Библиографические ссылки

Ссылки в тексте статьи оформляются *квадратными скобками* с указанием фамилии автора и страниц. После фамилии автора ставится знак «:» (двоеточие), а далее номер страницы [Коровин: 187].

Книга или статья одного автора: [Лебедев: 28], двух и трех авторов: [Шмидт, Князьков: 52]. Если в книге четыре, пять и более авторов, то она описывается под заглавием [Методика: 34].

Для многотомных изданий и изданий из нескольких выпусков указывается номер тома или выпуска: [Толстой, 12: 415]; [СРНГ, 44: 170].

Для описания книги под заглавием в тексте приводится первое слово или словосочетание (если первое слово определение) названия книги: [Необъявленная война: 102].

В том случае, если в списке литературы есть несколько авторов с одной фамилией, в квадратных скобках необходимо указать фамилию и инициалы автора [Мережковский Д.С. 1990, 3: 256].

Если в списке литературы приводятся две и более публикации одного автора, после фамилии автора указывается год издания, а уже далее страницы [Коровин 2019: 187].

Несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, оформляются добавлением буквенной аббревиатуры к году: [Андреева 2019а: 10]. В этом случае необходимо сделать соответствующее указание в списке литературы: *Андреева В.Г.* Личные интересы героев и мотив ожидания в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019а. № 1 (178). С. 8–12.

Список литературы

После статьи следует список литературы. Он должен быть представлен *в алфавитном порядке*.

Сначала приводятся все русскоязычные источники в алфавитном порядке, после – все источники на иностранных языках.

Фамилия и инициалы автора в списке литературы выделяются *курсивом*.

Между фамилией и инициалами на протяжении всей статьи, в том числе в списке литературы, ставится неразрывный пробел (инициалы при этом пробелом не разделяются). К примеру: Смирнов (**н.п.**) В.А.

Книга одного автора

Хазова С.А. Ментальные ресурсы субъекта: феноменология и динамика. Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. 386 с.

Книга двух и трех авторов

Если в книге два или три автора, то указывают всех.

Божиллов И., Тотоманова А., Билярски И. Бориллов синодик. София: Паблицинг компани, 2010. 386 с.

Книга четырех или более авторов

Если у издания четыре, пять и более авторов, то оно описывается под заглавием, за косой чертой указывают фамилии первых трех авторов с добавлением «и др.»

Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студентов / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева и др.; под ред. Е.С. Полат. М.: Академия, 2002. 272 с.

Книга, описанная под заглавием

Жизнь и приключения Максима Горького / сост. И. Груздев. М.; Л.: ГИЗ, 1926. 164 с.

Многотомное издание

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худ. лит, 1928–1958.

Один том из многотомного издания

Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12. 596 с.

Статьи из сборников

Панкратова Т.М. Образ семьи как механизм ее успешного функционирования // Психологическое благополучие современной семьи. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. С. 119–122.

Королева Е.М., Крюкова Т.Л. Роль диадического копинга в супружеских отношениях // Семья, брак и родительство в современной России; под ред. А.В. Махнач, К.Б. Зуева. М.: Институт психологии РАН, 2015. Вып. 2. С. 105–113.

Статьи из журналов

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. 1993. 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 336–337.

Диссертации и авторефераты диссертаций

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Иностранные источники

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's *There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia*. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

Материалы из сети Интернет

Симонова И.А. Ф.В. Чижов и А.А. Иванов. URL: http://ruskline.ru/analitika/2008/03/12/f_v_chizhov_i_a_a_ivanov (дата обращения: 20.06.2019).

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре XVI–XVIII вв. // Образовательный портал «Слово». Филология. [Б. г.]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Список литературы должен содержать не менее 10 источников по теме исследования, желательно присутствие в нем источников на иностранных языках.

Редакция рекомендует включение в список литературы новых научных исследований (за последние пять лет). Все художественные тексты, воспоминания и пр. также включаются в список литературы.

References

После списка литературы на русском языке в статье должен быть представлен транслитерированный список литературы: References.

Транслитерируются только источники, написанные кириллицей; французские, немецкие, итальянские, польские и пр. источники не переводятся, а остаются в references неизменными.

Для выполнения транслитерации необходимо использовать специальную программу.

✓ Зайти на сайт <https://translit.ru> и выбрать в верхнем правом разделе в появляющемся списке под ▼ позицию LC. Вставить в специальное поле весь текст библиографии на русском языке и нажать кнопку «В транслит».

✓ Затем копировать транслитерированный текст в готовящийся список References.

✓ Далее необходимо отредактировать полученное и добавить переводы на английский язык:

– перевести на английский язык название статьи, книги, журнала и др. и вставить его в квадратных скобках [] после соответствующих названий;

– заменить знак «//» на точку;

– заменить знак «/» на запятую;

– перевести на английский язык место издания (например, было М. – после редактирования: Moscow);

– заменить знак «:» (двоеточие) после названия места издания на запятую;

– после транслитерации названия издательства добавить Publ.;

– при необходимости исправить обозначение страниц: вместо 235 с. – 235 p., вместо S. 45–47 – pp. 45–47;

– курсивом выделить название источника и название журнала;

– в конце транслитерированной библиографической ссылки необходимо добавить указание на оригинальный язык статьи (In Russ.)

Примеры транслитерации источников

Проскурина В.Ю. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: НЛО, 2006. 332 с
Proskurina V.Iu. *Mify imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* [The myths of the empire. Literature and power in the era of Catherine II]. Moscow, NLO Publ., 2006, 332 p. (In Russ.)

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Прогресс, Универс, 1994. 2030 стб. (Репринт. изд. 1903–1909 гг.)

Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka*: v 4 t. [Dictionary of the living Russian language: in 4 vols.], ed. by I.A. Boduena de Kurtene. Moscow, Progress Publ., Univers Publ., 1994, 2030 col. (In Russ.)

Морозов И.Л. «Горестная профанация» (Неопубликованные письма П.В. Анненкова о революции 1848 г. в Париже) // Исторический сборник, 1935, № 4. С. 223–258.

Morozov I.L. “*Gorestnaja profanacija*” (*Neopublikovannye pis'ma P.V. Annenkova o revoljucii 1848 g. v Parizhe*) [“Woeful profanation” (unpublished letters of P.V. Annenkov about the 1848 revolution in Paris)]. *Istoričeskij sbornik* [Historical collection], 1935, № 4, pp. 223–258. (In Russ.)

Непомнящий В.С. Пушкин в свете очевидностей // Новый мир. 1998. № 6. С. 190–216.

Непомнящий В.С. *Pushkin v svete očevidnosti* [Pushkin in the light of evident facts]. *Novyi mir*, 1998, № 6, pp. 190–216. (In Russ.)

Методика воспитательной работы / Л.А. Байбородова, Л.К. Гребенкина, О.В. Еремкина и др.; под ред. В.А. Слостенина. М.: Академия, 2002. 144 с.

Metodika vospitatel'noi raboty [Methodology of educational work], L.A. Baiborodova, L.K. Grebenkina, O.V. Ermkina and etc., ed. by V.A. Slastenin. Moscow, Akademia Publ., 2002, 144 p. (In Russ.)

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Andreeva V.G. *Natsional'noe svoeobrazie russkogo romana vtoroi poloviny XIX veka*: dis. ... dokt. filol. nauk [National identity of the Russian novel of the second half of the XIX century: DSc thesis]. Moscow, 2017, 497 p. (In Russ.)

Шеметова Т.Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2011. 47 с.

Shemetova T.G. *Biograficheskiy mifo Pushkine v russkoi literature sovetskogo i postsovetskogo periodov*: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [Biographical myth of Pushkin in Russian literature of the Soviet and post-Soviet periods: DSc thesis, summary]. Moscow, 2011, 47 p. (In Russ.)

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре // Образовательный портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Ranchin A.M. *Teoriya «Moskva – Tretij Rim» i ee mesto v russkoj kul'ture* [The theory “Moscow – Third Rome” and its place in Russian culture]. *Obrazovatel'nyj portal «Slovo»*. *Filologiya* [Educational portal “Word”]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (access date: 27.08.2017). (In Russ.)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).
2. В указании дат используются сокращения типа г., гг., в., вв. (полностью слова «год», «годы» не пишутся). *Эти сокращения отделяются от даты неразрывным пробелом!*
3. Кавычки в тексте – елочки « », если появляются кавычки внутри кавычек, то используются лапки “ ”.
4. При первом упоминании автора в тексте приводятся инициалы, далее представляется только фамилия. *Инициалы с фамилией разделяются неразрывным пробелом.*
5. В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например: (рис. 2).
Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).
6. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например: (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование меньшего кегля, чем основной, но не менее 10.)
7. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.
8. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), при перечислении каждая из десятичных дробей отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2023 – Т. 29 – № 3

Учредитель и издатель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственный университет»

Главный редактор

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Реестровая запись: ПИ № ФС 77-75265 от 07.03.2019 г.

Подписано в печать 12.12.2023.
Дата выхода в свет 21.12.2023.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 35,8.
Уч.-изд. 37,2 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 203.

Подписной индекс: **18902**

Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, Костромская обл., г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22.**
Адрес электронной почты: **vestnik@ksu.edu.ru**
Сайт журнала: **<https://vestnik.ksu.edu.ru>**

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна